Содержание

Предисловие 17

Введение 21
I. Некоторые вопросы исторической диалектологии 21
1. Современные говоры — один из двух важнейших источников для истории русского языка 21
2. Некоторые общие принципы интерпретации изоглосс 24
3. Каким мог бы быть историко-диалектологический атлас 28
4. Диалектный материал и некоторые задачи исследования 30
II. Русские диалекты и языковая политика 32
1. Отношение к диалектам в XIX — начале XX в. 32
2. Изменение отношения к диалектам с 1930-х гг. 34
3. Диалекты — богатство русского языка 39
4. Необходимость нового отношения к диалектам 40

***Глава* 1. Московская фонологическая школа и некоторые проблемы исторической фонетики**

Московская фонологическая школа и ее терминология, связанная с учением о фонеме 45
1. Краткая характеристика МФШ. 45
2. Некоторые понятия и термины МФШ, определяемые неоднозначно 49
2.1. фонема 49
2.2. вариант фонемы. 50
2.3. слабая фонема 51
2.4. гиперфонема 52
2.5. уточнение терминов 54

3. Фонологические позиции 57
4. Позиционные чередования 60

Поведение гиперфонемы при фонетических изменениях 66
1. Сохранение звука в отдельных морфах при отходе от нейтрализации 66
2. Изменение звука при отсутствии поддержки в других позициях 68
3. Гиперизмы 68
4. Ошибки при письме 68

Об условиях фонетических ассимилятивных изменений 69
1. Результат ассимиляции как процесса — чередование звуков и фонем . . . 69
2. Ассимиляция по признакам релевантным и нерелевантным для фонетической системы 70
3. Ассимиляция на фонетическом и на фонематическом уровне 70
4. Ассимиляция по глухости/звонкости и твердости/мягкости в русском языке 73
5. Ассимиляция как свидетельство изменений, происшедших в языке 77
6. Условия ассимиляции 78

О фонологическом содержании звука [j] в некоторых русских говорах 79
1. ДП системы фонем, отдельных фонем и архифонем 79
2. Разное фонологическое содержание одних и тех же звуков языка в разных позициях 80
[3.] Фонологическое содержание звука [j]
3.1. в русском литературном языке 80
3.2. в русских говорах 80
3.2.1. знающих корреляцию ⟨γ⟩ : ⟨j⟩ 80
3.2.2. знающих корреляцию ⟨в'⟩ : ⟨j⟩ 82
3.2.3. при неразличении ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ во всех позициях 83

Латентный период в истории фонемы 86
1. Перенос звука или его признака по аналогии 86
1.1. Произношение [к', г', х'] после этимологических твердых согласных в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных 86
1.2. Изменение парадигмы *л'áгу — л'éг'еш*, *с'áду — с'éд'еш* в *л'éгу — л'éг'еш*, *с'éду — с'éд'еш* 87
2. Смена позиции не вызывает замены позиционно обусловленного звука 88
2.1. Утрата мягкости согласным и сохранение следующих [к', г', х'] в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных 88
2.2. Изменение [к'е] > [к'о], [г'е] > [г'о] в глаголах типа *печь*, *беречь* 89
2.3. Совпадение ⟨ω⟩ с ⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩ с ⟨е⟩ и сохранение различения [а] и [е (и)] перед этими фонемами в говорах с диссимилятивным яканьем 92

2.4. Падение редуцированных гласных и сохранение различения твердых и мягких согласных на конце слова и перед согласными 92
3. Перестройка фонемного состава слова и звуковые изменения 93
4. Фонематические изменения под влиянием письма. 95
5. Этапы фонетических и фонематических изменений 95
6. Критерии для выявления скрытых фонологических закономерностей . . 96
6.1. Заимствованные слова 96
6.2. Неологизмы 99
6.3. Логотомы 100

Парадокс П. С. Кузнецова — М. В. Панова. Фонема или морфонема? 101
[1.] Фонологическое решение одного фонетического явления, предложенное П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым
1.1. Чередование типа [л'ет]*о* — *в* [л'ит']*е* (при [л'ип]*а* — [л'ип']*е*, *к*[р'ес]*т* — *к*[р'ес']*тик*) в севернорусских говорах 101
1.2. Интерпретация этого чередования П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым как реализации фонемы ⟨Ѣ⟩ 102
2. Другие типы чередований, рассмотренные по методу П. С. Кузнецова и М. В. Панова 103
2.1. В русском литературном языке [с'о́л]*а* — [с'е́л']*ский* (при [д'е́л]*о* — *в* [д'е́л']*е*, *к*[л'он] — *на к*[л'о́н']*е*) 103
2.2. В русском литературном языке *ло*[ша́]*дка* — *ло*[шы^{ъ}]*дёй* (при [ша]*г* — [ша^{ъ}]*ги́*) 104
2.3. В украинском языке *вози* — *вiз*, *печі* — *пiч* (при *ворога* — *ворог*, *меду* — *мед)* 105
3. Пути возникновения подобных чередований 105
3.1. Результат конвергенции фонем. 105
3.2. Результат возникновения различения фонем в позиции, где они не различались 106
3.2.1. ⟨е⟩ и ⟨о⟩ в позиции С'ГС' 106
3.2.2. ⟨С⟩ и ⟨С'⟩ в позиции перед ⟨е⟩ 106
4. Анализ решения, предложенного П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым . . 108
5. Своеобразие единицы, выделенной П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым. 109

Гиперкоррекция как причина фонетических изменений и разновидности фонетических гиперизмов в русских говорах 115
1. Возникновение гиперкоррекции в результате стремления говорящих усвоить закономерности другого языка или диалекта. 115
1.1. Гиперизмы, связанные с различием между системой А воспринимающей и системой Б воспринимаемой. 115
1.1.1. Две фонемы системы Б соответствуют одной фонеме системы А 115
1.1.1.1. при цоканье 116

1.1.1.2. при соканье 119
1.1.1.3. при неразличении ⟨к'⟩ и ⟨т'⟩, ⟨г'⟩ и ⟨д'⟩ 119
1.1.2. Фонеме и сочетанию фонем системы Б соответствует сочетание фонем в системе А: ⟨ф⟩, ⟨хв⟩—⟨хв⟩ 120
1.1.3. Несовпадение сильных и слабых позиций в системах А и Б 122
1.1.3.1. Неразличение ⟨в⟩ и ⟨х⟩ на конце слова 122
1.1.3.2. Неразличение ⟨д, д'⟩ и ⟨н, н'⟩ перед ⟨н, н'⟩ 124
1.1.3.3. Неразличение ⟨м⟩ и ⟨в⟩ перед ⟨н, н'⟩ 124
1.1.3.4. Неразличение ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ 125
1.1.4. Различия в наборах ДП 125
1.2. Различия в сферах употребления фонем 126
1.2.1. ⟨е⟩ и ⟨о⟩ 126
1.2.2. ⟨ч⟩ и ⟨ш⟩ перед ⟨н, н'⟩ 127
1.2.3. ⟨С⟩ и ⟨С'⟩ перед ⟨е⟩ 128
2. Возникновение гиперкоррекции в результате стремления говорящих усилить различия между своим диалектом и воздействующим 128
3. Лексикализация и морфологизация гиперизмов, возникновение новых фонетических закономерностей 128
4. Анализ гиперизмов как метод реконструкции 129

Одна из тенденций развития фонетики русского языка 131
0. Переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной 131
1. Различение меньшего числа звукотипов в одном и том же артикуляционном пространстве требует меньшего напряжения органов речи 132
1.1. Уменьшение количества гласных 132
1.2. Замена оканья аканьем 132
1.3. Замена палатальных согласных палатализованными 133
1.4. Оглушение звонких на конце слова 134
1.5. Ассимиляция согласных 134
2. Переход от звука с более сложной артикуляцией к звуку с более простой артикуляцией 135
2.1. Монофтонгизация дифтонгов 135
2.2. Утрата смычного согласного в окружении щелевых 135
3. Изменение артикуляции звука в сторону приближения к нейтральному положению органов речи 135
3.1. Возникновение аканья 135
3.2. Замена апикальных согласных дорсальными 136
4. Замена долгих согласных краткими 137
4.1. Утрата долготы напряженными согласными при переходе от корреляции согласных по напряженности/ненапряженности к корреляции по глухости/звонкости 137

4.2. Отвердение мягких согласных 138
5. Ослабление степени напряженности артикуляционной базы как процесс снятия вновь возникающих напряжений 138

Глава 2. Особенности формирования категории твердости/мягкости согласных

Отсутствие или недавнее возникновение категории твердости/мягкости согласных в некоторых вологодских говорах 143
I. Эпоха силлабем в древнерусском языке и противопоставление твердых/мягких согласных в современном русском литературном языке и в русских говорах 143
II. Говор деревень Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области 145
[1.] Отсутствие различения твердых и мягких согласных
1.1. на конце слова 147
1.2. перед согласными 148
1.3. звуки на месте *л*, *л'* в этих позициях 149
2. Согласные перед гласными 150
3. Различение «передних» и «непередних» гласных фонем 153
III. Говор деревень Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области 154
[1.] Отсутствие различения твердых и мягких согласных
1.1. на конце слова 155
1.2. перед согласными 155
1.3. звуки на месте *л*, *л'* в этих позициях 156
2. Согласные перед гласными 157
3. Прогрессивное воздействие гласных на согласные 164
4. Различение «передних» и «непередних» гласных фонем 164
5. Начало формирования категории «твердости/мягкости» согласных 165
IV. Гипотезы о возникновении диалектных систем с отсутствием корреляции согласных по твердости/мягкости 167

К истории ⟨л⟩ в русском языке 171
1. Соответствие позиционно чередующихся звуков [l ‖ л'] фонеме ⟨л⟩, а звуков [ў, w, в ‖ w', в'] фонеме ⟨в⟩ в кожуховском и слободском говорах 171
2. Возникновение и трансформация этой системы 175
[3.] Качество твердого согласного, воплощавшего ⟨л⟩
3.1. По мнению ряда лингвистов [l] возник из [л]. 178
[3.2.] Доказательства большей древности [l] по сравнению с [л]

3.2.1. Отсутствие лабиализации у звуков [ў, ǫ], воплощающих ⟨л⟩ . . 181
3.2.2. Веляризованность твердых согласных — следствие возникновения корреляции согласных по твердости/мягкости 183
3.2.3. Замена апикальной и какуминальной артикуляции согласных на дорсальную — следствие возникновения корреляции по твердости/мягкости 184
3.2.4. Вставной [е] — свидетельство древней невеляризованности предшествующего согласного 186
4. Причины возникновения палатализации [л'] и других согласных. 188
5. Причина изменения [l] > [ў] 189
6. Причина несовпадения ⟨л⟩ и ⟨в⟩ перед гласными 190

История твердости/мягкости заднеязычных согласных 192
I. Переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] в русском языке 192
1. Причины перехода с точки зрения А. А. Шахматова, Р. О. Якобсона, Р. И. Аванесова 192
2. Новое объяснение. 194
3. Отсутствие этого перехода в севернорусских говорах 196
II. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных 198
1. Причины возникновения этого явления и своеобразие его проявлений в русских говорах 198
1.1. Причина отсутствия прогрессивного смягчения [ɣ] в южнорусских говорах — фонологическая твердость этого звука в связи с противопоставлением по «твердости/мягкости» фонем ⟨ɣ⟩—⟨j⟩ 199
1.2. Объяснение отсутствия смягчения [ɣ] в южнорусских говорах С. В. Бромлей 201
1.3. Критика гипотезы С. В. Бромлей 202
2. Особенности в реализации прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в вологодских говорах и пути возникновения там этого явления 207

Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости 211
1. Древнерусский процесс СС' > С'С' и современный процесс С'С' > СС' . . 211
2. Губные перед мягкими согласными 214
3. Зубные перед мягкими губными 216
4. Зубные перед мягкими зубными 218
5. Зубные перед ⟨j⟩ 220
6. ⟨р⟩—⟨р'⟩ перед мягкими зубными. 221
7. ⟨н⟩—⟨н'⟩ перед [ч', ш'] 221
8. Губные перед мягкими заднеязычными. 221
9. Согласные перед [р'] 223

10. Заднеязычные перед мягкими заднеязычными 223
11. Фонологическое содержание первого согласного в сочетании С'С' > СС' 223
12. Фонологическая оценка чередования твердых и мягких согласных. 224

***Глава* 3. Особенности формирования категории глухости/звонкости согласных**

Противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности в севернорусских говорах 227
1. Соотношение глухости/звонкости и напряженности/ненапряженности согласных в русском литературном языке и в других языках. 227
2. Напряженность/ненапряженность согласных в архангельских говорах . . 228
[2.1.] Длительность интервокальных согласных
2.1.1. щелевых. 228
2.1.2. придыхательность глухих взрывных 229
2.2. Длительность согласных перед согласными 233
2.2.1. в литературном языке. 234
2.2.2. в белощельском говоре 234
2.3. Прогрессивное оглушение сонантов, [в, в'] и гласных. 237
2.4. Придыхательные, имплозивные, долгие согласные на конце слова . . 239
2.5. Спирантизация звонких взрывных согласных. 239
2.6. Мена глухих и звонких согласных, полузвонкие согласные 240
3. Эти черты свойственны разным севернорусским говорам 240
4. Особенности фонологической системы этих говоров 242
5. Гипотезы о происхождении в севернорусских говорах рассмотренных диалектных черт 244

Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности 246
1. Параметры, реализующие дифференциальные признаки глухость/звонкость и напряженность/ненапряженность 246
2. Реализация долготы смычного согласного перед согласным 247
2.1. глухие взрывные перед смычными 247
2.2. глухие взрывные перед щелевыми 251
3. Реализация напряженности щелевых согласных перед согласными 252
4. Изменение начальных сочетаний согласных в слове 253
5. Утрата второго согласного консонантных сочетаний 256
6. Прогрессивная ассимиляция согласных. 257
7. Смягчение согласных в праславянском языке. 258
8. Закон открытого слога в праславянском языке как результат замены противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности на противопоставление по глухости/звонкости. 263

Некоторые особенности консонантизма говоров Гдовского района Псковской области 265
1. Материал исследования 265
2. Севернорусские фонетические черты гдовских говоров, выявленные диалектологами 265
3. Признаки прежнего противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности 266
4. Этапы перехода от противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности к противопоставлению по глухости/звонкости 273

Сонанты и шумные согласные 275
1. Характеристика оглушенных сонантов в лингвистических работах 275
2. Инструментальное исследование сонантов и шумных согласных 276
[3.] Приложение результатов исследования к фактам языка
3.1. Выпадение глухих сонантов 280
3.2. Слогораздел 280

Глава 4. Фонетические процессы в области переднеязычых согласных

Фонетический гиперизм смоленских и тверских говоров — [с'т'] на месте [с'с'] 285
1. Произношение [с'т'] на месте [с'с'] 285
2. Гипотезы о происхождении этого явления 286
3. Изменение [с'т'] > [с'с'] 286
3.1. [с'с'] на месте [с'т'] в современных говорах 286
3.2. Причина изменения [с'т'] > [с'с'] в цеканье — произношении [т'͡с'] в соответствии с ⟨т'⟩ 288
3.3. Цеканье в смоленских и тверских говорах 289
3.4. Утрата взрывного согласного в окружении щелевых согласных в смоленских и тверских говорах 291
3.4.1. [ш'т'͡ш'] > [ш'ш'], [ж'д'͡ж'] > [ж'ж'] 291
3.4.2. Изменение [с'т'͡с'], воплощавшего ⟨сц⟩, в [с'с'] 293
4. Устранение цеканья под воздействием нецекающих говоров и возникновение гиперкорректного [с'т'] на месте [с'с'] 294
[5.] Некоторые смежные вопросы
5.1. Цеканье и дзеканье белорусского и русского типа 295
5.2. [з'з'] из [з'д'͡з'] при дзеканье 297

Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах 298
1. Современная и первоначальная территория этого явления 298
2. Время возникновения этого явления 302

3. Причины возникновения этого явления 304

К истории сочетания *чьн* и шепелявенья в русском языке (⟨с'н'⟩ на месте *чьн* и смежные фонетические явления в одном архангельском говоре) 311
[1.] Историки русского языка и диалектологи об изменении *чн* > *шн* и *цн* > *сн* 311
1.1. *чн* > *шн* 311
1.2. *цн* > *сн* 314
2. Говор двух архангельских деревень 315
2.1. Звуки на месте *ч* перед *н* 315
2.2. Звуки на месте *ч* и *ц* 316
[2.3.] Шепелявенье
2.3.1. Фонетическая сущность шепелявенья 317
2.3.2. Трансформация шепелявенья в русском языке 323
2.4. Прогрессивное смягчение *н* в сочетании [с''н'] (< *ц'н* < *ч'н*) 326

Неразличение и мена свистящих и шипящих согласных в говоре русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон, и в языке их предков 328
1. Русские старообрядцы в Орегоне 328
2. Свистящие согласные на месте шипящих при отсутствии ряда шипящих согласных в речи одной группы старообрядцев 330
3. Различение свистящих и шипящих согласных при непоследовательности в их распределении в конкретных словах (морфемах) в речи другой группы старообрядцев 335
4. Три группы старообрядцев, различающихся степенью сохранения системы неразличения свистящих и шипящих согласных 345
5. Особенности отражения этой диалектной черты на письме 345
6. Мена свистящих и шипящих согласных в говорах Нижнего Дона 349
7. Предположения лингвистов о происхождении там этого явления 351
8. Черты юго-западной диалектной зоны в говоре орегонских старообрядцев 353
9. Истоки неразличение свистящих и шипящих согласных в говоре орегонских старообрядцев 355
10. Предположения лингвистов о происхождении мены свистящих и шипящих согласных в говорах юго-западной диалектной зоны 357
11. Некоторые причины появления звуков шепелявых, склонных к шипящим и шипящих на месте свистящих 358
12. Цоканье и неразличение щелевых свистящих и шипящих согласных . . 359

Глава 5. Вокализм

Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости/мягкости 365
1. Гласные звуки под ударением 365
2. Гласные фонемы «передние/непередние» 370

3. Нейтрализация ⟨ȯ⟩—⟨jȯ⟩, ⟨ȧ⟩—⟨jȧ⟩, ⟨ẏ⟩—⟨jẏ⟩ и связанная с ней «консонантизация» начальной фазы дифтонга, произносящегося на месте ⟨ȯ⟩, ⟨ȧ⟩, ⟨ẏ⟩ . . . 371
4. Переход *е* в *о* . . . 371
4.1. Два этапа перехода *е* в *о* после исконно мягких и остальных согласных . . . 372
4.2. Переход *е* в *о* через стадию дифтонга [e͡o] . . . 373

Русские дифтонги . . . 376
1. Дифтонги в русских говорах . . . 376
2. Инструментальное исследование дифтонгов . . . 379
2.1. [и͡е] и [ы͡о] . . . 380
2.2. [и͡а], [и͡о], [и͡у] в южнорусском говоре . . . 381
2.3. [е͡а], [е͡о], [и͡у] в севернорусском говоре . . . 382
2.4. [е͡и], [о͡у] . . . 384
3. Древнерусские дифтонги . . . 388

Утрата ⟨ѣ⟩ в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке . . . 390
1. Переход от семифонемной системы вокализма к пятифонемной . . . 390
2. Монофтонгизация [и͡а], [и͡у], [и͡о] . . . 391
3. Мягкие согласные перед ⟨ѣ⟩ и твердые перед ⟨е⟩ . . . 391
4. Этапы утраты различения ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ . . . 393
5. Различение этимологических *ѣ* и *е* в говоре Москвы XVII—XVIII вв. . . . 394
6. Различение ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ в одном южнорусском говоре . . . 395
7. Утрата ⟨ѣ⟩ как следствие монофтонгизации дифтонгов . . . 396

Причины и время изменения *ѣ* > *и* и *ä* > *е* в русских говорах . . . 398
1. Причина изменения *ѣ* > *и* и *ä* > *е* — воздействие следующего гласного . . . 398
2. Переход *ѣ* > *и* . . . 399
2.1. Отражение перехода *ѣ* > *и* в памятниках письменности . . . 399
[2.2.] Этапы перехода *ѣ* > *и*
2.2.1. Фонетическое изменение [и͡е] > [и] . . . 399
2.2.2. Нефонетическая замена ⟨ѣ⟩ на ⟨и⟩ . . . 400
3. Переход *ä* > *е* . . . 402
3.1. Отражение перехода *ä* > *е* в памятниках письменности и в материалах ДАРЯ . . . 402
3.2. Фонетическое изменение [е͡а] > [е] . . . 403
4. Фонологические следствия изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] как причина отражения или неотражения этих изменений в памятниках письменности . . . 404
5. Время изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] по данным вологодских говоров . . . 404
5.1. [и͡е] > [и] . . . 405
5.2. [е͡а] > [е] . . . 406
6. Отсутствие изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] перед [кы, гы, хы] . . . 407

7. Причины отсутствия изменения *ѣ* > *и* и *а* > *е* в южнорусских говорах. 408

Чухломское аканье 409
1. Описание чухломского аканья в работах XIX—XX вв. 409
2. Диалектный материал, собранный по Программе ДАРЯ 409
3. Населенные пункты, обследованные для данной работы 410
4. Чухломское аканье. 412
4.1. Безударные гласные после твердых согласных 412
4.2. Безударные гласные после мягких согласных 417
4.3. Безударные гласные после шипящих и *ц* и перед ними. 420
4.4. Своеобразие чухломского типа диссимилятивного аканья 422
5. Другие диалектные черты Чухломского акающего острова южнорусского происхождения 424
6. Происхождение Чухломского акающего острова 433

Предударный вокализм современных мосальских говоров, описанных в начале XX в. О. Броком. 434
1. Особенности диалектологических описаний русских говоров О. Брока . . 434
[2.] Предударный вокализм после твердых согласных
2.1. Жиздринский тип диссимилятивного аканья 435
2.2. Отступления от этого типа 436
2.3. Неразличение ⟨о⟩, ⟨а⟩ и ⟨и⟩ в предударном слоге перед [á] 437
2.4. [о] и [у] на месте [ъ] 438
[3.] Предударный вокализм после мягких согласных
3.1. Жиздринский и суджанский типы диссимилятивного яканья в описании О. Брока 440
3.2. Предударный [е] как гласный неверхнего подъема 441
3.3. Жиздринский и суджанский типы диссимилятивного яканья в современных мосальских говорах 442
3.3.1. Жиздринский тип 443
3.3.2. Суджанский тип. 444
3.3.3. Изменения в жиздринском типе под влиянием литературного языка. 445
3.3.4. Утрата многих мосальских говоров 446
4. Долгота/краткость предударного гласного как условие возникновения диссимилятивного аканья и яканья 447

Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твердого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах с умеренным яканьем и ёканьем (фонетическая модель С'ГСС'Г) 449
1. Произношение С'[а]СС'Ґ при втором мягком согласном заднеязычном и С'[и]СС'Ґ при незаднеязычном в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем. 449

2. Произношение С’[о]СС’Ґ при втором мягком согласном заднеязычном и С’[е]СС’Ґ при незаднеязычном в говорах с ёканьем 450
2.1. по материалам ДАРЯ 451
2.2. по материалам автора 455
3. Причины произношения [и] и [а], [е] и [о] перед СС’ 456
3.1. Фонетические и морфологические истолкования этого колебания . . 456
3.2. Необходимость связывать чередование [и ‖ а] при умеренном яканье и [е ‖ о] при ёканье перед СС’ с характером последнего мягкого согласного этого сочетания. 458
3.3. Причины этого чередования 459
3.3.1. Фонетические объяснения неперехода *е* > *о* перед СС’ 459
3.3.2. Фонологическое объяснение исконной твердости и мягкости первого согласного сочетания СС’ 461

Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка 464
1. Написание *о*, *е* на месте ъ, ь в конце слова в памятниках письменности и его оценка лингвистами 464
[2.] Формы им. и вин. падежей ед. числа муж. рода существительных и прилагательных с [о], [е] на месте ъ, ь в конце слова
2.1. В севернорусских говорах 465
2.2. Они не могли сохраняться с праславянской эпохи 468
2.3. Они не могли возникнуть из форм типа *дом-от* 468
2.3.1. По фонетическим причинам. 468
2.3.2. При наличии форм типа *домо* нет усилительно-выделительной частицы *от* 469
2.3.3. В формах типа *домо -о* — окончание 472
3. Другие формы на *-о* 474
4. Конечное *-о* — континуант древних редуцированных гласных 476

Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке 478

Новая ступень в развитии системы гласных русского языка 483

Литература 487

Указатель имен 519

Предисловие

Эта книга — результат моих многолетних наблюдений над русскими говорами и попыток понять историю диалектных черт. Есть в книге также анализ и некоторых фонетических явлений и процессов современного русского литературного языка.

На филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова я слушал курс диалектологии у одного из выдающихся русских ученых — Рубена Ивановича Аванесова. А позднее я сам стал преподавать диалектологию, когда после окончания университета начал работать в учительском институте в небольшом городке Моршанске Тамбовской области. В первый же год моего преподавания я решил последние практические занятия в группах посвятить анализу говоров деревень, расположенных вблизи от Моршанска. Мы со студентами каждой группы целый день разговаривали с деревенскими стариками и старушками, записывали особенности их речи в свои тетради, а к вечеру усаживались в кружок на пригорке, и студенты рассказывали мне, какие диалектные особенности они обнаружили, и мы вместе устанавливали типологию этих черт.

Это были мои первые диалектологические поездки, которые с тех пор продолжаются ежегодно, за исключением считанных лет, на протяжении более четырех десятилетий. А в некоторые годы я выезжал в деревни для сбора диалектного материала и по два и по три раза. Никогда мне не приходилось ездить одному, а либо со студентами, либо с коллегами-диалектологами. И каждую из этих поездок я вспоминаю с огромной радостью. Это радость познания, потому что в каждой из них я открывал новые особенности говоров. Сначала это были новые явления

лишь для меня, но уже описанные другими диалектологами, потом я стал обнаруживать и неизвестные в науке диалектные черты. Это была радость познания и другого рода, потому что меня всегда интересовали не только особенности языка деревенских жителей сами по себе, но я старался понять, как возникли эти черты, почему именно в данном говоре. И иногда мне это удавалось.

Это была и радость от встреч с многими и многими интереснейшими людьми, которыми так богата русская деревня. Их рассказы о своей жизни, трудной, полной лишений, бесправной, часто мучительной, вызывали горькое чувство беспомощности, но и гордости за них, за их мудрость и доброту. Подлинная правда о жизни крестьян в советскую эпоху стала мне известна из их рассказов намного раньше, чем появились такие рассказы в нашей печати. Конечно, приходилось встречать разных людей, но, наверное, мне посчастливилось, что среди них хороших было гораздо больше. С некоторыми из них переписка длится уже многие годы.

Я часто благодарю судьбу, которая направила меня по пути диалектолога и дала в силу этого так много счастья в жизни. И часто думаю о молодых студентах, оканчивающих вузы и не знающих, какую выбрать себе жизненную дорогу. Вот она, эта дорога, так необходимая для нашей страны, для ее истории, для науки, культуры. Как много здесь еще можно сделать, и сколько радости она принесет выбравшему этот путь.

И еще мне посчастливилось работать в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР под руководством ученицы Р. И. Аванесова Варвары Георгиевны Орловой, а потом и под его руководством. Это было время, когда складывалась и оформлялась Московская школа лингвистической географии во главе с Р. И. Аванесовым. Это была замечательная школа и полевой диалектологической работы, и картографирования диалектных черт, и научных исследований. В те годы в Институте русского языка АН СССР создавались региональные диалектологические атласы, и я принимал в этом участие. А когда началась работа над заключительным сводным Диалектологическим атласом русского языка, я стал вместе с Т. Ю. Строгановой редактором первого его выпуска «Фонетика».

К сожалению, моя работа над Диалектологическим атласом русского языка была прервана в 1974 г. Ф. П. Филин, ставший в конце 1968 г. директором Института русского языка АН СССР, начал менять установленную его прежним директором В. В. Виноградовым в те недолгие го-

ды «оттепели» творческую и достаточно свободную атмосферу в Институте. Ф. П. Филин стал вести жесткую борьбу с сотрудниками, высказывавшими хоть малейшее несогласие с официальной партийной и государственной политической линией, и с теми, кто выступал с критикой его собственных лингвистических работ. Все они (за редким исключением), а среди них и многие выдающиеся ученые, были вынуждены покинуть Институт русского языка в 70-е годы. Меня уволили из Института за письма, которые я подписывал в защиту участников политических процессов конца 1960-х годов, и за то, что на митинге в Институте русского языка АН СССР 23 августа 1968 г. я выступил против ввода советских войск в Чехословакию и голосовал против резолюции, поддерживавшей эту акцию. В действительности же и за то, что, будучи членом общественных организаций Института (местного комитета профсоюза, спортсовета), я высказывался против политических репрессий, начинавшихся в Институте, и пытался вместе с некоторыми другими членами месткома противиться стремлению Ф. П. Филина целиком подчинить себе и профсоюзную организацию Института. Моего увольнения Р. И. Аванесов неоднократно старался не допустить, но не смог повлиять на решение Ф. П. Филина и полностью подчинявшегося ему большинства членов Ученого совета.

В дальнейшем я продолжал свои диалектологические экспедиции, писал и публиковал статьи, посвященные анализу русских диалектных явлений, в том числе и обнаруженных мною в этих поездках, выступал с докладами на различных конференциях, хотя делать это мне стало значительно труднее, чем тогда, когда я работал в Институте русского языка, в частности и потому, что диалектология превратилась в мое «хобби»: она не входила в мою официальную профессиональную деятельность в эти годы.

В 1990 г. академики Ю. Д. Апресян и Н. И. Толстой убедили нового директора Института русского языка РАН Ю. Н. Караулова вернуть меня в Институт. Я глубоко благодарен им всем за это и рад, что могу высказать им здесь свою признательность.

Эта книга писалась много лет. Отдельные ее разделы печатались в виде статей, посвященных частным вопросам русской диалектной и литературной фонетики. Объединить их позволил присущий этим статьям общий взгляд на современные явления и процессы как на отражение истории русского языка. При подготовке рукописи книги к печати все ее разделы были прочитаны мною заново, во многие разделы я внес до-

бавления, уточнения, исправления. Некоторые статьи, легшие в основу разделов книги, были написаны мною в соавторстве: одна статья вместе с Е. Г. Буровой, несколько — вместе с Р. Ф. Касаткиной (Пауфошимой). Во всех случаях в книге указаны их первые публикации.

В диалектологических экспедициях со мною вместе часто были замечательные люди, выдающиеся диалектологи, и я благодарен им за помощь и сотрудничество, особенно тем, с кем мне довелось быть в поездках много раз: Юлии Григорьевне Сохацкой, Елене Григорьевне Буровой, Оксане Герасимовне Гецовой и Розалии Францевне Касаткиной (Пауфошиме), с которой уже много лет мы вместе совершаем такие поездки.

Благодарю руководителей научных фондов, оказавших мне финансовую поддержку в работе над отдельными частями этой книги и давших возможность ее опубликовать: Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Нидерландской организации научных исследований (NWO), International Research & Exchanges Board (IREX), USA.

Считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить рецензентов книги К. В. Горшкову, А. М. Красовицкого и М. В. Шульгу за труд прочтения книги в рукописи и за ценные замечания, которые я постарался реализовать, насколько мне это удалось.

Введение

I. Некоторые вопросы исторической диалектологии

1. Наука о современных диалектах, об их языковом облике, о чертах сходства и различиях, об их территориальном размещении называется описательной диалектологией. Историческая диалектология — составная часть истории языка. Предмет исторической диалектологии — изучение возникновения и истории отдельных диалектных черт и диалектов, восстановление членения языка на диалекты в разные эпохи, рассмотрение языкового ландшафта в его изменении во времени, начиная с древнейших периодов.

Существует принципиальная разница в изучении диалектов прошлого и современных диалектов. Современный язык можно услышать. А как услышать ту речь, которая звучала много веков назад?

Данные об истории языка, в том числе и о его диалектной дифференциации, ученые извлекают из нескольких источников. Один из основных источников — памятники письменности. В древности не было единых строгих норм правописания, поэтому в деловых документах, летописях, произведениях церковной литературы, написанных или переписанных в разных местах Русской земли, находили отражение местные разновидности языка.

Не все старые рукописные памятники одинаково отражают диалектные черты. Так, язык житий святых, поучений, не говоря уже о книгах, по которым велась служба в церкви — Псалтырь, Евангелие, Апостол,

служебные минеи, Пролог — был более нормирован, и переписчики строже следили за тем, чтобы не допустить отклонений от оригинала. Гораздо больше диалектных черт прослеживается в светской литературе. В этом отношении наибольшую ценность представляют материалы деловой письменности, и особенно частные письма, поскольку они лучше всего отражают черты живой речи. Чрезвычайно важные лингвистические сведения дают берестяные грамоты, обнаруженные впервые в 1951 г. при раскопках в Новгороде, а затем и в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславле, Твери, Москве, Звенигороде Галицком.

Далеко не все диалектные особенности отражались на письме. Как сейчас многие слова и обороты, специфичные для разговорного языка, не проникают в письменные произведения, так и в прошлом существовали слова и обороты, которые были свойственны устной диалектной речи и не попадали в памятники. Некоторые диалектные особенности просто не могли быть обозначены средствами графики. Так, не обращаясь к живому произношению, невозможно было бы узнать, что одна и та же буква *ѣ* могла читаться русскими по-разному: в одних местах как дифтонг [и͡е] или как [ẹ] закрытый, в других как [ę] открытый, а в третьих — как современный литературный [е]. В одних местах в словах *тѣсто* и *тесть* первый звук произносили одинаково — мягкий [т'], а в других — в первом слове произносили мягкий [т'], во втором — твердый [т].

Мы знаем об этих диалектных различиях потому, что они сохранились до сих пор. Живая традиция помогает понять прошлое. Если же такая традиция утрачена, то факты древней письменности часто представляют собой загадку. В древних новгородских и псковских памятниках, например, встречаются написания *жг* в соответствии с *жд: дожгъ*, *пригвожгена*, *прѣжге* и т. п. Можно предположить, что здесь и произносилось [ж'г']. Сейчас в новгородских и псковских говорах такого произношения нет. Возможно, оно утратилось. Но возможно и другое, что буква *г* здесь передавала не звук [г'], а другой звук. Какой же? Буква *г* могла обозначать не только звук [г] взрывной и звук [ɣ] щелевой, но и другие звуки, например [j]. Известно, что *Георгий* и *Юрий* — по происхождению одно и то же имя. А название города *Юрьева* писцы в древности писали и так: *Юргевъ*, *Гюргевъ*, а произносили, вероятно, во всех случаях одинаково: [jур'j]*ев*. Во многих севернорусских говорах имя *Ольга* звучит как *Олья* [ол'jа]. Может быть, и в случаях с *жг* на месте *жд* буква *г* передавала [j]? Такое предположение тоже было высказано в науке. Но возможно и такое, что писали здесь *дожгъ*, а произносили, как и на других

территориях [дож'д'] или [дож'д'͡ж']. Иначе говоря, возможно, что разница была не в произношении, а в написании на разных территориях одного и того же звукосочетания. И это тоже допустимо [см.: Якобсон 1937; Геровский 1959]. Но что здесь было на самом деле, все-таки неизвестно: в этом случае письменный памятник молчит.

Письменные памятники прошлых эпох дошли до нас далеко не из всех мест, где звучала русская речь. Да и те, что сохранились, не всегда позволяют проследить развитие диалектов с древнейших времен: новгородские памятники известны с XI в., псковские и ростовские — с XIII в., московские — с XIV в., орловские — с конца XVI в., курские — с XVII в. Поэтому историю диалектов нельзя восстановить без изучения современного их состояния. Диалекты не только сохраняют до сих пор многие древние черты, в том числе и не отмеченные памятниками письменности, но часто содержат указания на прежнее территориальное распространение этих черт. Такие указания можно обнаружить на картах диалектологического атласа, которые помогают восстановить диалектные объединения разных эпох.

Со времени А. А. Шахматова, впервые широко использовавшего данные диалектов для реконструкции древних закономерностей русского языка, изучение русской диалектной фонетики имеет своей важнейшей задачей восстановление истории русских диалектов и истории отдельных диалектных черт. Именно в области фонетики показания современных говоров приобретают первостепенное значение по сравнению с письменными памятниками [см., например: Аванесов 1949, с. 13—16; Кузнецов 1960, с. 3—4; Борковский, Кузнецов 1965, с. 8, 22—23; Горшкова, Хабургаев 1981, с. 16—18]. Обнаружение все новых и новых фонетических закономерностей в русских говорах, имеющих важное значение и для исторической диалектологии, опровергает мнение о том, что «сегодня ⟨...⟩ современные диалекты уже не могут снабжать нас достоверными и убедительными фактами» [Колесов 1982, с. 34].

Нельзя согласиться и с категорическим отрицанием метода современных исследований, когда «при отсутствии для многих областей Древней Руси ⟨...⟩ каких бы то ни было письменных источников ⟨...⟩ реконструкции древнерусских диалектов строятся на экстраполировании современных диалектных данных в условиях тысячелетней давности» [Крысько 1994, с. 24—25]. По мнению В. Б. Крысько, «обретение исторической грамматикой черт историко-диалектологического описания возможно ⟨...⟩ не методом переноса современных диалектных особенно-

стей на диалекты древнерусского периода, а посредством тщательного отбора и разграничения фактов, предоставляемых древней письменностью, в зависимости от происхождения памятника» [там же, с. 34]. Письменные памятники В. Б. Крысько считает «главным источником исторической грамматики», оговариваясь, правда, что «факты древнерусских текстов» могут «верифицироваться, когда это возможно, сопоставлениями с современным диалектным материалом» [с. 25—26]. Между тем метод реконструкции древнего состояния языка с опорой на современные данные давно уже стал признанным орудием исследования. Одна из работ, плодотворно использующих этот метод в русской исторической диалектологии,— [Образование с-р наречия 1970]. Таким образом, современные диалекты, как и ранее считали многие историки русского языка вслед за А. А. Шахматовым, представляют собой один из двух основных источников для русской исторической диалектологии — составной части истории русского языка.

2. Можно указать на несколько общих причин, обусловливающих границы ареалов диалектных явлений — изоглоссы.

Как известно, язык все время изменяется. Новации, новообразования в языке возникают сначала в узком коллективе, распространяясь на всех членов данного общества. Распространение идет внутри социальной группы от одних ее членов к другим, от одной социальной группы к другой; так же и в территориальном отношении: от одной деревни к другой, из одной местности в другую. Процесс этот может идти медленно, иногда в течение нескольких столетий, пока новация не охватит всех говорящих на данном языке или диалекте. Основное условие распространения языкового новообразования — тесная связь между людьми. Там, где проходят границы коллективов, пролегает рубеж, за который не может перейти языковая особенность (если, конечно, она не возникает на соседней территории, у соседнего коллектива самостоятельно, как это часто бывает). Такими границами могут быть естественные преграды: горы, непроходимые леса и болота. Поэтому если здесь пролегают границы языковых черт — изоглоссы, то очень вероятно, что они обусловлены этими естественными, природными границами.

Разделяют коллективы и границы между племенами, феодальными княжествами и государствами, поэтому изоглоссы некоторых явлений проходят по границам старых феодальных земель. Иногда они отражают даже племенные границы. Но племенные, а затем и феодальные гра-

ницы часто менялись. В результате междуусобиц одни княжества расширялись, объединялись, а другие теряли часть своей территории. Поэтому, зная, когда происходили эти изменения, можно довольно точно определить время возникновения и распространения диалектной черты, если ее изоглосса совпадает с границами политическими, существовавшими недолгое время.

Изучая историю смягчения заднеязычных согласных после мягких типа *Ванькя*, *чайкю*, распространенного почти на всей южнорусской территории, ученые относили время его возникновения к XV в.: именно тогда в письменных памятниках начинают появляться такие написания. Но затем было обращено внимание на следующую особенность. Между Московским и Рязанским княжествами находится Коломенская земля. Сначала она входит в состав Рязанского княжества, а в 1300 г. Москва присоединяет ее к себе. Это исторический факт. А вот данные лингвистической географии: по бывшей границе между Московским княжеством и Коломенской землей в начале XX в. проходила изоглосса смягчения *к* после мягких согласных. Это явление известно на территории бывших Коломенской и Рязанской земель и отсутствует на территории Московского княжества. Но из этого следует, что смягчение *к* возникло в Коломенской земле до 1300 г., когда она еще представляла собой единое целое с Рязанской землей, и не могло появиться позже, когда коломенские говоры стали испытывать мощное воздействие московских говоров, не знавших прогрессивного ассимилятивного смягчения *к*. Значит, данная диалектная черта никак не могла возникнуть в XV в.: время ее образования — не позднее XIII в. [см.: Касаткин 1968, с. 108—117]. Так данные лингвистической географии помогли уточнить данные письменных памятников.

Реки обычно не только не служат препятствием для общения, но, наоборот, связывают людей. Издавна по рекам проходили важнейшие торговые пути, по их берегам располагались селения. Они были главными путями колонизационных потоков, поэтому обычно не являются диалектными границами. Но было обнаружено, что река Угра в своем нижнем течении до впадения в Оку служит границей между двумя диалектами. Так, жители левого берега произносят [в], чередующийся перед глухим согласным и на конце слова с [ф]; [в]*нук*, [ф] *Калу́гу*, *домо́*[ф], а жители правого берега на месте *в* в начале слова перед согласным произносят [у], а в конце слова — [ў]: *ну́к*, *у Калу́гу*, *домо́*[ў]. И различия здесь не только в языке: еще в начале XX в. жители левого берега назвали

правобережных «литвою» [Дурново и др. 1915, с. 82]. Оказывается, по Угре проходила граница между Московским и Литовским государствами, которая существовала почти 100 лет — с 1408 по 1503 г., а следы ее сохраняются в представлении народа до сих пор. Из такого совпадения изоглоссы диалектного явления и бывшей государственной границы можно сделать вывод о времени возникновения этого диалектного различия: оно могло развиться именно тогда, когда левый и правый берега Угры принадлежали разным государствам, т. е. в XV в.

Но если бы границы ареалов объяснялись только этими причинами, то расшифровывать, «читать» карты диалектологических атласов было бы весьма просто. Нужно было бы только одно — увязать каждую изоглоссу с проходившей здесь границей общения, определить, что это за граница, узнать время ее существования. Если нет исторических сведений на этот счет, то само существование изоглоссы всегда свидетельствовало бы о проходившей здесь в прошлом природной границе или политической.

Распространение новаций наталкивается не только на социальные барьеры, но и на барьеры собственно языковые. Само возникновение языкового новообразования связано с внутренними языковыми закономерностями, обусловлено системой данного языка или диалекта. Поэтому некоторые новации могут распространяться только в данном диалекте, не выходят за его пределы. Это значит, что границы распространения некоторых диалектных явлений определяются уже существующими диалектными границами, даже если во время распространения этих явлений здесь нет никаких других (природных или политических) границ. Так, во многих южнорусских и среднерусских говорах возникло и распространяется сейчас произношение редуцированного звука [ъ] на месте безударных (кроме 1-го предударного слога) *у, ы: мъжык'и́, ръбак'и́, о́тпъск, вы́мъл* и т. п. Это явление связано с возникшим ранее в этих говорах произношением [ъ] на месте *о, а* в этой позиции: *мълоко́* или *мълако́, стър'ик'и́, ко́лъс, вы́дън* и т. п. Таким образом, возникнув в южнорусских и среднерусских говорах, это явление и распространяется среди этих же говоров, не переходя границу севернорусского наречия, хотя никаких других границ, ни природных, ни политических, между этими группами населения сейчас нет.

Иногда новообразование, распространяясь на большой территории, сталкивается не с одной, а с различными диалектными системами, существующими на разных частях этой территории. И тогда каждая из сис-

тем вызывает на «своей» территории возникновение особой разновидности данного новообразования. Так, произношение мягкого [к'] после мягких согласных — *Ванькя*, *люлькя*, *Варька*, *брось-кя* и т. п. известно многим русским диалектам. Но в одних из этих диалектов [к'] произносится и после звуков, выступающих на месте *j* и *ч: чайкю*, *копейкя* и *дочкя*, *печкя* или *доцькя*, *пецькя* и т. п., а в других диалектах именно после этих согласных, обоих или одного из них, смягчения *к* нет и при произношении *Ванькя*, *люлькя* и т. п. говорят *чайку* и *дочка (доцка)*, или *чайкю*, но *дочка (доцка*, *дош'ка)*, или *дочкя (доцкя)*, но *чайку*. Разница объясняется тем, что во время распространения этого явления в одних диалектах звуки, произносящиеся на месте *j* и *ч*, были такими же мягкими, как [н', л', р', с', з'] и др. В этих диалектах [к] стал мягким после всех этих согласных. В других диалектах на месте *ч* произносились твердые [ч] или [ц], а у фонемы ⟨j⟩ мягкость была признаком фонологически несущественным. Поэтому они не могли смягчить стоящий после них [к] [см.: Касаткин 1968, с. 97—108]. Так разные системы согласных обусловили различное проявление одной и той же тенденции: существующие диалектные границы привели к возникновению разновидностей явления.

Анализируя лингвистические карты, необходимо учитывать также, что при уничтожении политических границ, существовавших в прошлом, жители соседних территорий — носители сложившихся на этих территориях разных диалектов вступали в контакт, начиналось междиалектное взаимодействие. При этом первоначальные диалектные границы размывались, диалектные черты, характерные для каждого из этих диалектов, могли сдвигаться на территорию соседнего диалекта.

Диалектологические карты отражают и миграцию населения в прошлом. В Костромской области на территории окающих севернорусских говоров выделяется так называемый Чухломской остров акающих говоров Чухломского и части Солигаличского районов. Многие черты у этих говоров севернорусские, такие же, как у окружающих костромских говоров, но аканье резко выделяет говоры этого острова. Целый ряд черт связывает их с говорами Юго-Западной диалектной зоны. С этой территорией сближают чухломской ареал и этнографические особенности: тип селений, жилища, одежды, обряды, фольклор. Стало очевидным, что чухломские говоры возникли в результате переселения на севернорусскую территорию жителей южнорусского запада. Время этого переселения помогли уточнить местные рукописные тексты, в которых примеры аканья появляются с 20-х годов XVII в. (см. ниже,

с. 409—433). По сумме диалектных черт определяются и колонизационные потоки, шедшие в Сибирь и на Дальний Восток, устанавливается происхождение говоров этих регионов.

Причины устойчивости или изменчивости диалектных границ связаны с целым комплексом социально-исторических и собственно лингвистических событий и обстоятельств, и весь этот комплекс необходимо учитывать при анализе изоглосс.

3. По мысли Р. И. Аванесова, история языка как научная дисциплина складывается из исторической грамматики и исторической диалектологии. «Если описательная диалектология имеет дело с лингвистической географией и топо-изоглоссами, а историческая грамматика с лингвистической хронографией и хроно-изоглоссами, то естественно, что категорией исторической диалектологии должна явиться лингвистическая хроно-география с ее двумерными хроно-топо-изоглоссами» [Аванесов 1963, с. 312].

Графическое изображение современных явлений на лингвистических картах диалектологических атласов сводится к показу ареалов — областей распространения этих явлений, то есть к показу «топо-изоглосс». Такова проекция современного языкового явления на лингвогеографическую карту. Это изображение плоскостное, характеризующееся «включенным пространством и выключенным временем» [там же, с. 311]. Проекция языкового явления на историко-диалектологическую карту должна характеризоваться «включенным пространством ⟨...⟩ при одновременной включенности времени» [с. 312]. Такая карта должна быть уже не плоскостной, а рельефной, где высота соответствует времени (той или иной эпохе).

Одни из этих карт должны быть похожи на земной ландшафт, где «горы», широкие в основаниях и сужающиеся к вершинам, переходящим в пики, отражают уменьшающуюся со временем территорию языкового явления, уходящего в конце концов из языка. Другие карты должны отражать зарождение на какой-то территории нового языкового явления и его постепенное распространение на соседние территории. Такие карты соответствуют перевернутым горам, поставленным на их вершины.

Современное языковое явление может охватывать почти всю территорию, занимаемую данным языком. Лишь кое-где отмечаются ростки нового явления, которое в будущем вытеснит или трансформирует поч-

ти не колеблемое ныне явление. В этом случае современный исследователь находится у «подножия» «горы», а ее «склоны» и «вершина» еще не просматриваются. Может он находиться и посредине этой «горы», когда сама ее толща еще велика, но ясно уже, где ее крутые, а где пологие «склоны», где возможен «перевал», а кое-где уже проглядывают и «вершины». Исследователь, рассматривающий историко-диалектологический ландшафт, может иногда находиться на самой вершине «горы», отражающей историю данного языкового явления. Это может быть в том случае, когда само явление отмечается в настоящее время только в речи старшего поколения.

На всех этих этапах исследователь может изучать это явление в живой речи, ставить различные эксперименты, чтобы глубже понять суть самого явления, его детали, записывать все новые и новые тексты, отражающие его. Но вот сменится поколение — и точка зрения нового исследователя переместится вверх. И если на предыдущем этапе живое языковое явление фиксировалось только в речи старшего поколения, то теперь это явление стало мертвым, ушло из языка. Исследователь может узнать о нем лишь по воспоминаниям современников, по старым текстам, изучать его только по его отражению в этих текстах. Некоторые стороны этого явления навсегда скроются от взгляда лингвиста. Поэтому перед современными диалектологами стоит чрезвычайно важная задача — как можно полнее, всестороннее описать современные диалектные явления, чтобы яснее увидеть их историю.

Как диалектологический атлас дает представление о современном состоянии языка — о его диалектных противопоставленных явлениях и о его диалектном членении, так об истории языка — истории его отдельных черт и истории его диалектов — мог бы дать представление историко-диалектологический атлас, состоящий из набора объемных, включающих и пространство и время, лингвистических карт. Графическое изображение на таких картах могло бы строиться по типу физико-географических, где горизонталями (изогипсами) отмечается высота над уровнем моря. На историко-диалектологических картах изохроноглоссами могли бы отмечаться границы ареалов картографируемого явления в определенные исторические эпохи. Таким образом, динамика языкового явления на таких картах была бы представлена в виде изменяющихся ареалов, соответствующих разным временны́м срезам.

Трудность создания карт такого атласа в том, что они должны строиться не только на отражении современного состояния диалектных явлений, но и на реконструкции прошлого состояния этих явлений.

Построение всего историко-диалектологического ландшафта русского языка — дело будущего. Но часть уже сделана, некоторые важные черты этого ландшафта уже видны [см., например: Горшкова 1968; 1972а, Образование с-р наречия 1970; Хабургаев 1979; 1980; Зализняк 1986; 1988а; 1988б; 1993; 1995; Николаев 1988; 1989; 1994]. Задача диалектологов и историков русского языка — продолжать создавать эту картину.

4. Современная русская диалектная речь отражена не только в русских диалектологических атласах, но и в многочисленных магнитофонных записях, произведенных разными диалектологами за последние три десятилетия. Фонотеки, содержащие значительное количество таких записей, существуют при крупнейших научных центрах нашей страны: Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Московском, Саратовском, Казанском университетах, Санкт-Петербургском педагогическом университете им. А. И. Герцена и др. [см.: Высотский 1967б]. «Магнитофонные записи речи ⟨...⟩ являются своеобразными историческими памятниками ⟨...⟩. Уже сейчас магнитофонные записи широко используются не только их создателями. В будущем ценность сделанных сегодня записей еще более возрастет» [Гольдин 1983, с. 12]. Одна из важнейших задач, стоящих перед современными диалектологами,— производить как можно больше разнообразных и высококачественных магнитофонных записей диалектной речи и обеспечить их сохранность для будущих исследователей.

Некоторые диалектные фонетические явления могут быть обнаружены только при анализе магнитофонных записей. Применение магнитофонов с середины 1950-х годов было новым качественным этапом в изучении русской диалектной речи. Магнитофонная запись позволяет многократно воспроизводить один и тот же отрезок звучащего текста. Это дает возможность при слуховом анализе отметить и такие диалектные черты, которые при разговоре с носителями диалекта обычно не замечаются диалектологами. Полная расшифровка всей магнитофонной записи позволяет обнаружить такие особенности в чередовании звуков, воплощающих одни и те же фонемы, которые невозможно установить при выборочной фиксации в полевых условиях отдельных отрезков звуковой цепи. Магнитофонная запись позволяет проводить и более слож-

ный анализ речи при использовании инструментальных методов исследования с помощью осциллографа, спектрометра, сепаратора звуков, а в последние годы и с помощью компьютера.

Состояние фонетики современного говора можно описывать с двух точек зрения: 1) какие звуки произносятся на месте этимологических и 2) какие фонемы воплощены в произносящихся звуках. Первая точка зрения — это точка зрения историка языка, которого интересуют параллели с другими говорами, изменения, происшедшие в рассматриваемом говоре. Этот аспект дает материал и для установления современной системы, но материал неполный, по нему нельзя сформулировать окончательные выводы обо всех тонкостях системы. Вторая точка зрения позволяет дать по возможности полное описание системы. Этот аспект в свою очередь дает материал и для истории диалекта, однако ввиду того, что основное внимание исследователя направлено на факты, важные для системы, он может опустить факты, важные для истории. Очевидно, что наиболее полный анализ должен включать оба аспекта.

При рассмотрении конкретных говоров в данной работе по возможности учитывались обе точки зрения, хотя недостаточность материала часто позволяла делать только предварительные выводы.

Кроме того, установление всей фонологической системы языка или диалекта требует специальных исследований. При определении фонологической системы обычно исходят из следующих предпосылок: 1) фонологическая система — это построение лингвиста; 2) для такого построения необходим и достаточен текст, отражающий все возможные позиции для всех фонем. Думаю, что фонологическая система — это то, что существует в языковом сознании говорящих, и задача лингвиста не построить эту систему, а открыть ее. Для этого недостаточно текста. Текст — отражение этой системы, но не полное, не адекватное отражение. Некоторые данные доказывают, что не все противопоставления, существующие в языке, могут быть обнаружены в тексте — речи при помощи обычных современных методов анализа (см. ниже, с. 86—100).

Начиная с открытия младограмматиками фонетических законов некоторые исследователи при реконструкции фонетических процессов прошлого ограничиваются утверждением типа: в данном языке (диалекте) звук *a* изменился в *b* в такой-то позиции. Для современной науки такая констатация лишь начало решения проблемы. Исследователь должен постараться ответить и на следующие за этим вопросы: почему произошло данное изменение, как оно происходило, связано ли это измене-

ние с особенностями фонологической системы, артикуляционной базы, качеством данного звука и др. Не всегда и не на все эти вопросы исследователь может ответить, хотя и должен стремиться к этому. Некоторые разделы работы — попытка ответить на подобные вопросы[1].

II. Русские диалекты и языковая политика

1. В середине XIX в. в русском обществе пробуждается широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Меняется и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в., рассматривались многими учеными-языковедами как «искажение», «порча» литературного языка [см.: Балахонова 1961, с. 107].

Важным событием в истории изучения народной речи был выход «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858). И. И. Срезневский, сыгравший важную роль в создании этого словаря, писал: «Исследователь беспристрастный смотрит на каждое из местных наречий с одинаковым уважением и любопытством как на местное историческое явление жизни народной» [Срезневский 1851, с. 4].

Огромную роль в знакомстве широкой общественности с народной речью сыграл «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, вышедший первым изданием в 1863—1866 гг. В «Напутном слове» к своему словарю В. И. Даль так оценивал значение народной речи в формировании литературного языка: «У нас еще нет достаточно обработанного языка, и ⟨...⟩ он ⟨...⟩ должен выработаться из языка народного. Другого равного ему источника нет ⟨...⟩. Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи ⟨...⟩.» [Даль 1935, с. II].

В конце XIX в. начал выходить академический «Словарь русского языка». Редактор 1-го тома (1891—1895) Я. К. Грот задумал его как нормативный словарь литературного языка. Этот том характеризуют строгий отбор слов и подробно разработанная система стилистических помет. Редактор 2-го тома А. А. Шахматов кардинально изменил характер словаря. Из него были исключены стилистические пометы и указа-

[1] Первые публикации — [Булатова и др. 1975, с. 55—60; Касаткин 1984а, с. 3—5].

ния нормативного характера, значительно расширен объем словника за счет диалектных слов. В этом проявилось отношение А. А. Шахматова к диалектной речи как к богатству русского языка. В своем описании литературного языка А. А. Шахматов неоднократно указывает на «диалектические особенности в речи говорящих литературным языком», на «подверженность литературного языка многочисленным диалектическим ⟨...⟩ влияниям» [Шахматов 1941, с. 95—96].

В соответствии с этим отношением к народной речи были и рекомендации лингвистов и педагогов по преподаванию родного языка в школе. Ф. И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка» (1844) писал о необходимости дать учащимся широкие знания о родном языке, включая его историю и диалекты. Изучению народного языка Ф. И. Буслаев придавал особое значение. И. И. Срезневский говорил в 1860 г., что в школе «должно изучать именно язык, язык общенародный, а не какой-нибудь временный говор какого-нибудь слоя народа, хотя бы и высшего по образованности» [Срезневский 1899, с. 21]. Эту мысль И. И. Срезневского поддержал и В. Я. Стоюнин: «Действительно, уж если изучать язык, то во всей его глубине, во всем его объеме, не ограничиваясь одною выделившеюся его частицей, которая составляет нам образованный язык. Зачем нам лишать себя богатых средств для выражения нашей духовной деятельности?» [Стоюнин 1860, с. 50]. К. Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в начальной школе считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой ⟨...⟩. Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа» [Ушинский 1954, с. 682]. А. А. Шахматов указывал, что «предметом изучения в школе должен быть весь русский язык, во всей совокупности устных и письменных его проявлений» [Шахматов 1904, с. 76].

Эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. При определении границ «стандартного», литературного языка этой эпохи предлагается «расширять изучение стандартного языка—⟨...⟩ изучать диалекты ⟨...⟩, которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается» [Солонино 1929, с. 47.]. Однако единого мнения по вопросу о «законности и приемлемости» диалектизмов, «широкой струей влившихся» в литературную речь «за последние годы», среди педагогов-практиков в это время нет [см.: Слетова 1929, с. 90].

В эти годы рекомендуется уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалекте. В объяснительной записке к школьным программам 1918 г. говорилось: «Вводя литературную речь, как речь письменную и книжную по преимуществу, школьные работники впредь должны совершенно отказаться от благого намерения исправлять якобы неправильности живого языка, известные в науке под названием диалектических особенностей ⟨...⟩. Эти отклонения представляют собой драгоценный материал для изучения, и многие из них исторически имеют гораздо больше прав на существование, чем иные литературные так называемые «правильные» формы языка» [Краткая записка 1918, с. 136].

В 20-е годы наблюдается повышенный интерес к народному творчеству, бурный рост краеведческого движения. В школах ведется краеведческая работа, учителя вместе с учащимися проводят наблюдения над живой речью населения края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирают фольклорный материал. В педагогических институтах читается курс «Диалектология с введением в этнологию».

Положительно оценивается критикой и использование диалектизмов в художественной литературе. Так, в одном из обзоров за 1928 г. романы «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Бруски» Ф. И. Панферова и «Лесозавод» А. А. Караваевой характеризуются как «крупные достижения пролетлитературы». «В этих произведениях ⟨...⟩ средства живописи, художественные приемы взяты из деревенской обстановки. Язык не только главных действующих лиц, но часто и самого автора — и по словарю, и по синтаксису — язык крестьянский, а образность (эпитеты, сравнения и т. д.) всегда почти основана на ассоциациях деревенских: деревенской природы, крестьянского труда и быта» [Машбиц-Веров 1929, с. 45].

2. Но затем это отношение к народной диалектной речи резко меняется. Связано это было с изменением отношения к крестьянству — основному носителю диалектов. В государстве, построенном, как утверждалось его политическими руководителями, на диктатуре пролетариата, крестьянству отводилась роль попутчика, тянущего пролетариат в прошлое (в силу его «мелкобуржуазной сущности»).

Социальные преобразования в деревне в 20—70-е годы были, по сути дела, направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация крестьян и уничтожение самых рачительных хозяев под лозунгом борьбы с кулачеством в 20—30-е годы, грабительская политика,

приводившая к массовому обнищанию и вымиранию от голода целых деревень, заставляла крестьян, особенно молодежь, любой ценой переселяться в город. Компания 60—70-х годов по ликвидации так называемых «неперспективных» деревень усугубила положение. Все это привело к значительным социальным изменениям в русской деревне.

Вот лишь один типичный пример результатов этой политики. В составе диалектологической группы, изучавшей в 1986 г. говоры Свечинского района Кировской области, я побывал в селе Старице. На территории Старицкого сельсовета в 1950-е годы было 38 деревень, в 1986 г. их осталось всего 3; раньше было более 3000 избирателей, в 1984 г. во время выборов — около 200; было три школы — одна десятилетняя и две восьмилетние, где училось около 1000 детей, осталась одна. В сентябре 1986 г. в нее должны были пойти в начальные классы 17 детей (из них 9 шестилеток в «нулевой» класс), детей более старшего возраста здесь уже не было. В Свечинском райкоме КПСС нам показали карту «перспективного развития» района, составленную в 70-е годы. На этой карте кружками разных цветов были обозначены деревни, подлежавшие запланированной ликвидации. Цвет кружка соответствовал году, когда это должно было произойти. Карта эта отражала планы руководства района по уничтожению значительной части сельского населения этого района. Такие же планы принимались по всей стране.

В результате этих социальных преобразований говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Крестьяне, переехавшие в города и свезенные из разных сел в одно, утрачивают многие исконные языковые черты. Дети, воспитывающиеся в городах и районных центрах, больше подвержены влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени обусловлены сформировавшимся в 1930-е годы негативным отношением к деревенской народной культуре, народному быту, диалектам как языку деревни. Так, автор предисловия к словарю В. И. Даля, переизданному в 1935 г., предупреждает читателя, что восхищение Даля народным языком было «для своего времени реакционным, потому что тянуло язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» [Даль 1935, с. 14]. «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? — спрашивали А. М. Иванов и Л. П. Якубинский и отвечали: — Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятель-

ство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства. Одним из важнейших лозунгов пролетариата является лозунг: „национальный язык всем трудящимся“. ⟨...⟩ Процесс преодоления крестьянского разноязычия ⟨...⟩ регулируется сознательной пролетарской языковой политикой, проводником этой политики на селе являются главным образом школа и печать» [Иванов, Якубинский 1932, с. 142].

В конце 1933 г. началась организованная по инициативе М. Горького дискуссия о качестве языка художественной литературы. Один из главных вопросов обсуждения — соотношение литературного языка и диалектов, использование диалектизмов в художественной литературе. Сам Горький отрицательно относился к «местным речениям», «провинциализмам», как он неоднократно высказывался в своих статьях и выступлениях. Его требование к литератору «писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски», высказанное им в 1930 г. [см. Горький 1953, с. 388], многократно цитировалось и представлялось непререкаемой истиной. Осуждение так называемого «злоупотребления» диалектизмами привело, например, к тому, что М. Шолохов переделал при переиздании романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в соответствии с критикой и убрал из них большое количество диалектизмов.

С 1930-х годов в нашей стране политиками и философами выдвигается идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык [см. Нерознак 1989]. В соответствии с этим провозглашалось и быстрое отмирание диалектов русского языка, их объявили пережитком прошлого.

Так, Н. М. Каринский выделял в говоре д. Ванилово «два противоположных социальных диалекта: 1) диалект архаичный ⟨...⟩ и 2) диалект передовой, наиболее приближающийся к современному литературному языку». Обобщая свои наблюдения, Н. М. Каринский пришел к выводу, что «влияние литературного языка ⟨...⟩ на крестьянские говоры ⟨...⟩ в эпоху после революции ⟨...⟩ проходит с чрезвычайной быстротой и интенсивностью ⟨...⟩, что исчезновение резких особенностей территориальных говоров и быстрое приближение крестьянских говоров к современ-

ному литературному языку происходят едва ли не на всей территории русского языка в Европе» [Каринский 1936, с. 34, 95—96].

Эту же мысль неоднократно высказывал и Ф. П. Филин: «Язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, расширяется горизонт сознания колхозных масс, которое освобождается от местной ограниченности. Исчезает специфически „крестьянское“, „мужицкий дух“, который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзанистам. И на этом участке отходит в прошлое „идиотизм деревенской жизни“ ⟨...⟩. В настоящее время языковое развитие деревни вступает в новую фазу: колхозные массы культурно выросли, поднялись на такую ступень, когда литературная речь становится органическим элементом их мышления, вследствие чего проблема борьбы литературного языка с местными говорами почти снимается, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу ⟨...⟩. Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» [Филин 1936, с. 179, 185, 205].

Для доказательства этого положения некоторые диалектологи основное внимание направили на языковые процессы в говорах, приводящие к их разрушению. В указанной работе Н. М. Каринский привел составленные А. С. Бедняковым и А. В. Текучевым материалы для бытового, общественно-политического и производственного словаря, где «мы видим не диалектные слова, а лишь слова, общие всему национальному языку. В результате подобного подхода к материалу создавалось впечатление, что исчезновение диалектов — уже совершившийся факт» [Орлова 1961, с. 81]. Н. П. Гринкова в разных своих работах «направляет внимание исследователей на преимущественное изучение в диалектах речи так называемого „передового“ слоя говорящих, т. е. фактически различного рода недиалектных явлений, что объективно вело к ликвидации диалектологии» [там же, с. 81]. Среди «фонографических записей диалектной речи» Е. А. Комшиловой [Комшилова 1959] многие не являются собственно диалектными: рассказ председателя сельсовета, речь зоотехника и др. В этих «текстах получила отражение не диалектная речь ⟨...⟩, а литературная по основе речь с сохранением сильного налета диалектизмов» [Баранникова 1967, с. 71].

Как же методика преподавания русского языка реагирует на эти «установки»?

Г. К. Данилов в статье 1931 г. «О перестройке методики преподавания языка» пишет: «Обучение языку есть часть языковой политики, в советских условиях — политики пролетариата. В дооктябрьский период преподаватель языка всемерно использовал школьные уроки для обучения нормам старой речи, речи буржуазно-помещичьих классов, преимущественно господствующих национальностей, для борьбы с тем новым, что приходило в язык. В наших условиях на уроках родного языка преподаватель активно содействует регулированию его, пересмотру норм устной и письменной литературной речи с точки зрения интересов пролетариата ⟨...⟩. Ленинский этап в методике означает борьбу за высокую грамотность массовой речи, в частности устной. Нужно сделать так, чтобы учились языку не только на уроках языка, чтобы проблема языка, проблема социалистической перестройки его, была предметом внимания всех культурно-просветительных организаций на фабрике, на заводах, предприятиях и т. д. Нужно объявить борьбу за массовое окультуривание речи. Это совершенно естественно вытекает из ленинского этапа, из общей установки Ленина о том, что каждая кухарка должна уметь управлять государством и что каждый дворник, следовательно, должен владеть языком настолько, чтобы справляться не только со своим незатейливым делом» [Данилов 1931, с. 51,57].

У нас перед глазами результат того, что кухарки и дворники стали управлять нашим государством. Позднее Данилова обвинят в вульгарном социологизме, но и в те годы, и до недавнего времени чуть ли не главной целью лингвистов провозглашалась «борьба за окультуривание речи».

О стремлении познакомить учащихся не только с литературной речью, но и с речью диалектной, высказанном лингвистами и методистами XIX — начала XX в., теперь уже никто не говорил. В докладе об учебниках и учебных пособиях по русскому языку в средней школе, сделанном Л. В. Щербой в 1943 г., провозглашалась необходимость обучения школьников лишь на «безукоризненных образцах литературной речи» [Щерба 1957, с. 180].

Таким образом, диалекты объявлялись пережиточной категорией, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизмы в речи носителей литературного языка назывались ошибками. Им объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Цель методики «обучения русскому языку в

диалектных условиях», писал А. В. Текучев, «устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью» [Текучев 1974, с. 11]. Появилось множество работ, посвященных борьбе с диалектизмами в речи учащихся,— книг, статей, диссертаций [ср. там же, с. 4]. Конечная цель этой борьбы — полное вытеснение диалектов литературным языком.

3. Надо ли приветствовать развитие русского языка в этом направлении? Ни в коем случае.

О русском языке говорят как об одном из самых богатых языков мира. Богатство языка — это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. О лексическом богатстве диалектов, в частности, может говорить следующее. В самом полном 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в «Архангельском областном словаре», публикация которого только еще начата,— более 150 тысяч слов. При этом «Архангельский областной словарь» дифференциальный: он включает только те слова архангельских говоров, у которых есть какие-либо отличия от литературных слов, и не включает слова, полностью совпадающие с литературными. Богаты лексикой и другие региональные словари.

Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может членироваться по-разному, что проявляется в разном количестве слов — названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей. Так, в одних русских говорах, как и в литературном языке, лингвистическое время членится на прошедшее, настоящее и будущее, а в других выделяются еще перфект и плюсквамперфект. В литературном языке существует одно название для невзрослой лошади — *жеребенок*. А в говорах чаще всего встречается три названия возрастных периодов жеребенка; первый период — *сосун*, *сосок*, *соска*, *лошонок*, *лошак*, *коняжка*, *селеток*, *озимок*, *первозимок*; второй — *стригач*, *стриган*, *стригун*, *стрига*, *стрижка*, *стрижак*, *летошник*, *лонщак*, *лонщи-*

на, *перезимок*, *полуторник*; третий — *третьяк*, *третьяка*, *трехлеток*, *троелеток*, *учка*, *первопашка*, *гуляк*, *боронка*, *бороныш*, *боронщик*, *боронник*, *бороновалка* и др. Встречается и более дробное членение для периода невзрослой лошади, например: *сосун / жеребенок — стриган / стригач / лонщак / лонщина / одногодок — боронка / бороныш / боронник / третьяк — соха / сошка / сошник / первопашка* и др. Это членение может усложняться различиями по полу: *кобылка / жеребушка / жеребулька — жеребчик / жеребок* или *лонщачка — лонщак*, *третьячка — третьяк* и др. [см.: Мораховская 1983].

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах может проявляться в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово — с разными родственными словами, ср., например: *ухва́т* (от *хватать*, *ухватить*), *рога́ч* (от *рогатый*), *ручни́к* (от *ручной*), *емки́* (от *имать* ‘брать’) и т. п.

Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка,— это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

4. Проводившаяся у нас языковая политика была одной из сил, вызывавших этот процесс. Эта языковая политика имела и другие отрицательные последствия. «Найдутся, вероятно, и такие учителя,— писал В. И. Чернышев в 1912 г.,— ⟨...⟩ которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни ⟨...⟩. У ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни ⟨...⟩. Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утвердит в своих питомцах враждебное отношение к народному языку ⟨...⟩. Всякое наступательное движение по отношению к народному языку при ничтожной и только кажущейся пользе приносит страшный, непоправимый вред в разных отношениях: моральном, педагогическом, образовательном» [Чернышев 1970, т. 2, с. 531]. Воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков — это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности. «Мы серые, серо говорим» — частая самооценка деревенских жителей [ср. Калнынь 1991, с. 231—232].

Основная цель учителя, работающего в диалектной среде,— научить школьников литературному языку. Но литературный язык не должен вытеснить у них тот язык, которым они владеют с детства,— местный го-

вор. Литературный язык многообразен: в разных ситуациях мы используем различные его стили. В деревенском общении должен сохраниться местный говор. И благородная цель учителя — показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения своей роли, а в некотором отношении он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору — вот вторая важная цель учителя деревенской школы. Естественно, что учитель и сам должен хорошо знать этот говор, понимать его особенности.

Нам надо помнить слова, сказанные А. А. Шахматовым еще в 1903 г. преподавателям русского языка: «Школа, кроме целей утилитарных, преследует и этические задачи ⟨...⟩. Мне кажется, что то преподавание русского языка, которое видим теперь, ничего не скажет душе юноши: синтаксический разбор, знакомство с юсами и аористами не заронит в нее идеалов, не возвысит и не укрепит ее ⟨...⟩. Из исторического очерка русского языка, из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках — он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни ⟨...⟩. Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее» [Шахматов 1904, с. 89—90].

Ближайшая задача, стоящая перед лингвистами,— пропаганда нового отношения к диалектам. Для этого необходима популяризация этих идей в широкой печати. Новые взгляды на взаимоотношения между литературным языком и диалектами должны найти место в вузовских курсах. Этому будет способствовать, в частности, новая программа для вузов по русской диалектологии [см. Касаткин 1994]. За последние десятилетия появились многие произведения художественной литературы, авторы которых широко используют диалектизмы как стилистическое средство, однако лингвистических работ, анализирующих использование этих средств в современной литературе, совершенно недостаточно. Лучшие из этих произведений следует включить и в школьную программу. В школе должна быть возрождена краеведческая работа. Хорошее пособие, иллюстрирующее богатство и территориальное разнообразие русского языка,— школьный диалектологический атлас [Язык русской деревни 1994].

Диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Их исчезновения не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Недавно в стране возникло широкое движение за сохранение и восстановление памятников культуры. Язык — тоже памятник культуры. Он также нуждается в бережном, любовном к нему отношении. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, необходима и наиболее полная фиксация их современного состояния. Эта задача не может быть решена теми немногими диалектологами, которые ведут полевые записи диалектной речи. Необходимо создавать в сельских и районных школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры. Со временем же их значение неизмеримо возрастет [см. Касаткин, Касаткина 1988; Костинский 1988][2].

[2] Первая публикация — [Касаткин 1993в].

Глава 1

Московская фонологическая школа и некоторые проблемы исторической фонетики

Московская фонологическая школа и ее терминология, связанная с учением о фонеме

1. Московская фонологическая школа (МФШ) — научное направление в исследовании звукового яруса языка, возникшее в конце 1920-х годов. Ее основатели — Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин и их единомышленники: Г. О. Винокур, А. И. Зарецкий, И. С. Ильинская и др. — опираются на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ. На формирование МФШ оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также продолжавшего традиции И. А. Бодуэна де Куртенэ [см.: Панов 1967, с. 407—411; Реформатский 1970]. Обобщение и дальнейшее углубление и развитие идеи МФШ получили главным образом в трудах М. В. Панова, а также и других представителей МФШ второго и следующих поколений: С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой, С. С. Высотского, К. В. Горшковой, К. Ф. Захаровой, Вал. В. Иванова, Л. Э. Калнынь, Р. И. Лихтман, Т. Ю. Строгановой, С. А. Барановской, В. А. Виноградова, М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной (Пауфошимы), С. М. Кузьминой, Н. К. Пироговой, О. С. Широкова, М. Л. Каленчук и др. Основные положения МФШ можно кратко сформулировать следующим образом.

Основа теории МФШ — учение о фонеме. Важнейшее положение МФШ — необходимость применения морфемного критерия при определении фонемного состава языка. Для отнесения разных звуков к одной фонеме необходимо и достаточно, чтобы звуки находились в дополнительном распределении в зависимости от фонетических позиций

и занимали одно и то же место в одной и той же морфеме, то есть позиционно чередовались. Фонему представляет весь ряд (совокупность, множество) позиционно чередующихся звуков. В этот ряд могут входить самые различные звуки: близкие и далекие, а также нуль звука. Так, в русском языке фонема ⟨с⟩ может быть представлена звуками [с] — *с отцом*, [с°] — *с отчимом*, [с'] — *с сестрой*, [с'°] — *с сестрами*, [з] — *с братом*, [з'] — *с дядей*, [ш] — *с шурином*, [ж] — *с женой*, [ш'] — *с чадом*, нулем звука — *с щедрым* и др.

У фонемы две основные функции — перцептивная и сигнификативная. Перцептивная — способствовать отождествлению, опознаванию одних и тех же значимых единиц языка — слов и морфем. Так, говорящие отождествляют, то есть считают одним и тем же, корень в словоформах *мой*, *моя*, *моего*, так как он, имея одно и то же значение, представлен одними и теми же фонемами, хотя и разными позиционно чередующимися звуками, в том числе и нулем звука: *мой* — ⟨мој⟩ — [м°оӣ], *моя* — ⟨мој-а⟩ — [маъj-á], *моего* — ⟨мој-ово⟩ — [мъ-иэвó]. Сигнификативная, или смыслоразличительная, функция фонем — способствовать различению значимых единиц языка. Слова *дом*, *том*, *сом*, *ром*, *ком*, *лом* различаются благодаря разным начальным звукам, представляющим разные фонемы.

Применение морфемного критерия опирается на перцептивную функцию фонем: опознавание и отождествление говорящими слов и морфем, выступающих в разных контекстах и реализованных в связи с этим разными звуками, осуществляется благодаря не только единству значения, но и единству фонемного состава. Применение морфемного критерия опирается и на сигнификативную функцию фонем: выступая в одной морфеме и не участвуя, следовательно, в смыслоразличении, позиционно чередующиеся звуки относятся к одной фонеме.

Теория МФШ в первую очередь ориентирована на перцептивную функцию фонемы. С проблемой отождествления одних и тех же слов и морфем при помощи одних и тех же фонем связана детально разработанная МФШ теория позиций — условий употребления и реализации фонем в речи. Позиционные чередования могут быть обусловлены фонетическими позициями (положение фонемы после или перед каким-либо звуком, в начале, середине или конце слога, слова или фразы, в ударном или безударном слоге и т. п.) и морфологическими позициями (положение фонемы перед определенным суффиксом, окончанием или в слове, принадлежащем к определенной грамматической категории). Звуки, чере-

дующиеся в фонетических позициях, образуют фонему; фонемы, чередующиеся в морфологических позициях, образуют морфонему: *под-ру*[г]*а* — *дру*[к] — фонема ⟨г⟩, *подру*⟨г⟩*а* — *дру*⟨ж⟩*ить* — морфонема ⟨г—ж⟩.

МФШ в процессе развития, совершенствования использует и близкие ей идеи, высказанные представителями других школ. Так, МФШ участвует в разработке понятия дифференциальных и интегральных признаков фонемы, ранее выдвинутого Пражской лингвистической школой и опирающегося на сигнификативную функцию фонем. Эти обобщенные признаки обусловлены артикуляционными и акустическими признаками звуков, представляющих фонемы, и устанавливаются на основе оппозиции, противопоставления фонем друг другу. Дифференциальные признаки (ДП) необходимы и достаточны для определения данной фонемы, то есть отграничения ее от других фонем языка в сигнификативно сильных порциях. Признаки звуков, представляющих данную фонему, не участвующие в противопоставлении ее другим фонемам, называются интегральными (ИП). Так, глухость — дифференциальный признак фонемы ⟨т⟩, так как ей противостоит звонкая ⟨д⟩. Но у ⟨ц⟩ нет парной фонемы по глухости/звонкости, поэтому у нее и нет этого дифференциального признака. Глухость — интегральный признак звука [ц], воплощающего фонему ⟨ц⟩.

МФШ выдвинуто положение о параллельных и пересекающихся рядах позиционно чередующихся звуков. Параллельные ряды не имеют одинаковых звуков в одних и тех же позициях, пересекающиеся ряды имеют такие звуки. Так, ⟨р⟩ и ⟨л⟩, различаясь во всех позициях, образуют параллельные ряды чередующихся звуков, неогубленных, огубленных и глухих:

⟨р⟩: *смот*[р]*ы* — *смот*[р°]*у* — *смот*[р̂]
⟨л⟩: *смыс*[л]*ы* — *смыс*[л°]*у* — *смыс*[л̂]

Фонемы ⟨б⟩ и ⟨п⟩, различаясь в позициях перед гласными, не различаются, нейтрализуются на конце слова и образуют пересекающиеся ряды чередующихся звуков:

⟨б⟩: *стол*[б]*ы* — *стол*[б°]*у* ⟩ *стол*[п]
⟨п⟩: *стол*[п]*ы* — *стол*[п°]*у*

Соотношение фонем, представленных непересекающимися множествами звуков, и фонем, представленных пересекающимися множествами, имеющими общую часть, в разных языках различно.

МФШ ввела понятие гиперфонемы. Первоначально под гиперфонемой понималась функциональная единица, выступающая в позиции нейтрализации, а также группа нейтрализующихся фонем. Позднее гиперфонема стала пониматься как особый случай неполной реализации в отдельных морфемах всего ряда позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему: как функциональная единица, представленная отдельным звуком или рядом позиционно чередующихся звуков, относящихся к общей части нейтрализованных фонем, не приводимой в данных морфемах однозначно к одной из этих фонем. Так, первый гласный в корне слов *соба́ка*, *собаково́д* [аъ ‖ ъ] не бывает под ударением в однокоренных словах. Эти позиционно чередующиеся звуки могут быть только представителями ⟨о⟩, ⟨а⟩, так как эти фонемы, различаясь под ударением, совпадают, нейтрализуются в безударных позициях именно в этих звуках, но представителями какой из этих фонем они являются, решить здесь невозможно. В этом корне — гиперфонема $\langle\frac{\text{о}}{\text{а}}\rangle$: *с*$\langle\frac{\text{о}}{\text{а}}\rangle$*бака*, *с*$\langle\frac{\text{о}}{\text{а}}\rangle$*баковод*.

Первоначальное содержание термина «гиперфонема» было положено в основу термина «слабая фонема» в теории фонемы Р. И. Аванесова, выдвинутой им в середине 1950-х годов. По этой теории, фонема, или сильная фонема, представлена рядом звуков, выступающих в сигнификативно сильных позициях, слабая фонема — рядом звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях. Объединение сильной и слабой фонемы представляет собой фонемный ряд. Сильная и слабая фонемы рассматриваются как элементы словоформы, фонемные ряды — как элементы морфемы.

Основные положения, выдвинутые при анализе фонемы, применяются МФШ и при рассмотрении суперсегментных явлений: ударения, тонов, интонации, диэремы (пограничных сигналов), сингармонизма и др.

Построение фонологической модели языка, в том числе определение всех его фонем и их взаимоотношений в разных позициях с точки зрения МФШ возможно только при учете всех слов, грамматических форм и морфем данного языка и всех фонетических реализаций фонологических единиц. Отсюда пристальное внимание представителей МФШ к звуковой материи языка, в том числе к изучению ее методами инструментальной фонетики.

Идеи МФШ нашли применение в первую очередь в теории письма — графике и орфографии, создании алфавитов, практической транскрипции и транслитерации, в исторической фонетике, диалектологии и лингвистической географии, преподавании неродного языка. Положение о

том, что позиционно чередующиеся единицы представляют собой модификации одной и той же единицы более высокого уровня (яруса), находит все большее применение не только в фонологии, но и при описании явлений словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики, поэтики и др.

2. Некоторые понятия и термины Московской фонологической школы, связанные с учением о фонеме, определяются представителями этой школы неоднозначно.

2.1. Р. И. Аванесов видел в концепции МФШ недостатки, связанные, в частности, с тем, что термин «фонема» употреблялся основателями МФШ в двух значениях: 1) фонема — это «конкретный звук», выступающий в сильной позиции (т. е. сигнификативно сильной, по определению А. А. Реформатского) и «имеющий ⟨...⟩ определенную физиолого-акустическую характеристику»; 2) фонема — это «совокупность звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования» в зависимости от сильных и слабых позиций. «Фонема в этом понимании лишена определенной физиолого-акустической характеристики, так как члены непараллельного, пересекающегося чередования могут быть весьма различны по своему качеству» [Аванесов 1956, с. 39].

Дальнейшие взгляды представителей МФШ на фонему развивались в двух направлениях. П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров продолжали придерживаться точки зрения на фонему, которую М. В. Панов, и сам стоящий на этой же позиции, сформулировал следующим образом: фонема — «это функциональная фонетическая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков» [Панов 1979, с. 106].

Р. И. Аванесов в своей новой концепции предлагает употреблять термин «фонема» в этом значении только для языков, где чередующиеся звуки образуют параллельные, не пересекающиеся друг с другом ряды. Для языков с чередованиями непараллельными, пересекающимися Р. И. Аванесов вводит понятия сильной и слабой фонемы. «Сильная фонема выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, а слабая фонема — в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц» [Аванесов 1956, с. 29]. Объединения сильной и слабой фонемы дает фонемный ряд [с. 31].

2.2. Двойственно в теории МФШ и понятие варианта фонемы. С одной стороны, «варианты представляют собой такие позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве» [Аванесов, Сидоров 1945, с. 43]. С этой точки зрения вариант фонемы принадлежит именно данной фонеме, это один из ее ряда позиционно чередующихся звуков. В позиции нейтрализации выступает как бы не один звук, а два и больше одинаковых звуков, каждый из которых принадлежит разным фонемам, разным рядам позиционно чередующихся звуков. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров называют эти звуки омонимами [с. 43].

Омонимы — это совпавшие в звучании разные единицы. Например, *лук* 'растение' и *лук* 'оружие', *три* — числительное и *три* — глагол, *прут* и *пруд* и т. п. Совпадение в звучании не мешает в каждом данном контексте идентифицировать [лук] с *лук*^{1} или *лук*^{2}, [прут] с *прут* или *пруд* и т. д. Точно так же вариант фонемы в данном контексте, которым является для фонемы конкретный морф, определяется говорящими как представитель одной из совпавших в данном звуке фонем.

С этой точки зрения допустимо только словосочетание «вариант такой-то фонемы». Например, [п] в слове *суп* — вариант фонемы ⟨п⟩, [п] в слове *зуб* — вариант фонемы ⟨б⟩.

С другой точки зрения вариант рассматривается как одна единица, выступающая в позиции нейтрализации нескольких фонем и соответствующая этим фонемам: «Вариант выступает ⟨...⟩ в роли заменителя двух и более фонем» [Аванесов и Сидоров 1945, с. 43], «две фонемы, в одной позиции различные, в другой позиции совпадают в одном варианте» [Кузнецов 1941, с. 189]. С этой точки зрения возможно словосочетание «вариант нескольких фонем».

Итак, вариант$_1$ принадлежит одной фонеме, вариант$_2$ — нескольким.

Между Р. И. Аванесовым, П. С. Кузнецовым и А. А. Реформатским возникла полемика по поводу вариантов фонемы. Р. И. Аванесов видел недостаток старой теории фонем МФШ в том, «что так называемые „варианты“ фонем рассматриваются по преимуществу со стороны своей эквивалентности фонеме в ее основном виде, т. е. с точки зрения своего функционального единства с „основным видом фонемы“ [Аванесов 1956, с. 39—40]. Возражая Р. И. Аванесову, П. С. Кузнецов указывает, что в его работе 1941 г. «говорится о противопоставлении варианта двух совпадающих в определенной позиции фонем другим фонемам в той же

позиции» [Кузнецов 1959, с. 471]. Но Р. И. Аванесов имеет в виду вариант$_1$, П. С. Кузнецов — вариант$_2$.

А. А. Реформатский, не соглашаясь с новой теорией Р. И. Аванесова, считал, что слабые фонемы Р. И. Аванесова — это модернизация теории вариантов, что это «бывшие варианты по МФШ», что это «травестирование старых и более простых понятий» [Реформатский 1970, с. 86, 91]. Так же считает и Г. А. Климов: вариант фонемы МФШ — «по Р. И. Аванесову — слабая фонема» [Климов 1967, с. 90].

2.3. Но слабая фонема Р. И. Аванесова соотносима с вариантом фонемы МФШ только во втором значении этого термина. Однако и в этом значении вариант$_2$ не совпадает полностью со слабой фонемой. Вариант фонемы — это звук, выступающий в позиции нейтрализации. Так, [ʌ] в 1-м предударном слоге — это вариант ⟨а⟩ и ⟨о⟩, [ъ] во 2-м предударном слоге — это другой вариант тех же фонем: *в*[ʌ]*дá*, *тр*[ʌ]*вá*, *в*[ъ]*дянóй*, *тр*[ъ]*вянóй*. Слабая фонема — это не один звук, она сама «может выступать в ряде своих вариантов» [Аванесов 1956, с. 29]. Такова, например, слабая гласная фонема 1-го предударного слога ⟨α⟩. Ее признак — неверхний подъем. Ее «разновидностями» являются звуки [ʌ] и [и^{е}], выступающие в различных позициях и, следовательно, позиционно обусловленные: [ʌ] после твердых согласных, [и^{е}] после мягких согласных: [бʌкá], [рʌбá] — [м'и^{е}лá], [сл'и^{е}дá], [л'и^{е}гáвъi̯] [с. 106, 109]. «Вариантами одной и той же слабой гласной фонемы» являются в предударных слогах и звуки [ъ] и [ь], так как их качество «(в основном — более переднее или заднее образование) обусловлено положением после мягкой или твердой согласной: после мягкой употребляется [ь], после твердой — [ъ]. Ср. [б'ъгʌвói̯] и [бъкʌвói̯]» [с. 129].

Р. И. Аванесов говорит также о «слабой гласной фонеме, выступающей то в виде [ʌ] или [и^{е}], [ы^{э}], то в виде [ъ] или [ь]», которая «является общим членом всех фонемных рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами неверхнего подъема» ⟨о, а, е⟩ [с. 132]. У согласных тоже выделяются слабые фонемы. Например, «согласные фонемы, слабые по глухости — звонкости, которые выступают (в зависимости от позиции) в своем глухом или звонком варианте [с. 163].

Р. И. Аванесов показал, таким образом, что слабая фонема — это не звук, а ряд позиционно чередующихся звуков. Но Р. И. Аванесов и сам был непоследователен в употреблении своей терминологии. Так, он писал, например: слабая фонема [ъ], слабая фонема [ʌ], слабые фонемы [и^{е}]

и [ь] [с. 127, 129 и др.]. И здесь слабой фонемой он называл уже не ряд звуков, а один звук.

Непоследовательность в употреблении термина «слабая фонема» проявлялась также в следующем. По определению Р. И. Аванесова, «слабая фонема ⟨...⟩ всегда является эквивалентом двух или нескольких сильных фонем» [с. 30]. И почти всегда рассматриваемые им слабые фонемы таковы. Но при анализе гласных безударных слогов Р. И. Аванесов пишет о «лабиализованной слабой фонеме [у]» [с. 110, 117], хотя во всех безударных слогах [у] является эквивалентом только ударного [у].

Термин «слабая фонема» Р. И. Аванесова, таким образом, не был простой заменой термина «вариант фонемы» МФШ. Гораздо ближе термин «слабая фонема» другому термину МФШ — «гиперфонема».

2.4. Термин этот был предложен В. Н. Сидоровым еще в начале 1930-х годов [см.: Кузнецов 1941, с. 186; Реформатский 1970, с. 63], но впервые появился в статье П. С. Кузнецова 1941 г. [см.: Кузнецов 1941, с. 186, 190, 203]. В работах основателей МФШ термин «гиперфонема» используется весьма редко. При этом «встречаемость понятия и особенно термина гиперфонема в трудах московских фонологов находится в обратной зависимости от его фундаментальности в фонологической концепции МФШ» [Виноградов 1971, с. 100]. Употреблялся этот термин в работах представителей МФШ неоднозначно [ср.: Буланин 1979, с. 29; Кузьмина 1981, с. 20—24].

Термин «гиперфонема» связан с понятием групповой различимости. Идея групповой различимости была, в частности, сформулирована А. А. Реформатским «еще в начале 30-х годов, в период его увлечения лингво-полиграфической проблематикой» [Виноградов 1971, с. 99].

С точки зрения П. С. Кузнецова, гиперфонема — это «совокупность фонем, в известных случаях противостоящих друг другу, в других случаях не отличающихся друг от друга, но всегда противостоящих другим совокупностям» [Кузнецов 1941, с. 190]. В гиперфонемы объединяются «фонемы, отличающиеся друг от друга в позиции дифференциации maximum, но утрачивающие различение друг от друга в позициях дифференциации minimum» [с. 186]. Исходя из этой идеи, М. В. Панов так определял гиперфонему: «Между собой фонемы ⟨...⟩ могут объединяться в группы. Фонемы объединяются именно тем, что они нейтрализуются; нейтрализованные фонемы образуют гиперфонему. В русском языке, например, фонемы ⟨а — о⟩ составляют гиперфонему, ⟨т — т' — д — д'⟩ обра-

зуют другую гиперфонему, ⟨с — ш⟩ — еще особую и т. д.» [Панов 1967, с. 404—405].

Гиперфонемы в конкретных морфах могут проявляться по-разному. П. С. Кузнецов писал: «Принадлежность каждого конкретного звука в речевом потоке определенной гиперфонеме очевидна, но мы в исследовании не ограничиваемся этим, а устанавливаем, представителем какой именно фонемы является этот звук. Для случаев сильной позиции это очевидно, а в случаях слабой позиции задача решается постановкой, если это возможно, в сильное положение. Так, например, в русском [dʌmá] (домá) звук [ʌ] является вариантом фонемы [о] (а не [а]), так как под ударением [dɔm] (дом). ⟨...⟩ Есть, однако, довольно большое количество случаев, где такой перевод в сильную позицию невозможен и где можно поэтому говорить лишь о принадлежности к определенной гиперфонеме, но не фонеме. Так, например, в русском [sʌbákʌ] (собака) звук [ʌ] заведомо принадлежит гиперфонеме [о] — [а], но какая здесь представлена фонема, [о] или [а], решить невозможно» [Кузнецов 1941, с. 186].

Таким образом, в одних морфах слабая позиция может чередоваться с сильной. В этих морфах поэтому можно установить не только, к какой гиперфонеме относится звук, но и к какой фонеме. В других морфах данный звук выступает всегда только в слабой позиции и соотнесение его с какой-либо фонемой невозможно. «В определенных случаях, когда фонетическая позиция в данной морфеме не может быть изменена для фонемы, мы нередко не можем определить, что это за фонема. Мы можем определить только ту группу фонем, к которой относится данное звучание» [Сидоров 1971, с. 17].

Если фонема «попадает в позицию, где она не различается с другими, т. е. в позицию, в которой нельзя иногда определить, какая это фонема, то знаковая ценность фонемы здесь меняется. (Не различаясь с какой-то фонемой, она сокращает число возможных фонем, противопоставленных в этой позиции другим.) ⟨...⟩ Гиперфонематические позиции ⟨...⟩ это будут позиции, в которых различаемых единиц будет меньшее число, т. е. будут изменяться функции фонем как знаков» [там же].

Исходя из этой же мысли о функциях фонематических единиц, А. А. Реформатский писал: «⟨...⟩ гиперфонема не предполагает обязательной совокупности фонем, но может ограничиться и одной фонемой. Например, в русском языке различаются на уровне ударных гласных пять единиц: *и*, *э*, *а*, о, *у*,— но на другом уровне (безударные гласные) после твердых согласных пары гласных *и*/*э* и *а*/*о* являются неразличимыми, и ос-

тается различение трех гиперфонем: *и*/*э*, *а*/*о* и *у*, гиперфонемы охватывают нейтрализацию *и* и *э*, *а* и *о*, но *у* остается таким же, но на этом уровне — это не фонема, а гиперфонема *у*» [Реформатский 1970, с. 64; ср. также с. 118].

Таким образом, гиперфонема, с точки зрения основателей МФШ, это 1) совокупность нейтрализующихся в каких-либо позициях фонем; 2) единица, выступающая в сигнификативно слабой позиции и соответствующая нескольким фонемам сигнификативно сильной позиции; 3) единица, выступающая в сигнификативно слабой позиции, но в данном морфе не приводимая к сильной позиции, хотя в других морфах она соответствует нескольким фонемам; 4) единица, выступающая в позиции, где различается меньшее число единиц, чем число фонем данного класса; эта позиция может быть для данной единицы как сигнификативно сильной, так и сигнификативно слабой.

2.5. Итак, существует несколько кардинальных понятий, связанных с нейтрализацией фонем и важных для фонологической теории. В работах представителей МФШ предлагалось несколько терминов для этих понятий. Но, как правило, эти термины неоднозначны. Поэтому возникает необходимость уточнить эти определения.

В русском языке фонетические позиционные чередования звуков образуют в большинстве случаев ряды, пересекающиеся друг с другом. Например, в русском литературном языке можно видеть следующие ряды позиционно чередующихся звуков в соответствии с ⟨т⟩, ⟨д⟩:

1	2	3	4	5	6		7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
[т	–	т°	–	т^{н}	–	т’$^{н’}$	–	т͡л	–	т’͡л’										
[д	–	д°	–	д^{н}	–	д’$^{н’}$	–	д͡л	–	д’͡л’,	>	т	–	д	–	т̱	–	д̱	–	т̱’	–	д̱’	–	т̇’	–	ц	–	дз͡	–	ц’	–	д’з͡’	–	ч	–	дж͡	–	ч’]

1. Позиция перед нелабиализованным гласным: *о*[т] *окна́* — *по*[д] *окно́м*.

2. Позиция перед лабиализованным гласным: *о*[т°] *о́кон* — *по*[д°] *о́кнами*.

3. Позиция перед [н], здесь возникает фаукальный взрывной: *о*[т^{н}] *нас* — *по*[д^{н}] *на́ми*.

4. Позиция перед [н’]: *о*[т’$^{н’}$] *них* — *по*[д’$^{н’}$] *ними*.

5. Позиция перед [л], здесь возникает аффриката, вторая фаза которой — боковая щель: *о*[т͡л] *лампы* — *по*[д͡л] *лампой*.

6. Позиция перед [л’]: *о*[т’͡л’] *липы* — *по*[д’͡л’] *липой*.

7. Позиция конца слова, а также перед [п, к, ф, х]: *ко*[т] — *кот* и *код*, *о*[т] *пара* — *по*[т] *паром*.

8. Позиция перед [б, г]: *о*[д] *быка* — *по*[д] *быком*.

9. Позиция перед [т, ц], здесь возникает сомкнутый согласный без фазы размыкания, эксплозии, обычно называемый в русских работах имплозивным, часто описываемый как долгий затвор следующего смычного: *о*[т̚] *того* — *по*[т̚] *того*, *о*[т̚] *целого* — *по*[т̚] *целым*.

10. Позиция перед [д]: *о*[д̚] *дома* — *по*[д̚] *домом*.

11. Позиция перед [т']: *о*[т̚'] *тех* — *по*[т̚'] *теми*.

12. Позиция перед [д']: *о*[д̚'] *дерева* — *по*[д̚'] *деревом*.

13. Позиция перед [ч'], здесь перед передненёбным зубной отодвигается в область переднего нёба: *о*[т̡'] *чего* — *по*[т̡'] *чем*.

14. Позиция перед [с]: *о*[ц] *сыра* — *по*[ц] *сыром*.

15. Позиция перед [з]: *о*[д͡з] *замка* — *по*[д͡з] *замком*.

16. Позиция перед [с']: *о*[ц'] *сена* — *по*[ц'] *сеном*.

17. Позиция перед [з']: *о*[д͡'з'] *зелени* — *по*[д͡'з'] *зеленью*.

18. Позиция перед [ш]: *о*[ч] *шубы* — *по*[ч] *шубой*.

19. Позиция перед [ж]: *о*[д͡ж] *жира* — *по*[д͡ж] *жиром*.

20. Позиция перед [ш']: *о*[ч'] *щита* — *по*[ч'] *щитом*.

Звуки в позициях 5, 6, 14—20 обусловлены фонетическим законом: взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами; звуки в позициях 9—13 обусловлены фонетическим законом: взрывные согласные перед взрывными и аффрикатами того же места образования заменяются имплозивными [см.: Касаткин 1996в, с. 88, 115—116; Касаткин и др. 1995, с. 119—120].

В соответствии с традиционными взглядами МФШ фонема должна определяться как функциональная фонетическая единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков. Поэтому весь ряд звуков, выступающих в позициях 1—20[3], «возглавляемый» в позиции 1 звуком [т], рассматривается как представитель фонемы ⟨т⟩, а весь ряд звуков, выступающих в позициях 1—20, «возглавляемый» в позиции 1 звуком [д],— как представитель фонемы ⟨д⟩. В предлоге *от* во всех позициях выступает фонема ⟨т⟩, а в предлоге *под* — ⟨д⟩.

Два этих ряда позиционно чередующихся звуков в позициях 1—6 различаются, а в позициях 7—20 совпадают. Ряд звуков, выступающих в позициях 7—20, основатели МФШ могли бы назвать гиперфонемой. Однако в последние десятилетия за этим термином закрепилось следую-

[3] Количество звуков в этом ряду может быть увеличено при более детальном их рассмотрении. Тогда же выделятся и дополнительные позиции [ср.: Панов 1979, с. 91].

щее значение: «гиперфонема — функциональная единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, общих для нескольких фонем, при отсутствии представителя этой единицы в сигнификативно сильной позиции» [Панов 1979, с. 120; 1989, с. 85.]. Гиперфонема в этом понимании — единица, свойственная конкретным морфам.

Как же назвать единицу языка, представленную рядом чередующихся звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях и соответствующих в сильных позициях нескольким фонемам (ряд звуков в позициях 7—20 в приведенном примере)? Р. И. Аванесов назвал эту единицу слабой фонемой. Но в терминологии, использующей термин «фонема» для обозначения всего ряда позиционно чередующихся звуков, неудобен термин «слабая фонема», обозначающий часть этого ряда. Кроме того, он неудобен тем, что представлен словосочетанием.

В значении ‘общая часть нейтрализованных фонем’ я предлагаю употреблять термин «архифонема». Как известно, этот термин входит в терминологию Пражской фонологической школы. Однако на близость значения термина «архифонема» к значению термина «гиперфонема» указывал еще П. С. Кузнецов [Кузнецов 1941, с. 186]. Различие во взглядах на эту единицу «москвичей» и «пражцев» в том, что для «москвичей» общую часть нейтрализованных фонем составляет ряд звуков, чередующихся в сигнификативно слабых для этих фонем позициях, а для «пражцев» общую часть нейтрализованных фонем составляет совокупность их дифференциальных признаков без тех признаков, по которым данные фонемы противопоставлены [см.: Мартине 1936; Трубецкой 1960, с. 87; Богораз 1963, с. 155; Панов 1979, с. 177—184]. Так, «по-московски» общая часть фонем ⟨т⟩ и ⟨д⟩ — ряд звуков, представленных в приведенном примере в позициях 7—20, а «по-пражски» — набор дифференциальных признаков, общий для /т/ и /д/: гласный (–), согласный (+), компактный (–), низкий (–), носовой (–), диезный (–), непрерывный (–), резкий (–) [см.: Черри и др. 1962, с. 289]. В этот набор дифференциальных признаков архифонемы /Т/ не входит признак глухость/звонкость, по которому /т/ и /д/ различаются.

Но в этом же и отличия «москвичей» и «пражцев» во взглядах на фонему. В теории МФШ фонема — единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков, в теории ПФШ «фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [Трубецкой 1960, с. 45]. Рассматривая фо-

нему как весь ряд позиционно чередующихся звуков, можно часть этого ряда называть архифонемой.

Итак, архифонема — это общая часть нейтрализованных фонем. Исходя из этого, можно дать следующее определение гиперфонемы: гиперфонема — это архифонема, не приводимая в данных морфах к сигнификативно сильной позиции [см.: Касаткин 1988, с. 106]. Однако необходимо учесть также следующее. М. В. Панов показал, что гиперфонема возникает и в том случае, «если в сильной позиции у данной морфемы представлено несколько звуков и дана позиция нейтрализации. В слове *лебедь* = [л'э́б'ит'] заударный гласный можно проверить двояко: *лебяжий* и *лебёдка*, но преимуществ ни у той, ни у другой проверки нет. Поэтому транскрибировать надо так: ⟨л'эб'$\frac{а}{о}$д'⟩» [Панов 1967, с. 237]. С учетом этого определение гиперфонемы должно быть следующим: гиперфонема — это архифонема, не приводимая в данных морфах однозначно к одной из нейтрализованных фонем [см.: Касаткин 1996в, с. 111; Касаткин и др. 1995, с. 68]. Различие между архифонемой и гиперфонемой можно обозначать и в транскрипции: архифонема ⟨т—д;⟩, гиперфонема ⟨$\frac{т}{д}$⟩ или ⟨т/д⟩.

Таким образом, термины «фонема», «архифонема» и «гиперфонема» связаны с множествами позиционно чередующихся звуков. В теории МФШ есть и термины, называющие отдельные звуки. Вариант фонемы — это звук, представляющий фонему в сигнификативно слабой позиции (вместо варианта$_2$ целесообразно говорить о звуке, представляющем архифонему или гиперфонему). В приведенном выше примере 14 звуков — варианты ⟨т⟩ и варианты ⟨д⟩, выступающие в позициях 7—20. Вариация фонемы — это звук, представляющий фонему в сигнификативно сильной, но перцептивно слабой позиции. В приведенном примере это звуки в позициях 2—6: 5 вариаций фонемы ⟨т⟩ и 5 вариаций фонемы ⟨д⟩. Звук, выступающий в абсолютно сильной позиции, т. е. в сигнификативно и перцептивно сильной (позиция 1 в приведенном примере), обычно называют основным представителем фонемы. Мною для этого звука предложен термин «доминанта фонемы» [см.: Касаткин 1988, с. 105] (ср. «доминанта синонимического ряда»). С. А. Полковникова называет этот звук протофоном [Полковникова 1987].

3. Фонологическая позиция — условия употребления, реализации фонемы в речи. В разных позициях одна и та же фонема выступает в разных звуковых обликах.

Теория фонологических позиций, разработанная в МФШ, была обобщена и развита А. А. Реформатским, который выделил линейно-сегментные и суперсегментные позиции, перцептивно сильные и слабые и сигнификативно сильные и слабые позиции [Реформатский 1970, с. 115—117; 1987]. Развитие этой теории связано также с определением сильных и слабых фразовых позиций, где наблюдается разная реализация фонемы в разных фразовых условиях, определяемых, в частности, различной ритмикой и мелодикой разных отрезков фразы, с необходимостью учета общего темпа речи [см.: Высотский 1949а, с. 80—83, 89; 1967а, с. 10; Кузьмина 1966, с. 16; Пауфошима 1983б, с. 5 и сл.], с выявлением поведения фонемы в словах элементарной и сложной структуры [Каленчук, Касаткина 1993; Просодический строй 1996, с. 22—69], в заимствованных словах и клитиках, с установлением фонетических и орфоэпических позиций [Каленчук 1993].

Фонологические позиции могут быть комбинаторные — положение фонемы перед определенными звуками или после них и конститутивные — положение фонемы на границе слова или слога, в ударном или безударном слоге, в том или ином месте фразы. Так, фонема ⟨д⟩ бывает представлена перед [д] имплозивным [д̚]: *на*[д̚] *домом*, перед [н] фаукальным [д^{н}]: *на*[д^{н}] *нами*, перед [с] аффрикатой [ц]: *на*[ц] *садом*, на конце слова звуком [т]: *огоро*[т]. Условия эти могут действовать и совместно. Так, фонема ⟨о⟩ реализуется под ударением после твердого согласного в звуке [о], после мягкого — [·о]; в 1-м предударном слоге после твердого согласного — [а^{ъ}], после мягкого — [и^{э}]; во 2-м предударном слоге после твердого согласного — [ъ], после мягкого — [и^{э}], в неприкрытом слоге — [а^{ъ}]. В качестве конститутивных фонологических позиций могут выступать разные положения фонемы во фразе, в словах элементарной и сложной структуры (сложных, сложносокращенных, с некоторыми приставками), в некоторых заимствованных словах, в абсолютных и относительных клитиках, а также стиль, темп речи и др. Так, в начале фразы звуки характеризуются повышенной интенсивностью; в словах сложной структуры, в некоторых заимствованных словах и в относительных клитиках могут произноситься безударные качественно не редуцированные гласные (*тр*['о]*хпа́лубный*, *д*['э]*тдо́м*, *п*[о]*слеубо́рочный*; *б*[о]*а́*, *ан*[э]*стези́я*; *вд*[о]*ль у́лицы*, *т*['э] *леса́*, *дьяк* [о]*н*); отсутствие качественной редукции может быть связано и со стилем речи (*в*[и^{э}]*но́к*, *п*[а^{ъ}]*э́т*, *п*[ъ]*эти́ческий* в нейтральном и *в*['э]*но́к*, *п*[о]*э́т*, *п*[о]*эти́ческий* в высоком); сочетание фонем ⟨сч'⟩, ⟨зч'⟩ при среднем темпе речи может реализовать-

ся в [ш'ч'], а при ускоренном — в [ш̄']: *с чем* — [ш'-ч']*ем* и [ш'-ш']*ем*, *расчесать* — *ра*[ш'ч']*есать* и *ра*[ш̄']*есать*.

Фонологические позиции могут вызывать данную реализацию фонемы безысключительно или с исключениями. На этом основано противопоставление фонетических и орфоэпических позиций. Так, перед звонким шумным согласным глухой обязательно заменяется звонким, эта позиция фонетическая. Перед мягким зубным согласным зубные обычно мягки, но в некоторых случаях возможно произношение немягкого согласного: в начале слова — [з'д']*есь* и [зд']*есь*, на стыке приставки и корня — *ра*[с'т']*есать* и *ра*[ст']*есать*. После твердого согласного — *шер*[с'т'] и *шер*[ст'], эти позиции орфоэпические.

Фонологические позиции могут быть сильные и слабые. Сильные позиции — те, в которых фонема наилучшим образом выполняет свои функции. В слабых позициях возможности выполнения фонемами своих функций ограничены. У фонемы две основные функции: способствовать отождествлению одних и тех же значимых единиц языка — морфем и слов (перцептивная функция) и различению разных единиц (сигнификативная функция). В связи с этим выделяются два типа позиций: перцептивные (сильные и слабые) и сигнификативные (сильные и слабые).

В перцептивно сильной позиции фонема выступает в своем основном звуковом облике. В этой позиции звук, реализующий фонему, не испытывает редукции и воздействия соседних звуков, он максимально независим от позиции. В перцептивно слабых позициях фонема представлена другими звуками. Они связаны именно с данной позицией и являются результатом редукции или воздействия соседних звуков. Так, в словах *чай*, *печь*, *печник* фонема ⟨ч'⟩ реализована звуком [ч'] — своим основным представителем. Глухость этого звука, выступающего в начале и на конце слова, перед гласным и сонорным согласным (как и другие качества этого звука), — признак, проявляющийся в данных позициях, но не обусловленный ими. Для ⟨ч'⟩ эти позиции перцептивно сильные. Перед звонким шумным согласным позиция для ⟨ч'⟩ перцептивно слабая: в этой позиции происходит обязательная замена глухого [ч'] звонким [д'͡ж']: *не*[д'͡ж'] *бы затопить*. Звук [д'͡ж'] обусловлен этой позицией и употребляется только в ней. Если записать на магнитофонную ленту слова со звуком [ч'], а затем стереть часть записи, оставив только [ч'], и дать прослушать этот звук, то всеми говорящими по-русски он будет легко опознан. Если то же проделать со звуком [д'͡ж'], то

многие его не узнают, не смогут определить, в каких словах он произносится: он не встречается вне своей позиции перед звонким согласным.

В сигнификативно сильной позиции данная фонема отличается от других фонем, т. е. реализуется особым звуком. Сигнификативно слабая позиция — это позиция неразличения, нейтрализации фонем. В сигнификативно слабых позициях фонемы ограничены в возможности различать разные слова и морфемы. Так, ⟨о⟩ и ⟨а⟩ под ударением после твердых согласных реализуются в звуках [о] и [а]: *б*[о]*к* — *б*[а]*к*. Это сигнификативно сильная позиция для гласных фонем. В 1-м предударном слоге ⟨о⟩ — ⟨а⟩ не различаются, реализуясь одним и тем же звуком [аъ]: *бочок* и *бачок* — *б*[аъ]*чóк*. Эта позиция сигнификативно слабая для ⟨о⟩ и ⟨а⟩.

Одна и та же позиция для одних фонем может быть сильной, для других слабой. Так, конец слова — позиция сигнификативно сильная для твердых и мягких согласных и слабая для глухих и звонких; ср. *пло*⟨т⟩ и *пло*⟨т'⟩ различаются, а *пло*⟨т⟩ и *пло*⟨д⟩ совпадают — *пло*[т].

Перцептивно и сигнификативно сильная позиция называется абсолютно сильной. В этой позиции фонема реализуется своим основным представителем — доминантой. По этому звуку фонема и называется: фонема ⟨а⟩ по звуку [а], фонема ⟨б'⟩ по звуку [б']. В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях фонема представлена своими вариациями. Так, в слове *сон* фонема ⟨с⟩ представлена вариацией [с°], в слове *пять* фонема ⟨а⟩ представлена вариацией [ä]. Вариации фонемы — своеобразные звуковые синонимы ее доминанты («Вариация это есть как бы позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы» [Аванесов, Сидоров 1945, с. 43]). В сигнификативно слабых позициях фонема представлена своими вариантами. Так, звук [с] в слове *нос* — вариант фонемы ⟨с⟩, а в слове *мороз* — вариант ⟨з⟩. Варианты нейтрализованных фонем — своеобразные звуковые омонимы («Вариант выступает ⟨...⟩ как бы звуковым омонимом, не различающим функции совпавших фонем» [там же]). Все звуки, реализующие фонему (и ее доминанту, и ее вариации и варианты), называют и обобщенно — вариантами фонемы или аллофонами (термин, употребляющийся, в частности, представителями Санкт-Петербургской фонологической школы).

4. Теория позиционных чередований впервые была изложена М. В. Пановым в его лекциях в МГУ, а затем в книге [Панов 1979]. М. В. Панов здесь так определяет позиционное чередование: «Позици-

онным чередованием звуков называется такое чередование, которое осуществляется без исключений, т. е. во всех словах данной языковой системы» [с. 95]; «позиционное чередование бескомпромиссно. Его принцип: ни одного исключения. Это „ни одного“ четко отделяет непозиционные чередования от позиционных» [с. 100—101]; «Позиционные чередования — те, которые не знают исключений. Позиционные чередования — такие, которые определяются позицией. И то, и другое определение встречается в научной литературе, и оба они верны. Более того, одно непременно предполагает другое» [с. 103].

М. В. Панов показал, что позиционными могут быть фонетические и грамматические (т. е. морфологические) чередования: фонетические чередования зависят от фонетических позиций, грамматические — от грамматических. Так, чередование [з] || [с] в *моро*[з]*ы* — *моро*[с], *чума*-[з]*ый* — *чума*[с], *гры*[з]*у* — *гры*[с] и т. д. осуществляется в следующих позициях: не на конце слова звонкий шумный || на конце слова глухой шумный. Это фонетическое позиционное чередование. Чередование [д'] || [ж] в *водить* — *вожу*, *ходить* — *хожу*, *родить* — *рожу* и т. д. осуществляется в следующих позициях: [д'] перед *-ить* в неопределенной форме глагола || [ж] перед окончанием *-у* 1-го лица ед. числа. Это грамматическое (морфологическое) позиционное чередование [с. 95—99].

Характеризуя позиционные и непозиционные чередования, М. В. Панов показал, что различие между ними может обуславливаться единичными примерами. Так, [н'] чередуется с [н] в *ко*[н']—*ко*[н]*ный*, *ко*[н]*ский*, *пельме*[н']*и* — *пельме*[н]*ная*, *Каза*[н']—*каза*[н]*ский*, *крестья*[н']*е* — *крестья*[н]*ство*, *де*[н']—*равноде*[н]*ствие*, *испа*[н']*ец* — *испа*[н]*ца*, *ко*[н']*ец* — *ко*[н]*ца* и т. п. Позицию можно определить как [н'] не перед твердым зубным || [н] перед твердым зубным. «Примеров можно подобрать множество,— пишет М. В. Панов.— Но ведь позиционное чередование — не то, которое представлено многими примерами. Оно определяется по-другому: не знающее исключений. А в русском языке есть слово *июньский* (*июньская*). И этого исключения довольно, чтобы считать чередование „мягкий зубной не перед твердым зубным || твердый зубной перед твердым зубным“ — чередованием непозиционным. ⟨...⟩ Грань между позиционными и непозиционными чередованиями тонка. Здесь она — „толщиной“ всего в одно слово»[4] [с. 100].

[4] М. В. Панов указал на возможность произношения [н'] перед твердым зубным также в *день-деньской* [с. 100], можно привести еще некоторые примеры: *Циньская династия* (221—207 гг. до н. э.), ср. *Цинская династия* (1644—1911 гг.) в Китае, *тай-*

Однако М. В. Панов вместе с С. М. Кузьминой демонстрируют и другой, вероятностный подход к чередованиям, когда позиционными считаются и «чередования с минимальным числом исключений» [Кузьмина, Панов 1980]. Так, фонетическое чередование ударного [а] || безударного [иᵊ] после мягкого согласного (*мясо — мясной*, *прямо — прямой*, *пляска — плясать*, *пять — пяти* и многие другие) признается С. М. Кузьминой и М. В. Пановым позиционным, хотя они приводят и исключение: в слове *спекулятúвный* (при *спекуля́ция*) возможно произношение [л'а] [с. 72—73]. Морфологическое чередование [в'] перед *-ить* (инфинитив) || [вл'] перед *-ение*: *прибавить — прибавление*, *подавить — подавление*, *поздравить — поздравление*, *направить — направление*, *составить — составление* и т. п. — осуществляется в большом количестве слов (С. М. Кузьмина и М. В. Панов обнаружили около 100 таких слов в словаре Д. Н. Ушакова, [Обратный словарь 1974] приводит 146 подобных слов). «И: *благословить — благословение*. Одно словечко — и все пошло прахом! (Есть еще *вдохновить — вдохновение*, *шепелявить — шепелявение*, — Л. К.) Чередование ⟨...⟩ оказалось морфонологически непозиционным. Обидно. Понимание позиционности на вероятностной основе вернет этому чередованию статус позиционного» [Кузьмина, Панов 1980, с. 79].

Таким образом, «наряду с описанием языка, где позиционными признаются только безысключительные чередования, ⟨...⟩ возможны и такие описания, где понятие позиционности распространено и на чередования с минимальным числом исключений» [с. 79]. Описание первого типа «теоретически наиболее „чисто“» [с. 79], тогда как описание второго типа вызывается, главным образом, «удобством описания», «практической целесообразностью» [с. 74, 79].

Существует, однако, возможность объединить эти подходы в одном описании. Для этого необходимо разграничить позиционные чередования, не знающие исключений, и позиционные чередования, осуществляющиеся лишь в большинстве случаев. Позиционную зависимость первого типа можно называть, как это обычно принято, дополнительным распределением звуков или фонем, их позиционной обусловленностью, а чередования этого типа — позиционно обусловленными. Позиционную зависимость второго типа можно называть вслед за А. Б. Пеньковским позиционной прикрепленностью.

ваньский, *тайваньская*, *тайваньцы* и название правящей партии Тайваня *Гоминьдан* в современном написании; *гава́нский* от *Гавана* и *га́ваньский* от *гавань*.

В этом случае «связь между данным звуком и данной позицией ⟨...⟩ является не обязательной, а лишь преимущественной» [Пеньковский 1967, с. 203]. Чередования этого типа — позиционно прикрепленные. Они связаны с данными позициями, но осуществляются в них не обязательно, знают исключения. Позиции у таких чередований, как и у позиционно обусловленных, могут быть фонетическими и морфологическими. Поэтому и позиционно прикрепленные чередования могут быть фонетическими и морфологическими.

Так, чередование «твердые согласные не перед мягкими согласными || мягкие согласные перед мягкими согласными» — это чередование фонетическое, так как оно осуществляется в фонетических позициях, и позиционно прикрепленное, так как замена любого твердого согласного мягким в позиции перед любым мягким согласным внутри слова не имеет в современном русском литературном языке строгой обязательности: *о*[б]*ман* — *о*[б']*мен* и *о*[б]*мен*, [д]*ва* — [д']*ве* и [д]*ве*, *ра*[с]*толочь* — *ра*[с']*тесать* и ра[с]*тесать*, *во*[н]*зать* — *во*[н']*зить* и *во*[н]*зить*; *стака*[н] — *стака*[н']*чик*, но *са*[н]*часть*, *ви*[н']*честер* и *ви*[н]*честер*; *лё*[х]*кого* — *лё*[х']*кий*, но *дву*[х']*километровка* и *дву*[х]*километровка* и т. п. Принято считать, что чередование [н] || [н'] перед [ш']: *же*[н]*а* — *же*[н']*щина*, *бараба*[н] — *бараба*[н']*щик* и т. п. — не знает исключений. Но и эта зависимость — уже только привычная модель произношения конкретных слов. Появление новых сложных слов со стыком корней на *нщ* или новых заимствованных слов с этим сочетанием проявит действующую в современном русском языке тенденцию к отвердению мягкого согласного перед мягким (см. ниже, с. 221). Если, например, по образцу *панамериканский*, *пангерманский*, *панславистский* и т. п. какой-нибудь журналист создал бы слово *панщигровский* или *панщучинский*, то всего вероятнее, что [н] перед [ш'] в этом слове стали бы произносить твердо.

Звуки [т], [д] ([т'], [д']) в позиции между зубными согласными обычно заменяются нулем звука: *мес*[т]*о* — *мес*[-]*ный* (*местный*), *шес*[т'] — *шес*[-]*сот* (*шестьсот*), *крес*[т']*ец* — *крес*[-]*ца* (*крестца*), *уз*[д]*а* — *под уз*[-]*цы* (*под уздцы*), *талан*[т] — *талан*[-]*ца* (*талантца*), *голлан*[д']*ец* — *голлан*[-]*цы* (*голландцы*), *аген*[т] — *аген*[-]*ство* (*агентство*) и т. п. Но в отдельных словах этого чередования может не быть: *счас*[т']*ье* — *счас*[-]*ливый* (*счастливый*), но *кос*[т'] — *кос*[т]*лявый*, *пос*[т']*ель* — *пос*[т]*лать*; *опоз*[д]*ать* — *поз*[-]*но* (*поздно*), но *звез*[д]*а* — *звёз*[-]*ный* и *звёз*[д]*ный*.

Долгие согласные рядом с согласным теряют долготу, заменяются краткими согласными: *програ*[м̄]*а* — *програ*[м]ка (*программка*), *кла*[с̄]*ы* —

кла[с]*ный* (*классный*), *ба*[л̄]*ы* — *трехба*[л']*ный* (*трехбалльный*), *мо*[ш̄']*и* — *мо*[ш']*ный* и т. п. В некоторых случаях эта закономерность отражается и на письме: *колонна* — *колонка*, *финны* — *финка*, *финский*, *оперетта* — *оперетка* и др. Но на стыке приставки и корня долгота согласных перед согласным может сохраняться. Обязательно это при стыке двух одинаковых взрывных, первый из которых становится имплозивным: *о*[т̰т]*рубить* (ср. *отрубить*), *по*[д̰д]*вигать* (ср. *подвигать*), *по*[д̰д]*разнить* (ср. *подразнить*), *по*[т̰т]*вердить*, *по*[т̰т]*ропики*, *на*[д̰д]*верный*, *на*[т̰т]*реснутый* и др. Возможно сохранение долготы в этом случае и щелевыми согласными, ср. *бе*[с]*тыдник* (*бесстыдник*), *ра*[с]*тояние* (*расстояние*), *ра*[с]*трелять* (*расстрелять*), *ра*[с]*просить* (*расспросить*) и *бе*[з̄]*вёздный*, *бе*[з̄]*звучный*, *ра*[з̄]*вонить*, *и*[с']*тегать*, *бе*[с̄]*порно*, *ра*[с̄]*лышать* и др.: [см. Аванесов 1984, с.176—177].

Эти чередования осуществляются в фонетических позициях, поэтому их можно называть позиционными фонетическими. При этом они позиционно прикрепленные чередования, так как они знают исключения.

К позиционно прикрепленным морфологическим чередованиям относятся, например, следующие. Перед суффиксом прилагательных *-ск-* ⟨г⟩ может заменяться на ⟨ж⟩: *Волга* — *волжский*, *Калуга* — *калужский*, *Кривой Рог* — *криворожский*, *Ладога* — *ладожский*, *Норвегия* — *норвежский*, *Онега* — *онежский*, *Прага* — *пражский*, *Рига* — *рижский*, *варяг* — *варяжский*, *печенег* — *печенежский* и др. Однако в некоторых словах этого чередования нет: *Выборг* — *выборгский*, *Оренбург* — *оренбургский*, *Петербург* — *петербургский*, *Гаага* — *гаагский*, *Чикаго* — *чикагский*, *Хорог* — *хорогский*, *герцог* — *герцогский* и др. Перед глагольным суффиксом *-ива-* (орфографически *-ива-*/*-ыва-*) ⟨о⟩ может заменяться на ⟨а⟩: *выходит* — *выхаживает*, *засолит* — *засаливает*, *обработает* — *обрабатывает*, *отколет* — *откалывает*, *сносит* — *снашивает*, *уловит* — *улавливает* и т. д. в большом количестве слов. Но при этом *топчет* — *притаптывает* и *притоптывает*, *штопает* — *заштопывает*, *объегорит* — *объегоривает*, *подытожит* — *подытоживает*, *узаконит* — *узаконивает* и др.

Могут быть и чередования, не связанные в современном языке с позициями, утерявшие в процессе истории эту связь, например, чередование ⟨г⟩ (⟨г'⟩) || ⟨з'⟩: *подруга* — *друзья*, *княгиня* — *князь*; чередование ⟨о⟩, ⟨э⟩ || ⟨∅⟩: *сон* — *сна*, *рот* — *рта*, *козёл* — *козла*, *день* — *дня*, *пень* — *пня* и др. Четкой границы между позиционно прикрепленными чередованиями и чередованиями непозиционными нет. Увеличение количества исключений, отступлений от позиционной прикрепленности постепенно затемняет в языковом сознании говорящих (то есть и в самом языке) связь ме-

жду данным чередованием и обуславливающими его позициями, превращает позиционно прикрепленное чередование в непозиционное.

Фонетические позиционно обусловленные чередования рассматриваются представителями МФШ как чередования звуков, относящихся к одной фонеме (следует учитывать также и возможность латентного периода в возникшем в языке противопоставлении фонем, когда это противопоставление еще не обнаруживается в речи; в этом случае позиционно обусловленные чередующиеся звуки относятся к разным фонемам; см. ниже, с. 86—100). Морфологические и непозиционные чередования — это чередования фонем.

Фонетические позиционно прикрепленные чередования также могут представлять чередование фонем. Таковы случаи, когда отступления от позиционного чередования закреплены в отдельных словах, лексикализованы и обязательны для говорящих. В этих случаях разные звуки выступают в разных словах в одной и той же фонетической позиции и, следовательно, являются представителями разных фонем. Например, в словах *конский*, *испанский*, *спартанский* звук [н] — представитель ⟨н⟩, а в слове *июньский* звук [н'], выступающий в той же позиции,— представитель ⟨н'⟩. Если в словах *счастливый*, *завистливый*, *участливый* на месте *стл* произносится [сл'] (или [с'л']), а в слове *костлявый* обязательным стало произношение [стл'] (или [с'т'л']), это значит, что позиция между [с] ([с']) и [л'] перестала быть для ⟨т⟩ (⟨т'⟩) слабой позицией. В *счастливый* выступает сочетание фонем ⟨сл'⟩ (⟨с'л'⟩), а в *костлявый* — ⟨стл'⟩ (⟨с'т'л'⟩).

Если отступления от позиционного фонетического чередования факультативны, необязательны, то такие позиционно чередующиеся звуки могут рассматриваться как представители одной фонемы. Такой вывод следует из рассуждений С. М. Кузьминой и М. В. Панова по поводу чередования [á] || [иᵊ] (*мясо — мясной*, *прямо — прямой* и т. п.), знающего отступление от него в слове *спекулятивный* [Кузьмина, Панов 1980, с. 73]. Впрочем, подобные случаи требуют еще пристального к себе внимания[5].

[5] Первая публикация — [Касаткин 1995б].

Поведение гиперфонемы при фонетических изменениях

Понятие «гиперфонема», введенное основателями МФШ для синхронного описания фонологической системы, плодотворно и для диахронии. При фонетических изменениях варианты фонем и совпадающие с ними реально и этимологически гиперфонемы могут вести себя по-разному.

1. Вариант фонемы хотя и совпадает с вариантом парной фонемы, но расценивается говорящими как представитель своей фонемы. И эта связь тем прочнее, чем чаще чередуется в одних и тех же морфемах этот вариант с основным видом фонемы. Если возникает изменение, связанное с какой-либо фонемой, то оно затрагивает ее вариант и не распространяется на совпадающий с ним вариант парной фонемы.

В современных русских говорах наблюдается ряд явлений, которые возникли в результате тенденции к устранению нейтрализации фонем. Так, ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ в южнорусских говорах издавна нейтрализовались в позиции «смягчения» согласного. В этой позиции на их месте произносился [j]: *но*[γ]*а*, *мо*[j]*а* — *но*[j]*и*, *мо*[j]*и* и т. п. Затем возникла тенденция к различению этих фонем и в данной позиции. В результате этого на месте [j], соответствовавшего ⟨γ⟩, стали произносить [γ'] (подробнее см. ниже, с. 80—81, 200—201, 204—207). Но это изменение [j] > [γ'] затронуло только тот [j], который был в этой позиции вариантом ⟨γ⟩, и не затронуло [j], который был вариантом ⟨j⟩.

Гиперфонема не может быть поставлена в сильную позицию, поэтому она — представитель всех нейтрализованных в данной позиции фонем.

Но когда начинается фонетическое изменение одной из этих фонем, гиперфонемная ситуация нарушается. Говорящие должны по-новому оценить гиперфонему, отнести ее к изменяющейся фонеме либо к фонеме, не подвергшейся данному изменению. Эта оценка может быть разной в разных случаях, этимологически правильной и неправильной.

В севернорусских говорах имя *Олья* возникло из *Ол'γа* в результате прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Когда под влиянием литературного языка начался отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, то он захватил такие слова, как *Вань*[к']*я*, *день*[г']*ям*, *наверь*[х']*ю* и т. п. На месте мягких заднеязычных согласных в этих словах стал произноситься заднеязычный твердый: *Вань*[к]*а*, *день*[г]*ам*, *наверь*[х]*у* и т. п. В имени *Олья* звук [j] ([и̯]) сохранился: он был здесь представителем гиперфонемы ⟨γ/j⟩, но в сознании говорящих стал связываться не с фонемой ⟨γ⟩ (с этой фонемой у него была связь только по происхождению), а с фонемой ⟨j⟩ (ср. [j] ([и̯]) суффикса многих женских имен: *Агафья*, *Аксинья*, *Дарья*, *Лукерья*, *Марья*, *Настасья* и др.) [см. Касаткин 1968, с. 69].

Распространение многих фонетических закономерностей прошлых эпох мы можем установить по их лексикализованным «остаткам» — сохранению этих фонетических явлений прошлого лишь в некоторых словах. Закрепляются в этих словах звуки и фонемы, обязанные прошлым закономерностям, в тех случаях, когда здесь была гиперфонема.

Так, звук [м] перед [н, н'] в некоторых современных говорах может быть вариантом ⟨м⟩ и ⟨в⟩, ср. *зи́мн'ик* — *зима́*, *коро́мн'ик* — *коро́ва*. Система эта была распространена ранее и в тех говорах, где сейчас такой нейтрализации нет. Но в слове *мнук* (*внук*) старая закономерность сохранялась благодаря тому, что [м] здесь был представителем гиперфонемы ⟨м/в⟩. Замена в позиции перед [н, н'] звука [м] звуком [в] в соответствии с ⟨в⟩ не затронула слово *мнук*: [м] в этом слове не связывался говорящими с фонемой ⟨в⟩ [см. Васильева 1967, карта 1].

О прошлом неразличении между мягкими согласными ⟨а⟩ и ⟨е⟩ на территориях, где сейчас его уже нет, говорит слово *оп'ёт'* [см. Образование с-р наречия 1970, карты 1, 2, с. 18, 20], о неразличении в этой же позиции ⟨и⟩ и ⟨Ѣ⟩ — слово *сиверко* [см. ДАРЯ 1, карта 41 «Гласный на месте этимологического *ѣ* под ударением между мягкими согласными», автор А. К. Васильева], о неразличении ⟨т'⟩ и ⟨к'⟩ перед гласными переднего ряда — слова [т'и]*сель* (кисель), [т'и]*слый* (кислый) [см. ДАРЯ 1, карта 53 «[т'] на месте *к* мягкого, автор Л. Л. Касаткин] и др.

2. В других случаях, наоборот, изменение начинается или происходит только тогда, когда из-за отсутствия других позиций звук в морфеме не поддержан чередованиями. Так, падение слабых редуцированных начиналось в тех словах, где ъ, ь не были поддержаны сильной позицией: *къто*, *мъного*, *кънязь* и т. п. Тенденция к отвердению мягких губных согласных на конце слова осуществилась в русском литературном языке только в тех случаях, когда мягкий не мог быть в тех же морфемах в других позициях: *столо*[м'] > *столо*[м], *да*[м'] > *да*[м]; но *голу*[п'], *изба*[ф'], так как *голу*[б']*и*, *изба*[в']*ить*.

3. Причиной фонетического изменения может быть воздействие другого диалекта или языка, в том числе и литературного языка. При этом часто возникают гиперизмы. Обычно возникают и дольше всего сохраняются гиперизмы на месте гиперфонем. Таково произношение в некоторых русских говорах [ф] в окончаниях предл. падежа мн. числа существительных и прилагательных: *в стары*[ф] *книга*[ф] и др. (см. ниже, с. 122—124).

4. Необходимость отнести гиперфонему к одной из нейтрализующихся фонем возникает у говорящего и при передаче слова на письме. Колебания, ошибки чаще всего отмечаются при этом также на месте гиперфонем. Характерно, что большинство новых написаний, отражающих фонетические изменения, возникло на месте гиперфонем: *къде — где*, *съдесь — здесь*, *боран — баран*, *корман — карман*, *рясницы — ресницы*, *вядчина — ветчина* и т. п.

Подобные ошибки в памятниках письменности позволяют определить фонетические закономерности прошлых эпох. Так, написания типа *аньѣлъ*, *ѣваньѣлиѣ*, *кнѣинѣ*, с одной стороны, и *генварь*, *алилугиа* — с другой, свидетельствуют о неразличении ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ в позиции перед [и], [э] в говорах древнерусского языка (подробнее см. ниже, с. 200—201).

Об условиях фонетических ассимилятивных изменений

1. Ассимиляция звуков отмечалась в разных языках уже первыми их исследователями[6]. Довольно хорошо изучены и разнообразные формы проявления ассимиляции в различных языках. Ассимиляцию часто рассматривают как синхроническую закономерность. Однако точнее в этом случае говорить не об ассимиляции, а о ее результате, представляющем с синхронической точки зрения закономерное фонетическое чередование, члены которого обусловлены фонетическими позициями. Фонетическим чередованиям обычно противопоставляют исторические чередования, члены которых не обусловлены фонетическими позициями. Однако и фонетическое чередование, представляющее собой результат проходившего некогда в языке ассимилятивного фонетического изменения, причины и условия осуществления которого уже отсутствуют, также является чередованием историческим в том смысле, что в его «основе лежит не действие произносительного механизма, а языковая традиция» [Зиндер 1979, с. 237].

Каков же «механизм» фонетической ассимиляции как исторического изменения, то есть явления с точки зрения диахронической? Если причины конкретных фонетических изменений (в том числе и «конкретных» ассимиляций) конкретны и зависят от различных условий, сложившихся в каждом языке, то каковы те общие законы, по которым возникает фонетическая ассимиляция во всех языках?

---

[6] Подробное изложение истории развития учения об ассимиляции в отечественном и зарубежном языкознании см. [Пурто 1954].

2. Ассимиляция звуков может осуществляться по таким признакам, которые не являются релевантными для системы звуков данного языка (т. е. по признакам, которые не воплощают дифференциального признака (ДП) ни у одной пары фонем), и по таким признакам, которые являются релевантными для системы звуков данного языка (т. е. воплощают ДП хотя бы у одной пары фонем).

Так, например, в русском языке [т] перед гласным (*от арки*) характеризуется ртовым взрывом, перед [н] (*от нас*) — фаукальным, перед [л] (*от лампы*) — латеральным, перед [п] (*от палки*) «его взрыв сводится только к отделению активного органа от пассивного, за которым не следует выхода воздуха» [Зиндер 1979, с. 229—230]. Однако все эти четыре разных [т] являются одним и тем же звуком русского языка[7], разница между ними не релевантна и не осознается говорящими, несмотря на то что ассимиляция [т] последующим [н], [л] и [п] обязательна для говорящих.

Во втором случае, когда ассимиляция осуществляется по признакам, релевантным для системы, она приводит к замене одного звука данного языка другим звуком данного языка и может осознаваться говорящими. Таково, например, происшедшее в русском языке оглушение звонких перед глухими (*тра*[в]*а* — *тра*[ф]ка), озвончение глухих перед большинством звонких ([к] *окну* — [г] *дому*), смягчение некоторых твердых перед некоторыми мягкими ([с]*он* — *у*[с']*ни*) и отвердение некоторых мягких перед некоторыми твердыми (*ко*[з']*ёл* — *ко*[з]*ла*).

При указании на ассимиляцию в описаниях различных языков обычно имеется в виду ассимиляция именно этого типа. Также и в данном разделе в дальнейшем будет рассматриваться ассимиляция только этого типа.

3. «Ассимиляция,— писал М. Граммон,— подчиняется одному-единственному закону: закону более сильного ⟨...⟩. Никто не понял, что это единственный закон всех фонетических изменений, в которых принимают участие две фонемы» [Граммон 1923, с. 2; см. также: Граммон 1933, с. 185—186]. Чтобы выяснить лингвистический смысл определения «более сильный», примененного к явлению фонетической ассимиляции, необходимо рассмотреть сущность этого явления на фонетическом уровне (уровень звуков языка, аллофонов, т. е. уровень наблюдения) и на уровне фонологическом (уровень конструктов).

---

[7] Определение звука языка см. [Кузнецов 1959, с. 31].

На фонетическом уровне ассимиляция представляет собой следующее изменение на синтагматической оси. Есть некоторые звуки [a], [b], [m]. Есть также некоторые парные признаки звуков α и β. Признак α характеризует звук [a], признак β характеризует звуки [b] и [m]. Звуки [a] и [b] отличаются друг от друга только наличием и отсутствием признаков α и β, все остальные признаки у них совпадают. В результате ассимиляции происходит замена сочетания соседних звуков[8] [am] сочетанием [bm][9]. Таким образом, ассимиляцию на фонетическом уровне можно определить как замену признака α звука [a] парным признаком β под влиянием признака β соседнего звука [m].

На фонетическом уровне любой признак по отношению к парному признаку (в русском языке, например, мягкость по отношению к твердости или твердость по отношению к мягкости, звонкость по отношению к глухости или глухость по отношению к звонкости) не может считаться более «сильным». Точно так же и любой звук, обладающий признаком α, по отношению к соседнему звуку, обладающему признаком β, не может рассматриваться как «более сильный» только на том основании, что он обладает указанным признаком. Все здесь зависит от точки зрения: с точки зрения наличия мягкости мягкие «сильнее» твердых, у которых этот признак отсутствует, но с точки зрения наличия твердости «сильнее» — твердые. Кроме того, каждый фонетически релевантный признак, как явление антропофоническое, представляет собой комплекс артикуляционных и акустических параметров, число и характер которых определяются в зависимости от степени нашего проникновения в сущность явления. Рассматривая фонетически релевантные парные признаки с точки зрения составляющих их антропофонических параметров, можно посчитать, что один из этих признаков «сильнее» другого в каком-либо отношении, но тогда другой окажется «сильнее» в другом каком-либо отношении. Так, глухие по сравнению со звонкими более напряженные (параметр артикуляционный), но звонкие по сравнению с глухими более звучные (параметр акустический). Следовательно, и здесь «сила» и «слабость» признака обусловлены не его физической (антропофонической) природой, а точкой зрения говорящего (исследовате-

[8] Соседние звуки могут стоять непосредственно рядом друг с другом, но могут быть и разделены некоторыми другими звуками.

[9] Частным видом такой замены является замена [am] сочетанием [mm], в этом случае [b] = [m].

ля). Этим и объясняется возможность «выбора» языком в качестве различительного признака «незвучность/звучность» — «глухость/звонкость» (например, в русском и других славянских языках) или «напряженность/ненапряженность» (например, в английском или немецком). Поэтому, рассматривая ассимиляцию только как фонетическое явление (на фонетическом уровне), нельзя определить внутренние закономерности ее возникновения.

М. И. Стеблин-Каменский предлагает заменить в законе М. Граммона определение «более сильный» на «функционально более важный» [Стеблин-Каменский 1961, с. 16], что переводит рассмотрение вопроса в план фонологический. В каких же случаях можно говорить, что один звук (признак одного звука) функционально более важен, чем другой звук (признак другого звука)? Ответить на этот вопрос можно при сопоставлении фонетического уровня с фонологическим.

Фонемы (и архифонемы) воплощаются в звуках языка, а ДП этих фонем (архифонем) — в фонетических признаках этих звуков. Однако фонетических признаков у звуков языка всегда больше, чем ДП у фонемы (архифонемы), воплощенной в этом звуке. Поэтому одни признаки звука воплощают ДП, а другие — нет. Первые являются фонологически существенными, остальные признаки звуков являются фонологически несущественными [ср. Трубецкой 1960, с. 45].

Некоторые признаки могут быть фонологически несущественными у какого-либо звука (или ряда звуков) постоянно, во всех позициях, где употребляется этот звук. Это бывает в тех случаях, когда фонема, воплощенная в данном звуке, не обладает ДП, характеризующим другие фонемы. Так, например, в современном русском литературном языке звонкость сонорных звуков [р], [р’], [л], [л’], [м], [м’], [н], [н’], [j] — признак фонологически несущественный, так как фонемы, воплощенные в этих звуках, не обладают ДП «глухость/звонкость»; палатальность звука [j] фонологически несущественна в силу того, что фонема ⟨j⟩ не обладает ДП «твердость/мягкость». У других звуков языка некоторые признаки могут быть в одних позициях фонологически существенны, а в других позициях фонологически несущественны. Это бывает в тех случаях, когда один и тот же звук в одной позиции воплощает фонему, обладающую ДП, воплощенным в данном признаке звука, а в другой позиции воплощает архифонему, указанным ДП не обладающую. Так, например, в современном русском литературном языке глухость таких звуков, как [п], [ф], [т], [с], [ш], [к], в позиции перед гласным или сонорным соглас-

ным является фонологически существенным признаком, так как в этой позиции указанные звуки воплощают фонемы, обладающие ДП «глухость». В позиции же перед глухими согласными или на конце слова глухость этих же звуков является признаком фонологически несущественным, так как в этой позиции указанные звуки воплощают архифонемы, не обладающие ДП «глухость/звонкость».

Очевидно, что одним из случаев большей функциональной важности признака одного звука по сравнению с парным признаком соседнего звука является такой случай, когда у первого звука этот фонетический признак фонологически существен, а у соседнего звука парный признак фонологически несуществен.

Исходя из вышесказанного, ассимиляция в подобном случае может быть определена как замена фонологически несущественного признака α звука [a] парным признаком β под влиянием фонологически существенного признака β соседнего звука [m][10].

4. Это определение ассимиляции дает возможность ответить на ряд вопросов, связанных с историей ассимилятивных изменений в различных языках.

Так, например, в русском языке в эпоху после падения редуцированных гласных происходила ассимиляция согласных по звонкости и глухости. Изменение это заключалось в том, что глухие согласные перед некоторыми звонкими озвончались (например, [съб]*ор* > [сб]*ор* > [зб]*ор*, [с'ьд']*есь* > [с'д']*есь* > [з'д']*есь* и т. п.), некоторые звонкие перед глухими

[10] Ср. у А. Мартине: «Синхронический анализ ассимиляций в определенном языке показывает (и это хорошо согласуется с диахроническими фактами), что, как правило, именно различительные признаки переходят с одной фонемы на другую ⟨...⟩. Если же в сочетании из двух согласных в качестве второго элемента выступает сонант, для которого звонкость не является различительной, эта звонкость никак не влияет на первую согласную, даже если она глухая. ⟨...⟩ к оглушению стремится именно фонетически звонкая согласная, причем независимо от того, стоит ли она перед глухой или после глухой согласной» [Мартине 1960, с. 245—246]. Ср. у М. И. Стеблина-Каменского: «Пока голос был различительным признаком в смычных, но не был различительным признаком в предшествующих носовых и плавных, происходила регрессивная ассимиляция носовых и плавных с глухими смычными, но когда голос перестал быть различительным признаком в смычных, такая ассимиляция должна была прекратиться ⟨...⟩. И наоборот, дефонологизация голоса у смычных и его фонологизация у носовых и плавных должны были создать условия для обратной, прогрессивной ассимиляции в сочетании носового или плавного со смычным» [Стеблин-Каменский 1961, с. 16; см. также Стеблин-Каменский 1963, с. 34—35].

оглушались (например, *сла*[дък]*о* > *сла*[дк]*о* > *сла*[тк]*о*, *ре*[ж'ьт']*е* > *ре*[ж't']*е* > *ре*[ш't']*е* и т. п.). Не происходило озвончения глухих согласных перед сонорными, т. е. тоже звонкими, звуками [р], [р'], [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [j], поэтому в современном русском языке и существуют сочетания этих согласных с предшествующими глухими: *у*[тр]*о*, [пл]*аток*, [см']*ех*, *коне*[шн]*о*, *ста*[т'j]*я* и т. п. Известно также, что в современном русском языке на конце слова происходит некоторое оглушение сонорных согласных, особенно сильное после глухих, ср. разные по степени глухости/звонкости согласные в следующих случаях: *лав*[р]—*Пёт*[р̥], *жез*[л]—*смыс*[л̥], *кор*[м]—*кос*[м̥], *жиз*[н']—*пес*[н̥'] и т. п. В этих случаях оглушение сонорных после глухих происходило в результате прогрессивной ассимиляции [см. Аванесов 1956, с. 169]. Таким образом, сочетание двух согласных, из которых первый глухой, а второй звонкий [С̥С], могло в русском языке изменяться в сторону озвончения глухого: [С̥С] > [СС] (регрессивная ассимиляция) либо в сторону оглушения звонкого: [С̥С] > [С̥С̥] (прогрессивная ассимиляция); в сторону оглушения звонкого могло изменяться и сочетание [СС̥] (регрессивная ассимиляция: [СС̥] > [С̥С̥]).

Рассматривая ассимиляцию по глухости и звонкости в русском языке только как явление фонетическое, мы не сможем объяснить, например, того, почему перед сонорными не происходило озвончения глухих и почему сами сонорные после глухих могли оглушаться. Известно, что согласные звуки обладают признаком глухости или звонкости в различной степени. С этой точки зрения все согласные делятся на три группы: шумные глухие произносятся без голоса, остальные согласные — с голосом, причем большей степенью звонкости обладают сонорные, меньшей — шумные звонкие. Если считать, что согласные, обладающие большей степенью звонкости, «сильнее» согласных, обладающих меньшей степенью звонкости, то самыми «сильными» являются сонорные, затем следуют шумные звонкие и, наконец, шумные глухие. Поскольку шумные глухие озвончались перед шумными звонкими, то с фонетической точки зрения они тем более должны были озвончаться перед сонорными. Не происходило этого озвончения потому, что признак звонкости у шумных звонких был фонологически существенным, а у сонорных фонологически несущественным. Поэтому-то шумные звонкие и могли воздействовать на предшествующие глухие, а сонорные не могли. Поэтому с точки зрения глухости/звонкости шумные глухие, у которых глухость была признаком фонологически существенным, тоже оказыва-

лись «сильнее» сонорных и ассимилировали их. Таким образом, указанные особенности ассимиляции согласных противоречат фонетической стороне явления и легко объяснимы с фонологической стороны.

После падения редуцированных гласных в русском языке происходила и ассимиляция согласных по мягкости и твердости [см. Калнынь 1956, с. 188—212]. Некоторые согласные смягчались (т. е. заменялись соответствующими мягкими) перед некоторыми мягкими согласными, например: [дъв']*ѣ* > [дв']*ѣ* > [д'в']*ѣ*, *по*[дъд']*ѣлъ* > *по*[дд']*ѣл* > *по*[д'д']*ѣл* — здесь твердый звук [д] заменился мягким звуком [д'] под влиянием следующего мягкого [в'] в первом случае и [д'] во втором. В ряде русских говоров происходило смягчение заднеязычных после мягких согласных, например: *Ва*[н'ьк]*а* > *Ва*[н'к]*а* > *Ва*[н'к']*а* — здесь твердый звук [к] заменился мягким звуком [к'] под влиянием предшествующего мягкого звука [н'] [см. Зеленин 1913; Касаткин 1968]. Одновременно с этим в русском языке происходило в некоторых случаях отвердение мягких согласных перед твердыми; например: *те*[м'ьн]*о* > *те*[м'н]*о* > *те*[мн]*о*, *стра*[н'ьн]*ый* > *стра*[н'н]*ый* > *стра*[нн]*ый* — здесь мягкий звук [м'] в первом случае и [н'] во втором заменились твердыми [м] и [н] под влиянием следующего твердого [н].

Изменение типа [С'С] > [С'С'] (*Ва*[н'к]*а* > *Ва*[н'к']*а*) и типа [С'С] > [СС] (*стра*[н'н]*ый* > *стра*[нн]*ый*) наблюдается в одних и тех же говорах и в одну и ту же эпоху. С точки зрения распределения фонетических признаков мягкости и твердости исходные сочетания в обоих случаях равны. Однако они не равны с фонологической точки зрения.

В тех говорах, где происходило изменение первого типа (прогрессивная ассимиляция), заднеязычные фонемы не обладали ДП «твердость/мягкость», поэтому твердость звуков, воплощавших эти фонемы, была признаком фонологически несущественным. А мягкость звуков, предшествовавших заднеязычным, была фонологически существенной, так как эти звуки воплощали «мягкие» фонемы. Изменение второго типа (регрессивная ассимиляция) объясняется тем, что в этом случае твердость согласных, стоящих перед гласным и воплощавших «твердые» фонемы, была фонологически существенной, между тем твердость или мягкость согласного, появлявшегося перед таким согласным в результате падения редуцированных, могла становиться признаком фонологически несущественным.

Такие отношения, когда твердость или мягкость согласного звука, стоящего перед другим согласным, была фонологически несуществен-

ной, сложились в древнерусском языке еще до падения редуцированных гласных. В эпоху, предшествующую падению редуцированных, мягкость и твердость согласных и переднее и непереднее образование гласных были неразрывно связаны в пределах одного мягкого или твердого слога [см. Якобсон 1929, с. 31; Аванесов 1947, с. 47—48]. Таким образом, ДП «твердость/мягкость» характеризовал в эту эпоху «твердые» и «мягкие» слоги и воплощался в ряде (непереднем/переднем) гласного звука и твердости/мягкости согласного звука. Следовательно, как ряд гласного, так и твердость и мягкость стоящего перед ним согласного были в этот период признаками фонологически существенными. В пределах слога могло быть также и сочетание согласных. Согласные, стоящие перед другими согласными, не противопоставлялись по твердости/мягкости, поэтому твердость и мягкость согласных, стоящих перед другими согласными, были признаками фонологически несущественными.

Если в результате падения редуцированных гласных возникали сочетания согласных, неоднородные с точки зрения твердости/мягкости, т. е. сочетания типа [C'C] или [CC'], то эта неоднородность могла устраняться путем ассимиляции. Направление ассимиляции определялось в первую очередь тем, у какого из двух согласных твердость или мягкость была признаком фонологически существенным, а у какого — признаком фонологически несущественным.

В ряде случаев существующие в языке закономерности противоречат приведенному выше определению ассимиляции. Однако часто при ближайшем рассмотрении такие противоречия оказываются мнимыми. Так, в современном русском языке не происходит замена глухих согласных звонкими не только перед сонорными звуками, у которых звонкость является признаком фонологически несущественным, но и перед звонким [в], у которого звонкость фонологически существенна, так как он воплощает фонему ⟨в⟩, обладающую ДП «звонкость». Глухие и звонкие перед [в] различаются: [с]*ват* — [з]*ватъ*, [т]*вой* — [д]*вое* и т. п. Однако следует учитывать при этом, что фонема ⟨в⟩ стала «звонкой» гораздо позднее других «звонких» фонем, а именно тогда, когда в системе появилась парная ей «глухая» фонема ⟨ф⟩. А до того времени фонема ⟨в⟩ не обладала ДП «глухость/звонкость» и стояла в одном ряду с другими фонемами, воплощенными в сонорных звуках. Очевидно, ассимиляция согласных по звонкости ко времени появления у фонемы ⟨в⟩ ДП «звонкость» уже перестала быть фонетическим изменением, превратившись в

фонетическое чередование. Поэтому перед [в] и продолжали сохраняться глухие согласные.

Русские говоры, знающие результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отличаются друг от друга по охвату этим изменением разных заднеязычных и по составу согласных, после которых происходило это изменение. Так, в южнорусских говорах не смягчается звонкий заднеязычный [ɣ] (*Вань*[к']*я*, но *день*[ɣ]*ам* и т. п.), тогда как в севернорусских говорах произносящийся на его месте [г] смягчается так же, как и [к] (*Вань*[к']*я* и *день*[г']*ям* и т. п.). Вместе с этим в южнорусских говорах происходит смягчение [к] и после [j] (*Вань*-[к']*я* и *чай*[к']*ю* и т. п.), а во многих севернорусских говорах после [j] [к] остается твердым (*Вань*[к']*я*, но *чай*[к]*у* и т. п.). Объясняется это «противоречие» тем, что в южнорусских говорах фонемы ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ были противопоставлены как «твердая» фонема «мягкой» (см. ниже, с. 80—81), и, следовательно, твердость звука ⟨ɣ⟩ и мягкость [j] были признаками фонологически существенными. Поэтому ⟨ɣ⟩ не был «слабее» предшествующего мягкого согласного и не изменялся в мягкий звук; [j] же был «сильнее» следующего [к], у которого твердость была признаком фонологически несущественным, и вызывал изменение этого [к] в [к']. Между тем в севернорусских говорах фонема ⟨г⟩ не обладала ДП «твердость/мягкость» и не отличалась в этом смысле от ⟨к⟩, поэтому [г], так же как и [к], оказывался «слабее» предшествующего мягкого согласного и изменялся в [г']. *У* [j], стоящего перед [к], во многих севернорусских говорах мягкость была признаком фонологически несущественным, поэтому [к] в таких говорах и не смягчался после [j].

5. Приведенное определение ассимиляции позволяет привлекать результаты фонетической ассимиляции для реконструкции фонологической системы языка или диалекта. В некоторых случаях при отсутствии других данных результаты фонетической ассимиляции могут быть единственным свидетельством происшедшего некогда изменения фонологической системы и указывать на относительную хронологию этого изменения. Так, в русском языке происходило оглушение звонких согласных перед ⟨ч⟩, ⟨ц⟩, поэтому в современном русском литературном языке и в большинстве русских говоров в этой позиции произносится глухой согласный в соответствии со звонким в сильной позиции, ср. *о*[п]*чистить*, *о*[п]*царапать* и т. п., *о*[б]*мануть*, *о*[б]*ыграть* и т. п. В современном русском языке глухость звуков, воплощающих ⟨ч⟩ и ⟨ц⟩, фонологически не-

существенна, так как фонемы ⟨ч⟩, ⟨ц⟩ не обладают ДП «глухость/звонкость». Указанное оглушение свидетельствует, однако, о том, что в период, когда возникала и развивалась ассимиляция по глухости, фонемы ⟨ч⟩, ⟨ц⟩ были «глухими» фонемами и, следовательно, в системе фонем им были противопоставлены «звонкие» фонемы. Этими «звонкими» фонемами, очевидно, были ⟨д͡ж⟩ и ⟨д͡з⟩ воплощавшиеся в звуках [д'͡ж'] и [д'͡з']. Впоследствии, когда [д'͡ж'] изменился в [͡ж'], а [д'͡з'] в [͡з'] и перестали различаться ⟨д͡ж⟩ и ⟨ж⟩, ⟨д͡з⟩ и ⟨з'⟩, фонемы ⟨ч⟩ и ⟨ц⟩ утратили ДП «глухость», но чередование звонких в сильной позиции с глухими в позиции перед ⟨ч⟩, ⟨ц⟩ сохранилось.

В отличие от русского языка в украинском литературном языке и во многих украинских говорах, а также в белорусском языке фонема ⟨д͡ж⟩, воплощающаяся в звуках [д͡ж] или, реже, [д'͡ж'], сохранилась в 1-м лице ед. числа глаголов с основой на *-д*: *сиджу*, *ходжу* (*хаджу*) и т. п. и в отдельных словах типа *саджа*, *уроджай* (*ураджай*) и т. п. [см. Марчук (Бовтрук) 1964, с. 81— 88]; там же обзор основной литературы по вопросу об истории *д͡ж* в восточнославянских языках [Нарысы 1964, с. 238]. Сохранилась в украинском языке и фонема ⟨д͡з⟩: *дзвонити*, *дзеркало* и т. п. [см. Курс української мови 1951, с. 191; Шахматов 1916а]. Отмечается фонема ⟨д͡з⟩ в отдельных словах и в белорусском языке [см. Курс беларускай мовы 1961, с. 18 и сл.; Карский 1955, с. 46].

6. Приведенное выше определение ассимиляции не универсальный закон всех ассимиляций, так как рассмотренный случай, как указывалось,— только один из случаев большей функциональной важности признака одного звука по сравнению с парным признаком соседнего звука. Очевидно, в некоторых изменениях, определяемых как фонетическая ассимиляция, фонологическая несущественность (в указанном выше смысле) признака ассимилируемого звука не является необходимым условием ассимиляции, а фонологическая существенность признака ассимилирующего звука не является (при наличии первого условия) достаточным условием ассимиляции. Однако фонологическая существенность признака ассимилирующего звука — необходимое условие всякой ассимиляции, осуществляющейся по признакам, релевантным для фонологической системы языка[11].

[11] Первая публикация — [Касаткин 1966а].

О фонологическом содержании звука [j] в некоторых русских говорах

1. Система фонем каждого языка характеризуется определенным набором дифференциальных признаков (ДП). Каждая фонема языка *L* характеризуется некоторым набором ДП из общего набора ДП, свойственного всей системе фонем этого языка. Любая фонема ⟨f⟩ языка *L* может обладать каким-либо ДП из общего набора ДП или не обладать им. Если она не обладает им, то в матрице идентификации фонем мы ставим 0; если она обладает им, то в матрице мы ставим + (плюс) или – (минус).

Если какие-либо фонемы $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$ коррелятивны, а $\langle \frac{f_1}{f_2} \rangle$ — соответствующая им архифонема, то:

1) фонемы $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$ обладают одним и только одним ДП, характеризующимся у этих фонем противоположными знаками; архифонема $\langle \frac{f_1}{f_2} \rangle$ этим ДП не обладает;

2) $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$ могут отличаться только одним ДП, а именно тем, который характеризуется у этих фонем противоположными знаками, остальные ДП, входящие в набор ДП фонем $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$, полностью совпадают; тогда набор ДП архифонемы $\langle \frac{f_1}{f_2} \rangle$ состоит из тех ДП, которые полностью совпадают у фонем $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$;

3) $\langle f_1 \rangle$ и $\langle f_2 \rangle$ могут отличаться больше чем одним ДП: может быть так, что фонема $\langle f_1 \rangle$ обладает каким-либо ДП, а фонема $\langle f_2 \rangle$ этим ДП не обладает; тогда архифонема $\langle \frac{f_1}{f_2} \rangle$ будет обладать указанным ДП с тем же знаком, что и $\langle f_1 \rangle$ [ср. Богораз 1963, с. 163].

2. Воплощая конструкты (фонемы, архифонемы первой и других степеней), звуки языка[12] обладают определенным фонологическим содержанием. Фонологическое содержание звука языка — это набор ДП конструкта, воплощенного в данном звуке.

Одни и те же звуки могут воплощать в одном и том же языке (диалекте) разные конструкты (например, фонему и архифонему) и обладают, таким образом, разным фонологическим содержанием. В этом случае фонологическое содержание звука языка меняется при изменении позиции: в одной позиции он воплощает фонему, в другой — архифонему.

В связи с этим некоторые признаки звуков в одной позиции могут оказаться фонологически существенными, а в другой — несущественными. Существенными являются только те признаки, которые воплощают ДП.

3.1. Фонетической системе русского языка (литературного и диалектного) свойствен мягкий, палатальный звук [j]. В литературном языке и ряде говоров (тип *А*) этот звук воплощает фонему ⟨j⟩[13], которая не обладает ДП «палатальность», является внепарной по «твердости/мягкости» [см., например: Аванесов 1949, с. 150; 1956, с. 186; Еськова 1957, с. 38—39; Якобсон 1961, с. 560—561]. Следовательно, в литературном языке и в этих говорах мягкий звук [j] с точки зрения его фонологического содержания не является «мягким» (как, впрочем, и не является «твердым»); иначе говоря, мягкость, палатальность звука [j] здесь фонологически несущественна.

3.2. В русских говорах [j] может также воплощать конструкты, обладающие ДП «палатальность», и иметь, следовательно, иное фонологическое содержание. Рассмотрим некоторые типы таких говоров.

3.2.1. Говоры типа *Б* знают корреляцию фонем ⟨γ⟩ : ⟨j⟩. В этих говорах в сильной позиции фонема ⟨γ⟩ воплощается в звуке [γ], фонема ⟨j⟩ — в звуке [j] : *мо*[γ]*ý* — *мо*[j]*ý*, *сле*[γ]*á* — *шле*[j]*á*, *деньˇ*[γ]*á* — *воронь*[j]*á*, [γ]*óлый* — [j]*óлка* и т. п. Перед ⟨и⟩, ⟨е⟩ (а также и перед архифонемами, находящимися в соответствии с этими фонемами) ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ не различаются;

[12] Здесь и в дальнейшем имеются в виду «звуки языка» в смысле, указанном П. С. Кузнецовым [см. Кузнецов 1959, с. 474].

[13] Фонема ⟨j⟩ в литературном языке и говорах может воплощаться не только в звуке [j], но, в частности, и в звуке [и̯]. Однако, как показал О. Брок, в русском языке не существует четкого разграничения этих звуков [см., например: Брок 1902, с. 134]. Поэтому разницей между [j] и [и̯] здесь можно пренебречь.

в этой позиции фонемам ⟨ɣ⟩, ⟨j⟩ соответствует архифонема ⟨$\overset{ɣ}{\underset{j}{}}$⟩, воплощенная в звуке [j][14]: *мо*[ɣ]*у́*, *мо*[j]*у́*—*мо*[j]*ú*; *сле*[ɣ]*á*, *шле*[j]*á*—*сле*[j]*ú*, *сле*[j]*é*, *шле*[j]*ú*, *шле*[j]*é*; *день*[ɣ]*á*, *воронь*[j]*á*—*дéнь*[j]*ими*, *воро́нь*[j]*ими*; *но*[ɣ]*á*—*но*[j]*ú*, *но*[j]*é*; *сапо*[ɣ]*á*—*сапо*[j]*ú*, *сапо*[j]*é*; [j]*и́блый*, [j]*и́бель*, [j]*и́ря*, [j]*и́пкий*; [j]*их*, [j]*и́мя* и т. п. [см.: Аванесов 1952, с. 37 и сл.].

Корреляцию ⟨ɣ⟩ : ⟨j⟩ следует признать корреляцией по «твердости/мягкости»: ДП «палатальность» со знаками – (минус) и + (плюс), так как в позиции перед ⟨е⟩, в которой эти фонемы нейтрализуются, происходит нейтрализация и всех других согласных фонем, противопоставленных именно по этому признаку: ⟨п⟩ и ⟨п'⟩, ⟨б⟩ и ⟨б'⟩, ⟨в⟩ и ⟨в'⟩, ⟨т⟩ и ⟨т'⟩ и т. д. Следовательно, фонема ⟨ɣ⟩ в этих говорах — это «твердая» фонема, а ⟨j⟩ — «мягкая», а архифонема ⟨$\overset{ɣ}{\underset{j}{}}$⟩ не обладает ДП «палатальность». Звук [j] в сильной позиции (где он воплощает фонему ⟨j⟩) фонологически «мягкий», а в слабой позиции (где он воплощает архифонему ⟨$\overset{ɣ}{\underset{j}{}}$⟩) звук [j] фонологически ни «мягкий», ни «твердый». Иначе говоря, мягкость, палатальность звука [j] фонологически существенна в сильной позиции и несущественна в слабой.

Говоры этого типа отмечались на территории южнорусского наречия разными диалектологами [см. Аванесов 1952, с. 38 и сл.], сейчас такие говоры уже почти вытеснены говорами, различающими [ɣ'] и [j][15]. Однако есть основания предполагать широкое распространение говоров типа *Б* в древнерусском языке[16].

---

[14] [j] «на месте» ⟨ɣ⟩ наблюдается не только перед ⟨и⟩, ⟨е⟩, но и вообще, когда ⟨ɣ⟩ оказывается перед «гласными переднего ряда», например: *стере*[ɣ]*у́*—*стере*[jо̋]*ш*, *мо*[ɣ]*у́*—*мо*[jо̋]*ш* и т. п. Однако слабую позицию для фонем ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ нельзя определять как позицию «перед гласными переднего ряда», так как чередование [ɣ] перед [а], [о], [у] с [j] перед [и], [е] есть чередование фонетическое, позиционное (*но*[ɣ]*á*— *но*[j]*é* , как *ко*[с]*á*—*ко*[с']*é*), а чередование с [j] перед другими гласными «переднего ряда» есть чередование историческое, т. е. чередование фонем *мо*[ɣ]*у́*—*мо*[jо̋]*ш*, как *не*[с]*у́* —*не*[с'о̋]*ш*). Кроме того, переднее или непереднее образование гласного само зависит от твердости и мягкости предшествующего согласного. Поэтому «следует говорить о зависимости от следующей фонемы» [Якобсон 1948, с. 164], между тем как «гласные переднего ряда»— это звуки языка, воплощающие гласные фонемы, которые не обладают в русском языке ДП ряда.

[15] С. С. Высотский, имея в виду рязанские говоры, пишет: «Факты соответствий ɣ—j перед гласными переднего ряда ⟨...⟩ сейчас встречаются уже редко ⟨...⟩, вытесняемые формами с ɣ'» [Высотский 1949б, с. 90].

[16] «Известная надпись,— писал Е. Ф. Будде.— *ана рьина* (Anna regina) дочери Ярослава Мудрого, бывшей замужем за Франциском I, на монете не могла быть ос-

3.2.2. В говорах типа *В* фонема ⟨j⟩ не обладает ДП «палатальность», однако она является коррелятивной «мягкой» фонеме ⟨в'⟩, противопоставленной по ДП «палатальность» «твердой» фонеме ⟨в⟩.

$$\begin{array}{c}\langle в' \rangle - \langle j \rangle \\ | \\ \langle в \rangle\end{array}$$

Фонемы ⟨в'⟩ и ⟨j⟩, различаясь в сильной позиции, не различаются в слабой, где им соответствует архифонема $\langle \frac{в'}{j} \rangle$, воплощенная в звуке [j]. В ряде говоров этого типа сильной позицией для фонем ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ является положение перед гласными, слабой — конец слова: [в']*едý* — [j]*едý*, [в']*яжú* — [j]*ежú*, *люб*[в']*ú* — *вороб*[j]*ú*, *кро*[в']*úть* — *кро*[j]*úть*, *на бро*[в']*я́х* — *в кра*[j]*а́х* и т. п.; *люб*[в']*ú*, *люба́я* — *любó́*[j], *кро́*[в']*и*, *кро́*[j]*у* — *кро*[j], *на бро*[в']*а́х*, *в кра*[j]*а́х* — *бро*[j], *кра*[j], *свекро́*[в']*и* — *свекро́*[j], *поста́*[в']*ить* — *поста́*[j] и т. п. Фонема ⟨в⟩ на конце слова воплощается в звуке [w] ([ў]): *коро́*[w], *столо́*[w], *хле*[w] и т. п.

Так как фонема ⟨в'⟩ «мягкая», а ⟨j⟩ противопоставлена ⟨в⟩ не по ДП «палатальность», то и архифонема $\langle \frac{в'}{j} \rangle$ должна включать в набор своих ДП «палатальность» со знаком + («мягкость»). Следовательно, звук [j] в сильной позиции (где он воплощает фонему ⟨j⟩) фонологически ни «мягкий», ни «твердый», а в слабой позиции (где он воплощает архифонему $\langle \frac{в'}{j} \rangle$) фонологически «мягкий». Иначе говоря, палатальность звука [j] фонологически несущественна в сильной позиции и существенна в слабой.

Говоры этого типа отмечены двумя довольно компактными группами на территории Европейской части РСФСР — одна в центре и на севере Рязанской обл. [см. Атлас В, карта 64; Будде 1896, с. 158 и сл.], другая на северо-западе Вологодской обл. [см. Атлас С]. Говоры типа *В* отмечены и в Сибири [см. Бобряков 1960, с. 138—145]. По-видимому, во всех этих говорах указанная система уже не является в настоящее время единственной, а сосуществует с вытесняющей ее системой говоров типа *А* [ср. Высотский 1949б, с. 90—91]. О более широком распространении в прошлом говоров типа *В* говорят, в частности, отмечаемые единичные примеры с [j] на месте ⟨в'⟩ и в говорах других территорий[17]. Широко рас-

---

мыслена без знания физиологии произношения g = γ, γ' = j и без знания соотношения между др.-русской графикой и живыми звуками русского языка в его наречиях (в частности, в южнорусском наречии). Ср.: др.-моск. *кнеиня* или современное ю.-в.-р. „ноји“ = *ноги* и под.» [Будде 1914, с. 63].

[17] А. М. Селищев отмечает *обуй* (обувь) «в разных местах Сибири» [Селищев 1921, с. 245], в неопубликованных материалах атласов русских народных говоров

пространены в русских говорах употребляющиеся и в литературном языке наречия *домой*, *долой*, возникшие из древнерусских *домови*, *долови* в результате редукции и отпадения конечного *и*[18].

Определение для фонем ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ в говорах типа *В* сильной и слабой позиции, т. е. позиции, в которой эти фонемы различаются, и позиции, в которой вместо них выступает архифонема $\langle\frac{в'}{j}\rangle$, должно учитывать различия, существующие между говорами этого типа. Различия эти заключаются в том, что в одних говорах типа *В* слабой позицией для фонем ⟨в'⟩ и ⟨j⟩, так же как и сильной, являются одни фонетические положения, а в других говорах типа *В* — другие. Происхождение этих различий между говорами типа *В* связано с историей противопоставления в этих говорах всех мягких и твердых губных вообще и с историей губных спирантов в частности.

Выделяются несколько фонетических положений, в которых в одних русских говорах могут произноситься мягкие губные, а в других говорах — губные только твердые. Так, в одних говорах губные сохранили мягкость на конце слова; в таких говорах наряду с *го́лу*[п'], *сы*[п'], *се*[м'] произносится мягкий звук на месте ⟨в'⟩ — в говорах типа *В* [j] (примеры см. выше). В других говорах в этом положении произносятся только твердые губные: *го́лу*[п], *сы*[п], *се*[м] и наряду с этим *поста*[ф] или *поста*[w].

Другим таким положением является положение перед ⟨к'⟩. В одних говорах губные перед ⟨к'⟩ произносятся твердо: *ба́*[п]*ки*, *ла́*[п]*ки*, *ма́*[м]*ки* и *де́*[ф]*ки* (*де́*[w]*ки*). В других говорах губные перед ⟨к'⟩ смягчаются: *ба́*[п']*ки*, *ла́*[п']*ки*, *ма́*[м']*ки* и в говорах типа *В де́*[j]*ки*, *спра́*[j]*ки*, *ла́*[j]*ки* и т. п. Говоры типа *В* этой разновидности отмечены в центральных и северных районах Рязанской обл. [см. Атлас В, карта 63; Будде 1896, с. 158—159]. Е. Ф. Будде отмечает в этих районах [j] на месте ⟨в'⟩ и перед другими согласными: *во́jся* 'вовсе', *быцко́jська* 'бычковская', *Любо́jя* 'Любовья', *с марко́jю* 'с морковью' [Будде 1896, с. 159]. Однако в ряде других говоров в этом положении могут произноситься только твердые губные, а следовательно, и невозможен [j] .

отмечено произношение *д'ʒ'éjк'и*, *трájк'и* в с. Крапивна Ульяновского р-на Калужской обл. [нас. п. 727 Атласа З и произношение *д'éjк'и* в Орловской обл.: в с. Ивановское Хотынецкого р-на, с. Кривцова Плота Должанского р-на, д. Сетенёва Дросковского р-на [нас. п. 66, 297, 313 Атласа Ю].

[18] О происхождении форм *домой*, *долой* в связи с «совпадением» ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ в звуке [j] см. [Будде 1896, с. 148—149].

Таким образом, в одних говорах есть условия для неразличения в указанных положениях ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ — это говоры, знающие в этих положениях произношение мягких губных, а в других говорах таких условий нет.

Вместе с тем во всех русских говорах существует произношение мягких губных, в том числе и мягкого спиранта, перед гласными. Ряд описаний свидетельствует о том, что неразличение ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ может быть и в этом положении.

Так, Е. Ф. Будде приводит примеры: *жыjёть* 'живет', *зγатójить* 'сготовит', *ў Растójи* 'в Ростове', *дéjица* 'девица', *упрájить* 'управить', *дéjить* 'девять' [Будде 1896, с. 158—159]. Н. А. Бобряков приводит: *жыйúте*, *пастáйит'*, *палайúна*, *найéрнъ*, *брайé*, *чилайéк*, *авдайéў*, *карóйе*, *айé чяк*, *пиряйарнёт*, *пайашшáли* 'повещали', *нипрáйал'на*, *пиряйаз'лú*, *прийажáлас'*, *плайот* 'плывёт', *зайóт* 'зовёт', *ряйóт* 'ревёт', *жыйóт* 'живёт' и др. [Бобряков 1960, с. 139—140, 142]. Подобные же примеры приводятся и в ряде материалов, собранных для атласов русских говоров; см., например, отмеченные Л. П. Жуковской в с. Муньга Вашкинского р-на Вологодской обл.: наряду с *постáj* 'поставь' также и *зойóт*, *лой áт*, *по трайé*, *пойел'ú*, *по канáᵘе*, *челоéк*, *д'ейшн'ик*, *кос'йéишшо*, *полоúну*, *д'é ер'*, *ᵛдоé* 'вдове', *постáат* 'поставят'; или отмеченные С. К. Пожарицкой наряду с *готój*, *крój*, *постáj* также и *заготóил*, *остáит'е*, *соéц'кии*, *жыит'é*, *услóija*, *прáили*, *ф конáе*, *ф траé*, *сплáäт*, *настáät*, *жыöт* в д. Киселево Чарозерского р-на Вологодской обл., где между гласными обычно не произносится и этимологический [j] [см. Атлас С, нас. п. 118, 138]. Возможно, также о прошлом неразличении ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ говорит часто встречающееся произношение *суравешки* 'сыроежки' [ср. Будде 1896, с. 163] и широко распространенное *можжевельник*, где [в'] появляется на месте [j] [см. Соболевский 1907, с. 142].

Какая же позиция является сильной для ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ в таких говорах, где неразличение этих фонем отмечается и перед гласными? Небольшое количество описаний таких говоров и отсутствие в этих описаниях подробной картины «взаимоотношения» фонем ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ позволяют ответить на этот вопрос только предположительно.

Вероятно, такой позицией может быть положение перед гласными не после гласных, т. е. в начале слова и после согласных ([в']*едý* — [j]*едý*, *с*[в']*éсить* — *с*[j]*éсть*). В этой позиции раньше, чем в других позициях, губно-зубной звук [в'] появляется на месте старого губно-губного [w] и

вытесняет этот [w] [см. Орлова 1950, с. 171 и сл.][19]. А между тем произношение [j] на месте ⟨в'⟩ возникало именно в связи с губно-губным образованием этого спиранта [см. Будде 1896, с. 319—320; Шахматов 1898, с. 35, 69].

3.2.3. Однако возможно также, что различение ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ в положении перед гласными не после гласных возникло в некоторых говорах на месте старого неразличения этих фонем в данной позиции. Иначе говоря, возможно, что в некоторых говорах неразличение ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ было во всех позициях[20]. В этом случае мы должны констатировать систему говора типа *Г*, где вместо фонем ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ выступает одна «мягкая» фонема ⟨j⟩ противопоставленная по ДП «палатальность» «твердой» фонеме ⟨в⟩. В таких говорах палатальность звука [j] должна была бы быть фонологически существенной во всех положениях, где ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ различаются, и несущественной в позиции нейтрализации этих фонем[21].

---

[19] Ср. указание Н. А. Бобрякова на то, что в говорах Киренского р-на Иркутской обл. «противопоставленность фонем *в*—*в'* последовательно отражается в положении после согласных перед гласными (*сват*—*свят*), а также в начале слов перед гласными (*вал*—*вял*, *вос*—*вёс*, *выт'*—*вит'*). В интервокальном положении эта противопоставленность выступает весьма непоследовательно»: здесь на месте *в* «может выступать губно-губной *w*», «на месте *в'* ⟨...⟩ часто произносится j» [Бобряков 1960, с. 140].

[20] Возможно, об общности судеб [в'] и [j] перед [и] в начале слова говорит утрата согласного в таких словах, как *иш* (< *виш* < *вижь*), *ить* (< *вить* < *вѣдь*), распространенных в русских говорах [см.: Селищев 1921, с. 245].

[21] Первая публикация—[Касаткин 1966б].

Латентный период в истории фонемы[22]

1. Речь — отражение, воплощение, реализация языка. Но отражение это неполное, неточное. Некоторые изменения в языке проявляются в речи не сразу, а лишь спустя какое-то время.

Позиционно чередующиеся звуки с точки зрения Московской фонологической школы являются представителями одной и той же фонемы. Некоторые факты, однако, говорят о том, что позиционно чередующиеся звуки могут на одном этапе развития языка представлять одну и ту же фонему, а на другом этапе — разные фонемы.

1.1. В русских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (*Ванъ*[к']*я*, *денъ*[г']*ям*, *наверъ*[х']*ю* и т. п.), отмечены случаи произношения [к', г', х'] после этимологических твердых согласных: *Н'и́нк'а*, *В'е́рк'а*, *Шу́рк'а*, *м'ат'о́лк'а*, *нъ пад'о́нк'у*, *с'ирó́тк'а*, *пахл'о́пк'а*, *сушы́лк'а*, *надо́лг'о*, *па́сх'у* и т.п. В этих примерах [к', г', х'] возникали по аналогии с [к', г', х'] после мягких согласных [см. Касаткин 1968, с. 10—18, 43].

Как известно, по аналогии переноситься с одной лингвистической единицы на другую могут только признаки релевантные, фонологически существенные для данной единицы [ср. Трнка 1936]. Если бы звуки [к', г', х'] были позиционно обусловлены и мягкость этих звуков была бы признаком нерелевантным, фонологически несущественным (а фонемы ⟨к, г, х⟩ не обладали бы дифференциальным признаком «твердость/мяг-

[22] Латентным предложил называть этот период М. В. Панов в отзыве о данной работе.

кость»), то мягкость не могла бы переноситься с [к', г', х'] на [к, г, х] по аналогии. Для того чтобы могла осуществляться аналогия (в результате которой возникли указанные случаи с [к', г', х'] после этимологически твердых согласных), необходимо было, чтобы мягкость [к', г', х'] после мягких согласных перестала быть признаком позиционно обусловленным и превратилась у этих звуков в признак самостоятельный, релевантный, фонологически существенный, а сами [к', г', х'] стали восприниматься как представители «мягких» фонем ⟨к', г', х'⟩, противопоставленных «твердым» фонемам ⟨к, г, х⟩, воплощенным в звуках [к, г, х]. Ср. у Р. О. Якобсона: «Грамматическая аналогия сама по себе не может привести к возникновению или исчезновению фонологической корреляции» [Якобсон 1971, с. 66].

Примеры типа *Н'и́нк'а*, *надо́лг'о*, *па́сх'у* являются, таким образом, показателем того, что в системе уже есть противопоставление ⟨к, г, х⟩ и ⟨к', г', х'⟩. Но сложилось это противопоставление в языковом сознании говорящих, то есть в языковой системе, еще до возникновения этих примеров, еще тогда, когда [к', г', х'] и [к, г, х] выступали в дополнительном распределении в разных позициях.

1.2. В говорах Вологодской группы северного наречия широко распространена система вокализма, в которой фонемы ⟨а⟩ и ⟨е⟩ нейтрализуются между мягкими согласными, совпадая в звуке [е]: *м'ал — м'е́ли*, *гр'а́зной — гр'ес'*, *п'а́той — п'ет'н'иц'а* и т. п.; *кр'ест — кр'ес'т'ик*, *п'ерст — п'ёр'с'т'ен'* и т. п.

	⟨а⟩		⟨е⟩
В позиции **С'ГС**	[а]		[е]
В позиции **С'ГС'**		[е]	

В соответствии с этим в глаголах *лечь* и *сесть* происходит чередование в корне при образовании форм будущего времени: *л'а́гу — л'ёг'еш*, *с'а́ду — с'ёд'еш* и т. д.

В ряде вологодских говоров в результате аналогического выравнивания эти формы образуются так: *л'ёгу — л'ёг'еш*, *с'ёду — с'ёд'еш* и т. д. При этом в других словах может не быть никакого отклонения от чередования указанного типа. Формы *л'ёгу*, *с'ёду* тоже не нарушают этого чередования. Система чередования выдерживается по-прежнему: во всех случаях без исключения [а], выступающий в позиции С'ГС, заменяется звуком [е] в позиции С'ГС'.

Но если раньше позиционно чередующиеся звуки [а || е] воплощали одну и ту же фонему ⟨а⟩, то теперь эти же звуки воплощают чередование фонем ⟨а || е⟩. Сигнификативно слабая позиция С'ГС' стала сильной. Об этом свидетельствует указанный перенос из этой позиции звука [е] в позицию С'ГС. Звук [е] в позиции С'ГС' стал осознаваться говорящими как основной представитель фонемы. Поэтому он и может переноситься в другую позицию.

2. Если звук [a], выступающий в позиции P_1 и звук [b], выступающий в позиции P_2, чередуются в одной морфеме и звуки [a] и [b] находятся в дополнительном распределении по фонетическим позициям, то это значит, что звуки [a] и [b] являются представителями одной фонемы. Каждый из этих позиционно чередующихся звуков обусловлен «своей» позицией. Из этого следует, что если данная фонема стоит в позиции P_1, то она реализуется звуком [a], а если она стоит в позиции P_2, то она реализуется звуком [b]. Если в данном морфе произойдет смена позиции P_1 на P_2, то обязательно произойдет и смена реализаций данной фонемы.

На учете этой закономерности построено, например, объяснение перехода *je-* в *o-* в древнерусском языке, данное Р. О. Якобсоном. В древнерусской фонологической системе, как показал Р. О. Якобсон, [е] и [о] были вариантами одной фонологической единицы: [е] выступал только после мягких согласных, [о] — во всех остальных случаях. Утрата мягкого согласного [j] в начале слова сделала невозможным сохранение здесь [е] и привела к замене его на [о]. Фонологическая единица продолжала здесь оставаться той же, менялись лишь ее позиционно обусловленные варианты в результате того, что произошла замена одной позиции на другую [см. Якобсон 1971, с. 45].

2.1. В русских говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отмечено произношение [к', г', х'] после отвердевших согласных: *морс*[к']*ёй*, *четвер*[г']*я*, *свер*[х']*ю* и т. п. [см. Касаткин 1968, с. 8—10, 63—64].

Если звуки [к', г', х'] и [к, г, х] воплощают соответственно фонемы ⟨к, г, х⟩, не обладающие дифференциальным признаком «твердость/мягкость», то выбор [к', г', х'] или [к, г, х] целиком обусловлен позицией: в одной позиции могут выступать только [к', г', х'], в другой — только [к, г, х]. Иначе говоря, мягкость звуков [к', г', х'] и твердость звуков [к, г, х] нужно относить не к свойствам фонем ⟨к, г, х⟩, а к свойствам позиций, в которых эти фонемы употребляются. Поэтому при «переходе»

фонем ⟨к, г, х⟩ из одной позиции в другую последовательно изменяется и воплощение этих фонем.

Изменение перед [к', г', х'] мягкого согласного в твердый было изменением позиции для фонем ⟨к, г, х⟩: после мягкого согласного фонемы ⟨к, г, х⟩ воплощались в мягких [к', г', х'], а после твердых согласных — в твердых [к, г, х]. Поэтому указанное изменение должно было повлечь за собой замену звуков [к', г', х'] звуками [к, г, х]: [С'к'] > [Ск], [С'г'] > [Сг], [С'х'] > [Сх]. Такая замена, очевидно, происходила в тех случаях, когда в говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отмечается произношение [к, г, х] после отвердевших согласных: *ру*[ск]*ая*, *четве*[рг]*а*, *све*[рх]*у* и т. п., наряду с произношением [к', г', х'] после мягких согласных.

Сохранение мягких согласных [к', г', х'] после твердых, возникших на месте мягких, могло осуществиться только в том случае, если еще до этого отвердения предшествовавшего мягкого согласного звука [к', г', х'] стали воплощать «мягкие» фонемы ⟨к', г', х'⟩. При этом мягкость звуков стала воплощать уже не свойство позиций, а свойство согласных фонем, в связи с чем изменение позиций и не повлекло за собой замену звуков [к', г', х'] звуками [к, г, х].

2.2. В ряде русских говоров наблюдается произношение не обусловленных позицией мягких [к', г'] в некоторых формах настоящего времени глаголов 1-го спряжения типа *печь*, *беречь*: *п'ек'о́ш*, *б'ер'ег'о́ш* и т. п. Явление это свойственно всему южнорусскому наречию, западным среднерусским говорам и южной (акающей) части восточных среднерусских говоров и некоторым севернорусским, относящимся к отдельным частям северной половины Северной Межзональной, Вологодской и Костромской групп (см. ДАРЯ 2, карта 95 «Основа в формах настоящего времени типа *печь*, *беречь*», автор С. В. Бромлей). В ряде говоров и в литературном языке подобные формы образует только глагол *ткать*: *тк'ош*, *тк'от*, *тк'ом*, *тк'оте*, в других говорах такие формы образуются и от глаголов *жечь*, *скать*: *жг'ош*, *ск'ош* и т. п.

Появление морфологического чередования ⟨к || к'⟩, ⟨г || г'⟩ в глаголах типа *печь*, *беречь* обычно объясняют следующим образом. По говорам русского языка в личных формах глаголов типа *печь*, *беречь* происходили два изменения: выравнивание основы и изменение *е* в *о* во флексиях. В большинстве говоров, знающих чередования *к* || *к'*, *г* || *г'* в основе настоящего времени указанных глаголов, вначале происходило морфоло-

гическое подравнивание личных форм по образцу форм 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа. На месте чередования *к* || *ч*, *г* || *ж* в парадигме *п'еку́* — *п'ечу́* и т. д., *б'ер'егу́* — *б'ер'ежу́* и т. д. возникает позиционно обусловленное чередование *к* || *к'*, *г* || *г'*: *п'еку́* — *п'ек'у́* и т. д., *б'ер'егу́* — *б'ер'ег'у́* и т. д. Позднее *е* во флексии изменилось в *о* (частью фонетически, частью по аналогии), мягкие же *к'*, *г'* перед этим *о* сохранились, перестав, таким образом, быть позиционно обусловленными: появляется парадигма *п'еку́* — *п'ек'о́ш* и т. д., *б'ер'егу́* — *б'ер'ег'о́ш* и т. д. [см.: Аванесов 1974, с. 282; Кузнецов 1952, с. 70, 74].

Приведенное объяснение появления не обусловленных позицией мягких [к', г'] аналогично распространенному объяснению: данный «процесс связан с устранением позиционных причин для вариаций. Вариации выступают как разновидности одной и той же фонемы только при наличии этих позиционных условий, видоизменяющих единую фонему в разные „оттенки“. В случае устранения этой причины оставшиеся не обусловленными позицией различные звуки становятся разными фонемами» [Реформатский 1967, с.491].

Объяснение это содержит внутреннее противоречие. С одной стороны, разные звуки («оттенки») представляют собой вариации одной и той же фонемы, так как эти «оттенки» зависят от позиционных условий. С другой стороны, считать, что эти «оттенки» зависят от позиционных условий, нельзя, так как изменение этих условий не меняет самих «оттенков».

В период после выравнивания основы и до изменения в глагольных флексиях *е* в *о* звуки [к, г] выступают в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа перед фонемой ⟨у⟩ (*п'еку́* — *п'еку́т*, *б'ер'егу́* — *б'ер'егу́т*), а звуки [к', г'] в остальных формах перед фонемой ⟨е⟩ (*п'ек'у́ш*, *б'ер'ег'у́ш* и т. д.). Если [к] и [к'] в этот период воплощают фонему ⟨к⟩, а [г] и [г'] — фонему ⟨г⟩, то выбор [к, г] или [к', г'], как указывалось, целиком обусловлен фонетической позицией — в данном случае следующей гласной фонемой, так как интервокальные [к, г] в этот период возможны только перед ⟨у, о, ω, а⟩, а [к', г'] — только перед ⟨и, Ѣ, е⟩.

Изменение *е* в о в глагольных флексиях было изменением позиции для фонем ⟨к, г⟩: перед ⟨е⟩ фонемы ⟨к, г⟩ воплощались в звуках [к', г'], а перед ⟨о⟩ — в звуках [к, г]. Следовательно, это изменение должно было повлечь за собой замену звуков [к', г'] звуками [к, г]: [к'е] > [ко], [г'е] > [го] [ср. Калнынь 1961, с. 20]. Парадигма *п'еку́* — *п'ек'у́ш* и т. д., *б'ер'егу́* — *б'ер'ег'у́ш* и т. д. должна была измениться в парадигму *п'еку́* — *п'еко́ш* и

т. д., *б'ер'егу́ — б'ер'его́ш* и т. д. По-видимому, так и происходило в тех владимирско-поволжских, кировских и примыкающих к ним костромских и вологодских говорах, которые в настоящее время знают произношение *п'еко́ш*, *б'ерего́ш* и т. п. (Другое объяснение происхождения в этих говорах указанного явления см. [Аванесов 1974, с. 280].)

Сохранение мягких [к', г'] перед ⟨о⟩, возникшей на месте ⟨е⟩, то есть изменение парадигмы *п'еку́ — п'ек'е́ш* и т. д., *б'ер'егу́ — б'ер'ег'е́ш* и т.д. в парадигму *п'еку́ — п'ек'о́ш* и т. д., *б'ер'егу́ — б'ер'ег'о́ш* и т. д., могло осуществиться только в том случае, если до перехода *е* в *о* в глагольных флексиях звуки [к', г'] стали воплощать «мягкие» фонемы ⟨к', г'⟩, так как только в этом случае изменение позиции не должно было повлечь за собой замену [к', г'] на [к, г].

В парадигме *п'еку́ — п'ек'е́ш* и т. д., *б'ер'егу́ — б'ер'ег'е́ш* и т. д. (до перехода *е* в *о* в глагольных флексиях) с позицией перед [у] была связана не только твердость [к, г], но и их лабиализованность, а с позицией перед [е] была связана не только мягкость [к', г'], но и отсутствие лабиализации этих звуков. Если в эту эпоху [к] и [к'] были вариациями ⟨к⟩, а [г] и [г'] — вариациями ⟨г⟩, то примерно в таком же соотношении были и лабиализованные и нелабиализованные вариации этих фонем.

Переход [е] в [о] в глагольных флексиях был сменой позиции не только для вариаций заднеязычных фонем по мягкости/твердости, но и по нелабиализованности/лабиализованности. При этом мягкость звуков [к', г'] перед [о] сохранилась, а нелабиализованность заменилась на лабиализованность. Это свидетельствует о том, что лабиализованность и нелабиализованность заднеязычных согласных звуков (как и других согласных русского языка) и до изменения [е] в [о] и в период этого изменения были признаками позиционно обусловленными. А твердость и мягкость этих звуков еще до изменения [е] в [о] стали дифференциальными признаками заднеязычных фонем, хотя твердые и мягкие заднеязычные согласные звуки еще не встречались в эту эпоху в одной и той же позиции.

Л. Р. Зиндер пишет: «В тот момент, когда фонематическое изменение обнаруживается, когда перед нами уже не два аллофона, а две самостоятельные фонемы, это свидетельствует не о возникновении связи между употреблением звука и смыслом слова, а о существовании такой связи. Не потому /к'/ палатализованное стало фонемой, что появилось слово /tk'ot/, а наоборот, слово /tk'ot/ оказалось возможным потому, что /к'/ стало фонематически противополагаться /к/. Возникновение связи аллофо-

нов со смыслом происходит, следовательно, еще в недрах фонемы, выражением которой являются эти аллофоны» [Зиндер 1979, с. 243].

2.3. В архаическом типе диссимилятивного яканья чередование предударных гласных звуков, выступающих на месте гласных фонем неверхнего подъема, было связано с позицией перед ⟨ω, Ѣ⟩ или ⟨о, е⟩. Перед ⟨ω, Ѣ⟩ произносился [а], перед ⟨о, е⟩ — [е] или [и]: *в'адру͡о* — *в'едро́м* (*в'идро́м*), *с'алу͡о* — *с'ело́м* (*с'ило́м*), *ф с'ал'и͡е* — *с'ел'е́н'ий* (*с'ил'е́н'ий*) и т. п. Затем в говорах с этим типом яканья различие между ⟨ω⟩ и ⟨о⟩, ⟨Ѣ⟩ и ⟨е⟩ утратилось в результате монофтонгизации дифтонгов [у͡о], [и͡е] и совпадения их соответственно с [о], [е]. Разница же между предударными гласными в этих формах сохранилась.

До совпадения ⟨ω⟩ с ⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩ с ⟨е⟩ звуки [а] и [е] были позиционно чередующимися реализациями одной и той же архифонемы ⟨е — о — а⟩. После совпадения ⟨ω⟩ с ⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩ с ⟨е⟩ чередующиеся в одной морфеме звуки [а] и [е] стали представителями разных фонологических единиц: [а] — фонемы ⟨а⟩, [е] — архифонемы ⟨е — о⟩. Эти и подобные случаи заставляют «видеть здесь необычное для южнорусских говоров фонологическое различение гласных в предударном слоге. Последний уже не связывается с понятием слабой позиции для реализации данных фонем» [Высотский 1975, с. 12; см. также: Захарова 1975, с. 21].

И здесь также мы должны экстраполировать это фонологическое различение предударных гласных в ту эпоху, когда внешних проявлений его, то есть проявлений в речи, еще не было.

2.4. Широко распространена точка зрения, согласно которой корреляция согласных по твердости/мягкости возникла в результате падения редуцированных. Высказанная Р. О. Якобсоном [Якобсон 1971, с. 57], эта точка зрения принимается сейчас большинством историков русского языка. Р. И. Аванесов писал: «Падение редуцированных явилось тем процессом, который „переполнил чашу“. В результате этого процесса совершился скачок, количество перешло в качество: твердость или мягкость согласных полностью превратилась в качество самостоятельное, позиционно не обусловленное. Падение редуцированных привело к возможности изолировать твердость и мягкость согласных от качества следующей гласной, так как именно после осуществления этого процесса появились твердые и мягкие согласные на конце слова ([stol], [stol']), а также некоторые твердые и мягкие согласные перед некоторыми согласными ([vá rka], [var'ka]). Твердость — мягкость согласных — качество, первоначаль-

но целиком зависимое от качества следующей гласной, на последующем этапе (после смягчения полумягких и до падения редуцированных) взаимозависимое, после падения редуцированных стало независимым, самостоятельным. Твердость — мягкость согласных полностью освободилась от позиционных условий и стала фонемообразующей категорией» [Аванесов 1974, с. 249]. «В результате ⟨...⟩ падения редуцированных,— писал П. С. Кузнецов,— мягкие согласные приобретают фонематическую самостоятельность по отношению к твердым, т. е. становятся особыми фонемами, отличными от твердых» [Борковский, Кузнецов 1965, с. 122; см. также Калнынь 1956, с. 150; Горшкова 1968, с. 64, 79—83; 1972б, с. 82—84; Иванов 1968, с. 329].

Если твердость/мягкость согласных звуков перед падением редуцированных была признаком, позиционно обусловленным, связанным с качеством последующего гласного, то и падение редуцированных не могло «освободить» эту позиционную связь. Если [С] и [С'] в эту эпоху были вариациями одной фонемы, то [С] был основным представителем фонемы, а [С'] — зависимым, выступающим в перцептивно слабой позиции. В этом случае утрата [ъ] не должна была повлечь за собой изменение предшествовавшего [С]: перед [ъ] твердый согласный выступал в перцептивно сильной позиции. Утрата же [ь] была для предшествовавшего мягкого согласного заменой перцептивно слабой позиции на перцептивно сильную. В этом случае мягкая вариация фонемы должна была бы замениться твердой ее вариацией [ср. Калнынь 1961, с. 20].

Сохранение противопоставления твердых и мягких согласных на конце слова после падения редуцированных свидетельствует о том, что твердые и мягкие согласные звуки еще до этого процесса перестали быть вариациями одной фонемы и превратились в представителей разных фонем — «твердой» и «мягкой». Можно говорить о том, что падение редуцированных не сформировало в русском языке корреляцию «твердых» и «мягких» согласных фонем, а лишь проявило, обнаружило эту корреляцию [ср. Горшкова, Хабургаев 1981, с. 74—75].

Таким образом, фонетические изменения могут помочь установить фонематические закономерности предшествующей эпохи.

3. Фонетические изменения могут также помочь установить некоторые особенности фонемного состава слов — в предшествующую этим изменениям эпоху.

В Харовском районе Вологодской области, по наблюдениям Р. Ф. Пауфошимы, встречаются «случаи трансформации [у͡о] > [во] внутри слова: [ку͡он'] > [кво̯н'], [ду͡обры̯и̯] > [дво̯бры̯и̯], [ху͡оч'ем] > [хво̯ч'ем]» [Пауфошима 1983б, с. 35]. Изменение [у͡о] > [во] может быть объяснено следующим образом. Начальная фаза дифтонга [у͡о] стала восприниматься говорящими как воплощение ⟨в⟩ в связи с неразличением ⟨ω⟩ и ⟨во⟩; ср. произношение *cwой*, *zwон* (*свой*, *звон*), где [wo], по-видимому, совпадает с [у͡о] в таких словах, как *ку͡он'* и т. п. На этом этапе еще нет никаких изменений в произношении, но есть внутренние изменения: слово *ку͡он'* раньше имело фонемный состав ⟨кωн'⟩, теперь его фонемный состав изменился — ⟨квон'⟩.

На следующем этапе происходят изменения в произношении: в соответствии с ⟨в⟩ возникает [в] в связи с общей заменой в говоре губно-губного [w] губно-зубным [в], воплощающим эту фонему.

Таким образом, на первом этапе внешнего изменения нет, но есть внутренняя перестройка. На втором этапе при отсутствии внутренних изменений идут изменения внешние. И по этим внешним изменениям только и можно судить о внутренней перестройке предыдущего этапа.

В архангельских и вологодских говорах я неоднократно отмечал слово *охфо́та* 'охота', фонетический облик которого может быть объяснен подобным же образом. Начальная фаза дифтонга [у͡о] в *ох у͡ота* начинает восприниматься говорящими как реализация ⟨в⟩ — звук [w]. Сонант [w] подвергается прогрессивному оглушению — типичному для этих говоров явлению [см. ниже, с. 237—239]. В результате и возникает произношение *охфота*.

Подобную «консонантизацию» начальной фазы дифтонгов отмечают и в украинских полесских говорах, и в украинских говорах Воронежской области, где произносят *cтwел* 'стол', *тwек* 'ток', *Антwен* 'Антон', *пwел* 'пол', *мwест* 'мост', *бwек* 'бок', *грwем* 'гром', *рwест* 'рост' или *свел'* 'соль', *свем* 'сом', *свек* 'сок', *возвéў* 'возов' (род. пад.), *жвéнка* 'жонка', *квен'* 'конь', *квешка* 'кошка' или *кwот* 'кот', *тwок* 'ток' и др. [см. Назарова 1968, с. 74—77].

Такая же трансформация может происходить и с другими дифтонгами. Произношение [j, и̯] после губных согласных перед [а] в украинском языке типа *мйáсо*, *пйат'*, *вйаз* и т. п. объясняют как выделение мягкости губных в самостоятельную артикуляцию в результате их отвердения [см. Безпалько и др. 1957, с. 162; Сучасна українська мова 1969, с. 240; Филин 1972, с. 331]. Однако сам механизм такого выделения неясен.

По-видимому, никакого отвердения губных согласных в украинском языке не происходило, потому что они всегда были твердыми. Возникновение [j, и̯] здесь можно объяснить «консонантизацией» дифтонга [и͡а], произносившегося раньше в соответствии с *ä* [см. ниже, с. 388—389]. Начальная фаза дифтонга [и͡а], совпадавшая с реализацией ⟨j⟩ перед [а], стала осознаваться как особая фонема. Произошло изменение фонемного состава слов, содержащих [и͡а]: ⟨ä⟩ стала осознаваться как ⟨ja⟩. Но внешних изменений при этом вначале могло и не быть. Затем в результате «консонантизации» звук [и̯] мог измениться в [j].

Внешние изменения произошли с [и͡а] в украинском языке и после зубных согласных. В этой позиции дифтонг [и͡а] изменился в дифтонгоид [ᶦ͡а], смягчив, как и в русском языке, предыдущий согласный.

4. Фонематическая перестройка может происходить и под влиянием письма. Так, например, объясняют широко распространенное произношение слов *конечно*, *скучно*, *что* со звуком [ч'] вместо [ш], мягкое произношение [к', г' х'] у прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* [см.: Аванесов 1972, с. 23]. М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов пишут: «Несомненно, на отвердение согласных перед следующим мягким губным (или [j]) повлияло письмо. Русское письмо носит фонематический характер: оно передает не позиционные изменения фонем, а единый обобщенный облик морфемы. Мягкость зубного перед мягким губным была позиционной и потому не отразилась на письме. Письмо, единообразно передавая морфему (в данном случае — приставки, независимо от твердости или мягкости ее последнего согласного), провоцировало единообразность произношения» [Гловинская и др. 1971, с. 22—23; см. также Касевич 1979 и ниже с. 480—481].

Воздействие письма на речь может проходить только через языковое сознание говорящих. Под воздействием письма в фонематической системе или в фонемном составе отдельных морфов происходят некоторые изменения. В речи же наблюдается уже результат этих изменений. При этом перестройка, происшедшая в языке, может не сразу начать проявляться в речи.

5. Рассмотренные этапы фонетических и фонематических изменений можно представить в следующей схеме: см. с. 96.

На этапе I звук [а] встречается только в позиции P_1, а звук [b] только в позиции P_2. Это обычно является достаточным основанием считать, что [а] и [b] (при наличии случаев их чередования в одной морфеме) —

представители одной фонемы. Однако такая система существует только на этапе IA. На этапе же IB, внешне ничем не отличающемся от этапа IA, система изменилась: [a] является представителем ⟨a⟩, а [b] — представителем новой фонемы ⟨b⟩. На этапе IA звуки [a] и [b] тесно связаны с позициями, обусловлены этими позициями. На этапе IB эта связь чисто внешняя. Внутренне никакой связи, обусловленности уже нет. Поэтому изменение в некоторых морфах позиции P_1 в P_2 не ведет к замене звука [a] звуком [b]. Звуки [a] и [b] оказываются в одной позиции. Это — основание считать их представителями разных фонем. Но отсутствие замены [a] на [b] при смене позиции P_1 на P_2 — основание считать, что [a] и [b] воплощают разные фонемы уже на этапе IB. Итак, если фонема ⟨a⟩ воплощалась в позиции P_1 в звуке [a], а в позиции P_2 в звуке [b], а затем в ряде случаев позиция P_1 заменилась на P_2 и при этом [a] не заменился на [b], то, следовательно, еще до этого изменения (смены позиции) [b] перестал воплощать фонему ⟨a⟩, став представителем новой фонемы ⟨b⟩.

Этап	**I**				**II**		
	A		**B**				
Позиция	P_1	P_2	P_1	P_2	P_1	P_2	P_2
Звук	[a]	[b]	[a]	[b]	[a]	[a]	[b]
Фонема	⟨a⟩		⟨a⟩	⟨b⟩	⟨a⟩		⟨b⟩

6. Из сказанного следует, что критерии, которые обычно применяются в синхронических исследованиях для выделения фонематических (и шире — языковых) единиц, не всегда позволяют выделить эти единицы. Для выявления закономерностей языка необходимы дополнительные способы, дополнительные критерии.

6.1. Одним из таких критериев может быть анализ заимствованных слов. Заимствования могут «проявить» закономерность, которая до этого была в скрытом виде. В скрытом потому, что отсутствовали ее проявления в речи, хотя в языке она уже сформировалась.

Так, появление и закрепление в русском языке большого количества слов с парными твердыми согласными перед ⟨e⟩ (*антенна*, *бифштекс*, *модель*, *кафе*, *пюре*, *тире*, *отель* и т. п.) засвидетельствовало, что позиция перед ⟨e⟩ уже в предшествующую эпоху перестала быть слабой по твердо-

сти/мягкости, что мягкие согласные перед ⟨е⟩ уже воплощали не архифонему ⟨С — С'⟩, а фонему ⟨С'⟩.

Какие фонемы воплощают заднеязычные согласные звуки [к] — [к'], [г] — [г'], [х] — [х'] — фонемы ⟨к⟩, ⟨г⟩, ⟨х⟩, внепарные по твердости/мягкости, или парные по этому признаку ⟨к⟩ — ⟨к'⟩, ⟨г⟩ — ⟨г'⟩, ⟨х⟩ — ⟨х'⟩? Как известно, вопрос этот вызывал и вызывает сейчас разногласия между представителями разных фонологических школ и не находит единообразного решения у представителей одной и той же школы. Один из пунктов разногласий по этому вопросу между лингвистами — отношение к заимствованным словам.

Представители Санкт-Петербургской фонологической школы считают, что [к, г, х] и [к', г', х'] отражают противопоставление «твердых» и «мягких» заднеязычных фонем, так как эти звуки могут выступать в одной и той же позиции. В качестве доказательства приводятся, в частности, примеры заимствованных слов. Среди них слова нарицательные: *кювет*, *кюринцы*, *маникюр*, *педикюр*, *ликер*, *гюйс*, *гяур* — и имена собственные: *Кяхта*, *Кюи*, *Кювье*, *Кюри*, *Кюммель*, *Кюрасо*, *Кюрдамир*, *Кюстендиль*, *Кюсю*, *Кюсюр*, *Кярдла*, *Кяриз*, *Гюго*, *Гюльбахт*, *Гюльсара*, *Гямыш*, *Гянджа*, *Огюст*, *Гете*, *Хюлюля*, *Хярма*, *Хюга-Нада*, *Хярмс* и др. [см. Щерба 1957, с. 173; Гвоздев 1958, с. 15; 1963, с. 111; Матусевич 1959, с. 16; 1976, с. 41; Зиндер 1979, с. 66; Буланин 1970, с. 81].

Основатели Московской фонологической школы считали, что [к] и [к'], [г] и [г'], [х] и [х'] не могут противопоставляться в одной позиции и поэтому являются вариациями внепарных по твердости/мягкости фонем ⟨к, г, х⟩ [см. Аванесов, Сидоров 1945, с. 56, 58; Аванесов 1956, с. 170, 185—186; Реформатский 1957, с. 481—482; 1967, с. 212—213]. Заимствованные слова этими лингвистами не рассматриваются. Только Р. И. Аванесов указывает на «тенденцию развития самостоятельной фонематической твердости — мягкости заднеязычных перед гласными [о], [у], [а] в связи с наличием в литературном языке формы [тк'от], а также заимствованных слов типа [мл̣н'ик'у̇р], [л'ик'о̇р]» [Аванесов 1956, с. 186].

Среди заимствованных слов, приводимых представителями С-ПФШ, есть такие, которые никак не могут привлекаться для характеристики русской фонетической системы. К ним относятся редкие, неупотребительные или малоупотребительные имена собственные. К ним относятся и такие слова, звуковой облик которых противоречит нормам русского произношения. Таковы слова *гяу́р*, *Кяри́з*, *Гямы́ш*, *Гянджа́* и т. п. Предударный [а] после мягкого согласного в русском литературном языке

невозможен. Поэтому произношение этих слов с [к'а], [г'а], например слова *гяур* как [г'а́ур] [см. Зиндер 1979, с. 66], отражает нерусскую фонетику. Если же слово *гяур* произносится как [г'и́ур] [см. Матусевич 1976, с. 41], то оно не может привлекаться для доказательства противопоставления твердых и мягких заднеязычных перед ⟨а, о, у⟩.

Однако некоторые заимствованные слова, например *ликёр*, *паникёр*, *хроникёр*, *кювет*, *маникюр* и др., относятся к числу широко употребительных. Выступая перед ⟨о, у⟩, звук [к'] здесь воплощает фонему ⟨к'⟩ [ср. Касаткин 1988, с. 117].

«Необходимость учитывать лексический состав данного языка при определении состава его фонем,— пишет Л. Р. Зиндер,— касается всех слов, в том числе и так называемых иностранных или заимствованных; именно они бывают зачастую очень показательны, так как обнаруживают фонематические возможности заимствующего языка. ⟨...⟩ Особенно интересны заимствуемые слова в том отношении, что в них нередко вновь возникшие противоположения проявляются с наибольшей очевидностью» [Зиндер 1979, с. 66]. «Примеры на *к'а*, *г'а*, *х'а* пришлось взять из редких географических названий,— пишет А. Н. Гвоздев,— ввиду отсутствия подобных русских слов. Все же наша фонетическая система располагает возможностью противопоставления твердых *к*, *г*, *х* мягким *к'*, *г'*, *х'*, хотя эта возможность почти не используется, ср. в противоположность этому замену всякого заимствованного мягкого *ц'* твердым *ц*: *Коцюбинский*, *Свенцяны*» [Гвоздев 1963, с. 111].

В заимствованных словах раньше допускалось произношение [ц'] на месте ⟨ц⟩. Так, «среди старшего поколения носителей литературного языка встречались лица, которые в словах на *-ция* и производных от них произносили мягкий звук [ц]: *диссерта́*[ц'и]*я*, *квалифика́*[ц'и]*я*, *деклама́*[ц'и]*я* ⟨...⟩ и т. д., а также *диссерта*[ц'и]*о́нный*, *квалифика*[ц'и]*о́нный* ⟨...⟩ и т. д. ⟨...⟩ Языку части дореволюционной интеллигенции мягкое произношение [ц] было свойственно ⟨...⟩ также и в корнях слов иноязычного происхождения перед гласным на месте *и*. Теперь такое произношение не принято» [Аванесов 1972, с. 85—86]. Освоение этих заимствованных слов русским языком привело к вытеснению несвойственной русскому языку фонетической черты — произношения мягкого [ц'] в соответствии с ⟨ц⟩ твердым [ц].

Так же как и мягкий [ц'] в соответствии с ⟨ц⟩, невозможны и мягкие краткие [ш', ж'] в соответствии с ⟨ш, ж⟩. Поэтому во всех заимствованиях из языков, где эти звуки произносятся мягко или полумягко, они заменяются в русском языке твердыми [ш, ж]. Так, допускавшееся раньше

произношение мягкого [ш'] в словах *брошюра*, *парашют*, *парашютист* вместе с освоением этих слов русским языком было вытеснено произношением этих слов с [ш]. Произношение мягких [ш', ж'], рекомендуемое для слов *пшют*, *жюри*, *Жюльен*, *Жюль* [см. Аванесов 1972, с. 87; ОС], воспринимается говорящими как черта нерусской фонетики. Эта особенность произношения данных слов должна утратиться, как это постепенно и происходит вместе с освоением слов *жюри*, *Жюльен*, *Жюль* (произношение этих слов с [ж] распространено гораздо более широко) и превращением в историзм, исключением из русского языка слова *пшют*.

Звуки [ц', ш', ж'] есть в русском языке. Однако они выступают не на месте ⟨ц, ш, ж⟩. Звук [ц'] произносится в соответствии с ⟨т'⟩. У некоторых носителей литературного языка такое произношение может выступать в любой позиции [см. Аванесов 1972, с. 106—107]; кроме того, произношение [ц'] на месте ⟨т'⟩ обусловлено позицией перед [с'] [см. Касаткин 1988, с. 108]. Звуки [ш̄', ж̄'] выступают на месте ⟨ш', ж'⟩, но рядом с согласными и на конце слова вместо [ш̄'] может произноситься [ш'] (*во́*[ж̄']*и*, *дро́*[ж̄']*и*, *мо́*[ш̄']*и* и *мо*[ш'], *мо́*[ш']*ный*). Звук [ш'] может выступать и на месте других фонем ([ш'] *чувством*, *бе*[ш'] *чая* и т. п.) [см. Аванесов 1972, с. 82—83].

Таким образом, при освоении заимствованных слов с [к', г', х'] в позиции перед ⟨а, о, у⟩ эти звуки не заменяются на [к, г, х]. При заимствовании же и освоении слов с [ц', ж', ш'] на месте ⟨ц, ж, ш⟩ эти звуки заменяются соответствующими твердыми. Это свидетельствует о том, что в фонологической системе русского языка уже сложилось противопоставление «твердых» и «мягких» заднеязычных фонем и не сложилось этого противопоставления у ⟨ц⟩, а краткие щелевые шипящие не рядом с согласными могут быть только твердыми и представлять ⟨ш, ж⟩.

6.2. О возникновении в языке новых фонем, новых фонологических закономерностей могут свидетельствовать и созданные в русском языке неологизмы. Так, о том, что позиция перед ⟨е⟩ перестала быть слабой по твердости/мягкости в русском литературном языке, показало появление неологизмов типа *нэп*, *нэпман*, *эсэр*, *ЛЭП* и т. п. О возможности противопоставления перед ⟨е, о, а, у⟩ твердых и мягких заднеязычных говорят такие слова, как *гэс* (ср. *герб*), а также *ГЭК* (государственная экзаменационная комиссия), *ГЭЛ* (глубоководный эхолот), *КЭС* (квартирно-эксплуатационная служба), *КЭМЗ* (киноэлектромеханический завод и др.), *КЮТ* (клуб юных техников), *КЯУ* (копатель ям усиленный), *ХЭЛЗ* (Харьковский электротехнический завод) и др. [см. ССРЯ], а также слово *киоскёр* [см. ЭСРЯ].

Об этом же могут свидетельствовать и неологизмы окказиональные. В одном из писем русский композитор и музыкальный критик А. Н. Серов писал: «Ведь был же я доволен и „Майской ночью“, хотя там швахятины было несравненно больше». Слово *швахятина* образовано им от нем. schwach ‘слабый’ по модели *серятина*, *сырятина*, *кислятина*. Возникшее при этом сочетание [х’а] соответствовало сложившимся к этому времени в русском литературном языке возможностям противопоставления твердых и мягких заднеязычных согласных в одной позиции [см. Касаткин 1996в, с. 123—124].

6.3. Еще один способ узнать о закономерностях языка, не проявляющихся в речи,— создание искусственных слов, где бы эти закономерности выявились. Разнообразные примеры применения этой методики приводит М. В. Панов. Так, например, он пишет: «Если бы от слова *жерех* надо было образовать название мальков этой рыбы, то по образцу *лось — лошата*, *лосята* оно звучало бы как *жерешата* или скорее *жерехята*, с сочетанием [х’а]» [Панов 1967, с. 79]. «Предположим, человек по фамилии *Цварка* создал научную теорию, у него появилось много последователей, они — *цваркисты* = [цварк’и́сты]; слово подхватили газеты, радио — оно стало общеупотребительным. Испытывают ли люди, говорящие по-русски, какое-либо затруднение в произношении этого слова? Никакого. Сочетание [цв] им не придется осваивать в результате многих проб — оно сразу хорошо ляжет на язык. Потому что сочетание [цв] хотя и не было (до слова *цваркисты*) лексически представлено в русском языке, в общеупотребительных словах, но фонетически является реальностью нашего языка.

Другое дело, если бы надо было усвоить, например, слово *Цщокке*, *цщоккист*, здесь пришлось бы потрудиться, чтобы произнести [цщ’] (а в конце концов получилось бы, если бы слово стало общеупотребительным.. не что иное, как *щеки́ст*). И это потому, что сочетание [цщ’] не только лексически не представлено, а запрещено фонематическими законами» [Панов 1979, с. 141]. «Представьте, что есть слова: он очень *улещчивый* (любит *улещчать*) и *недослышчивый* (любит делать вид, что *недослышал*). Произнесите эти слова несколько раз — не по буквам, а естественно, обыденно. Что произносится на стыке корня и суффикса? Какие фонемы нейтрализованы?» [с. 134][23].

[23] Основные идеи этого раздела впервые были высказаны в [Касаткин 1965а], данный раздел повторяет публикацию [Касаткин 1990а].

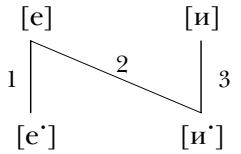
Парадокс П. С. Кузнецова — М. В. Панова. Фонема или морфонема?

1.1. Во многих севернорусских говорах рефлексами *ѣ* являются звуки [е] перед твердым согласным и [и] перед мягким: [л'ét]*о* — *в* [л'и́т']*е*, [с'ен]*о* — *на* [с'ин']*е*, [в'ét]*ра* — [в'и́т']*ор*, [м'ér]*а* — [м'и́р']*ит'*, [б'ел]*ой* — [б'и́л']*еньк*ой, *х*[л'еп] — *х*[л'и́б']*ец*, *в'е*[л'ел] — *в'е*[л'и́л']*и* и т. п. [см. Образование с-р наречия, с. 135, 256—258; Захарова, Орлова 1970, с. 76; Русская диалектология 1989, с. 40]. В этих говорах в соответствии с ⟨и⟩ произносится [и] перед твердыми и [и·] перед мягкими согласными: [п'иў] — [п'и́·л']*и*, [м'и́л]*ый* — [м'и́·л']*еньк*ой, [л'и́п]*а* — [л'и́·п']е, [м'ир] — *в* [м'и́·р']*е*, [л'ис] — [л'и́·с']*ий* и т. п. В соответствии с ⟨е⟩ произносится [е] перед твердыми и [е·] перед мягкими согласными: *к*[р'ес]*т* — *к*[р'е́·с']*тик*, [п'ер]*ст* — [п'е́·р']*стень*, [н'éб]*о* — *в* [н'е́·б']*е*, *га*[з'ét]*а* — в га[з'е́·т']е и т. п. Чередование [е ‖ е·] в подобных говорах может наблюдаться лишь в заимствованиях из литературного языка, представляющих собой церковнославянизмы или иноязычные слова. Поэтому, в частности, Р. И. Аванесов называет такую функционально мало нагруженную фонему ⟨е⟩ неполноценной [Аванесов 1949, с. 45—46]. При отсутствии перехода [е] в [о] перед твердым согласным, что отмечается в севернорусских говорах обычно в отдельных словах, чередование [е ‖ е·] может наблюдаться и в словах, исконных для говора: *бе*[р'éз]*а* — *на бе*[р'е́·з']*е*, *зе*[л'ен]*ый* — зе[л'е́·н']*еньк*ий, [д'ер]*нуть* — [д'е́·р']*гать*, *не*[с'ét] — *не*[с'е́·т'ц']*я* и т. п. [см. Образование с-р наречия, с. 22—28, 241, 259, 294—295].

Эти ряды позиционно чередующихся звуков можно представить в следующей схеме:

В позиции **С’ТС**
(после мягкого согласного перед твердым)

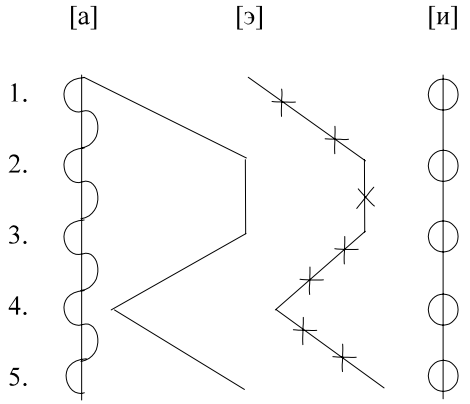
В позиции **С’ТС’**
(между мягкими согласными)



Цифрами 1, 2, 3 обозначены ряды позиционно чередующихся звуков.

1.2. П. С. Кузнецов, обнаружив в архангельских говорах Верхней Тоймы подобное соотношение гласных звуков, устанавливает кроме фонем ⟨и, э⟩ «сверх того особую фонему, восходящую к старому *ѣ*, являющуюся в виде *э* перед твердыми согласными и в виде *и* перед мягкими». Эту фонему П. С. Кузнецов называет фонемой ⟨Ѣ⟩ [Кузнецов 1949, с. 24].

Такую же интерпретацию этой системы чередований гласных в русских говорах приводят и М. В. Панов [Панов 1967, с. 234], иллюстрируя этим примером следующее теоретическое решение. М. В. Панов рассматривает гипотетический язык, у которого в пяти позициях представлены одни и те же три гласных [а, э, и]. Чередование имеет такой характер:

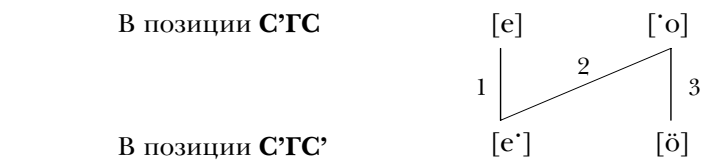


«Позиционность чередования — единственное, что нужно, чтобы объединить звуки в парадигмо-фонему. ⟨...⟩ Система чередований обнаруживает четыре парадигмо-фонемы». Эти парадигмо-фонемы представлены следующими позиционно чередующимися звуками [Панов 1967, с. 233—234]:

Позиции:	1	2	3	4	5
I фонема	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*
II фонема	*а*	*э*	*э*	*а*	*э*
III фонема	*э*	*и*	*и*	*э*	*и*
IV фонема	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*

2. Однако если придерживаться этого решения, то мы должны будем выделять в различных языках и такие фонемы, которые обычно лингвистами не выделяются.

2.1. Так, в русском литературном языке и во многих русских говорах известна следующая система позиционно чередующихся звуков:



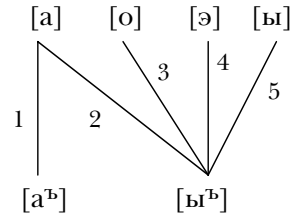
Ряды позиционно чередующихся звуков могут быть иллюстрированы следующими примерами: 1) [д'е́л]*о* — в [д'е́˙л']е, [д'е́л']*ный*; [в'е́р]*а*, [в'е́р]*ный* — [в'е́˙р']*е*, [в'е́˙р']*ить*; [п'ел] — [п'е́˙л']*и*, [п'е˙т']; [м'ес]*то* — *в*[м'е́˙с']*те*; га[з'е́т]*а* — *га*[з'е́˙т']*е*; *па*[к'е́т] — *па*[к'е́˙т']*ик*; 2) [с'˙о́л]*а* — [с'е́˙л']*ский*, [jо́л]*ка* — [jе́˙л']*ник*, *п*[л'о́т]*ка* — *п*[л'е˙т'], [п'˙ок] — [п'е˙ч'], *о*[п'˙о́н]*ок* — [п'е˙н'], [Ф'˙о́д]*ор* — [Ф'е́˙д]*я*; 3) [т'˙о́т]*ка* — [т'ӧ́т']*я*, [т'ӧ́т']*ин*, [д'˙о́с]*ны* — [д'ӧ́с']ен, [п'˙о́с] — [п'ӧ́с']*ий*, [п'ӧ́с']*ик*, *к*[л'˙он] — *на к*[л'ӧ́н']*е*, *по*[л'˙о́т] — [л'ӧ́т']*чик*, *пе*[н'˙о́к] — *пе*[н'ӧ́ч']*ек*.

Исходя из решения, предложенного П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым, надо все эти три ряда позиционно чередующихся звуков рассматривать как особые фонемы. (Положение здесь осложняется еще и тем, что возможны чередования типа *ве*[с'˙о́л]*ый* — *ве*[с'е́˙л']*ье* — *ве*[с'ӧ́л']*енький*, [т'˙о́л]*ка*, *о*[т'˙о́л] — *о*[т'е́˙л']*ится* — *об о*[т'ӧ́л']е.) Однако фонетисты считают особыми фонемами только 1-й и 3-й ряды чередующихся звуков, а сами эти чередования определяют как позиционные фонетические. Чередование же звуков 2-го ряда расценивается как чередование фонем [см. Аванесов, Сидоров 1945, с. 46, 80; Аванесов 1949, с. 43, 53—54, 57—58; Реформатский 1955, с. 415, 417; Панов 1967, с. 216, 313; Горшкова 1972б, с. 81].

2.2. Похожая картина возникает в русском литературном языке при чередовании следующих звуков:

В позиции **ш(ж)Ѓ**
(под ударением после [ш, ж])

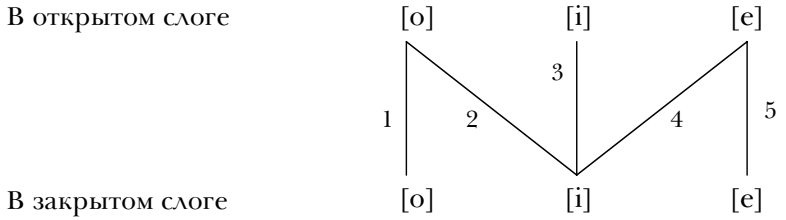
В позиции **ш(ж)ГС'Ѓ**
(в первом предударном слоге
после [ш, ж] перед мягким согласным)



1) [ша]*г* — [шаъг']*и́*; [жа́]*рко* — *в* [жаър']*е́*; *во*[жа́]*к* — *во*[жаък']*и́*; [жа́]*дный* — [жаъд']*не́е*; 2) *ло*[ша́]*дки* — *ло*[шыъд']*е́й*, *ло*[шыъд']*я́м*, *ло*[шыъд']*я́ми*, *о ло*[шыъд']*я́х*, *ло*[шыъд']*и́ный*; [жа́]*лко* — *по*[жыъл']*е́й*, [жыъл']*е́ть*, *к со*[жыъл']*е́нию*; 3) [жо́]*ны* — [жыън']*е́*, [жыън']*и́ться*; 4) [шэ]*ст* — *на* [шыъс']*т'е́*; [шэ]*сть* — [шыэс']*ти́*; 5) [жы]*р* — [жыър']*е́ть*, [шы́]*ре* — *рас*[шыър']*я́ть*. (Чередование 1, 3 4, 5 типов осуществляется во второй позиции и перед твердым согласным: [жа́]*рко* — [жаър]*а́*, [ша]*г* — [шаъ]*га́ть*; [жо́]*ны* — [жыън]*а́*, [шэ]*ст* — [шыъс]*та́*, [шэ]*сть* — [шыъс]*то́й*; [жы]*р* — [жыър]*о́к*, [шы́]*ре* — [шыър]*о́кий*. Но чередование 2-го типа осуществляется во второй позиции только перед мягким согласным. Примеров на положение в первом предударном слоге перед твердым согласным здесь нет. Поэтому в характеристику позиции, которая должна быть одинакова для всех этих типов чередования, следует ввести положение именно перед мягким согласным.)

Чередования 1, 3, 4, 5 типов — это чередования звуков, воплощающих фонемы ⟨а, о, е, и⟩. Чередование 2-го типа [а ‖ ыъ] неверно было бы рассматривать как особую фонему, и никто из фонетистов так не считает. Какие же фонемы воплощены в этих звуках? Звук [а] представитель фонемы ⟨а⟩. Звук [ыъ] не может относиться к этой же фонеме: во 2-й позиции «законным» представителем ⟨а⟩ является [аъ] Звук [ыъ] может быть представителем только фонем ⟨о, е, и⟩. Но в словах, где выступает чередование 2-го типа, [ыъ] чередуется только с [а]. Следовательно [ыъ] здесь — представитель гиперфонемы ⟨о/е/и⟩, а само чередование 2-го типа есть чередование фонемы ⟨а⟩ с гиперфонемой ⟨о/е/и⟩ [ср. Аванесов 1956, с. 132]. Р. И. Аванесов, обратив внимание на эту особенность чередования, добавляет: «Следовательно, написание *лошадей*, *жалеть* через букву *а* не соответствует фонематическому составу этих слов в современном языке и представляет собой с точки зрения звуковой системы написание условное, объясняемое этимологией» [с. 132].

2.3. Еще один пример языковой ситуации, описанной П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым, можно привести из украинского языка, где существует чередование:



1) *ворога — ворог*, *молота — молот*, *прапора — прапор*, *лося — лось*, *народа — народ*, *обоза — обоз*, *мова — мов*, *хвороба — хворób*; 2) *коні*, *коник — кінь*, *кінський*, *кінний*; *боки — бік*, *вози — віз*, *коса — кіс*, *радості — радість*, *робота — робіт*, *робітник*, *стою — стій*, *готовий — готівка*; 3) *вінок — вінка*, *білок — білка*, *лісок*, *ліса — ліс*, *літо — літ*, *хліба — хліб*; 4) *печі — піч*, *речі — річ*, *береза — беріз*, *ведмедя — ведмідь*, *хмелю — хміль*, *колесо — коліс*, *несу — ніс*, *село — сільський*, *веселий — весілля*; 5) *меду — мед*, *мечі — меч*, *чудеса — чудес*, *загибелі — загибель*, *берега — берег*, *зелені — зелень*, *дерева — дерев*, *мережа — мереж* [см. Сучасна українська мова 1969, с. 267—268, 270—284].

И здесь также надо рассматривать соответствия 1, 3, 5, как воплощение фонем ⟨o, i, e⟩, а чередования [o ‖ i] и [e ‖ i] как чередования фонем ⟨o ‖ i⟩ и ⟨e ‖ i⟩.

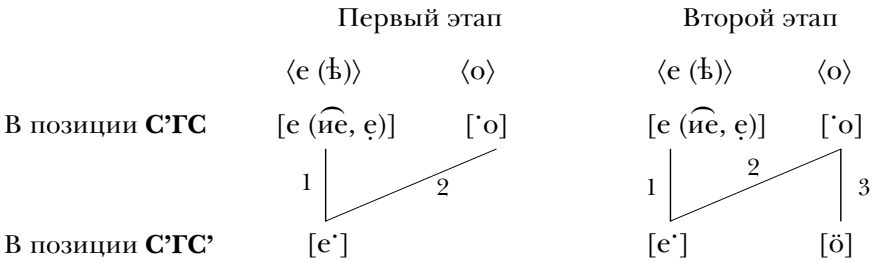
3. Чередования рассмотренных типов могут возникать в языке двумя путями: в результате конвергенции и дивергенции.

3.1. Первый связан с утратой различения фонем. Так, в говорах того типа, который был описан П. С. Кузнецовым, произошло совпадение ⟨e⟩ и ⟨Ѣ⟩ в позиции перед твердым согласным, где до этого только и проявлялась фонема ⟨Ѣ⟩ как отличная от других фонем:

Здесь разные звуки [е] и [и͡е, ẹ] совпали, перестали различаться, в результате чего перестала выделяться фонема ⟨Ѣ⟩, а чередование типа 2 из чередования звуков, воплощающих одну и ту же фонему, превратилось в чередование фонем.

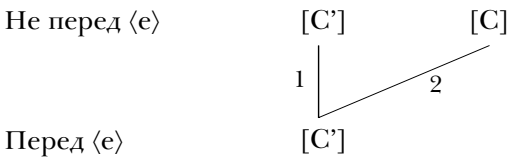
3.2. Второй путь связан с возникновением различения там, где его не было.

3.2.1. Так, после перехода [е] > [о] после мягких согласных перед твердыми возникла система, в которой перед твердым согласным ⟨е⟩ (⟨Ѣ⟩) и ⟨о⟩ различались, а перед мягким согласным не различались, совпадая в звуке [е˙]. На следующем этапе различение возникает и в позиции перед мягким согласным, но чередование [С’˙оС ‖ С’öС’] появляется только у части морфов, а в другой части сохраняется прежнее чередование [С’оС ‖ С’е˙С’]:



Здесь новой фонемы не возникает, но чередование типа 2 из чередования звуков, воплощающих одну и ту же фонему, превратилось в чередование фонем.

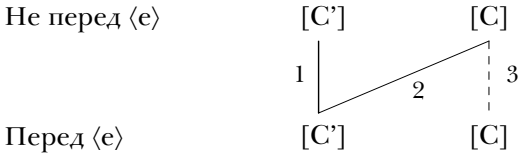
3.2.2. В русском литературною языке, видимо, еще в XIX в. существовала фонетическая закономерность, по которой твердые и мягкие согласные не различались, нейтрализовались в мягком согласном перед ⟨е⟩:



Эти ряды звуков могут быть представлены множеством примеров: 1) *зем*[л’]*я* — *зем*[л’é], *за*[р’]*я* — *за*[р’é], *род*[н’]*я* — *род*[н’é], *сте*[з’]*я* — *сте*[з’é], *ого*[н’] — *в ог*[н’é], *ог*[н’é]*й*, *фона*[р’] — *на фона*[р’é], *фона*[р’é]*й*, *кара*[с’] — *кара*[с’é],

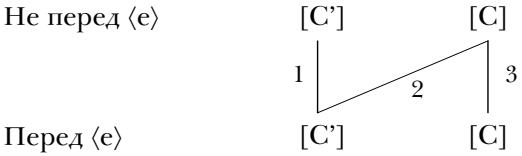
кара[с'é]*й*, *лоша*[д']*и* — *лоша*[д'é]*й*, *це*[п'] — *це*[п'é]*й*, *бо*[л'] — *бо*[л'é]*й*, *бо*[л'é]*ть*, *бо*[л'е]*знь*, *гра*[н'] — *гра*[н'é]*ние*, *да*[л'] — *уда*[л'é]*ние*, *го*[р'] *у* — *го*[р'é]*ть*, *го*[р'é]*ние*, *смер*[т'] — *смер*[т'é]*льный*, *си*[н']*ий* — *си*[н'é]*е*, *си*[н'é]*йший*, *си*[н'é]*ть*, *в*[с']*я* — *в*[с'é]; 2) *тру*[б]*а* — тру[б'é], *со*[в]*а* — со[в'é], *бе*[д]*а* — *бе*[д'é], *гро*[з]а — *гро*[з'é], *сто*[л] — *на сто*[л'é], *силе*[н] — *силь*[н'é]е, *силь*[н'é]*йший*, *жел*[т]*ый* — *жел*[т'é]*е*, *жел*[т'é]*ть*, *ми*[р] — *прими*[р'é]*ние*, *су*[д]*ы* — *су*[д'é]*бный*, *поко*[с] — *ко*[с'é]*ц*, *сы*[р]*ой* — *сы*[р'é]*ц*, *грамо*[т]*а* — *грамо*[т'é]*й*, *ка*[п]*ать* — *ка*[п'é]*ль*, *моло*[д]*ой* — *мла*[д'é]*нец*, *гла*[в]*а* — *гла*[в'é]*нствовать*, *здоро*[в]*ый* — *здоро*[в'é]*нный*, *чу*[д]*о* — *чу*[д'é]*сный*, *д*[в]*а* — д[в'е], [т]*ого* — [т'е]*х*.

Позднее в русском языке появились слова, в которых парный твердый согласный произносится перед [э]: *мо*[дэ́]*ль*, *ан*[тэ́]*нна*, *ти*[рэ́], *шос*[сэ́], *ка*[фэ́], *бифш*[тэ́]*кс*, *кок*[тэ́]*йль*, *о*[тэ́]*ль*, [дэ́]*льта*, [нэ]*п*, [нэ́]*пман*, *э*[сэ́]*р*, [гэ]*с* и т. п. Твердые согласные в этих словах были только перед [э] и не могли быть в этих же морфах перед другими звуками. Соотношение этих звуков таково:



Соответствия звуков типа 3 могло и не быть. Но возможность противопоставления [C'] — [C] в одной к той же позиции перед ⟨е⟩ привела к тому, что чередование типа 2 из чередования звуков, воплощающих одну и ту же фонему, превратилось в чередование фонем. Так и рассматривают эту закономерность современные фонетисты — представители МФШ [см. Панов 1967, с. 82—84; 1979, с. 130—132; Горшкова 1972б, с. 82; Реформатский 1979, с. 11—12]. Надо, однако, отметить, что в современном русском языке есть несколько таких морфов, где твердый согласный может выступать перед ⟨е⟩ и не перед ⟨е⟩: *поэ*[т] — *поэ*[тэ́]*сса*, *викон*[т] — *викон*[тэ́]*сса*, *баро*[н] — *баро*[нэ́]*сса*, *патро*[н] — *патро*[нэ́]*сса*, *мет*[р] — *мет*[рэ́]*сса*, *стюар*[д]*ы* — *стюар*[дэ́]*ссы* [см. Зализняк 1977, с. 210; ОС]. Было замечено, что суффикс *-есс*(*а*) «проявляет продуктивность на почве русского языка, сохраняя при этом свое «несмягчающее» качество (ср.: новое *гидесса*, разг. *адвокатесса*, окказ. шутл. *авторесса*, *агентесса* и даже *критикесса* с сохранением твердой фонемы *к*)» [Лопатин 1977, с. 282].

Таким образом, и здесь звуки выстраиваются в ту же схему:



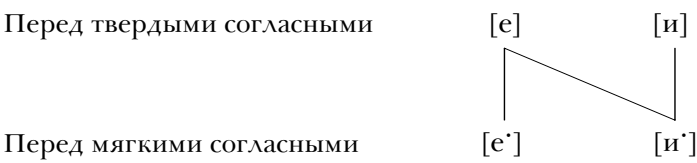
4. Где же просчет в решении, предложенном П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым?

Состав фонем языка определяется по сигнификативно сильным позициям. Ср.: «... Установление состава различных кратчайших звуковых единиц — фонем, их количества должно производиться на основе учета тех единиц, которые различаются в сильной позиции — в позиции максимальной дифференциации...» [Аванесов 1956, с. 30]; «... Подсчет фонем может быть осуществлен только на основании сравнения сильных позиций...» [Реформатский 1967, с. 219].

Как будто бы так и поступает П. С. Кузнецов при выделении в говоре Верхней Тоймы фонемы ⟨Ѣ⟩: «Эта фонема отличается от *э* тем, что перед мягкими согласными дает *и*, а от *и* тем, что перед твердыми согласными дает *э*» [Кузнецов 1949, с. 24].

Продолжая мысль П. С. Кузнецова, можно сказать: раз эта фонема отлична и от ⟨е⟩, и от ⟨и⟩, следовательно это особая фонема. Такое решение можно принять только в том случае, если признать позицию перед твердыми согласными и позицию перед мягкими согласными сигнификативно сильными для ⟨Ѣ⟩ и хотя бы одной из других рассмотренных фонем.

Но точно так же можно рассматривать эти позиции сигнификативно слабыми для ⟨Ѣ⟩: перед твердыми согласными она совпадает с ⟨е⟩, а перед мягкими — с ⟨и⟩:



С этой точки зрения ⟨Ѣ⟩ никогда не бывает в сигнификативно сильной позиции, а значит и не может считаться особой фонемой. У выделенной П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым ⟨Ѣ⟩ нет своего лица: в одной позиции она выступает в облике ⟨е⟩, в другой — в облике ⟨и⟩. Поэтому не ⟨Ѣ⟩

противопоставлена здесь фонемам ⟨е⟩ и ⟨и⟩ в разных позициях: это ⟨е⟩ и ⟨и⟩ противопоставлены друг другу.

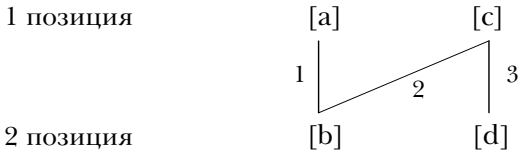
Позиционность чередования — признак, необходимый для отнесения ряда звуков к одной фонеме. Но этого признака недостаточно для того, чтобы признать этот ряд позиционно чередующихся звуков особой фонемой, отличной от других фонем. (Гиперфонема, слабая фонема — тоже ряды позиционно чередующихся звуков [см. Аванесов 1956, с. 132, 164; Панов 1979, с. 120]). Фонема — это не просто ряд позиционно чередующихся звуков. Фонема — это ряд позиционно чередующихся звуков, из которых хотя бы один выступает в абсолютно сильной позиции. В языке столько фонем, сколько звуков выступает в абсолютно сильных позициях. Ср.: «Сколько же в русском языке согласных фонем? ⟨...⟩ Каждая фонема имеет своего основного представителя; это звук, который реализует фонему в позиции наибольшего различения. ⟨...⟩ Сколько различителей в этой абсолютно сильной позиции — столько фонем» [Панов 1979, с. 142].

Ясно, что с этой точки зрения рассмотренный ряд чередующихся звуков [е ‖ и] не представляет особой фонемы. Чередование [е ‖ и] отражает чередование фонем ⟨е ‖ и⟩.

5. Но тем не менее единица, на которую обратил внимание П. С. Кузнецов и которую теоретически обобщил М. В. Панов, имеет своеобразие. Оно заключается в следующем. Эта единица обнаруживает чередование фонем в фонетических позициях.

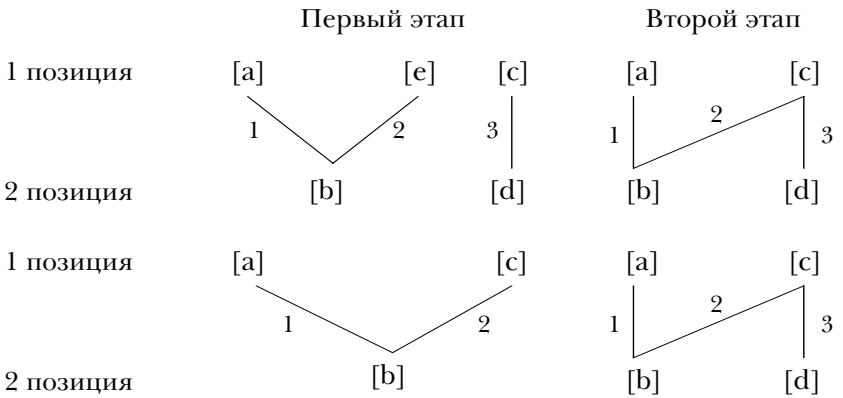
Фонемы, регулярно чередующиеся в одной морфеме, образуют морфонему. Неоднократно указывалось, что эти чередования вызываются морфологической позицией. Саму сущность морфонемы определяют обусловленностью чередования образующих морфонему фонем морфологическими позициями. Ср.: «Фонемы, чередующиеся в зависимости от грамматических условий, объединяются в морфонему» [Панов 1967, с. 207]; «Морфонема — это ⟨...⟩ такое обобщение фонем, которое может быть описано через грамматическую позицию» [Ильина 1980, с. 27]; «Морфонология изучает чередования фонем, обусловленные их грамматической (морфонологической) позицией» [Земская 1981, с. 165; см. также Панов 1959; 1979, с. 98—99, 150—152; 1981, с. 73; Земская 1973, с. 78—112, 158—168; 1975; 1981, с. 165—174].

Из этого должно следовать, что в рассмотренных чередованиях, которые обобщенно можно обозначить схемой:



2-й ряд позиционно чередующихся звуков обусловлен морфологически, в то время как 1-й и 3-й ряды обусловлены фонетически.

Как указывалось, эта система чередующихся звуков возникла из систем, где чередование 2-го ряда было обусловлено позициями фонетическими, двумя путями:



Трансформация первой системы связана с объединением, совпадением фонем ⟨e⟩ и ⟨c⟩, трансформация второй системы — с возникновением во 2-й позиции противопоставления [b] — [d].

В какой же момент в языковом сознании говорящих происходит переоформление позиций 2-го ряда чередующихся звуков из фонетических в морфологические? Представляется, что процесс этот может быть длительным. Он не заканчивается в момент возникновения второго этапа в истории указанных систем. Модель чередования может сохранять фонетическую позиционную обусловленность и после того, как она превращается из чередования звуков, относящихся к одной фонеме, в чередование звуков, представляющих разные фонемы. Доказательством может быть следующее.

Как уже говорилось, в эпоху, предшествующую современному состоянию русского литературного языка, сложилась закономерность, по которой перед ⟨e⟩ в соответствии с парными по твердости/мягкости соглас-

ными фонемами могли стоять только мягкие звуки. В эту эпоху чередование типа *тру*[б]*а* — *тру*[б']*е*, *сто*[л] — *на сто*[л']*е* было позиционным фонетическим. Звуки [б || б'] воплощали в этих позициях фонему ⟨б⟩, звуки [л || л'] — ⟨л⟩. Если в эту эпоху возникало новое существительное I или II склонения с твердой согласной в конце основы, то в дат. и предл. падежах у существительных I склонения и в предл. падеже существительных II склонения твердый согласный заменялся мягким по фонетическим причинам: дальше стояла ⟨е⟩.

В следующую эпоху перед ⟨е⟩ установилось противопоставление твердых/мягких согласных. Чередование типа *тру*[б]*а* — *тру*[б']*е*, *сто*[л] — *на сто*[л']*е* превратилось в чередование твердых || мягких фонем. Можно считать, что теперь мягкость согласных в примерах такого типа обусловлена уже не следующей фонемой, а следующим окончанием дательного или предложного падежа существительных I, II склонений [см. Панов 1979, с. 132]. Если в эту эпоху возникает в русском языке новое существительное I или II склонения, то перед этими окончаниями твердый согласный заменяется на мягкий, но уже по условиям не фонетическим, а морфонологическим: *аятол*[л]*а* — *аятол*[л']*е*, *диплопти*[к]*а* — *диплопти*[к']*е*, *универса*[м] — *в универса*[м']*е*, *акселера*[т] — *об акселера*[т']*е*. Такую же обусловленность можно видеть и перед другими морфами, начинающимися с ⟨е⟩.

Но в русском литературном языке есть и такие слова, в которых позиция согласного перед ⟨е⟩ никак не может рассматриваться в качестве морфологической. Это положение в начале или в середине корня. Таких слов очень много. Часть из них составляют исконно русские слова, в том числе и образованные в русском языке в последнюю эпоху, часть — заимствования. Если такие слова возникали в русском языке в ту эпоху, когда перед ⟨е⟩ могли быть только парные мягкие согласные, то эти слова подчинялись той же закономерности и твердые согласные в них заменялись мягкими перед ⟨е⟩.

Сейчас положение иное. Твердый парный согласный перед ⟨е⟩ разрешен фонетической системой. Поэтому нет необходимости (с точки зрения системы) заменять в таких словах твердый согласный мягким. Но все-таки эта замена происходит.

Сравнение произносительных норм, отраженных в орфоэпическом словаре [Аванесов, Ожегов 1959] и в книге [Аванесов 1972, с. 168—175], с современными нормами, которые отражает Орфоэпический словарь 1983 [см. ОС], показало, что многие заимствованные слова, в которых

правильным, нормативным считалось в 1950-е годы произношение твердого согласного перед ⟨е⟩, теперь произносятся с мягким согласным. Таковы, например, *газель*, *дегенерация* ([нэ]), *дегенерировать* ([нэ]), *депонент* ([дэ]), *депонировать*, *дефект*, *дефективный* ([дэ]), *дефектный* ([дэ]), *дефектология* ([дэ]), *контейнер* ([нэ]), *реверс* ([рэ]), *редупликация*, *ремилитаризация*, *репатриация*, *реэвакуация*, *секстет*, *сеньор*, *сеньория*, *септет* ([тэ]), *сервант*. В части таких слов губные согласные в 1950-е годы могли произноситься «без смягчения или с очень слабым, неполным смягчением» [Аванесов, Ожегов 1959, с. 681]: *айсберг*, *авеню*, *арабески*, *асбест*, *ампер*, *аспект*, *бекар*, *бемоль*, *бушмен*, *вектор*, *вестготы*, *ментор*, *месса*, *меццо*, *норд-вест*, *пеленг*, *пенс*, *пропеллер*, *сеттльмент*, *сперма*, *спортсмен*, *феллах*, *ферментация*, *цикламен*, *эфемерный*.

В 1950-е годы твердый согласный перед ⟨е⟩ произносился в словах *дебет* ([дэ]), *дебит*, *дебитор*, *дезинсекционный* ([дэ]), *дезинсекция* ([дэ]), *конгрессмен* ([мэ]), *ренессанс* ([нэ]), *сентиментализм* ([сэ]), *сентиментальный* ([сэ]). Сейчас в этих словах рекомендуется произносить мягкий согласный, хотя допускается и твердый.

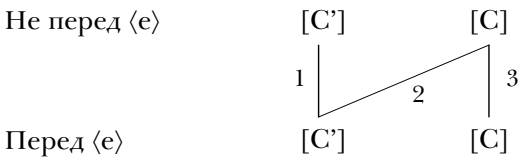
В ряде слов, которые в 1950-е годы отмечались только с твердым согласным, сейчас допускаются и твердый, и мягкий варианты: *девальвация*, *дегазатор*, *дегазация*, *дегазационный*, *дегустатор*, *дегустация*, *дегустировать*, *дедуктивный*, *дедукция*, *дезинсекционный* ([дэ]), дезинсекция ([дэ]), *дезинформация*, *дезодоратор*, *дезодорация*, *дезодорировать*, *дезодорированный*, *дезориентация*, *дезориентировать*, *демаркационный*, *демаскировать*, *демилитаризация*, *демографический*, *демография*, *демонтаж*, *демонтировать*, *деморализовать*, *деморализация*, *деморализованный*, *дериват*, *деривация*, *деривационный*, *дерматолог*, *дерматология*, *дерматологический*, *дефилировать*, *дефиниция*, *деформация*, *деформировать*, *деформированный*, *децентрализация*, *кредо*, *нетто*, *рейхстаг*, *сенешаль*, *сенсорный*, *септический*, *террор*, *террорист*, *терроризм*, *терроризированный*, *терроризировать*, *террористка*, *террористский*. (Здесь, правда, надо учитывать, что отсутствие вариантов в последней группе слов в словаре [Аванесов, Ожегов 1959] может объясняться нормализаторской установкой этого словаря и стремлением «свести количество фиксируемых вариантов к минимуму и в особенности избегать равноправных вариантов» [ОС, с. 3].)

В некоторых собственных именах Р. И. Аванесов рекомендует твердое произношение согласных: *Андромеда*, *Берта*, *Гермес* ([мэ]), *Непал*, *Седан*, *Сметана* [Аванесов 1972, с. 170, 173]. Сейчас в этих словах установилось мягкое произношение.

Чем же вызывается замена твердых согласных мягкими в таких словах? Эта замена необъяснима с точки зрения системы, но она объясняется с точки зрения нормы. Хотя система разрешает твердые согласные перед ⟨е⟩, но слов таких в русском литературном языке очень мало. В подавляющем большинстве случаев перед ⟨е⟩ выступают мягкие согласные. Инерция языковой нормы захватывает и новые слова. Старая модель [С'е] поддержанная огромным количеством слов и словоформ, сдерживает распространение новой модели [Сэ]. Обе модели — и [С'е], и [Сэ] — фонетические (точнее, фонематические).

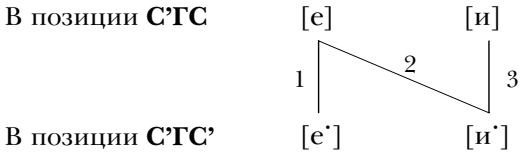
Таким образом, замена [С] на [С'] перед ⟨е⟩, а точнее — замена ⟨С⟩ на ⟨С'⟩ в этой позиции может быть обусловлена не только морфологической позицией, но и фонетической моделью, то есть позицией фонетической[24].

Возникает парадоксальная ситуация: в системе



смена [С] на [С'], то есть ⟨С⟩ на ⟨С'⟩, вызвана фонетической позицией «перед ⟨е⟩». Точно так же в системе, описанной П. С. Кузнецовым и М. В. Пановым,

[24] В современном русском языке существует и другая тенденция: в некоторых словах происходит отвердение мягкого согласного перед ⟨е⟩. В известной шуточной загадке: «А и Б сидели на трубе. А упало, Б пропало. Кто остался на трубе?» — слова *Б* и *трубе* не составляют точной рифмы, так как произносится здесь [бэ] и *тру*[б'е]. Но С. С. Высотский рассказывал, что еще в начале XX в. в этой загадке чаще произносили *Б* как [б'е] и, таким образом, слова *Б* и *трубе* составляли точную рифму. Названия и других согласных букв такого же типа раньше произносились с мягким согласным перед ⟨е⟩, а затем стали произноситься с твердым согласным. Так, известна и возникшая гораздо позднее этой загадки шуточная отгадка: «А, И, Б сидели на трубе. А упало, Б пропало: И работал в КГБ»; здесь слова *Б* и *КГБ* уже создают точную рифму. Такое же изменение происходит и в ряде других слов. Таким образом, в современном русском языке одни слова подчиняются модели «перед ⟨е⟩ мягкий согласный», другие слова — модели «перед ⟨е⟩ твердый согласный». Причины, по которым одни слова подчиняются действию первой модели, а другие слова — второй, различны, и существование одной модели не отменяет другую.



чередование [е ‖ и˙] представляет собой чередование фонем ⟨е ‖ и⟩ и при этом вызывается оно сменой фонетических позиций. Между тем одно из основных положений МФШ — чередование звуков, обусловленное фонетическими позициями, происходит в пределах одной фонемы.

Все лингвисты, выделяющие морфонему как особую лингвистическую единицу, относят ее к морфологии или словообразованию. Так как существует также морфонема, представленная фонемами, чередующимися в зависимости от фонетических позиций, то ее место — в фонологии[25].

[25] Первая публикация — [Касаткин 1987б].

Гиперкоррекция как причина фонетических изменений и разновидности фонетических гиперизмов в русских говорах

1. Одно из широко распространенных в русских диалектах явлений — гиперкоррекция. Возникает она при языковых и диалектных контактах как результат приспособления одной языковой (диалектной) системы к другой. Наиболее распространен следующий тип гиперкоррекции. При взаимодействии двух языков, или диалектов, или диалекта и литературного языка носители языка (диалекта) А могут считать язык (диалект) Б более «правильным», «престижным» и пытаются усвоить его закономерности. Однако в результате неверного представления об этих закономерностях заменяют свое иноязычным (инодиалектным) и там, где это надо, с точки зрения воздействующего языка (диалекта), и там, где не надо. Случаи такой неправильной замены называются обычно гиперизмами (или гиперкорректизмами, гипердиалектизмами и, если это результат подражания городской речи — гиперурбанизмами) [см. Вандриес 1937, с. 57—58; Марузо 1960; Ахманова 1966; Булаховский 1959, с. 198].

1.1. Возникновение гиперизмов может быть связано с различиями между системой А, воспринимающей, и системой Б, воспринимаемой.

1.1.1. Одной фонеме системы А могут соответствовать две фонемы системы Б: ⟨a⟩ || ⟨a⟩ и ⟨b⟩ в том смысле, что в диалекте Б есть морфы, в которых выступает фонема ⟨a⟩, и морфы, в которых выступает фонема ⟨b⟩. В диалекте же А во всех этих морфах выступает фонема ⟨a⟩ и нет таких морфов, где бы выступала ⟨b⟩ При этом фонема ⟨a⟩ системы А и фонема

⟨а⟩ системы Б воплощаются в сильной позиции в одном и том же звуке [а] (либо звук, воплощающий фонему ⟨а⟩ системы Б, отличаясь от звука [а], воплощающего фонему ⟨а⟩ в системе А, отождествляется с ним в языковом сознании носителей диалекта А), а фонема ⟨b⟩ воплощается в звуке [b], отсутствующем в системе А по крайней мере в сильной позиции. Усваивая фонему ⟨b⟩, носители диалекта А могут заменять ею свою фонему ⟨а⟩ не только в тех морфах, в которых в диалекте Б употребляется ⟨b⟩, но и там, где в диалекте Б употребляется ⟨а⟩.

1.1.1.1. Таковы гиперизмы, возникшие при отходе от цоканья. Как известно, цоканье представляет собой неразличение аффрикат, произношение одной аффрикаты в соответствии с двумя аффрикатами литературного языка и многих говоров. В литературном языке и говорах подобного типа в большинстве позиций фонема ⟨ц⟩ воплощается в звуке [ц], а ⟨ч'⟩ в звуке [ч']. Цоканье же представлено двумя основными типами: мягким цоканьем и твердым цоканьем. При мягком цоканье в соответствии с этимологическими *ц* и *ч* произносится [ц'] или звуки типа [ц'', ц'$^{ч'}$, ч'$^{ц'}$] (произношение подобного типа называют также шепелявым цоканьем): [ц']*арь*, [ц']*елый*, *ли*[ц']*о*, *оте*[ц']; [ц']*ай*, [ц']*ерти*, п[ц']*олы*, *пе*[ц'] ([ц'']*арь*, [ц'']*елый*, [ц'']*ай* и т. п.). При твердом цоканье произносится [ц]: [ц]*арь*, [ц]ай и т. п.

Одним из широко известных гиперизмов, связанных с трансформацией цоканья, является чоканье — произношение [ч'] или [ч] не только на месте *ч*, но и на месте *ц*: [ч']*арь*, [ч']*елый*, *ли*[ч']*о*, *оте*[ч'] и т. п. при [ч']*ай*, [ч']*ерти*, *п*[ч']*олы*, *пе*[ч'] и т. п. В. Г. Орлова так пишет о возникновении этого гиперизма: «Возникновение чоканья и связывают с воздействием городской речи на диалекты в те периоды, когда это воздействие не было достаточно систематическим и повседневным и не обеспечивало непосредственного перехода к различению аффрикат. Таким это воздействие было, например, в дореволюционной России, когда влияние городской речи испытывали на себе лица, уходившие на заработки в города. Усваивая незнакомый им согласный *ч*, носители цокающего диалекта подставляли вместо единственной известной им аффрикаты *ц* опять-таки одну аффрикату *ч*, но не переходили к различению аффрикат. Указания на чоканье преимущественно и встречаем в дореволюционной литературе по отношению к говорам деревень, которые были в наибольшей степени связаны с отхожими промыслами, и, что характерно, чаще всего в речи мужчин, на которых в наибольшей степени рас-

пространялось в то время влияние городской речи» [Русская диалектология 1964, с. 82; ср. Иванов, Якубинский 1932, с. 98].

Другую точку зрения на происхождение чоканья высказал Г. А. Турбин, выдвинувший предположение о том, что чоканье в русских говорах востока Европейской части России и Урала возникло как субстратное явление в результате воздействия языка коми [Турбин 1965, с. 78]. Л. Н. Макарова, исследуя говоры Кировской области, обнаружила две диалектные группы, характеризующиеся чоканьем: котельнические говоры, «отмеченные на территории 10 районов в 108 населенных пунктах; из них в 32 селениях отмечены чисто чокающие говоры, совсем не знающие аффрикаты *ц*», и кайские говоры, которые отличаются от котельнических «наиболее частым употреблением палатальной шепелявой аффрикаты *ч'ц'*, чаще всего соответствующей этимологическому *ч*» [Макарова 1973, с. 94]. Возникновение чоканья, как и цоканья, Л. Н. Макарова связывает с финно-угорским субстратом, хотя и указывает, что причины возникновения неразличения аффрикат заключались в самой фонологической системе русского языка [с. 96, 98].

По современным данным, в частности по материалам ДАРЯ, чоканье не представляет собой строгой, непоколебленной системы: наряду с [ч'] или [ч] в соответствии с *ч* и *ц* произносятся и другие аффрикаты [см. Орлова 1959, с. 32 и сл.; Атлас В, карта 40; Атлас С, карта 43; ДАРЯ 1, карты 45—47]. В этом отношении кировские говоры, по данным Л. Н. Макаровой, представляют исключение. («Чистое чоканье» отмечала в них и Е. П. Луппова [Луппова 1967, с. 254—257]). Впрочем Л. Н. Макарова оговаривается, что чокающие говоры «все еще недостаточно изучены» [с. 93], причем «кайские чокающие говоры изучены еще меньше, чем котельнические» [с. 94].

Говоря о чоканье, следует различать, во-первых, отдельные примеры произношения [ч'] или [ч] на месте *ц* и, во-вторых, систему произношения только [ч'] (или [ч]) на месте *ц* и *ч*.

На современном этапе, по многочисленным свидетельствам, «чистые» системы диалектного употребления аффрикат выдерживаются достаточно редко и только в речи представителей старшего поколения. В частности, о кировских говорах Е. П. Луппова пишет: «Следует подчеркнуть, что диалектные типы произношения аффрикат в современных кировских говорах характеризуют в основном только архаический слой говора, и на всей территории наряду с этим в речи населения, особенно в речи молодежи, наблюдается правильное употребление аффрикат с ред-

кими отступлениями от нормы литературного языка» [Луппова 1967, с. 256].

Таким образом, исследуя современные говоры с точки зрения реализации в них аффрикат, часто приходится прежнюю систему реконструировать о большими или меньшими трудностями. И в соответствии с тем, какую систему мы относим к прежней эпохе, мы по-разному должны оценивать отклонения от нее в современных говорах.

Так, говоря о происхождении чоканья как системы, по-видимому, нужно согласиться с тем объяснением, которое приводит Л. Н. Макарова. Но это не исключает и того, что в отдельных случаях подобное чоканье могло возникать и как гиперизм. Что же касается отдельных примеров произношения [ч'] или [ч] на месте *ц* при другой системе реализации аффрикат, то их интерпретация зависит от того, какой была прежняя система. Гиперкорректное происхождение подобных примеров при отходе от цоканья не вызывает сомнения.

Сложность интерпретации примеров при колебаниях в произношении в современных говорах можно видеть из следующего.

Если в говоре отмечается произношение [ц']*арь*, [ц']*елый*, *ли*[ц']*о*, *оте*[ц']—[ч']*ай*, [ч']*ерти*, *п*[ч']*олы*, *пе*[ч'] и при этом [ц']*ас*, *ку*[ц']*а*, то последние два примера могут представлять собой остатки прежнего мягкого цоканья, а могут быть гиперизмами, возникшими на путях перехода к различению двух аффрикат, шипящей и свистящей, от прежней системы мягкого чоканья.

Отход от цоканья, возникающий в результате влияния литературного языка и говоров с такой же системой аффрикат, приводит к формированию разных диалектных систем с различением двух аффрикат, которые могут не совпадать с литературными. Так, например, возникает система, в которой в соответствии с *ц* выступает [ц], а в соответствии с *ч* произносятся различные мягкие аффрикаты: [ц', ц'', ц'$^{ч'}$, ч'$^{ц'}$]. Возможна также система с произношением [ц]—[ц']: [ц]*арь*, [ц]*елый*, *ли*[ц]*о*, *оте*[ц]—[ц']*ай*, [ц']*ерти*, *п*[ц']*олы*, *пе*[ц'] и т. п. Такая система отмечается и в говорах цокающей территории к востоку от Москвы и в говорах северо-востока Европейской территории России [см. Орлова 1959, с. 51, 76—78, 83 и сл.; ДАРЯ 1, карта 47].

Такая система часто не выдерживается последовательно, бывают и отступления. Так, наряду с «правильными» примерами, встречается и произношение с [ц'] в соответствии с *ц* типа [ц']*арь*, и произношение с [ц] в соответствии с *ч* типа [ц]*ай*.

Для выявления причин такого рода колебаний следует учитывать пути возникновения указанной системы ⟨ц⟩—⟨ц'⟩. Если эта система возникла в результате отхода от мягкого цоканья, то произношение типа [ц']*арь* следует расценивать как остаток старой системы, а произношение типа [ц]*ай* представляет собой гиперизм.

Здесь говорящие пытаются усвоить твердую аффрикату в соответствии с литературным [ц], но заменяют ею и то свое [ц'], которому в литературном языке соответствует мягкая аффриката.

Другое дело, если эта система возникла в результате отхода от твердого цоканья. Тогда остатком старой системы являются примеры произношения типа [ц]*ай*, а гиперизмом будут примеры типа [ц']арь. Здесь говорящие пытаются усвоить мягкую аффрикату в соответствии с литературным [ч'], но заменяют ею и то [ц], которому в литературном языке соответствует [ц] [ср. Орлова 1959, с. 80]).

1.1.1.2. Другой случай возникновения гиперизмов при переходе от одной фонемы к двум связан с влиянием литературного языка и говоров, различающих ⟨ц⟩ и ⟨с⟩, на говоры с соканьем. В этих говорах в результате утраты затвора у аффрикаты [ц] указанные фонемы совпали и на их месте выступает одна ⟨с⟩: [с]*арь*, *кури*[с]*а*, *оте*[с]; [с]*ам*, *ко*[с]*а*, *ле*[с] и т. п. Отход от соканья приводит к восстановлению [ц] на месте *ц*. Однако отход этот сопровождается гиперкоррекцией — возникновением [ц] и в соответствии с этимологическим и литературным [с]: [ц]*арай*, [ц]*апог*, [ц]*ветлый*, *ле*[ц], *ру*[ц]*кий* и т. п. (подробнее см. ниже, с. 300—302; см. также [Кузнецова 1975, с. 144—145]).

1.1.1.3. Во многих среднерусских говорах наблюдается произношение [т'] в соответствии с литературным и инодиалектным [к']: [т']*исель*, [т']*ислый*, *с*[т']*ирда*, *ру*[т']*и*, *ру*[т']*е*, *пал*[т']*и*, *пал*[т']*е*, *Вань*[т']*я* и т. п. В среднерусских говорах этому явлению часто сопутствует и произношение [д'] в соответствии с [г']: [д']*ибель*, *мо*[д']*ила*, *но*[д']*и*, *но*[д']*е*, *день*[д']*ями* и т. п. В таких говорах не различаются ⟨т'⟩ и ⟨к'⟩, ⟨д'⟩ и ⟨г'⟩[26], ср.: [т']*ит* — литературное *Тит* и *кит*, *во*[д']*ила* — *водила* и *мо*[д']*ила* — *могила*.

Не исключено, что отход от этого явления возник по внутренним причинам: в говоре наблюдалось «нетипичное» чередование [к]—[т'] и [г]—[д']: *ру*[к]*а* — *ру*[т']*е*, *но*[г]*а* — *но*[д']*е* и т. п. в позиции, где большинст-

[26] Доказательство того, что [к'], [г'] воплощают фонемы ⟨к'⟩, ⟨г'⟩ (а не ⟨к⟩, ⟨г⟩, у которых признак «твердость/мягкость» отсутствует, как считают некоторые лингвисты) см. [Касаткин 1968, с. 62—66].

во согласных знало чередование звуков, отличающихся только твердостью — мягкостью: *ко*[с]*а* — *ко*[с']*е*, *но*[р]*а* — *но*[р']*е*, *гу*[б]*а* — *гу*[б']*е* и т. п. Но восстановление [к'] и [г'] в позиции, где такого чередования не было ([к']*ино*, [к']*исель*, *с*[к']*ирда*; [г']*ибель*, *мо*[г']*ила* и т. п.), безусловно связано с инодиалектным и литературным влиянием. В результате этого возникали гиперизмы типа *ма*[к']*ерия*, [к']*есто*, [к']*етрадь*, [к']*еперь*, *тре*[к']*ий*, *поч*[к']*и́*, *преж*[г']*е*, *ор*[г']*ен* и т. п. [см. Атлас В, с. 600; ДАРЯ 1, карты 68, 69].

1.1.2. При отсутствии в системе А фонемы ⟨b⟩, свойственной системе Б, может сложиться такое соответствие, когда на месте этой фонемы в тех же морфах в диалекте А выступает сочетание фонем ⟨ас⟩, входящих и в систему Б. Усваивая фонему ⟨b⟩, носители диалекта А могут заменять ею сочетание фонем ⟨ас⟩ не только в тех морфах, в которых в диалекте Б употребляется ⟨b⟩, но и там, где в диалекте Б употребляется ⟨ас⟩.

Как известно, звук [ф] появился в части русских диалектов после падения редуцированных гласных в результате оглушения согласных на конце слова и перед глухими согласными, которому подвергся и [в], а также в результате освоения фонемы ⟨ф⟩ в заимствованных словах. Подобные отношения установились и в говорах, легших в основу литературного языка. В другой части говоров не было звука [ф]. Там не было фонемы ⟨ф⟩, а ⟨в⟩ воплощалась перед гласными в билабиальном [w], в соответствии с которым на конце слога выступал звук типа [ў] [см. Аванесов 1949, с. 124—125; Орлова 1950, с. 208; Иванов 1990, с. 177—179].

Под влиянием говоров первого типа, в том числе и литературного языка, представители говоров второго типа пытаются усвоить инодиалектный звук [ф]. На первом этапе это приводит к различным заменам звука [ф] другими звуками, имеющимися в говорах.

В ряде таких говоров на месте ⟨ф⟩ и ⟨ф'⟩ перед гласными установилось бифонемное сочетание ⟨хв⟩ и ⟨хв'⟩, реализующееся в звуках [xw, хв, xw', хв'] [см. Орлова 1950, с. 188 и сл.; Васильева 1975, с. 91 и сл.]. Вследствие этого лексический фонд диалекта с исконным сочетанием ⟨хв, хв'⟩ в таких словах, как *хвост*, *хвастать*, *хватать*, *хвалить*, *хвоя*, *хворост*, *ухват* и т. п. пополнился словами *сархван*, *хвартук*, *хвабрика*, *конхвета*, *Митрохван*, *Хведор* и т. п.

Дальнейшее воздействие на эти говоры литературного языка и говоров, знающих произношение [ф] на месте ⟨ф⟩, приводило к постепенной замене сочетания [хв] ([xw]), возникшего на месте ⟨ф⟩, звуком [ф]. Но на путях этой замены появлялись и гиперизмы: [ф] мог быть «восстанов-

лен» не только на месте ⟨ф⟩, но и на месте исконного сочетания ⟨хв⟩; возникало произношение типа [ф]*ост*, [ф]*оя*, [ф]*алить* и т. п.

Такое объяснение происхождения в некоторых говорах примеров типа [ф]*ост* приводит Р. И. Аванесов [Аванесов 1949, с. 125]. Иную точку зрения высказывает В. Г. Орлова: «Изменение *xv* в *f* в подобных говорах связано с особым диалектным качеством самого *xv*. Так, в ряде говоров, видимо, распространено такое сочетание *xv*, в котором оба элемента являются глухими, т. е. *xf* или *xφ* (последнее в говорах, где губно-зубное *v* (*f*) неизвестно ⟨...⟩). Для понимания дальнейшей судьбы подобных сочетаний надо учесть также и то обстоятельство, что звук *x* по различным говорам славянских языков имеет нередко очень широкое образование с незначительной фрикацией ⟨...⟩ *f* появляется в таких говорах в результате исчезновения *x*, образованного без достаточного сужения органов речи, сопровождающегося слабой фрикацией» [Орлова 1950, с. 203—204].

По-видимому, возникновение в русских говорах примеров типа [ф]*ост* могло происходить и в результате гиперкоррекции, и в связи с фонетическим изменением сочетания [xw]. Об этом может говорить следующее.

Распространение примеров типа [ф]*ост* имеет различный характер в южнорусских и севернорусских говорах [см. Образование с-р наречия, карта 6, с. 36]. В южнорусских говорах случаи такого произношения, как правило, немногочисленны, часто единичны; говоры с такими примерами не составляют компактной территории, а разбросаны по всей территории, где известны различные замены ⟨ф⟩. В говорах этой территории «борьба» между произношением [ф] и разными заменами фонемы ⟨ф⟩ далеко не окончена, актуальна для говорящих, и в ходе этой «борьбы» естественны «перегибы». Поэтому для южнорусских говоров вероятнее предполагать возникновение примеров типа [ф]*ост* в результате гиперкоррекции.

Иное в севернорусских говорах. Здесь выделяется определенный ареал этого явления, занимающий восточные районы Ленинградской области, западные районы Вологодской области и переходящий в Архангельскую область. В этих говорах произношение [ф] на месте исконного ⟨хв⟩ наблюдается во многих примерах и иногда, по-видимому, представляет собой единственно возможное произношение, по крайней мере, для архаического слоя говора. В большей части этих говоров в соответствии с ⟨ф⟩ произносится только [ф] [см. Атлас С, карта 86].

Все это, а также положение этих говоров в соседстве с говорами, знающими различные замены ⟨ф⟩ и произношение звуков типа [w] в соответствии с ⟨в⟩ [см. Васильева 1975, карта 1; Липовская 1975, карты 1—3], свидетельствует о том, что усвоение [ф] в них произошло гораздо раньше, чем во многих южнорусских говорах. Произношение типа [ф]*ост* имеет здесь не случайный характер, как бывает обычно при гиперкоррекции, а вполне регулярный, охватывающий все возможные случаи, как бывает при фонетическом изменении. Поэтому и естественнее предположить именно этот путь возникновения произношения [ф, ф'] на месте *хв*, *хв'* в севернорусских говорах.

1.1.3. В системах А и Б могут не совпадать сильные и слабые позиции каких-либо фонем. При этом фонемы ⟨a⟩ и ⟨b⟩ и в системе А, и в системе Б различаются в позиции P_1, воплощаясь в звуках [a] и [b], а в позиции P_2 в системе А нейтрализуются в звуке [a], а в системе Б сохраняют различение. Усваивая звук [b] и в позиции P_2, носители диалекта А могут подставить его вместо своего [a] и в тех морфах, в которых в диалекте Б произносится [a]. Последнее обычно бывает в тех морфах, где P_2 не чередуется с P_1, то есть в тех случаях, когда [a] в системе А в позиции P_2 воплощает гиперфонему ⟨a/b⟩.

1.1.3.1. Попытки усвоить фонему ⟨ф⟩ говорами, не знающими звука [ф], приводили повсеместно к замене ее на конце слова звуком [х]: *тор*[х], *ти*[х], *штра*[х] и т. п. [см. Васильева 1975, с. 95]. Этот же звук в ряде подобных говоров выступает на конце слова в качестве замены ⟨в⟩: *покро*[х], *голо*[х] и т. п. [см. Атлас В, карты 49, 50].

Таким образом, в этих говорах звук [х] в конце слова выступает и в соответствии с литературным и инодиалектным [х]: *мо*[х], *жени*[х], *вер*[х], *в дома*[х], *стары*[х] и т. п., и в соответствии с литературным и инодиалектным [ф]; *тор*[х], *ти*[х]; *покро*[х], *гото*[х], жи[х], *коро*[х], *домо*[х] и т. п.

На этом этапе конечный [х] представляет собой вариант фонем ⟨в⟩ и ⟨х⟩ (в южнорусских говорах еще и ⟨ɣ⟩: *дру*[х], *сапо*[х] и т. п.). Фонема ⟨ф⟩ на этом этапе может еще отсутствовать в этих говорах, а [х] в словах *тор*[х], *ти*[х], *штра*[х] и т. п. обычно воспринимается говорящими как вариант ⟨х⟩: ср.: *тор*[х]*а*, *ти*[х]*а*, *штра*[х]*овать* и т. п., иногда как вариант ⟨ɣ⟩: *тор*[х]—*на тор*-[ɣ]*ý* и т. п. [см. Васильева 1975, с. 98—99]. В окончании существительных и прилагательных [х] воплощает гиперфонему ⟨х/в⟩ (или ⟨х/ɣ/в⟩). Таким образом, различению фонем ⟨в⟩ и ⟨х⟩ в позиции конца слова литературного языка соответствует в данных говорах нейтрализация этих фонем.

На следующем этапе в результате продолжающегося воздействия литературного языка и говоров, знающих [ф], в трансформированных указанным выше образом говорах звук [х], выступающий на месте литературного и инодиалектного [ф], заменяется этим последним. Возникает в этих говорах произношение *тор*[ф], *ти*[ф], *покро*[ф] и т. п.

На путях этой последней замены в части таких говоров возникает гиперизм: произношение [ф] устанавливается не только «правильно», вместо [х], выступающего на месте ⟨в⟩ и инодиалектной фонемы ⟨ф⟩, но и «неправильно», вместо того [х], который произносится и в литературном языке и в говорах подобного типа на месте ⟨х⟩. Характерно, что такое гиперкорректное [ф] возникает обычно на месте гиперфонемы ⟨х/в⟩ (⟨х/ɣ/в⟩), где [х] не поддерживается чередованием: *в дома*[ф], *на саня*[ф], *при самовара*[ф], *молоды*[ф], *красны*[ф] и т. п., причем у прилагательных подобные окончания «встречаются реже, чем у существительных» [Бромлей, Булатова 1972, с. 121], во всяком случае на территории к востоку от Москвы почти не встречаются. (В Атласе В соответствующая карта на качество согласного в родительном и предложном падежах множественного числа прилагательных не составлялась ввиду отсутствия достаточного материала.)

О таком именно пути возникновения [ф] в формах типа *в дома*[ф] и т. п. свидетельствует то, что ареалы этого явления соседствуют и частично пересекаются с ареалами различных замен фонемы ⟨ф⟩ и произношения звуков типа [ў] на месте ⟨в⟩ в конце слога. (Ср. карту 115 с картами 45, 49, 50 Атласа В и аналогичные карты Атласа С.)

Гиперкоррекция была поддержана здесь, очевидно, и иными факторами. Так, по-видимому, во многих говорах существует тенденция сблизить формы родительного и предложного падежей множественного числа существительных, обусловленная совпадением аналогичных форм прилагательных [см. Булатова 1949, с. 76; 1981, с. 109][27]. Действие этой

[27] В литературном языке тоже существует проявляющаяся в оговорках тенденция к мене безударных окончаний родительного и предложного падежей множественного числа существительных. Мною собрано множество подобных оговорок в речи людей, владеющих нормами литературного языка, в том числе лингвистов, дикторов радио и телевидения. Например, форма родительного падежа вместо предложного: *о моих родственник*[ъф], *на олимпийских объект*[ъф], *в самих Соединенных Штат*[ъф], *материал дается в данных параграф*[ъф], *на самых начальных этап*[ъф], *речь идет о разных автор*[ъф], *на составных элемент*[ъф] *слова*, *все внимание сосредоточено на главных геро*[иьф], *об этих художник*[ъф] *почти ничего не знали*, *роман о провинциальных*

тенденции в сочетании с гиперкоррекцией и вызвало появление у существительных форм с конечным [ф] не только в родительном падеже множественного числа (*у домо*[ф]), но и в предложном падеже (*в дома*[ф]).

1.1.3.2. В западных среднерусских говорах и примыкающих к ним частях северного и южного наречий известно произношение [нн] и [н'н'] на месте твердого и мягкого сочетания *дн*: *ла*[нн]*о*, *оби*[нн]*о*, *ме*[нн]*ый*, *о*[н'н']*и*, *сего*[н'н']*я* и т. п. В этих говорах регрессивная ассимиляция исходного сочетания привела к неразличению ⟨д, д'⟩ и ⟨н, н'⟩ перед ⟨н, н'⟩; ср.: *ла*[нн]*о* (из *ладьно*) и *А*[нн]*а*, *за*[н'н']*ий* (из *задьний*) и *ра*[н'н']*ий*. Между тем в соседних говорах и в литературном языке указанные фонемы в данной позиции различаются. Отход от диалектного явления приводил к возникновению гиперизмов: перед ⟨н, н'⟩ возникает [д, д'] и на месте исконного [н, н']. Так, в отдельных говорах этой территории отмечены примеры *деревя*[дн]*аа*, *по стари*[дн]*ому*, *постоя*[дн]*о*, *обыкнове*[дн]*о*, *четырехгра*[дн]*ый*, *ра*[д'н']*ий*, *А*[дн]*а* и др. [см. ДАРЯ 1, карта 81; Смирнов 1904, с. 51; Иванов и Якубинский 1932, с. 101; Чернышев 1949, с. 268; 1970, т. 2, с. 379].

Гиперизм, очевидно, представляет собой и [д] в широко распространенном в смоленских говорах слове *молодня́* (реже *мо́лодня*) 'молния' [см. Атлас 3, карта «Слово *молния* и его соответствия, близкие по корню», автор А. С. Феоктистова]. Понять это явление можно при учете ряда явлений, свойственных данным говорам. Так, часто это слово произносится как *мо́ло*[н'j]*а́*. А в этих же говорах известно произношение долгих согласных на месте сочетания согласных с j, поэтому здесь всякое [н'j] > [н'н'], а это [н'н'] совпало с тем сочетанием, которое возникло из *дн*.

1.1.3.3. В некоторых говорах известно произношение [м] на месте *в* перед ⟨н, н'⟩: [м]*нук*, *да*[м]*но*, *ро*[м]*но* и т. п.

нрав[ъф], *сидит на двух стуль*[иьф], *в московских печатных стиховник*[ъф], *об итог*[ъф] *выборов*; *о некоторых своих наблюдений*, *остро встает вопрос о безличных предложений* и др. Форма предложного падежа вместо родительного: *все зависит от позиции Соединенных Штат*[ъх]. *выделяем несколько так называемых полизвукотип*[ъх], *материалы для изучения великорусских говор*[ъх], *в числе тех молодых автор*[ъх], *на месте этих глагол*[ъх], *для северозападных говор*[ъх], *есть омонимы нескольких вид*[ъх], *это можно исследовать с помощью электроакустических прибор*[ъх], *результат президентских выбор*[ъх], *подавление релевантных признак*[ъх], *подтверждается в ряде случа*[иьх], *в пятнадцати процент*[ъф] *случа*[иьх], *что касается импрессионист*[ъх] и др. [см. также Гловинская 1996, с. 267—272].

В прошлом это явление как фонетическое, очевидно, было распространено на довольно значительной территории. Сейчас оно обычно встречается уже только в отдельных словах и лишь в районе Костромы может быть лексически неограниченным [см. Васильева 1967].

Явление это свидетельствует о системе, в которой фонемы ⟨м⟩ и ⟨в⟩ нейтрализуются перед ⟨н, н'⟩, воплощаясь в этой позиции в звуке [м]: *гу*[м]*но*, *по*[м]*ню*, [м]*ного* и *бре*[м]*но*, *коро*[м]*ник*, [м]*нук* и т. п.

На говоры подобного типа воздействовали говоры с системой, в которой ⟨м⟩ и ⟨в⟩ перед ⟨н, н'⟩ различаются: *гу*[м]*но*, *по*[м]*ню*, [м]*ного* и *бре*[в]*но*, *коро*[в]*ник*, [в]*нук*. При этом в говорах первого типа возникает тенденция к отходу от своей системы и замене ее системой второго типа. На путях этого отхода и возникают гиперизмы типа *по*[в]*ню*, [в]*ного*, *гу*[в]*но*, *ко*[в]*ната* и т. п. Характерно, в частности, что ареалы слов *по*[в]*ню* и [в]*ного* «находятся на периферии массива, характеризующегося изменением сочетания [вн] > [мн]» [Васильева 1967, с. 235; см. карту на с. 236].

1.1.3.4. На основе диалектного неразличения в ряде позиций ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ возникли гиперкорректные формы *можжевельник* из древнерусского *можжеельник* и *сыровежка* (*суровежка*) из *сыроежка* [см. выше, с. 82—85].

1.1.4. Различия между системами А и Б могут проявляться в наборах дифференциальных признаков, свойственных системе фонем. Так, в системе Б могут быть все те ДП, которые есть и в системе А, в том числе и ДП «a», а также и такой ДП «b», который отсутствует в системе А. При этом ряду фонем ⟨a⟩, ⟨b⟩ присущ ДП «a» и в системе А, и в системе Б. Ряду же фонем ⟨c⟩, ⟨d⟩, обладающих ДП «a» в системе А, соответствует (то есть выступает в тех же морфах) в системе Б ряд фонем $\langle c_1 \rangle$, $\langle d_1 \rangle$, обладающих ДП «b». Заимствуя ДП «b», носители диалекта А могут заменять им ДП «a» не только у фонем ⟨c⟩, ⟨d⟩, но и у фонем ⟨a⟩, ⟨b⟩. Так в системе А возникают, гиперкорректные фонемы $\langle a_1 \rangle$, $\langle b_1 \rangle$, обладающие ДП «b» и отсутствующие в системе Б.

Так, в некоторых западных южнорусских говорах были утрачены фонемы ⟨ч'⟩, ⟨ц⟩, в соответствии с ними выступали ⟨ш'⟩, ⟨с⟩; *до*[ш']*ка*, [ш']*ай*; *кури*[с]*а*, [с]*арь* и т. п. В фонетической системе этих говоров отсутствовал ДП «аффрикатность», на его месте у фонем ⟨ш'⟩, ⟨с⟩ выступал ДП «фрикативность». Под влиянием литературного языка и соседних говоров, имеющих в фонетической системе ДП «аффрикатность», этот ДП появляется и в системе западных южнорусских говоров, на месте ⟨ш'⟩ возни-

кает ⟨ч'⟩, на месте ⟨с⟩ в ряде морфов — ⟨ц⟩. Так устанавливается произношение *до*[ч']*ка*, [ч']*ай*, *кури*[ц]*а*, [ц]*арь* и т. п.

Но при этом возможна и гиперкоррекция: ДП «аффрикатность» появляется взамен ДП «фрикативность» не только у ⟨ч'⟩, ⟨ц⟩, но и у других фонем,— тех, которые являются «фрикативными» и в литературном языке, и в говорах, соседних с указанными западными южнорусскими. Так, на месте ⟨з⟩, ⟨з'⟩ в ряде морфов возникают ⟨д͡з⟩, ⟨д͡з'⟩. А. М. Кузнецова, обнаружившая это явление в говоре деревни 1-е Скородное Курской области, приводит «спорадические случаи произношения в говоре звонких аффрикат [ʒ] ([д͡з]) и [ʒ'] ([д'͡з']) на месте щелевых [з] и соответственно [з'] ⟨...⟩: [д͡з]*апи́сано*, [д͡з]*аболе́л*, *расска*[д͡з]*а́л*, *обя*[д͡з]*а́тельно*, [д'͡з']*ять* (= зять), *бре*[д'͡з']*е́нт* (= брезент) и т. п.» [Кузнецова 1975, с. 145]. Возможно, о существовании в системе говора фонем ⟨д͡ж⟩, ⟨ч⟩, обладающих признаком «аффрикатность», говорят «случаи реализации шипящих щелевых как [дж], [тш]: *По*[дж]*а́рский* (= Пожарский), [тш']*а́ли* (= шали)» [там же].

1.2. Гиперизмы могут возникать также и в том случае, когда при отсутствии различий между системами А и Б существует различие в сферах употребления фонем. При этом в диалектах А и Б выделяются три группы морфов, в которых представлены фонемы ⟨a⟩ и ⟨b⟩; в одних морфах и в диалекте А, и в диалекте Б употребляется ⟨a⟩, в других морфах и в диалекте А, и в диалекте Б употребляется ⟨b⟩, а в третьей группе морфов в диалекте А употребляется ⟨a⟩, а в диалекте Б — ⟨b⟩. Стремление усвоить нормы диалекта Б приводит носителей диалекта А к тому, что они, заменяя ⟨a⟩ на ⟨b⟩ в третьей группе морфов, могут эту же замену произвести и в некоторых морфах первой группы.

1.2.1. Известно, что говоры с так называемым «непереходом» *е* в *о* никогда не реализуют его абсолютно последовательно: [о] после мягких согласных всегда отмечается в таких говорах в окончании существительных и в суффиксе *-ок*: [л'е]*н*, *о*[в'е́]*с*, *с*[в'е́]*кла*, *к*[л'е́]*н*, *бе*[р'е́]*за*, [в'е]*рст*, *т*[в'е́]*рдый*, [д'е́]*шево*, *ко*[т'е́]*нок*, *не*[с'е́]*м* и т. п., но *д*[н'о]*м*, *медве*[д'о́]*м*, *зем*[л'о́]*й*, *пе*[н'о́]*к*, *де*[н'о́]*к* и т. п. [см. Аванесов 1949, с. 42—43]. При этом в говоре [е] может произноситься перед твердым согласным также и на месте старого *ѣ*: [л'е]*с*, [т'е́]*ло*, и в прежнем сочетании **tьrt* с отвердевшим [р]; [в'е]*рх*, [з'е́]*ркало*, и в новых заимствованных словах типа *га*[з'е́]*та* и т. п.

Эти говоры, следовательно, как и литературный язык и типологически близкие ему говоры, знают под ударением после мягких согласных перед твердыми и [е] и [о]. Причем формы, в которых произносится [о],

в этих говорах и в литературном языке совпадают. Совпадает и часть слов с [е]. Другой же части слов с [е] говоров первого типа соответствуют слова с [о] литературного языка и говоров второго типа.

Стремление устранить это различие и приводит к гиперизмам. Представители говоров, знающих «непереход» *е* в *о*, пытаясь подставить [о] в те слова, в которых они произносят [е], то есть начиная произносить [л'о]*н* вместо [л'е]*н* и т. п., могут подставить это [о] и в слова, которые в литературном языке произносятся с [е]. Так возникают случаи произношения типа *п'о́рвый*, *л'о́нты*, *с къвал'о́рам'и*, *асл'о́пшы*, отмеченные в говорах, наряду с большим числом примеров типа *ав'ёс*, *св'ёкар*, *тр'ех* и т. п. [см. Атлас В, карта 15, материалы по нас. пп. 331, 564, 829, с. 418, 419, 421]. Подобные примеры приводит и С. И. Котков: «В настоящее время в области исследуемых говоров известны отдельные случаи перехода в гласный *о* не только *е* этимологического или *е* из *ь*, но также *е* из *ѣ*: *в'о́дры*, *гн'о́зды*, *зв'о́зды*, *асл'о́п* (ослеп), *б'ох* (бежал) и производные. В XVII в. такие явления маловероятны» [Котков 1963, с. 54—55]. Впрочем *асл'о́п* и *асл'о́пшы* могли возникнуть и фонетически из древнерусских *ослъпъ*, *ослъпъши* [ср. Фасмер 1964—1973, т. 3, с. 669—670].

1.2.2. Гиперизмом является отмечаемое в некоторых говорах произношение [ч'] на месте исконного *ш* перед ⟨н, н'⟩ типа *дома*[ч']*ний*, *по дома*[ч']*ности*, *роско*[ч']*но* [см. Атлас Ю, материалы по нас. пп. 584, 670, 769]. Гиперизм этот вызван тем, что в разных говорах и литературном языке различаются группы слов с ⟨ч⟩ или ⟨ш⟩ на месте исконного *ч* перед ⟨н, н'⟩. Так, например, в словах *конечно*, *нарочно*, *яичница* в большинстве говоров, как и в литературном языке, выступает ⟨ш⟩, а в словах *печной*, *ночной*, *речной*, *мучной* — ⟨ч⟩. Другие слова дают иную картину. Так, в литературном языке слово *уборочная* произносится только с [ч'], а в говорах в подавляющем большинстве случаев с [ш]. В литературном языке произношение *порядо*[ш]*ный*, *кирпи*[ш]*ный* считается устарелым, а в говорах оно встречается почти повсеместно [см. Бурова 1975, с. 131 и сл.].

В литературном языке произношение [ш] на месте исконного *ч* перед ⟨н, н'⟩ постепенно вытесняется произношением [ч'] [см. Обнорский 1960, с. 247; Горбачевич 1971, с. 102—105]. Говоры могут отставать в этом процессе. В подобных говорах количество слов с ⟨шн⟩ в соответствии с литературными и инодиалектными словами с ⟨чн⟩ может преобладать. Стремление устранить это различие и приводит к замене исконного сочетания ⟨шн⟩ в отдельных словах на ⟨чн⟩.

С этим явлением связан гиперизм и другого рода. В речи некоторых лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка и произносящих [ч'] перед ⟨н, н'⟩ в соответствии с литературным [ш], возникают гиперкорректные формы типа *серде*[ш]*ный* приступ, *прибаво*[ш]*ная стоимость*, *симпати*[ш]*ный*, *фабри*[ш]*ный* и т. п.

1.2.3. Другой гиперизм этого же рода в речи лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка, представляют примеры типа [сы]*нте́тика*, *полиэ*[ты]*ле́н*, *О*[ды]*ссе́й*. Наличие твердого согласного перед ⟨е⟩ и ⟨е/и⟩ воспринимается как показатель заимствованного или всякого незнакомого слова.

2. Все перечисленные выше гиперизмы возникли в результате стремления говорящих «исправить» свое произношение и приблизить его к нормам воздействующего диалекта или литературного языка, так как эти нормы воспринимались этими говорящими как более правильные.

Другой тип гиперизмов возникает тогда, когда представители диалекта считают более правильным свое произношение, а не то, которое они наблюдают в соседнем диалекте или даже в литературном языке. Стремясь отстоять нормы своего диалекта от воздействия другой системы, которое говорящие воспринимают как искажение, они могут усиливать различия между своим диалектом и воздействующим, заменяя в своем языке исконно совпадающие элементы своей и чужой системы различающимися.

Так, «окальщики» часто считают свое оканье более правильным, чем литературное аканье из-за того, что оканье в большей степени отвечает орфографическим нормам. В результате гиперкоррекции [о] в окающих говорах может заместить безударный этимологический [а] в таких словах, как *тр*[о]*ва́*, *ск*[о]*жи́*, *к*[о]*ко́й*, *н*[о]*ро́д*, *н*[о]*де́ть к*[о]*пу́ста*, *з*[о]*бы́ла* и т. п. Подобное произношение отмечается многими диалектологами. (Впрочем подобные примеры могут возникать, видимо, и по другим причинам [см. Пауфошима 1978, с. 45—44].)

3. При усвоении норм чужого языка (диалекта) гиперизмы, очевидно, возникают всегда. (Так же как обычны гиперизмы в речи детей, усваивающих родной язык.) Но одни из них скорее носят характер оговорок и легко и быстро исправляются говорящими, другие же остаются в речи надолго. Зависит это, в частности, от силы воздействия чужого языка (диалекта).

Фонетическая гиперкоррекция обычно осуществляется не во всех возможных случаях, а лишь в отдельных морфах. Закрепление фонетических гиперизмов в корневых или аффиксальных морфах приводит к лексикализации и морфологизации гиперизмов. Таково, например, распространенное в говорах, отошедших или отходящих от соканья, произношение [ц] в соответствии с литературным [с] в слове [ц]*апог* и суффиксе *-ск-*: *ру*[ц]*кий*, *калу*[ц]*кий*, *деревен*[ц]*кий* и т. п. Таково же произношение [ф] в форме предложного падежа множественного числа существительных: *в дома*[ф], *на саня*[ф] и т. п.

В некоторых же случаях, по наблюдениям диалектологов, фонетическая гиперкоррекция охватывает все существующие в диалекте морфы с «исправляемыми» звуками или звукосочетаниями. В результате этого возникают новые особенности в фонетической системе диалекта, воспринимавшего воздействие литературного языка или другого диалекта. Так, «гиперическое оканье», возникшее в результате замены безударного этимологического [а] на [о] (*тр*[о]*ва́*, *н*[о]*де́ть* и т. п.), при последовательном его осуществлении приводит к новой системе — неразличению ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в безударном положении и совпадению их в [о] [см. Жуковская 1968, с. 6—10; Назарова 1975, с. 101—102].

4. Лексикализованные и морфологизованные гиперизмы могут быть распространены в современных говорах на более широкой территории, чем то явление, отход от которого вызвал их возникновение. Так, произношение [ц] на месте *с* в таких словах, как *цапог*, *руцкий*, известно к западу от ареала соканья, на той территории, где сейчас может встречаться утрата затвора только у [ч'] (*до*[ш']*ка* и т. п.); ареал слова *мо́лодня́* 'молния' в смоленских говорах выходит за пределы ареала произношения [н, н'] на месте *д* перед ⟨н, н'⟩ (*ла*[нн]*о* и т. п.); ареал [ф] в окончании предложного падежа существительных (*в дома*[ф] и т. п. в говорах к востоку от Москвы соседствует и лишь частично пересекается с ареалами различных замен фонемы ⟨ф⟩ и произношения звуков типа [ў] на месте ⟨в⟩ в конце слога; произношение [в] в словах *по*[в]*ню*, [в]*ного* в тверских, ярославских, ивановских, костромских и вологодских говорах наблюдается в тех же говорах иди рядом с говорами, знающими произношение [м] на месте *в* перед ⟨н, н'⟩ ([м]*нук* и т. п.).

Подобное территориальное расположение гиперизмов может быть достаточно веским основанием для того, чтобы по нему восстанавливать прежнюю территорию распространения диалектного явления, отход от

которого и вызвал появление гиперизмов. (Подробнее об этом в отношении прежней территории соканья см. ниже, с. 300—302.)

Решение этой проблемы должно, конечно, в каждом конкретном случае учитывать и другие обстоятельства, так как гиперизмы, особенно лексикализованные и морфологизованные, как и любые диалектные явления, возникнув в какой-либо диалектной группе, могли распространиться на территорию всей этой группы, в том числе и при расширении ее границ.

Реконструкция диалектов различных эпох, установление комплекса черт, свойственных этим диалектам прошлого, определение путей их развития является важнейшей задачей исторической диалектологии. Исследования подобного рода должны опираться на строгие закономерности в развитии языков и диалектов. Одной из таких закономерностей является гиперкоррекция. Из признания какого-либо диалектного явления гиперизмом с неизбежностью следуют выводы о прошлом состоянии диалекта, где распространен этот гиперизм, и о последующих здесь языковых процессах. Такое рассмотрение современного явления становится своеобразным «инструментом», при помощи которого исследователь проникает в глубь языковой истории (см. ниже, с. 285—297)[28].

[28] Первая публикация — [Касаткин 1984б], более подробный вариант — [Касаткин 1987а].

Одна из тенденций развития фонетики русского языка

0. И. А. Бодуэн де Куртене отметил особенность развития русской фонетической системы, которую подробно описал М. В. Панов и назвал «законом И. А. Бодуэна де Куртене»: «в русском языке ⟨...⟩ упрощается система гласных, усложняется система согласных» [Фонетика 1968, с. 10, 16, 21]. Можно установить еще одну тенденцию, действующую в русском языке с древнерусского периода. Она связана с изменением русской артикуляционной базы.

Одним из основных признаков, характеризующих артикуляционную базу языка, является степень напряженности артикулирующих органов в момент речи. Существуют языки с высокой и с низкой степенью напряженности органов речи при речеобразовании. К языкам первого типа относят, например, английский, французский, финский и ряд других языков; русский язык относится к языкам второго типа [см. Якобсон и др. 1962, с. 204—208].

Общая тенденция изменения артикуляционной базы русского языка может быть определена как переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Проявляется это в том, что большинство фонетических процессов русского языка, начиная с древнерусского периода, приводит к меньшей напряженности его артикуляционной базы.

Изучение в полном объеме степени напряженности органов речи в момент различных артикуляций при помощи инструментальных методов — дело будущего. Пока что мы можем выдвигать лишь более или менее правдоподобные гипотезы в этой области. В дальнейшем рассмот-

рении фонетических изменений в русском языке я буду исходить из четырех таких гипотез.

1. Различение большего числа звукотипов в одном и том же артикуляционном пространстве требует большего напряжения органов речи. Иначе говоря, чем меньше области рассеивания звукотипов, представляющих разные фонемы в одной и той же позиции, и чем ближе друг к другу центры этих областей, тем больше должно быть напряжение артикулирующих органов. (Чтобы выстрелить из заряженного ружья, надо нажать на спусковой крючок. Но чтобы при этом еще и попасть в цель, требуется гораздо больше усилий.)

Ослабление напряженности артикуляции может произойти в результате а) уменьшения количества звукотипов, различающихся в данном артикуляционном пространстве, и б) увеличения самого артикуляционного пространства.

1.1. За тысячу лет развития значительно изменился состав гласных фонем русского языка за счет утраты особых звукотипов. В зоне переднего ряда последовательно происходила утрата таких звуков, как носовой [ẽ], затем [ь], позднее гласного, соответствующего ⟨Ѣ⟩, им был шире всего представлен, очевидно, дифтонг [и͡е]. Точно так же в зоне заднего ряда происходила утрата носового [õ], затем [ъ], затем [у͡о] — основного представителя ⟨ѡ⟩. Таким образом, на протяжении истории происходило уменьшение количества гласных, различающихся в одной и той же позиции в одном и том же артикуляционном пространстве.

1.2. Замена оканья аканьем была связана с возникновением неразличения гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах. В современном русском литературном языке под ударением различается в одной и той же позиции 5 гласных звуков, являющихся представителями пяти фонем. Безударные гласные произносятся с меньшим напряжением: в безударном положении различается лишь три или два гласных. В настоящее время отмечается тенденция к полному неразличению безударных гласных в некоторых позициях (см. ниже, с. 483—485). В современных окающих говорах, сохраняющих более древнее состояние, в разных безударных позициях различающихся гласных звуков либо столько же, сколько и под ударением, либо больше, чем в акающих говорах и литературном языке.

Меньшая напряженность артикуляции гласных в акающих говорах и в литературном языке по сравнению с окающими говорами связана так-

же с еще одной особенностью: челюстной раствор акальщиков больше, чем у окальщиков. Больший челюстной раствор создает большее артикуляционное пространство.

Таким образом, замена оканья аканьем приводила к уменьшению количества звукотипов, различающихся в части позиций в том же артикуляционном пространстве, и к увеличению самого этого пространства.

1.3. В архаических русских говорах обнаружено особое качество мягких согласных — их палатальность и высказано предположение, что палатальная зона — более древнее место образования мягких согласных русского языка: [Высотский 1967а, с. 48—49; Кузнецова 1969, с. 41, 65—66, 70; 1977а, с. 72—76, 114—130, 159—163; Чекман 1979, с. 116—117; Колесов 1980, с. 41, 140]. Впоследствии палатальные согласные заменялись палатализованными. Механизм этого изменения можно представить как расширение зоны артикуляции мягких согласных.

Различия между разными палатальными согласными заключаются лишь в небольших особенностях конфигурации напряженной части языка. Так, [с'', ш'', х''] образуются при опущенном кончике языка и приподнятой средней части спинки языка. Различие между этими звуками создается главным образом за счет формы и длины щели, образуемой в верхней точке языка: круглой короткой щели у [с''], плоской длинной щели у [ш''], плоской короткой щели у [х'']. Для того, чтобы звуки эти достаточно хорошо различались, необходимо значительное напряжение языка.

Звуки [т'', д''] и [к'', г''] образуются в близком соседстве в палатальной зоне. Небольшое ослабление напряженности их артикуляции приводит к смешению областей рассеивания этих звукотипов. Такое неразличение этих звуков наблюдается в некоторых русских говорах.

Сохранение различения мягких согласных фонем требовало удаления областей образования воплощавших их звуков. Этим и следует, повидимому, объяснять передвижение части этих звуков в переднеязычную зону. Во многих современных русских говорах, как и в литературном языке, [с'] — зубной согласный, [ш'] — передненебный, [х'] — средненебный; [т', д'] — зубные согласные, [к', г'] — средненебные. Расширение артикуляционной области этих звуков снимало напряженность органов речи при их образовании[29].

[29] О большей напряженности палатальных согласных по сравнению с палатализованными см. [Кузнецова 1969, с. 62—64, 66].

1.4. После падения редуцированных гласных возникает процесс оглушения звонких согласных на конце слова. В позиции конца слова стало различаться меньшее число звуковых единиц и тем самым должна была ослабиться напряженность артикулирующих органов в этой позиции. Оглушение звонких согласных на конце слова иногда называют редукцией [Реформатский 1967, с. 197].

Однако в разных языках этот процесс может приводить к противоположным результатам с рассматриваемой точки зрения. Глухие согласные слабее звонких в том смысле, что при артикуляции глухих нет вибрации голосовых связок. Следовательно, при оглушении звонких артикуляция упрощается, что может привести и к ее общему ослаблению.

Но при образовании глухих согласных больше напряжения органов, создающих преграду воздушной струе в полости рта. Чтобы глухие согласные воспринимались не хуже звонких, у них должен быть интенсивнее шум. Бóльшая напряженность в ротовой полости — компенсация за ослабление напряженности мышц гортани.

Конец слова в разных русских говорах имеет разную силу. Это зависит от особенностей ритмической структуры слова. В севернорусских говорах конечный безударный слог выделяется большей напряженностью, чем в южнорусских. Но и в южнорусских говорах, как и в литературном языке, конечный безударный слог — единственная позиция, где в безударном положении нет полного совпадения, неразличения всех гласных фонем неверхнего подъема [см. Аванесов 1956, с. 121—122, 129, 133].

В севернорусских говорах оглушение звонких согласных на конце слова могло приводить к повышению напряженности конца слова: в этих говорах глухие — значительно напряженнее звонких. Так же было, например, в немецком языке. В южнорусских говорах это оглушение звонких на конце слова могло приводить к ослаблению общей напряженности. Но само по себе это изменение не свидетельствует однозначно о направлении изменения напряженности.

1.5. После падения редуцированных гласных происходят различные процессы ассимиляции согласных по глухости/звонкости, твердости/мягкости, месту и способу образования [см. Иванов 1990, с. 172—175]. Эти процессы приводили к нейтрализации фонем, то есть к различению меньшего количества единиц в одной позиции. Это могло способствовать и снятию доли напряженности.

2. Совершение за одно и то же время и в одной и той же артикуляционной зоне большего количества артикуляционных движений требует большего напряжения артикулирующих органов. (Чтобы механизм работал быстрее, необходимо больше затрат энергии.) Следовательно, переход от звука с более сложной артикуляцией к звуку с более простой артикуляцией приводит к уменьшению напряженности органов речи.

2.1. Современные диалектные данные позволяют высказать предположение, что в древнерусском языке некоторые гласные фонемы реализовались дифтонгами. Так, фонемы ⟨ѣ, ѡ, е, о⟩ могут быть представлены дифтонгами [и͡е, ъ͡о, е͡и, о͡у] во многих современных архаических говорах. В севернорусских говорах, не развивших противопоставление согласных по твердости/мягкости и сохранивших противопоставление гласных по ряду, на месте фонем ⟨а̇, о̇, у̇⟩ выступают дифтонги [е͡а, е͡о, и͡у] [см. ниже, с. 367—369, 382—384]. В архаических южнорусских говорах на месте ⟨а, о, у⟩ после мягких согласных произносятся дифтонги [и͡а, и͡о, и͡у] (см. ниже, с. 383).

История русского вокализма связана с монофтонгизацией дифтонгов, начавшейся еще в праславянский период и не закончившейся в некоторых русских говорах до сих пор (см. ниже, с. 390—397).

Произнесение дифтонга требует более сложной работы артикулирующих органов, чем произнесение монофтонга за то же время. Поэтому монофтонгизация дифтонгов приводила к уменьшению напряженности артикулирующих органов.

2.2. В разных русских говорах и в литературном языке обнаруживаются разные этапы одного и того же процесса — утраты смычного согласного в окружении щелевых: [ш’т’͡ш’] > [ш’ш’], [шт͡ш] > [шш], [ж’д’͡ж’] > [ж’ж’], [жд͡ж] > [жж], [с’т’͡с’] > [с’с’], [ст͡с] > [сс], [з’д’͡з’] > [з’з’] (см. ниже, с. 288—294, 297). В результате этого процесса сложная артикуляция заменяется на более простую, следовательно, и менее напряженную.

3. Чем более отклоняется положение органов речи в момент артикуляции от их положения в момент речевой позы, тем больше их напряжение. (Чтобы придать телу бóльшую амплитуду колебаний, необходимо затратить больше энергии.) Следовательно, изменение артикуляции звука в сторону приближения к нейтральному положению органов речи приводит к уменьшению их напряженности.

3.1. Аканье привело к появлению [ъ] на месте [о] и [а] в ряде позиций. Произнесение [ъ] требует минимальной по сравнению с другими

гласными звуками затраты мускульной анергии: его артикуляция близка к положению органов речи при речевой позе — речевой «изготовке». Напряжение органов речи при произнесении [ъ] меньше, чем при произнесении [а], требующем более широкого раскрытия рта, и чем при произнесении [о], требующем лабиализации — напряжения губ при их вытягивании.

Точно так же [ъ] требует меньших произносительных усилий, чем лабиализованный [у] и узкий [ы], на месте которых возникает произношение [ъ] во втором предударном прикрытом слоге и заударных слогах, кроме конечного открытого, в современном русском литературном языке и акающих говорах (см. ниже, с. 483—485).

3.2. Типичная особенность артикуляционной базы русского литературного языка и многих русских говоров — преобладание дорсального уклада зубных согласных: [с, з] — дорсальные, [т, д, н] — апикально-дорсальные, [л] — апикальный, мягкие [с', з', т', д', н', л'] — дорсальные [см. Скалозуб 1963, с. 25—27, 32, 44—45]. В некоторых русских говорах обнаружены апикальные и какуминальные [с, з, т, д, н, л], способные при их смягчении становиться лишь полумягкими, сохраняя апикальный и какуминальный уклад [см. Высотский 1967, с. 47; Кузнецова 1969, с. 44 и сл.; 1977а, с. 64—70, 104—106].

Артикуляция дорсальных согласных с расслабленным и опущенным кончиком языка гораздо ближе к нейтральной артикуляции речевой позы, чем артикуляция апикальных согласных с напряженным и вытянутым горизонтально кончиком языка. Еще дальше от положения речевой позы артикуляция какуминальных согласных с кончиком языка, загнутым вертикально вверх. Это говорит о большей напряженности апикальных и какуминальных согласных по сравнению с дорсальными[30].

Система с апикальными и какуминальными зубными согласными в русском языке, по-видимому, более древняя, чем система с дорсальными согласными. Вытеснение апикальной (какуминальной) артикуляции зубных согласных дорсальной их артикуляцией связана с возникновением и развитием в русском языке категории твердости/мягкости согласных. Апикальность (какуминальность) согласных вступала в противоречие с развивающимся противопоставлением твердых и мягких согласных. Для более контрастного их различия мягкие должны были развить

[30] Есть в другие свидетельства большей напряженности апикальных и какуминальных согласных по сравнению с дорсальными [см. Кузнецова 1969, с. 45, 47, 60].

палатализацию. Этому препятствовала апикальность (какуминальность) зубных согласных, то есть тех согласных, у которых категория твердости/мягкости возникала в первую очередь. Препятствие это преодолевалось путем замены апикальных дорсальными[31].

4. Долгие звуки требуют большего напряжения артикуляции по сравнению о краткими [см. Якобсон и др. 1962, с. 204—206]. Следовательно, замена долгого согласного кратким приводит к уменьшению напряженности артикулирующих органов.

4.1. В некоторых севернорусских говорах согласные противопоставлены не по глухости/звонкости, а по напряженности/ненапряженности (см. ниже, с. 227—245). В этих говорах глухие согласные характеризуются большей длительностью, чем в литературном языке и в говорах такого же типа.

В частности, в сочетании согласных первый согласный указанных севернорусских говоров длительнее второго (*о*[с̄]*тавил*, Во[ф̄]*ка*, *у*[ш̄]*ла*), а в литературном языке первый согласный короче второго. В русском литературном языке произошла утрата долгого согласного перед согласным даже в том случае, когда долгий согласный звук соответствует сочетанию двух одинаковых фонем: классный — *кла*[с]*ный*, *программный* — *програ*[м]*ный* и т. п. [см. Панов 1979, с. 136].

Точно так же в севернорусских говорах согласный может быть долгим на конце слова: *ле*[с̄], *види*[ш̄], *мо*[х̄], *обши*[т̄], *песо*[к̄]. В литературном же языке долгота конечного согласного утрачена даже в том случае, если он соответствует сочетанию фонем: класс — *кла*[с], *ванн* — *ва*[н] [см. Панов 1967, с. 88].

Есть основание считать, что указанная особенность севернорусских говоров представляет собой праславянскую или даже праиндоевропей-

[31] Ср.: «⟨...⟩ В ряде русских говоров в прошлом апикальные и какуминальные взрывные были распространены в большей степени, чем в настоящее время, когда они все интенсивнее подвергаются воздействию систем с преимущественно дорсальным переднеязычным укладом. ⟨...⟩ Вытеснение апикальной (какуминальной) артикуляции переднеязычных взрывных происходит в первую очередь под непосредственным воздействием инодиалектных систем, а также, по-видимому, поддерживается чисто внутренними фонетическими факторами, связанными прежде всего со сравнительно большей физиологической неустойчивостью апикальной (какуминальной) артикуляции взрывных по сравнению с дорсальной в силу большей напряженности их образования» [Кузнецова 1969, с. 59—60].

скую черту, а русский литературный язык и подобные ему говоры утратили эту особенность (см. ниже, с. 245).

4.2. Мягкие согласные более долгие, чем соответствующие твердые [см. Златоустова 1962, с. 59], и более напряженные. Поэтому отвердение согласных есть вместе с тем и ослабление их напряженности.

В русском языке отвердение согласных возможно в тех случаях, когда мягкость согласного фонологически несущественна, не связана с противопоставлением фонем по твердости/мягкости. Во многих говорах и в литературном языке отвердели ранее мягкие согласные, воплощающие фонемы ⟨ш, ж, ц⟩, внепарные по твердости/мягкости. Идет процесс отвердения долгого [ж̄'], а во многих говорах отвердели также [ш̄'], [ч']. Причины этого процесса не ясны. Возможно, причину надо видеть в ослаблении напряженности артикуляционной базы русского языка.

Возможно, эта же причина вызывает отвердение мягкого согласного перед мягким. Этот процесс идет сейчас во всех русских говорах и в литературном языке: *ля*[м']*ки* > *ля*[м]*ки*, [д']*верь* > [д]*верь* и т. п. Следует учитывать при этом, что утрата палатализации первого согласного в сочетании двух мягких обычно не приводит к возникновение его веляризации. Артикуляция непалатализованного невеляризованного согласного (ср. [п]*сина*, [к] *тебе*, *ла*[ф]*ки*, *во*[н]*зить* и т. п.) ближе к артикуляции речевой позы, чем палатализованного. Это тоже свидетельствует о его меньшей напряженности.

5. Изменение степени напряженности артикуляционной базы протекало в русском языке не гладко. Диаграмма этого изменения представляла бы снижающуюся линию, но не ровную, а ломаную. На отдельных ее участках падение напряженности сменяется новым его повышением.

Фонетический процесс (как и всякий процесс языкового изменения) происходит лавинообразно. Начавшись в отдельных словах, он захватывает все большее и большее количество слов у все большего и большего количества говорящих. Лавина возникает в результате снятия напряжения в одном месте, но она может вызвать новое напряжение в другом. Так, снежная лавина может перегородить ущелье, по которому течет река. В результате вода накапливается за завалом, а затем сметает его и несется вниз новой лавиной.

Падение редуцированных гласных приводило к ослаблению напряженности в одной области артикуляционной базы, области гласных: в одной артикуляционной зоне количество различных звукотипов в од-

ной и той же позиции становится меньше. Но падение редуцированных привело к резкому повышению напряженности в других звеньях: возникают различные сочетания гетерорганных согласных, различных по месту, способу образования, по глухости/звонкости, твердости/мягкости. И дальнейшие фонетические процессы связаны с преодолением этих вновь возникших напряжений.

Выше были рассмотрены, конечно, не все процессы, происходившие в говорах русского языка и в литературном языке за период примерно в тысячу лет. О некоторых процессах мы знаем недостаточно полно, неизвестны последовательные этапы их течения, как, например, смягчение полумягких согласных. Другие, как кажется, не вносят существенных изменений в степень напряженности артикулирующих органов, например, переход [е] в [’о]. Однако подавляющее большинство этих процессов было связано с изменением артикуляционной базы русского языка и приводило к ее меньшей напряженности.

Стремясь глубже проникнуть в механизм изменений, происшедших в русском языке, мы могли бы задать вопрос — а в чем причина возникновения самой этой тенденции к ослаблению напряженности артикуляционной базы? И где ее надо искать — во внутренних закономерностях системы, в иноязычных влияниях, или, может быть, в особенностях русского национального характера?... Но это уже другая проблема, и она требует особого рассмотрения[32].

[32] Первая публикация — [Касаткин 1989б].

Глава 2

Особенности формирования категории твердости/мягкости согласных

Отсутствие или недавнее возникновение категории твердости/мягкости согласных в некоторых вологодских говорах

I. Эпоха силлабем в древнерусском языке и противопоставление твердых/мягких согласных в современном русском литературном языке и в русских говорах

Древнерусская фонетическая система в эпоху перед падением редуцированных гласных, как известно, характеризовалась распределением признака «диезности» на целый слог, в котором перед гласными переднего ряда (диезными) могли стоять только мягкие (диезные) согласные, а перед гласными непереднего ряда (недиезными) — только твердые (недиезные) согласные. Впервые эту закономерность обнаружил Р. О. Якобсон, который определил ее как слоговой сингармонизм и назвал ее корреляцией «мягкая группа — твердая группа» [Якобсон 1929, с. 25, 37]. При этом Р. О. Якобсон основными единицами фонологической системы древнерусского языка указанной эпохи считал согласные и гласные фонемы.

Иначе рассматривал это явление Р. И. Аванесов. По его мнению, смягчение полумягких согласных в древнерусском языке привело к такому положению, при котором «„оторвать“, изолировать друг от друга мягкость или твердость согласных, с одной стороны, и качество последующей гласной — с другой ⟨...⟩ нельзя, так как мягкие и твердые согласные в рассматриваемую эпоху употреблялись только перед гласными и

потому мягкость и твердость согласных были неразрывно связаны с качеством следующей гласной. ⟨...⟩ Ввиду невозможности изолирования можно считать, что в качестве различителей выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом». Эту особую фонологическую единицу Р. И. Аванесов назвал силлабемой[33]. Эпоха силлабем была промежуточной. Она следовала за эпохой, когда «в основном мягкость или твердость согласных зависела от гласных», а ряд гласных был дифференциальным признаком. Эпоха силлабем предшествовала «эпохе, когда мягкость или твердость согласных стала независимой», а ряд гласных стал признаком интегральным [Аванесов 1947, с. 246—247, 258—259].

В современном русском литературном языке и в большинстве известных русских говоров в сочетаниях согласных и гласных звуков по-прежнему, как и в эпоху силлабем, мягкий согласный может стоять только перед гласным переднего ряда, а твердый согласный — только перед гласным непереднего ряда. И наоборот, перед гласным переднего ряда может стоять только мягкий согласный, а перед гласным непередним — только твердый. Иначе говоря, возможны сочетания только типа [т'а] и [та]. В этом ничего нового по сравнению с эпохой силлабем не произошло. Принципиально новое в том, что в сочетаниях с гласными мягкость/твердость согласного обособилась, оторвалась от следующего гласного, стала признаком позиционно необусловленным, дифференциальным, а ряд гласного стал признаком зависимым, обусловленным качеством предшествующего согласного, признаком интегральным [Аванесов 1956, с. 88—89; Реформатский 1958, с. 495; Панов 1967, с. 57].

Как известно, сильными позициями для всех парных по твердости/мягкости согласных фонем являются конец слова и положение перед гласным. Для части согласных фонем, парных по твердости/мягкости, сильной позицией является также и положение перед некоторыми согласными. Однако позиции эти неравноценны в установлении дифференциальных и интегральных признаков фонем.

Так, позиция согласного перед гласным сама по себе не может быть показательной в решении вопроса о том, какие признаки звуков — твер-

[33] Термин «силлабема» был впервые предложен Д. В. Бубрихом для фонологических единиц, состоящих из консонантного и вокального элементов [см. Журавлев 1966, с. 79]. Развивая идею силлабемы в праславянском языке, В. К. Журавлев выдвинул понятие «группофонемы» [Журавлев 1961; 1963; 1966].

дость/мягкость согласных или ряд гласных — являются дифференциальными, а какие — интегральными. Решить, что в сочетаниях типа [та] и [т'ᵕа] является самостоятельным, не обусловленным признаком, то есть признаком дифференциальным, а что признаком не самостоятельным, обусловленным, то есть признаком интегральным — твердость/мягкость согласного или ряд гласного, не выходя за пределы этих сочетаний, невозможно.

Решающей для этого является позиция конца слова, где осуществляется различение почти всех «твердых» и «мягких» согласных фонем: *гра*[п] — *гра*[п'], *то*[п] — *то*[п'], *пра*[ф] — *пра*[ф'], *тор*[ф] — *вер*[ф'], *знако*[м] — *знако*[м'], *о*[с] — *о*[с'], *ле*[с] — *ле*[с'], *бра*[т] — *бра*[т'], *мóло*[т] — *мóло*[т'], *бы*[л] — *бы*[л'], *ко*[н] — *ко*[н'], *уда*[р] — *уда*[р']. В меньшей степени, но тоже важна позиция согласного перед согласным: *ре*[тк]*о* — *ре*[т'к]*а*, *го*[рк]*а* — *го*[р'к]*о*, *ба*[нк]*а* — *ба*[н'к]*а*, *и*[зб]*а* — *ре*[з'б]*а*, *по*[лк']*и* — *по*[л'к']*и* и т. п. Только в этих позициях можно считать твердость и мягкость согласных независимым признаком.

Гласные же, различающиеся по ряду ([а] — [ᵕа], [о] — [ᵕо], [у] — [ᵕу], [и] — [ы], [е] — [э]), никогда не могут выступать в одной и той же позиции. Поэтому [а] и [ᵕа] являются представителями одной и той же фонемы ⟨а⟩, точно так же, как [у] и [ᵕу] представляют фонему ⟨у⟩, [о] и [ᵕо] — ⟨о⟩, [и] и [ы] — ⟨и⟩, [е] и [э] — ⟨е⟩.

Именно благодаря тому, что «твердые» и «мягкие» согласные фонемы могут различаться в позиции не перед гласными, позиция перед гласными становится для «твердых» и «мягких» согласных фонем тоже позицией различения, сильной позицией.

Такая система характеризует, как уже говорилось, русский литературный язык и большинство русских говоров. Есть, однако, и другие типы русских говоров.

II. Говор деревень Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области

В апреле 1966 г. сотрудниками Института русского языка АН СССР — Е. Г. Буровой, Т. Ю. Строгановой и мною были проведены наблюдения над вологодским говором, описанным в начале века О. Броком [Брок 1907]. Это описание О. Брока основано на его наблюдениях над речью двух лиц: жителя с. Шуйского, уроженца д. Паньково, находящейся в

5 км к югу от Шуйского, и жительницы д. Ихалицы, расположенной вниз по Сухоне в 50 км. О. Брок пишет, что речь обоих лиц представляет один и тот же говор, хотя имеет и некоторые различия. Относя обоих лиц к представителям одного говора, О. Брок имел, вероятно, в виду особенности, характерные для обоих мест. Однако д. Ихалица и с. Шуйское в прошлом представляли разные группы населения, о чем знают и поныне: жители Шуйского вместе с населением окрестных деревень издавна называются «митропола», в отличие от жителей деревень, расположенных ниже по Сухоне. Разница у них была и по языку: «митропола» говорили «правильнее», как считают местные жители. Кличка эта отнюдь не обидная, но почему она возникла, какие конкретно деревни входили в местность так называемую и в чем состояла разница в речи, нам узнать на месте не удалось. Автор ответа на академическую «Программу для собирания особенностей народных говоров» по с. Шуйскому, учитель местного начального училища С. Попов, указывал, что «Шуйская волость известна в народе под именем „Митрополья“; название это объясняется тем, что здесь была вотчина Ростовских митрополитов. Село Шуйское, по преданию, было вотчиною князя Василия Шуйского. ⟨...⟩ С жителями соседних деревень шуяне хотя и роднятся, но это не мешает им смеяться над деревенским говором» [Материалы 1910, с. 72].

В Шуйском мы узнали, что архаические черты местного говора лучше всего сохранились в с. Кожухове. Кожухово, Ихалица и несколько других близлежащих деревень, в частности Селищи и Голуби, раньше принадлежали одному приходу. Церковь была в Ихалице. По словам местных жителей, говор этих деревень был одинаков. В с. Кожухове, а также в д. Селищи, расположенной от него в двух километрах, мы и проводили в течение трех недель свои наблюдения. Нам удалось записать в записные книжки и на магнитную ленту речь жителей с. Кожухова, д. Селищи и некоторых окрестных деревень, в том числе и школьников, живущих в интернате в с. Кожухове.

Нашим основным информантом была Нина Ивановна Логинова, 50 лет, уроженка с. Кожухова, вышедшая замуж за местного жителя, но рано овдовевшая. Единственная дочь Н. И. Логиновой жила вместе с ней, а потом уехала в Вологду учиться. Сама Н. И. Логинова прожила в д. Селищах всю жизнь, не бывала нигде дальше Вологды. Родители ее также местные: отец из Кожухова, мать из д. Голуби (2 км от Кожухова). От Н. И. Логиновой мы записали 1900 м магнитной ленты на 2 часа 45

мин. звучания. Эта запись, дополненная изредка заметками, сделанными на месте, и лежит в основе дальнейшего изложения.

1.1. В кожуховском говоре на конце слова согласные не различаются по твердости/мягкости; на месте этимологических мягких согласных здесь произносятся твердые: *на́см'ерт*, *грут*, *наизу́с*, *мас* (мазь), *морко́ф*, *шес* (шесть), *зд'ес*, *скрос*, *кроф*, *шерс*, *в'ес* (весь), *йес*, *о́блас*, *оп'ёт*, *гр'ес*, *тр'ет ку́б'ика*, *И́гор*, *зд'ис*, *п'ад годо́ф*, *п'ат л'ёт*, *крова́т*, *бо́же изба́ф*, *за́пан*, *ого́н*, *д'ен*, *ста́рос*, *мат п'ер'ема́т*, *хот* (хоть), *йит*.

Известно, что диалектологи могут ошибаться в определении звуков, чуждых их собственной речи, или звуков, выступающих в необычной позиции. Не всегда улавливают диалектологи и разницу между звуками говора, если в речи самих наблюдателей этой разницы нет. Поэтому записанные нами примеры с твердыми согласными на месте этимологических мягких вызывали у нас сомнения.

Однако наши наблюдения подтвердили учителя школы с. Кожухова. По их словам, одна из очень распространенных ошибок учащихся — написание твердого *т* в инфинитивах. Как и в южнорусских школах, учителя здесь много внимания уделяют выработке умения отличить форму инфинитива от формы 3-го лица. Но если на южнорусской территории обе эти формы произносятся с [т'] и это различение необходимо для того, чтобы не делать ошибок в форме 3-го лица, то в говоре с. Кожухова и окрестных деревень обе эти формы произносят с одинаковым конечным [т] и различение этих форм нужно для того, чтобы не делать ошибок в форме инфинитива.

Часто ошибаются ученики в написании мягкого знака и у других слов с конечными согласными: не пишут ь на конце слов после согласных, мягких в литературном языке и других говорах, и пишут ь после соответствующих твердых согласных. Так, в тетрадях учеников 4-го, 6-го, 7-го классов мы обнаружили такие ошибки: что буду дела*т*? будет чита*т*, будет строи*т*, хочет пили*т*, сверли*т*, не вида*т* ли, побежал гуля*т*, я принялся расспрашива*т*, погрузи*т*, связа*т* варежки, нужно достави*т*, не вида*т* облачка, ма*т* (мать), дож*д* идет, Иго*р*, сквоз леса, фитил, ве*с* народ, каме*н*; это печи гудят, это станы стуча*т*ь; ходит в ле*с*ь, уголь (угол), каждый участник кружка готови*т*ь какую-нибудь часть модели, опасности не*т*ь, пятьдеся*т*ь, пересекае*т*ь.

С учениками первого-пятого классов нами был проведен эксперимент, имеющий целью выявить, различаются ли на конце слов твердые

и мягкие согласные. Во всех классах была одновременно проведена следующая контрольная работа: учитель задавал вопрос, на который дети должны были ответить одним словом, слово это не произносилось, а записывалось учеником на листе. Был задан 31 вопрос и ученики написали на своих листках ответы-слова. Во всех классах вопросы были одинаковы. Они были составлены таким образом, чтобы дети не затруднялись дать ответ. В ответе предполагалось слово с конечным твердым или мягким согласным.

Вопросы были следующего типа: После вечера бывает ночь, после ночи утро, а после утра? (*день*); Когда вода замерзает, что получается? (*лед*); Как это называется? (Учитель показывает рукой — *нос*, *лоб*, *глаз*, *бровь*, *локоть*, *пол*, *дверь*); напишите словами 6, 7, 8, 9, 10 (цифры пишутся на доске). На остальные вопросы такого же типа предполагались ответы: *кровь*, *соль*, *осень*, *июнь*, *июль*, *дятел*, *голубь*, *пыль*, *медведь*, *лось*, *рысь*, *топор*, *колун*, *царь*, *лошадь*, *конь*, *двор*, *фонарь*, *мель*, *шерсть*, *ель*, *кисель*, *мазь*, *прорубь*, *грязь*, *морковь*, *стол*.

Этот эксперимент дал следующие результаты. В первом классе все 4 ученика сделали ошибки: 1 — кров; 2 — сем, восем, цар, гряс; 3 — кров, голуб, медвет, лошад, пролуб; 4 — лёдь, столь, кров, голуб, цар, кисел. Во втором классе из 8 учеников ошибки сделали трое; 1 — десят; 2 — девед, медьвед; 3 — восем, голуб, медьвет, гряз. В третьем классе из 7 учеников ошибки сделали двое: 1 — дятель; 2 — столь. В четвертом классе 8 учеников не сделали ни одной ошибки. В пятом классе из 20 учеников ошибки допустили двое: 1 — морков, 2 — шест.

Ошибки учеников указывают на неразличение твердых и мягких согласных на конце слов. Показательно также воздействие школы на выработку навыков правописания.

1.2. В литературном языке и многих говорах сильной позицией для согласных по твердости/мягкости является позиция переднеязычных перед губными и заднеязычными и позиция ⟨н, н'⟩ перед ⟨ш, ж⟩. Однако в кожуховском говоре и в этих позициях нет различения твердых и мягких согласных. Так, только твердые согласные произносятся перед губными: *п'исмо́*, *п'исма́*, *ф То́тму*, *ис То́тмы*, *сwа́рба*, *ф т'урму́*, *до восм'и́*. Перед твердыми шипящими также выступает только твердый [н]: *ра́нше*, *м'е́нше*, *то́нше*, *же́ншчына*, *же́ншыны*.

В говоре наблюдаются результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных: *ран'о́шен'к'о*, *упр'а́м'ен'к'аа*, *помале́н'-*

к'у, по кн˙ес'к'у́, Же́н'к'а, скӯл'к'е, то́л'к'е, Кокше́н'г'а, д˙ен'г'а́м, В'е́кшен'г'а. Согласный, стоящий перед таким заднеязычным, может быть полумягким или твердым: *мал'е́н˙к'е, су́хон˙к'ъ, ма́lен˙к'ой, ф Шу́йс˙к'ем, Lо́н˙к'а, Кат˙у́н˙к'а, В'и́т˙к'о, Шы́ч˙ен˙г'а, Кǫ́lк'а, Ва́ск'а, Ва́рк˙а, горк'ева́то, у Ка́тк'и*.

Наряду с этим отмечаются случаи произношения мягкого или полумягкого согласного перед [к', г'], получившим мягкость от последующего гласного переднего ряда: *calф'е́т'к'и, то́н˙к'и, йа́гот˙к'и, тан˙к'и́стоф, ва́lен˙к'и, уч'ц'а́с˙к'и, т'о́т˙к'и, на lо́т˙к'е, ка́тан˙к'и, роз'г'иба́ец̄'а*. Хотя и в этой позиции возможны твердые согласные: *на ба́рк'и, ф кайу́тк'и, р˙ез˙и́нк˙и, lоша́тк'и*.

Таким образом, в позиции перед заднеязычными переднеязычные согласные также не различаются по твердости/мягкости.

Нет различения согласных и в позиции перед ⟨j⟩: губные согласные здесь произносятся твердо, а переднеязычные мягко, полумягко или твердо: *попйо́м, пйот, попйу́, пйет'о́, пйа́нстъwalu, побйо́м, кро́вйу, сыноwйо́, братоwйо́, с'емйа́; — сва́т'йа, пlа́т'йа; гармо́н'йам, воспал'е́н'йо, нам'е́р'ен'йо, вар'е́н'йо, по зна́н'йу-ту, зр˙е́н'йа, фс˙ер'йо́с, с' йой; правlе́н˙йо, бад˙йи́, с lо́шад˙йей, под˙ йа́йц˙а, над˙ йим; Ма́рйа, подйе́с*.

1.3. Единственная пара согласных, сохранившая на конце слова и перед согласными различие, соответствующее в литературном языке различию по твердости/мягкости, это пара, которая в литературном языке представлена фонемами ⟨л⟩—⟨л'⟩.

На конце слова на месте исконного *л* обычно произносится [ў] или [о̯] — гласный более низкий (понижение, видимо, результат ассимиляции предшествующему гласному), часто очень слабо лабиализованный: *стоў, поў, прис˙е́ў, шоў, жыў, дава́ў, прии́хао̯, ф'е́ршао̯*. В соответствии с *л'* обычно произносится [l]: *ywа́l* (вуаль), *скǫl, аттól, кошél, col, шal, вдol, ф˙еврál*.

Перед согласными произносится: *посы́ўк˙и, подо́ўгу, тǫ́ўку, тоўко́wыйе, п о́ўно, по́ўный, до́о̯гие, па́о̯кам, рад˙и́ўы̯с'ъ; бólше, боlшу́йу, пот˙ажélше, нормálнэй, сп˙еце̣álнъ, м˙élн˙иц'и, неlз˙е͡а, wólха, тólк'е, то́л'к'и, скӯл'к'е*.

Однако эта система уже не выдерживается последовательно и в соответствии с этимологическим твердым *л* на конце слова и перед согласным начинает возникать [l], что особенно часто бывает в новых для говора словах: *пр'иб'ежа́l, фстаl, отр'ахну́l, г'ен˙ера́l, жа́lко, поlка́, мо́lч'а, каlбаса́, буlга́хт'еръм, ф кхоlхо́зе, коlхо́зника, хоlхо́с*.

Противопоставление на конце слова и перед согласным фонем, воплощенных в звуках [l] и [ў], не может осуществляться по признаку

«твердость/мягкость» («диезность/недиезность»): ни [l], ни [ў] не обладают мягкостью. Кроме того, хотя [l] выступает на конце слова и перед согласным в соответствии с литературным мягким [л’], но перед гласными непереднего ряда [l] выступает в соответствии с литературным твердым [л]: *дalá*, *lábac*, *menlọ́*, *colọ́ма*, *хǫ́lодно*, *málo*, *т˙elýшка*, *clýшайу*, *стolы́*, *гн’ulы́йе* и т. п. Таким образом, различение [l]—[ў] не может воплощать различение ⟨л’⟩—⟨л⟩. О том, какие фонемы представлены этими звуками, см. ниже, с. 172—175.

2. Одна из наиболее ярких черт кожуховского говора — произношение немягких согласных перед гласными в соответствии с мягкими литературного языка и большинства русских говоров. Эта особенность произношения настолько разительна, что производит впечатление нерусского языка. По первым слуховым впечатлениям этот говор напоминал нам скорее говоры украинского языка.

В соответствии с мягкими согласными литературного языка в говоре перед гласными могут произноситься согласные различной степени твердости: от еще более мягких, чем в литературном языке, до совершенно твердых. Разница в степени мягкости согласного зависит, главным образом, от трех условий: от качества согласного, от качества следующего гласного, от качества предшествующего гласного.

В говоре можно выделить два типа согласных, различающихся по характеру твердости/мягкости: переднеязычные зубные [т, д, с, з, н] и все остальные согласные. Перед гласными эти согласные ведут себя по-разному.

Перед [е], который выступает на месте *е*, *ь*, *ä*, и перед [и], который выступает на месте *и* и *ѣ*, независимо от положения в ударном или безударном слоге согласные [т, д, с, з, н] обычно произносятся твердо: *отéц’*, *дитéй*, *дéржыш*, *lошадéй*, *ден*, *за семйéй*, *wóсем*, *сеч˙áс*, *ǫ́сен˙йу*, *в зéмл’у*, *конéшно*, *нéкуда*, *нé быlо*, *йабlонéй*, *шыфанéр*; *зéт’а-то*, *wзéл’и*; *хоўстúнка*, *гǫ́сти*, *пастú*, *кро^{w}áти*, *xwатúlъ*, *одúн*, *за^{w}одúlас*, *згодúlас*, *ходúт*, *наносúlа*, *ǫсúны*, *ры́бник*, *ǫнú*, *к нúзу*, *kolхóзникоw*, *тошнúт*; *хотúlа*, *w áwγусти*, *сидúlа*, *на wодú*, *w гǫ́роди*, *здúшноо*, *дúдушка*, *гди*, *фси*, *соўсúм*, *по Сýхони*, *нит*. При этом гласные [е, и] несколько сдвинуты назад, образуются в передне-среднем ряду. Эти же гласные произносятся и после полумягких согласных: *шéс˙т˙еро*, *д˙éржат*, *wў̄с˙ем*; *с˙éдеш*, *сн˙éл’и*, *загон˙éт*, *з˙éт’а*; *отпуст˙úlа*, *накат˙úш*, *у Кóст˙и*, *рáд˙ио*, *нос˙úд дак*, *нóс˙им*, *з˙úму*, *сн˙úзу*, *одн˙úм*, *н˙икáк*, *бáн˙и*, *гн˙ulы́йе*; *вез˙д˙ú*, *т˙ú гǫ́ды*, *мн˙и*.

Разница между твердыми и полумягкими переднеязычными зубными согласными невелика: и те, и другие обычно не палатализованы и не веляризованы. Это их качество и производит впечатление немягкости и неполной твердости. (О существовании в русских говорах непалатализованных невеляризованных согласных см. [Якобсон 1971, с. 646]).

Иное соотношение в позиции перед [е, и] наблюдается у звуков, произносящихся в соответствии с *р*. Твердый [р] встречается реже, чем полумягкий [р˙]: *апре́л'а, декре́т, wре́м'а, тре́т˙ей, прес* (прясть), *пре́л'и, надари́л'и, прии́хаў, ри́ку*; *апр˙е́л'а, тр˙е́т'йоwа, де́р˙еwъ, wр˙е́м'а, дер˙е́wн˙ъ, осер˙е́т, на бер˙ега́х, топе́р˙е, зр˙е́н'йа, дер˙еw'и́ны, гр˙ебл'и́, ныр˙е́ет, пот˙ер˙е́йош, гр˙ес* (грязь), *го^{w}ор˙и́т, пр˙ии́д'ет, пр˙игони́л'и, снутр˙и́, сахар˙и́н, на се́wер˙и, загор˙и́lа, загор˙и́ў, укр˙и́п'иш, гр˙ий, р˙иц'к˙и*. Довольно много отмечается и примеров о мягким [р']: *пр'е́жнаа, де́р'еwо, отр'е́пл'е^{о}м, кудр'еwа́таа, розр'ешы́л'и, г б˙е́р'егу, б˙е́р'ег-от, вар'е́н'йо, пр'ес* (прясть), *пр'иходи́lа, йе́д˙р'иц''а, пр'ии́хал'и, кр'и́нок, вар'и́lа, тр'и, гр'ибо́ф, гр'ибы́, подны́р'ивайут, згор'и́ў, попр'и́е*.

Примерно такое же соотношение в этой позиции несмягченного [l] и мягкого [л']: *рубле́й, ле́кц˙^{ч}и, lей, правlе́н˙йо, гlед˙и́lа, остаwlе́^{й}ит, изваlе́ес'а, И́хаlиц˙^{ч}у, с И́хаlиц'и, на И́хаlиц^{ч}е, заwаlи́lа, смоlи́lа, осоlи́lа, росп˙иса́lис, покопа́lи, гости́lи, ходи́lи, со͡ǫclаlи, ди́lаlи, ки́с˙lи, б'и́гаlи, неужо́lи, lи́то, lи́том, поlи́н˙н˙иц˙и;—хл'е́шчут, мал'е́н˙к'е, воспал'е́н'йо, не хл'еба́т, затопл'е́^{й}у, упраwл'е́л'и, оставл'е́йут, останоwл'е́йут, дл'и́нны, гл'и́ной, Шел'и́ш˙ч˙а, п˙екл'и́, пл'итǫ́й, шчы́л'и, жы́л'и, хл'ип, хл'и́бны, л'и́то, л'и́том, л'и́сн'ица, зал'и́з'ет, пол'и́н'н'иц'и, жол'и́зны*. Отмечены и примеры с палатальным [л'']: *кл''и́мат, надари́л''и, осмол''и́т' ^{й}ийо́*.

Губные согласные перед [е, и] изредка произносятся твердо, часто отмечается полумягкое их образование. Довольно много примеров и мягкого произношения губных в этой позиции. Например, *топе́р˙^{е}а͡, топе́р'е, опе́т, с пе́ч'и, веснǫ́й, наwерху́*; *купи́л'и, купи́т, мостоwи́нк˙и,—п˙е́рwых, п˙е́рwа-то, ис^{ш}п˙е́рwа, оп˙е́т, сп˙ецẹа́lнъ, ǫп˙еха́lи, поп˙е́х˙ивъит, сп˙е́х˙и^{w}айьт, в˙е́ртит, в˙есно́йу, кwе́рху, прот˙ив˙е́н'йа, ар'иф^{х}м˙е́т˙ика, кубом˙е́трьф, куп˙и́л'и, п˙и́wа, росп˙иса́lис, зап˙и́сыwаlис, п˙и́во, п˙исма́, наб˙и́lа, ру́б˙им, соб˙ира́lи, в ызб˙и́, наlоw˙и́ў, lǫ́w˙им, lоw˙и́, w˙и́т˙ер, м˙и́с˙ц̣ч˙^{ц}а, ум˙ц̣́етц̣,—п'е́рвой, п'е́рв-од год, п'е́ръwа* (первого), *оп'е́т, п'ец', п'ек'и́, б'еру́т, соб'ер'е͡оц˙ц˙е, заw'ел'и́, в'ел'и́ка, в'ерх, кw'е́рху, м'е́нше, см'е́л'еш, м'ет* (мять), *п'исма́, п'и́шут, куп'и́т, п'ит, куп'и́lа, л'уб'и́ў, изруб'и́lа, л'ежб'и́на, б'и́lые, б'и́lой, не w'и́дно, w'и́жу, w'иш, жыw'и́, w'ино́, ста́w'ил'и, дв'и, св'и́жа, отw'и́ту, к н˙еw'и́сти, м'и́с'ец', м'и́ўкойо, по м'и́lоц''и, м'и́ста, м'и́сто*.

Заднеязычные согласные перед [е, и] также наряду с твердыми и чаще полумягкими бывают и мягкими: *мужыки́, поги́п, колосники́, твароги́, штан'^{и}о͡шки, ры́бники, каки́^{й}ъ, други́^{й}о, таки́йо, таки́йе, други́йе, φсе́^{о}-таки, гǫ́рки* (горькие), *йаки́м кускам, Архи́поwы, ки́с·lи, lóточ^{ц}ки, гlубóки*; — *мук·и́, так·и́и, Арх·и́по^{w}ых, Арх·и́па, сух·и́и, сорник·и́, Серг·и́^{й}а, lапотк·и́, мужык·и́, ф коч·^{ц}к·и́, ф К·и́роw·е, так·и́^{й}ö, зак·и́дывай^{у}т, к·ис·* (кисть), *на погр'епк·и́, посы́ўк·и, д'е́нг·и, дойа́рк·и, роск·идálо, фъ^{о}тока́ртоц^{ч}к·и, су́хон·к·ъ, сел'е͡ан·к·и, р'у́моц·^{ч}к·и, р·и́ц'к·и, занав·и̯е̯ск·и, коси́ўк·и, дóо̯г·ие, сп·е́х·и^{w}айьт, де́н·г·и, бадéйк·и, е̯áбlок·и*; — *друг'и́йе, ог'и́пкой, р·ек'и́, л'ном'^{и}а͡ўк'и, гр'^{е}а͡тк'и, дифч'óнк'и, láфк'и, тóл'к'и, скӯл'к'е, тǫ́lк'е, с йóloц·^{ч}к'ей, мал'е́н·к'е, тóл'к'е, на фъ^{о}тока́ртоц^{ч}к'е.*

На месте этимологических гласных *е, ъ, ä, ÿ* перед этимологическими твердыми согласными и на конце слова в говоре могут произноситься монофтонги, дифтонгоиды и дифтонги. Так, на месте *е, ъ* произносятся [е, ȯ] и переходные между ними звуки типа [е͡^{о}, е͡о, ^{е}о͡], на месте *ä* произносятся звуки типа [е͡а, ^{е}а͡, ȧ], на месте *ÿ* — [и͡у, ^{и}у͡, ^{е}у͡, ẏ]. При этом обнаруживается следующая закономерность.

Если перед дифтонгами типа [е͡о, е͡а] твердые и полумягкие согласные встречаются почти так же часто, как и перед [е, и], то перед дифтонгоидами типа [^{е}о͡, ^{е}а͡] и перед монофтонгами типа [ȯ, ȧ] мягкие согласные преобладают. Ср.:

перед [е͡о] — *кlаде͡о́м, росте͡о́т, накlаде͡о́т, фсе͡о; — фс·е͡о, пр·ед·е͡о́м, рост·е͡о́т, понес·е͡о́м, изнес·е͡о́т, изомн·е͡о́м; — накlад'е͡о́м, с'е͡о́стры, д'н'е͡о́м, гн'е͡о́т, бр'е͡оwна, л'е͡о́жа, дал'е͡о́ко, л'е͡о́н, ов'е͡о́с, зав'е͡о́ў, роб'е͡о́нка, тек'е͡о́т;*

перед [^{е}о͡] — *рост·^{е}о́͡т, ид·^{е}о́͡т, фс·^{е}о͡, с·^{е}о́͡стры, запн·^{е}о́͡с·с·а, попр·^{е}о́͡т; — ут'^{е}о́͡рто, н'и ут'^{е}о́͡рта, пойд'^{е}о́͡т, накlад'^{е}о́͡т, пр'ид'^{е}о́͡т, порос'^{е}о́͡нку, л'егн'^{е}о́͡т, намн'^{е}о́͡т, дн'^{е}о͡м, сол'^{е}о́͡ны, зел'^{е}о́͡ны, л'^{е}о͡н, дал'^{е}о́͡ко, захл'^{е}о́͡бываэц'ц'а, бр'^{е}о́͡wна, зав'^{е}о́͡ў, нарв'^{е}о́͡м, в'^{е}о́͡дро, оw'^{е}о́͡с;*

перед [ȯ] — *под·ö́м, по^{й}д·ö́т, ут·ö́рта, рост·ö́т, фс·ȯ; — ид'óд дак, под'óт, б·ер'óзу, в·ер'óфку, л'от, одд·ил'óной, трawл'óно, п'óстра, св'óкор, наск'óм;*

перед [е͡а] — *иде͡а́т* (едят), *косе͡а́т, зе͡ап, сне͡а́т, wǫ́зе͡а́д да; — отход·е͡а́, неlз·е͡а́, з·е͡ап, ус·е͡а́дуц·ц·ъ, пр'инóс·е͡а́т, сн·е͡а́т, м·ен·е͡а́, р·е͡а́дом, гоwор·е͡а́т, lе͡а́га, смоlе͡а́т, роб·е͡а́там, п·е͡а́той; — н·е отход'е͡а́, ид'е͡а́т, з'е͡а́т, м·ен'е͡а́, красн'е͡а́е, л'е͡а́га, св'е͡а́жут, роб'е͡а́там, св'е͡а́жут, на м'е͡а́ўках, нам'е͡а́л'и;*

перед [^{е}а͡] — *в lапт·^{е}а́͡х, т·^{е}а́͡т·а, фс·^{е}а͡, укрáс·^{е}а͡т, з·^{е}а͡т, неlз·^{е}а́͡, у мен·^{е}а́͡, пр·^{е}а́͡lа, дор·^{е}а́͡т, зор·^{е}а́͡ц·^{ч}ц·^{ч}ъ; — йид'^{е}а́͡т, шы̯здес'^{е}а́͡т, м·ен'^{е}а́͡, р'^{е}а́͡дом, стр'^{е}а́͡пай, гр'^{е}а́͡тк'и, гоwор'^{е}а́͡т, дар'^{е}а́͡т, смол'^{е}а́͡т, в'ел'^{е}а́͡т, л'^{е}а́͡га, б'ил'^{е}а́͡е, п'^{е}а͡т, п'^{е}а́͡тк'и, у м'^{е}а́͡ўках, м'^{е}а́͡са, м'^{е}а́͡ккой, л'ном'^{е}а́͡ўк'и;*

перед [ȧ] — *на lошад˙ӓх, фс˙ȧ, нóс˙ȧт, укрáс˙ȧт, хоз˙ӓйка, з˙ӓт˙-ет, гylála;* — *φс'áко, дес'áта, нóс'ат, т'ажеlӯ, т'ажólā, сент'абр'á, с кудр'áм-то, скор'áе, гор'áч''ие, нар'ажáйут, л'áга, т'ел'áт, грабл'áм, гул'ála, тéпл'ат, м'áсо, wрéм'а, п'áтоwа, п'атнáццат.*

Недостаточное количество примеров с твердыми, полумягкими и мягкими согласными перед [и͡у, и͡у, ẏ] не дает возможности установить какую-либо закономерность в распределении этих согласных в данной позиции.

3. Как уже говорилось, согласные в «независимой» позиции конца слова не различаются по твердости/мягкости, а различение ⟨ў⟩ — ⟨l⟩, восходящее к *л* — *л'*, можно свести к различению по другому признаку. Не различаются согласные по твердости/мягкости и перед другими согласными. В сочетании с гласными степень мягкости согласного и степень продвинутости вперед гласного обычно взаимосвязаны: после мягких согласных выступают гласные передние, после согласных полумягких и твердых — гласные, отодвинутые назад, схематически: [т'и] — [тиˆ]. Это могло бы служить основанием для вывода о том, что в говоре «диезность/недиезность» — признак целого слога, «силлабемы» или «группофонемы». Однако твердость согласных перед разными гласными создает в говоре такую ситуацию, когда в одной и той же позиции возможно употребление передних и непередних гласных. Так, твердость переднеязычных согласных приводит к возникновению примеров типа *сúla* — *посы́лок, косе́а͡т, косӓт — косá, lе́а͡га — láбас, кlаде́о͡м — дом, утӧрта — затóр, Lе́о͡шка — lóшка, фсẏ — ф суп.*

Эти примеры говорят о различении в говоре с. Кожухова «передних» и «непередних» гласных фонем: ⟨и⟩ — ⟨ы⟩, ⟨ȯ⟩ — ⟨о⟩, ⟨ѡ̇⟩ — ⟨ω⟩, ⟨ȧ⟩ — ⟨а⟩, ⟨ẏ⟩ — ⟨у⟩.

О том, что в сочетании согласных с гласными переднего ряда именно гласным принадлежит роль, определяющая все сочетание как «переднее» («диезное») или «непереднее» («недиезное»), может говорить также следующее обстоятельство.

В говоре с. Кожухова отмечается явление, обнаруженное Ю. С. Азарх в одном говоре Харовского р-на Вологодской обл. [Азарх 1973, с. 93—94]. Заключается оно в воздействии гласного переднего ряда на последующий согласный, который получает большую мягкость, чем после гласного непереднего ряда. Эту зависимость можно видеть, например, тогда, когда в соседних слогах выступают согласные одного места образования

и гласные, которые обычно вызывают одну и ту же степень мягкости предшествующих согласных; ср.: *тре́т˙ей, де́н'ек, го́сти-т˙и, нэс˙е́т, с˙е́д'еш*. Показательны также случаи произношения нетвердого согласного на месте этимологически твердого: *и́х˙ные, на ти́х˙ уш, у и́х˙, с˙п'и́н˙кой, гл'ад' и́т˙ машы́на, л'е́з'ет˙ φ˙ п'е́ч'к'и*.

Другое проявление этой закономерности в севернорусских говорах обнаружила Р. Ф. Пауфошима. Прослушивая наши магнитофонные записи кожуховского говора и записи катромского говора Харовского района Вологодской области, сделанные Ю. С. Азарх, а затем записи и ряда других севернорусских говоров, Р. Ф. Пауфошима заметила, что в этих говорах в сочетаниях зубных согласных со вторым мягким первый может быть мягким и твердым: [с'т'] и [ст'], [с'н'] и [сн'], [з'н'] и [зн'], [н'т'] и [нт'] и т. п. «Классификация прослушанного материала помогла проследить следующую закономерность: оказалось, что выбор говорящим твердого или мягкого коррелята первого согласного в сочетании в значительной степени зависит от качества предшествующего гласного: гласные переднего ряда преимущественно сочетаются о последующими мягкими согласными, а гласные непереднего ряда, как правило, «охотнее» соседствуют с последующими твердыми согласными, т. е. *ст'* в слове *кисти* преимущественно реализуется в виде [с'т'], а *ст'* в слове *гости* — в виде [ст']» [Пауфошима 1973, с. 103].

Возможно, эта же особенность характеризовала говор с. Пустошей, где Д. В. Бубрих отметил неоднородность этимологических твердых согласных после гласных переднего ряда: начало таких согласных было более мягким, чем конец: *сиди$^{\overset{\frown}{т˙}}$т, са́ни$^{\overset{\frown}{к˙}}$к, пи$^{\overset{\frown}{т˙}}$тка* (пытка), *ки$^{\overset{\frown}{т˙}}$т, прили$^{\overset{\frown}{п˙}}$п* [Бубрих 1913, с. 338—339].

Во всех этих говорах наблюдается перенос признака «диезности» с гласного на следующий согласный, что свидетельствует о фонологической существенности этого признака для гласного, о том, что именно гласный является «носителем» этого признака [см. выше, с. 70—78].

III. Говор деревень Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области

В 1971 г. мною и В. Ф. Конновой был обследован для Общеславянского лингвистического атласа говор бывшей Корочуновской волости, ныне Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области.

Бывшая Корочуновская волость расположена рядом с другой бывшей волостью — Катромской, вошедшей в тот же Слободской сельсовет. Различным особенностям фонетики говора Катромы посвящен ряд исследований: [Преображенская 1973а, 1973б; Пауфошима 1973, 1975, 1977а; Треблер 1980], в том числе и специальная работа о твердости/мягкости согласных — [Азарх 1973]. О говорах Слободского с/с см. также [Красовицкий 1993; 1995; 1996]. Эти описания и наши материалы свидетельствуют о большой близости говоров разных бывших волостей Слободского сельсовета. У корочуновского говора много общего и с описанным выше кожуховским говором Биряковского района. Вологодской области.

1.1. В наиболее важных позициях, определяющих противопоставление согласных по твердости/мягкости, в корочуновском говоре, как и в кожуховском, этого противопоставления нет. Так, на конце слова произносятся только твердые согласные, причем не только твердые губные: *се͡им*, *дроп*, *броў* (бровь), *кроў* (кровь), что отмечается в большинстве говоров северной зоны [см. Образование с-р наречия 1970, с. 43; ДАРЯ, вып. 1, карты 70, 71], но и переднеязычные: *о́кун*, *сажен́*, *ден*, *о̨сен*, *огóн*, *ко̨рен*, *пáр'ен*, *др'ен*, *пóўден*, *долóн*, *пéц'ен*, *дóц'ер*, *ц'еботáр*, *топéр*, *манасты́р*, *пузы́р*, *карáс*, *гр'ас*, *здис*, *ос*, *лонúс*, *шро̨с*, *жыс*, *ко̨с* (кость), *ше̨с* (шесть), *гшо̨с* (гвоздь), *лóшат*, *мат*, *дéс'ит*, *γоспóт*, *крошáт*, *см'ерт*, *м'áкот*, *оп'ém*, *ше̄т*, *úспов'ет*, *кóпот*, *нóкот*, *сет* (сядь), *пет* (пять). В неопределенной форме глагола: *искáт*, *найивáт*, *н'е оз'евáт*, *колóт*, *молóт*, *куп'úт*, *посмотр'úт*, *вв'интúт*, *п'ил'úт*, *рýб'ит*, *шыт*, *взет*, *россы́пат*, *йéхат*, *йис* (есть), *прес* (прясть). В возвратных глаголах: *жен'ýс*, *соб'ерýс*, *н'е торóп'ас*, *zwалáс*, *надúйус*, *ш'инц'álас*, *ис'п'émалас*, *изробóтalас*, *догодáлас*, *заколóл'ис*, *см'ел'ис*.

Твердость согласного [с] в постфиксе возвратных глаголов широко известна и в других русских говорах [см. Образование с-р наречия 1970, с. 110; ДАРЯ, вып. 2, карта 104]. Своеобразие корочуновского говора в позиционном распределении твердого/нетвердого согласного в этом постфиксе: твердый согласный произносится на конце слова, перед гласным же согласный обычно мягкий: *забраўс'ó*, *дождаўс'ó*, *родиўс'ó*, *разwал'úўс'о*, *пожен'úўс'о*, *в'ернýлас'о*, *б'úфс'о*, *жен'úфс'о*, *зашéрн'емс'о*, *ср'éд'имс'о*.

1.2. Нет противопоставления согласных по твердости/мягкости и в позиции перед согласными. Переднеязычные перед твердыми губными, обычно сохраняющие мягкость в других говорах, здесь твердые: *п'исмó*, *восмóй*, *назмý*, *ф Тóтму*, *фпотмáх*, *судбý*, *свáрбу*. Твердый и [н] перед твердыми шипящими: *мéнше*, *рáнше*. Переднеязычные перед заднеязыч-

ными также обычно твердые, даже в тех случаях, когда мягкие заднеязычные согласные должны быть обусловлены предшествующим мягким (в результате так называемого прогрессивного смягчения): *Болóтк'а*, *Йéнк'а*, *Тóнк'а*, *Вáнк'е* (им. пад. ед. числа), *В'úтк'е* (им. пад. ед. ч.), *Л'óнк'а*, *к Л'е͡óнк'е*, *у Лéнк'и* (Лёньки), *мастерск'áа*, *мастерск'ýу*, *малéнк'е*, *т'е͡о т'енк'е*, *гóрк'ей* (им. пад. ед. ч.), *денк'éй* (род. пад. мн. ч.), *денг'áм*, *дéнг'и*. Наблюдаются и полумягкие согласные в этой позиции: *Мáн'к'а*, *у Л'éн'к'иных*, *ден'г'áм*, *рéт'к'у*, *л'егóн'к'е*. Но такие же полумягкие согласные отмечаются и на месте исконно твердых: *Лéн'ка*, *wáлен'к'и*, *бáн'к'е* (банке). Учитель Н. Н. Смирнов, не местный уроженец, 58 лет проработавший здесь в школе, сказал нам, что отсутствие мягкого знака после согласных на конце слова и между согласными представляет собой одну из самых распространенных ошибок местных жителей.

Перед ⟨j⟩ согласные также не различаются. Губные в этой позиции почти всегда твердые, переднеязычные чаще твердые или полумягкие, но довольно много примеров и мягкого их произношения: губные: *попйóш*, *вы́пйом*, *пйéн'иц'а*, *бйот*, *набйýт*, *набйęтę́*, *воробйá*, *нашйóж дак*, *сошйý*, *сошйýт*, *сыношйéй*, *семйá*, *семйé*, *сéмйу*, *сéмйи*; — *отр'éп'йо*, *дош'йý*; переднеязычные: *прýтйо*, *nlamйá*, *nlamйéй*, *nlamйáх*, *собы́тйе*, *собы́тйа*, *от йúх*, *подйóм*, *под йóй*, *кýсйа* (куски), *болóсйо*, *друзéй*, *назвáнйо*, *окунйó*, *корéнйо*, *варéнйо*, *гош'úнйо*, *гош'úнйа*, *ш'идéнйо*, *пр'éденйа*, *сш'инйéй*, *зáгош'инйо*, *упrawлéнйа*, *Мáрйа*, *с мáтерйой*; — *суд'йá*, *запéрс'йо*, *им'ín'йо*, *св'ин'йéй*, *окун'йó*, *гармóн'йу*, *кор'йó*, *кор'йá*; — *не жыт'йó*, *м'ет'йó*, *болóс'йо*, *к wолóс'йу*, *ýс'йо*, *с'ц'éс'йа*, *с' йой*, *м'óжгоин'йо*, *срýн'йа*, *гош'ún'йо*, *розр'ешéн'йо*, *óсен'йой*, *кр'е͡шéн'йо*, *прawлéн'йо*, *пéр'йа*, *кор'йó*.

1.3. В соответствии с фонемами ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ литературного языка и говоров такого же типа в корочуновском говоре на конце слова и перед согласным обычно произносятся разные звуки. В соответствии с ⟨л⟩ такими звуками в этих позициях обычно бывают [ў] и [w] (иногда средний между ними звук, который трудно однозначно определить как [ў] или [w]): *нахáў*, *стоў*, *поў*, *суходóў*, *отвáў*, *óторваў*, *wз'аў*, *пр'аў*, *жал'éў*, *даў*, *реw'úў*, *быў*, *úздиў*, *робóтаў*, *гостúў*, *нáзваў*, *пог'úнуў*, *зата͡шыўў*, *роскw'ил'úў*, *нá now*, *стow*, *п'иw*, *быw*, *торгowáw*, *вы́та͡шыw*, *кур'úw дак*; *йóўка*, *тýўка* (втулка), *с'ед' óўка*, *прогýўку*, *на опохм'óўку*, *кýкоўк'и*, *игóўка*, *м'áўкой*, *пáўк'и*, *жáўко*, *дǫ́ўго*, *потоўц'ú*, *потоўстúете*, *тоўс*, *жоўтóк*, *сóўнышка*, *доўбл'óнайа*, *пóўден*, *поўлúтру*, *натоўк'óм*, *мы́ўс'е*, *перемарáўс'о*, *розwал'úўс'о*, *родúўс'о*, *вы́прос'иўс'о*, *засм'ийáўс'о*, *забраўс'ó*, *дождаўс'ó*, *подráўсе*, *скры́ўс'е*, *накур'úwс'о*, *уб'úwс'о*, *гаwд'е͡ат*,

тоwстыйо. В соответствии с ⟨л'⟩ в этих позициях обычно произносится [l]: *mol*, *уц'ýmel*, *хм'el*, *стéб'el*, *музól*, *ш̄ыл*, *col*, *Kol* (звательная форма); *nalбá*, *nalmýшок*, *бólно*, *bolнáa*, *колокólно*, *умывáлн·иц'к'и*, *шкоǫ̂лн·ик·и*, *óто lну*, *указáтелlной*, *м'élниц'а*, *хл'óbalнуᵘ̃у*, *уц''ýtelниц'а*, *шalньыйо*, *bolшýу*, *bolшыйо*, *побólше*, *bolшоýхой*, *подálше*, *крыцó*, *нáлц'и*, *nalцéй*, *гл'ед·úlцо* (зрачок), *узólйа*. Перед мягким согласным и ⟨j⟩ обычен [л']; *Вáл'к'а*, *тóл'к'о*, *скóл'к'и*, *по пéтел'к'е*, *стеб'ел'к'á*, *нел'з'á*, *потпóл'йо*, *нал'йýт*, *б'ил'йó*, *ýгол'йо*, *гнил'йó*, *стебéл'йа*, *хохóл'йа*. *Васúл'йовна*, *Йýл'йу*.

Подобное распределение звуков [l] и [ў, w] в катромском говоре, соседнем с корочуновским, дало основание Ю. С. Азарх считать, что в катромском говоре существует коррелятивная пара по твердости/мягкости ⟨л⟩—⟨л'⟩ [Азарх 1973, с. 96—98]. Думается, однако, что для корочуновского и катромского говора решение должно быть иным. Об этом см. ниже, с. 172—175.

2. В позиции перед гласными согласные могут быть твердыми, полумягкими и мягкими, что зависит от качества согласного, качества следующего гласного, качества предшествующего гласного.

Перед гласными непереднего ряда, перед которыми исконно произносились твердые согласные, и в корочуновском говоре согласные твердые. В соответствии с ⟨л⟩ в этой позиции произносится [l]: *иglá*, *nlám'o*, *клáсам*, *глáск'и*, *кулáк*, *lánm·u*, *былá*, *окулáц'ил'и*, *nlámйа*, *к· w'úlам*, *глазá*, *глазóк*, *накладýт*, *б'élайа*, *ходúla*, *попростыla*, *розгр'ебála*, *стр'úmula*, *проц'идúla*, *д'élala*, *скýmala*, *ис·п·émalac*; *колóма*, *узолóк*, *лóжец'к'у*, *волóсйо*, *lon*, *уголóк*, *на долóни*, *молóже*, *иglóй*, *лóм'ит*, *молóц'енйо*, *до потолóку*, *колоколá*, *golow'óшка*, *холоднée*, *Loná тин*, *волосúна*, *на лобý*, *на golow'ŭé*, *Малоз'óм·иха*, *б'елорóженк'ей*, *нé былo*, *мáло былo*, *иglóлок*, *глóлой*, *гор'éloo*, *остáloc*, *бóлоз'е*, *мáclом*, *глóplo*; *celýô*, *colýômы*, *седлýô*, *menlýô*, *Хрolǫ́w ден*; *клуn*, *луk*, *ф molýn'е*, *nолуц'éйу*, *голуб'úц'а*, *melýшка*, *глухóй*, *лукóшко*, *скорlуná*, *лýчше*, *блýдни*, *клубáм*, *желýдок*, *жéлуц'* (желчь); *слыхála*, *жылы*, *бр'úлы*, *злыйо*, *б'élыйо*, *лысáтой*, *лыс'ина*, *лыжы*, *б'ŭélыш*, *т'óнлыйо*.

Перед ⟨е⟩, которая обычно воплощается в [е], а под ударением может воплощаться еще и в [е͡и, е͡ᵘ], произносятся следующие согласные звуки.

Переднеязычные [т, д, с, з, н] перед звуками на месте ⟨е⟩, ударными и безударными, дают примерно одинаковую картину; обычно это твердые или полумягкие согласные: [т]—*постéл*, *отéц'*, *настéл'ут*, *тéрл'и*, *стéл'к'и*, *стéб'el*, *стéрwo*, *костéй*, *нокстéй*, *гостéй*, *д'итéй*; *потер'ála*, *тел'áт*, *теб'á*, *шéстеро*, *темнýô*, *тепл'ée*, *тел'ᵉó͡нок*, *т·ел'áт*, *т·ел'éгу*, *т·еплýô*, *трéтей*; [д]—*дéн'г'и*, *дéс·ит*, *кудéл'к'а*, *на дéрew'е*, *дéн-от*, *дéwет*, *lошадéй*, *л'удéй*, *скowород·éй*,

куд˙éл'и, д˙ен, дес'áтой, пойдет'ó, дойд˙ет'ó, дежýрсво, дерýц'ц'а, ден'г'áм; [с] — *сéмйи, ф сéнтебр'и, се͡им, с˙éр'ц'о, сел̣о̣́о̣, сек'ᵉо͡т, серпáм, семóй, сестрá, седлу̣́о̣, ǫ́сен, восемнáц'ц'ат, п'úс˙ен, дес˙ет˙ú, с˙естрá, скры́ўс˙еᵒ*; [з] — *зéмл'у, земл'ᵉа͡, зел'óной, оз˙евáт*; [н] — *коне́и͡ц, воронéц', нéм'иц', конéшно, воткнéс'с'е, не́и͡ быў, н˙é быlо, н˙é спал'и, дней, йабlонéй, Агнéä, Ман˙е́и͡фа, нестú, понесл'ú, погáнец', крáсн˙ен'к'у, кóней, с кол'úней, бáней, по-за дер'éwн˙ей, каýкнет, достáнем, опт'éн˙ем, не трóнте, непомнóшку*.

Соответствующие мягкие согласные отмечаются очень редко и главным образом в безударном слоге: *с'éрцо, ф с'éрц˙е, т'enló, molóд'ен'к'ей, йúд'ет, с'емйé, с'ерпóм, воткнéс'с'е, родúл'ис'е, з'емл'енúка, л'úз'ет, гн'етóк, с огн'ены́м, заwéрн'емс'о*.

В корочуновском говоре [е] может произноситься и на месте этимологического *ä*. В других русских говорах, знающих это явление, такой [е] обычно выступает между мягкими согласными. В корочуновском говоре после такого [е] часто произносится немягкий согласный, а произношение согласных перед таким [е] не отличается от их произношения перед [е] на месте *е, ъ*. Ср.: *т˙éн'ом, садéц'ц'е, д˙éт˙el, д˙éд˙а, сет* (сядь), *сéдемте, сéдеш, зе͡ᵘт* (зять), *взет* (взять), *wз˙éл'и, не стиснéйтес, снéл'и, пол'инéйут, хоронéйут, хорон˙éл'и, дес˙ет˙ú, октебр'á, ф сéнтебр'и, посл'úднейа*; *опт'éн˙ем, с'éдем, фс'éц'ина, wз'éл'и*.

Перед [е, е͡и] из *е, ъ, ä* обычно произносится твердый или полумягкий [р, р˙]: *скворéц, в апрéл'е, из отрéп˙ей, дре́и͡внос, корéнйо, трéтей, дерéвн'и, грéбен* (гребень), *берéзн˙ик, срéдн˙ой, прéм'ийе, wрéм'о, потрéбуйте, сестрéн'иц'и, доцерéй, отр˙éп'йо, хр˙éсн˙ик*; *трепálом, на дéрew'е, претстаwл'éйу, топéрец'и, перемарáўс'о, реw'úў, жеребéц', ожеребéц'иц'а, дерев'áнныйо, ондрец'éй, скр˙ебнúц'а, пор˙ев'áт, в'ер˙етнó, в'éр˙ес, йéс˙тр˙еп, пáр˙ен˙, прес* (прясть), *прéл'и, пр˙éсн˙иц'и, обрéдимс˙о, напр˙ед'óм, потрест˙ú*. Но в этой позиции чаще, чем у других переднеязычных, произносится и [р']: *ч˙ер'éп'ина, кор'éты, по-за дер'éwн˙ей, роздер'éц'ц'е, интер'éсно, обер'éц'ц'е*; *стáр'ен'к'аа, в'ер'етнó, дер'ев'áн̄а, гр'еблá, тр'епóш̄ет, истр'епáў, поwр'ежóн, др'емл'ý, розр'ешéн'йо, жер'еб'éт˙ина*; *др'ен* (дрянь), *гр'éз'и-то, пр'éл'и, пр'éденйа, ср'éд˙имс'о, гр'езнóᵘо, гр'езнýlи, р'еб˙úна, обр'ежáц̄'а, пр'ед'ᵉо͡м*.

В соответствии с ⟨л⟩ перед [е] любого происхождения часто отмечается [l]: *колéц''к'о, малéнк'е, помалéн'к'у, лéкц'е, упраwлéнйа, праwлéн'йо, у Лéнк'и* (Лёньки), *залéй, углéй, рублéй, леглá, дрóлец'к'а, м'éленка, вáлен˙к'и, пáлец˙, росклев áла, валéец'а, гулéл'и, загулéл'и, прогулéл'и, гулéнйо, хлес* (хлесь!). Но еще чаще произносится [л']: *л'éм'ех, мал'éнк'е, пл'éц'а, на пл'éц'ах, л'егóн˙к'е, пл'ем˙éн̄˙иц'а, хрáмл'ет, вáл'енк˙и, срýбл'ены, шл'ейá, л'етáйут, л'ежáў, х'úл'ен'к'ий*; *л'é*

г'ет, тел'ém˙ина, козл'ém˙ина, гул'ém, затопл'ém, добаwл'éйу, гул'éеш, гул'éйут, остаwл'éйут, вал'éйут, стрыл'éл'и, прибаwл'éл'и, пр'иготоwл'éл'и, гл'ежý, з'емл'ени́ка, погл'еди́т, гл'ед˙ᵉ͡ат́.

Губные согласные перед [е] любого происхождения также обычно твердые или полумягкие: [п] — *попéй, копéйку, пéц'к'а, ф пец', топéр, пéц'ен, пéрвайа, запéрс˙йо, пéт'л'а, по пéтел'к'е, п˙éрйа, у пен'к'ów, на пен̄икáх, напехáйут; пéт˙еро, пе͡ит* (пять), *пет*; [б] — *пр'ибéй, стебéл'йа, жеребéц', берéзн˙ику, грéбен*; [в, w] — *ковéр'ик, коwéр'ик, г дwéр'е, рwéц̄'е, посиwélo, шwец', дв˙éр'и, св˙éр'ху, w˙éрбнойо, wес'ᵉ͡оlоо, вер'óўку, шwец'éй, в˙ершкá, в˙ер'ᵉ͡оўка, ув˙ез˙ет'ó, пов˙есел'éе, дéwет-ту*; [м] — *мéнше, гумéн̄˙ик, замéрзл'и, ме͡итроw, мен'ᵉ͡а́, мет˙ᵉ͡о́ш, умерlá, пл'ем˙éн̄'иц'а*. Довольно часто, особенно в безударных слогах, встречаются перед [е] и мягкие губные согласные: [п'] — *п'éц''к'у, п'ет* (пять), *п'éрйа, топ'éр, коп'éок, п'екц'и́, нап'ек'óш, п'етрýшка, п'есóк, п'ехн'óм, зап'ерlác, сп'ервá, оп'éт* (опять), *п'éт˙еро*; [б'] — *б'ер'óт, об'ер'и́, б'ез мáтк'и, на б'ер'óз'е, б'естоўкówой, жер'еб'éт˙ина, роб'ет˙и́шок*; [в', w'] — *на w'éрхном, св'éр'ху, тв'éрже, вы́рв'еш, в'ер˙етнó, дéв'ер', в'ернýlас'о, в'ерти́с̄'е*; [м'] — *м'élенка, м'éл'н'иц'а, м'éц'от, м'éтроw, см'ерт, йец'м'éни, скам'éец'к'у, м'éне* (менее), *л'éм'ех, омм'етýт, м'ер'óжа, зам'етáл'и, ум'ерlá, м'éл'и* (мяли), *м'élниц'а, м'ет'йó, м'éкц'е, пом'éн'ош*.

Заднеязычные перед [е] могут быть твердыми или полумягкими: *розожгет'ó, в з'имóўк˙е, на гумáг˙е, о прáзник˙ей*. Но также произносятся и мягкие заднеязычные: *л'éг'еш, л'éг'ет, н˙е д'óрг'ены, в зы́пк'е, к Л'е͡óнк'е, оч˙к'éй, денк'éй, л'егóн˙к'е, моlóд'ен'к'ей, т'е͡óт'енк'е* (им. пад. ед. ч.), *ф котóмоц'к'ех*.

Перед [и] исконным, ударным и безударным, который, как и [е], обычно несколько отодвинут назад и является гласным передне-среднего ряда, переднеязычные [т, д, с, з, н] почти всегда твердые или полумягкие: [т] — *гости́lа, обот̄и́* (обойти), *ит̄и́, л'ити́т, скоти́на, роскати́lас'о, кати́т, робети́шка, не ахти́, намоlоти́л'и, боти́нк'и, роспусти́, опусти́, нести́, спусти́lас, вв˙инти́lа, пlати́л'и, хвати́lо, пти́ц'и, жывот˙и́на, натт˙и́, п'ет˙и́, дес˙ет˙и́, потрест˙и́, шт˙и, т˙и́па-т˙и́па, постирálа, п'ат˙идн'óўку, го͡ǫсти, кóсти, отв'и́нтит, ф кýстиках, козл'éт˙ина*; [д] — *насади́л'и, соходи́, ходи́lа, роди́ш, роди́л'ис'е, бр'игади́р, оди́ноwа, оди́н, обожди́, городи́т, проц'иди́lа, обради́л'и, гл'еди́т, суди́lа, присуди́л'и, иди́, посиди́, выводи́л'и, роди́тел'и, с˙ид˙и́т, не од˙и́нова, брод˙и́lа, ход˙и́л'и, дирáвой, рáдийо, сморýо͡дину, и́здиу, обрéдимс˙о, дад˙ит'ó*; [с] — *пороси́ха, носи́т, некраси́wо, иси́, подаси́, здаси́, продаси́, спроси́lа, краси́вой, воlоси́на, Васи́л'ей, Васи́л'йовна, си́н'ийо, оси́на, кос˙и́ў, карос˙и́н-от, с˙и́wойо, покрáсиlа, босикóм, брóсиlа, крáс˙ил'и, гýс˙и*; [з] — *вози́л'и, магази́н, м'и-*

зи́нц'ик, во́зим, о͞моро́з'ula, з'имо́ўка; [н]—*кни́га, ц'ˇ'ерни́ц'а, угони́л'и, л'есни́к, р'исни́ц'и, заграни́шенка, скр'ебни́ц'а, пшони́ц'у, ни́тк'и, брусни́ц''а, lони́с, похорони́л'и, Н'и́на, жн'и́тв'ина, жен'и́фс'о, баен'ис, пшони́шниц'а, фто́рник, тр'е͡о́шник, гуме́н'ик, бере́зн'ик, lопа́тошн'ик, п'и́сн'и, пр'е́сн'иц'и, умыва́лн'иц'к'и, побла́зн'ulo, жы́зн'и, бора́н'ина, шко͡о́ln'ик'и, осуе́гн'ulac, м'ел'н'иц'а*.

Обычно твердые или полумягкие эти согласные и перед тем [и], который выступает на месте *ѣ*, как правило, перед этимологическим нетвердым, но изредка и перед этимологическим твердым согласным: *хоти́л'и, потоўсти́ете, т'ин* (тень), *стисне́йтес, оди́н'ош, здис'атка, здис, погл'еди́т* (инфинитив), *обради́йот, нади́йус, один* (одень), *од'и́ц'а, гуд'и́л'и, гл'ед'и́лц'о, д'и́т'и-ти, д'ите́й, од'ийа́lo, си́йет, за с'и́ном, нит* (нет), *споти́la*.

Мягкие [т', д', с', з', н'] перед [и] из *и* и *ѣ* произносятся в единичных случаях: *ворот'и́т, натт'и́, д'и́роч'к'а, д'и́л'ат* (*и* < *ѣ*), *с'и́ц'ем, пофорс'и́т, с'и́мец'к'о, с'и́ет* (сеять), *с'и́сти* (сесть), *з'и́мнаа, догон'и́л'и, гумн'и́т͡шо, Н'и́н'ину-то*; *смоло́т'им, ра́д'ийо, д'ите́й, с'ир'а́нки, з'имо́ўка, гр'ез'и-то, спо́мн'ula, жон'ихў́, н'ихто́*.

В этих позициях твердый или полумягкий [р, р'] встречается реже, чем мягкий: *стри́кц'и, стр'и́кц'и, кри́пц'е, смотр'и́т-то, остригу́, остр'игну́la, приц'и́п'иш, придет'о́, прих'и́т'ит, пр'им'о́тныйо, на́ тр'и, кр'ulо́м, от ма́тери, у ма́тер'и*; —*бр'и́ly, стр'и́кц'и, тр'и, тр'и́ц̄'ет, пр'и́городой, кур'и́ш дак, накур'и́шс'о, вар'и́т, навар'и́ц̄'е, W'ихтор'и́н, р'и́ц'к'и, гр'и́йут, погр'и́ў̄ц̄'о, кр'и́пц'е, смотр'и́т, устар'и́еш, стр'и́тula, пр'иташ̄ы́т, пр'ибашл'е́л'и, пр'иготошл'е́л'и, пр'иц'и́п'иш, пр'ид'е͡о́т, стар'иц'к'у́, г до́ц'ер'и, ма́тер'и, из дв'е́р'и, з бр'и́lам, шу́р'ин, па́ц'ер'иц'а, остр'игну́т, кове́р'ик, по́ тр'и*.

Перед [и] отмечено несколько примеров с [l]: *поўlи́тру, гр'езну́lи, вы́lula, по́clalu, пр'иulи́, кова́lu, ўи́lu, кла́lu, жы́lu*. Но в подавляющем большинстве случаев здесь произносится [л']: *мал'и́на, w'ел'и́коо, побл'и́же, дл'и́н̄ыйо, п'еп'ел'и́ш̄о, прил'и́пн'ет, земл'и́, жарашл'и́, несл'и́с, рожы̄л'и́с, пошл'и́, п'ил'и́т, навал'и́л'и, ц''ец''у́л'и, роди́тел'и, куд'е́л'и, у дро́л'и, та́л'иц'а, пре́л'и, тка́л'и, ходи́л'и, уйе́хал'и, бы́л'и, спа́л'и, о͞да́л'и, н'е́ брал'и, те́рл'и, зва́л'и, nlати́л'и, мы́л'ис'о, заколо́л'ис, испр'а́л'ис'о, w л'и́с'е, л'и́з'ет, с кол'и́ней, на кол'и́н'и, посл'и́днейа, л'ин, прол'и́сти, жал'и́л'и, жал'и́йут, бол'и́л'и*.

Губные согласные твердые или полумягкие перед [и] встречаются значительно реже, чем мягкие: [п]—*отступи́фс'о, затопи́la, напи́фс'о*; [б]—*golуби́ц'а, оби́диў, р'еб'и́на*; [w, в]—*w'и́н'икоw, вв'интим́т*; [м]—*Ми́тиха, фами́л'-то, возм'и́, им'и́н'ўо*; [п'] *п'и́шот, куп'и́т, п'и́во, п'иw, сп'и́на, п'и́хта, шып'и́ц'а, топ'и́lас'а, храп'и́lo, п'и́л'и* (*и* < *ѣ*), *п'и́с'ен, сп'и́л'и, усп'и́йут, п'ил'и́т, п'исмо́, шп'икул'а́нты*; [б']—*б'и́фс'о, р'еб'и́на, руб'и́т, уб'и́ws'o, наб'и́ўк'и, об'и́-*

дат, гу́б'ина, кла́дб'ищ̄о, на уз'б'иц'у, б'ил'ъо̯̄, б'ил'а́ноц'к'и, поб'идн'ее; [w', в']—*мотоw'у́ло, удиw'у́лас, отв'и́нтит, в'у́дим, м'ешков'и́ну, В'и́тк'е, траw'и́нка, к' w'у́лам, домоw'у́ш̄о, w'у́дно, деw'иц'а, зареw'и́т, гоw'ийут, гоw'и́н'ъо, поw'ус'им реw'и́ў, в'ийел'и, с'w'иц'к'а, св'ула́, жн'и́тв'ина, борош'ик'у́, в'иск'у́, у́в'ины, сw'инъе́й, w'инӯ̯о̯̄, w'иниц'ел'ис*; [м']—*до М'и́тихи, м'у́лой, ум'ырываў, М'у́шка, кортом'ул'и, шм'у́ст'и, м'ус'ец'ей, см'и́н'ит, не см'и́йу, см'ел'ис, м'ит'е̯а́на, М'ишу́тиха, зам'иц'ел'и*.

Заднеязычные твердые или полумягкие перед [и] отмечаются наряду с мягкими: [к]—*кос'аку́, ку́ска* (< *кистка* ‘киста’), *до р'ек'у́, шубн'ак'у́, соloник'у́, мук'у́, ч'ук'у́* (чулки), *конк'у́, карто́шки, д'е́ўки, ма́мк'ина, гр'а́тк'и, га́ўк'и, ш̄о́тк'и, коку́шк'и, д'е́telк'и, шко̯̄о̯̄ln'ик'и, до̯̄о̯́ск'и, дош̄е́ц'к'и*; [г]—*сапогу́, пог'и́нуў, де́н'ги, де́нг'и*; [х]—*прих'и́т'ит, сух'и́йо, ох'и́тка, М'и́тихи, маслу́х'и, со̯̄о̯́х'и*; [к']—*ц'ил'ик'у́, борош'ик'у́, к'у́стоц''к'у, у р'ек'у́, в'иск'у́, сморц'к'у́, марк'и́йо, баск'и́йо, к'ишк'у́, к'ип'ато́к, наб'и́ўк'и, р'и́ц'к'и, ма́тк'и, пр'а́ўк'и, ру́к'и, б'ил'а́ноц'к'и, рыжык'и, сира́нк'и, ни́тк'и, к'ип'а́т, исто́пк'и, ш̄у́к'и, то́л'к'и, воро́бушк'и, па́ўк'и, э́к'ийо, вер'о́ўк'и, сте́л'к'и, л'е̯о́к'к'ийо, н'евысо́к'ийо, у Ле́нк'и, ру́ц'к'и*; [г']—*ог'и́пк'и, де́н'г'и, кыц'и́г'и, но́г'и-т'и*; [х']—*ох'и́тка, сноx'у́, х'и́траа, х'ил'ен'к'ий, со̯̄о̯́х'и*.

Таким образом, можно считать, что гласные [е] и [и] примерно одинаково воздействуют на предшествующие переднеязычные [т, д, с, з, н]: в этой позиции они почти исключительно твердые (или полумягкие). Что же касаются других согласных, которые могут выступать и в твердой (полумягкой), и мягкой разновидности, то перед [е] преобладают твердые (или полумягкие) варианты (кроме [л'], который в этой позиции преобладает), а перед [и] мягкие. Имеет значение и положение в ударном и безударном слогах: перед безударными [е, и] мягкие согласные отмечаются чаще, чем перед [е, и] ударными.

Иначе воздействует на предшествующие согласные ⟨ѣ⟩, в соответствии с которой под ударением перед этимологическими твердыми согласными в говоре могут произноситься звуки [ӣ̯е̯́] или [ẹ], но чаще произносится [е]. Все согласные в этой позиции обычно мягки: переднеязычные—*ст'е́ны, хот'е́ла, д'е́тко, д'е́душко, д'е́лайут, гл'ед'е́ла, с'ӣ̯е́но, с'ӣ̯е́la, с'ӣ̯е́ў, с'е́ра, сус'е́тк'е, фс'ех, сн'е́гу, н'ӣ̯е́т, гр'ӣ̯е́х, р'ӣ̯е́па, р'ӣ̯е́тко, кр'е́пко^{ы}о, р'е́зат, отр'е́с, зр'е́лаа, гор'е́loo, устар'е́ў, хл'ӣ̯е́ба, хл'ӣ̯е́п, л'ӣ̯е́том, л'ӣ̯е́т, на стол'ӣ̯е́, л'ẹ́то, л'ẹс, сл'ẹт, хлẹп, л'е́том, л'е́тнаа, хл'е́ба, сл'е́ды, хл'е́бнаа, из' л'е́су, жал'е́ў, истл'е́ла, забол'е́ла, сл'еды́, сл'епы́йе*; губные—*не к сп'ӣ̯е́ху, п'ӣ̯е́на, б'е́laa, б'ӣ̯е́ўка, б'ӣ̯е́lыш, с об'е́х, б'е́дна, об'е́дат, б'е́гаат, в'ẹ̯̄ẹ́кша, в'ӣ̯е́су, св'ӣ̯е́mlo, н'ив'ӣ̯е́ска, в'ӣ̯е́тка, в'ӣ̯е́ко, в'е́руйом, в'е́дра, в'е́тоц'к'а, несм'ӣ̯е́lой, м'ẹ́сто*.

Отмечены и случаи немягкого произношения согласных перед таким [е]: *розд˙éўса, оддéл'ноо, w˙идéнйо, пол'итélо, посиwélо, рéт˙к'у, б˙едá, Ýстр˙ека, leyxá* (левша). Возможно, произношение немягкого согласного объясняется тем, что в говоре [е] в этих случаях соответствует ⟨е⟩, а не ⟨ѣ⟩. ([Методические указания 1967, с. 158—161] приводят ряд слов с колебанием *ѣ* и *е*, в том числе и слово *редька*.) В некоторых морфах немягкие согласные отмечаются регулярно. Это еще с большим основанием позволяет предполагать после таких согласных ⟨е⟩: *дéўка, дéw'иц'а, з дéц'ва, д˙éўки, д˙éwушка* наряду с *д'éwка, д'éушка, д'éwок*; *xolоднéе, рowнéйо, поб'иднéе, попознéй, посв'итléй, м'éне* (менее), *подóle* (подольше), наряду с *поб'идн'éе, побыстр'éе, скор'éе*[34]. Об этом свидетельствует дифтонгоид [е͡и], который в других случаях выступает на месте ⟨е⟩, но не ⟨ѣ⟩: *боlе͡ис* (болезнь), *Lе͡ина* и *Léн˙ка* (Ленка).

В соответствии с этимологическим *ѣ* на конце слова под ударением может произноситься [и͡е, е, и], без ударения [е]. Перед [и͡е] выступают мягкие согласные: *на гумн'и͡е, на дwор'и͡е, на стол'и͡е, в йенвар'и͡е, на той пор'и͡е, ф Костром'и͡е, на гоlоw'и͡е, дw'и͡е, к с˙еб'и͡е, по ног'и͡е*. Но также и *на скоwород˙и͡е*. Перед [е] отмечены твердые, полумягкие и мягкие согласные: *на lошадé, где, на пут˙é, мн˙é-ка, w л'úс˙е, в áўгусте, в одном м'úсте, в огрáде, на с'éдаlе, в з'имó ўк˙е, на гумáг˙е; — ф кут'é, на гумн'é, он'é, игл'é, в йеlн'аг'é, по ш̄ок'é, на б'ер'óз'е, w л'úс'е, г дwéр'е, в апрéл'е, ф постéл'е, на дéреw'е, ф стýп'е, в зы́пк'е, к Л'е͡óнк'е*. Перед [и] отмечены немягкие: *в ызб˙ú, дw˙и, гди, wм'úст˙и, w мáрти*.

В соответствии с этимологическими *е*, *ь* перед твердым согласным в корочуновском говоре наблюдаются звуки, свидетельствующие о переходном и заключительном этапе процесса изменения [е] в [о]: дифтонг [е͡о], дифтонгоид [е͡о] и монофтонг [ȯ]. Перед [е͡о] согласные «ведут себя» так же, как перед [е]: они почти всегда твердые или полумягкие: *поwеде͡óт, нажне͡óт, придет˙е͡ó, иде͡óт, т˙е͡óркой, пр'ид˙е͡óт, од˙е͡óжа, оде͡óжу, вд˙е͡óрнуlа, ид˙е͡óш, оз˙е͡óра, те͡óмнайа, намн˙е͡óш, дн˙е͡óм, забер˙е͡óм, пойд˙е͡óт*. Мягкие согласные перед [е͡о] встречаются гораздо реже: *кост'е͡óр, ид'е͡óт, ден'е͡óк, бр'е͡ówна, сер'е͡óтка, в'е͡óдра, нап'ек'е͡óт, хм'ел'к'е͡óм*.

Перед [е͡о] случаев с мягкими согласными становится больше: *мат˙е͡óрой, рост˙е͡óт, мет˙е͡óш, пойд˙е͡óм, з˙е͡óрнышком, намн˙е͡óм; — пр'ед'е͡óм, пройд'е͡óт, wес'е͡ólоо, ст'е͡óкlа, спл'ет'е͡óм, мн'е͡óш, гн'е͡óт, убер'е͡óт, тр'е͡óшник, ов'е͡óс, тоўк'е͡óм, сек'е͡óш*.

---

[34] Однажды наш информант произнесла *скор'áе*. На вопрос, можно ли сказать *скор'éе*, ответила, что так и говорили здесь раньше, но «покультурнее» *скор'áе*.

Перед [ȯ] почти исключительно произносятся мягкие согласные: *в’ер˙ет’óна, ф пот’óмоц’к’ех, т’óпlыйо, т’óшот, т’óш̄а, п˙ет’óнышко, придет’ó, дад˙ит’ó, пойдет’ó, стоит’ó, ув˙ез˙ет’ó, дойд˙ет’ó, пройд˙ет’ó, под˙ит’ó, розожгет’ó, суп йидит’ó, пойд’óм, напр˙ед’óм, д’он, с˙ед’óўка, н˙е д’óрг’ены, wд’óрнут, ид’óш, д’óсны, а пс’ó* (всё), *φс’о, порос’óноц’ок, с’óстры, драўс’ó, забраўс’ó, дождаўс’ó, наз’óм, Маlоз’óм˙иха, сел’ез’óнок, гн’óзда, п’ехн’óм, за н’óй, н’óбовой, парн’óк, сен’óк, жор’óт, тр’ох, ц’етыр’óх, б’ер’óт, бер’óста, м’ер’óжа, вер’óўку, умр’óт, кр’óс на кр’óс, ц’ер’ówа, р’óвност, нап’óрсток, п’орс, нап’óханы, б’óрдо, зоб’óшка, дожыв’óм, пожыв’óм, гоlоw’óшка, воз’м’óш, м’óжгоин’йо, пр’им’óтныйо, зам’óтно, незам’óтно, нам’óтывайом, на опохм’óўку, зам’óрзlа, тк’ош, тк’ом, нап’ек’óш, натоўк’óм, у п’ен’к’ów, войс’к’ó, моlоц’’к’ó, по гороц’к’óму, кр’уц’к’óм, жг’óт.* Отмечены также примеры *жд˙ом, рост˙óт* с полумягкими согласными перед [ȯ].

Такая же закономерность наблюдается перед звуками на месте *ä, ÿ* передних. В соответствии с этими гласными произносятся дифтонги, дифтонгоиды и монофтонги. Зависимость твердости или мягкости согласных от характера следующего гласного здесь тоже выступает вполне определенно: перед дифтонгами значительно преобладают твердые согласные, перед монофтонгами почти исключительно произносятся мягкие согласные, перед дифтонгоидами отмечаются и твердые и мягкие согласные: *не шутéа, нат˙éануты, с к’ист˙éам, Кáт˙еа, родéат, не ход˙éа, гаwд˙éат, пр’ú л’уд˙еах, гл’áд˙еа, озéабlа, квашн˙éа, мен˙éа, сп˙éат; т˙éат’еа, р’éадышком, сп’еат, м’éак̄а;—хот˙еа́, м’ит˙еа́на, погост˙еа́т, л’ит˙еа́т, д˙еа́д’а, гл’ед˙еа́т, у мен˙еа́, сосн˙еа́к, на п˙еа́том, кост˙иу́м; дот’еа́нут, д’еа́тк’е, фс’еа́каа, р’еа́дом, р’еа́дышком, п’еат, теб’еа́, м’еа́со;—йид’áт, сйид’áт, д’áда, д’áд’ушка, дес’áтой, гус’áт˙ина, оwс’áнка, фс’áкоwо, фс’áка-то, поwс’áкому, wз’аў, хоз’áйка, хоз’áйсво, нел’з’á, ф ступн’áх, мен’á, шубн’áк, йабlон’áм, зобн’á, квашн’á, потер’álа, пр’áха, октебр’á, пр’áўк’и, гр’ас, с’ир’áнк’и, гр’áтк’и, кур’áтн˙ик, тр’áпоц’к’и, спр’áтаlас, хр’ак, стр’áпат, оп’áт, к’ип’áт, п’ат, п’áты, роб’áта, стоўб’áнка, пор˙ев’áт, дер˙ев’áн̄а, в’áжот, м’áсо, м’áўкам, м’áкот, w оц’к’áх, мастерск’áа, на конк’áх, ден’г’áм, фс’у, Вас’ýк, сохран’ý, жен’ýс, с’ин’ýшец’к˙и, хр’ýшка, бр’ýква, бр’ýхо, стар’иц’к’ý, мастерск’ýу: л’з˙а, з˙ат* (зять), *нокт˙ý, Ван˙ýк.*

От других согласных отличается ⟨л⟩: только [л’] отмечен перед [е͡о, е͡о, ȯ; е͡а, е͡а, ȧ; и͡у, и͡у, е͡у, ẏ]: *Л’éонк’е, л’éон, сол’éонаа, зел’éоной, тел’éонок, самол’еóтом, Л’еóн’а, кул’еóк, л’еóк’к’ийо, кл’еон, тел’еóнок, зел’óной, л’óска, сол’óныйо, л’от, л’ок, п’ел’ówа, хл’óбаlнуйу, тел’óнкоў, нат̄ы́пл’ош, пóл’о; земл’éа, земл’еа́, пол’еа́ш* (тетерев), *т˙ел’еа́т, рубл’á, обгул’álас, б’ил’áноц’к’и, пол’á, тел’*

а́т, шп'икул'а́нты, на топол'а́х, осол'а́т, уд'ивл'а́л'ис, пл'а́шут, гл'ажу́, Ко͡ǫл'а, кошу́л'а, куде́л'а; л'и͡у́б'ит, л'и͡уп, л'и͡у́ди, л'ᵘу͡ди, кл'ᵉу͡ква, кл'у́ква, л'у́дно, л'у́ди, др'емл'у́, храмл'у́, Кол'у́к, Пл'у́хинц'евы, л'уде́й, в о́л'ухах, кл'уц'и́ц'а, выкл'уц'е́й, насте́л'ут, по́мл'у, з˙е́мл'у.

3. Прогрессивное воздействие гласных переднего ряда на последующие согласные можно видеть в отмечаемых иногда случаях произношения [р'] или [р˙] перед губными и заднеязычными согласными в исконном сочетании **tьrt*: *wы́ц'ер'пъйут, пе́р˙wайа, це́р'ква, св˙е́р'ху, наде́р'г'ela*. Отмечается и твердый [р] в этих сочетаниях: *серпа́м, пе́рвайа, сте́рwо, у ц'е́рквы, св˙е́рху, wерху́шк˙и, ow˙ерху́шыл'и*. Мягкий [р'] в этих сочетаниях широко распространен в других севернорусских и южнорусских говорах [см.: Русская диалектология 1964, с. 92; Русская диалектология 1989, с. 70; Захарова, Орлова 1970, с. 50; Сидоров 1966, с. 38—97]. Наблюдается также произношение и других нетвердых согласных на месте этимологических твердых после гласных переднего ряда: *Л˙е́н˙ка, оди́н˙, из˙бу́шка, из˙ Bólогды*. В ряде случаев нетвердый согласный отмечен в тех позициях, в которых после гласных непереднего ряда в говоре произносятся только твердые согласные: *йец'м'е́н˙найа, йе́с˙тр˙еп, здес˙, здис˙, нади́н', де́в'ер', посте́л', изм'е́т'* (измять).

4. Корочуновский говор в значительной степени напоминает кожуховский говор. В нем так же не противопоставлены по твердости/мягкости согласные на конце слова и перед согласными. А гласные можно рассматривать как различающиеся по ряду. В противопоставлениях *си́то — сы́то, пи́л'и — пы́л'и* слова различаются гласными [и] — [ы], перед которыми согласные одинаково твердые (вернее, разница между согласными целиком объясняется аккомодацией следующему гласному). Как указывалось выше, звук [и], как правило, продвинут назад по сравнению с литературным русским и такой же, как в литературном украинском, где он также выступает после твердых согласных. Звук [ы] тоже отодвинут назад в область средне-заднего или заднего ряда. Такая передвижка [ы], очевидно, необходима для того, чтобы «зона безопасности» между [и] и [ы] была достаточно велика. Наличие такого отодвинутого назад [ы] в ряде говоров Кировской, Вологодской и других областей [см. Высотский 1978, с. 75, 79] может свидетельствовать о подобном же противопоставлении ⟨и⟩ — ⟨ы⟩ в этих говорах в настоящем или прошлом.

Об отсутствии противопоставления согласных по твердости/мягкости в говорах Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области говорит также обнаруженное в этих говорах Р. Ф. Пауфошимой особое поведение согласных в сандхи — на стыке слов. Перед гласными [и, е], начинающими второе слово, конечный этимологически твердый согласный предшествующего слова может быть мягким или полумягким: *в' И́н˙д˙ийу, з бл'ина́ м' и хл'еба́л'и, Ол'екса́ндр˙ ид˙е͡о́т, на дву͡о́р' и снос˙и́, он' и говор˙и́т, дъ нас' и в˙ел'и́, с' ико́ной, е́тот' ива́ноw д˙ен, так' и жы́л'и; в' е́тот сосн˙е͡а́к, вот' е́то, с' е́той, из' е́тово, к' е́тому* и др. [Пауфошима 1983а, с. 39]. В этих языковых системах «палатализация конечных согласных не самостоятельна, а возникает под воздействием начального гласного последующего слова. «Хозяевами положения» здесь являются гласные. Их тембром — переднерядным или непереднерядным — и определяется качество предшествующего согласного. ⟨...⟩ Такое положение, как кажется, возможно лишь в системах, где нет противопоставления согласных по твердости — мягкости — эта корреляция, видимо, еще не сложилась» [Пауфошима 1983а, с. 42; см. также Пауфошима 1983б, с. 58—62]. Ср. также замечание В. В. Колесова: «В северных русских говорах вплоть до недавнего времени ⟨...⟩ не развивалось противопоставление согласных по твердости — мягкости» [Колесов 1980, с. 140].

5. Но в корочуновском говоре в последнее время становится возможным противопоставление согласных, различных по твердости/мягкости, в одной и той же позиции. Так, в связи с тем, что на месте *ѣ* здесь произносятся не только звуки [и͡е, ẹ], но и [е], перед которым согласные мягки, а перед [е] на месте *е* и *ä* согласные тверды, возникает именно такое противопоставление согласных; ср.: *д'élo — дéн-от, т'éсто — тéст'а, с'éно — сем, сет* (семь, сядь), *ст'éны — стéбel, от р'éпы — отрéпйо* и т. п.

Надо учитывать, конечно, что и здесь есть некоторая разница между гласными, но она целиком обусловлена разницей между предшествующими согласными.

Сопоставление только слогов [ти] — [ты] друг с другом ничего не дает для выяснения того, на каких звуках лежит функция различения — на гласных или согласных, так как и те, и другие в этих слогах различны. Можно обозначить их как [т˙и] и [ты]. Точно так же сопоставление слогов [т'е] — [те] само по себе еще не говорит, на каких звуках в этих слогах лежит функция различения, так как и здесь различны и согласные, и

гласные. В более точной транскрипции это противопоставление можно обозначить как [т'е]—[тэ]. Гласные [и]—[ы] и [е]—[э] противопоставлены одинаково: как гласные переднего/непереднего ряда. Но согласные перед ними не одинаковы. Сопоставление отношений [т'и]—[ты] и [т'е]—[тэ] в языковом сознании говорящих приводит на фоне близости согласных вторых членов этих пар к уяснению различия согласных первых членов этих пар. Так выделяется в языковом сознании говорящих, то есть в языковой системе, «мягкость/немягкость» согласных как их различительные признаки. Возникновение мягких согласных перед [ȯ, ȧ, ẏ] подкрепляет это противопоставление: *т'ӧта — тот*, *вз'ȧў — в заў*, *фс'ẏ — ф сун*.

Таким образом, в фонологической системе корочуновского говора наряду с дифференциальными признаками «передний/непередний ряд» гласных возникают дифференциальные признаки «твердость/мягкость» согласных.

Возникновение мягкости согласных перед [ȯ, ȧ, ẏ] связано с монофтонгизацией дифтонгов [e͡o, e͡a, и͡у]. Изменение [e͡o] > [ȯ], [e͡a] > [ȧ], [и͡у] > [ẏ] было вызвано тем, что начальная фаза дифтонга стала осознаваться как признак согласного — его мягкость[35]. По-видимому, возникновение мягкости согласных перед ⟨ѣ⟩ также связано с изменением функции начальной фазы дифтонга [и͡е]: эта фаза стала показателем мягкости предшествующего согласного. Монофтонгизация дифтонгов [e͡o, e͡a, и͡у, и͡е] была следствием этой функциональной перестройки[36].

Мягкие согласные перед ⟨ȧ, ȯ, ẏ⟩ в корочуновском говоре возникают в самое последнее время. Очевидно, что раньше возникли мягкие согласные перед ⟨ѣ⟩. Но этому этапу, по-видимому, предшествовал этап, когда согласные могли быть только твердыми перед гласными непереднего ряда и твердыми (полумягкими) перед гласными переднего ряда. В эту эпоху согласные фонемы не обладали дифференциальным признаком «твердость/мягкость».

---

[35] Экспериментально-фонетические исследования русского литературного языка показали, что информация о мягкости и о твердости согласных содержится главным образом в начальной фазе следующего гласного [см. Проблемы анализа речи 1980, с. 19—20; Бондарко 1981, с. 133].

[36] Ср.: «Палатализация предшествующей согласной ⟨...⟩ выступает ⟨...⟩ как окончательное «всасывание» первой части старшего сочетания *i͡e* в согласную» [Брок 1907, с. 31]; «Монофтонгизация удар. *ѣ*, возникшая как результат всасывания согласным первой части дифтонга ⟨...⟩» [Виноградов 1919, с. 279—280].

IV. Гипотезы о возникновении диалектных систем с отсутствием корреляции согласных по твердости/мягкости

Каковы же были пути возникновения рассмотренных фонологических систем вологодских говоров, столь отличных от систем литературного языка и большинства других русских говоров?

Первой обнаружила говор Харовского района Вологодской области с указанным явлением Р. Ф. Пауфошима [Пауфошима 1961, с. 74—77]. Описав согласные «неполного смягчения», Р. Ф. Пауфошима поставила вопрос, «как давно существуют в говоре эти полумягкие согласные. Что это — старая, стирающаяся черта или новая, недавно возникшая?» И отвечает: «Несомненно одно: полумягкость согласных развилась сравнительно недавно, полумягкие согласные появились на месте согласных полного смягчения» [с. 75—76].

Ю. С. Азарх также говорит о «сравнительно позднем появлении несмягченных согласных в вологодско-кировских говорах» [Азарх 1967, с. 147]. По ее мнению, «процесс ослабления, а затем и разрушения корреляции согласных по твердости — мягкости принадлежит, по-видимому, к явлениям сравнительно довольно поздним. Ему предшествовал период фонологической противопоставленности согласных, по крайней мере, переднеязычных парных согласных по признаку твердость — мягкость» [Азарх 1973, с. 99].

Об «отвердении», «диспалатализации» согласных, «разрушении корреляции твердых и мягких согласных» в одном русском говоре на территории Эстонии говорит Х. Хейтер [Хейтер 1968а, с. 169, 173—174; 1968б, с. 129—130, 132—133, 136—137; 1979, с. 108—109]. Об «отвердевших» согласных в катромском говоре Харовского района Вологодской области пишет М. Н. Преображенская [Преображенская 1973а, с. 71]. С. М. Треблер, говоря об «отвердении согласных» в говорах Вологодского ареала, считает вместе о тем, что согласные неполного смягчения в этих говорах «являются ⟨...⟩ свидетельством непоследовательности смягчения полумягких» [Треблер 1980, с. 20; см. также: Шахматов 1915а, с. 128; Калнынь 1956, с. 151].

Основание для вывода о позднем отвердении согласных в говоре Харовского района Р. Ф. Пауфошима видела в данных говора: в формах типа *on'em'*, *zylém'*, *n'em'* «перехода *а* > *ê* между согласными неполного смягчения быть не могло, он мог происходить только между сильно смягченными согласными. Поэтому история этих форм представляется следую-

щим образом; *оп'ät'* > *оп'êт'* > *оп'ém'*. О том, что полумягкость согласных — сравнительно недавно возникшая черта говора, свидетельствуют и такие формы, как *пов'ú́т'*, *погл'ед'ú́т'*. Очевидно, переход *ê* > *û* произошел между мягкими согласными; полумягкость конечного согласного — явление более позднее: *пов'êт'* > *пов'ú́т'* > *пов'ú́т'*» [Пауфошима 1961, с. 75—76].

К обоснованиям такого решения, выдвинутым Р. Ф. Пауфошимой, Ю. С. Азарх добавила и некоторые другие [Азарх 1967, с. 147—148; 1970, с. 28], в том числе и следующие. В рассматриваемых говорах обнаружены «результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных, а также различие репрезентантов /л/ и /л'/ перед согласными и на конце слов» [Азарх 1973, с. 99].

Различные объяснения причин отвердения согласных в указанных говорах, выдвинутые Р. Ф. Пауфошимой, Ю. С. Азарх и Х. Хейтер, сводятся к констатации особенностей звуков и особенностей фонологических и морфологических систем этих говоров [Пауфошима 1961, с. 76—77; Азарх 1967, с. 148—150; 1973, с. 98—99; Хейтер 1979, с. 108—110]. Указывается и на роль внеязыковых факторов в этом процессе [Азарх 1967, с. 150—151; 1973, с. 99; Хейтер 1968а, с. 173—174; 1968б, с. 137; 1979, с. 109]. Наиболее сжато эти причины и условия возникновения явления были обобщены Х. Хейтер: «Тенденция к развитию отвердения смягченных согласных, заложенная в самой фонологической системе описываемого говора, поддерживалась особыми внеязыковыми факторами ⟨...⟩ контактами с эстонским языком, для языковой системы которого характерна более слабая, чем в русском языке, оппозиция согласных по твердости — мягкости», изоляцией «от материковых говоров в течение длительного времени» [Хейтер 1979, с. 109].

Эти объяснения причин отвердения согласных в рассматриваемых говорах не кажутся убедительными. Если бы в этих говорах уже сформировалась корреляция согласных по твердости/мягкости, то для ее разрушения потребовались бы причины гораздо более основательные. То, что нам известно об этой корреляции в других русских говорах, свидетельствует о том, что она при своем возникновении обладала мощными потенциями развития. Возникнув первоначально у части согласных, эта корреляция захватывала в сферу своего действия все новые и новые согласные. Тенденции развития, заложенные в фонетических системах большинства русских говоров, подчиняются «закону И. А. Бодуэна де Куртенэ», названному так М. В. Пановым: «в русском языке ⟨...⟩ упроща-

ется система гласных, усложняется система согласных» [Панов 1968, с. 10, 16, 21].

Предположение об отвердении мягких согласных по внутренним языковым причинам никак не согласуется с другим много раз высказывавшимся предположением о том, что изменение *ѣ* > *и* и *ѧ* > *е* было вызвано окружением мягких согласных (главным образом, мягким согласным, следующим за гласным).

Если мягкие согласные севернорусских говоров были настолько «сильны» в системе и норме, что могли вызвать изменение предшествующих гласных, то не ясно, какие внутренние особенности системы вызвали затем такую ее коренную ломку — отвердение мягких согласных.

М. Н. Преображенская, посвятившая чередованию *а* ‖ *е* ряд своих работ, придерживается традиционной точки зрения на то, что «зависимость вокализма от качества последующих согласных играет конструктивную роль в формировании ряда систем русского вокализма», например чередования *е* ‖ *и* (< *ѣ*), *а* ‖ *е*. Изменение *а* > *е*, по ее мнению, произошло перед мягким согласным в эпоху после падения редуцированных гласных, в результате которого «последующий согласный начинает оказывать больше влияния на смежный с ним гласный предшествующего слога» [Преображенская 1973б, с. 14—15]. Такой взгляд ранее был высказан П. С. Кузнецовым [Борковский, Кузнецов 1965, с. 136], на него и опирается в своих решениях М. Н. Преображенская.

Анализ характера чередования гласных и согласных в катромском говоре Харовского района Вологодской области приводит М. Н. Преображенскую к следующему наблюдению: «Если рассматривать эту проблему в аспекте связи развития чередований, обусловленных твердостью или мягкостью последующего согласного, с развитием категории твердости — мягкости согласных, то мы столкнемся с тем обстоятельством, что диалектам, в которых противопоставление согласных по твердости — мягкости получило наибольшее развитие, не свойственны рассматриваемые чередования. И, наоборот, для диалектов, в которых категория твердости — мягкости согласных не получила полного развития, оказываются характерны чередования, обусловленные качеством последующего согласного» [Преображенская 1973б, с. 16]. Вывод из этого наблюдения строго логичен: «Следовательно, можно предположить, что распространенность действия принципа обусловленности модификаций гласных качеством последующих согласных не связана с развитием и становлением корреляции согласных по твердости — мягкости» [с. 16].

В говоре Катромы, где, как пишет М. Н. Преображенская, «категория твердости — мягкости согласных не получила полного развития», «степень смягченности согласного ⟨...⟩ зависит прежде всего от того, какой гласный следует за этим согласным» [с. 16]. К сожалению, М. Н. Преображенская не сделала следующего логического шага в цепи этих своих рассуждений и в дальнейшем продолжала искать подтверждений «тенденции зависимости гласных от мены качества (твердости — мягкости) последующих согласных» [Преображенская 1980, с. 172].

В отличие от приведенной выше гипотезы о происхождении немягких согласных в рассматриваемых севернорусских говорах, следует выдвинуть иную гипотезу. Суть ее в следующем. Говоры Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области, как, по-видимому, и русский говор Ийзаку в Эстонии, сохраняют древние особенности фонетической системы, в которой не было противопоставления согласных по твердости/мягкости. Поэтому нельзя говорить об «отвердении», «диспалатализации» согласных в этих говорах: немягкость этих согласных в соответствии с мягкими русского литературного языка и других русских говоров — сохранение старого, а не возникновение нового. Точно также старое состояние отражают примеры подобной немягкости согласных, отмеченные в других вологодских и кировских говорах и соседних с ними говорах Ярославской, Костромской и Нижегородской областей [см. Азарх 1967; 1970; ДАРЯ, вып. 1, карта 65].

Обоснование этой гипотезы требует выяснения происхождения в севернорусских говорах рассматриваемого типа следующих четырех явлений, которые, как указывалось, как будто противоречат этой гипотезе: наличия разных согласных звуков на конце слова и перед согласными в соответствии с фонемами ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ литературного языка и говоров, различающих эти фонемы; результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных; чередований *ѣ* || *и* и *а* || *е*. Анализ этих явлений см. ниже[37].

[37] Первая публикация — [Касаткин 1973; 1984а, с. 5—32].

К истории ⟨л⟩ в русском языке

Среди севернорусских говоров встречаются такие, в которых нет или не было еще в недавнем прошлом противопоставления согласных по твердости/мягкости, зато гласные, противопоставлены по ряду. Два таких говора я наблюдал в Вологодской области: говор деревень Кожуховского сельсовета Биряковского р-на и говор деревень Слободского сельсовета Харовского р-на (см. выше, с. 145—166).

1. В соответствии с ⟨л, л'⟩ русского литературного языка и многих говоров в кожуховском и слободском говорах произносятся следующие звуки.

Перед гласными фонемами непереднего ряда ⟨а, о, ω, у, ы⟩ произносится [l]: *игlá*, *пláтйа*, *накlадýт*, *lоп*, *угоlóк*, *мáсlом*, *celу͡о́*, *colу͡о́мы*, *Хроlо̣́w ден*, *кlуп*, *lук*, *теlýшка*, *зlыйо*, *lысáтой*, *жы́lы* и т. п. Перед гласными фонемами переднего ряда ⟨ȧ, ȯ, ẏ, ѣ⟩ произносится [л']: *земл'е͡а́*, *пол'е͡а́ш*, *обгул'álас*, *л'е͡о́н*, *кл'е͡о́н*, *пóл'о*, *л'и͡у́ди*, *кл'е͡у́ква*, *зéмл'у*, *хл'и͡е́п*, *на стол'и͡е́*, *л'е̣́то* и т. п.

Перед ⟨е, и⟩ наблюдается колебание. Часто в этой позиции произносится [l]: *léкц'е*, *прawléн'йо*, *коléц''к'о*, *маléнк'е*, *у Léнк'и* (Лёньки), *заléй*, *рубléй*, *угléй*, *lегlá*, *м'élенка*, *вálен·к'и*, *росклевálа*, *гуléнйо*, *валéец'а*, *остаwléйит* и т. п.; *зawalúlа*, *вы́lula*, *И́хаluц'а*, *поўlúтру*, *гр'езнýlu*, *по̣́сlаlu*, *гостúlu*, *пр'ишlú*, *коваlú*, *йúlu*, *кlálu*, *росп·исáluс* и т. п. Но еще чаще отмечается [л']: *хл'éшчут*, *л'éм'ех*, *пл'ец'á*, *хрáмл'ет*, *вáл'енк'и*, *срýбл'ены*, *шл'ейá*, *л'етáйут*, *л'ежáў*, *тел'éт·ина*, *козл'éт·ина*, *гул'éт*, *гул'éеш*, *гл'ежý*, *з·емл'ени́ка* и т. п.; *гл'и́на*, *п·екл'и́*, *пл'итóй*, *мал'и́на*, *w'ел'и́коо*, *побл'и́же*, *прил'и́пн·ет*, *земл'и́*, *жараwл'и́*, *несл'и́с*, *навал'и́л'и* и т. п. По-видимому, для прежней системы было характерно в этой позиции произношение мягкого звука [л'], произношение

же [l] перед ⟨е, и⟩ связано с формированием новой закономерности; см. ниже.

На конце слова в соответствии с ⟨л⟩ и ⟨л’⟩ литературного языка и говоров такого же типа в кожуховском и слободском говорах произносятся разные звуки. В соответствии с ⟨л⟩ такими звуками в этих позициях обычно бывают [ў] и [w] (иногда средний между ними звук, который трудно однозначно определить как [ў] или [w]): *наха́ў, стоў, поў, суходо́ў, отва́ў, о́торваў, wз’аў, пр’аў, жал’еў, даў, реw’и́ў, быў, и́здиў, рабо́таў, гости́ў, на́зваў, пог˙и́нуў, зата̄ты́ў, роскw’ил’и́ў, прис˙е́ў, на́ поw, стоw, п’иw, быw, торгоwа́w, вы́та̄тыw, кур’и́w дак*. В соответствии с литературной фонемой ⟨л’⟩ здесь произносится [l]: *мol, уц’и́тel, хмel, сте́б’el, музо́l, ̄тыl, col, коше́l, шal, ф˙евра́l, ywа́l* (*вуаль*), *Kol* (звательная форма), *аттól, скol, вдol*.

Перед согласным на месте литературной фонемы ⟨л⟩ произносятся [ў] и [w]: *посы́ўк˙и, подо́ўгу, прогу́ўку, с’ед’о́ўка, на опохм’о́ўку, ку́коўк’и, иго́ўка, м’а́ўкой, па́ўк’и, жа́ўко, до́ўго, потоўц’и́, потоўсти́ете, тоўс, тоўко́wыйе, по́ўно, жоўто́к, со́ўнышка, доўбл’о́найа, по́ўден, натоўк’о́м, мы́ўсе, перемара́ўс’о, роди́ўс’о, забраўс’о́, накур’и́wс’о, уб’и́wс’о, гаwд˙е͡а̄т, тоwсты́йо*. В соответствии с литературной фонемой ⟨л’⟩ здесь произносится [l] перед твердым или полумягким согласным и [л’] перед мягким согласным и ⟨j⟩: *nalбá, nalти́шок, нelз˙е͡а̄, wólxa, бólно, бolнáа, коlокólно, умыва́lниц’к’и, шко͡ǫlн˙ик˙и, óто lну, указа́тelной, м’е́lниц’а, хл’о́бalну^{й}у, уц’и́тelниц’а, шalны́йо, бolшу́у, бolшы́йо, побólше, бolшоу́хой, пода́lше, пот’аже́lше, крыlцó, пálц˙и, nalце́й; Ва́л’к’а, то́л’к’о, ско́л’к’и, по пе́тел’к’е, стеб’ел’к’а́, нел’з’а́, потпо́л’йо, нал’йу́т, б’ил’йо́, у́гол’йо, гнил’йо́, стебе́л’йа, хохо́л’йа, Васи́л’йовна, Йу́л’йу*.

Соотношение [l] и [л’] в этих говорах может свидетельствовать о том, что эти звуки в большинстве случаев позиционно чередуются. В тех же позициях, где наблюдается колебание [l] и [л’], оно не связано со смыслоразличением и обусловлено переходом от одной фонетической закономерности к другой. Это позволяет считать [l] и [л’] представителями одной и той же фонемы ⟨л⟩, точно так же как и другие согласные звуки — твердые, полумягкие и мягкие — являются в этих говорах представителями одной и той же фонемы, не обладающей дифференциальным признаком «твердость/мягкость», отсутствующим в системе согласных фонем.

Как же фонологически интерпретировать звук [ў (w)], выступающий в соответствии с ⟨л⟩ в тех же говорах?

В соответствии с ⟨л⟩ обнаруживаются 2 ряда позиционно чередующихся звуков. В позиции перед гласным выступает [l ‖ л’], а не перед

гласным в одних морфах может произноситься [l ‖ л’], в других — [ў (w)]. Например, 1-я группа морфов: *бolé^{u}c*, *бол’ú л’и*, *бол’ú т*, *бол’éla* — *бol*, *бolнóй*, *бóл’йу*; *уц’итеléй*, *уц’úтел’а* — *уц’úтel*, *уц’úтelниц’а*; 2-я группа морфов: *ждаlá*, *ждáл’и* — *ждаў*, *дождаўс’ó*; *стоlá*, *стоlы́*, *на стол’и͡е* — *стоў*; *п’ulá*, *п’ulý*, *п’ил’и͡е* — *п’иў*, *п’úўка*.

Такой тип позиционных чередований дает нам основание считать, что звуки [l] и [ў], различаясь в позиции не перед гласным, представляют две разные фонемы говора. Противопоставлены эти фонемы не по «твердости/мягкости», так как [l] и [ў] не отличаются с этой точки зрения: оба они немягкие.

Для характеристики этих фонем в слободском говоре мы должны учесть еще один тип чередования: перед гласным [w (в) ‖ w’ (в’)] — не перед гласным [ў (w)]: *корówа* — *корóў*, *корóўка*, *корóўник*; *гоlowá* — *гоlóў*, *гоlóўка*; *вер’ówок* — *вер’óўка*; *ков’óр*, *ковéр’ик* — *на коўрáх*; *дрowá*, *дрowéц’*, *дрow’úшк’и* — *дроў*; *owéц’* — *оўц’á*; *д˙éwушка* — *д˙éwка*; *ow’óс* — *owс’áнка*; *пел’ówа* — *пел’ówц’атыйе* и т. п. Явление это хорошо известно, описано и картографировано в ряде специальных диалектологических исследований [см.: Орлова 1950, с. 169 сл.; Образование с-р наречия 1970, с. 34 сл.; Липовская 1975; Васильева 1977; 1981; ДАРЯ, вып. 1, карты 56—58]. В русских говорах это явление образует три ареала: один совпадает с территорией юго-западной диалектной зоны и продолжается на территории Украины и Белоруссии, где это явление составляет одну из отличительных черт украинского и белорусского языков, другой ареал расположен в северо-восточной части территории Восточной группы южного наречия (говоры Рязанской Мещеры), третий ареал охватывает центр северного наречия.

В кожуховском и слободском говорах чередование звуков [w (в) ‖ w’ (в’) ‖ ў (w)] воплощающих фонему ⟨в⟩, представляет собой живую закономерность, отмеченную в большом количестве примеров.

Рассмотренные чередования можно представить в следующей таблице:

Группы морфов / Позиции	**1**	**2**	**3**
Перед гласным непереднего ряда	*l*	*l*	*w*, *в*
Перед гласным переднего ряда	*л’* (*l*)	*л’* (*l*)	*w’*, *в’* (*w*, *в*)
Перед твердым согласным	*l*	*ў*, *w*	*ў*, *w*
Перед мягким согласным	*л’*		
На конце слова	*l*		

Ясно, что в 1-й группе морфов представлена фонема ⟨л⟩, в 3-й — ⟨в⟩. В морфах же 2-й группы представлено чередование фонем ⟨л ‖ в⟩ (о чередованиях такого типа см. выше, с. 101—114).

В других работах представителей Московской фонологической школы [ў (w)] перед согласным и на конце слова в такой системе рассматривается как вариант ⟨л⟩ и ⟨в⟩ [см., например: Аванесов 1949, с. 144, 171; Русская диалектология 1964, с. 80; Теплова 1967, с. 172, 175; Русская диалектология 1973, с. 85]. Однако есть и другие показатели того, что [ў (w)] не перед гласным является здесь представителем ⟨в⟩, а не ⟨л⟩.

Известно, что на месте [ў (w)], чередующегося с [l] в одних и тех же морфах, в говорах рассматриваемого типа обнаруживаются примеры произношения [l]: *копы́l*, *д˙ém˙el*, *д˙ém'elк'и*, *на прогу́lку* (слободской говор), *пр'иб'ежа́l*, *фстаl*, *отр'ахну́l*, *сказа́l*, *н˙é вз˙аl*, *йęl*, *подогна́l*, *нос'и́l дак*, *стаl туши́т*, *жа́lко*, *мо́lч'а* (кожуховский говор). Особенно много подобных примеров в речи молодежи. Подобные примеры широко представлены в материалах Диалектологического атласа русского языка [см. Теплова 1967, с. 161, 165—169]. Но такая замена [ў (w)] на [l] в отдельных словах может происходить только в том случае, если эти звуки являются представителями разных фонем.

Показательны и случаи заимствования слов из литературного языка с твердым [л] не перед гласным, в соответствии с которым при данной системе закономерен [ў (w)]. В таких словах произносится [l]: *коlхо́с*, *па́lтус*, *сканда́l* (слободской говор), *г'ен'ера́l*, *поlк*, *поlка́*, *попоlн'е́н'ийо*, *каlбаса́*, *буlлга́хт'еръм*, *φ кхоlхо́зе*, *коlхо́зе*, *коlхо́зника*, *хоlхо́с* (кожуховский говор) [см. также: Теплова 1967, с. 165]. Носители говора звук [л] литературного языка соотносят с фонемой ⟨л⟩, которая в говоре в этой позиции реализуется звуком [l].

Известно также, что процесс вытеснения губно-губного согласного [w] губно-зубным [в] продолжается в русских говорах [см. Васильева 1977; 1981]. В связи с этим вытеснением появляется произношение [в ‖ ф] на месте [ў (w)], в том числе и в таких случаях, как *по́вно*, *до́вго*, *до́вг'ийе*, *го́вбец*, *пофт'и́н'н'ику*, *тофста́йа*, *погон'а́фка*, *мофч'и́*, *кос'и́ф*, *упа́ф*, *вз'аф да уб'и́ф*, *вы́т'ануф*, *л'уб'и́ф* и т. п. [см. Теплова 1967, с.171, 173—174]. Эти примеры также свидетельствуют о том, что [ў (w)] в подобных словах расценивался говорящими как представитель ⟨в⟩ еще до изменения этого звука в [в ‖ ф].

Сказанному не противоречат случаи произношения [l] на месте исконного *в*. Так, одна из слободских информантов произнесла *пу́гоwка* и

тут же «поправилась»: *nýgolka*. Гиперизмы подобного рода подтверждают, что для говорящих [ў (w)] и [l] — представители разных фонем. (О чередовании ⟨л ‖ в⟩ см. также [Флайер 1983]).

2. Трактовка чередования [l ‖ ў (w)] в кожуховском, слободском и в других говорах подобного типа как чередования фонем ⟨л ‖ в⟩ позволяет объяснить и некоторые этапы истории ⟨л⟩.

Произношение разных звуков [l] и [ў (w)] на конце слова и перед твердым согласным в кожуховском, слободском и в подобных им говорах в соответствии с ⟨л'⟩ и ⟨л⟩ литературного языка и говоров такого же типа заставляет считать, что в этих вологодских говорах еще до падения редуцированных гласных возникло различение фонем ⟨л⟩—⟨л'⟩. Это различение сохранялось у ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ и после падения редуцированных. В этот период ⟨л⟩ воплощалась в звуке [l], ⟨л'⟩ — в звуке [л'] (или палатальном [л'']) (О палатальности древнерусских мягких согласных см. [Чекман 1979, с.117; Колесов 1980, с.41, 140, 142, 144]). При этом ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ были противопоставлены только на конце слова и перед согласными, где в соответствии с этими фонемами произносились звуки [l] и [л']. Перед гласными этого противопоставления не было, так как [l] мог быть только перед одними гласными, а [л'] — только перед другими.

Последующее изменение [l > ў (w)] на конце слова и перед согласным привело к тому, что звук [ў (w)] на месте старой фонемы ⟨л⟩ в этой позиции «оторвался» от нее и стал представителем ⟨в⟩. В результате этого противопоставление ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ на конце слова и перед согласным утратилось [см. Горшкова 1972а, с. 87]. Остался здесь только [л'], представлявший ⟨л'⟩. Но таким образом звуки [l] и [л'] оказались в дополнительном распределении во всех позициях: перед гласными они и раньше позиционно чередовались, перед согласным и на конце слова стал возможен только [л']. Так утратилось противопоставление ⟨л⟩—⟨л'⟩, на месте этих фонем возникла одна фонема ⟨л⟩, не обладавшая дифференциальным признаком «твердость/мягкость».

Однако при этом возникло противоречие между фонемой ⟨л⟩ и остальными согласными фонемами с точки зрения распределения воплощавших эти фонемы звуков по перцептивно сильным и слабым позициям. У всех согласных фонем, в том числе и ⟨л⟩ (кроме, возможно, ⟨ш, ж, ц⟩, имевших особое распределение звуков по этим позициям), перцептивно сильные позиции, в которых выступали твердые согласные звуки, были обусловлены одними и теми же гласными фонемами. И точно так же у

всех этих согласных, включая и ⟨л⟩, перцептивно слабые позиции, в которых выступали нетвердые согласные звуки, были обусловлены тоже одними и теми же гласными фонемами. Иное положение было в конце слова и перед твердым согласным. Здесь для всех согласных фонем, кроме ⟨л⟩, позиция была перцептивно сильной: эти согласные фонемы воплощались в твердых звуках (⟨ш, ж, ц⟩, возможно, воплощались в эту эпоху в мягких звуках во всех позициях). Для ⟨л⟩ же позиция конца слова и перед согласным была перцептивно слабой: эта фонема здесь воплощалась в мягком [л']. Это противоречие разрешилось в пользу большинства фонем: [л'] на конце слова и перед твердым согласным заменялся [l].

Замена [л'] на [l, л] в позиции перед согласным типа *бóл'но* > *бólно*, *бол'шóй* > *болшóй*, отмечаемая многими диалектологами, известна давно (одну из первых фиксаций см. [Колосов 1877, с. 223—224, 328]). Богатый диалектный материал и территорию этого явления представил Диалектологический атлас русского языка. По данным ДАРЯ обнаруживаются два ареала этого явления. Небольшой ареал на территории Западной Брянщины является завершением этого явления в белорусских и украинских говорах. Говоры Западной Брянщины обычно рассматриваются как говоры белорусские. Составленная К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой Диалектологическая карта русского языка исключает Западную Брянщину из территории распространения русского языка [см.: Русская диалектология 1964; Захарова, Орлова 1970]. Высказывалось также мнение, что «говоры Западной Брянщины должны быть признаны переходными от белорусских к южнорусским» [Пеньковский 1963, с. 22]. Однако в любом случае история отвердения [л'] перед согласным в этих говорах должна рассматриваться в связи с историей этого явления в белорусском и украинском языке.

Другой, собственно русский ареал этого явления представлен в Вологодской группе севернорусского наречия [см. Теплова 1977]. Богатый материал ДАРЯ, отражающий твердость [l, л] на месте исконной мягкости этого согласного перед согласным, описан и широко использован главным образом в работах В. А. Мирской и В. Н. Тепловой.

Отвердение [л'] перед согласным обычно связывается с твердостью этого следующего согласного [см. Селищев 1968, с. 327; Дурново 1924, с.14; Карский 1924, с. 65; Аванесов 1949, с. 170; Кузнецов 1960, с. 87. Образование с-р наречия 1970, с. 270; Русская диалектология 1973, с. 92—93]. Как результат регрессивной ассимиляции по твердости рассматривают

изменение [л’н] > [lн (лн)] и [л’ш] > [lш (лш)] и В. А. Мирская [1974а, с. 23; 1974б, с. 43, 45] и В. Н. Теплова [1977, с. 104, 113].

Однако и В. А. Мирская и В. Н. Теплова приводят и такие примеры, когда изменение [л’] > [l (л)] «происходит в любой преконсонантной позиции, независимо от твердости и мягкости последующего согласного»: *йеlн’áк*, *wólн’иц’е*, *шкóлн’ик’и*, *м’élн’ицы*, *мálч’ик*, *lд’úны*, *з’ем’élк’и* и др. [Мирская 1974б, с. 46, 51—53]; *колокóлн’а*, *колокólн’а*, *м’éлн’ица*, *м’élн’ица*, *нац’álн’ик*, *пláкаlн’ица*, *полз’úт’елно*, *н’елз’á*, *л˙д’úны* и др. [Теплова 1977, с.108, 109]. В. А. Мирская обращает внимание также на примеры с твердым [l, л] на месте [л’] перед твердыми губными и заднеязычными: *скólко*, *Ólга*, *молбá*, *пáлмы*, *Кólко* и др., в позиции, которая для «русского литературного языка и подавляющего большинства его диалектов не только для [л’], но и для всех других переднеязычных является сильной» [с. 46—47]. В этой позиции, таким образом, последующий твердый губной и заднеязычный не должен был быть причиной отвердения [л’].

А. М. Селищев высказал предположение, что замена [л’] на [l, л] могла быть и в результате того, что «действовала аналогия — влияние родственных форм с *л* твердым: *колокол-на*, *мал-чик*» [Селищев 1968, с. 327]. Такое же предположение высказывает и В. Н. Теплова, считающая, что «в некоторых случаях отвердению ⟨л’⟩ могло способствовать наличие родственных форм с [л]: *колокóлн’а* (ср. *колокол*); ⟨...⟩ *м’éлн’ица* (ср. *мел-* || *мол-*); *нац’álн’ик* (ср. *начал*); *пláкаlн’ица* (ср. *плакал*), *пля́саlн’ик* (ср. *плясал*), *подзаты́лн’ик* (ср. *затылок*); *рóзваlн’и* (ср. *развал*); *рукод’éлн’ица* (ср. *дело* и *дельный*), *св’ет’úлн’а* (ср. *светил*); *сúлн’инька* (ср. *сила* и *сильный*); *умывáлн’ик* (ср. *умывал*); *ут’ирáлн’ик* (ср. *утирал*), *холод’úлн’ик* (ср. *холодил*); *ч’ерн’úлн’ица* (ср. *чернила*), *шкólн’ик* (ср. *школа*)» [Теплова 1977, с. 108].

Приведенные В. Н. Тепловой «родственные формы с [л]» часто не имеют никакой доказательной силы. Так, совершенно неясно, почему на существительные с [л’] *начальник*, *плакальница*, *плясальник*, *светильня*, *умывальник*, *утиральник*, *холодильник* должны были подействовать глагольные формы *начал*, *плакал*, *плясал*, *светил*, *умывал*, *утирал*, *холодил*, тем более, что среди форм прошедшего времени есть и формы с [л’]: *начали*, *плакали*, *плясали* и т. д. Почему отвердение [л’] в словах *рукодельница* и *сильнинька* вызывались аналогией со словами *дело* и *сила* и этому отвердению не препятствовали приведенные В. Н. Тепловой слова *дельный*, *сильный?* Почему возникло отвердение [л’] перед мягким согласным при отсутствии таких «родственных форм с [л]»: *уч’úт’еlн’ица*, *н’елз’á* и др. [Теплова 1977, с. 108.109]?

Опора на аналогию нисколько не приближает нас к решению вопроса о причинах замены [л'] на [l (л)] перед согласным в говорах Вологодской группы севернорусского наречия. Очевидно, что это изменение не является и результатом регрессивной ассимиляции по твердости.

Отвердение [л'] перед согласным, как было показано выше, является частью общего процесса замены [л'] на [l] в позиции не перед гласным и было обусловлено изменением в этой позиции исконного [l] в [ў (w)] и отсутствием противопоставления остальных согласных по твердости/мягкости. Подтверждением этого может служить значительное совпадение территории произношения [l, л] на месте [л'] перед согласным и территории, на которой отмечено произношение немягких согласных перед гласными и на конце слова в соответствии с парными мягкими согласными литературного языка и говоров с аналогичной системой [ср. карты 65 и 79 ДАРЯ, вып. 1].

3.1. На большей части севернорусского наречия на месте *л* отмечены звуки [l] перед гласными непереднего ряда и [ў, w] перед согласными и на конце слова: [l]*ук*, [l]*ыко*, *ха*[l]*ám*; *во*[ў]*к* (*во*[w]*к*), *дó*[ў]*го* (*до*[w]*го*), *пá*[ў]*ка*, (*пá*[w]*ка*), *игó*[ў]*ка* (*игó*[w]*ка*), *упа*[ў] (*упа* [w]), *по*[ў] (*по*[w]), *ма*[ў] (*ма*[w]), и т. п. В отдельных говорах на этой же территории отмечены [ў, w] и перед гласными непереднего ряда: *бы*[ў]*á*, *хó*[ў]*одно*, *на по*[ў]*ý*, *упá*[w]*а*, *шкó*-[w]*у* и т. п. [см. Теплова 1967; ДАРЯ, вып. 1, карта 61].

А. М. Селищев высказал предположение, что эти звуки возникли на месте велярного [л]. Произошло это «в связи с иноязычным воздействием — финским» [Селищев 1968, с. 327—328]. Таких же взглядов придерживаются и некоторые другие диалектологи и историки русского языка [см. Аванесов 1949, с. 169—171; Кузнецов 1960, с. 84; Образование с-р наречия 1970, с. 53—54].

Сторонники этой точки зрения опираются на артикуляционные особенности рассматриваемых звуков. По данным современных инструментально-фонетических исследований русский звук [л] характеризуется велярно-зубным типом артикуляции, при котором кончик языка образует смычку с зубами и началом альвеол, задняя часть спинки языка поднимается к мягкому нёбу, а передне-средняя часть спинки языка образует вогнутость. При этом уменьшается полость глоточного резонатора в результате сдвига тела языка по направлению к задней стенке глотки [см. Конечна, Завадовский 1956, с. 75, 76, рис. 215—217; Скалозуб 1963, с. 40—44, 99—101; Болла 1981, с. 147, табло 78]. Такого же типа и украин-

ский [л] — один из вариантов ⟨л⟩ литературного языка, известный и ряду украинских говоров [см. Прокопова 1958, с. 24; Сучасна українська мова, 1969, с.167—168], и [л] белорусского языка [см. Подлужный, Чекман 1973, с.131—136, 140—142].

Артикуляция звука [l], известного ряду севернорусских говоров, не определялась инструментально. Нет, в частности, рентгенограмм этого звука. Однако акустическое сходство со звуком [l] других языков, в отношении которых проводились такие исследования, позволяет высказать предположения и о характере севернорусского [l].

Так, этому звуку соответствует один из вариантов ⟨л⟩ украинского литературного языка, характерный и для средненадднепрянских и ряда других украинских говоров [см. Жилко 1966, с. 64]. Звук этот апикальный или какуминальный. Кончик языка при его артикуляции загибается вверх и образует смычку на альвеолах или даже за ними. Задняя часть спинки языка при этом опущена. В некоторых случаях наблюдается артикуляция этого звука с маловыраженной апикальностью — со смычкой на зубах и альвеолах (то есть там же, где артикулируется [л]) и с задней частью спинки языка в нейтральном положении, без поднятия к мягкому нёбу и без значительного опускания вниз [см. Прокопова 1958, с. 105—107; Сучасна українська мова 1969, с. 167—169]. Таким образом, характерной особенностью этого звука является то, что он не веляризован.

Доказывая большую древность [л] по сравнению с [l], Р. И. Аванесов пишет: «Следует иметь в виду, что в *w* или *ў* может измениться *л* твердое, но никак не „среднее“ „европейское“: русское *л* твердое имеет велярное образование, т. е. в его образовании активное участие принимает задняя часть спинки языка, поднимающаяся к мягкому нёбу. Таким образом, артикуляция твердого *л* близка к артикуляции *ў* и *w*, для которых также характерно поднятие задней части спинки языка. Эта близость увеличивается еще и потому, что велярные согласные склонны к лабиализации, а лабиализация или губная артикуляция свойственны звукам *ў* и *w*. Одной из важнейших характерных особенностей образования л является смыкание кончика языка с передними зубами (при опущенных боках языка). Если почему-либо этого смыкания не будет, то образуются звуки типа *ў* (или *w*). „Среднее“ *l* само по себе не может измениться в *ў* или *w*, так как при его образовании задняя часть спинки языка индифферентна, не принимает участия в артикуляции.

Отсюда можно сделать вывод о том, что первоначально произошло изменение в определенных условиях твердого *л* в *ў*, *w*, а затем уже твер-

дое л в тех положениях, в которых оно не изменялось в *ў*, *w*, заменялось „средним“ *l*» [Аванесов 1949, с. 169—170; см. также: Кузнецов 1960, с. 82].

Другое объяснение возникновения данной диалектной особенности в русских говорах дала С. В. Бромлей. Считая вслед за А. М. Селищевым, что «[ў] мог развиться только из [л] твердого (но не из [l]!)», С. В. Бромлей строит «гипотетическую модель процессов, приведших в этих говорах к возникновению [l] на месте *л* твердого» [Бромлей 1987, с. 76].

«Изменение твердого [л] в [ў]», по мнению С. В. Бромлей, происходило сначала «в положении перед согласными и на конце слова», а затем «в положении перед гласными непереднего ряда» и привело к системе, «где [л] твердый вообще отсутствовал» [с. 76].

Причины этого изменения С. В. Бромлей не рассматривает. Не проясняет вопроса о причинах и ее утверждение, что «два первых этапа эволюции твердого *л* связаны с выявлением», «экспликацией», «реализацией» «его высокого вокального потенциала» [с. 76, 79].

Через «два-три века» после изменения [л] > [ў] возникает, по мнению С. В. Бромлей, «процесс восстановления твердой смычно-проходной артикуляции» [с. 76—79]. Однако «восстанавливается» на месте [ў] не [л], а [l], так как «в русских говорах северо-востока ⟨...⟩ этот тип артикуляции сохранился только в мягком или полумягком вариантах» [с. 77].

При этом объяснении остаются неясны причины «восстановления твердой смычно-проходной артикуляции» и его конкретного результата.

Причина предполагаемого С. В. Бромлей изменения [ў] > [l] связана, по ее мнению, с «развитием общерусской тенденции к консонантизации фонетического строя» [с. 76]. Такая тенденция установлена М. В. Пановым и названа им «законом Бодуэна де Куртенэ»: «в русском языке ⟨...⟩ упрощается система гласных, усложняется система согласных» [Фонетика 1968, с. 10, 16, 21]. М. В. Панов имел при этом в виду систему фонем, возможности их противопоставления в разных позициях. С. В. Бромлей же рассматривает эту тенденцию, главным образом, с точки зрения изменения звуков от «большей вокализованности» к «большей шумности» [Бромлей 1985, с. 15].

Рассматривая поведение сонорных согласных в разных русских говорах, С. В. Бромлей приходит к выводу о их «большей вокализованности» именно в говорах северо-востока [с. 28, 30], где, казалось бы, «тенденция к консонантизации» должна была бы проявляться в наименьшей степени. Между тем именно там чаще всего произносится [l].

Кроме того, сама эта тенденция в изменении звуков в говорах северо-востока устанавливается С. В. Бромлей, главным образом, на «устранении [ў] в позиции конца слога» и «в позиции перед гласными» [Бромлей, 1987, с. 80]. Возникает порочный круг в объяснении звуковых процессов.

Не объясняет С. В. Бромлей, что она имеет в виду, когда говорит о «сонорных звуках большей и меньшей вокализованности» и называет артикуляцию [l] «менее вокализованной», а [л]—«более вокализованной» [с. 80]. А. И. Томсон показал, что аналогичные взгляды Л. В. Щербы неверны и что [l] не менее вокализован, чем [л] [Томсон 1911, с. 152]. В противоречии с вышесказанным С. В. Бромлей неожиданно считает процесс вытеснения [l] звуком [л] «на поздних этапах развития говоров» в результате «междиалектного взаимодействия» также «процессом консонантизации» [Бромлей 1987, с. 81].

«Восстановление» на месте [ў] звука [l], а не [л] С. В. Бромлей связывает с наличием в говорах северо-востока согласных неполного смягчения. В этих говорах «на месте *л'* ⟨...⟩ может выступать и полумягкий [л˙]» [с. 75—76]. Заменяя затем без всяких объяснений [л˙] на [l], С. В. Бромлей приходит к вышеуказанному выводу. Однако звуки [л˙] и [l] артикулируются по-разному: [л˙]—зубной, а [l]—альвеолярный. Поэтому если бы действительно происходило восстановление согласного на месте [ў] по внутренним законам развития диалекта, то в соответствии с [л˙] «восстановился» бы [л], а не [l].

3.2.1. Представление о том, что [l] в русских говорах возник из более древнего [л], вызывает ряд возражений. Первое сводится к тому, что [l] известен не только севернорусским говорам, где можно предполагать контакты с финскими языками, но и южнорусским [см. Селищев 1968, с. 327—328; Аванесов 1949, с. 171; Высотский 1969, с. 13—14; ДАРЯ, вып. 1, карта 61], а также украинскому и другим славянским языкам, где предполагать иноязычное воздействие нет оснований [см. Бернштейн 1961, с. 300—301]. Так, О. Брок указывал на наличие [l] «среднего» в польском, чешском, словенском, сербском, болгарском языках [Брок 1910, с. 30, 31]. Об этом же пишут и современные исследователи этих языков. Логичнее предположить, что такой [l] был и в праславянском языке, где он был унаследован из праиндоевропейского. Такое предположение высказал В. П. Петрусь, считавший, что «$^{*}l$ (средн.) можно принимать за общеславянский архетип или иначе за прототип современных

вариантов плавного». Позднее в большей части, но отнюдь не во всей славянской речевой области *l* (средн.) > *l* (тверд.) [Петрусь 1957, с. 110]. Такой же точки зрения придерживаются, в частности, В. В. Колесов [Русская диалектология 1972, с. 64] и Л. Э. Калнынь [Калнынь 1989, с. 105].

Не кажется убедительным и утверждение, что [l] не мог измениться в [ў].

Мне неоднократно приходилось наблюдать в севернорусских говорах, которые знают [l] перед гласными, в соответствии с этимологическим *л* на конце слова и перед согласным произношение неслоговых гласных нелабиализованных или слабо лабиализованных типа [o̯, ы̯]. При этом характер неслогового гласного часто оказывается обусловлен характером предшествующего гласного: *до̯о̯гие*, *на́о̯ка*, *ф'е́ршао̯*, *коп'ы́ы̯ка*, *рад'ы́ы̯с'ъ* и т. п.

Из невеляризованного [l] при ослаблении и утрате смычки кончика языка с альвеолами мог возникнуть нелабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема. (Ср. произношение [o] на месте [l] «среднего» на конце слога в сербскохорватском языке). Такой гласный часто и произносится в севернорусских говорах на месте *л*. Артикуляция этого гласного не достигает верхнего подъема и передача его как [ў] в диалектологических работах в значительной степени условна.

Произносится в севернорусских говорах на месте *л* и звук [ў] верхнего подъема, но обычно нелабиализованный. Подобный звук со слабой лабиализацией (а также звук типа [o̯]) отмечал, в частности, П. С. Кузнецов в говорах Пинеги. Указывая на то, что здесь «твердое л ⟨...⟩ изменяется перед согласным и на конце слова в неслоговое ў», П. С. Кузнецов пишет: «Лабиализация во всех этих случаях несильная ⟨...⟩ в некоторых случаях лабиализация более заметная под влиянием последующего или предшествующего звука: *здáў уш*, *на ўўку*. В последнем случае как бы долгое *у*, к концу редуцирующееся ⟨...⟩. Интересен случай: *плáко* (= *плакал*) — после *о* слышен лишь слабый призвук с лабиализацией» [Кузнецов 1949, с. 32—33]. (Полное стяжение таких гласных я наблюдал в архангельских и вологодских говорах в слове *ц'ук'ú* — чулки).

Гласный, обозначаемый в русских диалектологических трудах как [ў], аналогичен звуку польского языка [u̯], выступающему в соответствии с *ł*: *ławka* [u̯afka], *połowa* [pou̯ova], *władza* [vu̯adza], *słyszał* [su̯yšau̯], *stuł* [stuu̯]. Звук этот отличается от лабиализованного [u] отсутствием или слабой степенью лабиализации, а от польского альвеолярного [l] отсутствием

переднеязычной смычки и отодвинутостью назад и более высоким подъемом задней части спинки языка (см. описания этих звуков и их рентгенограммы в работе [Вежховска 1965, с. 87, 106, 120, 121]). Такой же нелабиализованный неслоговой гласный произносится на месте *л* и *в* в украинском языке (ср. фотоснимки положения губ при произнесении «лабиализованного» [о], «сильно лабиализованного» [у] и «вокализованного» [в] = [ў] в работе [Сучасна українська мова 1969, с. 59—60, 138, 246, 387, рис. 5, 6, 64а, 65а]; следует учитывать, что фотоснимки на рис. 5 и 6 перепутаны).

У польского [u̯], как и у севернорусского и украинского [ў], более высокий подъем задней части спинки языка, чем у невеляризованного [l]. Однако эта разница в подъеме языка вполне объяснима. Когда у переднеязычного бокового невеляризованного согласного произошло изменение основной артикуляции и кончик языка отодвинулся от места, где он образовывал смычку, то должна была возникнуть артикуляция неслогового гласного типа [ъ], завершающего слог. Такой гласный слабо контрастировал с предшествующим ему слоговым гласным. Возможно, для усиления этого контраста возникли дальнейшие изменения артикуляции неслогового гласного: произошел сдвиг массы языка назад и повышение его подъема. (Характерно, что в различных языках в качестве неслоговых гласных чаще всего выступают именно гласные верхнего подъема, как наименее сонорные гласные).

3.2.2. Есть еще одно обстоятельство, заставляющее предполагать, что в русском языке [l] изменялся в [л], а не наоборот. Основное различие этих звуков в том, что [л] — веляризованный согласный: при его образовании задняя часть спинки языка приподнята, а [l] — невеляризованный: при его образовании задняя часть спинки языка опущена или распластана в средней, нейтральной зоне ротовой полости. Веляризация же твердых согласных появлялась в русском языке в связи с возникновением и развитием категории твердости/мягкости.

Н. С. Трубецкой писал: «Чтобы особенно резко оттенить это противоположение, задняя часть языка при образовании непалатализованных согласных часто приподнимается к мягкому нёбу» [Трубецкой 1960, с. 153]. Следует, однако, учитывать, что приподнятие задней части спинки языка к мягкому нёбу при образовании в русском языке твердых согласных, как и приподнятие передней части спинки языка к твердому нёбу при образовании мягких согласных, является следствием

другого, основного движения языка при образовании твердых и мягких согласных — «сосредоточения массы языкового тела в задней части ротовой полости» или в передней [Брок 1910, с. 29; см. также Скалозуб 1963, с. 18, 21, 27, 31, 32, 63—64; Дюрэн 1977, с. 74]. Чтобы резче оттенить противоположение твердых и мягких согласных, необходимо дальше оттянуть назад или продвинуть вперед тело языка. А это естественно приводит к тому, что сжатое спереди или сзади тело языка «выпирает» вверх. Так возникает веляризация и палатализация согласных как дополнительная артикуляция.

В современных фонетических исследованиях палатализацию и веляризацию часто называют дополнительной артикуляцией, имея в виду то, что она выступает наряду с образованием основного фокуса артикуляции согласного: губного, переднеязычного, среднеязычного, заднеязычного [см., например: Аванесов 1956, с. 143—144; Зиндер 1979, с. 131—136; Матусевич 1976, с. 126—127; Панов 1979, с. 24]. Однако палатализацию и веляризацию можно считать также дополнительной артикуляцией по отношению к основному движению языка при образовании мягких и твердых согласных: сдвигу тела языка вперед или назад.

Произнесение невеляризованного [l], следовательно, можно рассматривать как свидетельство отсутствия или слабой развитости противопоставления согласных по твердости/мягкости.

3.2.3. Этот вывод может быть подкреплен следующими соображениями. Артикуляция отдельного звука всегда соотносится со всей артикуляционной базой данного языка или данного говора. Севернорусский [l] характеризуется не только тем, что он не веляризован. Это еще и апикальный или какуминальный согласный. Такое качество свойственно не только [l]: в ряде севернорусских говоров апикальными или какуминальными могут быть и другие переднеязычные согласные; обычно это смычные [т, д, н], но в некоторых говорах и щелевые [с, з] [см. Высотский 1967а, с. 47; Кузнецова 1969, с. 44 сл.; 1977, с. 64—70]. При этом можно «предполагать, что в ряде русских говоров в прошлом апикальные и какуминальные взрывные были распространены в большей степени, чем в настоящее время, когда они все интенсивнее подвергаются воздействию систем с преимущественно дорсальным переднеязычным укладом» [Кузнецова 1969, с. 59].

Есть апикальные и какуминальные согласные и в украинских говорах, и у отдельных носителей украинского литературного языка. Иссле-

дователями украинского языка была отмечена следующая зависимость в артикуляции переднеязычных согласных: «В большинстве случаев наличие веляризации обусловливается общей индивидуальной направленностью артикуляционных движений. Так, веляризация обычно свойственна лицам, для произношения которых характерен твердый *л* и дорсально-зубная артикуляция переднеязычных. И наоборот, для лиц, которые произносят альвеолярный *л* и имеют апикально-какуминальную артикуляцию переднеязычных, веляризация, как правило, не свойственна» [Сучасна українська мова 1969, с. 188].

Артикуляторное исследование твердых согласных севернорусских говоров с точки зрения наличия или отсутствия у них веляризации не проводилось. Такое исследование предполагает «применение рентгенологической методики, что пока в полевых условиях неосуществимо» [Пауфошима 1978, с. 27]. Поэтому об отсутствии веляризации у твердых согласных ряда севернорусских говоров можно судить лишь по косвенным данным. Одно из них — указанная зависимость между апикальностью-какуминальностью и отсутствием веляризации переднеязычных согласных украинского языка. Другое — определяемый в некоторых севернорусских говорах на слух «особый повышенный тон твердых согласных, чему артикуляционно, очевидно, должно соответствовать отсутствие веляризации» [с. 27].

Диалектные системы с переднеязычными апикальными и какуминальными согласными не только не развивают веляризации, но и палатализация в них развита гораздо меньше, чем в системах с дорсальными переднеязычными [см. Кузнецова 1969, с. 61—62; 1977, с. 102—106]. При этом «чем большая апикальность, чем больше кончик языка загибается вверх при образовании согласного, тем меньшую ступень палатализации он обнаруживает. Наименьшие условия палатализации создает какуминальная артикуляция» [Сучасна українська мова 1969, с. 182]. На носителя литературного языка непалатализованные невеляризованные согласные производят впечатление полумягкости [ср. Кузнецова 1977а, с. 93; Чекман 1979, с. 45—46]. Так, по-видимому, и следует трактовать многочисленные примеры «полумягких» согласных, отмеченные на территории Вологодской группы севернорусского наречия.

Таким образом, система с апикальными и какуминальными переднеязычными согласными — более древняя, чем система с дорсальными переднеязычными. Вытеснение апикальной (какуминальной) артикуляции переднеязычных согласных дорсальной их артикуляцией связана с

возникновением и развитием в русском языке категории твердости/мягкости согласных. Апикальность согласных вступала в противоречие с развивающимся противопоставлением твердых и мягких согласных. Для более контрастного их различия мягкие согласные должны были развить палатализацию, а твердые — веляризацию. Этому препятствовала апикальность переднеязычных согласных, то есть тех согласных, у которых категория твердости/мягкости возникала в первую очередь. Препятствие это преодолевалось путем замены апикальных дорсальными[38].

3.2.4. Веляризации не было у переднеязычных согласных в эпоху падения редуцированных гласных не только в говорах Вологодской группы, но и во многих других говорах русского языка. Об этом мы можем судить по следующему языковому изменению того времени.

Известно, что в результате падения редуцированных гласных ⟨ъ, ь⟩ в конце слова могли возникать «труднопроизносимые» сочетания согласных с последним сонантом, который, по-видимому, становился сначала слоговым, а затем терял эту слоговость в результате передачи ее предшествующему эпентетическому гласному: *сестръ* > *сестер*, *огнь* > *огон'* [ср. Шахматов 1915а, с. 230; Иванов 1990, с. 176—177]. Такими вставными, гласными могли быть [о] и [е]. Выбор гласного зависел от предшествующего согласного. После заднеязычных согласных появлялся [о]; ср. в современном русском литературном языке *багор*, *огонь*, *уголь*, *угорь* 'прыщик', *свекор*, *вихор*, ср. также *игорный*, *икорка*, *кукольник*, *свекольник* и др. После переднеязычных и губных согласных, как правило, появлялся [е]: ср. *бедер*, *ведер*, *любезен*, *узел*, *помысел*, *плесень*, *восемь*, *вёсел*, *сосен*, *весен*, *песен*, *басен*, *тесен*, *ветер*, *костер*, *остер*, *хитер*; *бобер*, *ребер*, *рубель*, *земель*, *капель*, *тепел* и др. Исключения типа *узол*, *сосонка*, отмеченные в памятниках и современных говорах, единичны [см. Соболевский 1907, с. 53—54; Шахматов 1915а, с. 231—232, 241].

---

[38] А. М. Кузнецова считала, что вытеснение апикальной (какуминальной) артикуляции артикуляцией дорсальной было обусловлено «чисто внутренними фонетическими факторами, связанными прежде всего со сравнительно большей физиологической неустойчивостью апикальной (какуминальной) артикуляции взрывных по сравнению с дорсальной в силу большей напряженности их образования» [Кузнецова 1969, с. 60]. Но такое объяснение причин этого изменения не согласуется с тем, что во многих языках произношение апикальных согласных вполне устойчиво.

Возникновение этих эпентетических [о], [е] можно объяснить следующим образом. По-видимому, еще до падения редуцированных гласных в сочетаниях согласных могли произноситься гласные вставки [см. Марков 1964, с. 110—157], подобные тем, которые произносятся в современном русском языке типа [гъд'е], [пóръта], [гóръб'ик], [шърам], [п'отър] [см., например: Златоустова 1962, с. 86—89; Богомазов, Пауфошима 1975, с. 80—82; Любимова 1975; Баранов 1991; Калнынь 1993]. Этим вставным гласным был в древнерусском языке, очевидно, «нейтральный» гласный среднего ряда, среднего подъема типа современного русского литературного [ъ]. Этот гласный, как и в современном русском языке, аккомодировал соседним согласным. Заднеязычные всегда были велярными согласными. Поднятие задней части спинки языка у них основная артикуляция. Она и вызывала изменение следующего за ними вставного [ъ] в [о]. Переднеязычные согласные вызывали сдвиг этого [ъ] в более переднюю зону, где он совпал с [е].

Само по себе это различие в результатах прояснения вставного гласного после заднеязычных согласных и после согласных переднеязычных еще ничего не говорит о том, были ли в эту эпоху переднеязычные веляризованы или нет. Их переднеязычная артикуляция могла оказывать на вставной гласный более сильное аккомодирующее воздействие, чем веляризованность, если они были в эту эпоху веляризованы. Но то, что вставной гласный совпал с [е] после губных согласных, вполне очевидно говорит о том, что губные не были веляризованы. При образовании губных согласных передняя часть языка не напряжена. Если бы они были веляризованы, то задняя часть спинки языка должна была бы приподниматься к мягкому нёбу, как при артикуляции [о]. В этом случае вставной гласный должен был бы измениться в [о].

Можно ли предполагать, что в эпоху падения редуцированных гласных губные согласные в говорах русского языка были невеляризованы, а переднеязычные веляризованы? Да, для части русских говоров такое предположение вполне допустимо. Оно может быть сделано по отношению к тем говорам, в которых губные согласные не были противопоставлены по твердости/мягкости, а у переднеязычных согласных это противопоставление уже возникло. Наследниками этих говоров являются те современные русские говоры, у которых на конце слова могут выступать и твердые, и мягкие переднеязычные, а губные согласные в этой позиции только твердые.

Веляризованность — это не просто способ артикуляции всех твердых согласных. Это — средство усилить противопоставление твердых соглас-

ных мягким. Там, где такого противопоставления нет, веляризованность могла и не возникать. Так, например, твердые шипящие согласные в некоторых русских говорах, по моим наблюдениям, могут быть не веляризованы при веляризованности других твердых согласных [ср. Кузнецова 1977а, с. 93]. В литературном языке [ш, ж] могут быть двухфокусными с ярко выраженной веляризованностью. Но у некоторых носителей литературного языка [ш, ж] не веляризованы. На слух такие [ш, ж] производят впечатление полутвердых (полумягких), собственный тон этих звуков выше, чем у веляризованных. О возможности такой артикуляции [ш, ж] в литературном языке говорят и данные экспериментально-фонетических исследований [см. Конечна, Завадовский 1956, с. 76—78, рис. 222, 223; Скалозуб 1963, с. 34, 94; Реформатский 1970, с. 498].

Однако прояснение вставного гласного в [е] после губных согласных наблюдается и в говорах, легших в основу русского литературного языка. В этих говорах в настоящее время губные согласные, как и переднеязычные, знают противопоставление по твердости/мягкости. Есть у них различение по твердости/мягкости и на конце слова. Можно поэтому предположить, что в эпоху падения редуцированных гласных ⟨ъ, ь⟩ и рассматриваемого прояснения вставных гласных (то есть осознания говорящими этих гласных звуков как гласных фонем) противопоставление губных согласных по твердости/мягкости в русских говорах центра уже сформировалось. В этом смысле они не отличались от переднеязычных согласных (кроме ⟨ш, ж, ч, ц⟩). Один и тот же результат прояснения вставного гласного после губных и переднеязычных согласных в [е] в говорах центра свидетельствует об отсутствии у этих согласных веляризации в эпоху падения редуцированных гласных.

Таким образом, невеляризованность и апикальность (какуминальность) [l], как и невеляризованность других твердых согласных звуков некоторых севернорусских говоров, является наследством эпохи, когда отсутствует категория твердости/мягкости согласных. Возникновение противопоставления согласных фонем по твердости/мягкости может произойти и при отсутствии у твердых согласных звуков веляризации. Появление веляризации согласных и замена апикальной (какуминальной) артикуляции переднеязычных согласных на дорсальную были следствием развития у них категории твердости/мягкости.

4. В русском языке противопоставление по твердости/мягкости вначале возникает у пары [l]—[л'] ([л'']). В некоторых севернорусских гово-

рах противопоставления по твердости/мягкости у других согласных не возникало, а противопоставление [l]—[л'] утрачивалось (см. выше). В других русских говорах противопоставление по твердости/мягкости возникало и у других согласных. Но у ⟨л⟩—⟨л'⟩ сохранялись в этих говорах особенности поведения, отличающие эту пару от других парных по твердости/мягкости согласных фонем (см. ниже, с. 462—463). Можно ли объяснить, почему противопоставление по твердости/мягкости возникает сначала именно у этой пары?

Звук [l] (как и [л]) боковой, при его артикуляции края языка опущены. Поэтому даже небольшое продвижение тела языка вперед вызывает «выпирание» его вверх, то есть палатализацию. Для возникновения палатализации у других согласных необходимо было более энергичное продвижение тела языка в переднюю зону ротовой полости.

Такое продвижение тела языка происходило в южнорусских говорах и в говорах центра, а в севернорусских говорах (по крайней мере в их части) не происходило. Причину этой разницы между говорами следует усматривать, по-видимому, в характере севернорусских и южнорусских гласных переднего ряда. В южнорусских говорах и говорах центра гласные переднего ряда образовывались в более передней зоне ротовой полости, чем гласные переднего ряда севернорусских говоров. Более передние гласные «подтягивали» к себе предшествующие согласные и вызывали их палатализацию (ср. замечание Р. И. Аванесова о большей палатализующей силе гласных переднего ряда в южнорусских говорах [Аванесов 1949, с. 163]). Гласные же, образованные в передне-среднем ряду (каковы, в частности, гласные ряда вологодских говоров; см. ниже, с. 365—366) не могли вызвать палатализацию предшествующих согласных.

Поэтому в таких севернорусских говорах в эпоху падения редуцированных не было основы для возникновения корреляции по твердости/мягкости, так как перед гласными переднего ряда (то есть переднесреднего) произносились непалатализованные согласные. Палатализованным (или палатальным) в этой позиции был только [л'] ([л'']). (Палатальными, по-видимому, в этих говорах были и [ш'', ж'', ц''']. Но это их качество не было связано с позицией перед гласными переднего ряда, в связи с чем и не возникало противопоставления этих согласных соответствующим твердым: таких твердых в говорах не было).

5. Какова же причина изменения [l] > [ў] в севернорусских говорах (а также и в других славянских языках)? Это изменение, полагаю, связа-

но с ослаблением напряженности артикуляции согласного. Наиболее напряженная часть языка при произношении [l] — его кончик, загнутый вверх к альвеолам. При ослаблении напряженности кончик языка отрывался от альвеол, а в связи с этим масса языка смещалась несколько назад и вверх. Возникала артикуляция звука, по тембру напоминающая [у].

Перед гласным произношение такого неогубленного [ў] спорадически встречается на всей территории севернорусского наречия [см.: Теплова 1967, с. 158; ДАРЯ, вып. 1, карта 61; Русские говоры 1991, с. 172, 217]. При этом произношение [ў] в данной позиции встречается всегда наряду с [l]. Думаю, что в этой позиции в русских говорах никогда и не было последовательного изменения [l] > [ў][39], а произносились на месте ⟨л⟩ оба эти звука в соответствии с разной степенью напряженности данного участка речевого потока. Иное дело конец слога. Здесь изменение [l] > [ў] было последовательным в большом числе говоров северного наречия русского языка.

Слабая напряженность артикуляции звонких согласных — типичная особенность севернорусских говоров. Проявлением ее, в частности, является спирантизация звонких смычных шумных согласных (см. ниже, с. 239—241), слабость выдоха у сонорных [м, н] на конце слова [см.: Русские говоры 1991, с. 199], наличие неслоговых гласных звуков как вариантов не только ⟨л⟩, но и ⟨в⟩, а также в более широком круге позиций, чем в других говорах у ⟨j⟩ [ср.: Бромлей 1985].

6. Ареалы произношения [ў] на месте ⟨л⟩ и на месте ⟨в⟩ в севернорусских говорах пересекаются, частично совпадают. В таких говорах отмечено и произношение [w] на месте ⟨в⟩ и ⟨л⟩.

Указав на закономерность в распределении [w] и [ў], представляющих ⟨в⟩, состоящую в том, что «[w] преобладает перед гласными, [ў] — перед согласными», С. В. Бромлей высказывает предположение, что «такая же закономерность была бы выявлена и для соответствующих замен твердого [л] в говорах северо-востока, если бы на позицию перед гласными было больше материала» [Бромлей 1987, с. 79].

Если бы, действительно, на месте исконных *л* и *в* произносились одни и те же звуки — [w] перед гласными и [ў] перед согласными и на конце

[39] Так считает С. В. Бромлей [Бромлей 1987, с. 76].

слова, это значило бы, что фонемы эти совпали, перестали различаться. Позднее, когда под влиянием литературного языка возникло бы стремление к разграничению этих фонем, это неизбежно привело бы к гиперизмам, то есть к случаям неправильного «восстановления» ⟨л⟩ на месте этимологического *в* и наоборот (см. выше, с. 115—120). Однако такие гиперизмы известны только в позиции конца слова и перед согласным и не отмечены в позиции перед гласным [см. Теплова 1967, с. 173—174].

С. В. Бромлей предполагает, что совпадения ⟨л⟩ и ⟨в⟩ в говорах не было благодаря тому, что «наиболее чистые системы типа [ў] ([w])—[ў] в соответствии с общерусской [л]—[л][40], т. е. системы с последовательной заменой [л] твердого на [ў], ([w]), могли возникать только там и постольку, где и поскольку губной спирант уже получил губно-зубное образование ([w] > [в])» [Бромлей 1987, с. 78].

Думаю, что отсутствие совпадения ⟨л⟩ и ⟨в⟩ в позиции перед гласными непереднего ряда (при их совпадении перед согласными и на конце слова) объясняется другим: при [w] в соответствии с ⟨в⟩ в этой позиции типичная реализация ⟨л⟩—[l], а также нелабиализованный гласный [ў], [o̯], но не губной согласный [w], произносящийся с напряженными губами. Написание *w* в диалектологических работах в любой позиции, как правило, представляет собой либо неточную передачу неслогового гласного (не согласного), воплощающего ⟨л⟩ или ⟨в⟩, либо согласный [w], воплощающий ⟨в⟩.

Итак, древнейший представитель славянской фонемы ⟨л⟩—звук [l]. Его изменение в [л] обусловлено возникновением корреляции согласных по твердости/мягкости. Изменение [l] в [ў], [o̯] в севернорусских говорах (как и в других славянских языках) связано со слабой напряженностью этого звука. Звуки [ў], [o̯], произносящиеся на месте ⟨л⟩ в русских говорах (и в ряде других славянских языков), обычно нелабиализованные. В позициях конца слова и перед согласным ⟨л⟩ и ⟨в⟩ в севернорусских говорах могут совпадать в звуках [ў], [o̯], но не в [w], который произносится только в соответствии с ⟨в⟩, обычно перед гласным и в начале слова, реже—перед согласным и на конце слова[41].

---

[40] Имеются в виду звуки, выступающие в двух позициях: 1) перед гласным—2) перед согласным и на конце слова.

[41] Первые публикации—[Касаткин 1993а; 1996б].

История твердости/мягкости заднеязычных согласных

Развитие в русском языке мягкости у заднеязычных согласных и формирование у них противопоставления по твердости/мягкости проходило иначе, чем у других согласных. Ряд фонетических изменений, затрагивавших в прошлом заднеязычные согласные, мог проходить именно в результате того, что противопоставление по твердости/мягкости у этой группы согласных еще не сформировалось. Этими изменениями были переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] и прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. Об этом же говорит и отсутствие регрессивного ассимилятивного смягчения переднеязычных согласных перед мягкими заднеязычными. Однако к настоящему времени формирование категории твердости/мягкости у заднеязычных согласных, по-видимому, закончилось во всех русских говорах, как и в русском литературном языке, а в части говоров возникло еще до падения редуцированных гласных. Доказательства этого следующие.

I. Переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] в русском языке

1. По вопросу об изменении [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] высказывались разные точки зрения. А. А. Шахматов выдвинул предположение, что причиной этого перехода было «изменение в самой природе звука *ы*»: звук [ы] из ряда заднесреднего перешел в средний ряд, и в связи с этим изменились предшествующие ему задненебные; но язык не имел средненебных согласных в несмягченном виде, это привело к переходу их в средненебные смягченные, а это в свою очередь «влекло за собой

изменение самого *ы* в гласную переднего ряда *и*» [Шахматов 1909—1910, с. 132—134, 175]. Позднее А. А. Шахматов писал, что переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] был вызван, по-видимому, изменением в природе задненебных согласных, а именно потерей ими лабиовелярного характера. Потеря ими этого свойства вела к уподоблению их следующему гласному среднего ряда [ы] [Шахматов 1915а, с. 34—35, 312].

Однако предполагать, что переход [ы] из заднесреднего ряда в средний должен был повлечь за собой смягчение задненёбных согласных, нет оснований. Так, например, в украинском языке на месте прежнего [ы] произносится звук [и̇], который фонетистами определяется как звук переднего ряда [см. Сучасна українська мова 1969, с. 64, 243]. Но даже и перед таким [и̇] произносятся твердые заднеязычные согласные: *кину*, *такий*, *гинути*, *загибель*, *хиба*, *сухий* и т. п. [с. 256—257].

Слабое место этой гипотезы также в том, что предполагается невозможность сохранения нелабиализованных задненебных перед гласным среднего ряда [ы]. Однако ни с точки зрения физиологии, ни с точки зрения фонологии в этом нет ничего невозможного. Кроме того, неясно, чем могла быть вызвана утрата задненебными лабиализации перед [ы] при сохранении ее в других позициях, что обнаруживается инструментальными методами исследования в современном русском языке [см. Скалозуб 1963, с. 53].

Р. О. Якобсон и Р. И. Аванесов связывают переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] с падением редуцированных гласных. По мнению Р. О. Якобсона, падение редуцированных привело к тому, что в русском языке противопоставление передних/непередних гласных потеряло фонологическую значимость. В связи с этим появилась тенденция к унификации гласных фонем. Эта тенденция могла привести к сближению переднего и заднего вариантов фонемы, реализовалась она в большинстве случаев в виде обобщения основного варианта фонемы в позиции после внепарного согласного, в частности в переходе [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] [Якобсон 1929, с. 61—62]. Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] действительно следует рассматривать как замену одного варианта гласной фонемы другим ее вариантом. Однако нельзя эту замену объяснять существованием универсальной языковой закономерности унификации фонем, проявляющейся в данном случае в замене неосновного варианта фонемы ее основным вариантом. Такой закономерности, по всей видимости, нет. Ей противоречат многочисленные факты длительного сосуществования в языках разных вариантов одной и той же фонемы. Более

того, наличие разных вариантов одной и той же фонемы само представляет универсальную языковую закономерность.

Р. И. Аванесов допускает возможность того, что истоки процесса перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] связаны с делабиализацией [к, г, х], происходившей наряду с делабиализацией и других согласных: [т, д, с, з] и др. Однако он считает, что делабиализация [к, г, х] представляла собой только «физиологическую потенцию» для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и]. Осуществиться она смогла потому, что после падения редуцированных «зона [ky]—[k'i], [gy]—[g'i], [chy]—[ch'i] была нерасчлененной, взаимно нейтральной», и «для изменения [ky], [gy], [chy] в [k'i], [g'i], [ch'i] не было препятствий в системе языка, в то время как сочетание [ty] и др. не могли измениться в [t'i] и др.— этому препятствовало наличие особой, используемой в языке зоны [t'i] и др.» [Аванесов 1947, с. 256—257]. Однако и здесь остается неясным, почему после делабиализации согласных не могли сохраняться сочетания [кы, гы, хы].

2. Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] может быть объяснено как результат устранения некоторых противоречий, возникавших в процессе изменения фонологической системы в связи с формированием у согласных фонем дифференциального признака «твердость/мягкость».

В истории значительной части говоров русского языка можно выделить три последовательных этапа, характеризовавшихся разными сочетаниями заднеязычных звуков со звуками [и, ы]. На первом этапе существовали сочетания [кы, гы, хы], не было сочетаний [к'и, г'и, х'и] и звуки [к', г', х'] отсутствовали. На следующем этапе продолжали существовать сочетания [кы, гы, хы]. Однако уже стали возможны и сочетания [к'и, г'и, х'и], наряду с [к', г', х'] перед другими гласными переднего ряда. Такие сочетания представлены в древнерусских памятниках в заимствованных словах (например, *китъ*, *гигасъ*, *хитонъ*, *кедръ*, *евангелиѥ*, *хѣровимъ* и т. п.), а также в тех случаях, когда [к', г', х'] могли появляться на месте [ц', з', с'] в результате выравнивания основы (например, *женьскѣ*, *кр(с)тьянскии*, *розгѣ*, *пасхѣ* и т. п. [примеры см., в частности, Шахматов 1915а, с. 176—177]. На третьем этапе в результате изменения [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] становятся возможными только сочетания [к'и, г'и, х'и].

Рубеж между вторым и третьим этапами совпадает с коренной перестройкой фонологической системы русского языка, связанной с падением редуцированных гласных. В это время оформляется противопостав-

ление «мягких» и «твердых» согласных фонем, а признак ряда («передний»/«непередний») перестает быть дифференциальным признаком гласных фонем, превращаясь в обусловленный предшествующей согласной фонемой признак гласных звуков [Якобсон 1929; Аванесов 1947; Лант 1956].

На всех этих трех этапах[42] звуки [к, г, х] и [к', г', х'] были позиционно обусловлены и воплощали фонемы ⟨к, г, х⟩, не обладавшие дифференциальным признаком «твердость/мягкость» (или воплощали соответствующие члены силлабемы, по Р. И. Аванесову, или группо-фонемы, по В. К. Журавлеву). Иное положение было со звуками [и, ы]. Если раньше звуки [и, ы] воплощали разные фонемы ⟨и, ы⟩ то на рубеже второго и третьего этапов эти фонемы совпали в одной, а звуки [и, ы] стали воплощать одну фонему и разница между ними стала позиционно обусловленной.

В фонетическом смысле эта обусловленность заключалась в том, что [ы] возможен только после твердых согласных звуков, а [и] возможен только в начале слова и после мягких согласных звуков. С этой точки зрения сочетания [кы, гы, хы] были закономерны на всех этапах так же, как [бы, пы, ты, ды] и т. п. и [б'и, п'и, т'и, д'и, ш'и, ж'и] и [к'и, г'и, х'и] и т. п.

Однако позиция, в которой производился выбор между [и] и [ы], получает фонологический смысл, который является определяющим в этом выборе. В фонологическом смысле важным оказывается не то, после какого согласного звука, твердого или мягкого, выступает [ы] или [и], а то, после какой согласной фонемы выступает [ы] или [и] — после «твердой» или после «мягкой». После «твердых» фонем выступает [ы], а после «мягких» фонем — [и]. Кроме того, существует еще положение начала слова и положение после согласных фонем, не обладающих дифференциальным признаком «твердость/мягкость»: ⟨ш, ж, ч, ц, j⟩ и ⟨к, г, х⟩. Оба эти положения представляют собой одну и ту же позицию, так как в указанном фонологическом смысле они едины: и в том, и в другом случае перед фонемой ⟨и⟩ стоит единица, не обладающая дифференциальным признаком «твердость/мягкость». Таким образом, на третьем этапе выделяются три позиции, в которых могла

[42] Мы не касаемся здесь следующего этапа, когда в русских говорах и в литературном языке возникает противопоставление «твердых»/«мягких» заднеязычных фонем [Касаткин 1968, с. 62—66; 1996, с. 123—124].

быть фонема ⟨и⟩: 1) после «твердой» согласной фонемы, 2) после «мягкой» согласной фонемы и 3) после единицы, не обладавшей указанным признаком.

Формирование фонологической закономерности, по которой выбор [и] или [ы] определялся положением фонемы ⟨и⟩ в одной из указанных трех позиций, опиралось на уже существовавшие в языке отношения между твердыми и мягкими согласными звуками и звуками [и, ы]. Однако формирование этой закономерности сталкивалось со следующим противоречием. В третьей позиции, единой в фонологическом смысле, фонема ⟨и⟩ получала не единственное выражение. В большинстве случаев фонема ⟨и⟩ воплощалась в этой позиции в звуке [и], и только после фонем ⟨к, г, х⟩ она могла воплощаться в звуке [ы]. Это «столкновение» фонологии и фонетики разрешилось в пользу фонологии: в третьей позиции фонема ⟨и⟩ стала воплощаться в одном звуке; этим звуком стал [и], так как в большинстве случаев в этой позиции именно он воплощал фонему ⟨и⟩. Поэтому после фонем ⟨к, г, х⟩ фонема ⟨и⟩ стала воплощаться в звуке [и], а звуки [к, г, х] заменились звуками [к', г', х'], так как перед звуком [и] могли быть только мягкие согласные звуки [см. также: Паулини 1963, § 23].

3. Рассмотренное изменение было характерно для многих русских говоров. Однако ряд севернорусских говоров этим изменением как процессом фонетическим, по-видимому, затронут не был.

В материалах Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы отмечены примеры произношения [кы, гы, хы] в различных населенных пунктах на территории северного наречия: 1 *сухы́йе*, *рускых*; 77 *погы́бл'и*; 93 *помогы́*; 118 *кыб'ит'ен'к'и*; 178 *д'е́ўоч'кы*; 179 *шшэпкы*; 183 *р'икы́*; 185 *на рыкы́*, *ру́кы*, *со́лнышкы*; 238, 241 *кы́ска*; 358 *фс'а́кыйи*; 361 *н'ив'е́скы*, *другы́*; 529 *на р'акы́*, *на нагы́*; 557 *на нагы́*; 565 *нъ нагы́*; 629 *кып'ато́к*; 634 *русакы́*; 665 *н'е́ за кым*; 685 *из кып'ач'ён'йа*; 753 *ма́ркы*, *кы́ска*; 786 *кы́сон'к'и*; 788 *кы́clo*; 809 *до́ўгы*; 853, 897 *кы́ска*; 925 *скы́рды*; 948 *кырп'и́ц*; 987 *кы́ска*; 1223 *кыло́м'етроф*, *кыло́м'етр*; 1408 *кы́ска* [см. Атлас С, карта 98 «Звуки на месте мягких *к*, *г*», автор Л. Л. Касаткин]. В слободском и кожуховском говоре я отметил слова *кыц'и́га*, *могы́ла*, *нагышо́м*. В разных местах Архангельской области, по данным О. Г. Гецовой, до сих пор говорят *кычи́га*, *кы́слой*, *кы́мо*, *кы́да*, *шкы́рка*, *шкырча́ть*, *книгы́ня*, *другы́жда*, *гы́ря*, *из Ры́гы*, *музгы́рь*, *музгырёвой*, *гы́гаться*, *хы́шнуть*, *хы́рать*, *хырча́ть*, *хы́нбать* и др. [Гецова 1979, с. 183—184].

Сохранение [кы, гы, хы] в севернорусских говорах может объясняться разными причинами, заключавшимися в особенностях фонологических систем этих говоров. Так, в слободском, кожуховском и других вологодских говорах фонемы ⟨и⟩ и ⟨ы⟩ не совпали в одной фонеме, звуки [и] и [ы] продолжают выступать как представители разных фонем. Перед [и] сохраняется мало поколебленное произношение твердых [к, г, х]. Следовательно, в этих говорах не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

В архангельских говорах, как, возможно, и во всех остальных говорах, развившихся из древнего новгородского диалекта, была другая причина для сохранения [кы, гы, хы]. Здесь рано возникло противопоставление твердых и мягких заднеязычных согласных. Об этом могут говорить написания причастий *рькъ*, *поверьгъ*, *сверьгъ* и т. п. в новгородских памятниках XIV в. [см. Шахматов 1909—1910, с. 553].

Об этом же говорит и форма повелительного наклонения от глагола *лечь* — *ле*[к'], отмеченная П. С. Кузнецовым в архангельских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы [Кузнецов 1949, с. 36] и О. Г. Гецовой в ряде других архангельских говоров (по ее устному сообщению), а также пример *поп'ер'ёк'* (поперёк), записанный мною в трех говорах Лешуконского района Архангельской области.

Раннее возникновение противопоставления заднеязычных согласных по твердости/мягкости в русских говорах северо-запада было связано, по-видимому, с другой особенностью заднеязычных на этой территории — отсутствием у них второй палатализации. Смягчение заднеязычных перед *ѣ* и *и* дифтонгического происхождения не приводило здесь к совпадению заднеязычных со свистящими [см. Глускина 1968; Зализняк 1984, с. 77—95; 1995, с. 37].

Звуки [к', г', х'] возникли здесь гораздо раньше, чем в говорах других русских областей, еще до падения редуцированных гласных ⟨ъ, ь⟩. Поэтому и противопоставление ⟨к, г, х⟩ и ⟨к', г', х'⟩ могло сложиться здесь тогда же, когда возникало противопоставление по твердости/мягкости у переднеязычных согласных. Следовательно, и здесь не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

Чем же объяснить, что все-таки в большинстве случаев мы находим в слободском и кожуховском говорах [ки, ги, хи], в архангельских говорах [к'и, г'и, х'и], а примеры с [кы, гы, хы] единичны? По-видимому, это объясняется инодиалектным воздействием. Замена сочетаний [кы, гы, хы] на [ки, ги, хи] и [к'и, г'и, х'и] произошла здесь под влиянием литературного языка и говоров, знающих произношение [к'и, г'и, х'и].

II. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных

1. Прогрессивному ассимилятивному смягчению заднеязычных согласных в русских говорах посвящена монография [Зеленин 1913]. Богатые материалы ДАРЯ позволили вновь вернуться к рассмотрению этого явления в работе [Касаткин 1968]. В этой работе дано фонологическое объяснение причин и условий возникновения данного явления.

Перед падением редуцированных гласных система согласных характеризовалась наличием твердых и мягких звуков. Большая часть этих звуков образовывала пары по твердости/мягкости: [т]—[т'], [д]—[д'] и т. п. Твердые согласные выступали перед гласными непереднего ряда, мягкие согласные — перед гласными переднего ряда. Могли быть и сочетания согласных звуков [см. Колесов 1980, с. 60—61; Иванов 1990, с. 80—82]. В этих сочетаниях согласные звуки, как правило, были однородны с точки зрения твердости/мягкости: [СС] и [С'С']. Возможно, что некоторые согласные перед мягкими согласными были немягкими: твердыми или полумягкими: [СС'] или [С˙С']. Были сочетания типа [С'С], у которых мягкость [р'] возникала в результате аккомодации предшествовавшему [ь]: *ць*[р'к]*ьва*, *вь*[р'х]*у* и т. п. [см. Шахматов 1915а, с. 52—54, 179—181].

В эпоху силлабем мягкость и твердость согласных звуков и переднее и непереднее образование гласных звуков были неразрывно связаны в пределах одной силлабемы — мягкого или твердого слога. Поэтому как ряд гласного звука, так и твердость и мягкость стоящего перед ним согласного звука были сами по себе в этот период признаками фонологически несущественными. Согласные, стоящие перед другими согласными, также не противопоставлялись по твердости/мягкости. Этот их признак был обусловлен характером всего слога. Поэтому твердость и мягкость согласных, стоящих перед другими согласными, также были признаками фонологически несущественными.

Затем некоторые согласные, стоящие перед гласными, стали противопоставляться по твердости/мягкости, этот их признак стал фонологически существенным. Противопоставление это возникло в языковом сознании говорящих (то есть в языковой системе) еще до падения редуцированных. При этом согласные, стоявшие перед согласными, по-прежнему не могли противопоставляться по твердости/мягкости, так как этот их признак продолжал быть обусловлен характером следующего согласного или предыдущего гласного.

Тенденция к однородности сочетаний согласных, с точки зрения твердости/мягкости входящих в них звуков, была заложена еще в праславянскую эпоху. Падение редуцированных гласных привело к появлению в русском языке большого числа сочетаний типа [C'C], [CC'], нарушавших закономерность предшествующей эпохи. Эти сочетания подвергались ассимиляции. При этом ассимиляция обычно была регрессивной: зависимость твердости или мягкости согласного от твердости или мягкости следующего согласного также сложилась в предшествующую эпоху. (Такая же зависимость была и с точки зрения глухости/звонкости.)

Однако если первый мягкий согласный был переднеязычным, а второй твердый — заднеязычным или губным, ассимиляции по твердости не происходило. В части же говоров возникло прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных.

Русские говоры, знающие результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных, отличаются друг от друга по охвату этим изменением разных заднеязычных. В южнорусских говорах такому смягчению подвергся только [к]: *Ва*[н'к']*я* и т. п. В севернорусских говорах смягчались все заднеязычные [к, г, х, ɣ]: *Ва*[н'к']*я*, *де*[н'г']*ям*, *све*[р'х']*ю*, *О*[л'j]*я* и т. п. Различаются русские говоры и по составу согласных, после которых происходило прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных. Во всех говорах, знавших этот процесс, он шел после согласных, парных по твердости/мягкости. Не было этого изменения после ⟨ш, ж⟩. В части говоров, знавших этот процесс, его не было после звуков, выступавших на месте *ч*, и/или после ⟨j⟩.

Всем этим фактам в работе [Касаткин 1968] было дано фонологическое объяснение. В южнорусских говорах твердость звуков [ɣ, х] была в период прогрессивного смягчения [к] фонологически существенна. Поэтому [ɣ, х] здесь не подвергались ассимиляции. Звуки же, воплощавшие ⟨ш, ж⟩, а также ⟨ч⟩ и ⟨j⟩ в той части говоров, где прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных не было после них, либо были твердыми, либо мягкость их была фонологически несущественна. Поэтому после этих звуков и не происходило смягчения заднеязычных согласных [с. 93—108].

1.1. Одно из выдвинутых мной обоснований указанного своеобразия реализации прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных вызвало возражение С. В. Бромлей [Бромлей 1973].

Отсутствие смягчения [ɣ] в южнорусских говорах я объяснял следующим образом. В ряде современных южнорусских говоров я установил коррелятивную пару фонем ⟨ɣ⟩—⟨j⟩, противопоставленных по твердости/мягкости.

Фонема ⟨ɣ⟩ в этих говорах — это «твердая» фонема, а ⟨j⟩ — «мягкая», и твердость звука [ɣ] признак фонологически существенный (см. выше, с. 80—81).

Говоры этого типа отмечались на территории южнорусского наречия разными диалектологами [см.: Аванесов 1952, с. 37 и след.]. Сейчас такие говоры уже почти вытеснены говорами, различающими [ɣ'] и [j] [см.: Высотский 1949б, с. 90]. Однако есть основание предполагать широкое распространение говоров этого типа в древнерусском языке.

Свидетельством этого могут быть ошибки в передаче ⟨ɣ⟩ и ⟨j⟩ в древнерусских памятниках. Так, с одной стороны, встречаются написания *ана рѣина*, *кнѣиня*, *анѣлъ*, *у ѣваньѣлихъ* и т. п., а с другой стороны, написания *генварь*, *гета*, *алилугиа*, *юргевну* и т. п. [см.: Шахматов 1915а, с. 177; Соболевский 1907, с. 127]. Происхождение этих ошибок объясняется произношением [ɣ], чередующегося перед гласным переднего ряда с [j][43].

При этом в соответствии с буквой *г* мог произноситься как звук [ɣ] так и звук [j], причем, как правило, в соответствии с *г* произносился [ɣ] перед гласными ⟨а, о, ѡ, у⟩, а [j] перед гласными ⟨и, е, ѣ⟩: *нога* (*но*[ɣ]*а*) — *ноги* (*но*[j]*и*), *бога* (*бо*[ɣ]*а*) — *о богѣ* (*о бо*[j]*ѣ*) и т. п. Но звук [j] имел и другое обозначение. Так, перед ⟨е, а, у⟩ [j] мог обозначаться при помощи йотации гласной буквы: *ѥго*, *ѩзыкъ*, *стою* ([[j]*его*, [j]*азыкъ*, *сто*[j]*у*) и т. п., а перед ⟨и, ѣ⟩ не получать особого обозначения: *ихъ*, *мои*, *тоѣ* ([j]*ихъ*, *мо*[j]*и*, *то*[j]*ѣ* и т. п.)[44]. Таким образом, оказывалось, что звук [j] в одной и той

[43] Е. Ф. Будде писал по этому поводу: «Известная надпись *ана рѣина* (Anna regina) дочери Ярослава Мудрого, бывшей замужем за Франциском I, на монете, не могла быть осмыслена без знания физиологии произношения g = ɣ, ɣ' = j и без знания соотношения между др.-русской графикой и живыми звуками русского языка в его наречиях (в частности, в южнорусском наречии). Срв. древн.-моск. *кнеиня* или современное ю.-в.-р. «ноји» = ноги и под.» [Будде 1913, с. 63]. Впрочем Е. И. Мельников считает, что написание *рѣина* могло отражать старофранцузское произношение этого слова [Мельников 1959, с. 116]. А. П. Сумароков полагал, что «генварь выдумали старинные подъячие, находя в литере *г*, когда она как латинское *h* произносится, некое величество и пышность» [Сумароков 1787, с. 41—42].

[44] Если считать, что *j* перед *и*, *ě* в древнерусском языке произносился [см. Борковский, Кузнецов 1965, с. 60, 77—78], вопреки тому мнению, что в древнерусском

же позиции мог передаваться на письме двояко: перед ⟨е⟩ — *ѥго* ([j]*его*) и *гетманъ* ([j]*етманъ*), перед ⟨и, ѣ⟩ — *ихъ* ([j]*ихъ*), *мои* (*мо*[j]*и*), *тоѣ* (*то*[j]*ѣ*) и *гибель* ([j]*ибель*), *ноги* (*но*[j]*и*), *ногѣ* (*но*[j]*ѣ*).

Чем же определялся выбор того или иного способа обозначения [j]? Дело в том, что звук [j] мог воплощать в одних позициях фонему ⟨j⟩, в других — архифонему (гиперфонему) ⟨γ/j⟩. Так, в позиции перед ⟨а, у⟩ (после изменения *е* > *о* также и перед ⟨о⟩) фонемы ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ различались, например, *но*[γ]*а* — *мо*[j]*а* и т. п. Поэтому звук [j] перед ⟨а, у⟩ воплощал фонему ⟨j⟩. В позиции перед ⟨и, е, ѣ⟩ фонемы ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ не различались; в этой позиции выступала архифонема или гиперфонема ⟨γ/j⟩, воплощенная в звуке [j]. Если звук [j] воплощал архифонему ⟨γ/j⟩ (например, *но*[j]*и*, *мо*[j]*и*), то выбор способа обозначения звука [j] на письме определялся тем, какая фонема выступает в данном морфе в сильной позиции: если ⟨γ⟩ — то использовалась буква *г*, если ⟨j⟩ — то использовался другой способ: при *но*[γ]*а* — *нога* и *ноги*; *мо*[j]*а* — *моѩ* и *мои*. Если же [j] воплощал гиперфонему ⟨γ/j⟩ (например, *ан*[j]*ел*, [j]*еремей*), то выбор того или иного способа определялся исключительно традицией. В этих случаях и возникала возможность ошибочного написания. Так появилось написание *г*, соответствовавшее этимологическому *j*, и написание, обозначавшее [j] в соответствии с этимологическим звонким заднеязычным согласным. Такие ошибки могли возникнуть только в том случае, когда ⟨j⟩ и «звонкая» «заднеязычная» фонема, обозначавшаяся буквой *г*, в определенных позициях не различались. А это могло быть, очевидно, только при щелевом произношении звонкого заднеязычного — [γ] [см. Касаткин 1968, с. 51—52, 93—94].

Таким образом, показания современных южнорусских говоров позволили сделать вывод о нейтрализации ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ в некоторых позициях. Характер этой нейтрализации свидетельствует о том, что фонемы ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ противопоставлены как «твердая» «мягкой». Примеры древнерусских памятников говорят о том, что то же взаимоотношение между ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ было уже в говорах древнерусского языка. Отсюда следовал вывод: [γ] в южнорусских говорах не подвергался прогрессивному ассимилятивному смягчению, так как его твердость (в отличие от [к]) была фонологически существенна.

1.2. Со всеми этими положениями не согласилась С. В. Бромлей, выдвинувшая свое объяснение «того, что в южнорусских говорах [к] мог

языке не могло быть сочетания *j* с *и*, *ѣ*, так как *ѣ* после *j* изменялся в *е*, а *j* перед *и* исчезал [см. Шахматов 1915а, с. 21, 28, 55].

подвергаться прогрессивной ассимиляции, тогда как [γ] не мог: *уго*[л'к']*а*, но *О*[л'γ]*а*». Причиной этого, по мнению С. В. Бромлей, было «отсутствие позиционной мягкости у /γ/ при наличии ее у /к/ в эпоху, следующую за падением редуцированных (по-видимому до XVI в. включительно)» [Бромлей 1973, с. 60]. В качестве доказательства С. В. Бромлей приводит ряд соображений, каждое из которых вызывает серьезные возражения.

С. В. Бромлей указывает, что по данным ДАРЯ в южнорусских говорах «обычно ⟨...⟩ глаголы на задненебные согласные по своему поведению на границе морфем разделяют судьбу глаголов с основой на парные твердые согласные. Здесь отсутствует «историческое» чередование *к*/*ч* и *γ*/*ж*; при наличии в окончаниях фонемы /е/ выступает чередование к/к', *γ*/*γ*' (*пе*[ку]—*пе*[к'е]*шь*..., *бере*[γу]—*бере*[γ'е]*шь*, как и *не*[су]—*не*[с'е]*шь*), фонетически обусловленное; при наличии в окончаниях фонемы /о/ чередование носит морфонологический характер — чередуются соответствующие твердые и мягкие фонемы: *пе*[ку]—*пе*[к'о]*шь*, *бере*[γу]—*бере*[γ'о]*шь*, как и *не*[су]—*не*[с'о]*шь*.

Однако в значительном количестве ответов обнаружено, что глаголы с основой на [к-] и с основой на [γ-] могут относиться в системе I спряжения к разным морфонологическим подклассам: с чередованием (как и глаголы на все парные твердые согласные) здесь выступают только глаголы с основой на [к-] (*пе*[ку]—*пе*[к'о]шъ, как *не*[су]—*не*[с'о]шь), а глаголы с основой на [γ-] относятся к числу тех, конечный согласный которых в парадигме форм настоящего времени не чередуется. Такие глаголы входят в один подкласс с глаголами на непарные мягкие согласные, ср.: бере[γу], бере[γо]шь; как да[jу], да[jо]шь; р[жу], р[жо]шь и т. п.» [с. 59].

С. В. Бромлей приводит «суммированные цифровые данные относительно твердых заднеязычных перед [о] глагольных окончаний» по Атласу З и Атласу Ю: «только [к]—в 19 нас. п. (из них в 9 говорах с [г] взрывным); [к] и [г]—в 11 нас. п.; [к] и [γ] в 8 нас. п.; только [г]—в 30 нас. п.; только [γ]—в 143 нас. п.» [с. 63].

1.3. Из этого сопоставления видно, что отсутствует мягкость не только у [γ], но и у [к] и [г]. Отсутствие мягкости у [г] в среднерусских говорах С. В. Бромлей объясняет следующим образом: «Можно предполагать, что твердый [г] ⟨...⟩ является позднейшей заменой соответствующего твердого [γ], о чем в части таких говоров свидетельствует «оглушение» [г] на конце слова в [х]» [с. 60]. Но чем вызвана твердость [к] в этих

случаях, С. В. Бромлей не объясняет. Между тем примеры с [к] противоречат выдвинутому С. В. Бромлей положению: «наличие мягкости у /к/ (*пе*[к'о]*шь*...) и отсутствие ее у /γ/ (бере[γо]шь) должно быть объяснено тем, что у /к/ дифференциальный признак «твердость — мягкость» ко времени замены [е] на [о] в глагольных флексиях уже сформировался, тогда как у /γ/ он еще отсутствовал» [с. 60].

Примеры типа *б'ер'еγóш*, приводимые в ответах на «Программу» ДАРЯ, могут объясняться простой опиской: недостаточным вниманием авторов ответов к точности записи. Об этом же могут говорить примеры типа *п'екóш*, записанные в западных среднерусских и в южнорусских говорах (ср. приведенные выше данные С. В. Бромлей). То, что отсутствие знака мягкости гораздо чаще встречается у *γ*, чем у *к*, понятно: необычность транскрипции, по сравнению с орфографической записью, требует особого внимания эксплораторов. При этом написание *γ'ó* требует большего внимания, чем *к'ó*, в силу необычности самой буквы *γ*. При написании *пе*[к'ó]*ш* необычным с точки зрения орфографической записи, является знак мягкости, буква *о* и знак ударения. Буква же *к* есть и в орфографической записи (ср., *пекешь*, *пекёшь*). При написании же *бере*-[γ'ó]*шь*, кроме того, необычна и буква *γ* (ср. *берегешь*, *берегёшь*).

Произношение [к'о] в глаголах типа *пе*[к'о]*шь* необычно для носителя литературного языка только с точки зрения чередования в основе данного глагола. Звук [к'] обычен, сочетание [к'о] возможно в литературном языке: *ткёшь*, *ликёр*, *киоскёр* и т. п. Произношение же звука [γ'] противоречит литературной норме и с точки зрения морфологии, и с точки зрения фонетики. Необходимость передать в транскрипции фрикативность этого звука может подавить в сознании эксплоратора необходимость передать еще и его мягкость.

О случайности пропуска обозначения мягкости *γ'* в формах типа *б'ер'еγóш* в материалах ДАРЯ может говорить то, что примеры такие в большинстве случаев единичны, они выступают в ответах наряду с примерами, где мягкость [γ'] обозначена, встречаются, как правило, в ответах недостаточно опытных эксплораторов, говоры, где отмечены такие примеры, не составляют компактной территории, а разбросаны по всей территории южнорусского наречия [см. соответствующие материалы Атласа З, Атласа Ю]. Среди многочисленных описаний южнорусских говоров нет ни одного, где бы автор специально обращал внимание на разницу в твердости/мягкости звонкого и глухого заднеязычного, выступающих в конце основы рассматриваемых глаголов. Все это говорит о

том, что пропуску обозначения мягкости в примерах типа *б'ер'еγóш* нельзя придавать фонетического значения.

Нельзя придавать фонетического значения и всем случаям пропуска знака мягкости у согласных перед *е* и *и*, типа *береγéш*, *береγú*. Такие примеры встречаются в материалах ДАРЯ наряду с примерами типа *пекéш*, *пекú*, *несéш*, *несú* и т. п. Они могут свидетельствовать о недостаточной внимательности эксплораторов или недостаточности их лингвистической подготовки. Только тогда, когда отсутствие обозначения мягкости согласного подчеркивается еще написанием гласной *э*, что встречается, например, в окончаниях прилагательных: *дараγэ́й*, *такэ́й*, *плахэ́й* и т. п., можно с уверенностью говорить о твердости согласного. Однако при передаче личных форм глагола таких написании не отмечается. Между тем написания *γе*, зафиксированные, по словам С. В. Бромлей, более чем в 70 нас. п., а также и написания *γи* рассматриваются ею как доказательство твердости заднеязычного согласного [Бромлей 1973, с. 60].

«Значительные сомнения» возникают у С. В. Бромлей «относительно реальности коррелятивной пары» ⟨γ⟩—⟨j⟩, установленной мною для некоторых современных южнорусских говоров и древнерусского языка [с. 61]. Возражения С. В. Бромлей следующие.

По словам С. В. Бромлей, в словах «исконно русских» [j] в соответствии с /г'/ известен исключительно в положении перед /и/», «формы типа *бере*[je]*шь*, *на но*[je] совершенно не известны. В этих случаях выступает [γ'], а иногда и [γ]», «перед [о] глагольных окончаний в качестве мягкого коррелята /γ/ также всегда выступает [γ'] (*стере*[γ'о]*шь*) и никогда [j]». «Приводимые Л. Л. Касаткиным примеры типа *стере*[jo]*ш*, *мо*[jo]*ш*, видимо, гипотетические. В обширнейших материалах атласа они не зафиксированы» [с. 61—63].

Но для того, чтобы установить коррелятивность двух фонем, достаточно и одной позиции нейтрализации. Если бы ⟨γ⟩ и ⟨j⟩ нейтрализовались только перед [и], то и тогда можно было бы говорить об их парности. Отсутствие примеров с [j] на месте ⟨γ⟩ перед [е] и другими гласными, кроме [и], в материалах ДАРЯ еще не означает, что их нет в русских говорах.

Р. И. Аванесов в своей статье «Качество задненебной фрикативной звонкой согласной перед гласными переднего ряда», опубликованной впервые в 1952 г. и перепечатанной им в 1974 г., приводит примеры из «южновеликорусских (например, рязанских, тульских)» говоров: [наγá]—[найú], [найé]; [съпаγá]—[съпайú], [съпайé]; [п'ираγá] [п'ирайú], [п'ирайé] [Аванесов 1974, с. 183]. В числе примеров, записанных им в ряде пунк-

тов Рыбновского и Спасского районов Рязанской области,— [с'ар'jéй] [с. 184]. Приводит Р. И. Аванесов и замечание Е. Ф. Будде о совпадении в ряде уездов б. Рязанской губ. [γ] с [j] в слогах *ге*, *ги*, и замечание К. Филатова: «в положении перед мягкими гласными воронежский *г* изменяется иногда в *j*» [с. 184—185].

Среди ошибок в сочинениях учеников в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области Р. И. Аванесов обнаружил не только такие, как «*деньи*» (деньги), «*деньими*», «*на дорои*», «*моила*» и т. п., но и «*Турьенев*». «Неразличение на письме [γ'] и [j],— пишет Р. И. Аванесов,— является показателем реального неразличения говорящими [γ'] и [j] перед гласными переднего ряда» [с. 185]. Примеры, записанные А. Покровской в б. Коломенском уезде: *сватгя* (вм. *сватья*), *свингя*, *судгя*, *белгё*, *платгя*, *згяйцами* (вм. *с яйцами*), Р. И. Аванесов объясняет так: «Здесь мы имеем дело с неумелой попыткой наблюдателя, вероятно южновеликоруса по рождению, передать звук [j], для которого в русском алфавите нет особой буквы; наблюдатель обозначил его буквой *г* в сочетании с буквами *я*, *е*, так как на месте южновеликорусского [γ] перед гласными переднего ряда может произноситься [j] или, во всяком случае, звук, не отличаемый говорящими от [j]» [с. 186].

Поселок Гурзуф на южном побережье Крыма раньше называли Гюрзуф и Юрзуф; ср.:

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе он жил у отца моего.

[Некрасов 1956, с. 205, 232]

Параллельные написания «Гюрзуф» и «Юрзуф» возможны только при том, что «гю» и «ю» читаются одинаково: [jу].

С. С. Высотский рассказывал о случае, который он наблюдал в д. Деулине Рязанского района Рязанской области. Известный диалектолог, сотрудница Института русского языка АН СССР, родом из Рязанской области, во время беседы с местной жительницей услышала форму [пара́н'jе]. Решив, что это существительное, и реконструировав форму именительного падежа, она задает вопрос информанту: «А что значит *пара́нь-га?*» В действительности же [пара́н'jе] — это наречие «поранее». Для этого диалектолога было естественным связать [j] с ⟨γ⟩.

Таким образом, прав был Р. И. Аванесов, писавший: «Безусловно ⟨...⟩ то, что в некоторых русских говорах вместо [γ'] перед гласными переднего ряда может произноситься [j]» [Аванесов 1974, с. 187—188]. Как

видно из приведенных примеров, таким гласным может быть не только [и], но и [е], [ȧ], [ẏ].

Произношение [j] как мягкой пары [γ] возможно и перед согласным. Об этом говорит известное почти во всех южнорусских говорах произношение слова *где* как [йд'е], [ид'é] [Захарова, Орлова 1970, с. 78; ДАРЯ, вып. 1, карта 64]. Смягчаясь в этом слове перед мягким согласным, [γ] заменялся на [j], который, в свою очередь, мог ослабляться и изменяться в [и̯], либо изменяться в слоговой [и]. По поводу примеров *ражнѣвахъся*, *ражнѣвавъ же ся*, *ражнѣвася* в рукописях XI—XII вв. А. А. Шахматов писал: «Замечательно, что *źń* из *zγń* переходит в *ź́ń* (очевидно, *zγń* изменялось в *źjń*)» [Шахматов 1915а, с. 181].

Таким образом, можно говорить, что южнорусским говорам была свойственна замена звуком [j] всякого [γ] при его смягчении независимо от позиции.

С. В. Бромлей возражает против отнесения мною соотношения ⟨γ⟩—⟨j⟩ к древнерусскому языку. Она пишет: «Если пара /γ/—/j/ представляла собой действительно исконный элемент фонологической системы древнерусского языка, то непонятно, почему ни в одном из южнорусских говоров она не реализуется хоть сколько-нибудь последовательно» [Бромлей 1973, с. 61].

С моей точки зрения, есть немало южнорусских говоров, где указанная система реализуется достаточно последовательно, и я сам такие говоры наблюдал. Это не значит, конечно, что в реализации фонемы ⟨γ⟩ звуком [j] не бывает исключений. Но исключения, и часто довольно многочисленные, бывают при реализации любых фонем.

Неверно было бы считать, что ДАРЯ представляет собой точный и полный слепок современного состояния русских говоров. ДАРЯ лишь приблизительное отражение этого состояния. Поэтому отсутствие в материалах ДАРЯ последовательного отражения какого-либо звена фонологической системы еще не значит, что эта система не представлена «ни в одном» из говоров. Это подтверждается и обнаружением в последние десятилетия новых, не отраженных в ДАРЯ особенностей русских говоров.

Многие «исконные элементы фонологической системы древнерусского языка» в настоящее время уже «не реализуются хоть сколько-нибудь последовательно», а некоторые и вовсе утрачены русским языком, например, носовые гласные, фонемы ⟨ъ, ь⟩. Можно ли на этом основании считать, что их и раньше не было?

Вопрос, поставленный С. В. Бромлей, можно было бы отнести и к высказанному ею предположению: если, как она считает, в южнорусских говорах у ⟨ɣ⟩, в отличие от ⟨к⟩, отсутствовала позиционная мягкость вплоть до XVI в. включительно [с. 60], то чем объяснить, что нет ни одного южнорусского говора, где бы такая система была обнаружена и описана эксплицитно? (Ведь севернорусская диалектная особенность — отсутствие чередования заднеязычных в конце основы глаголов типа *пе*[к]*у* — *пе*[к]*ошь*, *бере*[г]*у* — *бере*[г]*ошь* и т. п. — стала известна задолго до создания ДАРЯ.) При такой системе можно было бы ожидать, что хотя бы у некоторых носителей диалекта при образовании глагольных форм последовательно наблюдалось бы чередование [к ‖ к']: *пе*[к]*у* — *пе*[к]*ёшь* и т. п. и отсутствие чередования у [ɣ]: *бере*[ɣ]*у* — *бере*[ɣ]*ошь* и т. п. При такой системе отсутствовал бы и переход [ɣы] в [ɣ'и] и можно было бы обнаружить [к'и]*слый*, *та*[к'и]*е* и т. п., но [ɣы]*бель*, *мо*[ɣы]*ла* и т. п. Но такая система не известна не только по описаниям южнорусских говоров, но и по древнейшим южнорусским памятникам [см.: Котков 1963].

Из сказанного следует, что возражения С. В. Бромлей против установленного мною противопоставления по твердости/мягкости фонем ⟨ɣ⟩ — ⟨j⟩ в современных южнорусских говорах и в древнерусском языке приняты быть не могут. Выдвинутая С. В. Бромлей в противовес этому другая гипотеза не имеет достаточных оснований.

К этому можно добавить, что с выводами, сделанными мной о том, что в южнорусских говорах, знающих произношение [j] на месте ⟨ɣ⟩, фонемы ⟨ɣ⟩ — ⟨j⟩ представляют пару по твердости/мягкости, и о том, что древнерусские написания типа *кнѣинѧ*, *аньѣлъ*, *у ѣванъѣлихъ*, *генварь*, *гета*, *алилугия*, *юргевну* и т. п. свидетельствуют о наличии такой же системы, полностью был согласен Р. И. Аванесов [см.: Аванесов 1974, с. 188].

2. Одним из аргументов в пользу того, что в говорах Харовского района Вологодской области ранее согласные были противопоставлены по твердости/мягкости, а затем мягкие согласные отвердели, как уже указывалось выше, считается наличие в этих говорах результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных: *Ва́л'к'а*, *д о́ц'к'у* и т. п. [Азарх 1973, с. 99]. Предполагается, что мягкие заднеязычные согласные возникли здесь в результате уподобления предшествующим мягким согласным.

Д. К. Зеленин в своей монографии, посвященной прогрессивному ассимилятивному смягчению заднеязычных согласных, доказывал, что это

явление имеет южнорусское происхождение, а позднее оно оттуда было занесено и в севернорусские говоры [Зеленин 1913, с. 531—534]. Эту точку зрения поддержал А. А. Шахматов [Шахматов 1915б, с. 357]. Иной взгляд был изложен в работе [Касаткин 1968, с. 120—123], где высказывалось предположение о самостоятельном развитии этого явления в севернорусских говорах без южнорусского воздействия. Материал рассмотренных выше (с. 145—166) вологодских говоров заставляет уточнить это предположение.

В слободском говоре Харовского р-на [к’] на месте этимологического твердого [к] отмечен после различных согласных. При этом наблюдается следующее. Только мягкие перед таким [к’] отмечены [ц’] и [л’]: *до́ц’к’а, ру́ц’к’а, в оц’к’а́х, дро́lец’к’а, коро́боц’к’у, с’w’и́ц’к’а, обоlо́ц’к’у, ф п’е́ц’’к’у, моlоц’’к’о́* и т. п.; *Ва́л’к’а, Ко͡ǫл’к’а, сте́л’к’у, стеб’ел’к’а́, куде́л’к’а, пот хм’ел’к’е͡ом, то́л’к’о, то́л’к’и, ско́л’к’о, ско́л’к’и* и т. п. Отмечены и другие мягкие согласные: *ста́р’ен’к’а, ста́р’ен’к’еа, у п’ен’к’о́w, моlо́д’ен’к’ей, кра́сн˙ен’к’у, ну́жн’ен’к’ой, помаlе́н’к’у; войс’к’о́, ка́тромс’к’ейа.* Но гораздо чаще перед [к’] ([к˙]) отмечаются твердые или полумягкие согласные: *То́нк’а, Л’о́нк’а, Йе́нк’а* (Евгения), *Ма́н˙к’а, Та́нк’е* (им. пад. ед. ч.), *Ва́нк’е* (им. ед.), *маlе́нк’е, л’его́н˙к’е, хору͡ошенк’еä, по денк’у́, ма́lенк’ей* (им. ед. м. р.), *б’еlоро́женк’ей* (им. ед. м. р.), *т’е͡от’енк’е* (им. ед.), *ма́lенк’ейо* (им. ед. ср. р.) *на конк’а́х, конк˙и́, Воlо́тк’а, В’и́тк’е* (им. ед.), *ре́т˙к’у, ба́тк’ем зва́л’и, т’е͡атк’ᵉа, т˙а́тк’е-то* (им. ед.), *ф ко́жынск’ей, мастерск’а́а, в мастерск’у́у, го́рк’ей* (им. ед.). Такое же колебание мягких и немягких согласных отмечается перед [г’] *ден’г’а́м, де́н’г’ем, наде́р’г’еlа — денг’а́м, ден˙г’а́м, де́н˙г’ем.*

В кожуховском говоре Биряковского р-на наблюдается та же закономерность. Перед [к’, г’] могут быть мягкие согласные: *то́л’к’е, то́л’к’и, скӯл’к’е, йо́lоц’к’а, за коц’е́ец’к’ем, ран’о́шен’к’о, упр’а́м’ен’к’аа, помаlе́н’к’у, Же́н’к’а, т˙и́т’к’у, по кн˙ес’к’у́, уц’’и́т’ел’с’к’уᵘу, ф Шу́йс’к’о; Кокше́н’г’а, В’е́кшен’г’а, д˙ен’г’а́м.* Перед [к’, г’] ([к˙, г˙]) могут быть и полумягкие и твердые согласные: *Кǫ́lк’а, то́lк’е, до́ч˙к’а, до́чᵘк’а, на е̯о́lоч˙к’у, йо́lоц˙ᶜ˙к’а, сучк’ева́ты, Lо́н˙к’а, Кат˙у́н˙к’а, мал’е́н˙к’е, су́хон˙к’ь, ма́lен˙к’ой, ма́lен˙к’еȧ, л’е͡огон˙к’а, В’и́т˙к’о, к т˙и́т˙к’е, ф Шу́йс˙к’ем, Шу́йс˙к’ева, у Ка́тк’и, Ва́ск˙а, Ва́рк˙а, гǫ́рк˙и* (горькие), *горк’ева́то; де́н˙г’и, де́н˙г˙и, де́нг˙и, Шы́ч˙ен˙г’а.*

Подобная же закономерность отмечена Ю. С. Азарх в катромском говоре Харовского р-на, где перед [к’, г’], «возникшими в результате прогрессивного ассимилятивного смягчения» мягкими могут быть только [л’] и [ц’]: *Ва́л’к’а, то́л’к’е͡о, до́ц’к’у.* Остальные согласные «полностью от-

вердели»: *Ва́нк'а*, *д'ęнг'а́м*, *Ва́рк'у*, *т'а́тк'а*, *Ва́ск'е͡ой*, *ка́тромск'а*, а также *д'е́вочк'а* [Азарх 1973, с. 96].

Произношение твердых согласных перед [к', г'] в приведенных примерах само по себе еще не может быть свидетельством того, какого происхождения здесь [к', г']—фонетического или нефонетического. Можно предполагать, что мягкие [к', г'] возникли в вологодских говорах в этих примерах фонетически—под влиянием предшествующих мягких согласных, которые затем отвердевали. Можно предполагать также, что в подобных примерах в вологодских говорах [к', г'] возникли не фонетически—под влиянием говоров, переживших прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных как фонетический процесс. В этом случае [к', г'] могли возникать и после твердых согласных.

Непоказательны также примеры *Л'и́тк'а*, *косы́нк'а*, *д'и́рк'у*, отмечаемые Ю. С. Азарх в катромском говоре [Азарх 1973, с. 96] и примеры типа *Н'и́нк'а*, *корз'и́нк'а*, *троп'и́нк'а*, *гр'а́тк'а*, *скла́тк'а*, *ф ка́тк'ах*, *жа́рк'о*, *в'е́шолк'а*, *в молот'и́лк'у*, *меўк'о́й* и т. п. с [к'] после этимологических твердых согласных, отмечаемые в других вологодских говорах. Подобные примеры, свидетельствующие о том, что [к'] в них возник аналогическим путем, встречаются на всей территории распространения результатов прогрессивного смягчения заднеязычных согласных [см. Касаткин 1968, с. 10—20].

Есть, однако, основание считать, что в вологодских говорах указанная мягкость заднеязычных согласных возникала не в результате фонетического процесса, а под влиянием соседних говоров. Такое основание можно видеть в территориальном распространении этого явления. В вологодских говорах результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных распространены на той территории, где сталкивались два колонизационных потока—новгородский и ростово-суздальский. На территории новгородской колонизации, не испытавшей интенсивного воздействия ростово-суздальских говоров, этого явления нет. Таким образом, можно считать, что явление это было занесено в вологодские, новгородские по происхождению говоры ростово-суздальским колонизационным потоком [ср. Образование с-р наречия 1970, с. 57, 285—288].

В ростово-суздальских говорах сформировалось противопоставление переднеязычных согласных по «твердости/мягкости», а заднеязычные согласные фонемы не обладали этим признаком [см. Горшкова 1968, с. 156—157; 1972а, с. 82—84]. Поэтому в этих говорах были причины и ус-

ловия для прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. В отличие от южнорусских говоров здесь были условия для смягчения всех заднеязычных согласных. Поэтому здесь и отмечаются примеры не только с мягким [к'], но и примеры с [г'] и [х'] после мягких согласных типа *д'ен'г'ám*, *коч'ер'г'á*, *ч'етв'ер'г'á*, *нав'ер'х'ý*, *ол'х'á* и т. п. [см. Касаткин 1968, с. 40—43, 86—93, 120—121].

В новгородских же говорах сложилась иная система фонем с противопоставлением ⟨к, г, х⟩—⟨к', г', х'⟩, поэтому здесь не было условий для прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (см. выше, с. 197). Возникновение мягких [к', г', х'] на месте твердых [к, г, х] здесь не было связано с особым качеством предшествующего согласного. Этот согласный мог при этом быть и твердым[45].

[45] Первые публикации — [Касаткин 1965а; 1990б].

Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости

1. Известно, что в русском языке еще в древнерусскую эпоху прошел процесс ассимилятивного смягчения некоторых согласных перед некоторыми следующими мягкими согласными внутри слова: СС' > С'С'. Так, твердые губные и, по-видимому, заднеязычные смягчились перед всеми мягкими согласными, твердые переднеязычные, кроме [л], смягчились перед всеми мягкими согласными, кроме мягких заднеязычных, [л] смягчился только перед [л'] и [j] (см., например, [Грот 1899, с. 236—248; Шахматов 1915а, с. 180—181; Кошутич 1919, с. 153—160; Матвеева 1928, с. 9—17; Калнынь 1956, с. 192—196, 202—212; Князевская 1957, с. 172—173; Колесов 1980, с. 144—147]. В результате позиция перед мягким согласным стала слабой для большинства парных по твердости/мягкости согласных. Лишь переднеязычные различались по твердости/мягкости перед мягкими заднеязычными и ⟨л⟩—⟨л'⟩ различались перед всеми мягкими согласными, кроме [л'] и [j], а позднее и перед этими согласными позиция для ⟨л⟩—⟨л'⟩ стала сильной; ср. *у*[ск']*ие*—*нау*[с'к']*ивать*, *ре*[тк']*ие*—*ре*[т'к']*и*, ба[нк']*и*—ба[н'к']*и*, а[нг']*ина*—*де*[н'г']*и*, *го*[рк']*и*—*го*[р'к']*ие*, *ки*[рг']*из*—*се*[р'г']*и*; *до*[лб']*ить*—*стре*[л'б']*ище*, *то*[лп']*е*—*ска*[л'п']*ель*, *мо*[лв']*ить*—[л'в']*иный*, *ша*[лф']*ей*—*со*[л'ф']*еджио*, *о напа*[лм']*е*—*па*[л'м']*е*, *по*[лз']*и*—*ско*[л'з']*и*, *боя*[лс']*я*—*в ва*[л'с']*е*, *по*[лд']*ень*—*се*[л'д']*и*, *же*[лт']*еть*—*ме*[л'т']*ешить*, *по*[лн']*ей*—*во*[л'н']*ей*, *мо*[лч']*и*—*ма*[л'ч']*ик*, *то*[лш']*ина*—*по*[л'ш']*ен*, *Во*[лг']*и*—*О*[л'г']*и*, *по*[лк']*и*—*по*[л'к']*и*, *а*[лх']*имик*—*о*[л'х']*и*, *по*[лл']*итровый*—*гу*[л'л']*ивый*, *по*[лja]*щика*—*бе*[л'ja] [Аванесов 1956, с.

177—182; Панов 1967, с. 91—96, 220—224; 1979, с. 126—134; 1989, с. 95—98; Фонетика 1968, с. 57—78].

Ассимиляция по мягкости (так же как и ассимиляция по твердости) происходила внутри морфем и на стыке морфем внутри слова, а также на стыке предлога со следующим словом; ср. [п'т']*ица* (< *пътица*), *ко*[п'т']*ить* (< *копътити*), *о*[п'т']*ереть*; [з'л']*ить* (< *зълити*), *ве*[з'л']*и*, *ра*[з'л']*ить*, *и*[з'-л']*ста*; *во* [с'н']*е* (< *въ сънѣ*), *мя*[с'н']*ик*, [с'н']*ять*, [с'-н']*им*. Однако конец слова стал сильной позицией по твердости/мягкости. Здесь твердый согласный перед мягким согласным следующего слова в современном литературном языке не заменяется мягким, а мягкий перед твердым не заменяется твердым; ср. *сно*[п т']*яжелый*, *су*[п п']*ересолен*, *на*[с н']*е было*, *но*[с с']*иний*, *не*[т т']*елеги*; *сы*[п' т]*абак*, *це*[п' п]*овисла*, *ве*[с' н]*амок*, *аво*[с' с]*ойдет*, *пя*[т' т]*онн* [ср. Кошутич 1919, с. 132—133]. Лишь как устаревший вариант произношения встречается замена твердого заднеязычного мягким перед мягкими заднеязычными следующего слова: *уро*[к' х']*имии*, *эти*[х' к']*итов*, *запа*[ɣ' г']*ерани*.

В связи с этим парные по твердости/мягкости губные и переднеязычные на конце слова перед мягким согласным следующего слова различаются; ср. *хле*[б б']*елый* — *голу*[б' б']*елый*, *це*[п л']*и* — *це*[п' л']*и*, *клю*[в д']*ятла* — *кро*[в' д']*ятла*, *сле*[д д']*иска* — *ме*[д' д']*иска*, *ма*[т т']*ебе* — *ма*[т' т']*ебе*, *ро*[с н']*иже* — *бро*[с' н']*иже*, *ра*[н ч']*ужих* — *бра*[н' ч']*ужих*, *нага*[р ч']*ернеет* — *га*[р' ч']*ернеет*.

Этой позицией корреляция согласных по твердости/мягкости отличается от корреляции по глухости/звонкости: сочетание разных по глухости/звонкости шумных согласных обычно невозможно не только внутри слова, но и на стыке слов внутри речевого такта (синтагмы) [см. Пауфошима, Агаронов 1971; Просодический строй 1996, с. 51—55].

На смену переходу СС' > С'С' пришел процесс отвердения первого согласного в сочетании мягких: С'С' > СС'. Вызван был этот процесс, по-видимому, тенденцией русского языка к ослаблению напряженности артикуляционной базы, так как он приводил к замене мягкого согласного менее напряженным твердым (см. выше, с. 138; другие объяснения см. [Фонетика 1968, с. 72, 75; Гловинская и др. 1971, с. 22—24; Кипарский 1972; Вербицкая 1976, с. 67; Панов 1990, с. 123—125]). Этот процесс идет и в настоящее время, захватывая все новые и новые группы согласных. Некоторые согласные в результате этого процесса уже отвердели, другие сохраняют свою мягкость почти во всех случаях, у третьих наблюдается колебание между твердостью и мягкостью. Так, в

литературном языке в начале XX в. для губных перед мягкими заднеязычными нормой была мягкость: *ла*[п'к']*и*, *ля*[м'к']*и*, *спра*[ф'к']*и*, *се*[м'г']*и*, а сейчас они только твердые: *ла*[пк']*и*, *ля*[мк']*и*, *спра*[фк']*и*, *се*[мг']*и*. Мягкость же [н'] перед [ч', ш'] выдерживается почти последовательно: *ваго*[н'ч']*ик*, *коле*[н'ч']*атый*, *уто*[н'ч']*енный*, *го*[н'ш']*ик*, *же*[н'ш']*ина*. Многие согласные перед мягкими согласными могут быть мягкими и твердыми: [в'б']*ить* и [вб']*ить*, [д'в']*ерь* и [дв']*ерь*, *о*[с'л']*ик* и *о*[сл']*ик*, [с'j]*езд* и [сj]*езд* и др.

Р. И. Аванесов и М. В. Панов, наиболее полно описавшие твердость/мягкость согласных перед мягкими, указали на ряд условий, способствующих отвердению или, наоборот, сохранению мягкости первого согласного. Так, в частности, перед мягким губным,— пишет М. В. Панов,— губной и зубной «согласный бывает чаще всего твердым, если его твердость поддержана морфологически — другими формами слова: так как *ри*[ф]*ма*, *ри*[ф]*мой*, *бо*[м]*ба*, *бо*[м]*бу*, то *ри*[ф]*ме*, *бо*[м]*бе*; так как [д]*ва*, [д]*вум*, *тури*[з]*м*, *тури*[з]*мом*, то и [д]*ве*, *о тури*[з]*ме* ⟨...⟩. В редкоупотребляемых словах такие сочетания имеют обычно твердый первый согласный: *а*[м]*биция*, к *ра*[м]*пе*, *в при*[з]*ме*, *ни*[з]*вести*, *чре*[з]*мерно*. Напротив, очень частотные слова прочно сохраняют мягкость первого согласного в таких сочетаниях: [в']*месте*, *ра*[з']*ве* и т. п.». Третье условие — стык различных морфем. «На стыке приставки и корня мягкость обычно отсутствует: *о*[бв']*ел*, *о*[бм']*як*, *ра*[зб']*ил*, *ра*[зм']*як*». Устойчива мягкость перед суффиксом отглагольных наречий *-мя*: «*ки*[п']*мя кипит*, *тру*[б']*мя трубит*, *ре*[в']*мя ревет*, *ли*[в']*мя льет*, *ча*[д']*мя чадит*, *ле*[т']*мя летит*, *коле*[с']*мя колесит*, *ле*[з']*мя лезет*» [Панов 1967, с. 324—325; см. также: Фонетика 1968, с. 57—78; Аванесов 1984, с. 145—168; Вербицкая 1976, с. 63—67].

М. В. Панов показал, что неравномерность отхода от старой фонетической закономерности в разных словах и в разных морфологических позициях приводит к противопоставлению твердых и мягких губных и зубных согласных в одной и той же фонетической позиции — перед одним и тем же мягким согласным: «Перед [в'] по традиционным нормам был возможен только [з'], не [з], теперь обычно такое произношение: [ра́з'в'и], но [ра́зв'ит] ⟨...⟩. Перед [м'] по традиционным нормам был возможен только [в'], не [в]; теперь обычно такое произношение: [в'м']*есте*, но *со*[вм']*естно* ⟨...⟩, ср. еще: *ре*[в'м']*я*». Перед [л'] раньше были возможны зубные только мягкие. Теперь в таких словах, как [сл']*езы*, [зл']*ей*, *со*[нл']*ивый* «стало обычным произношение перед [л'] твердых согласных; однако в частотных словах (например, *после*, *если*) стойко сохраняется сочетание [с'л']» [Панов 1967, с. 325].

Такой путь превращения сигнификативно слабой по твердости/мягкости позиции в сильную уже был «опробован» русской фонетической системой. Так, в древнерусском языке мягкость [р'] была обязательна в позиции после ⟨е⟩ перед губным и заднеязычным согласным: *ве*[р']*ба*, *пе*[р']*вый*, *се*[р']*п*, *ве*[р']*х*, *зе*[р']*кало*, *четве*[р']*г*, *це*[р']*ковь* и т. п. Затем прошел процесс отвердения этого [р'], замены его на [р] твердый. Норма современного литературного языка — произношение *ве*[р]*ба*, *ве*[р]*х* и т. п. Но в словах *се*[р']*га*, *де*[р']*мо* старый [р'] сохранился[46]. В первом слове, по-видимому, под влиянием [р'] перед гласным: *се*[р']*ежка*, во втором — по причине его грубости, «непечатности» и потому выключенности из процессов литературного языка. В результате для ⟨р⟩ — ⟨р'⟩ позиция перед губным и заднеязычным согласным стала после ⟨е⟩ такой же сильной, как и после других гласных (ср. *го*[р]*батый* — *бо*[р']*ба*, *ко*[р]*ка* — *зо*[р']*ка* и др.).

О дальнейших путях развития рассмотренных М. В. Пановым сочетаний согласных он высказал следующее предположение. Возможно, противопоставление твердых и мягких губных и зубных согласных перед мягкими губными и зубных перед мягкими зубными закрепится в языке. Но возможно и другое предположение: «Сейчас переходный этап в развитии таких сочетаний. Постепенно во всех словах губные и зубные в этих случаях „отвердеют“, т. е. заменятся твердыми. ⟨...⟩ Тогда позиция для губных и зубных перед мягкими губными, для зубных перед мягкими зубными останется по мягкости-твердости слабой, но нейтрализация мягких и твердых согласных фонем будет осуществляться не в мягких, а в твердых согласных звуках». «Какой же путь наиболее вероятен? — спрашивает М. В. Панов. И отвечает: — Сейчас это определить невозможно» [Панов 1967, с. 325—327].

Думаю, что сейчас, почти через треть века после того, как М. В. Панов написал эти слова, картина стала проясняться и можно увидеть, как меняется произношение указанных сочетаний, как ведет себя при этом система.

2. В современном русском литературном языке продолжается процесс отвердения губных согласных перед мягкими согласными.

---

[46] В XIX и начале XX в. это слово писалось без ъ: *дермо* [см. Даль 1903—1909/1994, т. I; Фасмер 1964—1973, т. I]; мягкость [р'], как позиционно обусловленная, на письме не передавалась. Но редактор словаря В. И. Даля И. А. Бодуэн де Куртенэ добавляет и написание *дерьмо*.

М. В. Панов писал в 1967 году: «Орфоэпические рекомендации должны быть такими: в словах *вместе* ⟨...⟩, *ревмя*, *ливмя* и подобных первый звук в сочетаниях согласных должен произноситься мягко» [Панов 1967, с. 327]. В настоящее время орфоэпические рекомендации иные. Современный орфоэпический словарь в слове *вместе* уже не указывает возможность мягкого [в'], в словах *ливмя*, *ревмя* допускает [в'] при обычном [в] [ОС 1989, с. 69, 234, 489].

Р. И. Аванесов допускал перед [j] только мягкое произношение губных: [п'jу], *тря*[п'jó], [п'jа]*н*, [б'jу], *воро*[б'já], ба[б'jó], *ду*[б'jó], *мура*[в'já], *жи*[в'jó]*м*, [в'jу]*к*, [в'jý]*га*, се[м'jя́], *ска*[м'jя́], *хла*[м'jó] и т. п. [Аванесов 1984, с. 166], а М. В. Панов указывает, что в «младшей норме» «губные, предшествуя йоту ⟨...⟩ чаще всего тверды: [б]*ьет*, *о*[б]*ьят*, *ска*[м]*ья*, *соло*[в]*ьи*» [Панов 1990, с. 39; см. Вербицкая 1976, с. 64].

Однако в некоторых морфологических позициях мягкость губного перед мягким согласным, по мнению М. В. Панова, обязательна: в наречиях типа *по-жира*[ф']*ьи*, *по-коро*[в']*ьи*, *по-ры*[б']*ьи*, *по-со*[м']*ьи* и собирательных существительных типа *гра*[ф']*ье*, *ба*[б']*ье* [Панов 1990, с. 39].

Действительно, наречные формы типа *по-жирафьи*, *по-бабьи* обычно произносятся с мягким губным, но выступает он не перед согласным, а перед неслоговым гласным [и̯]: *по-жира́*[ф'и̯]*и*. Это особая фонетическая позиция. В речи одних и тех же говорящих губные перед [j] могут произноситься твердо, а перед [и̯] — мягко; ср. [вjу]*н*, [вjý]*га*, *соло*[вjý], но [в'и̯у]*но́к*, *кро́*[в'и̯у]; *воро*[бjá], но *ба́*[б'и̯а], *сна́до*[б'и̯а]; *ска*[мjá], *се*[мjá], но *ко́*[м'и̯а], *разду́*[м'и̯а]; *ко*[пjá], но *ко́*[п'и̯а], *отре́*[п'и̯а]. Однако отвердение губного согласного началось уже и в позиции перед [и̯], который после твердого согласного отодвигается назад. Так, встречается уже произношение [ви̯у]*но́к*, [ви̯иᵊ]*тна́мский*, точнее [вы̯у̇]*но́к*, [вы̯иᵊ]*тна́мский* и т. п.

Собирательные существительные типа *графье*, *бабье* обычно произносятся с мягким губным перед [j]. Но связано это, видимо, не с особой морфологической позицией, а с эмоциональностью таких слов. В этом случае губной согласный, как и все звуки слова, произносится более напряженно. Это сохраняет его мягкость, так как твердый согласный по сравнению с мягким менее напряженный.

Подтверждают это предположение случаи произношения в «младшей» норме твердого губного перед [j] в существительных этого типа при отсутствии эмоциональности, ср. *ба*[бj]*е*, *ха*[мj]*е*, как и в *жни*[вj]*е*, *це*[вj]*е*, *ко*[пj]*е* и т. п. Таким образом, губные согласные перед [j] в собирательных существительных, по-видимому, ожидает та же судьба, что и в других случаях.

М. В. Панов отмечает обязательность мягких губных в повелительной форме перед постфиксами *-ся*, *-те*: *готовься*, *расслабься*, *познакомьтесь*, *отправьте* [Панов 1990, с. 38]. Встречается также произношение твердого губного в этих формах: *гото*[ф]*ся*, *знако*[м]*тесь*, но оно считается нелитературным, просторечным [ср. Кузьмина 1981, с. 65]. К приведенным примерам можно добавить и другие: *приспособься*, *приспособьте*, *избавься*, *избавьте*, *представься*, *представьте*, *позабавься*, *позабавьте*, *славься*, *славьте*, *образумься*, *образумьте*. *упрямься*, *упрямьтесь*, *сыпься*, *сыпьте* и др. При этом перед постфиксами *-ся*, *-те* в других формах возможны твердые губные: *ошибся*, *ушибся*, *скребся*, *слипся*, *несемся*, *расстанемся*, *стремимся*, *наемся*, *сдамся*, *идемте*, *купимте*, *сядемте*, *споемте*. Налицо различение твердых и мягких губных в одной и той же позиции перед мягким зубным: *сы*[п'с']*я* — *сли*[пс']*я*, *эконо*[м'т']*е* — *иде*[мт']*е*.

М. В. Панов считает, что положение твердых и мягких губных перед *-ся* и *-те* надо рассматривать как позицию конца слова: «частицы *-ся* (*-сь*), *-те* ведут себя именно как частицы — не части слова, а служебные слова. Ср.: *приготовь-ка*, *познакомь же*» [Панов 1990, с. 38].

Действительно, губные согласные (как и некоторые другие согласные) ведут себя перед *-ся* и *-те* не так, как внутри морфемы и не так, как на стыке с другими морфемами (т. е. не так, как в слабой позиции), а так, как на конце слова (т. е. так, как в сильной позиции). Чем это можно объяснить? Очевидно, прозрачностью связей с соответствующей твердой или мягкой фонемой. Связь эта легко прослеживается потому, что в подавляющем большинстве случаев существуют параллельные формы без этих постфиксов и с постфиксами: *познакомь* — *познакомься* — *познакомьте*, *споем* — *споемся* — *споемте*. (Как следствие этой связи обязательно обозначение мягкости/твердости губных фонем перед *-ся*, *-те* на письме — написание с мягким знаком или без него.) При этом постфиксы — это части слов и положение перед ними должно рассматриваться все-таки как позиция внутри слова.

Итак, для парных по твердости/мягкости губных согласных фонем позиция перед мягким зубным внутри слова стала в современном русском языке сильной.

3. Позиция перед мягким губным рассматривается фонетистами как слабая для парных по твердости/мягкости переднеязычных (кроме ⟨л⟩ — ⟨л'⟩). При этом указывается, что зубные в этой позиции «могут произноситься весьма различно — как мягкие в одних случаях, как твердые в

других, часто наблюдается неполное смягчение» [Аванесов 1956, с. 180; см. также Панов 1967, с. 221—224].

Рассматривая изменение произносительных норм в XX в. и сравнивая для этого речь старшего и младшего поколений, М. В. Панов пишет: «Перед мягкими губными зубные согласные получают мягкость: *две*, *разве*, *Тверь* и т. д. В алой системе („младшей" —*Л. К.*) и здесь намечается путь к непоследовательности в данных сочетаниях: *разве* (непременно с [з']), но *развит*, *развитие* (с [з]), о *ведьме* — *надменный* ⟨...⟩. И здесь в качестве далекой цели возникает преобразование в сильную позицию ⟨...⟩. Это шаг по пути к цели, очень далекой и, вероятно, недостижимой: к созданию новых сильных позиций» [Панов 1990, с. 36, 40].

Примеры, приведенные М. В. Пановым, неравноценны. В слове *разве* мягкий [з'] произносится уже не всем младшим поколением. Уже нередко здесь выступает [з]. Слово это в арьергарде общего движения — отвердения зубных перед мягкими губными, но идет оно в ту же сторону.

Иное дело — *ведьме*. Здесь [д'] не колеблется. И нет никаких признаков, что он когда-нибудь отвердеет. Так же прочно держится мягкость переднеязычных перед мягкими губными в таких словоформах как *городьбе*, *свадьбе*, *судьбе*, *усадьбе*, *ходьбе*, *голытьбе*, *женитьбе*, *молотьбе*, *резьбе*, *косьбе*, *просьбе*, *бороньбе*, *гоньбе*, *борьбе*, *гурьбе*, *людьми*, *костьми*, *во тьме*, *возьми*, *подкузьмить*, *восьми*, *письме*, *тесьме*, *кутерьме*, *сурьме*, *тюрьме* и др.

Таким образом, не в далекой перспективе, а в современном русском литературном языке возникло противопоставление твердых и мягких переднеязычных перед мягкими губными: *кла*[дб']*ище* — *сва*[д'б']*е*, *о*[дб']*ливать* — *моло*[д'б']*е*, *и*[зб']*е* — *ре*[з'б']*е*, *а*[зб']*ест* — *ко*[з'б']*е*, *о*[рб']*ита* — *бо*[р'б']*е*, *а*[дм']*ирал* — *лю*[д'м']*и*, *о*[тм']*етка* — *во* [т'м']*е*, *ра*[зм']*инка* — *во*[з'м']*и*, *ко*[см']*ический* — во[с'м']*и* [ср. Кузьмина 1981, с. 41].

Вопрос о силе или слабости позиции для парных по твердости/мягкости переднеязычных согласных перед мягкими губными можно решать по отношению к системе, воплощенной в речи старшего поколения, и к системе, воплощенной в речи младшего поколения, либо нерасчлененно — по отношению к системе всего современного русского литературного языка.

Можно считать, что в «старшей» системе позиция эта слабая, так как мягкость зубных перед мягкими губными здесь обязательна. В «младшей» системе, в результате утраты этой мягкости в определенных словах и сохранении ее в других словах, позиция эта стала сильной.

Если же иметь в виду всех говорящих, то решение может быть следующим. В одних словах в данной позиции произносится только мяг-

кий согласный. Никаких отступлений от этого произношения в речи говорящих нет. В других же словах наблюдается колебание между мягким и твердым звуком. Это значит, что в этих двух группах слов выступают разные единицы, разные фонемы. Их поведение в данной позиции неодинаково.

Чем можно объяснить, что отвердение парных переднеязычных перед мягкими губными не затронуло указанные выше словоформы *ведьме*, *резьбе*, *свадьбе*, *восьми*, *тюрьме* и др.? Тем же, что и в рассмотренных ранее случаях с мягкими губными перед мягкими переднеязычными: прозрачностью связей с соответствующей сильной позицией — с мягкой фонемой.

Мягкий [д'] в словоформе *ве*[д'м']*е* поддерживается другими формами этого слова, где он выступает перед твердым [м]: *ве*[д'м]*а*, *ве*[д'м]*ы*, *ве*[д'м]*у*, *ве*[д'м]*ой*. Мягкость [д'] в этом слове позиционно не обусловлена, самостоятельна. Звук [д'] представляет фонему ⟨д'⟩ и перед твердым и перед мягким губным. Такова же связь мягкого звука с мягкой фонемой и в других приведенных выше словах.

4. Отвердение зубных перед мягкими зубными началось позднее, чем отвердение других мягких перед мягкими. По свидетельству М. В. Панова до начала XX в. «перед мягкими зубными могли быть только мягкие зубные; это требование было непоколебимо» [Панов 1990, с. 110]. Сейчас уже любой зубной перед любым мягким зубным внутри слова может быть немягким.

Р. И. Аванесов и М. В. Панов, как указывалось, отметили ряд условий, способствующих этому отвердению [см. Аванесов 1984, с. 150—158; Панов 1967, с. 325, 326]. Твердый зубной перед мягким зубным преобладает в речи младшего поколения перед [л'] (*о*[сл']*ик*, *во*[зл']*е*, *в се*[дл']*е*, *со*[нл']*ивый*) и на стыке приставки и корня (*во*[сс']*иять*, *во*[зд']*ержаться*, *по*[тт']*ирать*, *по*[дд']*ержать*, *по*[цс']*ел*, *о*[тн']*имет*, *по*[дн']*ес*) [см. также Каленчук 1986, с. 8—9]. Чаще других зубных твердым бывает [н] перед мягкими зубными: *во*[нз']*ить*, *бе*[нз']*ин*, *ко*[нс']*ервы*, *па*[нс']*ионат*, *о рома*[нс']*е*. Возникло в последнее время отвердение зубного перед мягким зубным в начале слова: [сн']*ег*, [сн']*иться*, [сн']*етки*, [ст']*еньı*, [ст']*еллаж*, [ст']*ерео*, [зд']*ешний*, [дн']*и* [ср. Панов 1990, с. 122, 125].

Р. И. Аванесов указал еще одну позицию, где обычно наблюдается твердость зубного перед мягким зубным — положение после твердых [л] и [р] [ОС 1989, с. 653]. Таковы зубные в словах *по*[лст']*и* — *ползти* (*ср.*

по[л'с'т']*ить* — *польстить*), *по*[лст'], *то*[лст']*еть*, *то*[лст']*як*, *хо*[лст']*ина*, *в хо*[лст']*е*, *хо*[лст']*ик*, *опо*[лзн']*и*, *по*[лдн']*ик*, *по*[лдн']*евный*; *ве*[рст']*е*, *го*[рст'], *отве*[рст']*ие*, *пе*[рст']*ень*, *ше*[рст'], *ше*[рст']*ить*, *напе*[рсн']*ик*, *соку*[рсн']*ик*, *де*[рзн']*и*, *каве*[рзн']*ица*, *ме*[рзн']*и*, *заме*[рзн']*ет*, *разве*[рзн']*ется*, *аза*[ртн']*ее*, *куро*[ртн']*ик*, *па*[ртн']*ер*, *по*[ртн']*иха*, *абсу*[рдн']*ее*, намо[рдн']*ик*, *усе*[рдн']*ее*.

Позицию эту можно сформулировать и более широко: после твердых согласных перед мягкими зубными зубные могут произноситься мягко и твердо. Так, [ОС 1989] отмечает факультативную твердость зубного в этой позиции после [к, н] в словах *абстрактнее*, *инстинкт*, *институт*, *конституция*, *эффектнее*. Встречается твердость зубного после [м, н, п, к] и в таких словах, как [мст']*ить*, *ото*[мст']*ить*, [мзд']*е*, *импоза*[нтн']*ее*, *интеллиге*[нтн']*ее*, *темпераме*[нтн']*ее*, *су*[пст']*итуция*, *га*[нкст']*ер*, *в те*[кст']*е*, *те*[кст']*иль*.

Известно, что в возвратном постфиксе *-ся* (*-сь*) согласный в литературном языке раньше почти всегда был твердым, а затем постепенно твердый [с] здесь стал заменяться мягким [с']. В связи с рассматриваемым здесь вопросом интерес представляют формы прошедшего времени типа *несся*, *пасся*, *разросся*, *скисся*, *трясся*, *грызся*, *разлезся*. Р. И. Аванесов указывает, что в этих формах произносится обычно долгий твердый [с]: «*не*[ссъ], *спá*[ссъ], *трясь*[ссъ], *разлé*[ссъ], *грызь*[ссъ] ⟨...⟩. Встречается и произношение *не*[сс'ъ], *спá*[сс'ъ], *трясь*[сс'ъ] и даже *не*[с'с'ъ], *спá*[с'с'ъ], последнее, однако, нельзя считать правильным» [Аванесов 1984, с. 206].

Произношение типа *не*[сс']*я*, *спа*[сс']*я* в последнее время все более вытесняет старшее произношение с твердым долгим [с]. Однако произношение этих форм с первым мягким [с'] типа *не*[с'с']*я* по-прежнему недопустимо и должно считаться просторечным.

Чем же объясняется, что на стыке приставки и корня произношение [с'с'] обычно (ср. *ра*[с'с']*елся*, бе[с'с']*ердечный*, *чере*[с'с']*едельник*), а на стыке корня и постфикса в формах прошедшего времени запрещено? Дело в том, что [с'с'] на стыке корня и возвратного постфикса занято другой формой — повелительного наклонения типа *бросься*, *взвесься*, *занавесься*, *накрасься*, *обезопасься*, *сквасься*, *не конфузься*, *обеззаразься*, *обморозься*, *приблизься*, *разнообразься*, *сузься*, *унизься*. Подобные формы прошедшего времени и повелительного наклонения возвратных глаголов произносятся поразному: *па*[сс']*я* — *обезопа*[с'с']*я*, *разро*[сс']*я* — *бро*[с'с']*я*, *разле*[сс']*я* — *взве*[с'с']*я*.

В этих формах ⟨с⟩ и ⟨с'⟩ противопоставлены перед [с']. Это противопоставление свидетельствует о формировании в русском литературном

языке еще одной сильной позиции для зубных согласных, парных по твердости/мягкости — позиции перед мягким зубным внутри слова.

Новая позиция противопоставления твердых и мягких согласных фонем внутри слова может возникать и в результате словообразования путем различных типов сложения (аббревиации, словосложения, сращения, чистого сложения). Так, обычно твердо произносится зубной согласный перед мягким зубным на стыке основ в таких словах, как *брус-держатель*, *ватт-секунда*, *генсек*, *госдепартамент*, *госсекретарь*, *Гостелерадио*, *джаз-симфония*, *диетсестра*, *культсектор*, *медсестра*, *Моссельпром*, *педтехникум*, *пресс-секретарь*, *пресс-синдикат*, *тест-система*, *труддисциплина*, *хозсектор*, *экс-директор*. Впрочем высказано было также мнение о том, что в большинстве подобных примеров не слова, а словосочетания с первым аналитическим прилагательным [Панов 1971].

5. Зубные согласные перед [j] могут произноситься твердо и мягко. Так, в конце приставки в младшей норме зубные перед [j] твердые: [сjо́]-*житься*, *бе*[зjа́]*дерный*, *в*[зje]*зд*, *и*[зjе́]*денный*, *ра*[зjе́]*хаться*, *о*[тjе́]*зд*, *по*[дjо́]*м*. Внутри и в конце корня зубные перед [j] мягки: *до*[с'jе́], *ко*[с'jо́], *Ка*[с'já]*н*, *ло*[с'jо́]*н*, пор[т'jе́], *пя*[т'jу́], сму[т'já]*н*, *ста*[т'já], *тре*[т'já]*к*, *ши*[т'jо́], а[д'jу́]*нкт*, [д'já]*вол*, [д'ja]*к*, *ма*[д'já]*р*, су[д'já] и т. п.

Отвердение зубных согласных перед ⟨j⟩ (так же как и отвердение губных) зависит от того, каким звуком реализуется ⟨j⟩. Перед [j] отвердение наступает раньше, чем перед [и̯]. Поэтому при твердости зубного в конце приставки перед [j] возможно колебание твердого и мягкого щелевого зубного [с, з] и [с', з'] перед [и̯], например в таких словах, как *съедобный*, *съезжаться*, *съестной*, *съехидничать*, *съязвить*, *съютиться*, *взъерепениться*, *взъерошенный*, *взъяриться*, *изъелозить*, *изъявить*, *изъясниться*, *разъединитель*, *разъяренный*, *разъяснение*.

Согласные [т, д] не смягчаются в конце приставки уже и перед [и̯]; ср. *отъедаться*, *отъединиться*, *отъезжать*, *отъюлить*, *надъязычный*, *подъедать*, *подъездной*, *подъезжать* [ср. Аванесов 1984, с. 167]. Но не в конце приставки зубные перед [и̯] так же мягки, как и перед [j]: *окосье*, *редколесье*, *подглазье*, *братья*, *платье*, *адъютант*, *гроздья*, *оладьи*, *половодье* и т. п.

Стык разных морфем в слове — не фонетическая позиция. Для фонетики безразлично, в какой конкретно морфеме выступает данная фонема, на стыке каких морфем. (Иначе см. [Панов 1979, с. 170—172]). В данном случае существенно лишь то, что зубные согласные перед ⟨j⟩ в одних словах (морфемах) произносятся твердо, а в других мягко. Это и свиде-

тельствует о том, что позиция перед ⟨j⟩ стала для зубных согласных, парных по твердости/мягкости, сильной.

6. Звук [р] раньше других переднеязычных, парных по твердости/мягкости, начал терять позиционную мягкость перед мягкими согласными. В «младшей» норме этот процесс можно считать завершенным [ср. Аванесов 1984, с. 159—161; Панов 1990, с. 119—121]. Однако перед постфиксами *-те*, *-ся* отвердения [р'] не произошло. В результате в современном русском литературном языке ⟨р⟩—⟨р'⟩ внутри слова противопоставлены перед мягкими зубными: *а*[рт']*ель*, *а*[рт']*ист*, *бо*[рт']*ик*, *ка*[рт']*та*, *па*[рт']*ия*, *сме*[рт']*и*, *о спо*[рт']*е* — *спо*[р'т']*е*, *ве*[р'т']*е*, *жа*[р'т']*е*, *отме*[р'т']*е*, *уда*[р'т']*е*; *во*[рс']*инка*, *ко*[рс']*ет*, *пе*[рс']*ик*, *о мо*[рс']*е*, *ве*[рс']*ия* — *вве*[р'с']*я*, *жа*[р'с']*я*, *зажму*[р'с']*я*, *па*[р'с']*я*, *щу*[р'с']*я*.

7. Общепризнано, что [н] перед [ч', ш'] заменяется мягким [н'] и, таким образом, ⟨н⟩ и ⟨н'⟩ в этой позиции нейтрализуются: *коле*[н]*о*, *коле*[н]*ка* — *коле*[н']*чатый*, *ступе*[н'] — *ступе*[н']*чатый*; *то*[н]*кий* — *исто*[н']*чать*, *ко*[н']*ец* — *ко*[н']*чать*; *же*[н]*а* — *же*[н']*щина*, *де*[н'] — *поде*[н']*щина*; *бараба*[н] — *бараба*[н']*щик*, *каме*[н'] — *каме*[н']*щик*. Однако слова *са*[н]*часть*, *ива*[н]*-чай*[47], *Ми*[н]*чермет* (министерство черной металлургии) свидетельствуют о возможности противопоставления ⟨н⟩ и ⟨н'⟩ в этой позиции. О том, что процесс отвердения начал захватывать и [н'] перед [ч'], говорит и возможность произношения твердого [н] в заимствованных словах типа *анчоусы*, *винчестер*, *панчен-лама*, *пенчингбол* (см. последние два слова в словаре [Букчина, Калакуцкая 1982]), *хванчкара* (о том, что заимствованные слова могут «проявить» закономерность, бывшую в языке до этого в скрытом виде, см. выше, с. 96—99). Мягкость [н'] перед [ш'] также только привычная модель произношения конкретных слов (см. выше, с. 63). Уже появилось и произношение [нш'] в существительных с суффиксом *-щин-*, образованных от фамилий исторических деятелей: *деникинщина*, *есенинщина*, *разинщина*, *сталинщина*, *столыпинщина* и т. п. [см. Касаткина 1998].

8. Отвердение губных согласных перед мягкими заднеязычными прошло без исключений. В результате в этой позиции губные в современном литературном языке только твердые. Казалось бы, позиция нейтрализации твердых и мягких губных фонем при этом осталась, а изме-

[47] В этом слове [н] произносится на месте древнего [н'], у которого мягкость возникла перед суффиксом притяжательных прилагательных *-j-* [ЭСРЯ, с. 5].

нилось лишь воплощение архифонемы: раньше она была представлена мягким звуком, теперь — твердым [ср. Аванесов 1956, с. 177; Панов 1967, с. 220]. Так, *гро*[м], *гро*[м]*кого* и *гро*[мк']*ие* — твердая фонема ⟨м⟩; *гри*[б]*ы*, *гри*[п] и *гри*[пк']*и* — ⟨б⟩; *пу*[п]*ок*, *пу*[п] и *пу*[пк']*и* — ⟨п⟩; *остро*[в]*ок*, *остро*[ф] и *остро*[фк']*и* — ⟨в⟩. Мягкие губные фонемы в этой позиции ведут себя, казалось бы, так же: ⟨м'⟩ — *те*[м'], *те*[м']*ень* и *поте*[мк']*и*; ⟨б'⟩ — *голу*[б']*и*, *голу*[п'] и *голу*[пк']*и*; ⟨п'⟩ — *то*[п']*и*, *то*[п'] и *то*[пк']*ие*, ⟨в'⟩ — *морко*[в']*и*, *морко*[ф'] и *морко*[фк']*и*. Однако губной согласный (раньше мягкий, теперь твердый) перед мягким заднеязычным не может быть однозначно отнесен в примерах второго типа к мягкой фонеме, так как она в этих же морфемах чередуется с твердой: *поте*[м]*ок*, *голу*[б]*ок*, *то́*[п]*ок*, *морко*[в]*ок*. В подобных случаях звук относят к гиперфонеме [Панов 1967, с. 237—239].

Гиперфонема — представитель нейтрализующихся в данной позиции фонем. Но когда начинается фонетическое изменение одной из этих фонем, гиперфонемная ситуация нарушается. Язык должен по-новому оценить гиперфонему, отнести ее к изменяющейся фонеме либо к фонеме, не подвергшейся данному изменению. Замена мягкого губного твердым перед мягким заднеязычным (*гро*[м'к']*ие* > *гро*[мк']*ие*, *поте*[м'к']*и* > *поте*[мк']*и*; *гри*[п'к']*и* > *гри*[пк']*и*, *голу*[п'к']*и* > *голу*[пк']*и*; *пу*[п'к']*и* > *пу*[пк']*и*, *то*[п'к']*ие* > *то*[пк']*ие*; *остро*[ф'к']*и* > *остро*[фк']*и*, *морко*[ф'к']*и* > *морко*[фк']*и*) свидетельствует: язык отнес мягкий губной в этой позиции к твердой фонеме. Именно ее реализация подлежала замене.

Поэтому и мы должны оценить позицию губного перед мягкими заднеязычным как сильную: в ней представлена твердая фонема. (Так же, конечно, надо оценивать и позицию, в которой твердый губной выступает перед твердым заднеязычным: *гро*[мк]*ого*, *поте*[мк]*ам*, *гри*[пк]*а*, *голу*[пк]*а* и т. п.)

Причиной того, что язык расценил мягкий губной перед мягким заднеязычным как твердую фонему, было, очевидно, то, что этому мягкому согласному гораздо чаще соответствовал в тех же морфемах твердый согласный. Так, морфем, где губному перед мягким заднеязычным соответствует только твердый губной в других позициях (*за*[мк']*и* — *за*[м]*ок*, *за*[м]*ка*, *за*[м]*ыкать*, *за*[м]*кнуть* и др.) значительно больше, чем морфем, где ему может соответствовать как твердый, так и мягкий губной (*ла*[пк']*и* — *ла*[п']е, *ла*[п']*ища*, но *ла*[п]*а*, *ла*[п]*ы*, *ла*[п]*у*, *ла*[п], *ла*[п]*ка*, *ла*[п]*ок*, *ла*[п]*кам* и др.), а в этих последних связь его с твердым звуком других слов (словоформ) обычно теснее, чем с мягким.

9. Перед [р'] в современном литературном языке могут быть только твердые согласные — губные, зубные и заднеязычные (в прошлом и они были мягкими, а затем отвердели): *за*[пр']*и*, [зр']*ение*, *и*[кр']*инка*. У заднеязычных в других словах и словоформах с той же морфемой выступает только твердый согласный: *и*[к]*орка*, *и*[к]*ра*, *и*[к]*ры* и т. д.; *на бу*[гр']*е* — *бу*[г]*ор*, *бу*[г]*ра* и т. д.; *на ви*[хр']*е* — *ви*[х]*ор*, *ви*[х]*ра* и т. д. Твердым губным и зубным перед [р'] могут соответствовать как мягкие, так и твердые в других позициях: *за*[пр']*и* — *за*[п']*ирать* — *за*[п]*ор*, [зр']*ение* — *о*[з']*ираться* — *об*[з]*ор*. Но и здесь отвердение согласного перед [р'] свидетельствует, что язык считал этот согласный представителем твердой фонемы.

10. Заднеязычные перед мягкими заднеязычными обычно мягки: [к-к]*оту* — [к'-к']*иту*, [г-г]*ороду* — [г'-г']*ире*, *мя*[хк]*ого* — *мя*[х'к']*ий*, *Ва*[кх]*а* — ва[к'х']*ический*. Однако в словах *дву*[хк']*илограммовый*, *тре*[хк']*илевой*, *тре*[хк']*илометровка* первый заднеязычный обычно твердый, что говорит о необязательности замены твердого заднеязычного мягким перед мягким заднеязычным внутри слова и, следовательно, о превращении этой позиции в позицию различения твердых и мягких заднеязычных фонем.

11. Отвердение мягких согласных перед мягкими в русском языке распространяется только на случаи, где первый мягкий согласный является представителем твердой фонемы (*о*[б]*вести*, *ла*[м]*пе*; *по*[д]*бить*, *би*[т]*ве*; [в]*деть*, *ла*[п]*ти*, *о*[т]*нес*, [с]*ъезд*, *в ма*[р]*те*) или твердой/мягкой гиперфонемы (*и*[м]*перия*, [з]*мей*, [п]*лечо*, *экспа*[н]*сия*, *о*[р]*ден*) и не распространяется на случаи, когда мягкий согласный представляет мягкую фонему (*не лука*[ф']*те*, во[з']*ми*, *нахму*[р']*ся*).

С. М. Кузьмина, рассматривая вопрос об отнесении звука в слабой по твердости/мягкости позиции к твердой или мягкой фонеме, считает целесообразным «в случаях, когда в фонеме данный звук ⟨...⟩ не чередуется со звуком сильной позиции (сильная позиция отсутствует или же проверка сильной позицией ненадежна), ⟨...⟩ соотносить звук не с гиперфонемой, а с твердой фонемой». «Для всех согласных ⟨...⟩ мы принимаем „презумпцию твердости“: если не удается доказать, что фонема мягкая, мы считаем ее твердой» [Кузьмина 1981, с. 40, 42]. Как видим, такое же «решение» «принимает» в процессе отвердения согласных перед мягкими согласными и сам язык: твердая/мягкая гиперфонема ведет себя так же, как твердая фонема.

12. Изменения, происшедшие в русском литературном языке, свидетельствуют о формировании в системе согласных новых отношений. Замена твердого согласного мягким перед мягким согласным внутри слова перестала быть строго обязательной для всех согласных. Позиция перед мягким согласным внутри слова перестала поэтому быть позицией нейтрализации для всех фонем, противопоставленных по твердости/мягкости. Все позиции стали для этих фонем сильными. Вследствие этого чередование твердых и мягких согласных звуков, ранее представлявших одну и ту же фонему, превратилось в чередование фонем, то есть в историческое чередование; например, *мо⟨с⟩т — мо⟨с'⟩тик*, *у⟨з⟩да — у⟨з'⟩дечка*, *стака⟨н⟩ — стака⟨н'⟩чик*. Орфоэпические варианты типа *по⟨с⟩ле/по⟨с'⟩ле* также представляют собой варьирование фонем.

Твердые согласные звуки в любых позициях в русском языке являются представителями твердых фонем, а позиции, где они выступают,— сигнификативно сильные по твердости/мягкости [ср. Кузьмина 1981, с. 31—43].

Рассмотренные изменения в русском языке подтверждают его развитие в направлении, определенном М. В. Пановым: «В русском языке ⟨...⟩ упрощается система гласных, усложняется система согласных» [Фонетика 1968, с. 10]. Усложнение системы согласных проявляется в увеличении их различительной способности, что связано, в частности, с уменьшением их позиционной зависимости [с. 10—11, 76]. Тенденция эта была названа М. В. Пановым «законом Бодуэна де Куртенэ» [с. 10, 16, 21 и др.]. Однако и сформулирована и подтверждена многочисленными фактами истории русского языка она была самим М. В. Пановым [см. также: Панов 1990], поэтому гораздо больше оснований называть эту тенденцию «законом М. В. Панова»[48].

[48] Первая публикация [Касаткин 1993б].

Глава 3

Особенности формирования категории глухости/звонкости согласных

Противопоставление согласных по напряженности / ненапряженности в севернорусских говорах

1. Известно, что согласные русского литературного языка противопоставлены по глухости/звонкости. Звонкие согласные образуются с голосом, который возникает в результате дрожания сближенных голосовых связок при прохождении через гортань струи воздуха. При произнесении глухих согласных голосовая щель раскрыта, а голосовые связки расслаблены.

Между звонкими и глухими согласными есть еще одно отличие — степень напряженности. Глухие согласные более напряженные, чем звонкие. Проявляется это в большей напряженности мускулов артикулирующих органов речи.

Определение степени напряженности артикуляции — одна из самых трудных задач инструментальной фонетики. Поэтому о напряженности или ненапряженности звуков судят обычно по косвенным данным. В частности, напряженность и ненапряженность согласных проявляется на палатограммах и лингвограммах. Отражается она на площади соприкосновения языка с небом при произнесении смычных согласных. Так, при произнесении [т] язык более напряжен, чем при произнесении [д], и теснее смыкается с нёбом. Площадь смыкания языка с нёбом у [т] больше, чем у [д]. Рентгенограммы показывают, что профиль языка при произнесении звонких согласных вписывается в профиль языка при произнесении глухих [см., например, Ершов 1903, с. 17; Томсон 1910, с. 148;

Богородицкий 1930, с. 145—149; Щерба 1974, с. 183; Скалозуб 1963, с. 88, 91, 105]. Напряженные согласные в отличие от ненапряженных характеризуются большей длительностью и большей энергией [см. Якобсон и др. 1962, с. 204].

В русском литературном языке признак «напряженность» тесно связан с признаком «глухость», а признак «ненапряженность» с признаком «звонкость»: «Изменение согласных по степени напряженности идет параллельно с изменением по глухости/звонкости. Но в любой позиции ⟨...⟩ глухие остаются сильными, а звонкие — слабыми» [Зубкова 1974, с. 10—11]. При этом глухость/звонкость — основной признак согласного, а напряженность/ненапряженность — сопутствующий. В некоторых языках эти фонетические признаки взаимосвязаны иначе, чем в русском языке. В таких языках основным в этом комплексе является напряженность/ненапряженность. Таковы, например, английский, немецкий, финский, эстонский и многие другие языки [см., например, Трубецкой 1960, с. 176; Якобсон и др. 1962, с. 207].

2. До сих пор не были известны русские говоры, где бы напряженность и ненапряженность согласных проявлялась иначе, чем в русском литературном языке. Такие говоры были обнаружены нами на реке Мезени в Лешуконском районе Архангельской области. Впервые мы отметили эту особенность согласных в 1982 году в д. Белощелье, в 1984 г. мы наблюдали такой же говор в с. Койнас. Позднее нами были обнаружены и другие севернорусские говоры подобного типа. Первоначальные слуховые впечатления мы проверили инструментально, проведя серию измерений длительности согласных этих говоров.

2.1.1. В интервокальном положении щелевые белощельского говора могут отличаться особой длительностью и производить впечатление сочетания двух одинаковых согласных: *нап'и́с̄аного*, *молода́ с̄ама*, *зас̄ы́пад' да*, *дъ и с̄ама́*, *а с̄ундýк*, *бро́с̄"ил*, *заш̄ум'ёл'и*, *п'ер'еш̄ыто*, *у н'и́х̄ это*, *жышы́х̄ эт*.

По данным Л. В. Златоустовой [Златоустова 1962, с. 57] длительность глухих и звонких интервокальных щелевых согласных русского литературного языка у разных дикторов может иметь следующее соотношение (длительность в мс, примеры согласных в ударном и безударном положении):

Глухие	213	153	150	187	167
Звонкие	127	87	73	113	93

Отношение длительности глухих щелевых согласных к звонким в русском литературном языке по этим данным составляет в среднем 178%. Это различие в длительности между глухими и звонкими согласными еще более разительно в говоре Белощелья.

В отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова мы провели инструментальный анализ согласных говора Белощелья. Из магнитофонных записей, сделанных нами в деревне, мы переписали на отдельную ленту слова с интересующими нас согласными. Выбранные слова отвечали непременному условию: они выступали в сильной фразовой позиции. Мы провели серию наблюдений над согласными этих слов, используя сепаратор речевых звуков (вращающуюся магнитофонную головку), соединенный с осциллографом.

Соотношение по длительности глухих и звонких щелевых согласных в белощельском говоре можно увидеть по следующим типичным примерам, записанным от двух дикторов:

Слово	Звук	Длительность в мс	Слово	Звук	Длительность в мс
п'ер'ешы́то	ш	150	п'есо́к	с	182
пр'ишо́ркал'и	ш	127	а сама́	с	153
вот ы ша́н'г'и	ш	111	высо́ка	с	136
зам'ешо́но	ш	99	была́ со́дранъ	с	109
пр'есна́ ша́н'га	ш	95	нос''ил'и	с''	114
к'и́слы ша́н'г'и	ш	94	козу́л'ка	з	61
и ша́н'ок	ш	94	козу́л'к'и	з	60
д'ежё́н'	ж	59	н'и за́брал'и	з	53
пожа́луста	ж	51	пр'ив'оза́ла	з	50
на жар'ёлку	ж	51			
мужы́к	ж	50			
забежа́ў	ж	49			

В среднем отношение длительности глухого согласного к длительности звонкого в говоре Белощелья по этим примерам составляет 226%.

2.1.2. Еще большее различие между литературным языком и говором Белощелья наблюдается в характере глухих смычных согласных.

Длительность смычных согласных в различных языках проявляется по-разному. В одних языках у этих согласных удлиняется фаза смычки. В результате возникают геминаты. Таковы, например, эстонский и финский языки. В других языках, например в английском, немецком, у смычных удлиняется послевзрывная фаза. В результате возникают придыхательные согласные.

В белощельском говоре отмечены оба эти пути удлинения смычных глухих согласных. Так, иногда у этих согласных наблюдается долгий затвор: о *п̄'имóф*, *э́т̄ого*, *пот̄олóк*, *вóт̄ ы*, *Н'ик̄óлын*, *как̄óй*, *áк̄ ыт'*, *вы́к̄'идал'и*, *упоўномóч̄еный*.

Но гораздо чаще у смычных глухих [п, т, к] и [п', т', к'] длительность проявляется в придыхании. Отмечается придыхательность глухих взрывных согласных обычно в предударных слогах и в ударном слоге, но бывает и в заударных. Например: [п^{ᶜ}]—*п^{ᶜ}óм'ор*, *нап^{ᶜ}ál*, *на п^{ᶜ}óжн'у*, *да п^{ᶜ}ádайуд дъ*, *п^{ᶜ}олýчше*, *п^{ᶜ}ол'á*, *п^{ᶜ}одýмат'*, *п^{ᶜ}утóм*, *п^{ᶜ}овóйн'ик*, *п^{ᶜ}од'и́*, *н'и п^{ᶜ}олá-д'ил'ис"*, *п^{ᶜ}оц'óтны*, *п^{ᶜ}уб'éда*, *п^{ᶜ}об'éды*, *п^{ᶜ}о дорóг'и*, *дв'é п^{ᶜ}олосы́*, *нá п^{ᶜ}оў*; [п'^{ᶜ}]—*а п'^{ᶜ}éц'-ту*, *куп'^{ᶜ}úла*, *п'^{ᶜ}éрвой*, *завоп'^{ᶜ}él'и*, *оп'^{ᶜ}ém'*, *п'^{ᶜ}éц'к'и*, *п'^{ᶜ}ит'*; *п'^{ᶜ}илá*, *п'^{ᶜ}ил'úла*, *п'^{ᶜ}имы́*, *п'^{ᶜ}атнáцьт'*, *п'^{ᶜ}ет'и́*, *н'é п'^{ᶜ}ил'и*; [т^{ᶜ}]—*т^{ᶜ}ам*, *т^{ᶜ}óжъ*, *запл'ет^{ᶜ}áйут*, *а т^{ᶜ}ýт*, *да т^{ᶜ}ól'къ*, *не т^{ᶜ}ák*, *п^{ᶜ}от^{ᶜ}óм*, *т^{ᶜ}оwáру*, *т^{ᶜ}азы́*, *л'ém^{ᶜ}ом*, *н'ém^{ᶜ}у*; [т'^{ᶜ}]—*т'^{ᶜ}á-нут*, *мáт"ju* (мати: после [т"] придыхание в палатальной зоне создает эффект глухого [j]); [к^{ᶜ}]—*а к^{ᶜ}ák*, *ръск^{ᶜ}álьвьц'е*, *к^{ᶜ}ýр'и дак* (курит дак), *к^{ᶜ}ákно*, *а к^{ᶜ}áг же*, *к^{ᶜ}уды́*, *а к^{ᶜ}ур'áт'н'ик*, *дък^{ᶜ} ы заб'ежáў*; [к'^{ᶜ}]—*как'^{ᶜ}и́ л'и*, *мужык'^{ᶜ}и́*[49].

Определяя придыхательные согласные, А. И. Томсон писал: «В придыхательных затворных после взрыва следует сильное выдыхание, производящее более или менее сильный шум в самой полости рта» [Томсон 1910, с. 190]. Л. Р. Зиндер говорит о придыхательности, как о выдохе, который «продолжается некоторое время после взрыва до начала следующего гласного, вызывая шум в полости рта, возбуждая ее собственные тоны. ⟨...⟩ Язык во время придыхания переходит к тому положению, которое необходимо для артикуляции этого гласного» [Зиндер 1979, с. 120; см. также: Проблемы анализа речи 1980, с. 90]. Л. Р. Зиндер пишет об «аффрицированности придыхательных, распространен-

[49] Для обозначения «участка глухого шума в звуковом континууме после окончания фазы выдержки глухого взрывного согласного», в том числе и для обозначения придыхания, С. С. Высотский ввел знак ⊗; см. [Высотский 1969, с. 28—29]. Мы используем для этого знак [^{ᶜ}].

ной в различных языках» [там же]. В мезенских говорах придыхательность смычных обычно не ведет к возникновению аффрикат. Разница между аффрикатами и придыхательными согласными здесь в том, что после размыкания смычки у аффрикат артикулирующие органы лишь чуть-чуть отодвигаются друг от друга, создавая узкую щель. При образовании же придыхательных после размыкания смычки артикулирующие органы широко отходят друг от друга, как это нужно для произнесения гласного. Но включение гортани задерживается. А струя выдыхаемого воздуха обладает достаточной силой, чтобы произвести характерный шум.

Впервые на наличие придыхательных смычных согласных в русском литературном языке обратил внимание А. И. Томсон. Он обнаружил эту придыхательность в конце слова [Томсон 1910, с. 190]. Современные исследователи подтвердили это наблюдение. В русском литературном языке, как пишет Л. В. Златоустова, «наибольшим придыханием характеризуются звуки, стоящие в конце слова, наименьшим — в начале слова». Связано это, по ее мнению, с тем, что придыхательность в русском литературном языке обусловлена «меньшей напряженностью произношения». «Поскольку начальные слоги слова обычно по своему положению напряжены больше, чем последующие, обычно конечные, постольку согласные начальных слогов характеризуются меньшим моментом придыхания» [Златоустова 1962, с. 60; см. также: Бондарко 1977, с. 94—95, 107].

В мезенских говорах, наоборот, придыхательность проявляется в месте наибольшего общего напряжения — в начале слова, в ударном слоге, при эмфазе, в сильной фразовой позиции. Придыхательность смычных глухих согласных в мезенских говорах — проявление их большей силы, большей напряженности. Это различие между мезенскими говорами и литературным языком в проявлении придыхательности у смычных глухих согласных весьма существенно для типологической характеристики этих языковых систем[50].

[50] Ср.: «...Конечная и начальная аспирация смычных представляет собой явления двух разных планов. Начальная аспирация относится к феноменам аллофонического варьирования, соответствующего закономерностям реализации противопоставления аспирированных и неаспирированных в зависимости от позиции (начало слова является основной позицией для этого противопоставления ⟨...⟩). Конечная аспирация смычных представляется одним иэ особых сигналов конца слова ⟨...⟩ и

В белощельском говоре длительность послевзрывной фазы у [п, т, к] в интервокальном положении может составлять до трех четвертей всего согласного; например:

Слово	Звук	Общая длительность в мс	Длительность послевзрывной фазы в мс	Длительность послевзрывной фазы в %
пропа́р'илас'	п	103	42	40
напа́р'ат	п	116	54	46
опа́ру	п	101	49	48
кака́ поро́да	п	108	55	50
упа́ла	п	98	53	54
опа́ры	п	90	50	55
на поду́	п	107	60	56
а по́т	п	141	83	60
на поро́к	п	141	95	67
то́жо по́м'ор	п	126	96	76
куп'у́л'и	п'	102	75	74
а то́же	т	142	67	47
и ту́т	т	132	65	49
а ка́к	к	170	76	45
на ка́м'ен'	к	111	54	48
высо́ка̄	к	103	57	55

Для определения длительности послевзрывной фазы у интервокальных [п, т, к] в литературном языке нами был проведен следующий эксперимент. Трем дикторам-москвичам, носителям литературного языка, школьникам 10-го класса (двум девочкам и мальчику), был предложен для прочтения список слов, включающих эти согласные. Измерение их длительности на персональном компьютере «Commodore PC 10» дало следующий результат (см. таблицу на с. 233).

По этим данным в литературном языке средняя длительность послевзрывной фазы составляет от общей длительности согласного [п] — 12 %,

должна, следовательно, рассматриваться в системе чисто просодических явлений» [Живов 1980, с. 16].

[т] — 16%, [к] — 28%. Длительность послевзрывной фазы у этих звуков колеблется в следующих пределах: у [п] от 5% до 26%, у [т] от 6% до 29%, у [к] от 5% до 42%.

Слово	Звук	Общая длительность в мс			Длительность послевзрывной фазы в мс			Длительность послевзрывной фазы в %		
		1	2	3	1	2	3	1	2	3
упала	п	146	114	155	12	10	14	8	9	9
лопух	п	131	116	169	13	11	32	10	9	19
на попа	п	97	96	92	8	7	24	8	7	26
	п	126	122	134	10	10	30	8	8	22
лапоть	п	96	105	95	13	15	13	13	14	14
копыто	п	127	126	147	13	8	13	10	6	5
	т	118	—	105	20	—	17	17	—	16
сутана	т	138	129	134	19	11	23	14	8	17
катушка	т	143	135	133	25	12	23	17	9	17
затылок	т	154	126	129	16	13	28	10	10	21
вата	т	110	104	111	16	12	32	15	12	29
лютый	т	122	97	97	26	13	19	21	13	20
рука	к	133	131	130	43	17	36	32	13	28
Баку	к	154	150	152	62	8	47	40	5	31
покой	к	178	149	128	74	23	39	42	15	30
локоть	к	96	85	87	28	20	26	29	23	30
закопать	к	99	88	86	24	22	31	24	25	36
	п	139	124	139	8	8	24	6	6	17
не потакать	п	97	76	77	12	13	18	12	17	23
	т	113	64	82	7	14	19	6	22	23
	к	116	97	102	37	23	32	32	24	31
а покатать	п	104	96	113	8	12	19	8	12	17
	к	89	72	75	25	27	25	28	37	33
	т	123	107	109	25	14	27	20	13	25

Таким образом, в белощельском говоре послевзрывная фаза у [п, т, к] в интервокальной позиции значительно длительнее, чем в литературном языке.

2.2. Различия между литературным языком и говором Белощелья наблюдаются и в соотношении длительности согласных в сочетаниях согласных.

2.2.1. По данным Л. В. Златоустовой, в сочетаниях [тк], [ск], [нк] первый согласный произносится короче, чем второй. В разных примерах у разных дикторов длительность этих согласных в мс следующая: 120—140, 140—160, 150—180, 140—160, 175—180, 180—200, 160—170, 180—200, 150—170, 160—200. И только в двух случаях в сочетании [ст] первый согласный оказался длительнее второго: 185—155, 210—185 [Златоустова 1962, с. 59].

Для уточнения характера соотношения длительности согласных в их сочетаниях друг с другом в литературном языке нами был проведен следующий эксперимент. Трем дикторам, носителям литературного языка, двум москвичам (женщине и мужчине) и жительнице Красноярска, был предложен список слов, включающих сочетания согласных, различающихся по способу, месту образования и глухости/звонкости. Чтение слов дикторами было записано на магнитную ленту. Измерение длительности согласных дало следующий результат: см. таблицу на с. 235.

Эксперимент показал, что в подавляющем большинстве случаев первый согласный сочетания короче второго независимо от характера согласных. (Между звонкими согласными часто произносится вставной гласный.)

В русском литературном языке существует закон, по которому большая долгота первого согласного по сравнению со вторым (в сочетании нескольких согласных) невозможна даже в том случае, когда первый согласный звук соответствует сочетанию двух одинаковых фонем. «В соседстве с другими согласными,— пишет М. В. Панов,— долгий теряет свою долготу (т. е. долгий замещается кратким согласным). Слова *классный*, *трехбалльный*, *программный* и подобные произносятся с кратким согласным: [кла́сныи̯] и т. д. В словах *белорусский*, *черкесский*, *индусский*, *французский* соединяются два согласных [с]— в конце основы и в начале суффикса *-ск-*, так что ожидался бы долгий согласный; но на самом деле в естественном произношении согласный не удлинен. Таким образом, между *матросской* (прилаг.) и *матроской* (сущ.), *киргизской* и *киргизкой* — произносительной разницы нет» [Панов 1979, с. 136].

2.2.2. В говоре Белощелья иная картина. Здесь первый согласный может быть намного дольше следующего. Вот примеры из наших запи-

сей, сделанных в деревне и при расшифровке магнитофонных пленок. После гласного: *иc̄ куста́, роc̄къза́лсъ, запуc̄ка́й, и c̄кор'е́, н'и́c̄к'и, обы́c̄к'ивать-то, а c̄ко́л'ко, п'ec̄ко́м, н'е́ c̄ к'им, иc̄ канто́ры, Анф'и́c̄ка-та, ч'и́c̄та, oc̄та́лос"е,*

Слово	Звук	Длительность согласных в мс		
		1	2	3
тоска	ск	122—153	118—122	126—107
маска	ск	119—116	—	126—128
таска	ск	119—126	106—117	115—136
баск	ск	147—167	106—152	148—158
писк	ск	126—140	112—143	133—161
паск	ск	129—156	100—143	106—171
воск	ск	126—167	97—140	131—162
визг	ск	126—150	97—128	128—166
мозг	ск	147—167	94—147	—
аспект	сп'	140—126	140—122	121—152
	кт	110—147	91—импл.	103—143
вакса	кс	100—156	116—125	153—154
абсурд	пс	91—160	82—133	106—166
автор	фт	91—122	94—85	112—130
мокша	кш	98—138	93—125	146—149
мошка	шк	144—129	85—104	—
асбест	з(ъ)б'	91 (53) 85	103 (50) 67	117—137
изгой	з(ъ)г	85 (56) 110	97—103	91 (53) 115
вокзал	г(ъ)з	94 (48) 141	94—137	134—147
футбол	дъб	82—56—82	91—79—82	73—53—119

вы́роc̄"т"илъ, м'е́сто, иc̄топ'и́ла, йе́c̄тол'ко, Анаc̄тас"и́йа, н'ив'е́ста, л'ec̄на́, л'ec̄ на jей, ин'т'ер'е́сно, п'ер'ен'оc̄ла́, вы́роc̄"л'и, и c̄вои́х, на́дъ c̄въйа́, и c̄ рукава́м'и, уш̄ко́м, п'еш̄ко́м, наро́душ̄ку, л'еб'о́душ̄къ, со́ўныш̄ко, М'и́ш̄ка, Ол'о́ш̄ка, к'и́ш̄к'и, моро́ш̄к'и, кустыш̄к'и, уш̄ п'ен'а́т', одны́ ишче, худ'а́шчой, в'о́шна, з'д'е́шны, уш̄ла́, пошла́, пр'ишл'и́, два х̄л'ева́, мох̄ рос"т'о́т, хож бы х̄л'е́п, Во́ф̄ка, д"е́ф̄к'и и т. п. После паузы: *c̄та́ла, c̄ко́л'ко, c̄вой̆о́, c̄мо́лодо, ф̄с"ех, ф̄ субо́ту* и т. п. Записано несколько примеров и с первым согласным звонким: *ч'о ты*

з̄”д’е́лаш, полоw’и́н̄’к’и, б’иш”ц”и́с”л’ин̄ка, дол̄жны́, пода́р̄к’и, сат’и́н̄ дак, там̄ жо́ўтъый.

У смычных согласных, как и в интервокальной позиции, долгота может проявляться в наличии придыхания или в удлинении фазы смычки: *а ка́кᶜ то́же, акᶜ н’е̄, на́ша кᶜн’аг’и́н’а*; *на̄кла́з’ да*. Между смычными согласными артикулирующие органы могут отходить друг от друга нешироко, придыхание может превратиться в глухой щелевой согласный, в результате чего возникает аффриката: *а͡кх пр́одал’и, н’и͡кхто́*.

Измерение длительности согласных в их сочетаниях дало следующие результаты:

Слово	Сочетание согласных	Длительность 1-го согл. в мс	Длительность 2-го согл. в мс	Отношение длительности 1-го согл. к длительности 2-го согл. в %
бл’и́ско	ск	167	116	144
па́ска	ск	92	65	141
наск’о́ш	ск’	122	85	143
кра́ск’и	ск’	117	88	133
н’и стоје́л’и	ст	74	49	151
у сту́пы	ст	120	80	150
доста́н’ош	ст	71	49	145
ч’и́ста	ст	114	86	133
рос”т’ира́ла	с”т’	102	63	162
пр’есна́	сн	98	42	233
л’есна́	сн	148	65	228
ба́бушка	шк	102	50	204
Са́шка	шк	102	52	196
М’и́шка	шк	86	62	139
с Ол’о́шкой	шк	77	56	137
ф квашн’а́х	шн’	138	65	212
Во́фка	фк	105	44	239
да хм’е́л’	хм’	182	80	227
нажгл’и́	жг	134	74	181

Пу́жгары	жг	73	55	133
слу́жба	жб	57	29	196
ба́нк'и	нк'	86	53	162
дымко́м	мк	98	86	114

Эксперимент подтвердил наши слуховые впечатления: в сочетании согласных длительность первого согласного обычно значительно превышает длительность второго. Первый согласный более длителен, чем второй, даже в том случае, когда первый сонорный, а второй шумный глухой, тогда как в интервокальной позиции звонкие согласные, в том числе и сонанты, намного короче глухих.

В сочетании согласных в говоре Белощелья первый согласный — сильный, а второй — слабый с точки зрения напряженности/ненапряженности. Сила первого согласного проявляется в его большей длительности, слабость второго — в его меньшей длительности. Слабость второго согласного обнаруживается и в том, что у глухих взрывных в этом положении не бывает придыхательности. Осциллограммы показывают, что в случаях типа *бл'и́ско*, *ч'и́ста*, *Во́фка* и т. п. после взрыва согласного почти непосредственно наступает гласный.

Ослабление взрывного глухого согласного, стоящего после согласного, может проявляться и в том, что взрывной теряет смычку и становится щелевым: *с ɸа́р'евом* (с паревом), *йес" ɸла́т'jо-то* (платье), *усθа́в'илсъ* (*уставился*). Возможно, превращению смычного в щелевой способствовало и то, что первый, сильный согласный в этих примерах — щелевой. В этом случае можно говорить о прогрессивной ассимиляции по способу образования. Возможно, об этом же свидетельствуют примеры, где после [с] взрывной [т] заменяется аффрикатой [ц]: *сцал* (стал), *насцы́гн'е* (настигнет).

2.3. Сила первого согласного сочетания проявляется еще в одной особенности белощельского говора — в прогрессивном оглушении сонантов. Явление это наблюдается и в середине слова и на стыке слов. Отмечены нами примеры оглушения сонантов как после смычных, так и после щелевых согласных: *про̯́шлый*, *упр̯ъвл'а́йу*, *кр̯ас"и́вы*, *закр̯ы́л'и*, *у́тр̯ъм*, *за тр̯аво́й*; *пр̯'иду́*, *пр̯'а́мо*, *запр̯'ешча́л'и*, *д'екр̯'ет*, *кр̯'е́пк'и*, *тр̯'и*, *тр̯'а́пк'и*; *т'ипл̯о́*, *по́пл̯авн'и*, *кл̯ад'и́т'е*, *сусл̯о́н*, *ма́сл̯о*, *пр̯'ишл̯а́*, *пошл̯о́*, *во ɸл̯о́т'и*; *т'епл̯'е́*, *зата́пл̯'ивъйут*, *ка́к л̯'е*, *йа́шчык л̯'и*, *по́сл̯и*, *ушл̯"и́*; *вы́п'j̯ут*, *пл̯ат'j̯е́м'и*, *от j̯е́дак*, *оп'е́т' j̯а*, *так j̯ид'о́т*, *но́цj̯у*, *сошj̯о́ш*; *окупн̯'е́с"е*. Такому же оглушению

подвергаются и [в, в'], которые произносятся в говоре наряду с более древними [w, w']: *к фам*, *жыла́ дак ф л'еса́х*, *воз'у́т' ф ло́тках*, *др'есфо́й*, *сфоjо́*, *сфа́л'ивал'и*, *jа́сфу* (яству), *с"ф'е́жу* и т. п.

Полностью глухие сонанты и [ф, ф'] на месте [в, в'] встречаются реже, чем оглушенные частично полузвонкие согласные. Анализ этих звуков на сегментаторе и осциллографе показал, что у таких сонантов глухое начало и звонкий конец.

Особенно хорошо на осциллографе виден такой характер согласного у звука [р]. Этот звук в русском литературном языке, по нашим наблюдениям и по наблюдениям других исследователей, обычно одноударный [ср. Матусевич 1976, с. 155; Зиндер 1979, с. 146]. В интервокальном положении белощельский [р] мало отличается от литературного. Но [р] рядом с согласным в белощельском говоре часто более раскатистый, чем в литературном языке. В этой позиции у [р] наблюдается здесь 2 и 3 удара. На осциллограммах хорошо видна глухость первого удара этого звука, примыкающего к впереди стоящему глухому согласному, и звонкость второго удара или удара, примыкающего к гласному. В таких случаях, очевидно, можно ввести транскрипцию *л'итр͡ро́wой*, *икр͡ру́*, *испопр͡р ос"и́л'и*, *и кр͡ру́жоw'а*. Также можно обозначать и наполовину звонкий [р']: *пр̂'р'ишы́то*, *да пр̂'р'ан'ик'и*, *пр̂'р'ив'о́с* и т. п.

Труднее определить по осциллограммам границу между шумным глухим щелевым согласным или придыхательной фазой взрывного согласного и началом сонанта [л, л', j] и [в] в тех случаях, когда начало второго звука — глухое. При прослушивании явственно обнаруживается глухая начальная фаза сонанта и [в], но по осциллограмме увидеть ее начало не удается. Поэтому обычно можно указать только общую длительность придыхания и глухой фазы следующего звука. Например: *пло́тнайа* — длительность придыхания [п] вместе с [л̂] — 94 мс, [л] — 50 мс; *отв'оду́т* — смычка [т] — 73 мс, придыхание вместе с [ф'] — 48 мс, [в'] — 39 мс; *п'jут* — смычка [п'] — 84 мс, придыхание вместе с [j̊] — 115 мс, [j] — 50 мс; *мох jа́г'ил'* — [xj̊] — 134 мс, затем [j̊] — 81 мс, [j] — 50 мс.

При обозначении в транскрипции звуков с изменяющейся сонорностью возникают трудности. Мы такие звуки передавали двояко: *пл͡ло́й*, *н'и пл̂'л'ета́ла*, *вот j͡jива́н' д'ен'*, *со сф͡ва́т'j͡jей* либо *кра́сно*, *пр̂'есла́*, *отв̂'eза́ла*. В полевых условиях, очевидно, можно предпочесть второй способ обозначения, как более экономный.

Степень оглушенности сонанта и [в] в позиции после глухого согласного в белощельском говоре зависит от общей силы, напряженности речевого участка. При большей силе, проявляющейся при эмфазе и в сильных фразовых позициях, сонанты оглушаются на большей части своего звучания, на месте [в] произносится [ф]. В других случаях оглушение может захватить лишь начальную фазу второго согласного. В слабых фразовых позициях прогрессивное оглушение этих звуков может не наблюдаться вовсе.

Сильные глухие согласные могут воздействовать не только на следующие сонанты, но и на гласные. В таких случаях гласные произносятся без голоса, сохраняя при этом остальные, типичные для них артикуляционные характеристики: *пр̯ъ̯жыла́, пр̯'и̯шло́, таба́с̄"н̯'а̯, п'и̯с"мо́, wы́п'и̯то̯* и т. п. Особенно часто такой эффект наблюдается в конце синтагмы. Иногда несколько слов подряд могут произноситься как бы шепотом, с сильным напряжением и интенсивным шумом.

В сочетании двух согласных, как указывалось выше, первый сильный, а второй слабый. Та же закономерность сохраняется и в сочетании трех согласных. Поэтому если сонант или [в] стоит после одного глухого согласного, то оглушение сонанта и [в] наблюдается довольно часто. Этого почти никогда не происходит, если сонант или [в] стоит после двух глухих согласных: второй глухой согласный слабый, он не способен ассимилировать следующий сонант и [в]: *с̄труна́, с̄тро́им, с̄тро́имс"е, с̄ тройи́ма, ис̄тр'опа́лос", так прожыла́, нъстройе́н'йь, с продофцо́м, дома́ стро́ит', ф Крыму́, два́-то с̄кла́л'и, ц"о л'и скла́тк'и, ф квашн'а́х, у н'и́х̄ сwойи́* и т. п.

2.4. В конце слова перед паузой в белощельском говоре встречаются придыхательные глухие взрывные согласные: *тутᶜ, wотᶜ, н'етᶜ, на б'и́нтᶜ, нало́жатᶜ, ро́бит'ᶜ, оп'е́т'ᶜ, а́к ыт'ᶜ, н'и та́к ыт'ᶜ, потоло́кᶜ, дакᶜ*, (с [кᶜ] в этой частице много примеров). Но часто в конце синтагмы перед паузой глухие взрывные выступают как имплозивные: *в'озу́т̯, хо́йат̯, угошча́ут̯, спра́шывайут̯, спуска́йут̯, нос'и́т̯', проп'и́т̯', а хош ка́к̯, лук̯, бојо́к̯, двойи́ма дак̯, хоро́шы т'и дак̯*. Объясняется наличие имплозивных, по-видимому, тем, что сила смычки этих согласных сохраняется, но общий спад интенсивности в конце синтагмы ослабляет и самый конец согласного — взрыв. Сила смычки превышает силу взрыва, и взрыва не происходит.

В говоре Койнаса при той же системе согласных, что и в говоре Белощелья, более резко проявилась еще одна особенность. В речи некоторых жителей на конце слова перед паузой очень часто произносятся долгие согласные: *в'и́д'ит̄, пр'ишјо́т̄, ов'ед'о́т̄, пр'ид'о́т̄, на шоста́х̄, от своји́х̄,*

у ји́х̄, м'ех̄, мох̄, вн'ис̄, в л'ес̄, слу́шал'ис̄", бојýс", друз"ја́м̄ и т. п. Взрывные согласные произносятся с долгим затвором и эксплозией: *во́д'ат̄, опшы́т̄, кры́шы н'ет̄, б'ежы́т̄, ид'о́т̄, откро́йут̄, вот̄, а к'ак̄, на п'есо́к̄*. Особенность эта резко отличает койнасский говор от литературного языка, где долгие согласные на конце слова невозможны [см. Панов 1967, с. 88].

2.5. Звонкие согласные белощельского говора ненапряженные. Это их свойство проявляется, как уже указывалось, в их значительно меньшей длительности по сравнению с глухими согласными. Ненапряженность звонких согласных проявляется также в общей вялости их артикуляции. Следствием этого является спирантизация звонких взрывных. Так, на месте [д'] часто произносится [j] или его замены: *пр̯'ијéлал, пр̯'идупр'ејúла, глáјил'и, пр̯'ијéјеш* (приедешь), *д'éина* (дядина), *мóй-то јéтко* (дедко), *лáйат, здайúте, хóйат, схојú, бýјош* и т. п. На месте [д'] может произноситься [ð']: *лáð'ила, бýð'от. На месте* [д] отмечено произношение [ð]: *э́ðак, в э́ðаком, кудá ðак, з'д'éшны ðък* и т. п. На месте [б, б'] часто произносятся плоскощелевые [β, β']: *вáты βы и наклáла, заβрóшу, голýβа, βáйна, два βрáта, раβóтала, пр'ирáβл'ивала, трýβы, на раβóту, ры́βа, уβ'ежáл, с β'интóм* (бинтом), *β'éдрó* (бедро) и т. п.

2.6. В белощельском говоре отмечается в отдельных случаях произношение звонких согласных на месте глухих и наоборот, а также произношение полузвонких на месте глухих и звонких согласных: *стáр'ин'га* (*г* < *к*), *Исáид͡'ж'а* (*д͡'ж'* < *ч'*), *потýмат'* (*т* < *д*), *фот ы йéйны* (*ф* < *в*), *у п'éстыш̯а, порáт̯о, шчо п̯олтабл'éтк'и, а т̯'ип̯'éр'е, éт̯о т̯óл'ко, он'ú т̯ам, т'ип̯'éр', поп̯ адáло, заг̯áдъвъл, в мун'д'úр'е г̯оwор'ат.*

3. Прослушивание хранящихся в отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН магнитофонных записей различных русских говоров показало, что указанные выше черты мезенских говоров свойственны также и многим другим говорам северного наречия. Некоторые из этих черт отмечались в севернорусских говорах и другими диалектологами. Таковы, в частности, имплозивные согласные [см. Селищев 1927, с. 329; Каринский 1928, с. 50; Высотский 1967а, с. 21; Кузнецова 1969, с. 55—56, 75—82; Пауфошима 1969, с. 173—174, 178—185]. Известна многим севернорусским говорам спирантизация взрывных согласных. Так, утрату затвора звонкими смычными губными мы обнаруживали в самых разных севернорусских и примыкающих к ним среднерусских говорах. Отмечена она и в русских говорах Сибири [см. Селищев 1968, с. 245—246; 321—323]. Эта же черта отражена, воз-

можно, в свойственных этим говорам словах *овыденный* (обыденный), *овет* (обет), *оветный* (обетный) и др. [см. Даль 1903—1909/1994, т. 2, с. 637; СРНГ, вып. 22; Зеленин 1911][51].

Изменение [д'] > [j] как типичное для архангельских говоров отмечает О. Г. Гецова (устное сообщение), а также В. В. Колесов [см. Колесов 1970, с. 14—20]. Это изменение связано лишь с утратой смычки, но не меняет места образования согласного, так как [д'] в этих говорах — среднеязычный палатальный согласный (точнее его обозначать как [д''']) [см. Кузнецова 1977а, с. 69—76]. Вероятно, с ослаблением согласного связано и произношение [р'] на месте [д'] в словах *сва*[р']*ба*, *уса*[р']*ба*, *кла*[р']*бище*, известное во многих севернорусских говорах. Слово *ерак* (эдак), наряду с другими севернорусскими диалектными чертами, находим в речи крестьянина — персонажа-комической драмы XVIII в.[52] Произношение этого слова с щелевым альвеолярным — апикальным или какуминальным согласным типа английского [ɹ], напоминающим русский [р] и отличающимся от него, главным образом, отсутствием вибрации кончика языка, мы неоднократно отмечали в вологодских говорах. То, что именно в этот звук изменяется здесь [д] при утрате смычки, связано с апикальным или какуминальным характером самого этого смычного альвеолярного согласного в вологодских говорах[53].

---

[51] О местном произношении этих слов говорит В. Белов: «...Женщина давала обет обыденной, или, как чаще говорили, овыденной, пелены. Овыденная — значит обыденная, краткая (овыденными могут быть и пироги, например)» [Белов 1984, с. 73]. Ср. также: Большинство мезенских крестов «ставлено „по обещанию“ — по обету, и называют их потому обетные (или по-местному — оветные)» [Мильчик 1971, с. 106—108].

Другое объяснение произношения *овыденный* предложил А. Б. Страхов, который выделяет в этом слове этимологические приставки *о* и *в* [Страхов 1985, с. 369—371]. По мнению О. Г. Гецовой, слова *овет*, *оветный* также образованы при помощи приставки *о-* (устное сообщение).

[52] Бесстыдная срамница!
Вот ек ту ты куришь,
Злодейка, да дуришь,
И ерак ту меня ты слушашь, злохоманна!
И ерак почиташь, безумна! окаянна!..
Кабы да ты жоной мне ерак согрубила,
Иной бы у меня погудкой затрубила!... [Попов 1986, с. 130—131; см. также с. 134].

[53] Об этой особенности артикуляции переднеязычных согласных русских говоров см. [Кузнецова 1969, с. 44 сл.; 1977а, с. 64—70].

Известна севернорусским говорам и спирантизация звонкого смычного заднеязычного [г] и произношение на его месте [ɣ], что связывают с ослаблением взрывного согласного [см. Аванесов 1949, с. 137; Кузнецов 1960, с. 73—74; Высотский 1978, с. 121—122].

В севернорусских говорах отмечена также мена звонких и глухих согласных и произношение полузвонких [см. Колесов 1963; Пауфошима 1969, с. 211—212. Русская диалектология 1972, с. 81—82]. В архангельских говорах нам встретилось произношение *затушы́т'* (*т* < *д*), *заду́хло* (*д* < *т*), *ц'истопло́дна* (*д* < *т*), *ох'а́боц'ка* (*б* < *п*), *по робоц''ка́м* (от *попа́к* 'небольшой торос'), *фс'о-так'и ботóм* (*б* < *п*), *прóпоц'кой* (пробочкой), *пруга́* (*г* < *к*).

В части русских говоров произносится [г] на месте [к] в суффиксе *-няг-* у слов, обозначающих совокупное множество растений определенного вида и их частей, и в суффиксе *-иг(а)* у слов, обозначающих ягоды: *ельня́г*, *березня́г*, *кустовня́г*, *лесня́г*, *сушня́г*, *малиння́г* и т. п., *черни́га*, *земляни́га*, *клубни́га*, *брусни́га* и т. п. Суффикс *-няг-*, как показало исследование Ю. С. Азарх, возник на территории Новгородской земли и сформировался по крайней мере к XIII в. В настоящее время суффикс *-няг-* распространен именно на этой территории и «на территории, которая к XII—XIII вв. стала отрываться от Новгорода (Волок Ламской, Торжок, Бежицкий Верх), а также на пограничных с Новгородской землей окраинах Ростово-Суздальской земли» [Азарх 1975, с. 243—244]. Слова с суффиксом *-иг(а)* также тяготеют к этой территории [Вендина 1980, с. 236—251, 265, 266]. Суффиксы *-няг-* и *-иг(а)*, как показывает Т. И. Вендина, «являются результатом одного фонетического процесса (перехода k > g в определенных фонетических условиях), имевшего место в западной группе среднерусских говоров» (по современному диалектному членению) [Вендина 1981, с. 272]. В прошлом эти говоры были севернорусскими. Причиной установления ⟨г⟩ в этих суффиксах могли быть непоследовательности при переходе от системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности к системе их противопоставления по глухости/звонкости.

Вышеуказанными диалектными чертами могут быть объяснены и некоторые другие особенности севернорусских говоров (см. ниже, с. 252—253, 256—258, 264, 267—272; см. также [Пауфошима 1987]).

4. При фонологических решениях в некоторых школах принято опираться на нейтрализацию фонем. В. Н. Сидорову принадлежит мысль, неоднократно приводимая П. С. Кузнецовым, о том, что «целесо-

образно определять как дифференциальный лишь такой признак, который в определенных позиционных условиях подвергается нейтрализации ⟨...⟩. Без нейтрализации невозможно определить, какой из признаков является дифференциальным» [Кузнецов 1966, с. 207; 1958].

Однако сам факт нейтрализации фонем не всегда может прояснить характер противопоставления этих фонем. Так, в русском литературном языке ⟨т⟩ и ⟨д⟩ совпадают в звуке [т] на конце слова. В этой же позиции в [t] нейтрализуются ⟨t⟩ и ⟨d⟩ немецкого языка. Но, как принято считать, в русском литературном языке на конце слова нейтрализуется противопоставление фонем по глухости/звонкости, а в немецком — по напряженности/ненапряженности (силе/слабости) [см., например, Майнхольд, Шток 1982, с. 124, 136; Раевский 1997, с. 203—204, 207]. Факт нейтрализации свидетельствует о парности фонем, о том, что они противопоставлены по одному дифференциальному признаку. Но о характере этого признака нейтрализация фонем может не говорить [ср. Трубецкой 1960, с. 176—177; Либерман 1995, с. 77][54].

Мезенские говоры, как и большинство севернорусских говоров, по характеру нейтрализации рассмотренных согласных не отличаются от других русских говоров. Здесь также шумные согласные не различаются на конце слова и перед шумными согласными, совпадая на конце слова и перед глухими согласными в глухом варианте, а перед звонкими — в звонком. Кроме того, и в тех, и в других говорах глухость и напряженность согласного, а также звонкость и ненапряженность обычно связаны в единые комплексы взаимообусловленных признаков.

Разница между указанными двумя типами говоров — в характере реализации контраста между фонемами, противопоставленными в сигнификативно сильных позициях, и в характере согласного, выступающего в сигнификативно слабых позициях. В одних говорах, как и в литературном языке, в основе контраста согласных, характеризующихся глухостью + напряженностью и звонкостью + ненапряженностью, лежит глухость/звонкость. Контраст этих согласных по глухости/звонкости ярче, чем по напряженности/ненапряженности: [т]*ам* — [д]*ам*, *ко*[с]*á* — *ко*[з]*á*, [п]*рóсит* — [б]*рóсит*. В других говорах в основе контраста лежит напряженность/ненапряженность. Здесь именно этот признак ярче, чем глухость/звонкость:

[54] Не говорит о характере дифференциального признака и само по себе отсутствие нейтрализации, как это иногда считают [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 46—47].

[тᶜ]*ам* — [д]*ам*, *ко*[с̄]*á* — *ко*[з]*á*, [пᶜ]*рóсит* — [б]*рóсит*. Таким образом, в основе противопоставления фонем — их фонетические реализации.

Это фонетическое отличие свидетельствует о том, что в севернорусских говорах противопоставление шумных согласных осуществляется по напряженности/ненапряженности, тогда как в остальных говорах и в литературном языке — по глухости/звонкости. Между этими двумя системами есть и другое, структурное отличие.

Признак, лежащий в основе противопоставления согласных, может в некоторых случаях уступать свое место сопутствующему признаку. Так, в русском литературном языке различие между [п] и [б], [т] и [д], [с] и [з] и т. п. в шепотной речи, когда голос отсутствует, проявляется только в напряженности или ненапряженности соответствующих звуков: мы и при шепоте различаем слова *там* и *дам*, *собор* и *запор*, *питон* и *бидон*. В севернорусских говорах, где ведущим в противопоставлении согласных фонем обычно является напряженность/ненапряженность, выделяется позиция, в которой на первое место выходит контраст между этими согласными по глухости/звонкости. Это позиция согласного после согласного. Здесь глухие взрывные теряют придыхательность, а щелевые — долготу и становятся, следовательно, гораздо менее напряженными: *с*[т]*ал* — с[д]*ал*, *ис*[п]*и́ть* — *из*[б]*и́ть*, *в* [с]*уп* — *в* [з]*уб*.

Таким образом, если в литературном языке и в подобных ему говорах противопоставление ⟨п⟩ — ⟨б⟩, ⟨т⟩ — ⟨д⟩, ⟨с⟩ — ⟨з⟩, ⟨к⟩ — ⟨г⟩ и т. п. в обычной, не шепотной речи осуществляется во всех сигнификативно сильных позициях по признаку глухость/звонкость, то в севернорусских говорах противопоставление этих согласных в большинстве сигнификативно сильных позиций осуществляется по напряженности/ненапряженности, а в части этих позиций — по глухости/звонкости.

5. Каково происхождение описанной диалектной особенности?

По поводу одного из проявлений противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности — озвончения глухих согласных в интервокальной позиции и наличия полузвонких согласных — высказывалось предположение, что это черта финского субстрата [см. Колесов 1963, с. 108; Пауфошима 1969, с. 214]. Такое предположение не лишено оснований. Можно предполагать, что и другие особенности обнаруженного нами комплекса звуковых черт архангельских говоров тоже финского происхождения.

Этому, однако, противоречит следующее. В Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР в г. Сыктывкаре в 1985 г. нам предоставили возможность прослушать магнитофонные записи различных говоров языка коми, в том числе говоров по реке Мезени, соседних с русскими мезенскими говорами. Ни в одной из этих записей мы не обнаружили наиболее яркой черты русских мезенских говоров — придыхательности смычных глухих согласных. Хотя некоторые проявления противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности в говорах коми есть, в частности преобладание длительности первых согласных в консонантных сочетаниях.

Возможно и другое объяснение происхождения описанного севернорусского явления.

Аналогичные черты известны многим индоевропейским языкам: значительное превосходство по длительности сильных глухих согласных сравнительно со слабыми звонкими, придыхательность глухих взрывных в начале слова и в интервокальном положении (при отсутствии ее в позиции после согласного), прогрессивное оглушение сонантов, удлинение конечных согласных, спирантизация звонких смычных [см., например, Жирмунский 1956, с. 251—252, 254; Гимсон 1972, с. 159—165, 201, 205—206, 213, 216; Проблемы анализа речи 1980, с. 89—97].

Известны многие из рассмотренных черт и славянским языкам. По нашим наблюдениям, польские глухие согласные более напряженные, чем русские. В речи поляков можно отметить и придыхательность у [p, t, k]. В западно- и южнославянских языках отмечается долгота конечного согласного и первого согласного консонантных сочетаний, прогрессивное оглушение сонантов и [v] [см. например: Брок 1910, с. 169—170; Селищев 1941, с. 300, 327, 335; Калнынь 1967, с. 105—109; 1995; Гала 1962, с. 362; Белич 1972, с. 59].

Обсуждалась актуальность противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности (силе/слабости) в чешском языке [см. Вахек 1958], в праславянском и русском [см. Андерсен 1969; 1977; Крайчович 1973; Колесов 1980, с. 43—44, 58—60, 161—168; Горшкова, Хабургаев 1981, с. 46—47, 61, 80—81].

Следовательно, рассмотренные севернорусские диалектные особенности, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности, могут представлять еще одну черту, объединяю-

щую севернорусские говоры со славянским западом. Черта эта, повидимому, представляет собой праславянское и праиндоевропейское наследие[55].

[55] Первые краткие сообщения об этом явлении [Касаткин, Пауфошима 1984б; 1985; Касаткин, Касаткина 1987]. В основе раздела — работы [Касаткин 1985в, с. 175—195; Касаткин, Касаткина 1992].

Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности

1. Во многих современных севернорусских говорах согласные противопоставлены не по глухости/звонкости, как в южнорусских и среднерусских говорах и в русском литературном языке, а по напряженности/ненапряженности. Это проявляется в целом ряде фонетических особенностей севернорусских говоров. Есть основание считать, что противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности было свойственно праславянскому и древнерусскому языку, а затем в части русских говоров заменилось на противопоставление по глухости/звонкости (см. выше, с. 245).

Дифференциальные признаки напряженность/ненапряженность и глухость/звонкость реализуются целым набором одних и тех же артикуляционных и акустических параметров. Различие между двумя этими системами проявляется в первую очередь в конкретных значениях этих параметров, свидетельствующих о том, какой из них является ведущим в этом комплексе. Так, в системе, где противопоставление согласных осуществляется по признаку глухость/звонкость, наиболее контрастным является различие согласных по отсутствию/наличию голоса. Другие же параметры этого признака, в частности, большая/меньшая напряженность языка и стенок глотки, большая/меньшая степень длительности согласного, большая/меньшая сила струи выдыхаемого воздуха и

др. лишь сопутствуют основному параметру, так как контраст глухих и звонких согласных по каждому из этих параметров гораздо менее яркий. В системе же, где противопоставление согласных осуществляется по признаку напряженность/ненапряженность, именно эти параметры являются ведущими, контраст согласных по этим параметрам гораздо более яркий, чем в системе противопоставления согласных по отсутствию/наличию голоса [см. Якобсон и др. 1982, с. 207; Бондарко, Зиндер 1966, с. 12; Кодзасов 1982, с.82; Князев 1991, с. 28].

Одной из важных особенностей системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности является то, что в консонантных сочетаниях первый согласный является сильным по напряженности, а второй слабым. Это проявляется, в частности, в преобладании длительности первого согласного над вторым, тогда как в системе противопоставления согласных по глухости/звонкости, наоборот, первый согласный обычно короче второго (см. выше, с. 233—237).

2. Долгота смычного согласного перед согласным может реализоваться в удлинении фазы смычки или послевзрывной фазы. В языках, знающих противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, может использоваться преимущественно тот или иной способ продления взрывных согласных. Так, в некоторых финно-угорских языках продление фазы смычки приводило к возникновению геминат, в некоторых германских языках продление послевзрывной фазы приводило к возникновению придыхательных. В севернорусских говорах зафиксированы оба эти способа продления глухих взрывных согласных: *а п̄'имо́ ф, э́т̄ого, как̄о́й; пᶜод'и́, тᶜам кᶜак* (см. выше, с. 230—232).

2.1. В позиции перед согласным использование того или иного способа может быть связано с характером следующего согласного. Так, в севернорусских говорах перед смычными согласными у глухих взрывных может удлиняться послевзрывная фаза и возникать эффект придыхания: *вотᶜ куды́, а какᶜ то́же, акᶜ н'ē, кᶜн'аг'и́н'а*. После [к], имеющего сравнительно с [п] и [т] наиболее длительную послевзрывную фазу (см. выше, с. 232—233), придыхание может превратиться в глухой щелевой заднеязычный согласный, образующий вторую фазу аффрикаты: *н'ик͡хто́, ак͡х про́дал'и*[56]. Веро-

[56] Об аффрицированности придыхательных, распространенной в различных языках, см. [Зиндер 1979, с. 120]. Замена глухих взрывных аффрикатами отмечается, например, в некоторых немецких диалектах: [p] > [p͡f], [t] > [t͡s], [k] > [k͡x] [см. Жирмунский 1956, с. 33—39, 255—256].

ятно, о таком произношении говорят и отмеченные в материалах ДАРЯ на территории северного наречия примеры типа *к*^{x} *пов'аск'е*, *к*^{x} *проймам*, *к*(^{x}) *тому*, *к*(^{x}) *кому́*, *к*^{x} *коро́ве*, *к*^{x} *козе́* [см. Бурова 1967, с. 223].

В современных русских говорах известно произношение [х] на месте *к*, *г* перед глухими смычными согласными: [х] *кому*, *мя*[х]*кая*, [х]*то*, *но*[х]*ти*, [х] *парню*, [х] *чему*, *мя*[х]*че* и т. п. [см. Бурова 1967; ДАРЯ, вып. 1, карта 88]. Явление это отмечено и в письменных памятниках древнерусского языка [см. Соболевский 1907, с. 105—106]. Оно было свойственно и литературному языку XVIII — начала XX вв. [см. Панов, 1990, с. 126—128, 223—224, 386—388], но, потеряв позиционную обусловленность, стало уходить из литературного произношения, сохраняясь сейчас лишь в корнях *легк-*/*легч-*, *мягк-*/*мягч-*: *лёгкий*, *легче*, *мягкий*, *мягче* и др., а в словах *квохтать* и *клохтать* (из **klokъtati* [см. ЭССЯ, вып. 10; Шанский и др. 1975]) закрепилось и в написании. По данным ДАРЯ, это явление широко распространено в русских говорах, кроме Западной и Северной диалектных зон, где оно встречается гораздо реже.

Наряду с этим явлением наблюдается также произношение [γ] на месте *к*, *г* перед звонкими взрывными: [γ] *городу*, *то*[γ]*да*, [γ] *болоту* и т. п., однако области распространения этих двух явлений не совпадают, различны, очевидно, и причины их возникновения. Так, произношение [γ] на месте [г] перед смычным согласным «в основном не характерно для говоров, имеющих фонему /г/. [γ] вместо [г] < [к] в этом положении в южнорусских говорах очевидно связано с наличием в них фонемы /γ/ в соответствии с /г/ литературного языка, так как сплошное распространение [γ] вместо *к* перед звонким почти не выходит за пределы говоров с фонемой /γ/» [Бурова 1967, с. 22; см. также: ДАРЯ, вып. 1, карта 87]. Такая же разница в реализации предлога *к* перед глухими и звонкими взрывными отмечается в говорах Сибири, унаследовавших эту черту от севернорусских и среднерусских говоров: перед глухими произносится [х], перед звонкими — [г] [см. Селищев 1968, с. 242—243, 318—319].

Многие лингвисты, рассматривавшие произношение [х] на месте *к* перед смычными согласными, его причиной называли диссимиляцию: взрывной перед смычным изменялся в щелевой [см. Соболевский 1907, с. 105—106; Селищев 1968, с. 470; Аванесов 1949, с 163—164; Иванов 1990, с. 173]. Можно предложить и иное объяснение происхождения данного явления.

В древнерусском языке в период, когда на всей территории его распространения согласные противопоставлялись по напряженности / нена-

пряженности, произношение аффрикаты [к͡х] на месте ⟨к⟩ перед гласным было обычным явлением. Произношение [к͡х] на месте ⟨к⟩, ⟨г⟩ перед глухим смычным согласным в словах типа *к͡хто*, *к͡х кому*, *кок͡хти* (из *къто*, *къ кому*, *когъти*) и т. п. было характерно и для эпохи после падения редуцированных.

Возникшая, по-видимому, еще в праславянскую эпоху тенденция к изменению артикуляционной базы (см. выше, с. 131—139) привела к тому, что противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности заменялось противопоставлением по глухости/звонкости. В ходе этого процесса первый согласный консонантного сочетания сокращался. При этом должна была утратить часть своей долготы и аффриката.

По-видимому, в некоторых говорах аффриката [к͡х] сокращалась за счет ее щелевой фазы: [к͡х] > [к]. Как указывалось, в современных говорах Западной и Северной диалектных зон обычно произношение [к]*то*, [к] *кому*, *ле*[к]*ко*, *ко*[к]*ти* и т. п., хотя в некоторых говорах и здесь в позиции перед смычными согласными встречается произношение [х] на месте *к*, *г* [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 88; ОЛА 1990, с. 138—139]. В большей же части говоров произошла утрата первой фазы аффрикаты [к͡х] — фазы смычки: [к͡х] > [х]. Так из *к͡хто*, *к͡х кому*, *л'ек͡хко*, *кок͡хт'и* возникло произношение *хто*, *х кому*, *л'ехко*, *кохт'и* и т. п. Явление это отмечается в памятниках письменности с XIV в. [см. Соболевский 1907, с. 105—106; Карский 1955, с. 374].

Подтверждением именно такого пути возникновения данной диалектной особенности могут служить изменения и других аффрикат в щелевые согласные в позиции перед смычными согласными в русском языке. Так, широко распространены в русских диалектах и известны литературному языку примеры изменения [ч'] в [ш'], а затем в [ш] (в связи с его отвердением) перед [н] и [т]: *коне*[ч'н]*о* > *коне*[шн]*о*, *ску*[ч'н]*о* > *ску*[шн]*о*, *моло*[ч'н]*ый* > *моло*[шн]*ый* и т. п., а также [ч'то] > [што] [см. ДАРЯ, вып. 1, карты 83—86; Обнорский 1960; Бурова 1975]. В древнерусском *чьбан* после падения редуцированных глухой [ч'] перед звонким [б] озвончился: [д'ж'бан], а затем аффриката изменилась в щелевой, позднее отвердевший: *жбан* [см. Шанский и др. 1975]. В цокающих говорах, где в соответствии с [ч'] произносятся [ц], [ц'], [ц''], на их месте перед [н], [н'] отмечаются [с], [с'], [с'']: *пшени*[с]*ный*, *моло*[с]*ный*, *яи*[с']*ица*, *я*[с']*невый*, *ове*[с'']*ник*, *спи*[с'']*ник* и т. п. (см. ниже, с. 311—327).

Так же, как и при ослаблении аффрикаты [к͡х], могла утрачиваться щелевая фаза у аффрикаты [ц'] (= [т͡с']), [ц] (= [т͡с]). Так, в псковских и

тверских говорах, характеризующихся цоканьем в настоящем или в прошлом, встречается произношение [т], [т'] на месте аффрикаты. Чаще всего такой [т], [т'] отмечается перед смычным согласным или на конце слова: *ате́т*, *маладе́т*, *кузне́т*, *бра́тет*, *дот* и *доть*, *не́меть*, *кирпи́ть*, *да́тьники* и др. [Чернышев 1970, т. 2, с. 348, 349, 352, 354—358, 361, 364, 368, 377]; *лиси́тка*, *натнёт*, *ате́т*, *немет*, *бра́тит ты мой*, *клют'* и др. [Копорский 1949, с. 167—168]; *мало́тный*, *пшени́тный*, *наро́тно*, *ску́тно*, *сма́тно*, *я́тня*, *мутна́я*, *рятня́й*, *натня́й*, *черни́тник*, *натни́* и др. [Бурова 1975, с. 129; Бьёрнфлатен 1993, с. 11—12] (см. также ниже, с. 269).

Подобное произношение [т'], [т''] на месте аффрикаты [ц'], [ц''], возникшее в результате утраты ее щелевой фазы, отмечено и в архангельских говорах: *с'т'ита́л'и*, *н'ит'ево́*, *на гран'и́т'е*, *т'и́ш̄у*, *пти́т'ка*, *т'еса́* (часа) [Кузнецов 1949, с. 29]; *пр'ит'ита́т'* (причитать), *т'ер*, *т'ас*, *кат'у́л'у*, *кол'е́ т'ко*, *опка́т'ивайу* и др. [Кузнецова 1973, с. 126, 131, 133—134; 1977а, с. 170—172]; *прит'и́тан'йо*, с *пал'т'е́й* (с пальцев), *с'т'и́ха*, *йет'ийа* (ячейка), *т'и́ш'ч'о* (чище), *ку́т'а*, *т"ут'* (чудь), *т"о́рной* и др. [Колесов 1975, с. 12—13].

Характерно, что произношение [т], [т'], [т''] на месте [ц], [ц'], [ц''] встречается в тех же говорах, где обычно и произношение [к] перед глухими смычными: [кто] и т. п. Это еще раз подтверждает вероятность того, что так же, как [т], [т'] возникли здесь в результате ослабления аффрикаты и утраты ее второй, щелевой фазы[57], подобный путь прошло и произношение [к] перед смычными согласными: этот [к] не сохранение старого звука, а результат сокращения аффрикаты [к͡х].

Диссимиляцией обычно объясняют изменение **tt* > **st* в праславянском языке: **metti* > **mesti*, **vedti* > **vetti* > **vesti* и т. п. Отсюда чередование [t], [d] || [s] перед [t] в современных славянских языках: русск. *ме-*

[57] Описывая это явление в псковских говорах, В. И. Чернышев считает причиной его возникновения гиперкоррекцию: «Звук мягкий *т* на месте мягких *ц* и *ч* является в силу существования рядов *лить* и *лиць*, *пить* и *пиць*, *ночь* и *ноць*, *дочь* и *доць*. Подновляя говор по типам литературного произношения, переходят не только от *лиць* к *лить*, но и от *доць* к *доть*, от *немець* к *неметь*. Вместе с отвердением звуков *ц* и *ч* получается и твердое *т* в замену этих звуков» [Чернышев 1970, т. 2, с. 348]. Действительно, отход от цеканья, распространенного в псковских говорах, мог приводить к замене [ц'] на [т'] не только в тех словах, где это соответствовало нормам литературного языка, но и в тех, где это противоречило литературному произношению (см. ниже, с. 294—295). Однако твердые [ц], [ч] никак не могут ассоциироваться у говорящих с цеканьем. Поэтому происхождение твердого [т] на месте аффрикат не может объясняться гиперкоррекцией. Между тем в псковских и тверских говорах в большинстве примеров на месте аффрикат отмечается именно твердый [т].

ту — мести, *плету — плести*, *веду — вести*, *упаду — упасть*, *чтить — почесть*, *владеть — власть*, *завидовать — зависть*, *сладкий — сласть* и т. п. Однако очевидно, что в праславянском языке, знавшем корреляцию согласных по напряженности/ненапряженности, в сочетании *tt* первый согласный был напряженным и, следовательно, долгим. Долгота этого согласного не могла проявиться в увеличении фазы смычки и отсутствии взрыва, так как в этом случае на месте *tt* произносился бы согласный со смычкой тройной долготы. Поэтому долгота первого согласного должна была приводить к увеличению его послевзрывной фазы, что между двумя одинаковыми по месту образования переднеязычными согласными реализовалось в возникновении щелевого призвука того же места образования, то есть [s]: сочетание **tt* произносилось как [t͡st]. А при ослаблении аффриката теряла смычку: [t͡st] > [st]. Таким образом, диссимиляцией можно называть только результат этого изменения. Механизм же самого этого процесса и его причины обусловлены другими закономерностями.

Подобный процесс изменения напряженного смычного взрывного, получившего придыхательность, в аффрикату, а затем в щелевой согласный происходил и в других языках, в частности, в немецких диалектах, где зафиксировано изменение [p] > [p͡f] > [f], [t] > [t͡s] > [s], [k] > [k͡x] > [x], [ç] — так называемое второе передвижение («перебой») согласных [см. Жирмунский 1956, с. 323; Серебренников 1974, с. 121, 131—137].

2.2. В позиции перед щелевым согласным того же места образования удлинение взрывного не могло реализоваться путем возникновения аффрикаты, так как это приводило бы в действительности к удлинению не первого, а второго согласного: сочетание ⟨ts⟩ в этом случае произносилось бы как [t͡ss]. А в системе противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности, как указывалось выше, второй согласный консонантного сочетания короче первого. Поэтому в таком сочетании у смычного согласного увеличивалась фаза смычки: [t̪͡ts][58].

При переходе от системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности к системе противопоставления по глухости/звонкости в русском языке судьба сочетания [t̪͡tс] была различной в разных положениях в слове.

---

[58] Здесь [t̪] — имплозивный согласный, то есть фактически лишь смычка артикулирующих органов, лига над [t̪͡t] указывает, что этот неоднородный звук с увеличенной смычкой соответствует одной фонеме.

Стык приставки и корня, стык разных основ обычно хорошо осознается говорящими. Здесь фонемный состав сочетания согласных ⟨тс⟩, ⟨дс⟩ не менялся, а происходило лишь ослабление первого согласного и как следствие этого — сокращение долготы фазы смычки: [т͡т] > [т]; ср.: *отсыпать*, *надсадить*, *подсолнух*, *пятьсот*. Таков же был стык корня и возвратного постфикса в повелительной форме глагола, где выступает сочетание ⟨т'с'⟩: *пяться*, *меться*, *позаботься* и т. п.

На стыке же ⟨т⟩ окончания 3-го лица глаголов с ⟨с'⟩ возвратного постфикса произошла трансфонологизация, сама же последовательность звуков осталась прежней: [т͡тс'] — ⟨тс'⟩ > [т͡т͡с'] — ⟨тц'⟩. Очевидно, что при этом происходило и смягчение зубного перед мягким зубным: [т͡тс'] > [т'т'с']. Последующее отвердение [т'с'] (= [ц']) > [т͡с] (= [ц]), происшедшее во многих русских говорах, в том числе и легших в основу литературного языка, привело к ⟨тц⟩: *смеется* — *смее*[т͡ц]*а*. В инфинитиве, как и при произношении [т'] в окончании 3-го лица, характерного для древнерусского языка, позднее лишь для южнорусских говоров, конечный результат был тот же: [т'т'с'] — ⟨т'с'⟩ > [т'т'с'] — ⟨т'ц'⟩. В связи с отвердением [ц'] во многих говорах это сочетание изменялось в [т͡т͡с] — ⟨тц⟩: *смеяться* — *смея*[т͡ц]*а*[59]. Такое же изменение происходило с этим сочетанием звуков и в других случаях, когда его фонемный состав был затемнен; ср. *дъвѣ на десяте* > *двенадцать*.

3. Увеличенная напряженность щелевых согласных перед согласными во многих севернорусских говорах проявляется в их значительной долготе, что особенно ярко видно у глухих щелевых согласных: *ч'и́с̄та*, *п'ес̄ко́м*, *л'ес̄на́*, *п'ер'ен'ос̄ла́*, *п'еш̄ко́м*, *з'д'е́ш̄ны*, *ущ̄ла́*, *худ'а́ш̄чой*, *х̄л'ева́*, *Во́ф̄ка* и т. п. (см. выше, с. 228—229). Напряженность щелевого язычного согласного проявляется и в увеличении напряженности мышц языка, что приводит к его «распуханию» и к спорадической смычке с зубами или нёбом. Если эта смычка возникает в начале щелевого согласного, то образуется аффриката. Так, в архангельских говорах встречается произношение [ц] на месте [с] перед согласным: *Моцкву́*, *поцко́т'ина*, *цкот*, *цка́зывала*, *ц косо́й*, *ц р'ек*, *тац вот* и т. п. Произношение [ц] или [ц'] на месте [с], [с'] часто наблюдается во многих архангельских говорах в суффиксе *-ск-* после сонорных согласных: *д'ер'ев'е́нцкой*, *д'ер'ев'е́н'ц'ка*, *по-д'ер'ев'е́н'-*

[59] Здесь фонема ⟨ц⟩, так как [ц] выступает перед гласным, то есть в сигнификативно сильной позиции. Иная точка зрения высказана А. А. Реформатским [Реформатский 1957].

ц'к'и, *жéн'ц'ко*, *Л'ешукóн'ц'ком*, (*в*) *Мýрманцк'и*, *морцкóй*, *мас'т'ерц'кóй*, *базáрц'ка*, *бойáрц'кайа*, *ф Сýрц'ком*, *ц'новáрц'ко*, *ц'еногóр'ц'к'их*, *с'ёл'цк'ий*, *Тýл'цка облас'*, *В'ел'ц'к*, *кон'ешчёл'цкой*, *по-нахáл'цк'и*, *забыл'ц'кóй*, *палашчёл'ц'к'и*, а также после исконной ⟨j⟩, представленной звуком [и̯]: *латв'úйц'ка* либо нулем звука, возникшим в результате стяжения [и̯] и предшествующего [и]: *англ'úцка*, *áгл'иц'к'и*, *в Мар'úц'кой эсэсэ́р*, и после исконного сонорного [w], изменившегося в [в], на месте которого перед глухим произносится [ф]: *от'ц'óфц'кой*, *такóфц'кой*, *попóфц'ко*, *п'етрóфц'к'и*. Однако после исконных шумных щелевых согласных, ассимилированных следующим [с], [с'] и выпавших, произносятся только [с], [с']: *рýска*, *порýск'и*, *францýс'к'и*, *мус''кóй*, *мус'кó*, *кóйн'ес''ка* (от названия села Койнас). Таким образом, усиление напряженности на стыке сонорного согласного и следующего за ним [с'] перед [к] приводило к образованию смычки в начале щелевого согласного и изменению его в аффрикату [ц'].

Напряженность [с], [з] перед [р] приводила к образованию смычки языка с верхними зубами или с альвеолами после щелевого согласного. Результатом этого было возникновение еще в праславянском языке в сочетаниях $^{*}sr$, $^{*}zr$ эпентетических *t*, *d*, вследствие чего $^{*}sr > {}^{*}str$, $^{*}zr > {}^{*}zdr$. Подобные сочетания известны самым различным русским говорам, наиболее последовательно произносятся они в севернорусских говорах: *стрýб-от*, *стрýбл'оно*, *струбовóй*, *строк*, *отстрóц'ил'и*, *строн'úла* (уронила), *настр'éту* (навстречу), *стр'етáла*, *постр'етáлас'*, *стрáка*, *зáстрал'и*, *нáстрал*; *наздр'éла*, *здр'ет* (зреет), *доздр'éйут*, *вы́здр'ейут*, *здр'а*, *роздр'éзало*, *изд рук'и́* и др.

Также связано с напряженностью первого согласного возникновение эпентетического *d* в сочетании $^{*}nr > {}^{*}ndr$: *ндрав*, *пондрáв'илас'*. Однако механизм этого изменения иной. Повышенная долгота смычки языка с верхними зубами (или альвеолами) при произнесении первого согласного не совпадает с артикуляцией нёбной занавески, которая поднимается и закрывает носовую полость раньше, чем заканчивается смычка. В результате конечная фаза смычного совпадает с отсутствием назальности. Так возникает «вставной» [d].

4. Во многих русских говорах, главным образом южнорусских, начальные сочетания согласных в слове могут не сохраняться. Их изменение может происходить двояким образом: в одних случаях перед сочетанием согласных возникает протетический гласный, в других — сочетание разбивается вставным гласным. Каждый из этих способов изменения консонантного сочетания характерен для разных диалектных групп.

Слово *ржаной* с протетическим гласным [а], [о], реже [у], [и], [ъ], образующим 2-й предударный слог (*аржано́й* и т. п.), распространено на всей территории южнорусского наречия и в части среднерусских и севернорусских говоров [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 14]. Протетический гласный, чаще всего [и], образующий 1-й предударный слог (*иржы́* и т. п.), встречается, как правило, лишь в Юго-Западной диалектной зоне, составляющей часть ареала этого явления, известного также большинству белорусских и украинских говоров [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 15; Карский 1955, с. 260—264; ДАБМ, карта 26; АУМ, т. 1, карта 24, т. 2, карта 23; Бурова 1983]. Большинство примеров составляют слова с первыми сонорными согласными, главным образом [р] и [л]: *иржи*, *иржать*, *иржавый*, *ирта*, *илгать*, *илба*, *ильдом* и т. п., а также [м], [н], [w]: *имгла*, *имха*, *имчать*, *инравиться*, *ивнук*, *ивьюга* и т. п. Встречаются примеры с протетическим гласным и перед шумным согласным: *Иглеб*, *игнать*, *игруша*, *иткем*, *иштука*, *ижну*, *издесь*, *изделать*, *истужа*, *исправка*, *ис песнями*, *из яечками*, *ик вам*, *ик сараям* и т. п. [см. Васильев 1907, с. 15—17; Бурова 1983].

Вставка гласных внутрь консонантного сочетания типа *п*[ъ]*лато́к*, *г*[ъ]*речи́ха*, *к*[ъ]*рапи́ва*, *н*[а]*ра́виться*, *м*[ы]*но́го*, *с*[и]*вет* и т. п. чаще всего встречается «в обширной зоне, включающей восточную группу южного наречия вместе с территорией к югу и востоку от нее, а также примыкающие к ней восточные среднерусские говоры — акающие и окающие (южную часть последних)» [см. Бурова 1981, с. 94]. Более широко к западу, чем в этом юго-восточном ареале, распространено произношение с гласными вставками лишь некоторых слов: *п*[ъ]*шени́ца*, *с*[ъ]*моро́дина*, *п*[ъ]*шено́* и некоторых других, обычно с вставным [ъ], образующим 2-й предударный слог, реже с [ы], [а], [у] [см. ДАРЯ, т. 1, карта 13].

Происхождение протетического гласного перед сочетанием согласных с первым сонорным А. А. Шахматов связывал с исконной, как он считал, слоговостью начальных сонорных, стоящих перед ъ, ь: оставшиеся перед выпавшим ъ или ь слоговые сонорные в начале слова перед согласными «устранялись с течением времени в различных русских говорах более или менее однообразными способами, а именно посредством изменения» слоговых сонорных в сочетания гласная слоговая + сонорная неслоговая [Шахматов 1903б, с. 176; 1915а, с. 229—230, 233—235, 242—243]. Примеров с протетическим гласным перед сочетанием согласных с первым шумным А. А. Шахматов не рассматривал.

Е. Ф. Карский выдвинул сходное объяснение появления протетического гласного перед сочетанием согласных с первым сонорным, указав

при этом, что в результате выпадения *ъ* или *ь*, стоящего после сонорного, возникала «группа согласных, трудная для произнесения в начале слов». «В таком положении *р*, *л*, *в*, *м* способны становиться слоговыми», поэтому «перед ними появляется гласный звук, ⟨...⟩ естественно развившийся перед слоговыми согласными». Появление протетического гласного перед сочетанием согласных с первым шумным происходило, по мнению Е. Ф. Карского, «по аналогии случаев, имеющих в начале приставочные звуки» [Карский 1955, с. 260; см. также: Брок 1916, с. 78][60].

Новое объяснение может быть основано на особенностях системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности. В такой системе шумный согласный, стоящий в начале консонантного сочетания, был напряженным: [с̄т]*ужа*, [с̄м]*ородина*, [ш̄т]*ука*, [γ̄р]*уша*, [з̄'д']*есь*, [тᶜв]*орог*, [кᶜл]*очки*, [кᶜ в]*ам*. Напряженный же согласный может восприниматься как слоговой. Так, в южнорусских говорах (главным образом юго-восточных), как и в литературном разговорном языке, гласный, стоящий в позиции, где обычна наиболее сильная его редукция, может ослабляться до нуля, не произноситься [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 32; Строганова 1977; Голубева 1985]. При этом количество слогов в слове часто остается прежним, так как слоговость с утраченного гласного переходит на согласный. (Это, к сожалению, почти не отмечается в материалах ДАРЯ.) В этих случаях слоговыми могут быть не только сонорные согласные — *п*[р̥]*дава́ть*, *мо*[л̥]*тобо́ец*, *вы́*[н̥']*су* (продавать, молотобоец, вынесу), но и шумные звонкие — [γ̥]*вори́ть*, [з̥]*губи́ть*, (говорить, загубить) и шумные глухие — [с̥]*поги́*, [п̥]*толо́к*, [т̥]*поры́* (сапоги, потолок, топоры). По-разному произносятся [з]*дава́ть* (сдавать) и [з̥]*дава́ть* (задавать), *вы́*[γ]*нем* (выгнем) и *вы́*[γ̥]*ним* (выгоним), [п]*лева́ли* и [п̥]*лива́ли* (поливали), *зя*[т'] *пусти́л* и *зя*[т̥'] *пусти́л* (зятя). Слоговые согласные в этих парах отличаются от неслоговых большей напряженностью: щелевые — долготой, взрывные — придыхательностью.

Напряженность первого согласного консонантного сочетания обычна в системе противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности. Когда же эта система стала заменяться системой противопоставления согласных по звонкости/глухости, напряженность первого согласного в таких сочетаниях стала восприниматься как его слоговость.

---

[60] Л. Л. Васильев считал, что «во всех этих случаях надо исходить не из слоговых звуков, а из неудобного сочетания согласных, которое образовалось после выпадения *ъ* (*ь*)» [Васильев 1907, с. 18].

Но слоговые согласные не типичны для русского языка. Поэтому возникло стремление перенести слоговость с согласного на гласный, которому обычно и присуща эта функция. Так возникли неэтимологические гласные — протетические в Юго-Западной диалектной зоне и эпентетические в Юго-Восточной. То, что эпентетические гласные возникали чаще в начальном слоге слова, хотя возможны и в других слогах [см. Бурова 1981, с. 97—98; Пауфошима 1977, с. 213—216, 218—219, 221—223; Калнынь 1993, с. 212—215], объясняется, по-видимому, тем, что начало слова характеризуется повышенной интенсивностью по сравнению с другими его частями. Здесь напряженность первого согласного консонантного сочетания, поддержанная словесной просодической интенсивностью, напряженностью, была особенно заметна.

Протетические и эпентетические гласные известны почти исключительно южнорусским и части среднерусских говоров. Это связано, очевидно, с тем, что во многих севернорусских говорах до сих пор существует противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, другие же севернорусские говоры утратили это противопоставление недавно.

5. В говорах, знающих противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, второй согласный консонантного сочетания, как указывалось, слабый по напряженности, ненапряженный. В некоторых позициях, еще более ослаблявших его, второй согласный утрачивался. Так, почти во всех севернорусских говорах и в ряде среднерусских и южнорусских известна утрата [т] в сочетании ⟨ст⟩ на конце слова: *мос*, *хвос*, *лис*, *баянис*, *артис* и т. п. при сохранении этого [т] перед гласным: *моста*, *хвоста*, *листа* и т. п. Еще шире распространена утрата конечного [т'] в сочетании ⟨с'т'⟩: *шерсь*, *часъ*, *кись* и т. п. при *шерсти*, *части*, *кисти* [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 80].

Наблюдается в севернорусских говорах утрата и других согласных в консонантных сочетаниях на конце слова, главным образом сонорных, которые обладают наименьшей напряженностью артикуляции среди согласных: *до́бра — доп*, *мотоцы́кла — мотоцы́к*, *с''п'екта́кл'а — с''п'екта́'к*, *па́смо — пас*, *пове́смо — пове́с*, *Олександра — Олексант*, а также *из за́кса — в зак*. Закрепилась эта особенность в русском языке в глагольных формах прошедшего времени мужского рода; [л] после согласных, оказавшись после падения редуцированных на конце слова, утратился: *несла — несль* > *нес*, *везла — везль* > *вез*, *утихла — утихль* > *утих* и т. п.

Широко известно в севернорусских говорах ослабление до полного выпадения смычного [т], [т'], стоящего после [с], [с'], [с''] перед щелевым сонорным; *рожес'во́*, *ворос'во́*, *нача́л'с''во*, *с ростро́йс''ва*, *хоз''а́йс''в'енны*; *л'и́с''йо*, *шча́с''йо*, *ку́с''йо* (кусты), *кос''йо́* (кости), *за́п'ир'с''йо* (от *перст*); ср. также *п'ер'едыи́з''йо* (от *изба*).

6. С напряженностью первого и ненапряженностью второго согласного консонантных сочетаний связаны, очевидно, разнообразные случаи прогрессивной ассимиляции согласных, типичные для севернорусских говоров.

В этих говорах наблюдается прогрессивное оглушение сонантов: *п'ју*, *но́ц'ју*, *сошјо́ш*, *от је́дак*, *про́шлый*, *тр̂'и*, *т'ипл̂о́*, *ушл̂''и́*, *сфојо́*, *с''ф'е́жу* и т. п. (см. выше, с. 237—239). Эта закономерность проявилась и в произношении [хф], [хф] на месте *хв* в ряде русских говоров: [хф]*ос*, [хф]*ос* (хвост), [хф]*оя*, *сара*[хф]*ан* и т. п., в том числе и в написании типа *Тихфин* (Тихвин), *Тферь* (Тверь, из **тьхвѣрь*) в севернорусских памятниках письменности [см. Орлова 1950, с. 203—205].

В архангельских и вологодских говорах мне неоднократно приходилось отмечать слово *охфо́та* (охота) с глухим [ф]. С [в] слово *охвота*, по устному сообщению О. Г. Гецовой, широко распространено в архангельских говорах, в таком виде его отмечают и некоторые диалектные словари, например [Немченко и др. 1963; Туровский словарь 1984]. Особенность произношения этого слова можно объяснить тем, что начальная фаза дифтонга [y͡o], выступавшего в этом слове в соответствии с ⟨ω⟩, стала восприниматься говорящими как воплощение ⟨в⟩ в связи с неразличением ⟨ω⟩ и ⟨во⟩ при губно-губном произношении сонанта [w]: ⟨охωта⟩ стало расцениваться как ⟨охвота⟩. Подобная «консонантизация» начальной фазы дифтонгов известна в украинских и севернорусских говорах [см. Назарова 1968, с. 74—77; Пауфошима 1963, с. 35].

В северных рукописях XII—XIV вв. встречаются примеры, отражающие прогрессивное оглушение и шумных согласных: *ктѣ* (< *къдѣ*), *сторовъ* (< *съдоровъ*), *сторови* [см. Самуйлова 1963; Колесов 1980, с. 158].

В севернорусских говорах наблюдаются различные случаи прогрессивного смягчения согласных. Так, в архангельских говорах встречается произношение [с''н'], [ш''н'], [ш'н'] на месте *чьн* с мягкостью [н'], возникшей в результате уподобления предшествующему мягкому: *наро́с''н'о*, *врус''н'у́* (вручную), *коло́д'еш''н'а*, *до уро́ш''н'ого*, *р'еш'н'а́* и т. п. (см. ниже, с. 326—327). В этих же говорах встречается прогрессивное смягчение и

других согласных: *пóл'з''а*, *пóл'з'оват'* (мягкость [з'] здесь, по-видимому, вторична), *пó л'д'у*, *изо л'д'ý*, *со л'д'óм*, *подо л'д'óм*, *пал'т'ó*, *Ус'-В'áшка* (< *Усть-Важска*), *ф с'ед'м'óм*. Широко распространено здесь известное и в других севернорусских говорах [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 79] произношение [л'н'] на месте *л'н*: *пó л'н'у*, *картóф'ел'н'а*, *мы́л'н'а водá*, *мы́л'н'ий*, *од'д'él'н'о*, *отвáл'н'о*, *уд'ив'и́т'ел'н'о* и т. п. Широко распространено в исконно севернорусских говорах прогрессивное смягчение первого согласного суффикса *-ск-*: *жé*[н'с']*кая*, *дереве́*[н'с']*кая*, *рý*[с']*кая* (< *русьская*) и т. п. [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 78] и суффикса *-ств-*: *начá*[л'с'']*во* (< *начальство*), *во́ро*[с']*вó* (< *воровьство*) и т. п.

Встречается в севернорусских говорах прогрессивная ассимиляция и по другим признакам. Так, в архангельских, вологодских, вятских, костромских говорах я наблюдал произношение [шч] и [ждж͡] на месте *шт*, *жд* (ассимиляция по способу образования): *шчаны́*, *шчо*, *пошчó*, *шчóбы*, *шчá-б'ел'*, *шчокотýры* (штукатуры), *шчýка* (штука) *пошчáйн'ик'и* (подштанники), *шчóфн'ик*; *ждж͡ат*, *ждж͡ут дождж͡áлас'*, *нуждж͡á*, *Над'éждж͡а*.

Почти исключительно в говорах, знающих произношение [л'н'] на месте *л'н* отмечено и произношение [л'л'] на месте этого сочетания: *учи́-те*[л'л']*ица*, *бо*[л'л']*и́ца*, *колокó*[л'л']*я*, *исполни́те*[л'л']*ий*, *понедé*[л'л']*ик*, [л'л']*яно́й* [см. ДАРЯ, вып. 1, с. 183].

В севернорусских говорах спорадически произносятся долгие мягкие согласные на месте сочетаний мягких согласных с ⟨j⟩: *свáт'т'а*, *тр'ém'т'а*, *тр'ém'т'ого*, *Тат'т'áна*, *дв'ижéн'н'о*, *в'ес'él'л'а* и т. п. [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 74]. Встречается это явление и в говорах Сибири [см. Селищев 1968, с. 262—263, 348—349]. В отличие от говоров Юго-Западной диалектной зоны, где произношение таких долгих согласных отмечено большим количеством примеров и представляет собой результат прошедшего в прошлом фонетического изменения, охватившего эти говоры вместе с украинским и белорусскими говорами,— в севернорусских говорах долгие согласные на месте сочетаний согласных с ⟨j⟩ возможны лишь как один из вариантов произношения, обычно более редкий.

В севернорусских говорах взрывной глухой согласный, стоящий после щелевого, может изменяться в щелевой: *с ф́ар'евом* (с паревом), *йес'' ф́лáт'jо-то*) (платье), *усθáв'илсъ* (уставился) (см. выше, с. 237).

7. Смягчению согласных в праславянском языке посвящено значительное количество работ. Не вдаваясь в дискуссию, попытаюсь интерпретировать некоторые детали и этапы этого смягчения, исходя из осо-

бенностей системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности.

В период 1-й палатализации заднеязычных согласных фонемы ⟨k⟩ и ⟨g⟩ были противопоставлены как напряженная и ненапряженная. Перед гласным не после согласного фонема ⟨к⟩ реализовалась напряженным придыхательным звуком, у которого фаза придыхания совпала с [х]. Таким образом, на месте **k* перед гласными не после согласных произносилась аффриката [к͡х]. Ее смягчение перед гласными переднего ряда дало тоже аффрикату [т͡ш́] = [ч́].

Такой результат 1-й палатализации был обусловлен близостью или совпадением зон артикуляции палатальных [t́] и [ḱ] (как и [d́] и [ǵ]). Следствием этой близости являются разнообразные замены ⟨t́⟩ на ⟨ḱ⟩ и наоборот (и ⟨d́⟩ на ⟨ǵ⟩ и наоборот) в различных славянских языках. Так, в разных русских говорах отмечена замена [к'] на [т'] типа *ру́*[т']*и*, [т']*ýслый*, *с*[т']*ирдá* и т. п. и замена [т'] на [к'] типа [к']*етрáдь*, [к']*еáтр*, *ане*[к']*úт*, [к']*яжелó*, [к']*ésто*, [к']*úна*, *поч*[к']*ú*, [к']*епéрь* и т. п. (а также замена [г'] на [д'] типа *нó*[д']*и*, *мо*[д']*úла*, [д']*úбель* и т. п., [д'] на [г']: *óр*[г']*ен* и т. п.) [ДАРЯ, вып. 1, карты 68, 69; Образование с-р наречия 1970, с. 61—68].

Вторая фаза аффрикаты [к͡х] изменялась при этом так же, как и **ch* [х] по 1-й палатализации. Передвигаясь в палатальную зону, звук [х] заменялся на [ç], при этом даже незначительное удлинение щели в зоне сближения языка с нёбом приводило к замене его на [ś].

В этой же позиции на месте **g* произносился ненапряженный звук. Взрывные ненапряженные согласные произносятся с вялой артикуляцией языка и имеют склонность к спирантизации. Так, в современных севернорусских говорах на месте [г] отмечается произношение [ɣ] (см. выше, с. 241) [ср. Андерсен 1969]. Поэтому по 1-й палатализации **g* изменялся в щелевой [ź], таков и обычный рефлекс этого звука, отвердевшего в большинстве говоров современных славянских языков. Предполагаемой многими исследователями предшествующей стадии аффрикаты [д͡ж́] у этого согласного, по-видимому, не было.

Перед **j* фонема ⟨к⟩, как и перед гласным, была представлена напряженным звуком [к͡х]. Его смягчение и переход в палатальную зону под влиянием следующего [j] ([i̯]) приводило к изменению в [т͡ш́] = [ч́]. Этот звук, в свою очередь, вызвал оглушение следующего [j] и изменение его в [ś]; возникало сочетание [т͡ш́ś]. Однако в этом сочетании второй согласный, совпавший со второй фазой аффрикаты, оказался более долгим, чем первый. Это нарушало закономерность, по которой соотношение

длительности первого и второго согласных должно было быть обратным. В связи с этим длительность [ś] сокращалась: [t͡ś̆ś̆] изменялось в [t͡ś̆] = [ć], ставший представителем одной фонемы.

Иной результат давало сочетание *tj. Перед [j] звук [t] был напряженным, придыхательным, но не аффрицированным. Поэтому его палатализация (палатация) приводила к изменению его в [tʲ]. Последующее прогрессивное воздействие [tʲ] на [j] (ассимиляция [j]) приводила к его оглушению, то есть изменению в [ç], и сближению места его артикуляции с [tʲ]. В результате на месте [j] возникал палатальный щелевой глухой согласный — в одной части диалектов праславянского языка [ś], в другой части диалектов [ś]. Так образовались бифонемные сочетания [tś] в восточном ареале и большей части южного диалектного ареала праславянского языка и [tś] в западном.

Дальнейшее развитие этих бифонемных сочетаний привело в большинстве славянских языков, знающих эти сочетания, к изменению их в монофонемные: [tś] > [t͡ś̆] = [č], [tś] > [t͡ś] = [ć], а также к их отвердению в части этих языков. В большинстве же древнеболгарских говоров произошла метатеза и дальнейшее отвердение согласных сочетания: [tś] > [śt] > [št], хотя в некоторых западных болгарских говорах такой метатезы не было [см. Кульбакин 1913, с. 89; Стойков 1962, с. 62, 106—108, 111, 112]. Так из праслав. *světja возникли русск. *свеча*, белорусск. *свечка*, укр. *свіча*, схрв. *свéћа*, словен. *svéča*, чеш. *svíce*, словац. *svieca*, польск. *świeca*, в.-луж. и н.-луж. *swěca*, болг. *свещ*, болг. диал. *свеча*.

Особой была и судьба сочетаний *gj и *dj. Звонкие [g] и [d] были ненапряженными сравнительно с напряженными [к] и [t] перед [j], но более напряженными, чем следовавший за ними [j].

Ненапряженный [g], произносившийся, как и перед гласным, близко к [ɣ], палатализуясь, изменялся в [ǯ]; в подобный же звук изменился в результате прогрессивной ассимиляции [j]: [gj] > [ǯǯ]. Сокращаясь, это сочетание давало [ǯ].

Сочетание [dj] изменялось в [dź] в восточном диалектном ареале и большей части южного ареала праславянского языка и в [dź] в западном. Дальнейшее развитие этих сочетаний, как и сочетаний, возникших из *tj, приводило к монофонемным аффрикатам — [d͡ǯ] в восточном и части южного диалектного ареала, [d͡ź] в западном, где позднее в части диалектов аффрикаты утратили смычку, изменились в [ǯ], [ź] и отвердели. В пра болгарском языке произошла метатеза и отвердение согласных: [dź] > [ždź] > [žd]. Так из праслав. *medja возникли русск. *межа*, белорусск.

мяжа, укр. *межа*, схрв. *међа*, чеш. *mez*, словац. *medza*, польск. *miedza*, в.-луж. *mjeza*, н.-луж. *mjaza*, болг. *межда*.

Сочетание **kt* произносилось как [к͡хt]. Перед гласными переднего ряда произошла палатализация обоих согласных, в результате чего [к͡хt] > [т͡ш́т́]. В большинстве диалектов праславянского языка второй согласный этого сочетания, ненапряженный в этой позиции, в результате прогрессивной ассимиляции спирантизовался: [т͡ш́т́] > [т͡ш́ш́]. Дальнейшее изменение этого сочетания было различным в восточном диалектном ареале и части южного, где [т͡ш́ш́] > [т͡ш́ш́] > [т͡ш́] = [č], и в западном ареале, где [т͡ш́ш́] > [т͡ш́ш́] > [т͡с́] = [ć]. В праболгарском в сочетании [т͡ш́т́] произошла утрата смычки у аффрикаты, позднее сочетание отвердело: [т͡ш́т́] > [ш́т́] > [šт]. Так из **noktь* возникли русск. *ночь*, белорусск. *ноч*, укр. *ніч*, схрв. *ноћ*, словен. *поč*, чеш., словац., польск., в.-луж. и н.-луж. *пос*, болг. *нощ*.

В сочетаниях **stj*, **zdj* звуки [st], [zd] под влиянием следующего [j] ([i̯]) передвигались в палатальную зону и, кроме того, [ś] и [ź], более напряженные, чем вторые согласные, произносились с удлиненной щелью, что, как и в сочетаниях **sj*, **zj*, приводило к их изменению в [ш́], [ж́]. В сочетаниях [ш́т́j], [ж́д́j] ([ш́т́i̯], [ж́д́i̯]) второй согласный был ненапряженным, поэтому он не ассимилировал следующий [j] ([i̯]). Так, в современных севернорусских говорах, где после одного глухого согласного сонант обычно оглушается: *п'я́ный*, *Крым*, *тро́йо*, *кла́л'и*, *кфашн̥'а́*, после двух глухих согласных сонант обычно не оглушается: *с п'я́ным*, *ф Крым*, *стро́им*, *скла́ли*, *ф квашн̥'а́х* (см. выше, с. 237—239).

Звук [i̯], в котором могла реализоваться фонема ⟨j⟩ этих сочетаний [см. Чекман 1979, с. 61—74], совпал с начальной фазой следующего гласного и в результате этого сократился до нуля. Об [i]-образной начальной фазе гласных, стоящих после мягких согласных, могут свидетельствовать древние кириллические написания букв ѧ, ѩ, ю, ѭ, ѥ: первая часть этих диграфов образована буквой обозначавшей ⟨i⟩. Об этом же могут говорить и данные современных говоров. Так, в севернорусских говорах, сохраняющих древнее противопоставление гласных по ряду и не знающих противопоставления согласных по твердости/мягкости, гласные фонемы переднего ряда могут воплощаться в звуках неоднородного тембра с первой [и]-образной или [е]-образной частью: *м*[и͡а]*со*, *л*[и͡о]*н*, н[и͡у]*х*, *с*[и͡е]*но* или *м*[е͡а]*со*, *л*[е͡о]*н*, и т. п. При этом начальная фаза гласного может совпадать с реализацией ⟨j⟩ перед гласным (см. ниже, с. 367—369, 371). Такие же неоднородные гласные [и͡а], [и͡о], [и͡у], [и͡е] встречаются и в южнорусских говорах (см. ниже, с. 381, 383).

Таким образом, сочетания **stj*, **zdj* изменились в [ś́t], [ź́d], а следующий гласный, если он был непереднего ряда, изменил ряд на передний. Такой же результат дали сочетания **skj*, **zgj* вследствие совпадения палатальных [ḱ], [ǵ] с [t́], [d́]. В некоторых славянских языках эти новые сочетания могли отвердевать (гласный при этом вновь изменял свой ряд); ср., например, старославянские формы тьштѧ (< **tьstja*), гнѣждѫ (< **gnezdjǫ*), иштѫ (< **iskjǫ*), дъждь (< **dьzgjь*) и др. В некоторых языках (диалектах) в результате прогрессивной ассимиляции изменялся второй согласный.

Во многих русских говорах сочетание [ш''т''] изменилось в [ш''т'͡ш''] = [ш''ч''], а [ж''д''] в [ж''д'͡ж'']. В некоторых современных русских говорах в словах *щука*, *ищу*, *ящик*, *леща и езжу*, *вожжи*, *дрожжи*, *дождик* и т. п. до сих пор сохраняется произношение сочетаний [ш''т'͡ш''], [ж''д'͡ж''] или [ш't'͡ш'], [ж'д'͡ж'] либо возникших в результате их отвердения [шт͡ш], [жд͡ж] [см. Образование с-р наречия 1970, с. 29—33; ДАРЯ, вып. 1, карта 48, 49, 52, 53]. Прогрессивное изменение второго согласного произошло и в заимствованных из старославянского языка словах с [ш''т''], возникшим из **tj* и **kt*: слова типа *свеща*, *нощь*, *помощь*, *общий*, *вращать*, *горящий* произносились русскими в церковнославянском языке с [ш't'͡ш'] [Успенский 1987, с. 87].

Прогрессивная ассимиляция в таких сочетаниях во многих севернорусских говорах — живая фонетическая закономерность. В этих говорах произносятся [шч] и [жд͡ж] не только на месте литературных [ш̄'] и [ж̄'], [ж̄] в таких словах, как *шчу́ка*, *шча́с'йо*, *т'о́шча*, *пушчу́* и т. п., *во́жд͡жы*, *дро́жд͡жы*, *в'ижд͡жа́т'* *до́жд͡жык* и т. п., но, как указывалось выше, и в соответствии с литературными [шт], [жд]: *шчаньі*, *шчо*, *жд͡жат'*, *одна́жд͡жы* и т. п. Сочетания [шч], [жд͡ж] возникают на месте [шт], [жд] и на стыке слов при отсутствии паузы: *уш чак* (уж так), *пр'ид'о́ж д͡жа* (придёшь да), *надои́ж д͡жак* (надоишь дак) — записано мною в архангельских говорах.

Л. Э. Калнынь и Л. И. Масленникова отметили такое произношение в говоре деревни Мелешково Тотемского района Вологодской обл. При скандировании местные жители могли делить слова на слоги так, что согласные этих сочетаний оказывались в разных слогах. В этих случаях на месте аффрикат [ч], [д͡ж] произносились взрывные: *по|шчо́* и *пош|то́*, *йе́|шче* и *йе́ш|т'е*, *шчы́рл'иц'* и *заш|т'ир|л'и|ц'а*; *до́|жд͡жык* и *до́ж|д'ик*, *ро|жд͡же́н'|йо* и *рож|д'е́н'|йо*, *пр'и|йе|жд͡жа́|йот* и *пр'и|йеж|да́й*, *дро́жд͡жы* и *дро́ж|д'и* и др. Это свидетельствует о том, пишут исследователи, что «передненебные аффрикаты являются позиционными реализаторами

зубных взрывных фонем в позиции после *ш*, *ж*» [Калнынь, Масленникова 1985, с. 97—98]. Об этом же говорит и то, что произношение [шч] распространено в говорах с мягким цоканьем, где в [ц'] ([ц'']) совпали прежние фонемы ⟨ч'⟩ и ⟨ц'⟩. Если бы [ч] был представителем ⟨ч⟩, то он не сохранился бы. Итак, севернорусские [шч], [ждж] представляют сочетания фонем ⟨шт⟩, ⟨жд⟩ [см. Касаткин 1968, с. 102—103].

Встречающееся в русских говорах произношение [шт'], [шт], [жд'], [жд] в соответствии с литературными [ш̄'], [ж̄'], [ж̄] (*ле*[шт']*я*, *ле*[шт]*а* — *леща*, *во*[жд']*и*, *во*[жд]*ы* — *вожжи* и т. п.) обычно объясняют как результат утраты конечного щелевого элемента [см. Аванесов 1949, с. 127; Кузнецов 1960, с. 175; Образование с-р наречия 1970, с. 32—33]. Возможно, это так и есть, и тогда отпадение конечного щелевого элемента может быть связано с утратой прогрессивного воздействия первого согласного на второй при ослаблении первого согласного в связи с переходом от системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности к противопоставлению по звонкости/глухости. Возможно также, что произношение таких [шт'], [шт], [жд'], [жд] представляет собой сохранение древнейших вариантов сочетаний со вторым взрывным согласным.

В новгородских берестяных грамотах встречаются примеры написания *щ* наряду с *шк* перед гласным переднего ряда типа *Тимоще*, *Тимощина* и *Тимошке* и т. п. А. А. Зализняк полагает, что написание *щ* в этих случаях, вероятнее всего, «представляет графическое явление» и передает «артикуляцию с конечным взрывным элементом» [Зализняк 1986, с. 116—117], «[ш'к'] записано здесь через *щ*» [Зализняк 1993, с. 90]. Однако *щ* здесь, скорее всего, передает, как и обычно в древнерусском языке, [ш'ч'], возникшее в результате совпадения [к'] с [т'] и прогрессивного воздействия на него предшествующего [ш']. Таким образом, написания *Тимоще* и *Тимошке* отражают разное произношение.

8. Как известно, в позднем праславянском языке действовал закон открытого слога, которым объясняются многие фонетические изменения того времени. Этот закон отразил, в частности, передвижение слогораздела внутри слова с сочетанием согласных: если раньше слогораздел был между согласными, то затем он стал проходить перед сочетанием согласных. Причиной этого передвижения слоговых границ и формирования самого закона открытого слога было, по-видимому, изменение артикуляционной базы (см. выше, с. 131—139] и связанное с ним

изменение фонологической системы: противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности заменялось противопоставлением по глухости/звонкости.

Подтверждением этого может служить разное членение на слоги последовательности ГССГ в словах типа *место*, *пастух*, *Пасха*, *брусника*, *кофта*, *девушка*, *дружба* и т. п. в разных русских говорах. В севернорусских говорах, знающих более древнее противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, слогораздел проходит в таких словах между согласными, а в русских говорах и в литературном языке, где согласные противопоставлены по глухости/звонкости, слогораздел проходит перед сочетанием согласных. Предположение о таких различиях в слогоразделе в русских говорах было высказано Р. Ф. Пауфошимой [Пауфошима 1969, с. 207], а затем было подтверждено экспериментально ею же [Пауфошима 1977] и Л. Э. Калнынь и Л. И. Масленниковой [Калнынь, Масленникова 1985; ср. также: Аванесов 1956, с. 42; Бондарко 1977, с. 129—137].

Объясняется эта особенность слогораздела артикуляционной особенностью — типом примыкания согласного к предшествующему гласному. В севернорусских говорах наблюдается сильное примыкание, а в остальных говорах и в литературном языке — слабое. Для сильного примыкания характерна, в частности, долгота, напряженность согласного (и связанная с этим краткость предшествующего гласного) в последовательности ГС, следовательно: ГС̄СГ. Для слабого примыкания характерна краткость, ненапряженность согласного (и долгота предшествующего гласного) в последовательности ГС, следовательно: Г̄ССГ [ср. Пауфошима 1969, с. 207; 1977; Князев, Шатайкина 1993][61].

[61] Первая публикация — [Касаткин 1995а].

Некоторые особенности консонантизма говоров Гдовского района Псковской области

1. В фонотеке отдела фонетики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН хранятся магнитофонные записи гдовских говоров, сделанные в конце 1950-х и в 1960-х годах С. С. Высотским и Е. Г. Буровой, Т. Ю. Строгановой и Н. В. Подольской и В. Ф. Конновой в деревнях Борщевицы, Волосово, Лядинки, Подборовье, Подсосонье (около 3 часов звучания), а также копии записей, сделанных в 1995 г. в дд. Островцы и Драготина Зепом Хонселааром, которые он любезно предоставил в наше распоряжение (около 6 часов звучания). На этих записях и основаны мои наблюдения.

2. Псковские говоры по происхождению севернорусские. Одна из наиболее ярких севернорусских фонетических черт говоров Гдовского района — оканье. Однако оканье это не исконное, а трансформированное под влиянием аканья, что проявляется в неразличении гласных неверхнего подъема в позиции перед ударными гласными верхнего подъема (так называемое полновское оканье) или также и перед ударным гласным нижнего подъема (гдовское оканье). Эта особенность, наряду с некоторыми другими, позволяет относить гдовские говоры к среднерусским. Исконно севернорусскими являются и такие черты этих говоров, как [г] взрывной, чередующийся на конце слова с [к], цоканье или его следы, регрессивная ассимиляция по назальности в сочетаниях [бм], [б'м'] и [дн], [д'н'] (произношение на их месте [мм], [м'м'] и [нн], [н'н']) и выпадение интервокального *j* [см., например, Образование с-р наречия 1970, с. 163—166, 168—176, 184—189, 392—409].

3. Еще одна черта, которая объединяет гдовские говоры с севернорусскими — остатки древнего противопоставления согласных не по глухости/звонкости, а по напряженности/ненапряженности. Эта особенность севернорусских говоров была обнаружена мною вместе с Р. Ф. Касаткиной и описана в ряде публикаций (см. выше, с. 245—227). В гдовских говорах она проявляется в следующих особенностях произношения согласных.

Контраст между глухими и звонкими согласными может реализоваться в гдовских говорах в большей напряженности глухих и меньшей напряженности звонких по сравнению с согласными литературного языка и южнорусских говоров.

Напряженность глухих согласных проявляется в большей интенсивности шума и большей долготе звука. При этом напряженность [п, т, к] в интервокальной позиции и в начале слова перед гласным может проявляться в удлинении послевзрывной фазы, что выражается в наличии придыхания: *пᶜо́ л'ду, пᶜоб'е́ды, попᶜа́лъ, нъ пᶜʌко́с, н'а п'ᶜи́л'и, пᶜат'ᶜе́шнъйъ, тᶜо́нкъйъ, тᶜап'и́лъ, выб'и́тᶜъ, закᶜо́лы, такᶜу́, рукᶜо́й, кᶜон'е́ц, кᶜулакᶜа́, е́тъкᶜу, о́кᶜун'*. В соответствии с [п] нередко произносится в этих позициях аффриката [п͡ф]: *ап͡фо́ик, н'и п͡фо́мн'у, уп͡фо́мн'иц', пъкуп͡фа́л'и, п͡фо́лныи, п͡фоје́хъл*. Встречается и удлинение фазы смычки: *пр'ишо́л к̄оро́вы стръхова́ц'*.

В конце слова, стоящего в конце фонетической синтагмы, согласные часто произносятся с повышенной долготой: *Пско͡ф, коро́͡ф, ко͡с, в л'е͡с, до ва́͡с, калхо́͡с, гара́͡с, тро́нул'и͡с', пумр'о́͡ш, рʌзр'е́жᵇ͡ш, вы́к'ин'и͡ш, вы́мъе͡ш, посо́л'и͡ш, как хо́͡ш, мо͡х, на мха́͡х, сваи́͡х, со͡н*. У аффрикат может удлиняться щелевая фаза: *ов'е́͡цс, жыц͡'с', гул'а́ц͡'с'*. На месте взрывных может произноситься придыхательный: *р'еб'а́тᶜ, л'ажы́тᶜ, л'етᶜ, пъстаја́тᶜ*; или аффрикатоид с краткой щелевой фазой: *во͡тᶜ, го͡тᶜ, внук͡ˣ, как͡ˣ, на ко́зък͡ˣ*; или аффриката: *н'и мо́к͡х, так͡х, до́м'ик͡х, око́п͡ф*.

В сочетании согласных в севернорусских говорах первый согласный сильный по напряженности, а второй слабый. Это проявляется, в частности, в том, что первый согласный длительней второго, в отличие от литературного языка, где первый согласный, как правило, короче второго. Длительность первого согласного часто наблюдается и в гдовских говорах: *т'е́͡стъ, капу́͡сту, н'и с̄каза́лъ, с нагру́͡скъй, Ма͡сквы́, д'в'и с̄ пълав'и́нъй, вы́͡слъл'и, с̄војо́, ба́бу͡шкъ, м'е͡шко́ф, карто́͡шкъ, н'и͡што́, вы́͡шлъ, кон'е́͡шнъ, пр'ије́хъ͡фшы, срахо́͡фкъ, д'е́͡фкъ, ка͡фта́ны, ф͡ па́ры, ф͡ п'е́рвый, ф͡хад͡'з'и́ц', з̄дава́л'и, уз̄ла́м, а в̄ на́с, в̄ бр'ига́дъх, м̄шыц'*. У аффрикат может удлиняться щелевая фаза: *д͡'з̄'в'е, д͡'з̄'в'е́р'и, вад'и́ч͡шк'и, бо́ч͡шку, п'е́ч͡шк'и*. На месте глухих взрыв-

ных могут произноситься придыхательные: *nᶜлýгъ*, *рыпᶜк'и*, *бáпᶜк'и*, *лапáтᶜку* либо аффрикатоид: *кáк͡ˣ-тъ*. Возможно и удлинение фазы смычки: *болóт̄къ*. В возвратных глаголах на стыке окончания и возвратного постфикса встречается произношение [цс]: *л'убавáцсъ*, *жан'úцсъ*, *гóн'ицсъ*, *готóв'ъцсъ*, *бран'á'цсъ*. У звонкого [д] может возникать долгая смычка: *ад̄нýйу*, *в'úд̄лъ* (видела), *п'ир'ид̄ войнóй* либо взрыв перед [н]: *дно*.

Сильный по напряженности первый согласный сочетания может иногда ассимилировать следующий за ним согласный. Эта ассимиляция может осуществляться по способу образования. Так, после щелевого взрывной может заменяться щелевым: [ст]—*сθáлъ*; [сп]—*пáсфърт*, [сп']—*Сф'úцъньм*; [фп]—*ф фóлньм*; [шт]—*шшук*; [зд]—*ззавáт'*; [вб]—*в вор*; [вб']—*в в'éльй*. Сочетание глухого согласного со следующим звонким может реализоваться как сочетание двух глухих: *ростóр* (т. е. *Росдор* — аббревиатура, по-видимому, Российское дорожное объединение), *прáвдъ*, *пр̂'ишл'и́*. Примеры подобной ассимиляции представляют собой довольно редкое явление; наряду с таким произношением в речи тех же и других информантов встречаются и примеры без подобной ассимиляции: *стáлъ*, *штук*, *здавáт'*, *в бор*, *Роздóр* и т. п.

Возможно, прогрессивной ассимиляцией по способу образования согласного объясняется произношение [д] на месте [з] после [д']: *што мы бýд'им д'éльд' дар'éзълъ гус'éй*. И тут же: *вз'áлъ зар'éзълъ гус'éй*, || *зар'éзълъ карóф*. Впрочем замена [з] на [д] и [з'] на [д'], [д͡з'] отмечается и в случаях, не связанных с ассимиляцией: *фс"и пол'á дъпус"т'ил'и* (запустили), *хтó-тъ дж óк* (сжёг), *пáд'б'ит̄ъ* (*пастбище*, где сочетание ⟨стб'⟩ часто реализуется как [з'б']), *род'в'éхът'* (развешать), а также в глаголе *водúть* [вад͡з'úц'] 'возить' [ср. Образование с-р наречия 1970, с. 406]. Ср. также замечание Е. Ф. Карского, что в восточно-белорусских говорах в слове *хозяин* «на месте звука *з* часто слышится *д* или его замена перед умягчительным гласным *дз*»: *ходяин*, *ходзяин* [Карский 1955, с. 358].

Как прогрессивная ассимиляция может рассматриваться и изменение аффрикаты в щелевой после щелевого согласного. Так, в гдовских говорах, как и в большинстве русских говоров и в литературном языке, произошло изменение сочетаний [шч], [ш'ч'] и [жд͡ж], [ж'д͡'ж'] в [шш], [ш'ш'] и [жж], [ж'ж']. Произношение типа *ш̄ýк'и*, *л'аш̄ы́*, *úгр'иш̄ъ*, *тавáр'иш̄у* типично для гдовских говоров, хотя встречается и произношение невеляризованных звуков [шч]: *шчáс'т'йе*, *зънр'ешчóный*, *ръшчит̂áтцъ*, а также [ш'ч']: *жэ́н'ш'ч'иньı*, *распýш'ч'иньıи*. Точно так же обычно произношение типа *нъ дрож̄áх*, *уjаж̄áйъ*, а также [ж̄], возникшего из сочетания

[ждж͡], которое само было результатом прогрессивной ассимиляции в сочетании [жд']: *Рожествó, на нáшъм ыжсыв'ён'йи*. Подобная же ассимиляция с утратой смычного элемента происходит в сочетаниях [с'т͡'с'], [з'д͡'з'], где [т͡'с'], [д͡'з']—отражение типичного для гдовских говоров явления цеканья и дзеканья: *пус̄'ýл'ис'а, шáс̄'ин'к'и* (частенькие), *з̄'ес', з̄'éльц', з̄'éльл, ръз̄'ал'ýл'ис'*.

Напряженность щелевого язычного согласного [с] перед согласным и на конце слова может проявляться в увеличении напряженности мышц языка, что приводит к его распуханию и к спорадической смычке с зубами или нёбом. Чаще всего такая смычка возникает в начале щелевого согласного, в результате образуется аффриката [ц]: *рацтý, ну цтáршый, оплáцтьйу, а цкóл'къ, пъцпортá, цв'óкър, ц рукóй, јаны ц сынъм, цхад'úлъ*. В примерах с этим явлением на конце слова отмечена и долгота щелевой фазы аффрикаты: *нац͡с, гарáц͡с*. Напряженность [с], [с'] в начале слова перед гласным или в интервокальном положении может приводить к смычке в середине согласного, в результате возникает произношение [сц͡], [с'ц͡']: *сц͡о мнóйу, сц͡алáкъ, сц͡ърокóфкъ, а с'ц͡'игá* (*сига*, род. падеж ед. числа слова *сиг*). Возможна смычка в конце щелевого; *с͡тун'* (сунь), *пá стка* (< *паска* < *пасха*). Если смычка происходит перед [ш], то возникает произношение типа *к'ер͡ш* (кеш), *мур͡шскóй*.

С корреляцией согласных по напряженности/ненапряженности связано произношение глухих на месте звонких: *дóмъ бýту* (буду), *кáждый* и произношение звонких на месте глухих: *вод ýдъ м'éстъ* (вот это), *а ботóм* (потом).

В гдовских говорах наблюдается явление, которое обычно считается результатом диссимиляции согласных: произношение [х] на месте [к] перед смычными: *хто, н'ихтó, дóхтър, х трубы́, на трáхтър'и, трахтар'úст, х папý, л'éхч'и, хрýжъмс'ъ, ф Храп'úвн'у*, а также при обычном [г], чередующемся на конце слова с [к],—*нá б'ир'ех-тъ, вдрух разлы́блъ* ('рассвело'). Возможно в этой позиции и произношение [к], [к']: *кто, кой к камý, кóкц'и, л'óккъ, м'ák'к'и*.

В древнерусском языке согласные противопоставлялись по напряженности/ненапряженности, а затем во многих говорах, как и в литературном языке, вместе с изменением артикуляционной базы эта корреляция заменилась корреляцией по глухости/звонкости. В древнерусском языке напряженность [к] перед смычными согласными проявлялась в придыхательности, совпавшей с [х], так возникло произношение *кхто, кокхт'и, л'екхко* и т. п. Такое произношение до сих пор

встречается в севернорусских говорах (см. выше, с. 248—249). Реализация ⟨к⟩ как аффрикаты [к͡х], как указано выше, встречается и в гдовских говорах.

При переходе от корреляции согласных по напряженности/ненапряженности к корреляции по глухости/звонкости происходило ослабление согласного и сокращение его долготы в позиции перед согласным. В связи с этим аффриката [к͡х] должна была измениться в [к] или в [х]. Оба эти пути реализованы в гдовских говорах. В пользу этого объяснения говорят и примеры *тах сказа́лъ*, *ках ма́лъ*, где произношение [х] на месте [к] нельзя объяснить диссимиляцией.

Так же, как при изменении аффрикаты [к͡х] в [к], могла утрачиваться щелевая фаза у аффрикат [ц'] (= [т͡'с']), [ц] (= [т͡с]), [ч'] (= [т'͡ш']), [ч] (= [т͡ш]). Подобное изменение аффрикат встречается, в частности, в псковских и тверских говорах. Чаще всего [т], [т'] на месте этих аффрикат отмечается перед смычным согласным или на конце слова: *ате́т*, *маладе́т*, *кузне́т*, *бра́тет*, *дот* и *доть*, *не́меть*, *кирпи́ть*, *да́тьники* и др. [Чернышев 1970, с, 348, 349, 352, 354—358, 361, 364, 368, 377]; *лиси́тка*, *натнёт*, *ате́т*, *не́мет*, *бра́тит ты мой*, *клют'* и др. [Копорский 1949, с. 167—168]; *мало́тный*, *пшени́тный*, *наро́тно*, *ску́тно*, *сма́тно*, *яе́тня*, *мутна́я*, *рятнэ́й*, *натнэ́й*, *черни́тник*, *натни́* и др. [Бурова 1975, с. 29; см. также: Бьёрнфлатен 1993, с. 11—12]. В гдовских говорах встречается подобная утрата аффрикатами щелевой фазы, но только перед смычным согласным на стыке слов: *карм'и́л'ет̥ ты мой*, *ат͡'с'е́т̥ тада́ был*, *эсто́н'ет̥ там дас'ц'*, *туды́ ја́ ит наб'јо́ш*, *от'е́т н'агра́мътный*, *ац'е́д̥ дъ мац'*; *в но́т̥-тъ*, *хот'е́л'и поджэ́д̥ дъ што́-тъ јим пъм'аша́лъ*. В этих случаях на месте аффрикат произносится сомкнутой (имплозивный) согласный перед [т], [д] и фаукальный взрывной перед [н], [н'].

В гдовских говорах встречается цеканье и дзеканье, то есть произношение [ц'] на месте ⟨т'⟩ и [д͡'з'] на месте ⟨д'⟩. Но при этом на конце слова не перед паузой, а перед словом, начинающимся смычным зубным согласным, вместо аффрикаты произносится сомкнутый (имплозивный) перед [т] и фаукальный взрывной перед [н], [н']: *пъгл'ед͡'з'е́т̥'-тъ*, *два́тцът̥' тр'е́ц'йо^{w}о*, *в'ит̥' ты́ жъ*, *быт̥' тако́й*, *п'ат̥' то́н*, *з'з'е́лът̥' так*, *жы́т̥'-тъ*, *в'аза́т̥'-тъ*, *паха́т̥'-тъ*; *вит' ны́*, *ма́т' нав'е́рнъ*, *в'ит' н'а ска́жъш*, *хът' н'е́м'ец* ‖ *хъц' ру́ск'ий*, *уб'ју́т' н'е́мцы*, *ку́шът' н'и маγу́*. В этой позиции перед твердым согласным встречается также произношение твердого согласного на месте [т']: *п'ат̥ то́н*, *пъказа́т̥ там*, *пъказа́т̥-тъ*, *п'ир'ижыва́т̥-тъ*, *ап'е́т нас пац'а́нут*.

Это явление внешне напоминает произношение имплозивного или фаукального согласного на месте аффрикат *ц*, *ч*. Однако происхождение этих явлений различно. В одном случае происходила утрата аффрикатами щелевой фазы, в другом случае — при возникновении цеканья щелевая фаза у [т'] в той же позиции просто не появлялась: она развивалась только на месте ртового взрыва.

Аффрикаты могут терять и фазу смычки. Кроме приведенных выше примеров произношения [х] на месте [к͡х], это и произношение [ш] на месте [ч], встретившееся у одного информанта: *башо́к*, *нъушы́л'и*, *ша́с'ц'ин'к'и*, *ушы́лъс'ъ*, *д'евшо́нк'и*, *н'ишэво́*, *о́шън'*, *шълов'е́къ*, *н'а вы́скъшъш* (не выскочиш), *шэр'ес о́з'иръ*, *н'е́шым*, *ты́с"ашы*, *Ф'о́дър П'етро́в'иш*. Такой [ш] произносится наряду с [ч] и возникает обычно в слабой фразовой позиции. Ср.: *дай ты мн'е кон'а́* || *ну нъ од'и́н ч͡шас* || *ну мо́жъ и ша́съ ја н'и пръробо́(таю)*. В первом случае слово *ч͡шас* произнесено громко, замедленно, это сильная фразовая позиция. Во втором случае слово *шас* произнесено гораздо менее интенсивно, значительно тише и быстрее — это слабая фразовая позиция.

Встречаются примеры произношения [ш] на месте [ч] и перед смычным согласным: *врушну́йу*, *ру͡шны́и*, *на́рушным* (нарочным), *к'ирп'и́шнъй*, *йид'инал'и́шнъ*, *ру́͡шкъ*, *н'и͡што́*.

Утрату смычки у аффрикат можно видеть и в следующих примерах: *п'е́с-тъ* (< *п'е́ц-тъ* 'печь'), *арс'е́л'йу* (< *арт͡с'е́л'йу*), *снафы́* (по-видимому, из *снап͡фы́*).

В системе, знающей противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, звонкие согласные произносятся с меньшей напряженностью, интенсивностью, чем в литературном языке. В связи с ослаблением напряженности, вялостью артикуляции звонкие взрывные могут изменяться в щелевые.

Фонема ⟨б⟩ обычно представлена звуком [б]. Встречается на ее месте и губно-губной плоскощелевой [β]: *рово́тъл*, *равочьйъ*, *ры́вы*, *мно́гъ вы́лъ*, *вн'изу́ выл мъгаз'ин*, *извý*. Наряду с этим при эмфазе, в сильной фразовой позиции может возникать аффриката [б͡β]: *б͡ву́ду*, *б͡вы́л*, *б͡вы́лъ*. Вот типичный пример: *бр'ига́ды бы́л'и* || *б͡вы́л'и вот*; первое *бы́л'и* в конце фразы на спаде интенсивности, в слабой фразовой позиции, так как фразовое ударение на слове *брига́ды*; второе *б͡вы́л'и* в начале фразы с высокой интенсивностью, на нем и фразовое ударение, это сильная фразовая позиция.

Фонема ⟨г⟩, как обычно в севернорусских и среднерусских говорах, представлена перед гласным непереднего ряда звуком [г], в некоторых

словах выступает фонема ⟨ɣ⟩; *бо́ɣъ, бъɣад'ел'нъ, баɣа́тъ, боɣа́тыи, боɣа́цтвъ, блъɣъдар'у́, блъɣъдар'и́лъ*. В слабых по интенсивности участках фразы в интервокальном положении на месте [г] может произноситься [ɣ]: *ф коɣо́, н'и маɣу́, б'аɣу́, ъ ɣул'а́йу, тр'е́ц'йо^{w}о ɣо́дъ, на мо́ɣ'илъ-тъ* (и рядом: *на мо́г'илы, нъ маг'и́лку*). В сильных по интенсивности участках фразы встречается произношение аффрикаты [г͡ɣ]: *на друг͡ɣо́й, г͡ɣара́с, мно́г͡ɣъ*.

Следы былой палатальности звуков на месте ⟨г', к', д'⟩ отражают примеры *архáн'д͡з'ил, дорóд'и* (дороги), *ф кáм'инск''им, л'ýг''и* (люди), *в г''ен'* (день).

Фонема ⟨в⟩ обычно реализуется перед гласным и звонким согласным губно-зубным звонким звуком [в], а на конце слова и перед глухим согласным глухим звуком [ф]. Встречаются и отступления от этой закономерности. На месте [в] может произноситься сохранившийся с древности губно-губной [w]: *св'икрówа, св'икро́^{w}ъшкъ, йишóшнъ, коро́^{w}у, жы́шых, п'ир'ижшыа́т-тъ, прáwдъ, пówн'у, w бáбушк'и*. На месте [в], [в'] возможны смычные [б], [б']: *бро́д'и, пъбалкл'ú* (поволокли), *б окóпъх, б завóд'и, вы́д'и б воро́ты, туд бнуг был, дба, коро́бы, пр'иб'áзъвълсъ, нъб'ар'ху́, пъб'ал'ú* (повели ʻповезлиʼ), а также звуки с губно-зубной смычкой [в^{б}], [в$^{б'}$]: *в^{б}друк, в^{б} Јаку́ц''ийу, в^{б} óз'ир'и, в^{б}ы́ръс, дв^{б}а, а в$^{б'}$еснóй, в$^{б'}$áжъм, нъв$^{б'}$азлá, в$^{б'}$е́тръм, пъ в$^{б'}$áдру*. При эмфазе смычка может наступать перед [в]: *в д͡вайну́-тъ, ну б͡вojéнъй, там б͡вojéныи*.

Древнерусский [w] был сонорным, не оглушавшимся перед глухими согласными и на конце слова. Изменение [w] в [в] привело к возникновению глухой его пары [ф]. Но на пути этого изменения могли быть отклонения, встречающиеся в гдовских говорах.

Изменение [w] в [в] могло сохранить старую особенность этого согласного не оглушаться перед глухими согласными: *вс'о, вс'ивó, вс'и, вс'их, овсóм, д'евшóнк'и, зъкапáвшы, ц'ал'úвшы, в т'óтк'и, платкóв тудú пълажы́лъ*. Другой путь изменения [w] представляет его оглушение в [ф] — глухой губно-губной согласный: *фс''о, фхóд͡з'ат, ф с'ён'и, ф колóд'иц, ф пáры*. Напряженность этого звука перед другим согласным могла приводить к замене щелевого смычным: *п'с'о, пс''о, пскóр'и*.

Глухой губной щелевой согласный нередко в русских говорах произносится как двухфокусный со вторым фокусом в области мягкого нёба. Видимо, эта его особенность проявилась в усилении второго фокуса и произношении на его месте звука [х] перед смычным согласным: *х тот, х клýб'и, кóф'ий хкýсный*.

Как известно, в гдовских говорах на месте предлога *у* выступает *в*: *бы́лъ зáни^{е}тъ в н'émцъф, ар'ставáл'и в нáс чаты́рньцът' чълов'ék, да штó в м'á*

глаза́-тъ нъ заты́лк'и? пъспарта́ ⟨...⟩ ф коγо́ бы́л'и, в' jе́й бы́лъ палл'и́тръ в'ина́, д'ажу́рствъ в на́з бы́лъ, мун'д'и́р в jево́ бы́л, в ба́бушк'и бы́лъ, в до́чк'и пр'а́жы пр'ив'ед'о́нъ, а в на́з бы́лъ заста́въ, а ф само́й чы́жык'и ⟨...⟩ паjу́т и т. п. Встретилась такая замена и в начале слова: *мы фто́н'им* (утонем). Перед губными согласными предлог *в* может отсутствовать: *пътаму́ штъ м'ин'а́ н'е́т рук* (у меня), *а jа гъвр'и́ п'а́т' чысо́ф* (говорит, в пять), ‖ *б'е́лых служы́л* (у белых), ‖ *по́лнъм* (в полном), ‖ *мъгаз'и́н'и бра́т робо́тъл* (в магазине), *а м'ан'а́ стър'ик'и́ оста́л'ис'е з'д'е́с'* (у меня). Перед словом *Псков* предлог *в* также может отсутствовать: *jа Пско́ф jе́з'д'илъ, там Пско́и*. Однако преобразование группы согласных может быть и иным: *ф Ско́в'и, с''jе́ з''д'ил'и φ Ско́ф*. Возможна и другая форма предлога: *во Пско́в'и*.

С древним [w'] связано произношение [j] на его месте и выпадение этого звука, которое чаще всего бывает после гласного перед [и]: *напра́jил'и, наста́jим, в' jо́дръх, аста́илъ, Пско́и, нае́рнъ, а и́д'иш* (видишь), *дъстал'а́л'и* (доставляли).

На месте ⟨р⟩, кроме звука [р], такого же как в литературном языке, то есть обычно одноударного, встречается многоударный, раскатистый [р͡р], а также какуминальный щелевой [ɹ], отличающийся от [ж] более короткой щелью. В соответствии с системой противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности раскатистый напряженный [р͡р] произносится перед согласным: *угур͡рцы́, ды́р͡рка, оз'о́р͡ркъ, з'ир͡рно́м, п'ака́ р͡рн'ъ, jор͡рш, jар͡ршы́, ста́р͡ршый, ста́р͡ршы, бр'игад'з'и́р͡р-да, ц'ап'е́р͡р-тъ*, а ненапряженный щелевой [ɹ], возникший в результате вялости артикуляции и утраты смычки, произносится после согласного, в интервокальном положении и в начале слова перед гласным: *тɹаи́м, тɹо́нул'*и, *пъпɹаш у́с'; дъɹаго́й; ɹу́к'и*. Подобные звуки встречаются и на месте [р']: *угу́р͡'р'-ч'икъ; кɹ'асты́, пɹ'ид'о́м; го́ɹ'ъ, заɹ'е́зълъ, тава́ɹ'ит̄у, гъваɹ'и́; ɹ'и́гу, ɹ'еб'о́нкъ*. Однако звуки [р͡р] и [ɹ], как и [р͡'р'], [ɹ'], встречаются не только в указанных позициях, что связано, по-видимому, с разрушением системы противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности: *гр͡ран'и́цы, ф кр͡ра́сных, кр͡рыло́, кр͡ры́шы, пакр͡ры́л'и, в р͡ро́ды; гр͡'р'и́вы, пр͡'р'ишл'и́; пъкаɹм'и́т', пашы́ɹшъ, по́ɹшн'и; с'еɹ'п*. На месте [р'] между гласными возможен и [j]: *п'иjажы́т'-тъ, с'еjо́т о́з'иръ*.

В гдовских говорах встречается еще одна древняя черта — произношение апикальных или какуминальных альвеолярных согласных на месте обычных современных дорсальных зубных: *воṭ ы jа аṭṭту́д была́ вз̣'а́ṭъ, д̣въṭцац̣'и́ д̣вух л'еṭ н̣'икуд̣а́ ṭы н̣'е д̣'е́н̣'ис̣̄'ъ, с̣ын̣, ус̣н̣у́лъ, ра́дъс̣'ṭ'и* и т. п. [ср. Кузнецова 1977а, с. 63—68, 94—99].

В говорах, знающих произношение альвеолярных на месте зубных, обычно и произношение альвеолярного [l]. В гдовских говорах я этого звука не отметил, хотя мне встретились его рефлексы в виде неслоговых гласных: *кы́ъ̯ъсъм* (*кы́лос* — ‘малая укладка снопов в поле’), *хо́о̯ст*, *хоо̯ста́*, *хао̯шо́выи*, *пр’ишо́о̯*, *ушо́о̯*, *ушо́о̯*, *зна́а̯*, *бы́ы̯*, *жы́ъ̯*. Свидетельством прежнего неразличения ⟨л⟩ и ⟨в⟩ перед согласным является пример *кавду́н’йу* с гиперкорректным [в] на месте исконного *л*.

Если кончик языка при образовании альвеолярного [ḷ] чуть-чуть отодвигается назад, возникает апикальный или какуминальный согласный, по акустическому впечатлению воспринимаемый как звук, средний между [с] и [ш]: *с^{ш} маи́м*, *с̄^{ш}ваи́м*, *ф С^{ш}о́с^{ш}нъм*, *с^{ш}ыно́к*, *пр’ис^{ш}ла́л* [ср. Кузнецова 1977а, с. 96—100].

На месте ⟨ш⟩, ⟨ж⟩ перед ⟨и⟩ встречается произношение невеляризованных согласных, по акустическому впечатлению полумягких [ш˙], [ж˙], после которых произносится несколько сдвинутый назад [и] или вперед [ы]: *на́ш˙и*, *харо́ш˙ый*, *лъш˙ыд’е́й*, *бо́л’ш˙ы*, *про́ж˙ил’и*, *ж˙ы́лъ*, *ж˙ы́з’’ин’*. Отмечен [ш˙] и в других позициях: *н’е́т уш˙*, *руба́ш˙к’и*, *ф по́р˙ш˙н’ах*, *за ш˙то́*. Возможны и мягкие [ш’], [ж’]: *ба́т’уш’к’и*, *ж’иву́*, *ж’и́л’и*. Встречается также звук, по акустическому впечатлению средний между [ш] и [с]: *пош^{с}л’и́*, *пр’иш^{с}ла́*, *ты уш^{с}*, *зас^{ш}л’и́*, *пас^{ш}ла́*, *запа́с^{ш}ъ* (запашут), *р’им’ис^{ш}к’и́*. Этот звук может не отличаться от звука, который иногда произносится на месте [с].

Упрощение групп согласных отражают примеры *жэ́рн’ик* (жердник), *пр’имну́ты* (примкнуты), *ътомн’о́т* (отомкнёт), *хоз’’а́йсвъ* (хозяйство), *срахо́ф̄къ* (страховка). В слове *по́здъ* (поздно) отсутствие *н*, по-видимому, объясняется особенностями словообразования.

4. Противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности заменяется, как уже говорилось выше, в истории русского языка на противопоставление по глухости/звонкости. Каждая из этих корреляций характеризуется целым набором фонетических параметров. Задача историков русского языка установить последовательность смены этих параметров. Гдовские говоры, которые находятся на путях этой перестройки фонетической системы, позволяют выявить некоторые из её этапов. Так, по-видимому, к началу этой перестройки относится утрата способности согласного ассимилировать следующий за ним согласный: примеров подобной ассимиляции в гдовских говорах мало. Редко встречается и произношение придыхательных и аффрикат на месте глухих

взрывных согласных перед согласными. Дольше всего сохраняется долгота щелевых согласных перед согласными и на конце слова, примеры такого произношения весьма часты. Изменение артикуляционной базы, связанное с данной фонологической перестройкой, затронуло и произношение губного щелевого согласного: губно-губной [w] требует большего напряжения артикулирующих органов, чем пришедшие ему на смену губно-зубные [в]—[ф]. Это изменение также, очевидно, относится к началу перестройки системы: произношение [в]—[ф] в гдовских говорах встречается в подавляющем количестве случаев. У немногих информантов отмечаются апикальные или какуминальные зубные согласные, гораздо чаще — менее напряженные дорсальные. И это изменение началось достаточно давно[62].

[62] Первая публикация — [Касаткин 1997].

Сонанты и шумные согласные

1. Согласные звуки характеризуются наличием шума. Что же касается наличия голоса, то согласные обычно делят на сонорные (или сонанты), у которых голос преобладает над шумом, звонкие шумные, у которых шум преобладает над голосом, и шумные глухие, у которых есть только шум и отсутствует голос. По этой классификации глухими и звонкими могут быть только шумные согласные, сонорные же — только звонкими [см. Аванесов 1956, с. 138; Матусевич 1976, с. 121; Зиндер 1979, с. 112—113; Панов 1979, с. 21].

Сонанты в некоторых позициях оглушаются. Чаще всего оглушение сонантов в русском литературном языке наблюдается в конце слова после глухого согласного: *смот*[р̂], *вел*[л̂'], *смыс*[л̂], *мыс*[л̂'], *пес*[н̂'], *драх*[м̂]. Отмечается оглушение сонантов и в других позициях: в начале и в середине слова перед глухим: [р̂]*туть*, [л̂']*стить*, [м̂]*хи*, *заде*[р̂]*жка*, *ве*[р̂]*шки*, *октяб*[р̂']*ский*. Главным образом в небрежном произношении, в разговорной речи отмечается частичная (то есть на каком-то отрезке звука) или полная утрата голоса сонорными и в других случаях: рядом с глухими (*порт*, *болт*, *темп*, *кант*), на конце слова (*спор*, *мул*, *соль*, *корь*). Р. И. Аванесов, подробно рассмотревший возможности оглушения сонантов, называет эти звуки глухими вариантами сонорных фонем [Аванесов 1956, с. 169—170]. Но к какой группе звуков — сонорным или шумным отнести эти глухие согласные, Р. И. Аванесов не говорит.

Специальное углубленное исследование сонантов провела Н. А. Любимова [Любимова 1964; 1965; 1975; 1977]. Описывает она и случаи оглушения сонантов в различных позициях. Это явление Н. А. Любимова

определяет как «десонантизацию сонантов», а сами эти глухие звуки относит к разряду шумных глухих согласных [Любимова 1975, с. 124; 1977]. Так же расценивает эти звуки М. И. Матусевич: «Сонантами могут быть только звонкие согласные; если произнести, скажем, [j] без голоса, т. е. глухой, то получится шумный согласный» [Матусевич 1976, с. 121]. Такое решение понятно: можно ли называть сонорным звук, у которого отсутствует «sonor» — голос.

Однако среди наблюдений над сонантами, проведенных Н. А. Любимовой, есть следующее: слова с сонантами в различных позициях, в том числе в начале слова перед шумным и на конце слова, записывались на магнитную ленту. Затем из магнитной ленты при помощи сегментатора выделялся сонант и сонант рядом с шумным согласным. Эти фрагменты записи вновь записывались на магнитную ленту и затем предъявлялись аудиторам, которые должны были опознать эти звуки. Опыт показал, что сонанты, произнесенные в начале слова перед гласным, опознаются вполне хорошо. Сонанты, произнесенные на конце слова (*руль*) и рядом с согласным шумным (*Мга*, *рта*, *фрак*) опознаются хуже, часто совсем не опознаются. При этом оказалось следующее: «сонанты смешиваются в пределах только своей группы и не смешиваются с шумными согласными» [Любимова 1964, с. 80]. Таким образом, у сонантов, в том числе и у оглушенных звуков, оказались признаки, объединяющие их и противопоставляющие их шумным согласным.

2. Что же это за признаки? Этим признаком может быть характер шума. Мы решили проверить следующее.

Сонанты отличаются от звонких шумных по степени звучности (у сонантов голоса, звучности, сонорности больше, чем у звонких шумных) и по уровню шума (у сонантов меньшая интенсивность шума). Проблема состоит в следующем: если сонант теряет звучность частично или полностью и перестает отличаться по этому признаку от шумных согласных, то сохраняется ли различие между этим звуком и соответствующим шумным (звонким или глухим) по уровню шума?

Для выяснения этого вопроса мы решили сравнить пары [р] — [ж] и [р] — [ш]. В классе сонантов [р] наиболее шумный. Кроме того, поскольку нашей задачей было сопоставление этих пар согласных по уровню шума, то и характер шума (то есть его спектр) следовало принять во внимание: только близкие по шкале частот спектральные составляющие могут корректно сравниваться по интенсивности. По характеру своего

шума [р] наиболее близок к звуку русского языка [ж]. Спектральные характеристики этих звуков располагаются приблизительно в одном и том же диапазоне частот. Таково же соотношение звуков [р̂] и [ш].

Сонант [л] также может оглушаться частично или полностью, но в инвентаре шумных согласных звуков русского языка нет для него настолько же близкого по характеру шума звука, как для [р]—[ж] ([р̂]—[ш]). Наиболее близким коррелятом для [л] являлся бы звук типа межзубного [ð], а для оглушенного [л̂]—[θ]. Но такие звуки в литературном языке отсутствуют.

Что же касается носовых согласных [м], [н], то присутствующий в составе их спектра шум очень плохо отражается на спектрограммах. Для выявления характера их шума нужны сверхчувствительные спектрометры, которыми мы не располагаем. Звук [j] также имеет глухую пару — [j̊]. Этот согласный может произноситься на конце слова, в частности при эмфазе: *Сто*[j̊]! Отда[j̊]! [см. Касаткина 1989]. Ближе всего оглушенный [j̊] к мягкому [х'], но этот звук в русском языке не бывает на конце слова.

Все сказанное обусловило наш выбор для эксперимента пар согласных [р]—[ж] и [р̂]—[ш]. Сопоставление остальных сонантов с шумными требует иной методики.

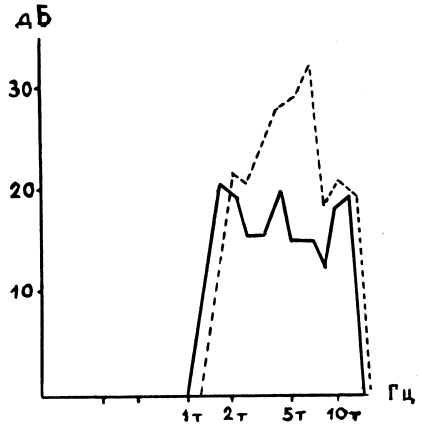
Материал для анализа включал такие пары слов: 1) *ртуть — штука*, *рты — штык*, *рвать — жвачка*, *рдеть — жди*, *ржавый — с жаром*; 2) *мокр — квакш*, *кофр — ковш*; 3) *сорвать — со жвачкой*, *Арбат — со жбаном*. Список слов был прочитан тремя дикторами, каждое слово — трижды.

Магнитофонная запись была проведена в безэховой камере. Слова произносились с равной громкостью. Расстояние микрофона от диктора было постоянным. С магнитофонной записи было снято около 120 осциллограмм на шлейфовом осциллографе и спектрограммы на спектрометре звуковых частот отечественного производства. При съемке спектрограмм строго соблюдалось одно условие: все спектры согласных снимались на одном и том же усилении в измерительном тракте. Все это было необходимо для того, чтобы полученные данные были сопоставимы.

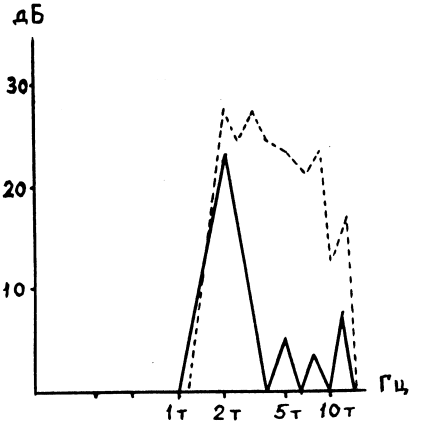
Из всего записанного на магнитофоне материала для анализа были выбраны те пары примеров, в которых уровень звучности сонанта и спиранта совпадал: либо голос у них отсутствовал полностью (*ртуть — штука*, *мокр — квакш*), либо звучность была на одном уровне (*рвать — жвачка*, *Арбат — со жбаном*).

Попарное сопоставление спектров [р] и [ж], [р̂] и [ш] дало убедительную картину преобладания энергии шума у вторых членов этих пар, то есть у шумных спирантов [ж] и [ш].

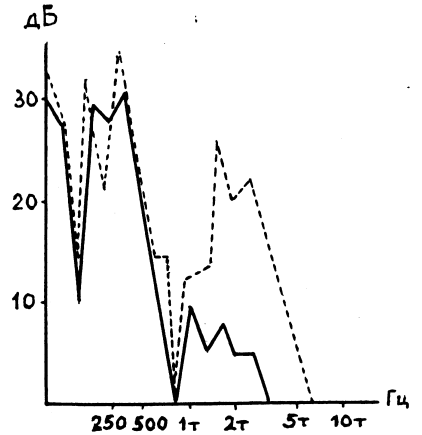
Представление о суммарной энергии шума дает огибающая спектра. На спектрограммах глухих согласных спектральные огибающие появляются начиная с 1000 Гц. Это область высоких частот — область шумов. В низкочастотной области спектра, там, где локализуется основной тон,— нули.



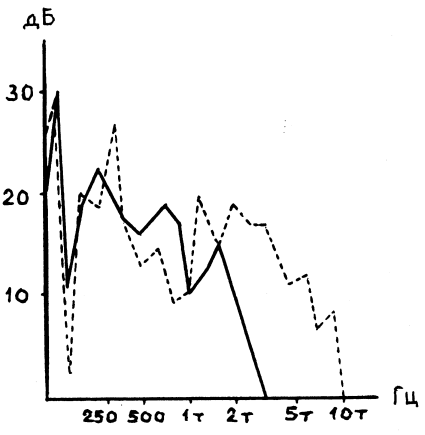
——— [р̂] в слове *рты*
--------- [ш] в слове *штык*



——— [р̂] в слове *мокр*
--------- [ш] в слове *квакш*



——— [р] в слове *рдеть*
--------- [ж] в слове *жди*



——— [р] в слове *Арбат*
--------- [ж] в слове *со жбаном*

У [ш] в начале слова (*штык*) уровень энергии шума значительно выше, чем у [р̂] (*рты*). В области 6000 Гц разница между уровнями энергии

этих согласных составила 17 дБ. Еще большее различие в уровне энергии шума у согласных в позиции конца слова.

В спектре [р̂] первый всплеск энергии наблюдается в зоне 2000 Гц. В спектре [ш] первое значительное усиление энергии наблюдается в той же зоне, и он превышает уровень энергии [р̂] на 5 дБ. Далее значительно возрастает энергия в зоне 3000 Гц (разница с [р̂] — 20 дБ), и в зоне 6500 Гц (разница уровней тоже 20 дБ).

Огибающие спектра [р] и [ж] в низкочастотных областях, то есть в той зоне, где локализуется основной тон, оказываются сходными между собой: они одинаковы по уровню тона, голоса. Однако в высокочастотных областях спектральные огибающие дают разную картину: энергия шума спиранта [ж] намного превосходит энергию шума сонанта [р].

Сравнение спектральных огибающих позволяет сделать еще одно наблюдение. Звонкие шумные отличаются от глухих шумных не только тем, что у звонких есть голос, а у глухих его нет. Есть и еще одно существенное отличие: у звонких меньше шума, чем у глухих. Отсутствие голоса у глухих компенсировано большей энергией шумовых составляющих. В противном случае в потоке речи эти согласные воспринимались бы хуже, чем звонкие.

Сонанты ведут себя точно так же. У звонких сонантов шума немного, у глухих шум пропорционально возрастает. Но не настолько, чтобы сравняться с шумными. Можно было бы априорно предполагать, что утрата звучности сонорными приведет к такому возрастанию шумности, которое уравняет сонорные с шумными по интенсивности шума. Однако этого не происходит.

Таким образом, наше исследование показало: согласные, которые можно называть сонантами (или сонорными), могут обладать большей звучностью, сонорностью, чем шумные согласные, но могут терять звучность частично или полностью и уравниваться в этом отношении с шумными согласными. Однако во всех этих случаях отличие между сонантами и шумными сохраняется: это отличие в уровне шума — у сонантов уровень шума меньше, чем у шумных согласных. Поэтому звучность, сонорность, голос — не конститутивный признак сонантов. Таким признаком у сонантов является низкий уровень шума.

Следовательно, термин «сонанты», «сонорные» не может обозначать согласные по признаку наличия голоса. Но поскольку латинское sonor значит не только ‘голос’ но и ‘шум’, термин вполне может быть сохранен, но с новым значением. В классификации согласных следует преду-

сматривать различие по звонкости/глухости не только у шумных согласных, но и у сонорных [см. Касаткин 1996в, с. 88—90].

3.1. Обнаруженная нами закономерность позволяет объяснить некоторые факты истории слов. Так, изменение глагольных форм *неслъ* > *нес*, *везлъ* > *вез* и т. п. в истории русского языка, видимо, было обусловлено именно слабой слышимостью конечного оглушенного плавного [ср. Аванесов 1956, с. 55]. То же самое наблюдается и в современном произношении в случаях типа *октя*[пс]*кий*, *жи*[с'], *ру*[п']: выпадают менее слышные оглушенные сонанты, а глухие шумные, обладающие большей шумовой энергией, сохраняются.

3.2. Наше наблюдение может также быть использовано в качестве поддержки сонорной теории слога. Как известно, с точки зрения этой теории слог представляет собой волну сонорности с нарастанием и спадом звучности. Сколько в слове пиков, вершин сонорности, находящихся между провалами, спадами сонорности, столько в нем и слогов [см. Панов 1967, с. 172; 1979, с. 71—75].

Применительно к русскому языку эта теория разрабатывалась Р. И. Аванесовым. Р. И. Аванесов писал, что начало слога в русском языке обычно строится по принципу восходящей звучности. Некоторые факты, однако, казалось бы, противоречат этому. Так, в начале начального слога может оказаться сочетание сонорного согласного с шумным: *льды*, *льгота*, *лбы*, *ртуть*, *рты*, *рдеть*, *мхи*, *мшистый*. Р. И. Аванесов считает, что в этом случае начало начального слога имеет нисходяще-восходящую звучность: [рта], [ржот], [лгу], [мха] и т. п. [Аванесов 1956, с. 56—57; ср. также Шанский, Иванов 1987, с. 130—131].

По-видимому, представление о нисходяще-восходящей звучности начального слога слова не соответствует действительности. При возникновении в начале слова сочетания сонанта с шумным сонат получает побочную слоговость либо оглушается [см. Аванесов 1956, с. 57, 170; Любимова 1975; 1977]. При этом, как показало наше исследование, оглушаться сонант может не только перед глухим шумным. Перед звонким шумным сонант частично теряет звучность, становясь по уровню звучности таким же, как и следующий звонкий шумный: [л'ды]. Таким образом, слова типа *льды*, *мхи* либо двусложны, либо по уровню звучности первые согласные в этих словах не отличаются от вторых согласных. И в том, и в другом случае строение начального слога слова не противоречит принципу возрастания звучности [ср. Касаткин 1996в, с. 94—95].

С точки зрения теории сонорности интервокальное сочетание согласных с первым сонорным и следующими шумными, по мнению Р. И. Аванесова, членится слогоразделом после сонорного: *бан-ка*, *поль-за*, *паль-то*, *кор-зина*, *ар-ба* и т. п. Иное членение, со слогоразделом перед сочетанием согласных, противоречило бы принципу возрастания звучности. Во втором слоге при таком членении сначала происходил бы спад звучности, и только потом нарастание ее [ср. Аванесов 1956, с. 42—43]. Но М. В. Панов справедливо указывает на то, что подобные слова могут членить двояко: *мор-жи* и *мо-ржи*, *кор-жик* и *ко-ржик*. Он видит в этом противоречие с сонорной теорией слога [Панов 1979, с. 75]. Однако противоречие это кажущееся. Сонорный в таких случаях частично теряет звучность, становясь по уровню звучности одинаковым со следующим звонким шумным: *мо-ржи*, *за-рделся*, *со-рвать*, *мо-рда*, *по-льза* и т. п., либо оглушается, теряя голос, перед глухим шумным: *заде*-[р̬шк]*а*, *па*-[л̬'т]*о*, *ба*-[н̬к]*а* и т. п. [ср. Касаткин 1996в, с. 96].

Таким образом, и сонорная теория слога получает поддержку в проведенном нами исследовании[63].

[63] Первая публикация — [Касаткин, Пауфошима 1984а].

Глава 4

Фонетические процессы в области переднеязычных согласных

Фонетический гиперизм смоленских и тверских говоров — [с’т’] на месте [с’ с’]

1. Во многих смоленских и тверских говорах и в некоторых примыкающих к ним говорах юга Псковской области наблюдается произношение [с’т’] на месте *шс’* — сочетания согласных на стыке окончания и возвратной частицы в форме глаголов 2-го лица ед. числа: *умое*[с’т’]*я*, *смее*[с’т’]*я*, *несе*[с’т’]*я*, *бои*[с’т’]*я* и т. п. или *умое*[с’т’]*и*, *смее*[с’т’]*и*, *несе*[с’т’]*и*, *бои*[с’т’]*и* и т. п. Такое произношение часто не является в этих говорах единственным, а сосуществует с произношением [с’с’] на месте этого сочетания: *умое*[с’с’]*я* или *умое*[с’с’]*и*, *смее*[с’с’]*я* или *смее*[с’с’]*и* и т. п. Говоры с произношением [с’т’] в этой форме находятся в окружении говоров с произношением [с’с’] [см. Образование с-р наречия 1970, с. 115, карта 33; ДАРЯ, вып. 2, карта 107].

Кроме этой территории, как уже писала К. Ф. Захарова [Образование с-р наречия, с. 118], говоры с подобной чертой встречаются очень редко. Отмечено такое произношение еще в одиннадцати населенных пунктах на территории «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» [см. Атлас В, с. 887].

Очевидно, что произношение [с’т’] в указанной глагольной форме возникло на месте [с’с’] [см. Образование с-р наречия, с. 118]. Но подобная замена возможна не только в этой форме. В четырех смоленских говорах при сборе материала для ДАРЯ отмечены примеры *Ан’и́с’т’а*, *кало́с’т’а*, *вало́с’т’а*, в которых «произношение *с’т’* в соответствии с *с’j* ⟨...⟩ возникло, по-видимому, как вторичное из произношения *с’с’*« [Атлас 3,

Комментарий к карте 89 «Сочетания зубных согласных (*т, д, с, з, л, н*) с *j* (не на стыке приставки с корнем) и их соответствия», автор Е. Г. Бурова]. Примеры с [с'т'] «вместо группы *с'с'* (из *шс'*, а также из первоначального *с'* + *j* в результате ассимиляции *j* предшествующему ему *с*)» приводит и П. А. Расторгуев. Среди них есть и следующие, обнаруженные им в опубликованных работах и рукописных материалах: *Анисьтя*, *Анисьти*, *брусьтя* (наряду с *брусья*), *брусьтю* и отмеченные в смоленских говорах самим П. А. Расторгуевым: *бру́с'т'ъ*, *кало́с'т'ъ*, *вало́с'т'ъ* [Расторгуев 1960, с. 91].

2. В чем же причина «перехода» [с'] > [т'] в указанных случаях? К. Ф. Захарова, рассматривая это явление, высказала предположение, что [с'т'] возникло в результате диссимиляции [с'с'] [Образование с-р наречия 1970, с. 118]. Однако чем вызывалась такая диссимиляция, неясно: произношение [с'с'] в форме 2-го лица ед. числа возвратных глаголов известно очень большому числу русских говоров, где диссимиляции не происходит [см. там же, с. 115, 117]. Значит, должны были быть какие-то причины, вызвавшие изменение (замену) [с'с'] > [с'т'] только в данных говорах.

Одной из таких причин могла быть гиперкоррекция. Так, если в говорах типа А некогда произошло изменение [с'т'] > [с'с'], а затем на эти говоры начинают воздействовать говоры типа Б, где такого изменения не происходило, то в говорах типа А сочетание [с'т'] может восстанавливаться. Но подставляя [с'т'] на месте своего [с'с'], представители говора А могут ошибочно употребить его и на месте исконного [с'с'] или на месте [с'с'] другого происхождения, не из [с'т']. Так возникает гиперизм.

3. Чтобы проверить это предположение, следует выяснить, во-первых, было ли в говорах, знающих в настоящее время произношение [с'т'] на месте [с'с'], изменение [с'т'] > [с'с'].

3.1. В соответствии с [с'т'] литературного языка и многих говоров действительно в некоторых говорах отмечается произношение [с'с']. Так, например, на территории Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы отмечено в нас. пп. 438 *жы́с'с'и*, *н'ес'с'и́*, *нас'с'е́л'ут*, *в го́с'с'и*; 598 *ко́с'с'и*, *на м'е́с'с'и*, *шерс'с'и*, *в'м'е́с'с'и*, *д'в'е́с'с'и*, *ра́дъс'с'и*, *шес'с' л'е́т*, *пайи́с'с' н'е́ч'ива*; 625 *в го́с̄'и*, *в гос̄'а́х*, *вла́с'и*, *кр'ес̄'ӣа́н'е*, *рос̄'о́т*, *рос̄'и́*; 637 *ста́рьс'с'и*, *ко́с'с'и*, *в гос'с'а́х*, *гр'ес'с'и́*, *пл'ес'с'и́*, *н'ес'с'и́*, *нъ погос'с'ъ*, *с'с'о́гънку*, *г гос'с'а́м*, *тр'ас'с'и́*, *пас'с'и́*, *ф кос'с'и́*, *гос'с'е́й*, *пъ кос'с'а́м*; подобное произношение отмечено на этой территории также в нас. пп. 362, 391, 399, 408, 413, 414, 635, 666, 999. На территории Атласа русских говоров

центральных областей к западу от Москвы отмечено: 6 *гр'ас'с'и́, м'ас'с'и́, пас'с'и́, рас'с'и́, скр'ас'с'и́, бр'ас'с'и́, к ко́с'с'и, гру́с'с'и, ф ко́с'с'е*; 20 *ў ко́с̄'и, к с̄'е́нк'и, кас̄'у́м, с̄'ира́т'*; 39 *п'акс''с''и́, с''с''ар'е́ц', б'ир'акс''с''и́, пл'ас''с''и́, тр'ас''с''и́, пас''с''и́, ў м'е́снъс'с'и*; 91 *па п'е́рвъс'с'и, со́в'ис'с'и*; 328 *к ко́с̄'и, ў ч'а́с̄'и, на же́с̄'и, на шер'с̄'и*. Подобное произношение отмечено на этой территории также в нас. пп. 3, 5, 8, 11, 12, 14, 17, 18, 26, 27, 28, 48, 66, 90, 102, 140, 161, 292, 295, 320, 329, 335, 502; на территории Атласа русских говоров северо-западных областей СССР в нас. пп. 204, 207 (см. ответы на вопросы 62, 72, 113 и др. Программы ДАРЯ в материалах ДАРЯ).

Приводятся подобные примеры и в других диалектологических работах. Так, И. Т. Смирнов в Кашинском уезде Тверской губ. записал: *весьси́мо, вы́росьсил, погосьси́л, госьси́нъцеф, ми́лосьси, навесьси́ть* [Смирнов 1904, с. 79]. С. А. Копорский в Осташковском районе Калининской области отметил *ссяк* (стяг) [Копорский 1945, с. 21], привел примеры из материалов экспедиций Калининского пединститута и сообщений студентов из Великолукской области: Холмского района: *На́сся, Ко́сся, дъ амни́ссии, атпусси́ли, ссяко́л, с кисся́м*, Опочского района: *вы́расся* (выростет), Идрицкого района: *распуссила*. «Непосредственные наблюдения,— писал С. А. Копорский [Копорский 1949, с. 172—173],— говорят, что это явление широко и последовательно распространено в пределах Великолукской обл.» (ныне южная часть Псковской и Новгородской областей). А. П. Евгеньева в юго-западной части Псковской области отметила *ис'с'о́пка* (наряду с *ис'т'о́пка* 'помещение под избой') [Евгеньева 1947, с. 82—83]. О. Н. Мораховская приводит из Владимирской обл. примеры *ф с'с'е́нку͡о, съ с''с''акло́м,. хаўс''с''и́н, прас''с''е́нак, вы́с''с''ерат', пу́с''с''от, на м'е́с''с''и, возмо́жнъс''с''и, б'ар'е́с''с''иныйа, го́с''с''и, ма́с''с''ер, н'и с''с''ас''н'а́йс'а, пу́с''с''еш, вы́ръс''с''ет, пр'ис''с''и́гн'ет* [Мораховская 1957, с. 202]. П. А. Расторгуев из ответов на составленную им «Анкету по говорам Смоленщины» приводит примеры *го́с'с'и, ко́с'с'и* из одиннадцати нас. пп., из собственных записей — *рас'с'и́ў, с'ис'с'о́р, халс'с'и́ны* [Расторгуев 1960, с. 91]. Т. В. Кириллова в Калининском районе Калининской области отметила *На́с'ся, рас'сёт, рас'ся́нит, ча́с'си, ли́с'сики* [Кириллова 1963, с. 65]. А. М. Кузнецова в магнитофонных записях, произведенных Т. В. Кирилловой в Оленинском районе Калининской области, обнаружила произношение *ра*[с'с']*ение*, ра[с'с']*и́*, *На́*[с'с']*я*, *про*[с'с']*и́л*, *ко*[с'с']*и* и т. п. [Кузнецова 1977а, с. 71].

Примеры с [с'с'] на месте [с'т'] не на конце слова в материалах ДАРЯ приводятся, очевидно, реже, чем они встречаются в говорах. Причина

этого — отсутствие специального вопроса об указанном явлении в Программе ДАРЯ. Есть в Программе ДАРЯ вопрос о произношении звуков на месте [с'т'] в конце слова. И в материалах ДАРЯ встречаются примеры типа *ко*[с'с'], *гво*[с'с'], *пу*[с'с'], *е*[с'с'], *пле*[с'с'] и т. п. [см. ДАРЯ, вып. 1, Комментарии к карте 80]. Эти примеры также редки в материалах атласа, но по другой причине: русскому языку не свойственно употребление долгих согласных на конце слова. В этой позиции они обычно теряют долготу и превращаются в краткие согласные [см. Аванесов 1972, с. 134; Панов 1967, с. 88]. Однако и имеющиеся данные позволяют проследить территорию распространения рассматриваемого явления. Наибольшее сгущение говоров, знающих его, наблюдается на юго-западе Псковской области, в районах, пограничных с Белоруссией и Латвией.

Кроме того, подобные говоры встречаются в Смоленской и Тверской областях и прилегающих к ним районах Псковской области примерно на той же территории, где отмечено произношение [с'т'] на месте [с'с'] (*смее*[с'т']*я* и т. п.). Те и другие говоры перемежаются и соседствуют. Причем характерно, что в тех говорах, где отмечено [с'т'] на месте [с'с'] обычно не отмечается [с'с'] на месте [с'т'] — (*ко*[с'с']*и* и т. п.). Оба эти явления, как правило, исключают друг друга.

3.2. Такое распределение современных говоров, знающих эти явления, как будто противоречит высказанному предположению о том, что [с'т'] на месте [с'с'] возникло там, где ранее [с'т'] изменилось в [с'с']. Однако, может быть, в тех говорах, где отмечено [с'т'] на месте [с'с'] и нет [с'с'] на месте [с'т'], это последнее явление было в прошлом? Чтобы это установить, необходимо понять причины изменения [с'т'] > [с'с'].

Ответ на этот вопрос, по-видимому, следует искать в особом качестве звука, воплощавшего ⟨т'⟩, а именно в том, что это был не взрывной звук, а аффриката [ц'] ([т͡с']).

Подобное произношение называется цеканьем и является «одной из самых характерных особенностей белорусского языка» [Карский 1955, с. 344; см. также: ДАБМ, карты №№ 56, 57]. Эти карты показывают распространение цеканья почти на всей территории Белоруссии. Не знают этого явления только полесские говоры, расположенные на крайнем юго-западе Белоруссии.

Большое число белорусских говоров знает утрату [ц'] (этимологического *т'*) в сочетании [с'ц'] на конце слова. Н. В. Бирило следующим образом объясняет это явление: «Змычна-шчыліная афрыката [ц'] (з «т'») у

спалучэнні [с'ц'] у многіх гаворках страціла змыканне, якім характарызуецца вымаўленне гэтага гука ў пачатковай стадыі. Другая стадыя вымаўлення гэтага гука супадае з вымаўленнем [с']. Таму пры страце змыкання зычны [ц'] вымаўляецца як [с']. *У* спалучэнні [с'ц'], такім чынам, атрымалася [с'с'], а пасля ў выніку сцяжэння — [с']. Напрыклад: *гос'* < *гос'с'* < *гос'ц'*, *шес'* < *шес'с'* < *шес'ц'*. *У* некаторых выпадках і зараз чуецца не [с'], а некалькі падоўжаны гук [с'с']: *гос'с'*, *шес'с'* [Нарысы 1964, с. 135]. Отмечается в отдельных белорусских говорах произношение [с'с'] на месте [с'ц'] и в середине слова : *с'с'и́хла*, *кас'с'у́м*, *кра́с'с'и*, *прас'с'и́ла*, *ни пу́с'с'иц'*» [там же, с. 136]. Утрата [т'] в сочетании [с'т'] на конце слова известна и русской литературной речи: *мудро*[с'], *то е*[с'], *гро*[с'] и т. п. Современный литературный [т'] фактически произносится как [т'͡с'], «смычка [т'] как бы заключена в рамку из двух одинаковых фрикативных [с'], а позиция между двумя фрикативными это позиция, в которой звуковые отрезки легко исчезают. После ослабления смычки [т'] его фрикативный взрыв сливается с предыдущим [с']» [Баринова 1973, с. 108].

3.3. Таким образом, если в смоленских, тверских и южных псковских говорах в прошлом ⟨т'⟩ воплощалась в [т'͡с'], то вполне вероятно, что сочетание [с'т'͡с'] могло там измениться в [с'с'].

В настоящее время цеканье (и сопровождающее его обычно дзеканье) известно по данным ДАРЯ главным образом на юго-западе и западе Смоленской области, на юго-западе и западе Псковской области, в Тверской области вокруг г. Торопца [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 64; Образование с-р наречия 1970, с. 405, карта 110], а также «в рассеянном распространении известно и на других территориях»[64] [Образование с-р наречия 1970, с. 403]. Но во многих современных говорах, знающих произношение [с'с'] на месте [с'т'] (*ко*[с'с']*и* и т. п.), цеканья нет, как нет его обычно и в говорах, знающих произношение [с'т'] на месте [с'с'] (*сме-е*[с'т']*я* и т. п.).

---

[64] Дзеканье, то есть произношение аффрикаты [д'͡з'] на месте ⟨д'⟩: [д'͡з']*я*[д'͡з']*я*, *хо*[д'͡з']*ит*, *ве*[д'͡з']*ет* и т. п. обычно встречается в говорах вместе с цеканьем. Поэтому часто цеканье и дзеканье объединяют под общим названием — дзеканье. Однако наблюдения показывают, что иногда в говоре может встречаться только цеканье при отсутствии дзеканья. Обычно это бывает на путях утраты говором этой черты. Таким образом, цеканье оказывается более устойчивым [см. Пеньковский 1966, ч. 2, с. 107—108].

Современные данные, однако, недостаточно полно отражают наличие этого явления в прошлом, так как цеканье в ряде говоров утратилось. Так, П. А. Расторгуев указывает на «постепенное исчезновение из говоров Смоленщины этого явления» [Расторгуев 1960, с. 74—75]. В. И. Чернышев, характеризуя говор Пушкинского района Псковской области, писал: «Дзеканье и цеканье у молодежи отсутствует, в говоре же стариков и женщин изредка еще слышится, но, конечно, очень непоследовательно» [Чернышев 1970, т. 2, с. 377]. Об этом же говорит А. П. Евгеньева: «Дзеканье и цеканье, отмеченное в характеристике, данной Московской диалектологической комиссией для Псковского, Островского и Опочецкого уездов — ⟨...⟩ исчезающая черта; встречается оно только спорадически, очень редко, у отдельных лиц» [Евгеньева 1947, с. 82]. Т. В. Кириллова пишет: «Архаические говоры Калининского района в прошлом характеризовались цеканьем и дзеканьем. Нужно отметить, что, используя данные современных народных говоров, трудно восстановить карту распространения этой особенности, так как дзеканье — черта, быстрее исчезавшая, чем цоканье, сравнительно мало сохранилась и в архаических говорах» [Кириллова 1963, с. 64]. А. Б. Пеньковский говорит об ослаблении и разрушении цеканья — дзеканья «в подавляющем большинстве говоров Западной Брянщины, на основной части ее территории», причем это явление «постепенно все далее отступает на запад» [Пеньковский 1966, ч. 2, с. 103, 106]. Утрачивается это явление и в некоторых белорусских говорах. Так, Е. Ф. Карский писал: «На окраинах юго-восточной, а также отчасти восточной и северной свистящий характер мягких *д* и *т* постепенно исчезает; с распространением русских школ дзеканье и цеканье иногда нарушается и в центральных говорах» [Карский 1955, с. 344].

О наличии цеканья в интересующих нас говорах в прошлом говорит следующее.

«Смоленщина,— пишет Р. И. Аванесов,— с давних пор была тесно связана с землями, лежащими на запад и юго-запад от нее, а в начале XV в. была присоединена к великому княжеству Литовскому. Этим объясняется наличие в смоленском диалекте черт, общих для него с северо-восточным диалектом белорусского языка, а частью и вообще с белорусским языком» [Аванесов 1955, с. 150]. Только в середине XVII в. Смоленщина окончательно отошла к России, что и было закреплено Андрусовским договором 1667 г. [см. Очерки истории СССР 1955б, карты 1, 6 в отдельном приложении]. До этого времени смоленские говоры разви-

вались в основном как говоры белорусские[65]. Еще в начале XX в. эти говоры рассматривались лингвистами как белорусские [см. Карский 1903, с. 16; 1917, с. 22—23; Дурново и др. 1915, с. 12, 47—48]. Поэтому естественно, что такая важная и достаточно старая черта, как цеканье[66], должна была быть характерна и для смоленских говоров.

Юго-западные говоры Тверской области и южные говоры Псковской области на «Диалектологической карте русского языка в Европе» отнесены частично к белорусским, частично к переходным от белорусских к южновеликорусским. Последние, по мнению Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, в основе своей белорусские. Хотя цеканье в них отсутствует, но черта эта поздняя, и возникла она под влиянием нецекающих южновеликорусских говоров [Дурново и др. 1915, с. 56—57]. Е. Ф. Карский же и эти, переходные, по мнению авторов «Диалектологической карты...», говоры от белорусских к южновеликорусским, относил к белорусским [см. Карский 1903, с. 16; 1917, с. 22—23]. Таким образом, и в этих говорах цеканье в прошлом было.

Итак, в говорах, знающих произношение [с'т'] на месте [с'с'] было или есть до сих пор цеканье и, следовательно, были условия для изменения [с'т͡с'] в [с'с']: *ко*[с'т͡с']*и* > *ко*[с'с']*и*, *На*[с'т͡с']*я* > *На*[с'с']*я* и т. п.

3.4. Однако наличие условий для изменения не есть еще свидетельство самого изменения. Поэтому надо выяснить, были ли реализованы эти условия в интересующих нас говорах.

3.4.1. Утрата [т'] в сочетании [с'т͡с'] аналогична известной русским говорам утрате [т'] и [д'] в сочетаниях [ш'т͡ш'] и [ж'д͡ж']. Можно предположить, что те говоры, в которых произошла утрата смычного элемента между фрикативными шипящими, должны были пережить и утрату смычного элемента между фрикативными свистящими, тем более, что все эти сочетания имели некогда общую черту — мягкость составляющих их элементов.

---

[65] П. А. Расторгуев писал, что основа смоленских говоров белорусская, что они были «когда-то в прошлом белорусскими» [Расторгуев 1960, с. 184; см. также с. 188].

[66] И. Волк-Левонтович, например, считал, что это явление возникло еще в доисторическую эпоху [Волк-Левонтович 1927, с. 260; 1930, с. 516]. Е. Ф. Карский полагал, что «явление ⟨...⟩ цеканья развилось на белорусской почве ⟨...⟩ не позже XIV в.» [Карский 1955, с. 345]. Н. Т. Войтович допускает и более позднее возникновение дзеканья, но «несумненна, што ў XVI—XVII ст. яно было рысай живой беларускай мовы» [Войтович 1950, с. 96—99). В. Н. Чекмонас относит его к эпохе XIV—XV вв. [Чекман 1970, с. 111—121].

Если это было так, то произношение [с'т'] на месте [с'с'] должно быть отмечено на той же территории, где на месте старых [ш'т'͡ш'] и [ж'д'͡ж'] произносятся долгие шипящие. Действительно, в Смоленской области произношение звуковых сочетаний со смычным элементом на месте [ш'т'͡ш'] (= [ш'ч'])[67] отмечается в южных и юго-западных районах, а произношение [с'т'] на месте [с'с']—на соседней территории к северу и северо-востоку, то есть там, где смычный между шипящими утрачен [см. Образование с-р наречия 1970, с. 31, карта 5].

Таким образом, вполне вероятно, что в южных и юго-западных районах Смоленской области не возникало гиперкорректное [с'т'] на месте [с'с'] потому, что здесь не было утраты смычного согласного в сочетании [с'т'͡с'], как не было здесь утраты смычного элемента и в сочетании между шипящими. На другой же части Смоленской области произошла утрата [т'], [д'] не только в сочетаниях [ш'т'͡ш'], [ж'д'͡ж'], но, очевидно, и в сочетании [с'т'͡с'].

В большинстве тверских говоров, знающих произношение [с'т'] на месте [с'с'], также произошла утрата смычного элемента в сочетании между шипящими, и в этом отношении эти говоры не отличаются от рассмотренных выше смоленских говоров.

Однако в северной части этих тверских говоров, на территории, расположенной между Вышним Волочком, Боровичами, Весьегонском и Бежецком, смычный в сочетании [ш'т'͡ш'] ([шт͡ш]) может сохраняться.

Но «употребление в соответствии долгим шипящим разного рода звуковых сочетаний,—как пишет В. Г. Орлова,—редко бывает вполне последовательным по говорам, а осуществляется преимущественно наряду с употреблением долгих шипящих ⟨...⟩: [шшэ]*ка́* и наряду с этим [ш͡чэ]*ка́*, [ш͡те]*ка́*, [ш͡тэ]*ка́* и др.; ⟨...⟩ *во́*[жжы] и *во́*[ж'д'͡ж']*и*, или *во́*[ж͡джы], *во́*[жди], *во́*[жды] и др.» [Образование с-р наречия, с. 30]. Так и на территории указанной группы тверских говоров, наряду с [ш'ч'], употребляется и [ш'ш'], [шш] [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 48]. Поэтому вероятно, что и в сочетании [с'т'͡с'] смычный элемент мог в этих говорах в одних случаях сохраняться, а в других утрачиваться. (Так, например, [т'] в сочетании [с'т'͡с'] мог сохраняться в одних морфах, в одном стиле речи, у одних носителей диалекта и утрачиваться в других морфах, в другом стиле речи, у других носителей диалекта и т. п.)

[67] П. А. Расторгуев пишет, что такое сочетание может быть в смоленских говорах твердым и мягким: [шч] и [ш'ч'] [Расторгуев 1960, с. 88].

Надо также учитывать возможность неравномерного развития в языке сходных сочетаний. Так, обнаружено, что «звонкие сочетания [ждж], ([ж'д'ж']), исторически параллельные [шч] и [ш'ч'], не всегда сопутствуют им в современных говорах; звонкие сочетания чаще могут быть замещены долгими звонкими шипящими согласными (мягкими или твердыми), что свидетельствует о различиях в темпе и направлении изменений глухих и звонких сочетаний» [Образование с-р наречия 1970, с. 30]. Но если [ж'д'ж'] ([ждж]) раньше утрачивает смычный элемент, чем [ш'т'ш'] ([штш]), то вполне возможно, что [с'т'с'] тоже могло иногда раньше утрачивать [т'], чем [ш'т'ш']. И действительно, в вышеуказанной части тверских говоров, где обнаружено произношение [с'т'] на месте [с'с'] и при этом отмечено сохранение смычного элемента в сочетаниях, восходящих к [ш'т'ш'], [ж'д'ж'], встречаются говоры с произношением [с'с'] на месте ⟨с'т'⟩.

3.4.2. Сочетание [с'т'с'] могло возникать в русском языке не только в соответствии с ⟨с'т'⟩ при цеканье, но и в соответствии с ⟨сц⟩ при мягком [ц'] (= [т'с']). Как известно, [ц'] воплощавший ⟨ц⟩, возник из **k* по второй и третьей палатализации и был сначала мягким, а затем в большинстве русских говоров отвердел. Сочетание [с'т'с'] или [стс], воплощающее ⟨сц⟩, могло терять взрывной элемент до отвердения или после него и превращаться в [с'с'] или [сс].

В русском языке есть, кажется, только одно слово с этим сочетанием в корне — глагол *сцать*, не употребляющийся в литературном языке, но широко представленный в народной речи. Корень этого слова восходит к праславянскому **sik*. Краткий *ĭ* впоследствии дал *ь*, долгий *ī* сохранил свой тембр, так возникли корни *-sьk-* и *-sik-*. В первом *к* > *с'* по третьей палатализации. От этих корней были образованы глаголы *съцати* и *сикати* с близким значением [см. Фасмер 1964—1973, т. III, с. 815—816]. После падения редуцированных гласных в первом глаголе и возникло сочетание [с'ц']. Это сочетание в одних русских говорах сохранилось без изменения, в других изменилось в [сц], [с̄'], [с̄], [с'т'], [ст].

К сожалению, в Программе ДАРЯ нет вопроса о звуках, выступающих на месте *сц*. Однако слова с корнем *-сц-* нашли отражение в материалах атласа. Так, от этого корня образованы в некоторых говорах названия муравьев: *сцакуны*, *сцакуши*, *ссакуны*, *ссакуши*, *ссанцы*, *обоссыхи*, *ссюны*, *ссяки*, *стяконцы*, *стыганцы* и др.

Употребляются эти названия и в Тверской области, в том числе и в группе говоров, расположенных к северу от линии Вышний Волочек — Бе-

жецк. В этих говорах в большинстве случаев отмечаются такие из подобных названий, в которых произошла утрата смычного элемента между фрикативными. Реже отмечены слова с сохранением смычного в этом сочетании [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 76].

Но если в этих говорах [с'т͡с'], воплощавшее ⟨сц⟩, могло изменяться в [с̄'], то так же могло измениться и [с'т͡с'], воплощавшее ⟨с'т'⟩.

Итак, в рассматриваемых нами смоленских и тверских говорах в соответствии с ⟨т'⟩ произносилось [т͡с'], а в соответствии с ⟨с'т'⟩ могло произноситься [с'с'].

4. После того, как Смоленщина отошла в середине XVII в. к Московскому государству, началось влияние Москвы «на все стороны быта Смоленщины и в частности на ее говоры. О русском влиянии на говоры Смоленщины красноречиво говорит сопоставление примеров из ранних памятников письменности с более поздними — с источниками начала второй половины XIX в. В то время как в ранних памятниках письменности мы почти не имеем значительных следов русского влияния на говоры, в источниках XIX и XX в. и в материалах непосредственных наблюдений современных говоров они весьма многочисленны и сказываются в наличии в говорах Смоленщины их основных (белорусских) черт рядом с русскими чертами ⟨...⟩. Состояние этих черт в говорах Смоленщины таково, что можно говорить о развитии говоров по пути утраты их исконных белорусских черт и замене их русскими» [Расторгуев 1960, с. 181]. В числе этих черт было и цеканье. Подобное же влияние испытывали и тверские и псковские говоры.

В тех говорах, где сочетание [с'т͡с'], воплощавшее ⟨с'т'⟩, не теряло взрывного элемента, устранение цеканья вело к замене [с'т͡с'] на [с'т'] (так же как оно вело и к замене всякого [т͡с'] воплощавшего ⟨т'⟩, на [т']): *ко*[с'т͡с']*и* > *ко*[с'т']*и*, *На*[с'т͡с']*я* > На[с'т']*я* и т. п. Так происходило, например, в некоторых говорах Западной Брянщины [см. Пеньковский 1966, ч. 2, с. 107] и части смоленских говоров.

Устранение цеканья в подобных говорах проходило без осложнений. Дело в том, что такие цекающие говоры и говоры нецекающие не отличались фонематически друг от друга. Различия были в звуках, воплощавших фонему ⟨т'⟩: в цокающих говорах ⟨т'⟩ воплощалась в [т͡с'], а в нецекающих в [т']. Между [т'] и [т͡с'] устанавливалось одно-однозначное соответствие.

В других цекающих говорах сочетание [с'т͡с'], воплощавшее ⟨с'т'⟩ (или ⟨ст'⟩, ⟨зт'⟩, ⟨з'т'⟩), утратило взрывной элемент и изменилось в [с'с'].

Это привело и к фонематической перестройке. Фонема ⟨т'⟩ в таких говорах могла воплощаться не только в [т'͡с'] ([т'͡с']*ечь*, [т'͡с']*януть* и т. п.), но и в звуке [с'] ([с'с']*ечь* — *ра*[с'с']*януть* ‘растянуть’ и т. п.). В позиции после [с'] звук [с'] мог воплощать в таких говорах и фонему ⟨с'⟩: [с'с']*ечь* ‘ссечь’, *ра*[с'с']*еять* ‘рассеять’ и т. п. Таким образом, позиция после [с'] была здесь позицией нейтрализации фонем ⟨т'⟩ и ⟨с'⟩: эти фонемы (а также гиперфонема ⟨т'/с'⟩) после [с'] воплощались в звуке [с'].

Под влиянием нецекающих южнорусских и среднерусских говоров в цекающих говорах второго типа устанавливалось произношение [т'] не только на месте [т'͡с'] ([т'͡с']*ечь* > [т']*ечь*, *пе*[т'͡с'] > *пе*[т'] и т. п.), но и на месте [с'], воплощавшего фонему ⟨т'⟩ (или гиперфонему ⟨т'/с'⟩) (ра[с'с']*януть* > *ра*[с'т']*януть*, *ра*[с'с']*ёт* > *ра*[с'т']*ет*, *ко*[с'с']*и* > *ко*[с'т']*и* и т. п.

Но говорящие могли при этом ошибочно заменить этим новым [т'] свой [с'] в сочетании [с'с'] и в том случае, когда в нецекающих говорах произносилось тоже [с'с'] или вообще не было этого сочетания в данном морфе. Так возникли гиперкорректные примеры типа *умое*[с'т']*я*, *Ани*[с'т']*я* и т. п.

5.1. Цеканье и дзеканье, однако, отмечается не только в тех говорах, которые исторически связаны с белорусскими. Оно «встречается и в говорах, явно не состоящих ни в какой связи с белорусскими» [Пеньковский 1966, ч. 2, с. 94]. Так, кроме Смоленской, Тверской и Псковской губерний, его отмечали и в других местах. В. И. Даль указывал на такое произношение в Новгородской губернии (в Бронницах, Боровичах, Череповце, около Новгорода) [Даль 1955, с. LIV], во Владимирской губернии (в Судогодском, Вязниковском, Меленковском уездах) [с. LXII—LXIII], в южной части Нижегородской губернии [с. LXIV], в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии [с. LXXII]. А. Н. Соболевский писал об этом произношении в Казанском и Чебоксарском уездах Казанской губернии [Соболевский 1897, с. 41], в Юрьевском уезде Владимирской губернии [с. 57], Ардатовском, Арзамасском и Лукояновском уезде Нижегородской губернии [с. 57, 58, 103]. Е. Ф. Будде отметил его в Касимовском уезде Рязанской губернии [Будде 1896, с. 140—141]. В Московской губернии отмечали его Н. Н. Дурново — в Клинском и Волоколамском уездах [Дурново 1908, с. 30], Н. Н. Каринский — в Бронницком уезде [Каринский 1903, с. 17], В. Н. Сидоров — в Воскресенском и Можайском уездах [Сидоров 1927, с. 128]. В Ливенском уезде Орловской губернии отмечает его А. М. Селищев [Селищев

1968, с. 345]. Есть свидетельства об этом явлении и в работах других диалектологов. Отражено оно и в Диалектологическом атласе русского языка [ДАРЯ, вып. 1, карта 64]. Отмечается оно также в современном русском литературном языке [см. Аванесов 1949, с. 136; 1972, с. 106—107; Добродомов 1971, с. 242—243; Кузнецова 1971, с. 257; Матусевич 1976, с. 134].

Характер цеканья — дзеканья может быть различным. О. Брок писал об этом так: «В великорусском языке можно слышать ⟨...⟩ t́ — d́ с более или менее ясным свистящим элементом, а далее t́ — d́, развившиеся уже в явные аффрикаты. Сопровождающий данные согласные фрикативный элемент имеет в образованной великорусской речи чаще всего, как кажется, характер свистящий, т. е. ś, ź ⟨...⟩. При том разные оттенки произношения встречаются без возможности разграничения; в *дядя*, *дело* и под. произношения d́a — d$^{\acute{z}}$a — ź́a, d́e — ź́e идут бок о бок. Несомненно, диалектическая разница влияет на выбор оттенка; однако даже у детей одной и той же местности можно, по моим наблюдениям, слышать не мало разницы. Вмешиваются, по-видимому, и такие моменты, как аффект и стиль ⟨...⟩. На сцене, мне кажется по беглым моим наблюдениям, будто ассибиляция выступает вообще сильнее, чем в ровной обыденной речи. Но пусть это будет сказано лишь с оговоркой, как беглое впечатление, заслуживающее впрочем несомненно внимания» [Брок 1910, с. 159—160]

Среди описаний русских говоров, отмечающих цеканье — дзеканье, содержатся иногда указания на то, что у *т'*, *д'* наблюдается только «слабый» или «легкий свистящий оттенок», или что «мягкие *д* и *т* с свистящим оттенком» не достигают степени *д͡з*, *ц*, а произносятся только «близко к *дз* и *ц*» [Соболевский 1897, с. 41, 44, 58, 103], или что у *т'*, *д'* при наличии «свистящего фрикативного элемента *с'*, *з'* ⟨...⟩ взрывной элемент ⟨...⟩ значительно преобладает» [Сидоров 1927, с. 128]. Такое произношение со слабым фрикативным элементом у *т'*, *д'* даже не считается диалектным [см. Аванесов 1949, с. 136].

Экспериментально-фонетическое исследование цеканья — дзеканья, произведенное А. М. Кузнецовой, подтвердило существование разницы в произношении звуков на месте ⟨т'⟩, ⟨д'⟩ русскими и белорусами. При наличии у этих звуков щелевой фазы есть существенная разница в длительности этой фазы в произношении русских и белорусов. При этом произношении диктора из Калининской области было близким к произношению белорусов, а не москвичей [Кузнецова 1969, с. 126].

Поэтому говорят о двух типах цеканья (и дзеканья): белорусском — [т͡’с’] и русском — [т͡’с’]. При цеканье «русского» типа в сочетании согласных [с’т͡’с’] взрывной элемент сохраняется. (Как уже указывалось, в этом сочетании возможно выпадение взрывного элемента и стяжение щелевых на конце слова в разговорной речи [см. Баринова 1973, с. 108].)

5.2. Как уже говорилось выше, цеканье возникло вместе с дзеканьем — произношением [д͡’з’] или [д͡’з’] на месте ⟨д’⟩. Сочетание ⟨з’д’⟩ при дзеканье «белорусского» типа должно было воплощаться в [з’д͡’з’], которое могло терять взрывной элемент и изменяться в [з’з’]. Явление это должно было проходить параллельно с изменением [с’т͡’с’] > [с’с’]. Действительно, наряду с таким [с’с’] в тех же говорах отмечается и [з’з’]. Так, засвидетельствованы диалектологами: *розъзёрнуть* [Смирнов 1904, с. 53], *ззе́лъла* [Копорский 1945, с. 21], *ззе́лъл*, *веззе́* [Копорский 1949, с. 172—173], *з’ з’афцо́нкъй*, *йе̂з’з’ил’е*, *з’’ з’’е́въцкай*, *гво́з’’з’’и*, *в’аз’’з’’е́* [Мораховская 1957, с. 202], *ръз’зява́тцъ*, *же́р’з’зи*, *з’зе́лът’*, *гваз’зя́ми*, *йе́з’зи* [Кириллова 1963, с. 65] и др. В материалах Атласа З отмечено: нас. п.п. 8, 61 *в гн’аз’з’е́*; 11 *в гн’аз’’е́*, 114 *раз’’з’’ава́тцъ*, *из’’з’’е́лъйут*, *йе́з’’з’’ъл’и*.

Подобные примеры встречаются гораздо реже, чем [с’с’] на месте ⟨с’т’⟩, очевидно, потому, что слов с сочетанием ⟨з’д’⟩ (⟨зд’⟩, ⟨с’д’⟩, ⟨сд’⟩) во много раз меньше, чем слов с ⟨с’т’⟩ (⟨ст’⟩, ⟨з’т’⟩, ⟨зт’⟩).

Под влиянием говоров, не знающих дзеканья, в подобных говорах дзеканье устранялось. В ходе этого процесса так же, как возникало гиперкорректное [с’т’] на месте ⟨с’с’⟩, могло возникнуть гиперкорректное [з’д’] на месте ⟨з’з’⟩ типа *ра*[з’д’]*ява*. Мне такие примеры неизвестны. Обнаружение их могло бы подтвердить высказанные выше выводы[68].

[68] Первая публикация — [Касаткин 1981].

Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах

1. В западных южнорусских говорах наблюдается отсутствие затвора у аффрикат [ч', ц], распространенное на довольно большой и компактной территории. Явление это и территория его распространения наиболее полно описаны В. Г. Орловой [Орлова 1959, с. 141—175], большое внимание этому явлению уделяет в ряде своих работ С. И. Котков [Котков 1952а, с. 36—49; 1952б, с. 42—52; 1963, с. 108—120]. В исследованиях В. Г. Орловой и С. И. Коткова рассматривается также история этого явления. Однако по большинству вопросов, связанных с происхождением и историей утраты затвора аффрикатами [ч', ц], взгляды В. Г. Орловой и С. И. Коткова не совпадают. Между тем решение некоторых вопросов, предложенное в указанных работах, может получить подтверждение, а некоторые факты — иное объяснение при использовании ряда дополнительных данных или при рассмотрении их с иной точки зрения.

Отсутствие затвора у [ц], т. е. произношение [с] на месте [ц] («соканье»), отмечено в современных западных южнорусских говорах на территории, гораздо меньшей, чем территория, на которой отмечено отсутствие затвора у [ч'], т. е. произношение [ш'] на месте [ч']. При этом соканье, как правило, совмещается с отсутствием затвора и у [ч'], а отсутствие затвора у [ч'] наблюдается и в большом количестве несокающих говоров. Иначе говоря, ареал соканья почти целиком вписан в ареал произношения [ш'] на месте [ч']. На востоке границы этих ареалов почти совпадают [Орлова 1959, с. 141 и сл., карта 4]. Допуская, что «во многих

говорах ранее имевшееся изменение *ц* > *с* устранялось позднее под влиянием общенародной формы языка» [с. 170], В. Г. Орлова исходит в своих выводах об истории этого явления из того, что современная территория соканья в основном все-таки соответствует первоначальной территории его распространения [с. 168—175]. С. И. Котков, говоря о соканье, также считает, что нет оснований «предполагать, что локализация описываемого явления в прошлом радикально отличалась от современной» [Котков 1963, с. 113].

В. Г. Орлова и С. И. Котков, однако, расходятся в объяснении более широкого территориального распространения [ш'] на месте [ч'] по сравнению с распространением [с] на месте [ц]. Так, С. И. Котков предполагает, что изменение [ч'] > [ш'] первоначально было свойственно той же территории, что и изменение [ц] > [с], а затем «*ш*' из своей начальной зоны проникло глубоко на запад» [Котков 1952б, с. 50]. В. Г. Орлова же считает, что изменение [ч'] > [ш'] и в момент своего возникновения осуществлялось в западных южнорусских говорах на более широкой территории, чем [ц] > [с] [с. 171].

Есть, однако, основания предполагать, что утрата затвора у обеих этих аффрикат происходила на одной и той же территории, причем в дальнейшем происходило сужение территории соканья по сравнению с территорией произношения [ш'] на месте [ч'].

Фонологические последствия утраты затвора аффрикатой [ч'] были далеко не равноценны фонологическим последствиям утраты затвора аффрикатой [ц]. Изменение [ч'] > [ш'] не приводило к утрате фонемы, воплощенной в этих звуках: [ш'], как и [ч'], воплощал фонему, отличающуюся от всех остальных фонем говора. Между тем изменение [ц] > [с] приводило к неразличению фонем ⟨с⟩ и ⟨ц⟩, к утрате фонемы ⟨ц⟩. Возникло произношение *ов*[с]*á* в соответствии с *овсá* и *овцá* говоров, различающих фонемы ⟨с⟩ и ⟨ц⟩, воплощенные в звуках [с] и [ц]; *ли*[с]*á*, *лú*[с]*а*, *ли*[с]*ý* и др. в соответствии с *лисá* и *лицá*, *лúса* и *лúца*, *лисý* и *лицý* и др.; [с]*адúть* в соответствии с *садúть* и *седúть*, [с]*апó*[х] и [с]*апó*[к] в соответствии с *сапóг* и *цепóк*; *за*[с]*аплю́*, *за*[с]*апúть* в соответствии с *заоплю́* и *зацеплю́*, *заопúт* и *зацепúть*; *подлé*[с] в соответствии с *подлéз* и *подлéц* и т. п.

Когда в говорах, переживших утрату затвора аффрикатами [ч'] и [ц], начался под влиянием литературного языка и говоров, знающих фонемы ⟨ч⟩ и ⟨ц⟩, воплощенные в звуках [ч'] и [ц], отход от данного диалектного явления, он неодинаково отразился на замене звука [ш'] звуком [ч'] и звука [с] звуком [ц].

При переходе от неразличения двух лингвистических единиц к их различению, происходящем в каком-либо говоре или группе говоров под влиянием других говоров (в том числе и под влиянием литературного языка), возможны случаи неправильного (с точки зрения этих последних говоров) употребления одной из этих двух единиц вместо другой. Таковы, например, широко известные случаи произношения [ч'] на месте этимологического *ц* (*кури*[ч']*а*, *оте*[ч'] и т. п.) в говорах, отходящих от цоканья. Таковы же случаи произношения [ц] на месте этимологического с в говорах, отходящих от соканья; ср. *цара́й*, *лец*, *чацы*, *цо́рак* (эти примеры, записанные разными диалектологами на территории сокающих говоров, приводит С. И. Котков [Котков 1952б, с. 49]), *цапо́г* (с начальным [ц] это слово отмечают, в частности [Шахматов 1909—1910, с. 743; Зеленин 1913, с. 232, 258; см. также: Львов 1963, с. 72, 75]), *цве́тлый*, *цвя́тошный*, *ца́бли* [Королькова 1953б, с. 8], есть и другие примеры, отмеченные в таких говорах. При определенных условиях такое «неправильное» употребление [ц] могло лексикализоваться или морфологизоваться, т. е. стать устойчивым в каком-либо морфе. Таково, очевидно, происхождение [ц] в словах *ру́цкий* и *цапо́г*, распространенных в ряде западных южнорусских говоров. (О связи произношения *ру*[ц]*кий*, [ц]*апог* с утратой затвора аффрикатой [ц] см. [Шахматов 1909—1910, с. 743; Зеленин 1913, с. 221; Королькова 1953б, с. 8; Атлас З, комментарий к карте 77].)

При соканье элемент [ск] перед окончанием в слове *ру*[ск]*ий* совпадал с [ск] перед окончанием многих других прилагательных: *гре́*[ск]*ий*, *неме́* [ск]*ий*, *полове́*[ск]*ий*, *туре́*[ск]*ий* и т. п., а также *же́н*[ск]*ий*, *москов*[ск]*ий*, *поль*[ск]*ий*, *хозя́й*[ск]*ий* и т. п. В соответствии с [ск] перед окончанием прилагательных сокающих говоров в несокающих говорах употреблялись (и употребляются) [ск] и [цк]. В подавляющем большинстве случаев [с] и [ц] в этих элементах имеют определенную обусловленность. Так, после согласных употребляется только [с], воплощающий в этой позиции начальный элемент суффикса *-ск-*. Внутри суффиксальной морфемы может быть также только [с] (*-еск-* и производные от него) (употребляющиеся в современном русском литературном языке *важнецкий*, *простецкий*, *храповицкий*, вероятно, не были свойственны диалектной речи). Противопоставлены [ц] и [с] только в конце корня, от которого образовано прилагательное, перед вариантами суффикса *-ск-*/*-к-*, не различающимися в произношении в этой позиции. Однако и здесь каждый из этих звуков связан определенными отношениями со звуками, выступаю-

щими в конце корня родственных слов. Все эти отношения сводятся к отношению тождества, существующему на различных уровнях. Тождество это может быть фонетическим и фонологическим, когда в конце корня родственных слов (словоформ) выступает тот же звук языка и та же фонема: *неме́*[ц]*кий* — *неме*[ц], *стреле́*[ц]*кий* — *стреле*[ц]; *тря́*[с]*кий* — *тря*[с]*у́*, *но́*[с]*кий* — *но*[с]*о́к* и т. п. Тождество это может быть фонологическим, когда в конце корня родственных слов (словоформ) выступает та же фонема, при этом происходит фонетическое чередование: *вя́*[с]*кий* — *вя́*[з]*нуть*, *францу́*[с]*кий* — *францу́*[з]*ы*, *бра́*[ц]*ский* — *бра*[т], *де́*[ц]*ский* — *де́*[т']*и* и т. п. Тождество это может быть морфонологическим, когда в конце корня родственных слов (словоформ) выступает та же морфонема, при этом происходит морфологическое чередование: *гре́*[ц]*кий* — *гре*[к], *рыба́*[ц]*кий* — *рыба́*[к], *тка́*[ц]*кий* — *тка*[ч'], *ты́ся*[ц]*кий* — *ты́ся*[ч']*а*, *но́*[с]*кий* — *но*[ш]*у́* — *но́*[с']*ишь*, *бро́*[с]*кий* — *бро́*[ш]*у* — *бро́*[с']*ишь*, *бли́*[с]*кий* — *бли́*[ж]*е*, *ни́*[с]*кий* — *ни́*[ж]*е* и т. п.

При отходе от соканья все эти связи оказывались решающими и приводили обычно к тому, что устанавливалось «правильное» употребление [с] и [ц] перед *-ск-* и *-к-* в прилагательных.

При малой употребительности в говорах слова *Русь* и отсутствии других слов с этим же корнем слово *русский* оказывалось изолированным; [с], воспринимавшийся как последний согласный корня, не поддерживался никаким звуком, который мог бы произноситься в родственных словах. Поэтому при отходе от соканья [с] в этом слове легко мог замениться на [ц]. Так, вероятно, возникало слово *ру́цкий*[69].

Широкое распространение на той же территории, где отмечено слово *руцкий*, слова *цапог* [см. Атлас З, Атлас Ю, материалы] тоже может объясняться тем, что это слово «так сказать „одиночное“, без ясных этимологических связей» [Львов 1963, с. 73].

Возможно, в некоторых говорах существовала тенденция заменить при отходе от соканья [с] на [ц] также в суффиксе прилагательных *-ск-*, о чем свидетельствуют отмеченные в ряде населенных пунктов примеры *деревенцкий*, *москоцкий*, *калуцкий* и др. [см. Атлас 3, карта 77; Атлас Ю, карты 83—65; Брок 1916, с. 81; Гринкова 1930, с. 576; Королькова

[69] По мнению А. А. Шахматова, [ц] здесь появляется в результате «лексикологической аналогии со словами *немецкий*, *по-турецки* и т. п.» [Шахматов 1909—1910, с. 74; ср. также: Дурново 1917, с. 76]. Однако в таком случае неясно, почему эта аналогия действовала так сильно только в западных южнорусских говорах.

1953а, с. 211]. Однако эта тенденция не проявилась так последовательно, как замена [с] на [ц] в слове *русский*.

Со звуком [ц] это слово отмечено на территории, расположенной к западу от основной территории соканья, причем территория произношения [ц] в слове *руцкий* вместе с территорией соканья примерно соответствуют той территории, на которой распространено произношение [ш'] на месте [ч']. А это может служить веским доказательством того, что территория соканья прежде совпадала с современной территорией произношения [ш'] на месте [ч'].

Утрата некоторыми говорами соканья при сохранении ими произношения [ш'] на месте [ч'] легко объяснима. При взаимодействии говоров, где произносятся [ш'] и [с] на месте этимологических *ч* и *ц*, и говоров, где произносятся на этом месте [ч'] и [ц], разница между [ш'] и [ч'] обычно не замечается говорящими. Это — различие в оттенках звуков, воплощающих, с точки зрения говорящих, одну и ту же фонему, поэтому разница эта мало существенна и для тех, и для других говоров. Различие же между [с] и [ц] весьма существенно: эти звуки воплощают в несокающих говорах разные фонемы. Поэтому соканье привлекает внимание говорящих гораздо сильнее, чем произношение [ш'] на месте [ч'], хотя «физиология» этих двух явлений одна и та же: утрата затвора у аффрикаты.

2. Когда же возникала утрата затвора аффрикатами [ч'] и [ц] в западных южнорусских говорах? Некоторые факты помогают установить относительную и абсолютную хронологию этого явления.

Изменение [ч'] > [ш'] происходило после того, как [ш'], воплощавший фонему ⟨ш⟩, изменился в [ш] во всех позициях, о чем свидетельствует сохранение во всех позициях различения между фонемой ⟨ш⟩ и фонемой ⟨ш'⟩, выступающей на месте прежней фонемы ⟨ч⟩.

Изменение [ц] > [с] происходило после изменения [ц'] > [ц], «так как в противном случае звук *с* сохранял бы свою мягкость» [Орлова 1959, с. 168—169][70]. Правда, в современных сокающих говорах нередко отмечается произношение [с'] на месте этимологического *ц*, однако такой [с'] отмечен почти исключительно перед ⟨е⟩ [с']*ёлый*, [с']*ёрква*, [с']*ен*

[70] В противоположность этому С. И. Котков допускает, что «соканье было первоначально мягким» [Котков 1963, с. 112]. При этом [с'] из [ц'] совпал бы с исконным [с']. Но тогда неясно, чем могло быть вызвано позднейшее отвердение только такого [с'], который из [ц'], при сохранении мягкости [с'] в остальных случаях.

и т. п. [см. Атлас Ю, карта 53]. Примеры эти могут получить двоякое объяснение.

1) Отвердение [ц'] могло происходить неодновременно во всех позициях: дольше всего [ц'] мог сохраняться в позиции перед ⟨е⟩. Если утрата затвора аффрикатой происходила тогда, когда перед ⟨е⟩ произносился еще [ц'], а в других позициях уже [ц], то в этом случае перед ⟨е⟩ [ц'] > [с'], а во всех остальных позициях [ц] > [с].

2) В связи с изменением [ц] > [с] и заменой, следовательно, фонемы ⟨ц⟩ фонемой ⟨с⟩ твердый [с], воплощавший «твердую» фонему ⟨с⟩, появляется перед ⟨е⟩. Однако позиция перед ⟨е⟩ до изменения [ц] > [с] была позицией нейтрализации «твердых» и «мягких» фонем; перед ⟨е⟩ «твердым» и «мягким» фонемам соответствовала архифонема, воплощенная в мягком звуке. Под влиянием этой нормы твердый [с], появлявшийся из [ц], перед ⟨е⟩ мог заменяться [с']: [ц]*ен* > [с]*ен* > [с']*ен*. Ср. аналогичную замену перед ⟨е⟩ твердых согласных мягкими в современном русском языке при ассимиляции многих заимствованных слов.

Современная восточная граница утраты затвора аффрикатами [ч'], [ц] почти совпадает с важной государственной границей, существовавшей в течение длительного времени. Это была граница между Московским княжеством и Верховскими княжествами, входившими в XII—XIII вв. в восточную часть Черниговского княжества, а с середины XIV по конец XV в.— в Литовское княжество. Совпадение восточной границы утраты затвора аффрикатой [ч'] с этой государственной границей и отсутствие данного диалектного явления не только в восточных белорусских, но и в крайних западных южнорусских говорах дало основание В. Г. Орловой считать, что изменение [ч'] > [ш'] относится к периоду не раньше конца XV — начала XVI в. В конце XV — начале XVI в. граница Московского государства отодвигается на запад, и восточные земли Литовско-Русского государства воссоединяются с Московским государством. Говоры этих земель попадают под воздействие южнорусских говоров восточных территорий. В результате этого воздействия на территории бывших восточных земель Литовско-Русского государства возникает ряд диалектных новообразований. Одним из таких новообразований было изменение [ч'] > [ш'] [Орлова 1959, с. 169—173].

Принимая это объяснение, следует обратить внимание на то, что указанные диалектные новообразования не распространяются на всю территорию, отошедшую в конце XV — начале XVI в. к Московскому госу-

дарству. Западные границы ряда таких новообразований, в том числе и изменения [ч'] > [ш'], близки к западной границе Московского государства, отодвинувшейся с запада на восток в результате польско-литовской интервенции начала XVII в. и существовавшей в течение всей первой половины XVII в. [см. Очерки истории СССР 1955а, карты 1, 5, 6, 7; 1955б, с. 480 и сл., карты 1, 6]. Возможно, что эти диалектные новообразования возникали в XVI в., но их постепенное распространение на запад было медленным, только к XVII в. они продвинулись вплотную к новым границам Московского государства, задержавшим дальнейшее их продвижение на запад. Возможно также, что эти диалектные новообразования успели до начала XVII в. распространиться и на более западные территории, но не удержались там в результате усиления на этих территориях западных влияний в XVII в. при отсутствии поддержки с востока. Менее вероятно предположение о возникновении указанных новообразований в XVII в., тем более во второй его половине. Ср. указание В. Г. Орловой на то, что «изменение *ч'* в *ш'*, возникающее как узко диалектное новообразование в период, предшествовавший образованию национального языка преднационального периода, едва ли может быть отнесено к более позднему времени. Это новообразование и характерное для него территориальное распространение не могли сложиться на начальном этапе существования национального языка, поскольку связи центральных территорий государства с югом страны в этот период усиливаются» и «не было предпосылок для того, чтобы распространение подобных новообразований ограничивалось только западной частью южновеликорусских говоров» [Орлова 1959, с. 173].

Поскольку соканье возникает, очевидно, на той же территории, что и утрата затвора у [ч'], можно предполагать, что время возникновения соканья совпадает с временем возникновения [ш'] из [ч'] или близко к нему. (С. И. Котков относит возникновение обоих явлений к эпохе XIV—XV вв. [Котков 1952б, с. 46—50]).

3. Каковы же были причины утраты затвора аффрикатами [ч'] и [ц]? При рассмотрении истории утраты затвора аффрикатой [ч'] В. Г. Орлова пишет: «Во многих говорах западнорусского типа, переживавших отвердение *ц* одновременно с говорами на южнорусских территориях ⟨...⟩ процесс отвердения вслед за этим распространялся и на *ч*». Произношение твердого *ч*, «сложившееся на юго-западе еще к XIV в., ⟨...⟩ уже успело значительно распространиться к тому времени, когда, в результате

отрыва западной части территории, в ее пределах могло наметиться вторичное распространение южновеликорусских особенностей восточного типа», в частности произношение мягкого *ч*. «В этот период и могла сложиться здесь та передача *ч* твердого как *ш*', которая наблюдается в говорах данной территории». «Взаимодействие южных говоров, имевших *ч* мягкое, с западными, имевшими *ч* твердое, очевидно, приводило к тому, что начинали произносить *ш*' вм. *ч*» [Орлова 1959, с. 172]. Исходя из этого объяснения, данного В. Г. Орловой, следует признать, что, во-первых, на одной территории произошло совмещение двух диалектных систем: одной с [ч], другой с [ч'], во-вторых, исходной системой в преобразовании была система с [ч]. Система с [ч] испытывала на этой территории влияние системы с [ч']. Произношение [ч'] было новым на этой территории, причем это произношение появлялось здесь, как правило, не вместе с его носителями (передвижения населения с востока на запад не было здесь в эту эпоху[71]), а в результате знакомства местного населения с нормой, воспринимавшейся им как общерусская.

Непосредственной причиной возникновения произношения [ш'] вместо [ч'], по мнению В. Г. Орловой, является то, что «акустически твердое *ч* производит обычно впечатление звука, в котором шипящий элемент преобладает» [с. 172]. С этим объяснением, однако, нельзя согласиться потому, что оно дано с точки зрения человека, для которого обычным является произношение [ч'], тогда как объяснение этого диалектного явления, очевидно, должно исходить из восприятия звука [ч'] людьми, для которых обычно произношение [ч].

Усвоение инодиалектного (иноязычного) звука связано с рядом закономерностей. Так, например, один и тот же звук может по-разному восприниматься носителями разных языков, или разных диалектов одного языка, или одного и того же языка в разные эпохи (что по сути тоже означает — разных языков или разных диалектов). Так, греческий билабиальный глухой фрикативный [ф] заимствовался древнерусским языком как [п], позднее одними говорами как [ф], другими как [х] или [хw] и др. Объясняется это тем, что с точки зрения одного диалекта в заимствуе-

[71] Ср. у С. И. Коткова: «Еще в XIV столетии, а позднее — тем более, южновеликорусское население продвигается главным образом на восток и юго-восток; движение в направлении на запад никогда не имело ощутительного и постоянного характера» [Котков 1963, с. 119].

мом звуке выделяются, как существенные, одни признаки, с точки зрения другого диалекта — другие.

Звук [ч'] заимствовался разными русскими говорами, не знавшими ранее этого звука. Такими, например, были говоры, отходившие от твердого цоканья под влиянием литературного языка и соседних говоров, различавших фонемы ⟨ч⟩ и ⟨ц⟩, воплощенные в звуках [ч'] и [ц]. Однако пути этого отхода были различны. В одних говорах, при сохранении твердого [ц] в соответствии с [ц] нецокающих говоров, возникал твердый звук [ч] в соответствии с [ч'] нецокающих говоров. В других говорах, при сохранении твердого [ц] в соответствии с [ц], возникал мягкий звук [ц'] в соответствии с [ч'] или вообще мягкая аффриката, которой могли быть чаще всего свистящие звуки [ц', ц'^{ч}, ц''] и др., но также и [ч'] [см. Орлова 1959, с. 51—54, 58—59, 73—79, 83—100]. Различия в этих путях отхода от твердого цоканья объясняются, вероятно, следующим. Звук [ч'] литературного языка и соседних говоров воспринимался цокальщиками как звук, отличный от литературного и своего родного [ц]. Но одни цокальщики это отличие видели в том, что [ч'] — звук шипящий. И тогда, стараясь воспроизвести его, они произносили звук, отличающийся от [ц] именно этим признаком, т. е. произносили твердый [ч]. Другие видели отличие этого звука от [ц] в том, что [ч'] — звук мягкий. И тогда, стараясь воспроизвести его, они произносили звук, отличающийся от [ц] именно этим признаком, т. е. произносили мягкий [ц'], или средний между [ц'] и [ч'], или, наконец, [ч']. Таким образом, возникновение двух указанных диалектных особенностей обусловлено разным восприятием противопоставления звуков [ч'] — [ц], воплощающих фонемы ⟨ч⟩ — ⟨ц⟩: в одних случаях как противопоставление шипящий/свистящий[72], в других — как мягкий/твердый.

Представители западных южнорусских говоров должны были видеть отличие инодиалектного [ч'] от своего [ч] в том, что звук [ч'] — мягкий. Таким образом, они выделяли в этом звуке тот же признак, что и некоторые цокальщики. Чем же объясняется, что западными южнорусскими говорами, в отличие от указанных цокающих, звук [ч'] заимствовался в виде [ш']?

---

[72] Противопоставление [ч'] — [ц], которое здесь обозначено по признаку шипящий/свистящий, можно обозначить по признаку нёбно-зубной/зубной, или компактный/некомпактный, или еще как-нибудь: в данном случае это не меняет существа дела, так как все эти признаки характеризуют один и тот же дифференциальный признак, но разные параметры, на которых он основан.

Усвоение инодиалектного (иноязычного) звука всегда обусловлено характером фонологической системы диалекта (языка), воспринимающего этот звук.

Фонологически существенными у западного южнорусского [ч] были, вероятно, два признака: аффрикатность и шипящность, так как фонема ⟨ч⟩ была противопоставлена как «аффриката» «фрикативной» ⟨ш⟩ и «взрывной» ⟨т⟩[73] и как «шипящая» «свистящей» ⟨ц⟩. Твердость звука [ч] была признаком фонологически несущественным: фонема ⟨ч⟩ не обладала дифференциальным признаком «мягкость/твердость», так как не было в системе никакой другой фонемы, противопоставленной фонеме ⟨ч⟩ только как «мягкая» «твердой».

Поскольку представители западных южнорусских говоров мягкость звука [ч'] воспринимали как признак существенный, этот же признак переносился ими и на фонему, воплощенную в этом звуке: в фонеме ⟨ч'⟩ — они стали выделять дифференциальный признак «мягкость». При усвоении [ч'] в западных южнорусских говорах не появлялось никакой новой фонемы: [ч'] воспринимался как «заместитель» [ч]. Поэтому признак: «мягкость» должен был вытеснить один из прежних дифференциальных признаков фонемы ⟨ч⟩. А в связи с этой трансфонологизацией дифференциального признака должно было измениться отношение фонемы ⟨ч'⟩ к фонемам ⟨т, ш, ц⟩.

Если бы признак «мягкость» вытеснил признак «шипящность», то тогда отношение ⟨ч'⟩—⟨ц⟩ стало бы восприниматься не как отношение «шипящая/свистящая», а как отношение «мягкая/твердая». Тогда звук, воплощавший такую фонему ⟨ч'⟩, должен был, очевидно, восприниматься и заимствоваться как звук [ц'], так как фонема ⟨ц⟩ воплощалась в звуке [ц] и все остальные парные по «твердости/мягкости» фонемы были воплощены в звуках, отличающихся друг от друга именно твердостью и мягкостью. Но усвоение инодиалектного звука [ч'] как [ц'] могло привес-

[73] В литературном языке, по мнению А. А. Реформатского, ⟨ч⟩ является внепарной по способу образования, так как «в ⟨ч⟩ ⟨...⟩ смычный и фрикативный элементы дорсальны и небны, тогда как в ⟨т⟩ смычный элемент дентален, а в ⟨ш⟩ фрикативный элемент коронален» [Реформатский 1955, с. 10—11]. Тем не менее в литературном языке ⟨ч'⟩ составляет коррелятивную пару с ⟨т'⟩; ср. нейтрализацию этих фонем перед ⟨ч'⟩: *петь часто*, *печь часто* — здесь на стыке слов в соответствии с сочетаниями ⟨т'ч'⟩ и ⟨ч'ч'⟩ произносится один и тот же звук [ч'] с долгим затвором, транскрибируемый обычно как [$\overline{\text{ч}}$'] или [$\underline{\text{т}}$'ч']. Противопоставлены ⟨т'⟩ и ⟨ч'⟩, очевидно, по способу образования. О мягкости ⟨ч'⟩ в литературном языке см. [Касаткин 1996, с. 130].

ти к совпадению фонемы, воплощенной в этом звуке, с фонемой ⟨т'⟩, которая, по всей вероятности, воплощалась в западных южнорусских говорах в звуке [ц'] [Котков 1952б, с. 47]. Между тем звук [ч'], как уже указывалось, воспринимался как представитель фонемы, выступающей на месте ⟨ч⟩ и отличной от всех остальных фонем.

Следовательно, признак «мягкость» должен был вытеснить у фонемы ⟨ч'⟩ признак «аффрикатность». При этом менялось отношение ⟨ч'⟩—⟨т⟩ и ⟨ч'⟩—⟨ш⟩: одна из этих пар стала восприниматься как пара по «мягкости/твердости», третья фонема перестала быть парной к ⟨ч⟩.

Отношение ⟨ч'⟩—⟨т⟩ не могло начать восприниматься как отношение «мягкая/твердая», так как фонема ⟨т⟩ уже была парной по этому признаку «мягкой» фонеме ⟨т'⟩. Следовательно, замена прежнего отношения ⟨ч⟩—⟨т⟩ на отношение «мягкая/твердая» привела бы к совпадению фонемы ⟨ч'⟩ с фонемой ⟨т'⟩.

Замена же прежнего отношения ⟨ч⟩—⟨ш⟩ как отношения «аффриката/фрикативная» на новое отношение «мягкая/твердая» было вполне возможно: в системе фонем не было фонемы, противопоставленной фонеме ⟨ш⟩ только как «мягкая» «твердой», и в системе звуков не было звука [ш'], воплощавшего какую-либо фонему.

Таким образом, «давление системы» обусловило заимствование западными южнорусскими говорами инодиалектного звука [ч'] как [ш'].

Замена [ч] на [ш'] была связана, как уже указывалось, с некоторой перестройкой фонологической системы: фонема ⟨ч⟩, характеризовавшаяся дифференциальными признаками «шипящность» и «аффрикатность», заменилась фонемой ⟨ш'⟩, характеризующейся дифференциальными признаками «шипящность» и «мягкость»; прежняя связь фонемы ⟨ч⟩ с фонемой ⟨т⟩ утратилась, а связь с фонемой ⟨ш⟩ изменилась: теперь фонемы ⟨ш⟩ и ⟨ш'⟩ были связаны как «твердая» с «мягкой», эта связь была более устойчивой, так как она поддерживалась большим количеством фонем в корреляции по «твердости/мягкости».

Эти изменения, касающиеся одного звена фонологической системы, привели к ряду изменений в других звеньях фонологической системы. Одним из таких изменений была утрата противопоставления ⟨ц⟩—⟨с⟩, выражавшаяся в утрате затвора у [ц] и изменении ⟨ц⟩ > ⟨с⟩[74].

[74] О необходимости «связать историю обоих отмеченных явлений» ([ц] > [с] и [ч'] > [ш']) говорит и С. И. Котков [Котков 1952б, с. 49]. Однако в объяснении причин и хода изменения [ц] > [с] и [ч'] > [ш'], данном им в 1952 г., С. И. Котков исхо-

До замены [ч] на [ш'] аффрикатность была признаком ряда согласных звуков: [ч, ц, ц', д͡з']. Однако фонологически существенной аффрикатность была только у [ч] и [ц], так как только у фонем ⟨ч⟩ и ⟨ц⟩ она воплощала дифференциальный признак «аффрикатность» (у [ц'], воплощавшего фонему ⟨т'⟩, и [д͡з'], воплощавшего фонему ⟨д'⟩, аффрикатность была признаком фонологически несущественным). После замены ⟨ч⟩ на ⟨ш'⟩ «аффрикатность» как маркированный дифференциальный признак должна была остаться только у ⟨ц⟩. Иначе говоря, в системе фонем оказывалась одна «аффриката». Обращая внимание на неустойчивость изолированных, не включенных в систему фонем, А. Мартине пишет, что «такие фонемы чаще исчезают, создают себе коррелятивные соответствия или изменяются так, что сами превращаются в соответствия других изолированных фонем» [Мартине 1960, с. 138]. Второй и третий из указанных А. Мартине путей включения изолированной фонемы в систему был невозможен для ⟨ц⟩: в диалектной системе не было таких фонем, которые могли бы образовать новую пару с ⟨ц⟩. Вместе с тем имелись условия для утраты признака «аффрикатность» и фонемой ⟨ц⟩, поскольку фонема ⟨ч⟩ утрачивала этот дифференциальный признак, а ⟨ц⟩ была тесно связана с ⟨ч⟩, так как только эти две фонемы обладали указанным дифференциальным признаком. (О том, что изменение одной фонемы, как правило, вызывает аналогичное изменение и другой фонемы той же «серии», см. [Мартине 1960, с. 107].) Утратив вслед за фонемой ⟨ч'⟩ этот признак и потеряв, таким образом, свое отличие от всех других фонем, ⟨ц⟩ должна была совпасть с какой-либо фонемой, отстоящей от нее на расстояние одного дифференциального признака. Ближайшими к ⟨ц⟩ были фонемы ⟨с⟩ и ⟨т⟩, противопоставленные ⟨ц⟩ как «фрикативная» и «взрывная» [см. Реформатский 1955, с. 9]. Однако поскольку замена ⟨ч⟩ на ⟨ш'⟩ ознаменовалась разрывом непосредственных связей с «взрывной» и сближением с «фрикативной» фонемой, это обусловило и «выбор» у ⟨ц⟩: она совпала с ⟨с⟩. В результате этого совпадения и произошла утрата затвора у [ц] и изменение [ц] > [с].

В связи с тем, что фонема ⟨ш⟩ стала «твердой», и тем, что расширилась сфера употребления «твердой» фонемы ⟨с⟩ за счет ⟨ц⟩, и твердые [ш]

дит из того, что указанные процессы протекали независимо друг от друга [с. 47—50], а в работе 1963 г. видит эту связь в том, что «утрата затворной артикуляции *ц* ⟨...⟩ могла ⟨...⟩ способствовать утрате затвора в образовании *ч*, но «не исключается и возможность обратной зависимости» [Котков 1963, с. 117].

и [с], воплощавшие эти фонемы, могли произноситься перед ⟨е⟩ ([ш] и раньше был возможен перед ⟨е⟩, [с] появился здесь в результате изменения [ц] > [с]), позиция перед ⟨е⟩ перестала быть слабой для «твердых» и «мягких» фонем. Противопоставление фонем ⟨ш'⟩—⟨ш⟩ и ⟨с'⟩—⟨с⟩ появилось и в этой позиции: ср. [ш']*есть* — [ш]*есть*, [ш']*ей* — [ш]*ей*, *пар*[ш']*é* — *пар*[ш]*é*, *пала*[ш']*é* — *пала*[ш]*é*, *гра*[ш']*é* — *гро*[ш]*é* и т. п.; [с']*ел* — [с]*ел*, *ли*[с']*é* — ли[с]*é*, *ов*[с']*é* — *ов*[с]*é*, *п*[с']*е* — *слеп*[с]*é* и т. п. А это в свою очередь привело к тому, что чередование твердых согласных, выступавших в позиции не перед ⟨е⟩, с парными мягкими согласными, выступавшими перед ⟨е⟩ (*коле*[с]*ó* — *коле*[с']*é*, *же*[н]*á* — же[н']*é*, *теп*[л]*ó* — *теп*[л']*ée* и т. п., из фонетического чередования звуков, относящихся к одной фонеме, превратилось в чередование фонем[75].

[75] Иное объяснение происхождения соканья см. [Назарова 1975, с. 100—101]. Первая публикация — [Касаткин 1965б].

К истории сочетания *чьн* и шепелявенья в русском языке (⟨с'н'⟩ на месте *чьн* и смежные фонетические явления в одном архангельском говоре)

1.1. По единодушному мнению историков русского языка исконное сочетание *чьн* в результате падения редуцированных гласных изменилось в *чн*, а затем в *шн* [см. Соболевский 1907, с. 107; Шахматов 1915а, с. 285; Дурново 1924, с. 167—168; Обнорский 1960; Иванов 1990, с. 173—174]. Но было ли изменение *чн* > *шн* последовательным, или оно происходило только в части слов, неясно. Так, например, А. И. Соболевский считал, что «звук *ч* перед *н* во всем русском языке перешел в *ш* ⟨...⟩. Но великор. отли*ч*ный, со*ч*ный, то*ч*ный, но*ч*ной, общерусск. на*ч*ну, ка*ч*ну и др. сохранили древнее *ч* под влиянием родственных слов с *ч*: отли*ч*ить, со*ч*ить, то*ч*ка, но*ч*ь и др.» [Соболевский 1907, с. 107]. П. Я. Черных считал, что в некоторых словах *чн* могло оставаться неизменным в результате омонимического отталкивания, например, *личный*, *точно* [Черных 1928, с. 18]. Н. Н. Дурново в отличие от этого считал, что «переход аффрикаты *ч* в фрикативную *ш* перед *н*» был последовательным. «Позднее *ч* перед *н* ⟨...⟩ могло вновь возникать по аналогии с другими формами или в новообразованиях, напр., *начну* по аналогии с *начать*, *дачный* — новообразование от *дача*» [Дурново 1924, с. 167—168]. С. П. Обнорский полагал, что исконное *чн* в некоторых говорах могло сохраняться без изменения [Обнорский 1960, с. 248], в некоторых же диалектах, в частности московском, «со всею последовательностью ⟨...⟩ из всякого исконного русского *чн*» возникло *шн* [с. 246]. В литературном же

языке, наряду с подобным *шн*, свое «старое обличье» с *чн* сохраняли «книжные слова, в частности древнеболгаризмы». Кроме того, могли быть и фонетические условия сохранения *чн*. Так, «ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием *чн* фонетически обеспечивала в большинстве случаев сохранность *ч* в данном сочетании»: *личнóй*, *мучнóй*, *ночнóй*, *печнóй*, *речнóй*, *ручнóй* [с. 236—237; ср. также: Иванов 1990, с. 174]. Е. Г. Бурова, рассмотрев это последнее условие, указывает, что в материалах Диалектологического атласа русского языка отмечено много таких слов с ударением на гласном, следующем за исконным *чьн* (*волчня́к*, *свечнóй*, *уточни́ть* и др.), у которых произносится в подавляющем большинстве случаев *шн*. По мнению Е. Г. Буровой, существенно не место ударения в слове, а то, сколько звуков содержится в слове перед этимологическим *чн*. «Подсчет произносительных вариантов у всех слов, ⟨...⟩ имеющих ⟨...⟩ два звука перед *чн* ⟨...⟩ (типа *сóчный*), показал почти равное соотношение *шн* и *чн* ⟨...⟩. Слова ⟨...⟩, в которых перед *чн* содержится три звука, приводятся с *шн* примерно в два раза чаще, чем с *чн* ⟨...⟩. Сравнительно более частое сохранение *чн* характерно для слов с краткой корневой морфемой. Этот факт можно истолковать как стремление сохранить узнаваемость морфемы» [Бурова 1975, с. 137—138].

Как известно, в современном русском литературном языке на месте исконного *ч* перед *н* в одних словах произносится [ч’]: *то*[ч’]*ный*, *но*[ч’]*ной*, *пе*[ч’]*ник*, *уборо*[ч’]*ная*, *ал*[ч’]*ный*, *фабри*[ч’]*ный*, *отли*[ч’]*ник* и др., в других словах произносится [ш]: *коне*[ш]*но*, *скворе*[ш]*ник*, *яи*[ш]*ница*, *двое*[ш]*ник* и др. В некоторых словах допускается и [ч’], и [ш]: *було*[ч’]*ная* и *було*[ш]*ная*, *сливо*[ч’]*ный* и *сливо*[ш]*ный*, *подсве*[ч’]*ник* и *подсве*[ш]*ник* и др.

Соотношение этих слов со временем меняется. «Мы имеем красноречивое свидетельство постепенного, на протяжении последних 100—150 лет, роста норм произношения с *чн* за счет старейшего произношения соответственной лексики с *шн*. Замечательно, что эта эволюция в произношении идет параллельно с эволюцией в правописании соответственных слов. Свидетельство это содержится в данных наших печатных Словарей русского языка, последовательно издававшихся Академией наук в 1789, 1847 и 1890-х гг.» [Обнорский 1960, с. 247]. Есть и более поздние свидетельства продолжающегося процесса вытеснения [шн] новым произношением [ч’н] [см. Горбачевич 1971, с. 102—105; Панов 1990, с. 45—46, 128—129, 224—228, 258—259, 274—276, 308—310, 388—390, 436].

Но все эти свидетельства, так же как и примеры написания *шн* вместо *чн* в памятниках письменности, отмечаемые с XIV в. [см. Соболевский 1907, с. 107], никак не говорят о том, было ли возможно в языке той эпохи [ч'н] наряду с [ш'н]—⟨шн⟩ или хотя бы в каких-нибудь говорах всякое [ч'н] изменилось в [ш'н]. Таким образом, ни данные современного литературного языка, ни данные письменности не дают ответа на этот вопрос.

Часто в некоторых диалектах сохраняется явление, исчезнувшее или трансформировавшееся в других диалектах и литературном языке. Примеры широко известны. Наиболее полная сводка материалов по произношению [ч'н] и [шн] (из *чн*) в русском языке была сделана в 1930 году С. П. Обнорским в статье «Сочетание *чн* в русском языке» [Обнорский 1960]. Обобщением сведений, появившихся за последующие сорок лет, и главным образом богатейших материалов Диалектологического атласа русского языка явилась статья Е. Г. Буровой «К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах» [Бурова 1975].

Оба автора пишут о сложности картины распространения [ч'] (и его закономерных замен: [ч, ц', ш']) и [ш] в современных говорах. «Пестрота современной картины распространения *шн*,— пишет С. П. Обнорский,— говорит о том, что старые нормальные соотношения в распределении между отдельными диалектными группами тех или иных рефлексов *чн* взаимно переплетены и смешаны под перекрестными влияниями как смежных диалектных группировок, так и течений, направлявшихся от книжной и разговорной стихии литературного языка» [Обнорский 1960, с. 243]. «Для современных диалектов,— пишет Е. Г. Бурова,— на всей нашей территории характерно наличие одновременно двух рефлексов **-чьн-*: *шн* и *чн* (*цн*) ⟨...⟩. По говорам имеется параллельное употребление *шн* и *чн* в одних и тех же словах, но все же в большинстве современных говоров, подобно литературному языку, выбор произношения *шн* и *чн* определяется и лексически. Каждый из вариантов закреплен за своей группой слов, разумеется, при наличии колебаний, еще более значительных, чем в нормализованном литературном языке. В разных говорах лексика распределяется между *чн* и *шн* поразному, что и составляет диалектные различия по данному явлению» [Бурова 1975, с. 131]. В материалах Диалектологического атласа русского языка «имеются, правда, ответы, указывающие только на один вариант ⟨...⟩, но ⟨...⟩ материал ⟨...⟩ заставляет предполагать, что отсутствие одного из вариантов в таких ответах объясняется неполнотой последних, а

не отсутствием соответствующего произношения в говоре» [Бурова 1975, с. 130—131].

Таким образом, и в современных русских говорах не встречается такой системы, когда бы существовало не знающее исключений фонетическое позиционное чередование [ч'] в позиции не перед [н, н'] с [ш] перед [н, н'] — типа *пе*[ч']—*пе*[шн]*ой*, *кирпи*[ч']—*кирпи*[шн]*ый* и т. п.

1.2. На месте исконного *чьн* в русских говорах отмечается также произношение [сн], [с'н']: *пшени*[сн]*ый*, *моло*[сн]*ый*, *яи*[с'н']*ица* и др. В 1920-е годы сведения о таком произношении были немногочисленны [Обнорский 1960, с. 237—238]. И только по материалам Диалектологического атласа русского языка стало возможным установить территорию этого явления и охват им различных слов с этимологическим *чьн*. Как пишет Е. Г. Бурова, «произношение *сн* оказалось определенно локализованным и связанным с немногими словами, причем для каждого из этих слов характерен свой ареал. Наиболее широко распространено произношение *сн* в слове *пшеничный*. Оно встречается внутри территории, которую приблизительно можно ограничить линией, идущей через Ветлугу, Кологрив, Чухлому, Вологду, Кириллов, Череповец, Весьегонск, Вышний Волочок, Ржев, Можайск, Москву, Владимир, Муром, юго-западнее Саранска и далее западнее и южнее Пензы на восток ⟨...⟩. Ареал произношения *молосный* вписывается в ту же территорию, но оказывается у́же ее ⟨...⟩. *Яисница* имеет еще более узкое распространение ⟨...⟩. Произношение *ясневый*, *ясный* (вм. *ячневый*, *ячный*) в пределах основной территории ⟨...⟩ отмечено лишь в нескольких отдельных населенных пунктах ⟨...⟩. Произношение *сн* отмечено также и в ряде других слов, но в единичных случаях (обычно 1 фиксация)» [Бурова 1975, с. 127].

Возникновение [сн] на месте *чьн* связывают с цоканьем. Так, в говорах с мягким цоканьем сочетание [ц'н] должно было измениться в [с'н] параллельно тому, как это происходило в говорах, знающих произношение [ч'] в этом сочетании: у аффрикаты перед [н, н'] утрачивался затвор. Затем перед твердым [н] происходило ассимилятивное отвердение [с']: [с'н] > [сн] [см. Селищев 1921, с. 253, 329—330; Аванесов 1949, с. 134]. Однако имеющиеся диалектные данные позволяют делать только весьма общие предположения о происхождении такого [сн]. Немногочисленные факты произношения [сн] дали основание С. П. Обнорскому «думать, что рефлекс *сн* вообще с давней поры находится в процессе исчезновения» [Обнорский 1960, с. 238]. Не во всех цокающих говорах

возникало это изменение [ц'н] > [сн]. «По данным северо-восточных цокающих говоров, тенденцию изменения *ц'н* > *с'н* > *сн* нельзя считать распространенной столь же широко, как тенденцию *ч'н* > *ш'н* > *шн* в говорах с различением аффрикат. Наиболее глубинные говоры описываемой территории, хорошо сохраняющие мягкое цоканье, чаще всего представляют его и в этом сочетании (*молоц'ной*, *скуц'ной*); говоры с изменением *ц'н* в *с'н* чрезвычайно редки» [Орлова 1959, с. 29—30].

2. В 1979, 1980 и 1982 годах я побывал в двух деревнях Лешуконского района Архангельской области. Деревни эти, Смоленец и Белощелье, расположены на р. Мезени в среднем ее течении. В Смоленце я был две недели в 1979 г. и десять дней в 1980 г., в Белощелье — восемь дней в 1980 г. и девять дней в 1982 г. Во время моего пребывания в этих деревнях там работали собиравшие материал для Архангельского областного словаря экспедиционные группы МГУ под руководством О. Г. Гецовой. Записывали мы речь старшего поколения.

2.1. В говоре Смоленца и Белощелья в этимологическом сочетании *чьн* произошла прогрессивная ассимиляция и звук [н'] всегда мягкий. На месте же *ч* произносят следующие звуки:

[ш''] палатальный: *подру́ш''н'ик*, *зажы́тош''н'ик*, *с'п'и́ш''н'ик*, *након'е́ш''н'ик'и*, *нал'и́ш''н'ик*, *шчып'и́ш''н'ик*, *кор'и́ш''н'евой*, *однору́ш''н'ей*, *двойеру́ш''н'ей*, *бруш''н'и́ш''н'ей* (брусничный), *двойн'и́ш''н'ей*, *к'ирп'и́ш''н'ой*, *йед'инол'и́ш''н'о*, *у́л'иш''н'о*, *наро́ш''н'о*, *коло́д'еш''н'а*, *до уро́ш''н'ого*;

[ш']: *сп'и́ш'н'ик*, *в нош'н'у́*, *наро́ш'н'о*, *р'еш'н'а́*;

[с']: *полу́нос'н'ик*, *сп'и́с'н'ик*, *таба́с'н'ик*, *шчып'и́с'н'ик*, *моро́шес'н'ик*;

[с''] — палатальный звук, обычно определяемый как «шепелявый», причем шепелявенье может быть различной степени, от чуть заметного отличия от [с'] до почти [ш'']: *ов'ёс''н'ик*, *со́с''н'и*, *йийи́с''н'ищ'у*, *га́с''н'ик*, *сп'и́с''н'ик*, *шып'и́с''н'ик*, *с''ив'ер'и́с''н'ик'и*, *наро́с''н'о*, *п'ес''н'о́ м'е́сто*, *парал'и́с''н'а*, *холод'н'и́с''н'ей*, *мус''н'и́х* (из муки), *моло́с''н'е*, *ша́н'г'и на сос''н'а́х*, *в'е́к'и пр'ив'ёс''н'и*, *в'еков'ёс''н'о*, *ма́л'ис''на рубаха — ма́лица*, *врус''ну́* (вручную).

Нас заинтересовало, как сами говорящие расценивают свое произношение, какую звуковую единицу, фонему они воспринимают на месте [ш'', ш', с', с''] в этом сочетании. Неоднократно я задавал вопросы разным жителям Смоленца и Белощелья, какую букву они написали бы в этих словах. Ответы всегда были однотипны: в этих словах местные жители произносят звуки, которые на письме должны обозначаться буквой *с*. Так, В. К. Прокопьева, 53 лет, бывшая заведующая почтой, местная,

объяснила, что слово, которое мы слышали как *с'п'и́ш''н'ик*, *сп'и́ш'н'ик*, *сп'и́с'н'ик*, *сп'и́с''н'ик* (полотенце, которое вешают на *сп'и́ц'у* — деревянный гвоздь), надо писать *списник*. Заведующая клубом М. А. Киприанова, 55 лет, местная, написала нам *потосня вода или потока*, *сосни* (тонкие пресные лепешки). А. Е. Носырева, 77 лет, вышедшая замуж в д. Смоленец из соседней деревни и прожившая здесь всю жизнь, произнесла *в'еков'е́ с''н'о*. Тут же я переспросил, какая буква пишется на месте [с''], и она ответила — [ч] и произнесла по слогам: *в'е-ко-в'е-чно*. «Так по-вашему?» — спросил я. «Нет, по-нашему *с*», — ответила А. Е. Носырева. Учителя в Смоленце говорили нам, что написание *сн* вместо *чн* — типичная местная ошибка, так как здешние жители произносят в словах с этим сочетанием «букву *с*».

В отдельных редких случаях произносят и другие звуки на месте *ч* в этом сочетании, но всегда это либо новое для говора слово, либо говорящие стараются произносить «правильно». Так, А. Е. Носырева, рассказывая о том, какая продается в магазине у них мука, сказала: *пшен'и́ч'на*. Но пшеницу здесь никогда раньше не сеяли, муку такую раньше и не завозили, так что слово это здесь новое. Кроме того, сам звук [ч'] — для говора новый: исконно для говора цоканье. Так же нетипично произношение *нав'е́ч·но*, встретившееся в рассказе М. А. Петрушкиной, 76 лет, местной, неграмотной, о том, как детей раньше отдавали в монастырь, находившийся неподалеку. «На в'ёк?» — удивилась присутствовавшая при рассказе другая местная жительница, помоложе. «*И нав'е́ч·но оддава́ л'и*», — повторила М. А. Петрушкина.

В двух словах встретилось произношение [шн]: *на убо́рошну*, *зажы́тошны*. Оба слова новые в говоре. Кроме того, в рассказе о конце 1920-х годов встретилось не только *зажы́тошным* (термин того времени), но и *зажы́тош''н'ик*.

Выводы об истории этимологического *чьн* в рассматриваемом архангельском говоре могут быть сделаны только после анализа того, какие звуки произносятся здесь на месте этимологических *ч*, *с'*, *ш*.

2.2. В говоре Смоленца и Белощелья мягкое цоканье: обычно в соответствии с этимологическими *ч* и *ц* произносится в самых различных морфемах [ц']:

ч — *ц'ер'в'ец'о́к*, *л'е́кц'е*, *до́ц'и*, *ц'и́с'т'ат*, *к в'е́ц'еру*, *мӯӱц'и́ш* (молчиш), *ф п'ец'*, *сва́йебн'иц'ат'*, *Палац'о́ф*, *Палац'и́* (прозвище), *фц'ера́*, *м'ец'у́*, *в'иц'ерко́м*, *кры́шоц'к'и*, *ц'игуны́*, *о́ц'ер'ед'и*, *н'иц'о́*, *хо́ц'от*, *ц'истопло́дна*, *ц'ухар'и́*, *су́-*

ц'йо, Вас'ил'йев'иц'а, отв'ец'ала, н'е ц'ýйу, с'иц'ас, ов'éц'ей, робóтоц'к'и, йéл'ц'ик'и, йинáц'е, фскац', ц'елов'éк, т'ел'éц'йей, кр'éпц'е, фстр'ец'áл, по т'иц'éн'ийу, кóн'ц'ила, к'ирп'úц'ика, нар'éц'йо, снац'áла, москвúц'ка и др.;

ц — кон'éц', ц'éлу, ов'éц', ц'éл'но, на пал'ц'áх, ц'úл'но, крыл'ц'á, жыл'ц'á, огур'ц'ú, óфц'и, гóрн'иц'а, ýл'иц'а, остýл'иц'а, йел'ц'éй, от'éц', молод'éц', кýз'н'иц'и, полот'éн'ец', ц'éр'коф; м'úс'ец'а, кол'ц'ó, на ýл'иц'и, полот'éн'ц'о, в гóрн'иц'и, пт'úц'а, ворон'éц', од'овáл'н'иц'и, сóн'ц'о, на жер'епц'ú, вдофц'éй, ц'ив'йóм, п'ер'ес'ел'éн'ц'и, п'йáн'иц'а, с'éр'ц'о, кон'ц'ú, м'ил'úц'ийу и др.

Сочетание [т'ц'] выступает в формах возвратных глаголов, где в древности возникало сочетание *т* (*д*) с последующим мягким *с*: 3 л. ед. ч.: *загн'éт'ц'а, зат'éн'ет'ц'а, разойд'éт'ц'е, жéн'ит'ц'е*; 3 л. мн. ч.: *выр'езáйут'ц'е, зовýт'ц'а*; инфинитива: *притвор'áт'ц'а, подн'áт'ц'а, л'иц'úт'ц'а* и др.

Этот же звук произносится и на месте сочетания *т* (*д*) с *ц*: *от'ц'á, к от'ц'ý, колóт'ц'а, ф колóт'ц'и, тун'еéт'ц'оф, тун'ейáт'ц'ей, ворóт'ц'а, двáт'ц'ат', ш''омнáт'ц'ет'и, вос''омнáт'ц'атой* и др.

Такое произношение в тех же категориях типично и для других говоров с мягким цоканьем [см. Орлова 1959, с. 28—29].

Мягкий [ц'] обычно бывает и на месте сочетания *т* (*д*) с *с* на стыке корня и суффикса: *бọγорóц'ка травá, парохóц'к'и, новгорóц'ко* и в соответствии с суффиксальным *с*: *мас'т'ерц'кóй, от'ц'óфц'кой, ц'оновáрц'ко, ц'оногóрц'к'и, по-д'ер'ев'éн'ц'к'и, попóфц'ко, такóфц'кой, морц'кóй.*

Встречается и произношение звука [ц''] палатального (его часто определяют как средний между [ц'] и [ч']): *бọγац''ú, бы́ц''ка, в'éц''ором, ц''олов'éк, соскоц''ý, хóц''от, ф п'ец'', р'éц''к'и, с'иц''áс, гор'éц''у, зац''éм; на ýл'иц''у, на ц''ер'ковáх, на осóб'иц''и, найд'éт'ц''а, свáтат'ц''о, зав'ид'éт'ц''е* и др. Этот «шепелявый» звук иногда ближе к [ч'] и обозначается как [ч'']: *ов'éрч''оны, корóбоч''кам'и, ч''огó, пр'ич''úна, точ''úноч''к'и, ч''óрного, наколóч''он, гор'éч''ей, ис''п'еч''óны, ч''áс''т'ин'к'ий, ч''éлу тар'éлку.*

Примеры с [ч''] соответствуют обычно *ч*. Это, вероятно, свидетельствует о начале отхода от цоканья под влиянием нормализованного типа языка. Об этом же говорят сравнительно немногочисленные примеры произношения и других звуков в соответствии с аффрикатами. В соответствии с *ч* отмечаются звуки:

[ч]: *чай, чáйн'ик, пóчта, п'ечáт', чóкнута, отл'ичáйет'ц'а, зачопáт'ц'а, пýчк'и*;

[ч˙]: *óч˙ун', уч˙úлся, ч˙óрд знат*;

[ч']: *ч'елов'éк, гор'ач'ó, ч'óртушко, пл'éч'ик'и, укач'áло, поч'омý, óч'ун', науч'úлас''а, молоч'кó, скуч'áат, ч'óрной, п'éч'ку, тýч'ем'и, п'ер'ескóч'ат.*

В соответствии с *ц* отмечаются звуки:

[ц]: *обл'ига́цый*, *матра́ц*, *огур'цы́*, *л'ёс''н'ица*, *огур'ца́*, *на полот'ён'цах*, *отца́*, *поды́н'етца*, *шесна́тцат'*, *п'етна́тцат'*, *с'омна́тцът'и*; этот же звук и в соответствии с суффиксальным *с*: *морцк'и́*, *д'ер'ев'е́нцкой*, *по-наха́л'цк'и*, *кон'ешче́л'цкой*;

[ц˙]: *м'ёс'иц˙а*, *поды́н'ет'ц˙а*.

Звуки [ч, ч˙, ч'] отмечены только в соответствии со звуком [ч'] нормализованного типа языка, а звуки [ц, ц˙] — в соответствии с [ц]. Мною записан только один пример *ц˙елно́к*, нарушающий эту закономерность, и пример *к'иц˙и́гой*, когда нет соответствующего слова в литературном языке.

Все это свидетельствует о том, что, как и в других подобных говорах, «мягкое цоканье следует здесь признать наиболее исконным типом употребления аффрикат», а «интенсивное влияние нормализованного типа языка» происходило здесь поздно, «уже в послереволюционное время. Различение аффрикат устанавливается ⟨...⟩ гораздо более непосредственно и упорядоченно», чем в некоторых других говорах, испытавших влияние нормализованного типа языка в более раннее время [Орлова 1959, с. 53].

В этом процессе установления различения двух аффрикат странным может показаться употребление твердого и полутвердого (полумягкого) звука в соответствии с литературным [ч']. Однако следует, по-видимому, учесть, что такой звук для говора обычен, но произносится только рядом с [ш]. Таково сочетание [шч], выступающее в соответствии с литературным [ш̄', ш'ч']: *тр'ешчу́*, *нав'ешча́йут*, *ро́шчу*, *запушчу́*, *кр'ешче́н'йа*, *отпушча́йут*, *т'о́шча*, *йа́шчык*, *ташчы́ла*, *ишче́*, *кошче́й*, *у́шчел'йо*, *шчу́ка*, *ста́шчыт*, *нашче́п*, *ка́т'ишчо*, *гу́шче*, *запу́шчоно*, *кла́йб'ишчо*, *ты́шчы*, *бол'ша́шчый*, *холод'и́шча*, *смо́ршчыт'*, *запр'ешча́т'*, *хр'ешчы́*, *шча́с'йо*, *шча́л'ивать'* (счаливать) и др. Сочетание [шч] выступает также в соответствии с литературным [шт]: *шчаны́*, *шчо*, *по̣шчо́*, *шчо́бы*, *шчо́ л'и*, *шча́б'ел'*, *шчокоту́ры* (штукатуры), *в одны́х пошча́йн'иках* (подштанниках). Твердый [ч] произносится также перед [ш], в результате сочетания этих звуков возникает долгая аффриката (аффриката с долгим затвором): *лу́чче*, *полу́чче*.

Таким образом, этапом усвоения говором литературной нормы употребления аффрикат является использование своего звука [ч], но в необычной для говора позиции — не рядом с [ш].

Мягкое цоканье говора объясняет, почему в соответствии с этимологическим *чьн* мы наблюдаем в говоре [с'н']: это сочетание могло возник-

нуть непосредственно из [ц'н] в результате утраты затвора у аффрикаты [см. Селищев 1921, с. 253, 329—330; Аванесов 1949, с. 134]. Наличие же не только [с'н'], но и [с''н'], а также и [ш''н'] и [ш'н'] может быть следствием другой фонетической черты говора — шепелявенья.

2.3.1. Шепелявенье обычно представляет собой произношение на месте фонем ⟨с', з'⟩ «звуков, акустически производящих впечатление звуков как бы средних между мягкими свистящими (*с'*, *з'*) и мягкими шипящими (*ш'*, *ж'*)» [Аванесов 1949, с. 135]. Именно так определил эти звуки и Е. Ф. Будде, впервые описавший это явление в русских говорах [Будде 1896, с. 130]. Вслед за ним возникло и обозначение этих звуков как [с'^{ш}] и [з'^{ж}], хотя в современных диалектологических работах чаще используются знаки [с''] и [з''] [Аванесов 1949, с. 135].

По данным современных экспериментально-фонетических исследований, звуки [с'', з''], хотя акустически и могут считаться «промежуточными» между [с', з'] и [ш', ж'], но они ближе к [ш', ж'], чем к [с', з']. По наблюдениям А. М. Кузнецовой, на спектрограммах у звуков типа [с'] «доминирующая форманта расположена в зоне наиболее высоких частот — 8000 гц ⟨...⟩ Основная формантная область для [ш'] — 3000—3200 гц, а доминирующая формантная область для [с''] — 4000 гц» [Кузнецова 1977а, с. 128—129]. Артикуляционно же, как подчеркивает А. М. Кузнецова, «[с''], [з''] не составляют фонетический ряд, промежуточный между рядом мягких (палатализованных) переднеязычных свистящих и рядом мягких (палатализованных) переднеязычных шипящих, а представляют особый среднеязычный (палатальный) ряд» [с. 120].

В говоре Смоленца и Белощелья фонема ⟨с'⟩ реализуется и звуком [с'], и чаще звуками типа [с'']:

[с']: *с'иц''ác*, *вóс'им'*, *с'éно*, *с'éду*, *м'ús'ец'а*, *сойд'éмс'е*, *с'острá*, *фс'огдá*, *с'ó ромно*, *фс'а*, *кос'акáм'и*, *шес'*, *жыс'*, *йис'*, *шер'с'*, *з'д'ис'*, *с'йежджáл'ис'*, *с' йих*, *шчáс'йо*, *с'т'éны*, *вм'ús'т'и*, *с'т'éн'ом*, *Кóс'т'а*, *с'т'úха*, *ис'п'ик'ét'ц'а*, *с'в'окрóву*;

[с'']: *с''ид'ú*, *с''иц'ác*, *ос''úны*, *крас''úво*, *с''úно*, *с''имйá*, *с''ит'éй*, *пус''ид'ú*, *м'ис''úл'и*, *с''éры*, *с''ем'*, *с''éно*, *с''éд'ош*, *фс''е*, *сус''ém*, *с''едлó*, *сад'úлос''е*, *с''ерпóм*, *с''едáтый*, *фс''о*, *с''óмгу*, *с''óд'н'и*, *с''острá*, *у кр'ис''ól*, *фс''а*, *Вác''а*, *бóйс''а*, *науч'úлас''а*, *уб'йéс''с''а*, *фс''у*, *с''удá*, *йес''*, *уб'ид'ит'éс''*, *ц'él'ис''*, *от'ел'úлас''*, *пýтал'ис''*, *д'оржы́с''*, *ср'ед'úл'ис''*, *договор'ит'éс''*, *Л'ýс''ка*, *вос''мóго*, *слáдос''т'и*, *п'é с''т'ик*, *бл'ес''т'úт*, *вм'ис''т'áх*, *гос''т'ám*, *ц'ис''т'úк*, *шес''т'иклáс''н'ик'и*, *с''н'é л'и*, *зас''н'óм*, *лопос''н'á*, *с''н'ек*, *фкус''н'é*, *к'úс''н'от*, *пос''л'édно*, *с'' л'ók'k'им*, *пó с''л'е*, *ẹ́с''л'и*, *с''л'éг'и*, *с''л'изуны́*, *скорос''п'élка*, *ис''п'еч''óны*, *с''п'úнка*, *с''в'окор*,

С''в'ётка, с''в'ёжы, с''в'етлу́шка, с''в'ёр'ху, с'' М'и́шкой, с''мир'о́н'ин'ка, с''м'ета́нкой, с''м'ёл'ут, с''м'о́тан, с'' йим, ры́с''йу, с''йёл'и, ку́с''йо, л'и́с''йо, к'иба́с''йо и др.

Наряду со звуками [с''] и [с'], в описываемом говоре на месте фонемы ⟨с'⟩ произносятся звуки типа [ш'']: *закуш''и́л'и, д'ёш''ит', ш''ётк'и, ш''ёйут, ш''ёмд'ес'ат, ш''еку́т, Ш''ел'и́шчо, ф Ш''ер'ёд'н'ом, ш''ем'йёй, ш''о́мга, пън'иш''о́м, б'еш''о́тка, фш''о, п'ёш''онк'и, ш''а́дут, так ы ш''ак, кваш''а́т, в'еш'', йеш'', настро́ил'иш'', ш''йиш''* (съесть), *ш''в'о́кор, ш''в'иш''т'и́* (свезти), *ш''м'ех, ш''йёла, ц''и́ш''т'иш, ш''т'ёнк'и, Ко́ш''т'а, вы́рош''т'ил'и, уш''п'ева́м, ш''п'и́л'им, ш''п'ицъ''а́, йёш''л'и, наш''л'ива́йут, рош''л'и́, по́ш''л'е, ш''ли́фк'и* и др. Реже отмечается [ш']: *ш'ёил'и, ш'ём'еро, ш'и́ла, н'еш'о́т, йеш'* (есть), *ш'п'и́л'иш.*

Вместе с тем и звуки типа [с''] не однородны. Мне приходилось не раз отмечать у такого [с''] близость к [с'] или близость к [ш''].

Такую же неоднородность шепелявых звуков в одном и том же говоре отмечают и другие наблюдатели. Так, Е. Ф. Будде отмечает в Касимовском уезде Рязанской губ. мягкие звуки типа $с^{ш}$, или $ш^{с}$, или «очень мягкое *ш* вместо мягкого *с*» [Будде 1896, с. 130]. С. А. Копорский в Осташковском районе Тверской области наблюдал «шепелявость зубных *з* и *с*», которая «выражена не сильно» и обозначается им как *з''* и *с''*. «В редких случаях шепелявость настолько сильна, что в записях она обозначается *ш'*, *ж'*» [Копорский 1945, с. 19—20]. Разную степень шепелявости [с'', з''] и произношение наряду с ними звуков [ш', ж'] в русских говорах на Печоре отмечают Д. Т. Лисенкова [Лисенкова 1964, с. 17] и Ю. Ф. Денисенко [Денисенко 1970, с. 67, 73]. Об этом же пишут и авторы ряда ответов на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 64].

Шепелявые звуки встречаются у всех представителей старшего поколения, речь которых приходилось наблюдать, а также и у детей, и у молодых. Но у одних оно выражено ярче, у других слабее. Очевидно, здесь имеет значение воздействие нормализованного типа языка, хотя проявляется оно не всегда прямо. Так, у мужчин чаще шепелявенье наблюдается в меньшей степени. Пожилые женщины, часто бывающие в городе, живущие зимами там у своих детей, также в большей или меньшей степени утрачивают шепелявенье. Но вместе с тем у местной жительницы 74 лет, никуда не выезжавшей из деревни, шепелявенье проявляется обычно в звуке [с''], а у женщины 54 лет, участницы Лешуконского народного хора, часто выезжающей с хором в разные города на концерты, шепелявенье выступает чаще в звуке [ш'']. Видимо, здесь

имеет значение и языковое «чутье», свойственное разным людям в различной степени.

Различие между звуками [с’]—[с’’$^{с'}$]—[с’’], наблюдаемыми в одних и тех же говорах, заключается в степени продвинутости языка: [с’]—это звук переднеязычный зубной, [с’’$^{с'}$]—звук, по терминологии О. Брока, краепалатальный [Брок 1910, с. 24, 26], или, по терминологии С. С. Высотского, препалатальный [Высотский 1969, с. 29], образующийся на границе переднеязычной и среднеязычной областей, звук [с’’], по терминологии О. Брока, переднепалатальный [с. 27], или, по терминологии С. С. Высотского, постпалатальный [с. 29], или, по терминологии В. Н. Чекмонаса, центральнопалатальный [Чекман 1970, с. 100]. Но чем объяснить, что дальнейшее усиление шепелявости приводит, по наблюдениям различных диалектологов, к звуку типа [ш’], который в литературном языке является переднеязычным. Язык как бы прекращает свое продвижение в палатальную зону и возвращается вспять.

Дело, очевидно, не только в месте образования этих звуков. Звуки [с’] и [ш’] отличаются не только местом образования ([с’]—зубной, [ш’]—передненебный). Разница их артикуляции еще в форме щели: [с’]—круглощелевой, [ш’]—плоскощелевой [Кузнецова 1977а, с. 95, 126]. Усиление шепелявенья приводит к изменению [с’’$^{с'}$] > [с’’] > [ш’’], причем этот [ш’’] образуется в той же среднеязычной зоне, но он плоскощелевой. Ср. определение Е. Ф. Будде этого *ш’* как «очень мягкого» звука [Будде 1896, с. 130]. Ср. также указание Л. Р. Зиндера на то, что среднеязычные «плоскощелевые имеют относительно низкий („шепелявый“) тембр», а для среднеязычных круглощелевых «характерен высокий („свистящий“) тембр» [Зиндер 1979, с. 162].

Фонема ⟨с’⟩ реализуется звуками [с’, с’’, ш’’, ш’] в говоре Смоленца и Белощелья не только перед гласным, на конце слова и перед теми согласными, примеры на которые были приведены выше. Эти же звуки воплощают фонему ⟨с’⟩ и перед [н’]: *роз’йес’н’ит*, *брус’н’ика*; *фкус’’н’е*, *к’ис’’н’от*, *п’ес’’н’а*, *л’ес’’н’ица*, *с’’н’ек*, *об’йес’’н’ит’*, *лопос’’н’а*, *сос’’н’ак*, *сос’’н’ик’и*, *брус’’н’ик’у*, *п’ес’’н’и*, *пойес’’н’иц’а*, *бас’’н’и*, *во с’’н’и*, *с’’н’имал’и*, *с’’н’егу*; *згаш’’н’им*, *р’еш’’н’иц’и*, *п’еш’’н’и*, *л’еш’’ниц’есво*, *радош’’н’о*, *бруш’’н’ика*, *бруш’’н’иш’’н’ий*; *бруш’н’ика*, *ш’н’ек*.

На месте этимологического *ч* перед *н* выступают, как указывалось выше, те же звуки [с’, с’’, ш’’, ш’], которые также следует считать реализацией фонемы ⟨с’⟩ (или гиперфонемы ⟨с’/ц’⟩).

Подтверждением этого является то, что фонема ⟨ш⟩ реализуется твердым [ш] во всех позициях, в том числе и перед [н, н']: *йагы́шн'иц'а* — ‘овца’ (*йагы́ш* — ‘ягненок’), *п'ёшн'а* (— *л'от оп'ёшат*'), *а́р'ешн'ик* — ‘крупная галька, непригодная для пахоты земля’, *малы́шн'а́*; *в'о́шный*, *с'м'ешны́*, *л'у́шно*, *кы́шнула*, *шл'ёл'иш'а*, *ушл'у́*, *пр'ишл'у́*, *вы́шл'и*, *сошл'ис''*, *йёшт'е*, *шйот*, *ушйу́*. (Точно так же и ⟨ж⟩ во всех позициях реализуется твердым звуком, в том числе и перед [н']: *на по́жн'у*, *по́жн'и*, *л'о́жн'а*, *л'о́жн'и*, *л'о́жн'оф* и перед [н]: *доложна́*, *из Н'у́жного*, *ка́жну*, *до́ложно*, *воло́жно*, *ка́жно*.)

Только в редких случаях на месте ⟨ш⟩ произносится звук невеляризованный и непалатализованный, который на слух производит впечатление полутвердого согласного: *вы̆ш'л'и*, *п'ер'еш'л'у́*, *пр'иш'ла́*, *ш'йу*, *в'уд'иш'ты*, *ж'ул'и*, *м'ён'ш'их*, *наш'йо́м*, *ка́ш'л'илъ*.

Мне не встретилось ни одного случая, когда звук [ш'] или [ш''] выступал бы на месте этимологического *щ* или звук [ш] выступал бы на месте этимологического *с'*, кроме трех примеров в форме 2 л. ед. ч. возвратных глаголов *найёшиъ*, *об'йёшиа*, *с''м'ийёшиа* (наряду с обычными *уб'йёс''с''а*, *поба́иваис''с''е*, *руга́ис''с''е* и т. п.), которые можно рассматривать как результат прогрессивной ассимиляции или, скорее, как попытку усвоить звук [ш] соответствующей формы литературного языка, заменив им свой долгий [с̄'']. (Иное объяснение этой формы с [ш̄] в белозерских и повет-лужских говорах как результата совпадения шепелявых свистящих с мягкими шипящими с последующим общим отвердением шипящих дает К. Ф. Захарова [см. Образование с-р наречия 1970, с. 118].) Так же редки и случаи произношения [ш] на месте *ч* перед *н* (см. выше). Это свидетельствует о том, что фонемы ⟨с'⟩ и ⟨ш⟩ в описываемом говоре никогда не смешивались: звуки, воплощавшие одну фонему, и звуки, воплощавшие другую фонему, в любых позициях представляли два разных множества и четко разграничивались в языковом сознании говорящих. Такое разграничение звуков [ш] и [с', с'', ш'', ш'] не могло установиться под воздействием нормализованного типа языка. При анализе цоканья уже указывалось, что характер отклонений от древней системы свидетельствует о том, что это воздействие началось в недавнее время и незначительно поколебало старые закономерности. Воздействие нормализованного типа языка на речь местного населения наиболее сильно стало проявляться лишь в последние десятилетия, когда установились регулярные полеты пассажирских самолетов между районным центром Лешуконским и Архангельском и когда в связи с оттоком молодежи в

города их отцы и матери стали бывать в городах, главным образом в Архангельске и Северодвинске, и жить там зимой, возвращаясь в деревню на лето. В прежние же годы из-за отсутствия дорог местные жители выезжали из деревни крайне редко.

Можно ли, исходя из этого, делать выводы об истории или хотя бы относительной хронологии отвердения шипящих и возникновения шепелявенья в рассматриваемом говоре?

2.3.2. Как известно, шепелявое произношение звуков на месте фонем ⟨с', з'⟩ получило отражение на письме в псковских памятниках XIV—XV вв. в результате того, что эти звуки совпали там со звуками на месте фонем ⟨ш, ж⟩, в ту эпоху еще мягкими. Проявилось это явление в смешении букв *с* и *ш*, *з* и *ж*. (Литература об этом явлении весьма обширна; см., например [Соболевский 1884; Каринский 1909; Шахматов 1915а, с. 327—328; Кандаурова 1957, с. 256—260, 280—282].) Есть шепелявенье и в современных псковских говорах. Но шепелявенье отмечено и во многих других говорах, не связанных исторически с бывшей Псковской землей.

Таково белорусское шепелявенье и шепелявенье многих севернорусских и среднерусских говоров и русских говоров Сибири [см. Филин 1972, с. 268—271; ДАРЯ, вып. 1, карта 64].

Происхождение псковского шепелявенья и шепелявенья в других говорах обычно относят к разным эпохам и объясняют разными причинами. Так, С. М. Глускина говорит о древнем псковском шепелявенье, представлявшем собой «неразличение свистящих и шипящих», как о «результате двуязычия, скрещения языка, знающего только свистящие (эстонского), с языком, различающим свистящие и шипящие (русским)». Это явление «наблюдается и теперь как живое явление в некоторых деревнях Псковской области, главным образом в Печорском районе, в русской речи эстонцев». В других же, «южных районах Псковской области ⟨...⟩ теперь значительно распространено сильно смягченное (иногда — шепелявое) произношение мягких свистящих, тогда как твердые свистящие и шипящие произносятся так же, как в литературном языке. Такое произношение не отличает систему согласных в говорах от системы литературного языка, поскольку эти говоры сохраняют противопоставление трех рядов фонем: [с' — с — ш] ⟨...⟩. Происхождение этой особой мягкости вряд ли восходит к большой древности» [Глускина 1962, с. 39—40]. В. Г. Орлова считает, что такое шепелявое произношение «свя-

зано по своему происхождению с тем вторичным усвоением мягкости согласных перед *е*, *и*, которое складывалось в процессе взаимодействия говоров, имевших разную степень палатализации согласных» [Орлова 1959, с. 174]. В. В. Колесов пишет: «Только в северо-западных русских говорах отражается древнее неразличение зубных фрикативных и передненебных. „Шепелявое“ произношение свистящих в прочих северновеликорусских говорах является вторичным признаком, обязанным взаимодействию диалектной и литературной систем» [Колесов 1973, с. 6]. «Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими шипящими. Поэтому ⟨...⟩ однофокусные альвеолярные /с''/, /з''/ всегда отграничены от двухфокусных шипящих /ш/, /ж/», «не пересекаются с ними» [Колесов 1971, с. 55]. В. Н. Чекмонас считает, что время возникновения [с'', з''] в белорусском языке — XIV—XV вв. [Чекман 1970, с. 119—121].

В противоположность этим взглядам Ф. П. Филин не разделяет «совпадение и сближение мягких свистящих и шипящих». Он полагает, что и то, и другое явление «представляет собой продукт развития праславянского звукового наследства, поддержанного иноязычным воздействием в балтийском районе, имевшим место приблизительно в VIII—IX вв.» [Филин 1972, с. 272].

Если до отвердения шипящих фонемы ⟨ш, ж⟩ воплощались в переднеязычных плоскощелевых мягких согласных [ш', ж'], а фонемы ⟨с', з'⟩ — в среднеязычных круглощелевых мягких [с'', з''], то артикуляционно эти звуки отличались двумя признаками: местом образования и формой щели. Если же и те, и другие звуки образовывались в одной, палатальной зоне и были среднеязычными, что более вероятно, то все равно различие по форме щели у них оставалось. Такими звуками могли быть [ш'', ж''] и [с'', з'']76.

Достаточно ли этого различия, чтобы указанные звуки не смешивались? Известно, что различия между звуками, фонологически несущественные для одного языка, могут быть существенными для другого. Известны также современные русские говоры, знающие шепелявое произношение звуков на месте ⟨с', з'⟩ и сохранившие мягкость звуков на месте ⟨ш, ж⟩, причем фонемы эти не смешиваются [см. ДАРЯ, вып 1, карты 63, 64; Кузнецова 1977а, с. 129—130].

76 В. Н. Чекмонас реконструирует для предков восточных славян палатальный ряд согласных, куда входят, в частности, *ź* и *ž'* [Чекман 1979, с. 95].

В современном русском литературном языке звуки [с', з'] и [ш', ж'] (которые чаще долги, но могут и терять долготу, ср.: *мощней* — [маш'н'е́й] и *ясней* — [йис'н'е́й], *вещь* — [в'еш'] и *весь* — [в'ес']) относятся к переднеязычным. Правда, между ними есть различия по месту образования: [с', з'] — зубные, а [ш', ж'] — передненебные, но и у среднеязычных палатальных согласных выделяют три разновидности:. краепалатальные, переднепалатальные, заднепалатальные [Кузнецова 1977б, с. 97].

Таким образом, до отвердения мягких шипящих звуков, воплощавших ⟨ш, ж⟩, могли в русских говорах быть звуки [с'', з''], воплощавшие ⟨с', з'⟩. Но не могло быть произношения [ш'', ш'] и [ж'', ж'], отмечаемого, как указывалось выше, в соответствии с ⟨с', з'⟩.

«Область рассеивания» (по терминологии А. Мартине [Мартине 1960, с. 70—71) фонем ⟨с', з'⟩, воплощенных в звуках [с'', з''], была ограничена «областью рассеивания» фонем ⟨ш, ж⟩, воплощенных в звуках [ш'', ж'']. Фонемы ⟨с', з'⟩ могли варьировать по месту образования от зубных звуков до палатальных, но не могли варьировать по форме щели. «Зона безопасности» между ⟨с', з'⟩ и ⟨ш, ж⟩ была весьма мала. После отвердения шипящих эта зона резко увеличилась. В результате увеличилась и «область рассеивания» фонем ⟨с', з'⟩: они могли теперь варьировать и по форме щели и воплощаться не только в звуках [с'', з''] (или [с', з']), но и в звуках [ш'', ж''] (или [ш', ж']).

Таким образом, лишь это явление — произношение мягких шипящих звуков в соответствии с ⟨с', з'⟩ — могло возникнуть только после отвердения шипящих звуков, воплощавших ⟨ш, ж⟩. Что же касается произношения [с'', з''] в соответствии с ⟨с', з'⟩, то оно может относиться и к древней эпохе.

В пользу этого предположения говорит то, что в русских говорах (в том числе и архангельских) обнаружены палатальные звуки не только на месте ⟨с', з'⟩, но и на месте других фонем, реализующихся в литературном языке и многих говорах мягкими переднеязычными звуками. Таковы палатальные [т'', д'', н'', л'', ц''] [см. Высотский 1967а, с. 48—49; Кузнецова 1969, с. 65—66; 1977а, с. 72—76, 159—163]. Отмечены мною такие звуки и в говоре Смоленца и Белощелья.

Можно, следовательно, говорить об особенностях артикуляционной базы подобных говоров. Артикуляционная база — явление чрезвычайно устойчивое в языке и сохраняется на протяжении многих столетий. Поэтому можно предполагать, что палатальная артикуляция мягких согласных в указанных говорах, в том числе и в говоре Смоленца и Белощелья,— наследие глубокой древности [ср. Колесов 1980, с. 41, 140].

По существующей сейчас традиции «шепелявыми» звуками называются и свистящие круглощелевые палатальные [с'', з''], и шипящие плоскощелевые палатальные [ш'', ж''] и переднеязычные [ш', ж'], выступающие на месте ⟨с', з'⟩. Однако такое объединение всех этих звуков в термине «шепелявые» не должно затемнять суть явления и его историю. В современных говорах с «шепелявеньем» на месте ⟨с', з'⟩ могут произноситься все эти звуки, и они отражают три этапа в истории «шепелявенья». Наиболее древней реализацией фонем ⟨с', з'⟩ были [с'', з'']. После отвердения шипящих звуков, воплощавших ⟨ш, ж⟩, в реализации ⟨с', з'⟩ появились [ш'', ж'']. И лишь позднее в этом ряду возникли [ш', ж'].

2.4. Если произношение [с'] или [с] на месте *ц* (< *ч*) перед *н* отмечено во многих говорах (хотя и не является там, судя по записям, последовательным фонетически позиционным чередованием), то сочетание этого явления с прогрессивным смягчением *н* ([с'н']) известно мало.

Отмечено это явление также в говоре двух деревень Приморского района Архангельской области — Нижней Золотицы, расположенной при впадении реки Золотицы в Белое море на «зимнем» его берегу, и Верхней Золотицы, находящейся в десяти километрах вверх по течению реки. Обе деревни издавна называют вместе Зимней Золотицей.

В 1898 и 1899 гг. А. В. Марков записывал здесь былины и позднее издал эти записи [Марков 1901]. Точность этих записей весьма высоко оценивалась В. Ф. Миллером [см. Марков 1901, с. 5] и Л. Л. Васильевым [Васильев 1902, с. 2]. В этих записях обнаруживаются примеры с [с'н'] на месте *чьн*: *кирписьнёй*, *троёсутосьнёй*, *скусьнё*, *прожытосьнёй*, *бесстросьнёго*, *сердесьнёю*, *востосьню*, *на осьню ставку*, *королевисьня*, *песьнёй-от столб*, *зысьним*, *кирписьнёй*, *королевисьню*, *королевисьнёй*, *прожитосьних*, *нерадосьнё*. Наряду с [с'], отмечается [ц']: *прожитоцьни*, *скуцьнё*, *зыцьним*, *бесстроцьнёго*, *востоцьню*, *владыцьнёй* и др.; [ч']: *вековечьняя*, *безсрочьнёго*, *прожиточьнёго*, *восточьню*, *королевичьня*, *королевичьню*, *королевичьни* и др., а также [ш'], после которого [н] твердый: *кирпишьною*, *востошьну*, *Никулишьна* [цит. по: Васильев 1902, с. 21, 25; Колесов 1979, с. 113].

В Верхней Золотице в 1967 году экспедиционная группа, в составе которой я собирал материал для Общеславянского лингвистического атласа, обнаружила аналогичные примеры: *моло́ш'н'ий суп*, *на моло́ш'н'ом*, *Ф'едо́р'иш'н'а*, *в нош'н'о́-то вр'ем'о*, *доста́точ'н'о* наряду с *сп'и́ш'н'ик*, *полу́нош'н'ик*, *бо́ч''еш'н'ик*, *бо́ч''еш'н'ик'и*, *з га́ш'н'икам'и*, *ин'т'ерна́ш'н'ик'и*. На месте ⟨с'⟩ другого происхождения: *к'и́ш'н'о*, *фкуш'н'ёе*, *ро́ш'т'ат*, *на коромы́*

ш'л'и, *л'ýш'йо*, *гр'иш'т'ú*, *гр'ес''т'ú*, *колóс''н'ик*, *с''л'ивáт'*, *на х'итрос''т'áх*, *окó с''йа*, *ýс''йо*. Ср. также *ф кóц'н'ах*.

Подобные же примеры записаны А. Д. Григорьевым в самом конце XIX в. в былинах и исторических песнях на Пинеге и в Поморье: *кирписьнюю*, *радосьня*, *сердесънёё*, *сердесьню*, *сердесьние*, *сердесьних*, *по тусьним ребрам*; *королевицьню*, *на пецьнём столбу*, *по пецьню столбу*, *разлуцьнёго*, *сердецьнёго*, *строцьнёе*, *не порядочнё* [Григорьев 1904; цит. по: Колесов 1979, с. 113].

А. Грандилевский в говоре Холмогор Архангельской губернии отмечает «звук *с* на месте *ш*», «где внутри слова после *ш* следует звук *н*: *нарóсьнё*, *королéвисьня*, *порóсьняя* ⟨...⟩. Изредка звук *с* стоит на месте *ч* ⟨...⟩: *ясний*, ⟨...⟩ *мусьнóй*, *русьнóй* ⟨...⟩» [Грандилевский 1907, с. 31]. Л. И. Пирогова через полвека обнаружила в этом говоре уже только «изменение аффрикаты *ч* в фрикативный *ш* перед сонорным *н* как твердым, так и мягким: *скýшно*, *л'ýшно*, *кон'éшно*, *пор'áдошны*, *мушнáйа*; *д'ев'ýшн'ик*, *кор'ýшн'евой*, *горшó шн'икоф* (повсем.)» [Пирогова 1959, с. 192].

Вероятно, это же явление отражено Д. Т. Лисенковой в печорском говоре села Трусово Усть-Цилемского района Республики Коми, где записаны примеры *молóс''н'и бр'игад'úр*, *нарóс''н'и брóс'ил*, *д'ев'úс''н'ик*, *йис''н'иц'а*, наряду с *ýл'ес''ны дв'ép'и*, *молóс''ной сýп-от*; *ноц'нóй*, *потóц'на водá*, *смáзоц'ного мáсла*, *пшан'úц'на мукá*, *руц'нá робóта* и др. [Лисенкова 1964].

Все эти говоры характеризуются одними и теми же основными диалектными чертами и являются «наследием» древненовгородского говора. Об этой связи говорят и воспоминания жителей указанных мест о том, что их предки были выходцами из Новгорода.

Таким образом, в некоторых севернорусских говорах с мягким цоканьем сочетание [ц''н], возникшее из *цьн* (< *чьн*) после падения редуцированных гласных, изменялось в [с''н'] вполне последовательно, что привело к возникновению нейтрализации фонем ⟨ц'⟩ и ⟨с'⟩ перед [н'][77].

[77] Первая публикация — [Касаткин 1985а].

Неразличение и мена свистящих и шипящих согласных в говоре русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон, и в языке их предков

1. Весь октябрь 1996 г. я вместе с другими лингвистами — Р. Ф. Касаткиной, С. Е. Никитиной и Г. А. Бариновой — прожил в Вудбурне — небольшом городке на западе штата Орегон США, в доме известного американского этнографа Ричарда Морриса, посвятившего ряд своих работ исследованию русских старообрядческих групп в Орегоне [см. Моррис 1991]. Все это время мы записывали речь русских старообрядцев, живущих частично в Вудбурне, но главным образом в его окрестностях — в поселке Вифлеем и на хуторах-фермах. В этих беседах нередко принимал участие и Р. Моррис. Результат совместной работы моей и Р. Ф. Касаткиной — магнитофонные записи на 48 часов звучания — будут храниться в фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Эти записи послужили основой данного исследования. (Магнитофонные записи С. Е. Никитиной и Г. А. Бариновой пока хранятся в их личных архивах.)

Русские старообрядцы живут в Орегоне с начала 1960-х годов. Часть их жила раньше в Китае, в Синьцзяне и в окрестностях Харбина, куда их предки (родители, деды, прадеды) бежали от советской власти. В соответствии с происхождением сами старообрядцы называют эти две группы «синьцзянцами» и «харбинцами».

Еще одна группа старообрядцев, которую они называют «турчанами», приехала в США в 1963 г. из Турции. Эта меньшая группа в свою очередь состоит из двух подгрупп, живших в Турции главным образом в

двух местах: одни жили недалеко от южного берега Мраморного моря у озера Майнос (тур. Маньяс, «турчане» называют его Майна́з и Майно́з), в поселке Коджагёль (в другом произношении Кудягёль — ‘большое озеро’); значительно меньшая часть «турчан» жила в центральной части Западной Турции в поселке Казаккёй (‘казацкий поселок’), недалеко от озера и города Акшехир. История их такова.

В 1708 г., после разгрома Булавинского восстания на Дону, часть казаков под руководством атамана Игната Некрасова бежала на Кубань, бывшую тогда во владении крымского хана, вассала турецкого султана. Однако в 1740 г. в связи с тем, что царские войска подошли к Кубани, некрасовцы обратились к турецкому султану с просьбой принять их. В результате часть их поселилась в Добрудже, в устье Дуная, другая часть сначала поселилась в Малой Азии, а затем также перебралась в Добруджу.

В конце XVIII в. на земли в устье Дуная стали претендовать и украинские казаки из Задунайской Сечи, нападавшие на некрасовцев и в 1814 г. после кровопролитных сражений захватившие один из главных центров некрасовцев Дунавец, истребив почти поголовно его жителей. После этого часть некрасовцев переселилась в Малую Азию к озеру Майнос. По другим данным переселение на Майнос произошло еще в конце XVIII в., после того, как русские войска в 1780-х гг. подошли к Дунаю. С этого времени возникли две ветви некрасовцев: майносская и дунайская [см. Кондратович 1883, с. 30—40; Короленко 1900; Минорский 1902, с. 32—42; Тумилевич 1961, с. 5—7]. По рассказам современных некрасовцев, их предки от Кубани по южному берегу Черного моря дошли до оз. Майнос и поселились там еще в середине XVIII в.

«Между тем в Добруджу лился постоянно новый поток старообрядцев, но уже не казаков, а русских мужиков. Некрасовцы охотно принимали их в свое общество ⟨...⟩. Свежаки были большею частью слобожане, т.е. стародубцы, жители Стародубских слобод Черниговской, Харьковской и Орловской губерний ⟨...⟩. Они-то и поглотили в себя казаков, переделали их обычаи, костюм и идеи» [Очерк истории старообрядцев 1875, с. 609].

Майносские казаки жили «по заветам Игната» (Некрасова), их потомки и сейчас называют себя некрасовцами; другие старообрядцы — «турчане» называют их кубанцами или майнозами. По рассказам «турчан», в 1880-х гг. часть старообрядцев из Добруджи, ставшей территорией Румынии, переселилась в Турцию, образовав поселок Казаккёй, пополнявшийся и позднее выходцами из Добруджи и Болгарии. Некрасовцы на-

зывают их дунаками. Румынских же старообрядцев называют липованами (от другого их названия — «филиппоны» [см. Лупулеску 1889, с. 332]).

Отдельные семьи старообрядцев из Румынии и Турции в разное время возвращались в Россию. Самое большое переселение их было в 1962 г., когда приехали почти все некрасовцы из поселка Коджагёль и некоторые жители поселка Казаккёй. А в 1963 г. почти все оставшиеся в Турции русские старообрядцы переехали в США. Полтора года они жили в переселенческом лагере штата Нью-Джерси, а затем бóльшая их часть переселилась в окрестности г. Вудбурна в штате Орегон.

Мы записали речь следующих информантов.

Дунаки: 1. Евдокия Матвеевна Картал, 1920 года рождения; ее дочери: 2. Надежда Мефодьевна Якиш, 1936 г. рожд. и 3. Пульхерия Яковлевна Картал, 1961 г. рожд.; 4. Василий Яковлевич Якиш, 1929 г. рожд.; 5. его жена Арина Петровна Якиш, 1931 г. рожд.; их дочери: 6. Евдокия Васильевна Постникова, 1951 г. рожд., и 7. Васса Васильевна Краскова, 1957 г. рожд.; 8. Варвара Ефимовна Авги, 1933 г. рожд.; 9. Матрена Аверьяновна Авги, 1935 г. рожд., 10. Татьяна Герасимовна Бору, 1937 г. рожд.; 11. Логин Перфильевич Бору, 1945 г. рожд.; 12. Георгий Петрович Кям, 1924 г. рожд.

Кубанцы: Анна Изотьевна Пашина, 1936 г. рожд., в 1962 г. приехала из Турции в Россию, жила в Левокумском районе Ставропольского края, в Орегон переехала в 1993 г. Были использованы также записи речи некрасовцев (кубанцев), переехавших в Россию в 1962 г. Эти записи, сделанные в Москве в 1964 г. С.С. Высотским и мною от Василия Порфирьевича Саничева, 1913 г. рожд., и его жены Анны Петровны Саничевой, 1917 г. рожд., хранятся в фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

2. И у дунаков, и у кубанцев сохраняются многие южнорусские диалектные черты, свойственные и современным донским говорам (есть и различия между говорами этих групп). Одна из таких черт — наличие в настоящем или в прошлом лишь ряда свистящих согласных и отсутствие ряда шипящих. На это фонетическое явление обратил внимание Майкл Биггинс, изучавший речь орегонских «турчан» в 1985 году. Он писал, что у «турчан» на месте твердых [s] и [š], [z] и [ž], [c] и [č] произносятся промежуточные ретрофлексные апико-палатальные согласные [ʂ], [ʐ], [ʗ] [Биггинс 1987, с. 81].

Еще раньше на эту фонетическую особенность в диалектах различных славянских языков обратил внимание А. М. Селищев, который отметил «совпадение в одном ряде согласных свистящих: *c*, *s*, *z*» ряда свистящих *c*, *s*, *z* и ряда шипящих *č*, *š*, *ž*. При этом «вместо *s*, *z* обычного образования бывают особые *s*, *z*, образуемые при более широком отверстии между кончиком языка и небно-зубной частью, при более глубоком и более широком канале, по которому проходит струя воздуха. В акустическом отношении это согласные — средние между *s* — *š* (*z* — *ž*), ближе к свистящим или шипящим: $s^{š}$ (*s̡*), $z^{ž}$ (*z̡*) или $š^{s}$ (*s̡*), $ž^{z}$ (*z̡*)» [Селищев 1931, с. 584].

Такое явление Селищев отмечает в некоторых русских говорах Сибири, возникшее в них под влиянием местных языков [с. 596]. Однако в большинстве русских сибирских говоров и в говорах Европейской части России он отмечает другое явление: «Шипящие и свистящие согласные употребляются смешанно: *c* вместо *č*, *č* вместо *c*, *s* вместо *š*, *š* вместо *s*, *z* вместо *ž*, *ž* вместо *z*» [с. 585, 596—599].

А. М. Кузнецова писала, что в некоторых русских говорах встречается произношение свистяще-шипящих апикально-какуминальных плоско-круглощелевых согласных [с̣ (с^{ш})], [з̣ (з^{ж})]. При этом она считала, что наличия одного ряда согласных на месте свистящего и шипящего рядов в русских говорах не бывает: «В тех русских говорах, где встречаются свистяще-шипящие типа $c^{ш}$ ($з^{ж}$) и т.п. ⟨...⟩ как факты фонетической системы, ⟨...⟩ эти согласные фонологически не противопоставлены согласным [с] и [з], а также согласным [ш] и [ж] ⟨...⟩ и никогда не представляют единственный ряд переднеязычных щелевых (как в финском языке). Их употребление в речи носит спорадический характер, выступая на фоне фонологического противопоставления согласных шипящего и свистящего ряда» [Кузнецова 1977а, с. 94—100]. Такую же систему в донских говорах отмечают и другие исследователи (см. ниже).

Иная картина наблюдается в языке орегонских «турчан». В фонетической системе двух наших информантов есть только ряд свистящих согласных и отсутствует ряд шипящих. На месте твердых *с* — *ш*, *з* — *ж* и *ц* обычно произносятся звуки, обозначаемые нами как [с̣], [з̣], [ц][78]. Это альвеолярные круглощелевые звуки, при их артикуляции передняя часть языка вместе с кончиком приподнята к альвеолам и у них распла-

[78] Мы не имели возможности провести инструментальные исследования артикуляции этих звуков, их описание основано на имитационно-интроспективных наблюдениях.

стана. Таким образом, это апикальные согласные, их артикуляция отличается от артикуляции звуков [с], [з], [ц] русского литературного языка и большинства русских говоров и небольшой отодвинутостью языка от зубов к альвеолам. Эти звуки производят акустическое впечатление «тусклых» свистящих согласных. Гораздо реже произносятся альвеолярные апикальные звуки с немного меньшей округлостью и чуть большей длиной щели, которые производят акустическое впечатление [с̣ш], [з̣ж], [ц̣ч], то есть звуков свистящих с шипящим «оттенком». Такие же звуки, а также звуки [шс], [жз], [чц], то есть шипящие со свистящим «оттенком», отмечались в разных русских говорах [см. Кузнецова 1977а, с. 98—100]. Спектральные характеристики подобных звуков в других языках см. в [Ладефогед, Меддисон 1986, с. 86—87; 1996, с. 145—164]. Наряду с этими звуками, в речи указанных информантов изредка встречаются и зубные [с], [з], [ц].

М. Биггинс писал, что в языке «турчан» мягкие [с'] и [ш'], [з'] и [ж'], в отличие от их твердых коррелятов, «сохраняют свой первоначальный вид» [Биггинс 1987, с. 81]. Наши наблюдения говорят о другом: на месте мягких свистящих и шипящих в языке двух наших информантов наблюдается только один ряд согласных. Обычно это передненебные (альвеолярные) звуки [с̣'], [з̣'], [ц̣'], характеризующиеся той же особенностью артикуляции, что и твердые [с̣], [з̣], [ц̣], и отличающиеся от них тем же, чем отличаются и другие мягкие согласные от твердых — некоторой сдвинутостью тела языка вперед и палатализацией, дополнительным приподнятием передне-средней части языка к твердому нёбу. Встречаются также и зубные [с'], [з'], [ц'].

Следующие отрывки из речи двух наших информантов иллюстрируют наличие в их идиолектах только одного ряда свистящих согласных.

Арина Петровна Якиш родилась в 1931 г. в поселке Казаккёй и жила там до 1963 г., когда с мужем и детьми вместе с другими старообрядцами переселилась в США, сейчас живет в Орегоне, в поселке Вифлеем. Она никогда не ходила в школу, уже в США научилась читать по-церковно-славянски, но делает это с большим трудом и писать не умеет, по-английски не говорит, знает только отдельные слова. Отец ее «кубанец», мать «дуначка», бабушка жила в Румынии в Тульче, куда ее предки переселились из России в середине XIX в. Вот рассказ Арины Петровны:

— *Арина Петровна, ваши предки откуда?*

— на́с̣ы пр'е́тк'и из̣: ра̣с̣':и́и у ръман'и́и || а из̣ ръма̣н'и́и у бу́лга | у је́ту || ту́рц̣у̯ || по́мн'у ка́к нам | е́тъ | ма́м'ин'къ рас̣шка́з̣жъвъла | с̣што ||

ка̣ды́ || из̣ || из̣ ра̣с̣':и́и на́с̣ᵘы ухад'и́л'и || у ръман'и́и̯у || то н'и (= *они*) | кра́дуц̣'и уб'иγа́л'и || то н'е́ (= *оне*) || ан'и́ та́к уб'иγа́л'и || фс̣'о́ с̣ва̣јо́ з̣ап'јо́рл'и || и о́ўц̣ы | и с̣кату́ | и хфа́бр'ик'и | и вс̣'о́ || и но́ц̣'у уб'иγа́л'и | то́л'к'и || то́л'к'и ўз̣'а́л'и руба́с̣к'и || с̣'иб'е́ | ды ико́ны || хто́ ко́л'к'и мо́х ико́н || дъ д'е́н'γ'и | как'и́и бы́л'и || ъ γwът' (= *говорит*) || д'е́дус̣къ | д'е́дус̣ка || тъка́и̯ъ у јо́ (= *у него*) бъ | бъл'с̣а́и̯ъ ик || ико́нъ бъла́ т ка̣з̣а́нс̣къ || γо́н ыјо́ уз̣е́л' и на с̣п'ину́ п'ир'ив'иза́а̯ || и: с̣' е́и̯ пъс̣: | с̣пус̣т'и́лс̣ъ он || у р'е́ц̣'ку | п'ир'ипла́т' и п'ир'иплы́л || и та́г з̣ъ ус̣'е́ | и | ан'е́ зна́ц̣'т ка̣ды́ н'е́ (= *они*) || ухад'и́л'и | то ън'е́ || с̣то нъ γран'и́цых || кыраýл'ут' || то н'и́ | јих | з̣а̣дар'и́л'и || с̣ᵘтоб ан'и́ их п'ѝр'ив'из'л'и́ || п'ѝр'ив'ил'и́ || то́ ън'е́ и́въ || ји́б у ји́х та̣ко́и̯ был̯ | да̣γаво́р | с̣то е́с̣'л'и ја с̣:в'и́с̣ᵘ:ну || во с̣то́бъ а та́м кус̣ᵘ: | кус̣ᵘ:ты́ бы́л'и | знат' када́ мы п'ир'иб'иγа́л'и кус̣то́бъ || а̣ᵒ ус̣'е́ па́дъи̯т'е ў кус̣ты́ || а къды́ друγо́и̯ рас̣ с̣в'и́с̣:ну | ка́ды́ н'и́ уи̯ду́т' || то тады́ вы вс̣'е́ || уста̣ва́и̯т'и̯ и̯ б̯'и̯γ'и́т'а̯ || то ба́бус̣ка γъwът (= *говорит*) на́с̣а γот' (= *говорит*) ⟨...⟩ || н'е ма̣ја́ ба́бъс̣ка | а ба́бус̣кына ба́бъс̣ка || то з̣ъ мно́γъ л'е́т пра̣с̣ло́ || а́ бъ то́л'к'и по́мн'у | как нам ръс̣:ка́з̣ъвъл'и || то́ γовър'и́т' ана́ γъвър'и́т' ана́ ка̣к ра́с̣: || упа́лъ | и нъγа́ ијо́ на̣ да̣ро́с̣ку упал̯а̯ || но́ц̣'у̯ т'о́мнъ было́ | н'и в'и́днъ || и ен'е́ ко́н'ъм'и б'е́γл'и | јеи̯ на̣ наγу́ || нъ || на је́ты || он къды́ с̣:в'и́с̣нул | ан'е́ wс̣'е́ па̣па́дъл'и || то γъwър'и́т' ъ || но кады́ ын'е́ пръб'е́γл'и | и ка́к а̣на́ н'и зъкрыц̣'а́лъ | как а̣на́ са̣т'ирп'е́лъ | а̣на́ уз̣е́ бо́γъм ја ду́мъи̯у дан̯ || и ји́хъвъ || и кады́ ⟨...⟩ || кады́ он с̣в'и́с̣нуўс̣'е || ан'и́ ста́л'и устъва́д' б'ец̣' | а ба́бускъ н'и мо́з̣ъ б'е́ц̣' || наγу́ ко́н' слъма́л || то ъ γан'е́ | ан'е́ тъды́ иму́ с̣къз̣а́л'и | он тады́ на с̣вои̯ ко́н' ијо́ пъс̣ад'и́? | и п'ир'ив'и̯о́с̣ ыјо́ | ц̣'ер'из̣ γран'и́цу ||

—*А кто?*

—ну | къраýл'с̣'ик || да || ка́к их наз̣ва́т' | с̣то́ γран'и́цу къраýл'а да ||

—*Пограничник.*

—да || то || то тады́ || јан'и́ вот | та́к в ръман'и́и̯у | е́тъ п'ир'иб'е́γ'л'и || ан'и́ вс̣'о́ бро́с̣'ил'и с̣вајо́ || а з̣а ц̣'ио́ | там с̣та́л'и м'иртв'ицо́ў па̣траса́т' || ба́бус̣к'и γъд' бы́лъ || н'е́ е́тъ уз̣е́ ў ръман'и́и бы́лъ | е́тъ уз̣е́ в ръмани́и бы́лъ || но || но то́з̣ъ ан'е́ з̣ъ е́тъ | с̣то || е́тъ || е́тъ с̣та́л'и || е́тъ м'иртв'ицо́w' е́ть пътра̣са́л'и || ръз̣р'из̣а́л'и | с̣топ н'и харан'и́л'и та́и̯нъ | с̣топ е́тъ н'и було́ н'иц̣'о́ъ | с̣ᵘтоп е́тъ ўс̣'о́ || до на́с е́тъ с̣'и́л'нъ р'ил'и́γ'ии т ка̣са́ицъ д'е́ла̣ || то тады́ на́с̣ы с̣къз̣а́л'и || бу́д'им уб'иγа́т' || ⟨...⟩ адна́ γот' | ба́бус̣къ γоит' е́тъ пам'о́рлъ || и та́к прас̣'и́лъ с̣тъп ијо́ та́и̯нъ пъхъран'и́л'и || ⟨...⟩ м'и́тр'ику с̣тъп н'и д'е́лъл'и на н'е́и̯ || ијо́ γът кады́ γъwът' ана́ | ана́ пам'и̯о́рлъ | ијо́ γът' | на кла́д'б'ис̣':и було́ | от'

ét’и ҫуҫ’éды | дóҫку ⟨...⟩ иҫ двара́ пътарвáл’и и пран’иҫл’и́ ийó || зна́ц’ит’ у || у йéту маγ’ил’иҫу | и зъкапáл’и || wóҫ’имд’иҫ’ид дн’éи̯ γът праҫло бá-буҫк’и | и хтó тъ дъказáл’и || ҫшто бáбуҫкъ зна́ц’ит уж́é || и ан’и́ паҫл’и́ ийó γът вы́тъҫ’ил’и || и γът ыйó нъ ҫабра́н’ъ ийó | ҫабрáл’и нарóда || и нъ ҫабра́н’ ийó γът’ ийó пр’ин’иҫл’и́ | раҫ:р’éзъл’и wo та́к ⟨...⟩ как || карóву какýи̯у || wóлъҫ уж́é у йéи̯ ҫатл’éл || и wҫ’ó | и ҫ’ихф’éл’н’ик от тақóи̯ а || так пъл’ивáл’и ҫтъп étъ || ҫмрат н’и ҫóл || бáбуҫкъ γър’и́т | и вс’éγ зъγан’áли ҫматр’ét’ | фҫ’éх || хто н’и пр’ид’ó то т ан’и́ нақáзут’ || тó γъд’ бáбуҫкъ | étъ || пɑлаγ’éи̯ъ нáҫъ как пр’иҫлá дамóи̯ | как ҫтáлъ γалаҫи́т’ || и ҫкъзáлъ ҫтъ уйéд’им уф ту́рцу̯ || и γъвър’и́т | пр’áмъ γот | нъ ҫтраҫнэ́и̯ н’ид’éли | дáзъ пáҫку н’и ҫпраз́нул’и | ҫабрáл’иҫ’ъ | пайéхъл’и ф ту́рцыи̯у γът’ || на дарóγ’и прáзнъ(*вали*) || ан’é павóҫк’им’и п’ир’ииз́ал’и в ту́рцыи̯у | из ръман’ии ||

В речи А. П. Якиш встретились и другие примеры произношения [ҫ’:], [ҫ’] на месте литературного [ш’:], [ш’]: *ҫв’иҫ’:ён’:ик’и*, *настаjáҫ’:ъ*, *дóҫ’: паи̯д’ó*, *дóҫ’ н’и праи̯д’ó*, *зъҫ’иҫ’áи̯ут’*, *праҫ’áцъ*, *пъпраҫ’áи̯ҫ’ъ*, *муҫ’и́нъ*, *ҫв’иҫ’énствъ*, *зъпр’иҫ’ál’и*, *патáҫ’ит’*, а также на месте литературного [ш] перед мягким согласным: *уҫ’л’и́*, *п’ир’иҫ’л’и́*, *паҫ’л’и́*, *ҫаҫ’:óҫ* (сошьешь); произношения [з’:] на месте литературного [жд’]: *даз́’:óҫ’:ъ* (дождешься).

Надежда Мефодьевна Якиш родилась в 1936 г. в поселке Казаккёй, в школе не училась, читать и писать не умеет. В 1957 г. с мужем переехала в турецкий город Карс, где жили еще две семьи старообрядцев, в 1994 г., после смерти мужа, приехала в США, в Орегон, живет в поселке Вифлеем. Вот ее рассказ:

—*А по-турецки вы хорошо говорите?*

—да | пъ тур’éцк’и мъ харъҫó ръзγъвáр’ивъим | кън’éснъ | там рад’и́л’ис’ тáма || пъраҫ’л’из́’ γул’áл’и фҫ’о wм’éст˙уҫк’и || с турц’áнъмъ ⟨...⟩ мы͡и хърáҫó друзы́л’и ||

—*А сколько вы классов..., сколько учились в школе?*

—⟨...⟩ у нáҫу вр’ém’у || н’и былó у нáҫ ҫкóлы || аγá || тады́ н’и былó зъ ў кады́ мы? || бы́л’и малады́и || н’и былó ҫкóлы | а пóс’л’и тóha ҫкó-лу з’д’élъли | узé мои̯ брáт || ҫ’истрá маи̯á || ан’и́ хад’и́л’и въ ҫкóлу | но а и̯á н’и хад’и́лъ в ҫкóлу || wот ы за étъ || ҫ:л’ипы́и | н’иц˙ио́ н’и зна́им || γлупы́и ||

—*А церковно-славянскую грамоту знаете?*

—н’е: ||

—*Тоже нет?*

— а н’и wуц˙и́л’и нас̣ || ⟨...⟩ н˙и уц˙и́л’и | ро́днъä маи̯а́ | н˙и уц˙и́ли нас | н˙ет ||

— *А когда все поуехали, то... сколько там семей-то осталось русских?*

— ру́скых там було́ || и с̣˙а́с̣ ру́скы е́ || дв’и́ фам’и́л’ии було́ || то̯л̯’къ̯ || аγа́ || н˙и́на̣ || и трах’и́м бы́л’и || с̣˙:а́с̣ ру́с̣кыи ан’и́ бы́л’и || ӱо́т ы͡и мы́ бы́л’и та́ма̣ || мои̯ быъ̯ з˙ат’и́н с’:т’ипа́н | он мъла̣ка́н быъ̯ || мълака́н’ин || он пам’о́р̯ | а въ и̯а θуда́ пр˙ии̯е́хълъ | и та́к ас̣та̣ла́с̣’ъ ту́т у̯з̯е̯ || wот пр˙ид’о́т’ || па̣т па́с̣ку у в’ил’и́къму пас̣ту́ || тр˙и γо́дъ | у м’ин˙е́ уз̣ на ц̣˙ᵘт˙в’о́ртъи̯ γот паи̯ду́ ||

В речи Н. М. Якиш встретились также примеры произношения [с̣’:], [с̣’] на месте литературного [ш’:] *сас̣’:и́тъвъӱт’*, *нап’и́с̣’:ъ* (‘пища’; ср. *напиток*), *мус̣’и́нъ*, *мус̣’и́нъм*, *пус̣’а́и̯ут’*, *ис̣’о́*, *н’и с̣’ита́и̯ут’*, *пъм’ис̣’а́ицъ*; на месте [шj]: *с̣ас̣’о́м* (сошьем); произношения [з̣’] на месте литературного [ж’:] *до́з̣’иц̣’ик*, *до́з̣’иц̣’къ*.

Акустические характеристики согласных звуков, произносимых Н. М. Якиш на месте *ш* и *с*, можно видеть на рисунках 1 и 2 (с. 336), где приведены осциллограммы и динамические спектрограммы слов *с̣ко́лы* (школы), *ру́с̣кыи* (русские) и огибающие мгновенного спектра звуков типа [с̣] в этих словах. Положение курсора на осциллограмме и динамической спектрограмме показывает место, откуда получен мгновенный спектр этого звука. Для сравнения приведены соответствующие акустические характеристики согласных [ш] и [с] в произношении носителя литературного языка (рис. 3 и 4 на с. 337).

Для спектра [с̣] характерно заполнение почти всего диапазона частот, начиная с 500 гц, шумовыми составляющими. (Возможно, шумы в низкочастотных областях неречевые и объясняются недостаточно «чистыми» условиями записи). Максимумы концентрации энергии наблюдаются в зонах 3,5—4, 6, 7,5 кгц и выше. В спектре [ш] литературного языка характерный шум появляется выше 1 кгц, максимально усилены шумовые составляющие в областях 2,5 и 5,5 кгц. Спектр свистящего [с] литературного языка характеризуется локализацией шума в высокочастотной области. Максимум звуковой энергии располагается в зонах 4,5 и 5,5 кгц.

3. Дочери А. П. Якиш Евдокия Васильевна Постникова и Васса Васильевна Краскова родились в поселке Казаккёй и с родителями переехали в США. Сначала, как и все, жили в переселенческом лагере в штате Нью-Джерси, а с 1965 г. в Орегоне; сейчас живут с мужьями в

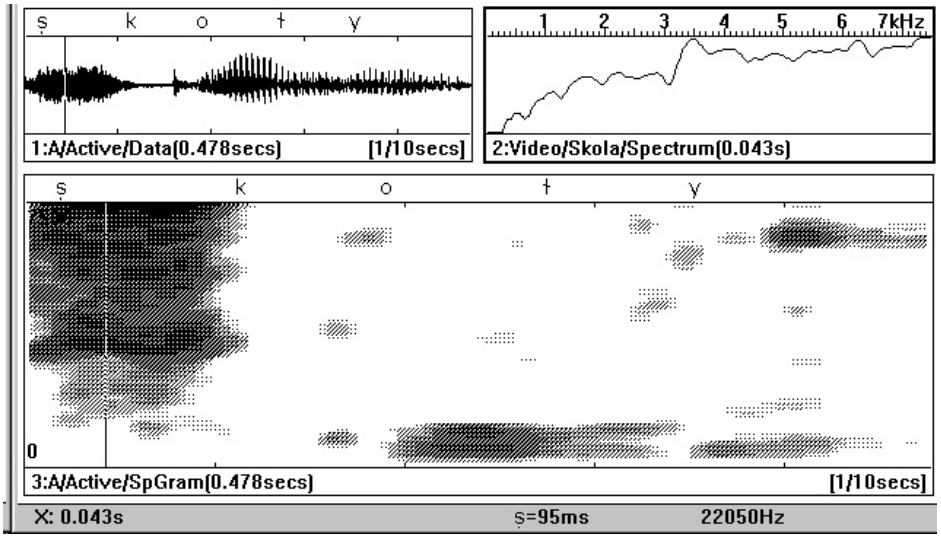


Рис. 1. Диктор Н. М. Якиш, звук [ṣ] в слове *ṣkóly* (школы).

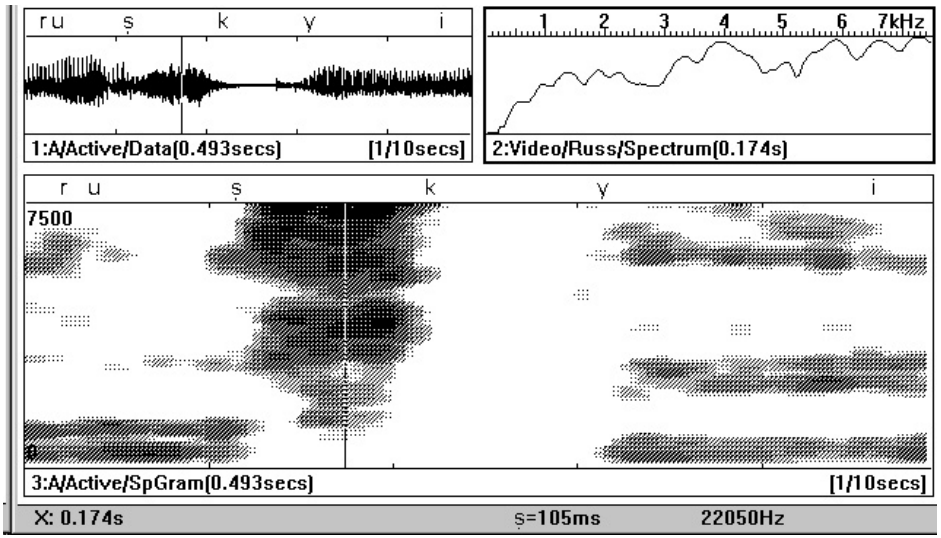


Рис. 2. Диктор Н. М. Якиш, звук [ṣ] в слове *ру́ṣкыи* (русские).

г. Вудбурне. Евдокия Васильевна родилась в 1951 г., в пять лет научилась читать по-церковно-славянски, два года училась в турецкой школе, но скорописной русской азбуки не знает, умеет читать и писать только «печатными» буквами, по-английски говорит, с трудом читает, но не

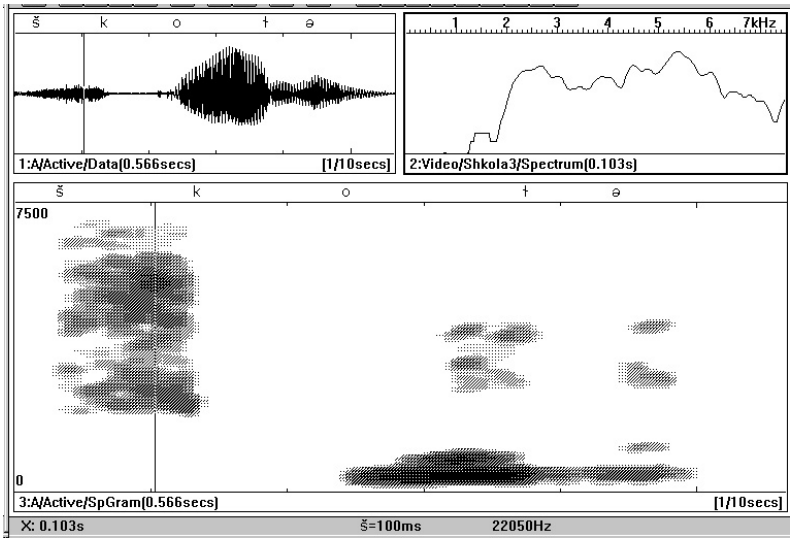


Рис. 3. Диктор Р. Ф. Касаткина, звук [ш] в слове *шко́лъ* (школа).

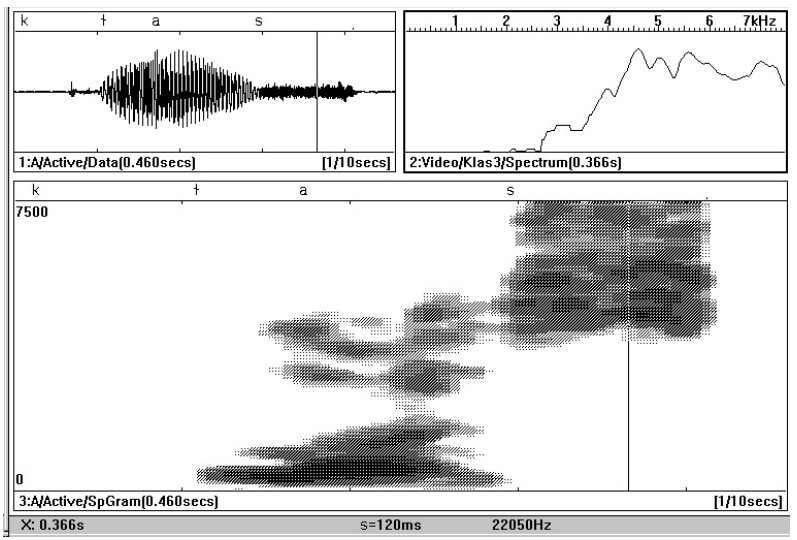


Рис. 4. Диктор Р. Ф. Касаткина, звук [с] в слове *клас* (класс).

пишет. Васса Васильевна родилась в 1957 г., в США кончила 6 классов английской школы, в 22 года вновь стала учиться и через два года получила диплом восьмилетней школы; уже будучи взрослой стала ходить на курсы русского языка, научилась читать и писать, но вскоре эти курсы бросила.

Е. В. Постникова и В. В. Краскова на месте этимологических *с*, *з*, и *ш*, *ж* часто произносят одни и те же альвеолярные свистящие [с̣], [з̣], на месте *с'*, *з'* — [с̣'], [з̣']; при этом в соответствии с литературными [ш':], а также [ш] перед мягким согласным и [ж':] также иногда встречаются [с̣':], [с̣'], [з̣']. Вместе с тем в их речи наблюдаются и значительные отклонения от этой системы в сторону различения согласных этих двух рядов. Так, достаточно часто они произносят зубные [с], [с'], [з], [з'] на месте исконных свистящих, а на месте шипящих такие примеры единичны. На месте *ш*, *ж* часто произносятся [с̣^{ш}], [з̣^{ж}], [ш^{с}], [ж^{з}], а также обычно невеляризованнные [ш], [ж], тогда как на месте *с*, *з* такие примеры единичны. На месте *ш*, *ж* изредка встречаются и ретрофлексные [ш̣], [ж̣]. На месте *ц* произносится [ц̣]. На месте *ч'* редко встречаются свистящие [ц'], [ц̣'], [ц̣̇'], чаще переходные звуки от свистящих к шипящим типа [ц̣'$^{ч'}$], [ч'$^{ц'}$], но главным образом — [ч']; редок и ретрофлексный [ч̣']. В соответствии с литературными [ш':], а также [ш] перед мягким согласным и [ж':] чаще произносятся шипящие [ш':], [ш'], [ш'$^{с'}$], [ж'], [ж'$^{з'}$], а также [с̣'$^{ш'}$], [з̣'$^{ж'}$]. Таким образом, «смешение» свистящих и шипящих в речи Е. В. Постниковой и В. В. Красковой проявляется, как правило, в произношении свистящих на месте шипящих, но не наоборот.

На рис. 5 и 6 (с. 339) приведены осциллограммы, динамические спектрограммы и мгновенные спектры звуков [ш^{с}] и [с] в словах *ш^{с}ко́лъх* (школах) и *клас* (класс), произнесенных Е. В. Постниковой. Спектрограммы отражают различия между этими звуками: у [ш^{с}] характерный шум начинается в области 2,5 кгц и основные максимумы энергии расположены в области 3 и 6—7 кгц, а у [с] характерный шум, как это видно по динамической спектрограмме, начинается с 3,5 кгц, и основной его максимум в области 6 кгц и выше. По этим спектрограммам видны отличия звука [ш^{с}] от звука [ш] литературного языка (см. рис. 3): основные максимумы энергии у [ш^{с}] сдвинуты на 0,5 кгц выше по сравнению с [ш], что связано с большей близостью [ш^{с}] к [с].

Осциллограммы на рисунках 1—6 отражают еще одну особенность речи старообрядцев: бо́льшую напряженность глухих спирантов по сравнению с согласными литературного языка в позициях перед согласным и на конце слова; ср. их амплитуды.

Распределение свистящих и шипящих согласных в речи Е. В. Постниковой и В. В. Красковой достаточно хорошо отражает отрывок из записи нашего разговора с ними, где они говорят о детских играх в Турции:

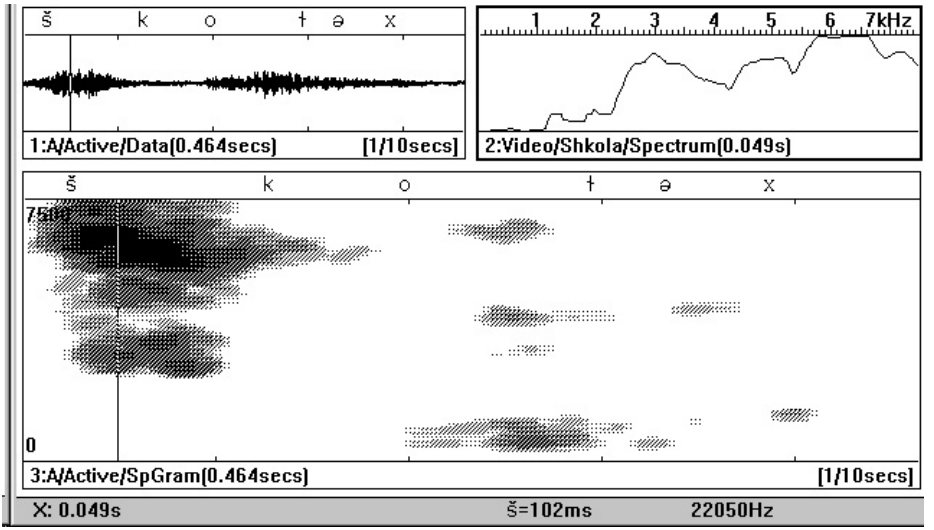


Рис. 5. Диктор Е. В. Постникова, звук [шᶜ] в слове *шᶜкóлъх* (школах).

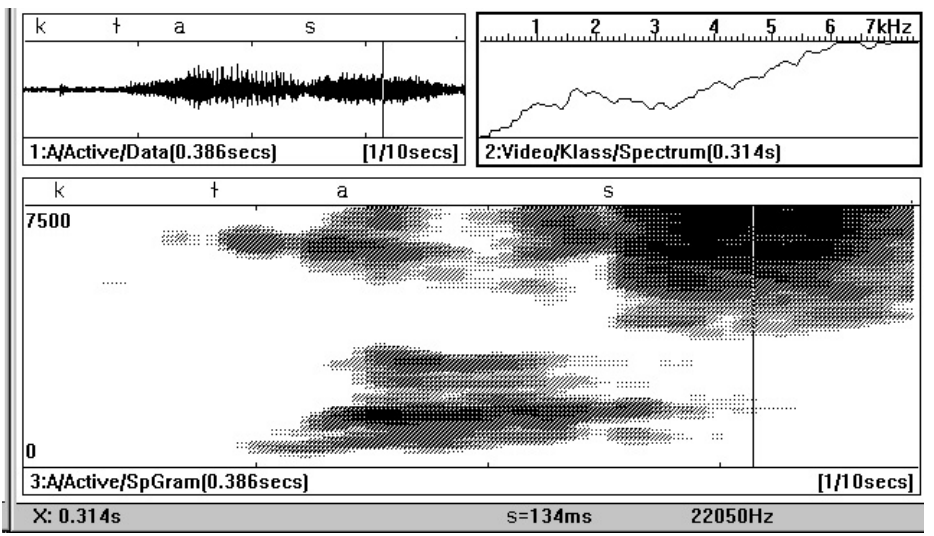


Рис. 6. Диктор Е. В. Постникова, звук [с] в слове *клас* (класс).

—В какие игры вы играли в Турции?

—Е. П.: ну éтъ прóстъ | ъ от || знáиҫ | нач'ир || нач'иртн'óшᶜ нạ || нạ палý тъ и | пры́гаиҫ | ҫкóкаиҫ та || тó у в'ир'óвк'и пры́ъ

—А как это называлось, когда прыгали по начертанному?

— Е. П.: ч’икм’е́ на̣з̣ъва́л’и мы || е́тъ пътур’е́цк’и || а пару́с̣к’и || ја да́з̣ъ н’и зна́и̯у как ||

— *А по-русски классики это называется.*

— Е. П.: а мы́ вот ч’икм’е́ та́к иɣ зва́л’и | и фс̣’о́ вот пътур’е́ц:к’и ||

— В. К.: вот мы́ || ма́л’ин’к’ии бы́л’и || мы ма́л’ин’к’ии бы́л’и | в д’ир’ивн’а́х то́жъ нап’и́с̣ым || дава́и̯ ч’икм’е́ игра́т’ || о́т ка так мы ч’икм’е́ з̣ва́л’и || пътъму́ шт̣о | мы д’е́т’и так слыха́л’и | так и | мы и з̣ва́л’и ||

— Е. П.: а кагда́ на́с̣ᵘыᵘ || ис̣ рас̣’и́и ус̣л’и́ | тада́ таку́ игру́ и н’и игра́л’и || ду́мъи̯у и с̣л̣о́ва н’и зна́л’и тако́въ пару́с̣ᵘ:к’и ||

— *А это веревочку крутить, как это называли?*

— Е. П.: то́жᶾъ | у в’ир’о́ўк’и пры́ɣът’ ||

— *У нас тоже, через веревочку.*

— Е. П.: и́л’и wо́т ъ | та́м у кулу́ц̣ᶜк’и мы нъз̣ыва́л’и | е́тъ пр’а́тълк’и || мы кул’у́ц̣ᶜк’и нъз̣ыва́л’и || къ || хъран’и́л’ис̣’а || и́л’и от у кл’о́па иш’:о је́с̣’ | мы игра́л’и е́тъ кл’о́пъ зна́ъс̣ (= *знаешь*) || вот така́и̯ъ | така́и̯а па́лъц̣·ᶜ·ка || и така́и̯ъ || ма́л’ин’ку па́лъц̣·ᶜ·ку | да || и т’ип’е́р’ бал’шу́и̯ᵘ па́лку || и во́т ты е́ту || и́л’и вот та́к пало́жᶾъшᶜ па́лъч·ᶜ·ку | е́тыи̯ па́лкъи̯ ка:к да́с̣ᵘ е́тыи̯ кл’о́па̣ | кл’оп л’ит’и́т’ ||

— В. К.: а ты | мы у та́л’к’и (= *платья*) фс’е ло́в’им јиво́ | или у фа́ртук’и ||

— Е. П.: ⟨...⟩ а је́с’л’и ты паи̯ма́ис̣ᵘ || ты | т’иб’е́ | зна́ц̣’ицъ ты паб’ижᶾы́з̣ᶻ з̣а̣ јо́м | з̣а е́т’им || ⟨...⟩ а је́с’л’иф като́ры капа́л’и та || т’ип’ер’ јес’л’иф ⟨...⟩

— В. К.: ⟨...⟩ у ја́мъч̣’ку | мы в ја́мъч̣’ку ɣул’а́л’и фс’иɣда́ || мы в за́пъны (= *фартуки*) иво́ лав’и́л’и || хто паи̯ма́ит | то и̯иво́снъи̯ъ о́ч’ир’ид’ б’и́т’ || но а фс̣’е с̣т̣ал’ны́и (= *остальные*) | то | ло́в’ут ||

— Е. П.: о к’е́и̯ | а то́ была́ || быва́лъ ш’ᶜ’е (= *еще*) штъ | та́к штъ мы игра́л’и || о́т къпа́л’и ɣа̣рма́ны (= *площадки*) || т’ип’е́р’ фс’е́и па́лъц̣·ᶜ·к’и е́т’и им’е́им | дл’и́н:ыи да || и || кл’о́п е́тъи̯ (= *этот*) з̣а || з̣ъ | з̣ъ | з̣ас̣’ᵘл’о́м иво куда́ н’е́бут’ | и вот като́рыи̯ ɣла́внъ | нат и̯е́тъи̯ ја́мъц̣’къи̯ стаи́т’ | он до́лз̣ън пад | падб’е́ц̣’ᶜ’ и дъис̣т || паи̯ма́т’ тои̯ кл’оп || а́ мы етъ || ъ | из’в’ини́т’и з̣а въᵒраз̣е́н’ии̯ъ жᶾо́пу ка̣па́т’ || и во́д да̣ва́и̯ ка̣па́и̯ || ех капа́им | ну ръс̣ка̣па́им фс̣’о́ итъ ||

— В. К.: а о́н пака́ б’е́ɣъит | а мы́ иму з̣о́пу капа́им ||

— *А это турецкая игра или русская?*

— Е. П.: н’ет | ja дýмъиу ̣стъ ét̆ъ рýс̣къиъ | пътамý ̣сштъ | н’ика̯гдá ту-р’éцк’и д’ét̆’и | ét̆’и и́гры н’и играл’и || и́л’и о́т мы | дáндар ар’éшск’и играл’и | ис̣ш’о́ | з̣наи́с̣ о та́к ъ ||

— *А это как?*

— Е. П.: éта | а ét̆ъ мы́ || та́к с̣хвáтимс’ъ ад’и́н зъ днао́ (= *одного*) || ръс̣: || и | ét̆ъ || а ад’и́н тáмъ и бýд’ит’ па̯с̣’л’éд’н’ивъ лав’и́т’ || и о тако́:и̯ | бал’шо́и̯ круγ д’ит’éи̯ | от ка́к || пал’и || на ту́и̯у ̣стъранý | как па-б’иγ’и́м | като́ры з̣а́д’и (= *сзади*) | з̣наи́с̣ как л’ит’и́т’ étъ кругóм тъ на́дъ | з̣на́с̣ (= *знаешь*) || а jét̆ъ ту́т ыво далзно́ || далжо́н па̯има́т’ || хто па̯има́ит’ | т’п’ér’ (= *теперь*) у jét̆ыи̯ стано́в’ица || jét̆ыи̯ п’ир’éд’н’ии̯ так п’ир’ихо́-д’ит’ | п’ир’ихо́д’ит’ | п’ир’ихо́д’ит’ || ⟨...⟩

— В. К.: а у ка̯ла́нцъх то́ж³ъ || о́т мы у ка̯ла́нцъх игра́л’и || ̣с в’éч’ц’иръ да̯ в’éч’ц’ира || ужзе в’ич’ér’нъ нас̣ || ⟨...⟩ ид’о́т || па́д’ит ъ мы | как у́тръм | паъб’éдъим || ̣с’а́д’им || дъ | дъ в’ич’ér’н’и ||

— Е. П.: ка́мус̣ък зна́и̯с̣ || пъдбра́с̣ъвъис̣ ади́н ка́мус̣ък ||

— В. К.: п’ат’ ка́мушък || кру́гл’ин’к’и ка́мушк’и вы́б’ир’им | п’ат’ ка́-мушък | мы ў д’éс’т’ γул’а́л’и ⟨...⟩ || а п’ér$_{\text{W}}$ъ w п’а́т’ мы || и w$_{\text{o}}$ót || ъ || то || на ру́ку поло́ж³ъс̣ | ̣ско́л’ па̯има́и̯с̣ | два || два пъл || два па̯има́ищ || като́ръи̯ ч’илав’éк кълъ т’иб’é || он до́лжън их атраба́тъвъит || то | а | а | он п’а̯а́т’ па̯има́ит | два ътра̯бо́тъл || сва̯и́х то тр’и́ уже́ п’ир’идаjо́т-цъ другóму || ⟨...⟩ два па̯има́л | с по́л он уже́ сваих с’:н’а́л | он ъбра́тнъ мн’е их п’ир’ида́л || и а па̯то́м || и́гры || а пато́м упало́жыс̣ и || дълз̣ || до́лжън их па̯има́т’ || па̯дбро́с̣’и̯с̣ | па̯им || и || ваз’м’о́ш̣ é̆тыи̯ ка́мушык | и другóи̯ па̯има́и̯с̣ || и та́к фс̣’é || а пто́м | къда́ || и та́к п’ир’ик’и́дъш || и || и || тут || суды́ зъга̯н’а́иш || птом ка̯да́ уже́ фс̣’у игру́ пръигра́ || пръигра́и̯с̣ || дъ ка̯нца́ | и та́мъ мно́гъ ра́знъх || ̣с’т’и | ̣с’т’ип’ин’éи̯ || то | то || то на ру́ку их поло́ж³ъшс || и тнън || скол’ па̯има́ишс фс̣’ех | п’ат’ фс̣’ех па̯има́и̯с̣ | то п’а̯ат’ | п’ад’ до́лж³ън ътра̯ба́тъвът’ || то тожъ гъвър’и́л’и ||

— Е. П.: а пъотóм н’ет || а а̯éс’л’иф п’ат’ па̯има́ишс || то ты пръда̯л-з̣жа́и̯с̣ш игра́т’ | а а̯éс’л’иф ад’и́н ил’и два́ упа́д’ит | тъ тъда́ ужзé тои̯ || другóи̯ игра́ит | ты ужъ с’ид’и́ш ||

— В. К.: да́ étъ || да | éс’л’иф хот’ каку́ ашы́пку зд’éлъс̣ || éслиф || то || у̯с̣уды́ н’и за̯ || н’и за̯γóн’и̯с̣ м’и́мъ || то уже тва̯ӑ́ | то р’а́фка кóн’ч’и-лъс̣’ | ушс ъ з̣ъ другóи̯ игра́ит || ⟨...⟩

— Е. П.: вапч’е́ н’е́ былъ у на́з̣ᶻ з̣ᶻъ та́м | н’и т’ил’ив’и́зърых | н’и ра́д’иих | н’ич’о́ н’и було́ | мы ч’е́м тъ фс’е з̣ъръбạвл’а́л’ис’ъ | у ха́ткых там | ку ку́клъх пънạкру́т’им | зна́иш^{с} е́тъ || так || игра́л’и

— *А куклы что? Сами так делали?*

— Е. П.: да || да || ста́рыи тр’а́пк’и ⟨...⟩

— *А что, шили?*

— Е. П.: про́стъ хто́ пъ || наш’$^{с’:}$ || паш’$^{с’:}$о́т’ | е́с’л’иф у коwо́ тр’а́пк’и jес’ | то то́т сạш’$^{с’:}$о́т’ | и ạна́ иму́ фс’иɣда́ ку́клъц’къ || а как у на́с н’е́ту | то мы нạвару́им там | платко́w дъ къwо́ | и та́к нạкру́т’им || паигра́им | ạ пъ^{о}то́м с̣но́wъ фс̣’о ⟨...⟩ атн’ис̣’о́м пạло́з̣ᶻым ||

Мы решили выяснить, понимают ли Е. В. Постникова и В. В. Краскова особенность употребления в их языке свистящих и шипящих звуков. Однажды во время разговора с нами одна из них сказала, что их речи свойственно шепелявенье. Я спросил, что это значит. Вот их ответ:

— Е. П.: ну jа || от || ты || зъм’иц’а́ис̣ || кък | кạда́ jа | ас̣о́б’инъ jа́ кагда́ гъвар’у́ || фс’о на с̣’:е́ | на с’$^{ш’:}$е́ | зна́ис̣^{ш} || ⟨...⟩ у на́с пълуч’а́ицъ | как с̣^{ш} | как вро́д’и как с̣^{ш}ъп’ил’а́в’им мы ||

— В. К.: ну | къда́ | къда́ с̣э́ на́дъ | а мы́ шэ́ гъвър’и́м | къда́ на́дъ шэ́ | а мы́ с̣э́ гъвър’и́м || къда́ жэ́ на́дъ | мы́ з̣э́ гạвър’и́м || къда́ з̣э́ на́да | мы жэ́ гạвạр’и́м || м’иша́им их ⟨...⟩ jа по́мн’у | с̣ạв’е́л’ии̯ъ | ⟨...⟩ он нас уч’и́л па || пъслạв’а́нцк’и || а мы́ | мы таку́ прабл’е́му им’е́л’и || а о́н || то || у || пъслạв’а́нцк’и гд’е жэ́ на́дъ || а на || о́н ъ ɣъвạр’и́д жэ́ || а у на́с н’ика́г жэ́ н’и гъвър’и́цъ | з̣э́ || он гъвạр’и́д | жэ́ || и пън’има́ит’е | жэ́ || а у на́с ъ из̣ы́к | н’и гъвạр’и́д жэ́ || з̣э́ гạвạр’и́м | и вс’о́ || идва́ идва́ жэ́ и шэ́ | jа́ нав’е́рнъ || м’не ужэ́ л’е́т въс̣’имна́цъд’ бы́лъ | jа́ идва́ идва́ мạгла́ иво́ скъза́т’ | жэ́ и шэ́ || вот с̣э́ и з̣э́ то́л’к’ъ бы́лъ | и бо́л’шъ н’е́ бълъ н’икъво́ ||

— Е. П.: в’и́д’ис̣^{ш} о́н тъ | уж̣э как пạɣарб’и́нцк’и (= *по-харбински*[79]) и нач’а́ў || пръ || ъ || пръизнạс̣’и́т’ пра́в’ил’на || а мы́ тъ иш’$^{с’}$о́ та́к и пр’ивы́кшыи жэ | к’ jе́тъму || к с̣’$^{ш’}$ип’е || к с̣’$^{ш’}$е дъ | дъ | дъ || дъ з̣е || то с̣’и́л’нъ тру́днъ бы́лъ п’ир’иуч’и́цъ | хто мо́х и̯из̣ы́к с̣вои̯ п’ир’илạма́т’ || п’ир’илạма́л | а как jа́ н’и мʌгу́ п’ир’илạма́т | так jа ас̣та́лъс̣’ъ с̣ jе́т’им || ⟨...⟩ а и стạра́лъс̣’ạ ||

[79] У «харбинцев» — другой группы орегонских старообрядцев, выходцев из-под Харбина, нет «смешения» шипящих и свистящих согласных.

— В. К.: мно́гъ ста̣ра́имс’ъ | он нас| он нас про́стъ || руга́л ⟨...⟩ гр’ит (= *говорит*) вы далз̣ны́ | пра́ил’нъ ч’ита́т’ || а || и пъто́м идва́ идва́ то́л’-къ ц̣’е́ || ка́к тъ ц̣’е мы идва́ идва́ || то́л’к’и нъуч’и́л’ис’ ивó жэ́ и зэ́ гава̣р’и́т’ || ну н’ика́к н’и магл’и́ жэ́ и || жэ́ и шэ́ || вот нам пра̣бл’е́м бы́лъ жэ́ и шэ́ || зэ́ и с̣э́ мы | пра̣бл’е́му н’и име́л’и || а пъто́м | ка́к тъ н’ич’о́ | já wot || м’ин’е́ два́тцыт’ || у м’ин’е́ н’и́к’и (= *Нике*) бы́лъ шэ́с̣’: л’е́т || н’ет || н’ет || н’и шэ́с’т’ || два́ с пълъв’и́нъи̯ го́дъ н’и́к’и бы́лъ || и já от пъс̣ла́ в ру́с̣кыи̯ || ру́с̣кыи̯ пр’ипъда̣ва́л’и | кла́с̣ || и já зъп’ис̣а́лъс̣’ъ па̣ ру́с̣къму уч’и́тцъ || и || ъ || шу́ръ т’имашэ́нк’инъ ⟨...⟩ || п’ри | пъда̣ва́лъ || и во́т ja бу́квы нъуч’и́лъс̣’ || и бро́с̣’илъ | та́к мн’е н’ило́фкъ ста́лъ | ja || н’и мъгла́ бо́л’ш˙и уч’и́тца || ja то́л’к’е ад’н’е́ бу́квы нъуч’и́лъс’ || и wó т ста́лъ п’е́с’н’у сп’и́сыв̣ыт̣’ | и са̣ма́ са̣ма́ са̣ма́ нъуч’и́лъс’ | са̣ма́ събо́и̯ п’иса́т’ || и wót ja и н’ипра́ил’нъ и п’ишу́ | и гд’е́ на́дъ || ъ || с̣та́в’ит’ || ja | ja | от на̣гда́ (= *иногда*) | пръч’ | са̣ма́ ч’ита́ў | и ду́мъи̯у | о́и̯ ja забы́лъ || кто || пъста́в’илъ пэ́ ам’ир’ика́нскуи̯у | а пэ́ и рэ́ || ан’и́ ид’ина́къвы пъ | пам’ир’ика́нскы | и̯а м’ишаи̯у бу́квы | то инъгда́ с̣ама́ зъм’ич’аи̯у | с̣тъ и̯а́ || н’ипра́ил’нъ п’ишу́ | ну || и̯а гр’у (= *говорю*) хот’ сто́л’ нъуч’и́лъс’ъ ⟨...⟩ у м’ин’а́ и а̣хо́тъ инъ | па̣уч’и́тцъ ⟨...⟩ | пра́ил’нъ нъуч’и́тцъ п’иса́т’ || ну вр’е́м’ъ || так фс’о н’е́т ы н’е́т

— Е. П.: já ужэ́ ду́мълъ | што э́с’л’иф || вот ско́ръ как у м’ин’е́ рабо́тъ мал’е́н’къ мо́жът е́тъ | е́тъ | уба́в’ицъ | и já || пъуч’у́с̣’ пару́с̣к’и || п’иса́т’ || ⟨...⟩

— *Скажите, пожалуйста, а вот вы когда жили в Турции, там старшее поколение ваше тоже «сэ» и «шэ» путали, да?*

— В. К.: на́ши рад’и́т’ил’и | так и гава̣р’а́т ||

— *Они «шэ» и «жэ» не знали, да?*

— В. К.: ан’и́ н’и зна́л’и | н’е́т || ан’и́ н’и зна́л’и ⟨...⟩ вапш’:е̂а̂ || то́л’-к’и къда́ тъ || къда̣ пъс̣ла̣в’а́нс̣к’и с̣та́л’и нас уч’и́т’ || и та́м жэ́ || а́з бу́к’и в’е́д’и гла̣го́л’ дъбро́ jéл’и жыв’е́т’и жъ | з’ило́ || жыв’е́т’и и з’ило́ || з’им-л’а́ | и́жы̨ и́ | ка́ко л’у́д’и мыс’л’е́т’и | на́с̣ о́н || пъко́и̯ рцы́ сло́въ ф’е́р’ис’ || сло́въ | тв’е́рдъ jик у ф’е́рт х’е́р о́т ты́ ч’е́ ща́ ш’:а́ || та́м ы jéс’т’ || а мы́ || н’и зна́л’и ру́с̣:кы || то мы и бу́квы || н’и ръз’л’ич’а́л’и || а када́ мо́ жът | ста́л’и нас уч’и́т’ па || тут || ин’т’ир’е́снъ | и̯а вот кал’и́ нагда́ (= *когда иногда*) слу́шъи̯у | атца́ сва̣ивó || о́н ка̣да́ пару́с̣:к’и гвар’и́т’ | он | он жэ́ || шэ́ и жэ́ н’и ръзлуч’а́ит || а ка̣да́ пъсла̣в’а́нск’и ч’ита́ит’ || ръзлуч’а́ит | пътъму́ штъ он та́м ужъ ийо́ вы́вуч’ил ||

— *А в турецком языке они различают? Или нет?*

— В. К.: н’и зна̯́и̯у ja ||

— *А в турецком языке они различают «сэ» и «шэ», «зэ» и «жэ» или нет?*

— Е. П.: да́ || раз̣л’и́ч’ц̣’нъ у ји́х ||

— *Вот ведь баклажан ведь, а не баклазан.*

— Е. П.: да, ба̣кла̣жа́ны о́н’и зва́л’и || да | у ји́х то́жъ | с̣’ш̣’е | с̣’ш̣’е́ и жэ́ е́тъ ра́з̣’н’ицъ у и́ў была́ ||

— В. К.: н’е́ | н’и бъкла̣жа́н’ || а и̯а́ н’и слыха́лъ | с̣тъ бъклъжа́н’им’и зва́л’и | бъклъза́н’и ⟨...⟩ || ма̣и̯а́ тъ ба́бушкъ тъг бъкла̣за́н’и нъз̣ыва́ла ||

Этот рассказ подтверждает, что исконной в языке «турчан» была система с одним рядом свистящих согласных при отсутствии ряда шипящих. Он объясняет также одну особенность, отмеченную многими исследователями, наблюдавшими это явление в русских говорах: встречается оно главным образом в речи женщин [см., например, Миртов 1928, с. 4—5, 25, 31; Магин 1960, с. 107—109; Биггинс 1987, с. 255]. Е. П. Савельев так характеризовал эту особенность нижнедонского черкасского говора: мена свистящих и шипящих согласных «сохраняется в настоящее время преимущественно среди женщин, не получивших современного школьного образования ⟨...⟩. Из мужчин же этот говор удерживают немногие, в особенности из неслуживых и торговых казаков, свободных от строевой службы. ⟨...⟩ В настоящее время говор этот под влиянием народных школ и полкового обучения казаков до того сгладился, что недалеко то время, когда он совсем исчезнет» [Савельев 1908, с. 11, 13].

Русские старообрядцы в Турции долгое время жили изолированно от коренного населения. Вначале они жили в чисто русских поселках и лишь значительно позднее, в XX в. там появились турецкие школы, куда стали ходить и русские дети. Но все время проживания в Турции русские старообрядцы сохраняли знание церковно-славянского языка, на котором читались вывезенные их предками из России священные книги и велись церковные службы. Наставники вели занятия с детьми, обучая их чтению церковных книг. Как правило, учениками были мальчики, девочек обычно читать не учили. Даже и сейчас многие орегонские старообрядцы, которые могут читать и писать по-русски, знают только кириллицу; современную русскую скорописную азбуку они не знают и читать «гражданскую скоропись» не умеют.

Поскольку в церковно-славянском языке есть различие между свистящими и шипящими, то «турчане» усваивали согласные шипящего ряда при обучении славянской грамоте. Различение согласных двух рядов

и их этимологически правильное распределение в словах, подкрепляемое постоянной практикой чтения, переносится и на бытовую русскую речь. Такая картина наблюдается в произношении мужчин и у некоторых женщин.

Однако возможны и такие случаи, когда полученные при обучении славянской грамоте знания не подкреплялись дальнейшей практикой. И тогда в речи таких информантов наблюдается довольно сложная картина реализации свистящих и шипящих: наряду с различением согласных этих двух рядов есть и случаи их этимологически неверного употребления. Это наблюдается в речи некоторых женщин, которым удалось в детстве выучиться церковно-славянской грамоте, но в дальнейшем они не могли этот навык подкреплять постоянным чтением, как это было у Е. В. Постниковой, или они недолго учились читать по-славянски в более позднем возрасте, как В. В. Краскова.

4. Можно выделить три группы «турчан», различающихся по употреблению свистящих и шипящих согласных. У одних сохраняется древнейшая система с наличием только ряда свистящих и отсутствием ряда шипящих; при этом согласные свистящего ряда артикулируются, главным образом, в передненебной зоне. Среди наших информантов это А. П. Якиш и Н. М. Якиш. Ко второй группе можно отнести М. А. Авги, В. Е. Авги, Е. В. Постникову, В. В. Краскову, Т. Г. Бору, в языке которых уже сформировалось различие между свистящими и шипящими согласными, но часто они употребляют свистящие на месте исконных шипящих, в единичных случаях наоборот, часто и артикулируют свистящие в передненебной зоне. К третьей группе относятся те, у которых произношение свистящих и шипящих соответствует норме русского литературного языка, и употребляют они их обычно этимологически правильно. Надо, однако, сказать, что и у этих «турчан» мы отмечали единичные случаи этимологически неверного употребления свистящих и шипящих. К этой группе относится, в частности, Г. П. Кям, наставник одной из «турчанских» церквей, не только постоянно читающий церковные книги, но и в период переселения «турчан» в США и несколько лет после этого писавший дневник — своеобразную летопись жизни старообрядцев его конфессии.

5. Перед лингвистом, анализирующим письменный текст, часто возникает вопрос об отражении в этом тексте языковых особенностей его автора или переписчика, о степени соответствия текста и языка писав-

шего. Но обычно лингвисты рассматривают либо письменные тексты, либо устные, и редко возникает возможность сопоставить данные, относящиеся к письменной и устной речи одного и того же человека.

Особая картина в распределении свистящих и шипящих согласных наблюдается в письменной речи. В. В. Краскова, замечательная певица, записала больше 150-ти русских и несколько украинских песен. В этом песеннике старые и новые народные песни, частушки, городские романсы, песни советских композиторов. Эти песни В. В. Краскова слышала от женщин, с которыми она встречалась, а также из передач радио и телевидения. Некоторые из этих песен она сначала записывала на магнитофон, а потом переписывала к себе в тетрадь, другие же записывала по памяти. Записи эти чрезвычайно интересны для исследователя, они передают несовершенную орфографию В. В. Красковой, незнание, непонимание ею некоторых слов, ее диалектные особенности.

Отражение В. В. Красковой на письме свистящих и шипящих согласных часто не соответствует литературному произношению слов. Ошибки эти следующих типов.

«Свистящие» буквы на месте шипящих звуков литературного языка.

На месте литературного [ш]: *с — сапка*, *субеичку*, *сынок* (*в сынок идёть*), *из сынка*, *сол*, *присол*, *ни сагу*, *сут* (*Чтошь вы черьти приуныли / нука филка сут пляши*), *паслусалась*, *паслусуюсь*, *бросинкой* (*Милой брось милой брось на зави мне бросинкай*), *честуски*, *фураску*, *суртучиски* (сюртучишке), *манаскым* (монашкам), *спал* (*шлышут немца грозной спал* = слышат немцы грозный шквал, песня о русской катюше), *сто* (*мене мать уважала / сто я нинаглядная дочь*; *мой миленькой дивуется сто я маладая*; *стоже жись что за дила* (что за жизнь), *стобыть* (чтобы), *слялся* (*гдеш ты слялся да зари*), *преслося* (пришлось), *саслися* (сошлись), *снурок* (впрочем произношение *снур*, *снурок* наряду с *шнур*, *шнурок* было известно разным говорам и литературному языку [см. Даль 1903—1909/1994, т. 4; Фасмер 1964—1973, т. 3]), *сасём* (сошьем), *нас* (*упал нас таваришь*; *и гдеже нас тятинька родной*), *что паделас* (поделаешь), *кукись маслом* (кукиш с маслом), *жесь* (же ж: *жаль жесь мене маты / что я ни женатый*); *зс — березска* (*сакрутога березска*); *сш — насшли*, *с шатались* (шептались: *лишь камыши при брежныее / шеталисъ па тихонечку / С шатались наш нитрогая*), *весшкную* (вешнюю: *Я забыл ту пор весшкную / сколька лет пройдена*).

На месте литературного [ш’:]: *с — раз-прасяца*, *пласаницу*.

На месте литературного [ж]: *з — залуюца*, *зарчей*, *зыли* (жилы: *шенель стенула мои зыли / шенель здаровя отнела*), *зелезной* (с начальным твердым [з] слово *зелезо* и производные известны многим русским говорам), *пабизал*, *пазалуйста*, *роза* (*ты нибудишь красна роза / ездить на пиваца*), *нерезать* (не режет: *Ой легка легка моя каробачка / плеч нерезать ремешок*), *изрузях* (из ружей: *На силки не прастые / изрузях сложаны*; *-ей* воспринято В. В. Красковой как окончание, которое она заменила другим, свойственным говору «турчан» окончанием родительного падежа мн. числа существительных всех родов *-ох/-их/-ых*), *здёть*, *тривозныя*, *три возныя* (тревожные: *забуть три возныя мечты*), *измёт* (жмет; протетический [и] перед группой согласных — типичная диалектная черта «турчан»); *зж — сразженя*. На месте [ж], возникшего из [ш] в результате ассимиляции по звонкости: *с — скажис здраствуй*, *нас баец*.

На месте литературного [ч']: *ц — русацей*, *сирдецка*, *плацю* (плачу); *с — то нисижик то ни голоб* (не чижик, не голубь).

«Шипящие» буквы на месте свистящих согласных звуков литературного языка.

На месте литературного [с]: *ш — шолнышка* (солнышко), *шушить* (сушит), *зашушишь* (исправлено на *засушишь*), *шавиршена* (совершенно), *принцеша*, *на сенетарашкой* (на санитаровской: *А сенетар кему пад ходить / давай я рану спревяжу / на сенетарашкой повозки / я сам себя са провожу*), *чудешныя*, *грушневь* (грустных: *гармошка грушневь песинь мне нипой*; *-ев*, по-видимому, гиперизм), *шлышу*, *шлышь* (слышишь: *Эх али ты не види видешь / а ли ты не шлы не шлышь*), *шлышить*, *шлышут*, *нешлышут*, *шлишал*, *у шлышал*, *шлышела*, *у шлышь*, *зашлышев*, *шлышина*, *пашлушить*, *нешлушайся*, *наш нитрогая*, *нашь* (*пают саловушки распивают / Нашь с табою девычка праздравляют*), *не кружишь*, *пакажишь* (*Не кружишь моя буйна галава / пакажишь мая хатак рацвила / разгуляйтесь ноги па хмельной дароги / Эх развернись моя душа*).

На месте литературного [с']: *ж — бояложь*, *жижь* (жизнь: *наша жижь та прикрасна*; *жижь изпытать*; *тюремною жижь*); *щ — нищёт* (*несет*), *всё* исправлено на *щё*.

На месте литературного [з]: *ж — жаживём* (заживем), *жежнова* исправлено на *зежнова* (зазноба; *в* — буква латинского алфавита), *жезнобушка*, *зежнобуша*, *глажа*, *глажушки*, *берёженька* — 3 раза, *за берёженькой*, *кажачки*, *павожечка*, *на павожичку*, *приживал* (*Всё я малился а всё я крестился / всех святых я приживал*), *бежа всякога*, *стоже жись* (что за жизнь), *не*

ждержитъ (не сдержит), *ниважможно*, *сурёжная* (серьезная). На месте [з] и [с]: *ш — чтошъ грушнула* (что взгрустнула: *Ой рябина рябинушка / чтошъ грушнула ты*).

На месте литературного [з']: *ж — жижъ* (жизнь: *адатъ жижъ за ниё*), *броже* (брось же: *Мы уйдём от праклятой пагоны / броже броже ты дытка рыдать*; краткий согласный на месте долгого — типичная диалектная черта «турчан»; в слове *дытка* описка — *ы* вместо *е*).

На месте литературного [ц]: *ч — чалаваца* (целоваться), *чалуетъ*, *в челом свети*, *в черку* (в церковь).

Таким образом, если в устной речи В. В. Красковой (как и в речи ее сестры Е. В. Постниковой) часто встречается произношение свистящих согласных на месте исконных шипящих, а произношение шипящих на месте свистящих отмечено лишь в единичных случаях, то в ее письменной речи примеров с написанием «свистящих» букв на месте «шипящих» и «шипящих» букв на месте «свистящих» примерно одинаковое количество. Чем обусловлено это явное различие?

Чем прочнее усвоены человеком какие-либо умения, навыки, тем меньше усилий он тратит на пользование ими. Обучение речи людьми происходит в первые годы жизни, и потом речь становится почти автоматической. Известно, что в зрелые годы человек, как правило, уже не может усвоить все богатство нового для него языка. Обучение письму происходит обычно гораздо позднее, чем обучение устной речи. Поэтому письменная речь и не становится такой свободной, как устная.

Устная речь В. В. Красковой отражает усвоенную в раннем детстве систему, в которой свистящие согласные выступают на месте исконных свистящих и шипящих, и более поздний языковой опыт усвоения шипящих звуков. Произношение слов (морфем) со свистящими звуками на месте исконных свистящих не вызывает у В. В. Красковой никаких затруднений: эти слова (морфемы) прочно закреплены в ее языковом сознании именно в таком звуковом облике. Со свистящими согласными они произносятся и другими русскими людьми. Если же В. В. Краскова во время речи вспоминает, что в данном месте произносимого ею слова (морфемы) она слышала шипящий звук или видела «шипящую» букву, она воспроизводит этот звук или его подобие, а если не вспоминает — произносит свистящий звук. Этим и объясняется, почему на месте исконных свистящих звуков она произносит, как правило, свистящие, а на месте исконных шипящих — свистящие и шипящие.

Русское письмо В. В. Краскова усвоила уже в зрелом возрасте и училась ему недолго, поэтому и владеет она им весьма несовершенно. Она знает русскую азбуку, но при этом нередко путает буквы, имеющие в кириллице и латинице одно и то же начертание, но разные значения: вместо русских букв *б*, *г*, *м*, *н*, *п*, *у* пишет английские *b*, *g*, *m*, *n*, *p*, *u*. Знает она и основные правила графики, хотя и здесь допускает ошибки: может, например, написать после *ч*, *щ* буквы *ю*, *я*, обозначить буквой *ь* мягкость согласного перед гласным. Но о русской орфографии у В. В. Красковой весьма поверхностное представление. У нее нет прочно закрепленного письменного образа русских слов (морфем). Основной принцип ее письма — фонетический: она передает на письме звуковой облик слова, тогда как основной принцип русской орфографии фонематический — передача фонемного состава слова.

Написание «свистящих» и «шипящих» букв в словах представляет для В. В. Красковой дополнительные трудности. Она не доверяет своему языковому опыту, зная о своих ошибках в произношении свистящих согласных звуков на месте шипящих. Поэтому, оказываясь перед выбором «свистящей» или «шипящей» буквы, В. В. Краскова часто выбирает «шипящую» наугад. Большое число ошибочных написаний «шипящих» букв вместо «свистящих» — результат гиперкоррекции. То, что такие гиперизмы часты в письменной речи и почти отсутствуют в устной, связано с тем, что В. В. Краскова в процессе устной речи почти не задумывается над своим произношением, а при письме в силу недостаточности опыта должна осознать написание многих букв в словах. Возможно, при этом имеет место и своеобразная графическая ассимиляция: в большинстве случаев неверного написания «шипящей» буквы вместо «свистящей» в этих же словах есть и другие «шипящие» буквы, употребляющиеся этимологически правильно.

6. В говорах Нижнего Дона, так называемых ни́зовых, носителями которых были некоторые ушедшие с Игнатом Некрасовым казаки, отмечается смешение, взаимная мена свистящих и шипящих согласных. Наблюдатели этих говоров приводят примеры произношения *с*, *з* на месте *ш*, *ж* и *ш*, *ж* на месте *с*, *з* [см. Соболевский 1897, с. 101—102; Калмыков 1898, с. 2, 11; Халанский 1904, с. 378—379; Левочкин 1914; Миртов 1926, с. 18—20; 1928, с. 4—5, 21—24, 31; Магин 1960, с. 107—115; Хмелевская 1970, с. 148—149]. Однако, по-видимому, ближе к истине наблюдение Е. П. Савельева, «природного казака», «бывшего долгое

время народным учителем», так характеризовавшего черкасский говор: «Фонетические особенности этого говора заключаются в следующем: шипящие звуки *ж*, *ч*, *ш* и *щ* в нем заменяются свистящими *з*, *ц*, *с* и *сц*: *Миса* — Миша, *Саса* — Саша, *Груса* — Груша (Аграфена), *Маса* — Маша, *Дуса* — Душа (Авдотья), *криса* — крыша, *уз* — уж, *невозмозно зить* — невозможно жить, *ми* поставили *угодницку свецецки* и помолились *Бозыцку*, *игрусецка*, *весц* — вещь, *зилезо* — железо и т.д. Но встречаются случаи и очень часто обратного произношения, как, например, *шорок* (сорок), *шкажу* — скажу, *пятнича* — пятница, *крыша* — крыса ⟨...⟩» [Савельев 1908, с. 11].

Можно предполагать, что и в этих говорах раньше могло быть неразличение свистящих и шипящих согласных, произношение таких звуков на их месте, которые производят впечатление средних между свистящими и шипящими. Звук средний между свистящим и шипящим трудно идентифицировать на слух, определить, к свистящему или шипящему он ближе. Сейчас у фонетистов есть возможность многократно прослушивать одни и те же отрезки магнитофонных записей, производить компьютерный анализ звуков. И даже при этом опытный фонетист-диалектолог часто затрудняется точно обозначить звук такого рода. Наблюдения над донскими говорами принадлежат нефонетистам, нередко и не лингвистам. Примеры они обычно записывали не в транскрипции, а использовали лишь буквы русского алфавита: звук, «средний» между [с] и [ш], [з] и [ж], они передавали буквами *с*, *ш* и *з*, *ж*. На выбор буквы в таких случаях влияет языковая система наблюдателя диалектной речи. Звук, отличный от своего [с], [з] большей «шипящностью», ассоциируется с [ш], [ж] и передается как *ш*, *ж*, а звук, отличный от своего [ш], [ж] большей «свистящностью», ассоциируется с [с], [з] и передается как *с*, *з*. Так получается, что одинаковые звуки могут передаваться по-разному.

Об этом, в частности, могут свидетельствовать такие примеры во фразах, когда рядом оказываются слова с заменой шипящего на свистящий и слова с заменой свистящего на шипящий, например: *У нас под крисой крыши завелись* [Савельев 1908, с. 11]; *Ил'люса из Ажова*, *харасо жарабатавали*, *раньси векшилей ни було*, *срезу назом крештики*, *княжо и прасение падавали*, *шовисть дорози*, *штарики насы* [Левочкин 1914, с. 3, 6—8].

В описаниях говоров Нижнего Дона указывается и на «смешение» аффрикат, иногда говорится о «цоканье», однако приводятся примеры почти исключительно на произношение *ц*, обычно мягкого, на месте *ч*. Таким образом, в действительности ни «смешения» аффрикат, ни «цока-

нья» в этих говорах нет: на месте *ч* может произноситься мягкий [ц’] (или [ц”]), а на месте *ц* произносится [ц] твердый.

Так, в наиболее богатом примерами изложении П. А. Левочкина приводится 48 примеров произношения *ц* на месте *ч*: *циво*, *клюцик*, *на пеци*, *с цем*, *доцерю*, *об цём*, *чай*, *типерица*, *патопцють*, *девацька*, *кафеецьку*, *доць* и др., а на месте *ц* только примеры с *ц* без специального указания на мягкость звука или с указанием на его твердость: *агурцы* и один пример произношения *ч*: *чепи* [Левочкин 1914]. При этом *ч* в лове *чепь* нередко отмечается в самых разных русских говорах [ср. Даль 1903—1909/1994, т. 4].

Все это говорит о вероятном преувеличении в описаниях говоров Нижнего Дона взаимной мены свистящих и шипящих звуков и о произношении там на их месте одних и тех же звуков, производящих акустическое впечатление средних между свистящими и шипящими.

7. О происхождении «смешения» свистящих и шипящих согласных с говорах Нижнего Дона высказывались различные предположения. М. Калмыков считал, что оно возникло «под влиянием инородческого, кажется греческого жаргона» от «греков-торговцев в Черкасске» [Калмыков 1898, с. 2—3]. В. Ф. Соловьев писал: «В черкасском ⟨...⟩ говоре ⟨...⟩ можно предположить влияние, хотя отчасти, греческое, так как с греками городские жители прежде имели более частое сношение, чем теперь, и по делам и через поездки преимущественно богатых женщин в г. Мариуполь ⟨...⟩ для поклонения иконе Божией Матери, находящейся в тамошнем соборе. Некоторые из казачек-помещиц и замуж выходили там за греков» [Соловьев 1900, с. 8]. Эту мысль поддержал и В. В. Богачев [Богачев 1919, с. 262]. А. М. Селищев предположил, что «если изменение в рядах шипящих и свистящих произошло в Подонье, то оно находилось в связи с воздействием тамошнего греческого населения и языка его» [Селищев 1968, с. 600].

Однако А. В. Миртов показал неправдоподобность этого предположения: «Вопрос о греческом влиянии, как говорится, надо просто снять. Массового соприкосновения казаков с греками за время с XV века (т.е. с начала казачества на Дону) не было вовсе» [Миртов 1928, с. 25]. Кроме того, в греческих диалектах северо-восточного побережья Черного моря, в том числе и Крыма, свистящие и шипящие согласные различаются [см. Журавлева 1982, с. 14, 15, 17, 21].

С. Ф. Номикосов предположил, что произношение свистящих на месте шипящих в говоре Новочеркасска «есть наследие татар» [Номикосов

1884, с. 281]. Эту точку зрения развил А. В. Миртов, для которого главным в мене свистящих и шипящих было произношение шипящих на месте свистящих. Этой особенностью русские говоры Нижнего Дона близки, по его мнению, с диалектом донских татар, «называющих себя нагайцами. ⟨...⟩ Обилие шипящих в языке этих татар гораздо шире и последовательнее, чем у старочеркассцев, и если допустить заимствование, то, конечно, заимствовали некоторые черты ⟨...⟩ именно русские (казаки) от татар, а не наоборот» [Миртов 1928, с. 24, 27—37]. Под «обилием шипящих» в диалекте донских татар А. В. Миртов понимает «полную замену *ч* звуком *ш* (твердым)» и случаи произношения *ж* на месте *j* в некоторых татарских словах [Миртов 1928, с. 24, 32—33].

Однако основным в мене свистящих и шипящих является произношение свистящих на месте шипящих, а не наоборот. Что же касается произношения шипящих на месте свистящих, то [ш] на месте *ч* в диалекте донских татар не могло вызвать произношение этого же звука и на месте *с* в русских говорах. Не объясняет эта гипотеза и причины произношения в этих говорах [ж] на месте *з*.

Кроме того татары были незначительной частью населения Нижнего Дона по сравнению с русскими. «Главное ядро казачества составляли беглые из Московского государства: это были по преимуществу великоруссы. К ним присоединились и выходцы из Малороссии. ⟨...⟩ Состав казаков пополнялся татарами и греками, приходившими с Азова и оставшимися на Дону», но их было сравнительно мало [Дружинин 1889, с. 2, 4]. Что же касается ногайцев, то даже в конце XVII в. они оставались исконными врагами казаков и между ними и казаками велись «бесконечные войны» [с. 2, 34].

По данным переписи 1873 г., в Черкасском округе Области войска Донского (в него входил г. Новочеркасск и поселения Нижнего Дона) было всего жителей 147.090, из них православного вероисповедания 139.324, то есть 94,7%, старообрядцев 5.472, то есть 3,7% а магометанского вероисповедания 180, то есть 0,1% [Область войска Донского 1879, с. 20—21]. Правда, часть татар были выкрестами, переходили в православие, но их также сравнительно с русскими православными было очень мало. По данным С. Ф. Номикосова, «на 1-е января 1882 года общее число жителей области простиралось до 1.424.779 душ обоего пола, в числе коих русских было 1.388.951 д., ⟨...⟩ татар, турок и персиян 158 ⟨...⟩. До 1861-го года татар в области было гораздо больше; но в этом

году они выселились в Турцию в числе 480 человек обоего пола» [Номикосов 1884, с. 280]. Таким образом, русских было 97,5 % населения, а татар, турок и персиян, включая и тех, кто выехал в Турцию, 0,04 %. По данным Центрального статистического комитета за 1915 г., приводимым В. В. Богачевым, в области Войска Донского всего населения было 4.013.400 человек. Из них русских около 3.810.000 человек, т. е. 95,2 %, татар и турок около 4.000, то есть 0,1 % [Богачев 1919, с. 350—351]. По данным переписи 1959 г., приведенным С. П. Габом, в Ростовской области в это время проживало 3.023.000 русских (91 %) и 3.857 татар (0,1 %) [Габ 1965, с. 6]. Не занимали татары никогда и ведущего положения в жизни населения Нижнего Дона.

Кроме того, мена свистящих и шипящих согласных известна и таким русским говорам, где никаких контактов с татарами никогда не было. Все это говорит против предположения о заимствовании этого явления русским населением Нижнего Дона из языка татар.

В. А. Магин, рассмотрев «главные явления в области фонетики и морфологии черкасского говора по материалам местных письменных памятников и современным показаниям», пришел к выводу, что они «свидетельствуют прежде всего о преобладании в нем диалектных особенностей южновеликорусского типа, выступавших в роли определяющих в течение всего периода его исторического складывания и дальнейшего развития. ⟨...⟩ К южновеликорусским по происхождению следует отнести и явления взаимной мены шипящих—свистящих». Она «отмечается, в частности, в пределах западной половины Орловской области ⟨...⟩. Можно полагать, что именно отсюда лежал путь указанных явлений на Нижний Дон, где они прочно закрепились в черкасском говоре» [Магин 1960, с. 225, 228].

Так, в западной половине Орловской области мену свистящих и шипящих согласных отмечал С. И. Котков по опубликованным данным других исследователей и по «наблюдениям последних лет» [Котков 1952б, с. 51—52]. М. Г. Халанский в Курской губернии отметил «шепелеватые» говоры, которые наряду с другими особенностями характеризуются отдельными примерами взаимной мены *с*—*ш*, *з*—*ж*, а также произношения *ц* на месте *ч*. «Представители этого разноречия рассеяны по разным уездам Курской губернии, живут островами среди массы великорусского населения, ⟨...⟩ они называются *Саяна́ми*». М. Г. Халанский отмечает также замену *с* посредством *ш* и *з* посредством *ж*, «редко обратно» в говоре женщин некоторых подгородных слобод г. Курска и Белгорода

[Халанский 1904, с. 35—48; см. также: Селищев 1968, с. 334—336, 598—599]. В одном курском говоре отметила это явление А. М. Кузнецова [Кузнецова 1977а, с. 99—100].

8. В языке орегонских «турчан»-«дунаков» встречаются многие черты, характерные для современной русской юго-западной диалектной зоны.

В области фонетики:

1) протетический *и* перед группой согласных: *ишл'и́, иc̣ла́, из'д'е́лът', из'д'е́лънъи̯, ирва́л, ис табо́u̯*;

2) предударный начальный [и] на месте *о* в словах *ип'а́т', идна́*;

3) [w] и [ў] перед согласным, [в] перед глухим на месте *в* в середине слова, эти же звуки в конце слова: *х'о́дъръwна, саwс'е́м, о́ўцы, зало́ўка, д'е́ўка, в'ис''н'о́ўку, в'ир'о́вки, вы́п'ивка, б'изрука́вкъ, д'ивц'о́нк'и, γадо́ў, м'иртв'ицо́ў, п'итро́ў, з̣ᶻарко́ў, л'убо́в*;

4) [у] и [w] перед согласным, [в] перед глухим согласным на месте *в* в начале слова и на месте предлога *в*, а также [ў] в этой позиции после конечного гласного предшествующего слова: *узрас'т'и́т', уну́к'и, удвајо́м, уз'а́т', уку́снъи̯, ум'е́с'т'и, wс'е, вс'о, вс'ем*; *у ба́нък* (в банк), *у в'идро́, у шко́лу, у кана́ду, у то́рбу, у γо́с'т'и, у в'ил'и́къму пас̣ту́, у је́т'им у к'ита́и, у маскв'е́, в с̣ко́лу*; *зъ ўну́към, уч'и́л'и'са ў с̣ᵘко́л'и, бо́л'шъ ў к'ита́и, мо́з̣ъ ўм'е́с'т'и, кады́-та ў ту́рцыи, ја ў л'ита́х*;

5) [у͡w], [у͡φ] на месте предлога *в*: *у͡w а́з'иu̯у, ја у͡w ба́н'и была́*; *у͡φ ту́рцу*;

6) *в* на месте *у* в начале слова: *а в на́с*;

7) протетический [в], [w] перед исконными *о*, *у*: *во́кна, п'ир'ид вако́с̣ᵘкъм, на во́рбу* (на арбу), *wо́трък'и, ву́тръм, ву́тк'и, wу́ткъх, ни wуц̇'и́л'и*;

8) [к'] на месте *к* твердого после мягких согласных, кроме звуков, выступающих на месте *ч*, после которых произносится [к]: *то́л'к'ъ, каро́т'ин'к'ää, ма́л'ин'к'ъ, ма́л'ин'к'иu̯у, мал'е́н'к'ъ, ма́л'ин'к'иä до́ч'къ, ма́л'ин'к'иu̯а γо́рстъц'ка*;

9) твердые губные согласные на месте мягких на конце слова: *сып туды́, с'т'еп, γо́лып, с'ем д'ит'е́u̯, во́с'им, л'убо́в, л'убо́w была́*;

10) долгие или краткие мягкие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с *j*: *тат'а́на, сват'а́м, с'ем'а́* (семья), *ага́ф'ину ха́ту, пъна̣л'о́м* (пональем), *сл'ос̣* (сольеш), *бръз'ил'а́нъм'и, п'от'* (пьет), *с̣:ут'* (шьют), *с̣ас̣':о́с̣* (сошьешь), *ш'ом, ноц̣'у* (ночью).

В области морфологии:

11) окончание *-ы* в формах дат. и предл. падежей ед. числа существительных I склонения с основой на твердый согласный: *вс'ем па ко́мнъты бы́лъ, зau̯д'и́т'и маје́u̯ кумы́, дau̯ ба́бы, пр'и кът'ир'и́ны цар'и́цы, на сва́д'бы*;

12) ударение на окончании вин. падежа ед. числа существительных I склонения с подвижным ударением в других говорах: *сп'ину́, наγу́, ваду́, стърану́*;

13) ударное окончание *-ы* в форме предл. падежа ед. числа у существительных муж. рода с основой на *ц*: *у т'ем канцы́*;

14) форма им. падежа мн. числа существительного *γла́зы*;

15) [э] на месте *о* под ударением перед ⟨j⟩ в окончаниях прилагательных и местоимений: *нъ ṣтрạṣнэ́u̯ н'иде́л'и, у зло́б'и бал'ṣэ́u̯, с тэ́u̯ з'имл'е́, на тэ́u̯ у́л'ицы, к аднэ́u̯, нъ аднэ́u̯*;

16) указательные местоимения *той, та́я, то́е, те́е*;

17) ударение на первом гласном окончания в формах местоимений *н'ико́γъ, н'ико́му, н'ич'о́γъ, н'ич'о́му*;

18) отсутствие чередования согласных в конце основы в форме 1 л. ед. ч. глаголов 2 спряжения: *ск'ип'ат'у́, схват'у́с'а, пръпус'т'у́, н'и пус'т'у́, прас'т'у́с'а, н'и хо́д'у, про́с'у, стънав'у́, н'и л'уб'у́*.

В области синтаксиса:

19) предлог *с* вместо *из*: *с рас'и́и, с тур'е́ц'ины, с к'ита́u̯ъ, с ка́рсу, зат'иру́шуч'ку д'е́лъи̯ут' с' е́тъвъ | с мук'е́*;

20) конструкция с предлогом *по* и предл. падежом существительного во мн. числе: *хад'и́л'и пъ бал'н'и́цъх, пас'о́лки пъ краја́х у на́з был'и, пъ γърада́х н'и је́з'д'ил'и, па ѡо́зър'ъх* (по озерам) *у на́с мужык'и́ рабо́тъл'и, ан'и́ је́з'д'ил'и е́тъ па о́з'иръх, апр'ид'ил'и́л'и пъ рабо́тъх* [см. ДАРЯ, вып. 1, карты 15, 33, 34, 46, 54, 56, 57, 59, 60, 66, 70; вып. 2, карты 25, 42, 69—71, 73, 74, 97; Захарова, Орлова 1970, с. 100; Кузьмина 1993, с. 9, 56—58, 82—89].

М. Э. Биггинс, отметивший в языке орегонских «турчан» диалектные черты, свойственные южнорусскому наречию и юго-западной диалектной зоне, пишет, что и диалектная лексика указывает на их происхождение «из юго-западного региона, а точнее, из курской области» [Биггинс 1987, с. 189, см. также с. 191—222].

Эти языковые особенности орегонских «турчан»-«дунаков» подтверждают предположение о том, что их предки были выходцами из юго-западного русского региона.

9. О происхождении совпадения шипящих со свистящими в говоре «дунаков» возможны, по крайней мере, два предположения: 1) эту черту

«дунаки» унаследовали от донских говоров, носителями которых были некрасовцы, 2) ее занесли в Добруджу выходцы из России. Ни в турецких, ни в румынских, ни в молдавских диалектах этой черты нет. Не отмечена она и у липован [см. Врабие 1963; Думитреску 1963, с. 223; Биггинс 1987, с. 255] (Возможно, косвенным свидетельством о ней может служить наличие в русском говоре села Липовань слова *короткоязыкий* в значении 'шепелявый' [см. Врабие 1963, с. 211]).

Второе предположение могло бы получить подтверждение в следующем. Как указывалось выше, русское старообрядческое население Добруджи пополнялось и за счет выходцев из Стародубья — местности вокруг города Стародуба на севере Черниговской губернии (ныне в Западной Брянщине), где «с 1699 г. возникло несколько поселений старообрядцев, бежавших от гонений господствующей церкви» [Вургафт, Ушаков 1996, с. 271]. В Стародубском уезде Черниговской губ. А. Д. Нечаев в 1912 г. записал песни, разговоры, рассказы, сказки, в которых встречаются примеры со свистящими на месте шипящих: *залицаўся* [Нечаев 1914, с. 26] (белорусск. лит. *залічацца*), *лятели гусятъ͡ицки* [с. 74, 75], *музыкаў* (мужиков) [с. 102]; с шипящими на месте свистящих: *Што ни ў сади ня дуб, ни бярёза, / А ў гароди чырвоная рожа. / Под рожаю девачка сядела. / З рожаю гаварила: / «Винаград — моя рожа, / Ўсяму роду пригожа»*; *рожа* — полевая роза [с. 17, 120]; *гашпада* [с. 95], *шватачак* (сваточек) [с. 102], *шаблей* [с. 117], *штопка* — кружка (очевидно, из *стопка* — *Л. К.*) [с. 121]. Кроме того записаны примеры со свистящими на месте шипящего перед свистящим и *т, д*: *мис тых крутых гор, миз двух дубоў, па мис тых дубочкаў, па мис тых грабочкаў, ре$\frac{с}{з}$ьтя* (режьте), *езьтя* (ешьте), *к избусцы, к матусцы* [с. 35, 47, 57, 61, 77, 112, 118, 121].

Произношение свистящих на месте шипящих перед свистящими согласными и мягкими [т'], [д'] в середине слова и на стыке слов в говорах Западной Брянщины описал А. Б. Пеньковский, который предположил, что это явление было вызвано ассимиляцией шипящих следующим свистящим (на месте [т'], [д'] раньше произносились свистящие аффрикаты). А. Б. Пеньковский приводит также редкие примеры произношения свистящих на месте шипящих и перед [т], [д], [н, н']: *хат'ис тол'к'и, ид'ес туды, роз туйу, пар'из тот, ты з н'а д'ельй, ты з над'ивайс'*, но считает, что «если раньше ассимиляция могла происходить и происходила перед свистящими и только перед свистящими, то с утратой дзеканья она стала возможной вообще перед зубными» [Пеньковский 1959, с. 145]. Мож-

но, однако, предположить, что некоторым говорам Западной Брянщины ранее было свойственно отсутствие согласных шипящего ряда, а обнаруженные А. Б. Пеньковским примеры произношения свистящих на месте шипящих — последние остатки этой системы, сохранившиеся, главным образом, в позиции перед свистящими согласными.

Однако у орегонских «турчан» нет типичных для говоров Западной Брянщины белорусских языковых черт, поэтому вряд ли неразличение свистящих и шипящих согласных было заимствовано старообрядцами Добруджи от выходцев из Стародубья.

Переселение беглых крестьян в Добруджу происходило и из других южнорусских губерний, так, в 1847 г. «из Курской губ. бежало до 1500 чел.» [Лупулеску 1889, с. 133].

«Случаи произношения твердых *с* и/или *з* с шипящим призвуком» отмечены в ДАРЯ, как указано в комментарии в карте 64 выпуска 1, в 99 нас. пп. Это, главным образом, территории Атласа русских говоров северо-западных областей СССР и Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы. На территории южного наречия почти все такие говоры отмечены в юго-западной диалектной зоне: 3 нас. пп. в Смоленской обл., 3 в Калужской, 6 в Брянской, 1 в Белгородской и 1 в Тамбовской [ср. ДАРЯ, вып. 3, Приложение III. Перечень обследованных нас. пп.]. Все это, по-видимому, остатки или следы более широко распространенного здесь прежде произношения альвеолярных свистящих и, возможно, неразличения свистящих и шипящих.

Таким образом, есть основания считать, что эта черта в языке орегонских «турчан»-«дунаков» представляет собой наследие говора некрасовцев, то есть говоров Нижнего Дона, которым свойственны многие черты юго-западной диалектной зоны. Об этом свидетельствуют и другие черты, общие донским говорам и говору «дунаков», в том числе и такая характерная для этих говоров, а также и для говора «кубанцев» черта, как окончание род. падежа мн. числа существительных всех трех родов *-ох* с ударным гласным [о] и безударными [ъ, ы] после твердых согласных и [и] после мягких согласных: *къзако́х*, *у быко́х*, *куба́нцъх*, *ту́ркъх*, *с кало́дицъх*, *у ба́бъх*, *бо́ръдъх*, *шу́ткъх*, *ат па́лкъх*, *т'ил'ив'и́зърых*, *духабо́рых*, *муҫ':у́ ных*, *во́дых*, *ца́рствых*, *у мълака́н'их*, *хр'ис'т'ија́н'их*, *кон'их* и др. Черта эта, безусловно, унаследована «дунаками» от выходцев с Дона, так как в таком виде она неизвестна говорам юго-западной диалектной зоны [см. Миртов 1929; Удовкина 1963, с. 374—375; ДАРЯ, вып. 2, карта 39]. Од-

нако не исключено также, что неразличение свистящих и шипящих согласных, имевшееся в языке некоторых некрасовцев, было поддержано и наличием этой черты в говоре некоторых более поздних переселенцев в Добруджу из других юго-западных губерний России.

10. По мнению М. Г. Халанского, мена свистящих и шипящих согласных была занесена в курские говоры псковичами, выселенными «из своих родных палестин московским правительством в период усмирения этих мятежных вечевников, не желавших подчиниться московскому режиму (то есть в 1560—1570-е гг.—*Л. К.*), ⟨...⟩ в южные окраины Московского государства, сначала в тульско-калужско-орловские пределы, пограничные с Литвой, а потом ⟨...⟩ южнее» [Халанский 1904, с. 47; Соловьев 1989, кн. III, с. 540—543; кн. IV, с. 39].

Д. К. Зеленин считал, что в Курской губернии источниками «шепелявых говоров» могли быть «малоруссы, волжские казаки, стрельцы и польские полоняники», однако диалектные черты «говорят о белорусском — или по крайней мере полесском — происхождении саянских говоров, ⟨...⟩ среди саянов преобладают выходцы из-за Литовского рубежа» [Зеленин 1913, с. 142—145]. Сходную точку зрения на возникновение смешения свистящих и шипящих в орловских говорах высказал В. А. Магин: «Источник появления этих черт ⟨...⟩ ляшский, но проникновение их в западную группировку орловских говоров обязано, по-видимому, ⟨...⟩ посредству пограничных белорусских говоров» [Магин 1960, с. 225, 228—229].

А. М. Селищев полагал, «что изменение в рядах шипящих и свистящих согласных, представляемое говорами курских саянов и мещанами курских пригородов, идет исстари: оно было (в том или ином виде) в речи их предков, выходцев из какого-нибудь приокского края. Таково же происхождение и шоканья немногих сел Ливенского у. Орловской губ. [Селищев 1968, с. 600].

А. М. Кузнецова писала: «Следы былой тенденции к замене щелевых согласных шипящего ряда согласными свистящего ряда обнаруживаются в современных диалектах, генетически восходящих к древнепсковским, а также к древненовгородским говорам» [Кузнецова 1977а, с. 98—99]. Действительно, замена шипящих согласных свистящими, как и замена свистящих согласных шипящими и произношение звуков средних между теми и другими, встречается в некоторых современных псковских говорах, отмечается эта замена и в древнейших псковских памятниках

XIV—XV вв. [см. Глускина 1962, с. 33—34; Каринский 1908, с. 29 сл.; Шахматов 1915а, с. 327—328; Кандаурова 1957, с. 256—260, 280].

11. Произношение разнообразных звуков на месте исконных свистящих и шипящих может объясняться разными причинами. Так, произношение «шепелявых» или шипящих согласных на месте мягких ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ встречается гораздо шире произношения подобных согласных на месте твердых ⟨с⟩, ⟨з⟩ [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 64]. Произношение звуков [с''], [з''] на месте ⟨с'⟩, ⟨з'⟩, производящих впечатление шепелявых, может быть связано с исконной палатальностью этих звуков, а их изменение в [ш''], [ж''] и [ш'], [ж'] может объясняться расширением «области рассеивания» этих фонем после отвердения шипящих (см. выше, с. 323—326). Произношение твердых альвеолярных свистящих, производящих акустическое впечатление звуков, склонных к шипящим, может объясняться особенностями артикуляционной базы — образованием альвеолярных согласных в соответствии со всеми зубными литературного языка, явлением, отмеченным во многих говорах, главным образом севернорусских [см. Кузнецова 1977а, с. 64—67, 95—97].

Произношение твердых шипящих на месте свистящих может быть следствием гиперкоррекции, вызванной переходом от системы с неразличением свистящих и шипящих согласных к системе с их различением (ср. выше, с. 349). Этим может объясняться гораздо меньшее количество примеров с шипящими на месте свистящих по сравнению с примерами со свистящими на месте шипящих, отмеченными в севернорусских говорах, где чаще всего встречаются эти явления. Так, на территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы», где обследовано 1458 нас. пп., приведено в 127 нас. пп. 438 примеров произношения свистящих согласных или «средних» между свистящими и шипящими на месте шипящих (не считая отведенных от картографирования примеров *рогоза*, *порозный*, *зелезо*, *зостко*, *сошток*, *салаш*, *сашки* и некоторых других) и в 43 нас. пп. 144 примера произношения шипящих согласных или «средних» между шипящими и свистящими на месте исконно твердых свистящих согласных [см. Атлас С, комментарии к картам 95 «[ш] и [ж] и их соответствия» и 96 «[с'], [з'] и их соответствия», автор Е. Г. Бурова].

12. Неразличение всех свистящих и шипящих согласных — более последовательное проведение того же принципа, который проявился в

цоканье — неразличении свистящей и шипящей аффрикаты. Однако если цоканье известно многим современным русским говорам, главным образом севернорусским, то последовательное неразличение щелевых свистящих и шипящих согласных русским говорам Европейской части России неизвестно. Произношение орегонских «турчан» — единственный пример сохранения системы с отсутствием ряда шипящих согласных в современных русских говорах европейского происхождения. Встречается такая система в русских говорах Сибири, но там она появилась «при обстоятельствах, обусловленных иноязычной сибирской средою» [Селищев 1968, с. 254—257, 338, 597; см. также Зеленин 1954, с. 74].

У орегонских «турчан», как и в говорах Нижнего Дона, цоканья нет, на месте исконного *ч* может произноситься [ц'], а на месте *ц* произносится [ц]. Правда, можно предполагать, что это различение аффрикат возникло на месте прежнего их неразличения под влиянием литературного языка и/или соседних говоров, знающих это различение.

Так, известны русские говоры, прежде цокавшие, а ныне различающие аффрикаты ⟨ц'⟩ и ⟨ц⟩. В таких говорах на месте ⟨ц⟩ обычно произносится [ц], а на месте ⟨ц'⟩, восходящей к *ч'*, произносится [ц'] или [ц'', ц'$^{ч'}$, ч'$^{ц'}$] [см. Орлова 1959, с. 51—53, 59, 73—76, 83—90, 95—97; ДАРЯ, вып. 1, карты 45—47]. В. Г. Орлова отмечала такую систему аффрикат в говорах, соседствующих с говорами с твердым цоканьем, на территории северо-запада и запада Европейской части России и к востоку от Москвы и считала, что такое различение аффрикат возникло в результате «усвоения мягкого *ч'* через произнесение звуков типа *ц'*, *ц''*, *ц'$^{ч'}$*, *ч'$^{ц'}$* ⟨...⟩ под непосредственным воздействием нормализованного типа языка», такой путь «может быть признан характерным и типичным лишь для говоров, долго сохранявших твердое цоканье» [Орлова 1959, с. 76, 84, 95]. Обнаружение при дальнейшем сборе материалов для ДАРЯ такой системы различения аффрикат и в некоторых говорах северо-востока, где они находятся в окружении или в соседстве с говорами, знающими мягкое цоканье, свидетельствует и о другом возможном пути возникновения этой системы. Она здесь возникала из системы мягкого (в том числе и «шепелявого») цоканья при заимствовании твердого [ц] на месте этимологического *ц* под воздействием литературного языка.

Если в диалекте предков «турчан» раньше было мягкое цоканье, то оно вполне могло трансформироваться в систему различения ⟨ц'⟩ и ⟨ц⟩. Если основываться только на этом, то происхождение неразличения

свистящих и шипящих согласных в диалекте предков «турчан» можно было бы относить к глубокой древности: цоканье было свойственно новгородскому диалекту еще в дописьменную эпоху [см. Зализняк 1995, с. 34]. Однако совпадение и щелевых шипящих с щелевыми свистящими в эту эпоху должно было бы привести к тому, что на месте шипящих стали бы произносить мягкие свистящие: все шипящие в древности были мягкие. В говоре «турчан» этого нет, на месте кратких щелевых шипящих могут произноситься только твердые свистящие (кроме позиций, в которых мягкость свистящего рядом с другим мягким согласным вызывается ассимиляцией этому согласному или представляет собой сохранение древней мягкости). Такие же звуки отмечены в говорах Нижнего Дона. Из этого следует, что совпадение щелевых шипящих со свистящими произошло в говоре предков «турчан» после отвердения шипящих, то есть гораздо позднее, чем возникло в русских говорах цоканье.

Известно, что «древнейшие бесспорные указания» на отвердение *ш*, *ж* «имеются в памятниках XIV в., относящихся к различным территориям». Показательны лишь написания буквы *ы* после *ш*, *ж*, так как другие буквы не указывают на твердость или мягкость шипящих [Борковский, Кузнецов 1965, с. 160—161]. Однако до сих пор в русских говорах известно произношение мягких щелевых шипящих, причем перед гласными [и, е] мягкие [ш', ж'] встречаются чаще, чем в других позициях, что свидетельствует о том, что отвердение шипящих раньше происходило перед гласными непереднего ряда и позднее перед [и, е]. Встречается произношение мягких шипящих в современных говорах и на территории бывшей Псковской земли [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 63].

Возникновение в русских говорах цоканья и «смешения» свистящих и шипящих согласных, то есть произношения свистящих на месте шипящих и шипящих на месте свистящих, обычно связывают с воздействием языка (или языков) с фонетической системой, включающей только свистящие согласные,— финских и балтийских [см. Врачу 1963, с. 70—78; Кузнецова 1977а, с. 100]. При дальнейшем рассмотрении этой проблемы следует выяснить, почему это воздействие привело в первую очередь к совпадению аффрикат, цоканью, которое и сейчас известно большому числу русских говоров, тогда как совпадение щелевых шипящих со свистящими было, по-видимому, гораздо более редким явлением, о чем свидетельствуют и памятники письменности и современные русские говоры (в частности, Н. М. Каринский указывал, что в псков-

ской Палее 1494 г. «мена шипящих и свистящих встречается далеко не так часто, как мена *ц* и *ч*» [Каринский 1909, с. 30]).

Очевидно, прав был Р. И. Аванесов, считавший, что ответ на такой вопрос «может дать функциональное изучение, учет того места, которое занимают *ч* и *ц* в фонетической системе славянских диалектов давнего времени, и ее дальнейшей эволюции. Как известно, эти аффрикаты были в них комбинаторными вариантами фонемы *к*, образовавшимися из *к* в разные эпохи и в разных условиях. Благодаря такому происхождению *ч* и *ц* не были в достаточной мере противопоставлены друг другу и не употреблялись в тождественных фонетико-морфологических условиях ⟨...⟩. Различение *ч* и *ц* было лишено, таким образом, семасиологической нагрузки. ⟨...⟩ Поэтому социальная ценность их различения была незначительна» [Аванесов 1949а, с. 226—227]. В отличие от аффрикат щелевые свистящие и щипящие были гораздо сильнее противопоставлены друг другу в системе фонем, имели гораздо бóльшую функциональную нагрузку[80].

[80] В основе раздела публикации [Касаткина, Касаткин 1998; Касаткин 1998] и статья: Л. Л. Касаткин. Происхождение неразличения и мены свистящих и шипящих согласных в говоре русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон. Написана для сборника, посвященного 70-летию А. Б. Пеньковского.

Глава 5

ВОКАЛИЗМ

Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости/мягкости

В главе 2 был рассмотрен говор Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области. Анализ согласных этого говора показал отсутствие в нем их противопоставления по твердости/мягкости. Для диалектолога и историка русского языка представляет интерес и характер гласных этого говора. Рассмотрение качества ударных гласных позволяет сделать некоторые выводы о фонологической системе кожуховского говора и об истории некоторых явлений в области гласных.

1. Как известно, во многих севернорусских говорах гласный [ы] более задний, чем в литературном языке и южнорусских говорах. Иногда отмечают и напряженность этого звука. Такой же напряженный, отодвинутый назад [ы̠] произносится и в с. Кожухове: *столы̠*, *ны̠нч'е*, *гр'ибы̠*, *ры̠бник*, *ны̠н'е*, *ч'еты̠ре*, *воды̠*, *в^{в}ы̠шэ*, *ты̠сеч'$^{ц'}$у*, *худы̠^{й}е*, *в^{в}ы̠йду*.

Звуки, произносящиеся на месте *и* после отвердевших шипящих, обычно не отличаются от звуков на месте исконного *ы*: это напряженный, отодвинутый назад [ы̠]: *фшы̠*, *розр'ешы̠л'и*, *шы̠ч'ен'г'а*, *болшы̠м*, *замшы̠ц'$^{ч'}$е^{о}*, *пр'иташчы̠ла*. В редких случаях отмечается более передний звук: *фс'у жи̠з дак*, *уйе́жжына*.

После других согласных обычно произносится отодвинутый назад [и̠]. Перед ним обычны полумягкие или твердые согласные: *отпуст'и̠ла*, *зак'и̠ дывайут*, *друг'и̠м*, *нос'и̠д дак*, *сахар'и̠н*, *п'и̠во*, *з'и̠му*, *сн'и̠зу*, *мук'и̠*, *в вод'и̠*, *хо-*

ўсти́нка, *погӥп*, *шести́*, *колосни́к·и́*, *гости́л'и*, *наноси́л'и*. Такой же [и̯] произносится и в начале слова после паузы и после гласного предшествующего слова: *из бӯло́т*, *и̯маны́йе*; *на и̯халы́ц^ъэ*, *да и̯шчо́*, *т·^ъе͡а́т·а^ъ и̯ ма́ма*, *не и̯ х·ные*. Гораздо реже произносится [ы]: *оды́н*, *заwоды́лас*, *красы́w'ё*, *надары́ л'и*, *wозы́л'и*, *ходы́л'и*, *молоты́л'и*.

Так же редко отмечается передний [и], перед которым произносятся мягкие согласные: *сн·ел'и́з да*, *л'уб'и́ў*, *п'ит*, *друг'и́йе*, *с роб'ет'и́шкам*, *кр'и́нок*, *п·ирог'и́ дак*, *п·ек'и́*, *ф п·еч'^ъ'и́*, *w^ъел'и́к'и*, *уб'и́л'и*.

На месте *ѣ* чаще всего произносятся те же звуки, что и на месте *и*: перед твердым согласным: *ни̯т*, *ри̯ку*, *соўси̯м*, *ду̯lal^л'и*, *li̯том*, *гleд·и̯la*, *сн·и̯гу*, *загор·и̯la*, *загор·и̯ў*, *м'и́ста*, *л'и́тъ*, *йим*, *при̯и́хат*; перед нетвердым согласным: *пол̯ин·н·и̯ц·и̯*, *жалли̯л'и*, *м·и̯с·еч·*, *это и̯з·д'æд дак*, *в'и́т'ер*, *м'и́с'ец'*, *зал'и́ з'ет*, *пойи́д·еш*, *Сэрг·и̯^ъа*, *посы̯й*, *посы́йож дак*; на конце слова: *фси̯*, *на wоди̯*, *вези̯д*, *мн·и̯*, *дw·и̯*, *т·и̯ го́ды*.

В некоторых случаях на месте *ѣ* перед этимологическими твердыми согласными отмечен звук верхне-среднего подъема. Этот звук передается знаком *ц̣*, если он ближе к верхнему подъему, и *ę̣*, если он ближе к среднему подъему: *отw'ц̣́ту*, *н·ев'ц̣́ска*, *здц̣́шноо дц̣́душка*, *нц̣́т*, *зар'ę́zala*, *д·ę́душко*, *р'ę́пу*, *м'ę́стъ*.

Очень редки случаи с гласными среднего подъема, отмеченные перед твердым, полумягким и мягким согласным: *т'ёста*, *см'ёр'ееж да*, *сэ́в·ер*, *сэ́ в·еру*, *на сэ́w'^ъер'е*.

О. Брок, говоря о звуках на месте этимологического *ѣ* в описываемом им говоре, указывает, что перед твердым согласным может произноситься напряженный гласный, более высокий, чем *е*[81]. Однако чаще всего в этой позиции употребляется дифтонг *i̯ê̯* или *i̯ę̯* [Брок 1907, с. 26—28]. О. Брок считал, что более древним был монофтонг *ê̯*, из которого впоследствии развился дифтонг [с. 28—31].

В отличие от говора, описанного О. Броком, в говоре с. Кожухова на месте *ѣ* перед твердым согласным и на конце слова, как правило, произносится монофтонг. Очень редки случаи дифтонгического произношения, отмеченные обычно при растяжении гласного: *св'ц̣̂е͡ę̂же*, *занав·ц̣̂е͡ę̂ск·и*, *л'ц̣̂е͡то^ъм*, *д'^ъе͡ę̂фк'и*, *н^ъе͡ę̂т*.

---

[81] О. Брок обозначает этот звук знаком *ê̯*, и в таком виде он приводится в диалектологических работах до сих пор. Есть обозначение его и как *ę̂*, где точка под буквой означает более высокий подъем, закрытость, а крышка сверху — напряженность [ср. Высотский 1967а, с. 15].

Наличие во многих словах [и̂, и] на месте ѣ перед твердыми согласными также резко отличает говор с. Кожухова от говора, описанного О. Броком.

На месте этимологических *е*, *ь* перед мягкими и полумягкими согласными обычны звуки [е, э]. Перед ними могут выступать твердые, полумягкие и мягкие согласные: *wéц'ером*, *дéн˙г˙и̂*, *стéл'ӱт*, *врéм'а*, *дэ́р˙ewъ*, *кошэ́ l*, *постэ́л'и*, *дэ́w˙ер˙а*, *ростэ́л'ӱт*, *б˙éр'ег-от*, *д˙éс'ет*, *т˙éл'иц'ц'е*, *прот˙ив˙éн'йа*, *тр˙éт'йоwа*, *см'éл'еш*, *п'ец'*, *мал'éн'к'е*.

Перед ⟨j⟩ произносятся те же звуки не только в случаях типа *lей*, *ди̂тéй*, *йæблонéй*, *скат˙ер˙т'éй*, *бадэ́йк˙и̂*, но и в форме *за семйéй*, где не произошла замена *е* на *о*; ср., однако, *с' йо̣й*.

Звуки [е, э] выступают и перед отвердевшими согласными: *п'éръwа* (первого), *пéрw*^{в}*-от*, *п'éроwа-то*, *п'éрву*, *кw'éрху*, *в'*$^{w'}$*éрх-эт*, *св˙éрху*, *в˙*$^{w˙}$*éрт˙и̂т*, *дéржыт*, *конэ́шно*, *хл'éшчут*, *пр'éжнаа*. Эти же звуки произносятся и в новых для говора словах: *декр˙éт*, *степ˙éн˙з'иæ*, *кубом˙éтрлф*, *w г͡ʏазéт'и*.

Изредка отмечаются отступления от такого произношения. Так, возможен напряженный гласный: *шêс* (шесть), *кон˙éшно*; гласный верхнесреднего и верхнего подъема: *дẹ́н˙г'и*, *м˙ẹ́тры*, *студ˙ẹ́нты*, *шыфанẹ́р*, *ц̣̂то*, *от ц̣̂тоwо*, *ди̂н*, *шчы̂л'и*. В слове *зд˙ис* можно предполагать [и] из ѣ.

Перед твердыми согласными и на конце слова на месте этимологических *е*, *ь* в подавляющем большинстве случаев произносится дифтонг или дифтонгоид, первая часть которого [е], а вторая [о]. (О. Брок также отмечал подобный переходный звук *е* [с. 77].) Дифтонг этот может быть восходящим и нисходящим: *наск'е̯о͡м*, *намн'е̯о͡ш*, *дал'е̯о͡ко*, *загр'еб'е̯о͡ш*, *б'ер'е̯о͡зу*; *фсео̯͡*, *накlадео̯͡м*, *ростео̯͡т ид˙ео̯͡д дак*. Часто оба гласных выступают как равновеликие, так что невозможно указать большую или меньшую степень слоговости в одном из них: *фс˙е͡о*, *л'е͡ожа*, *прив˙ез˙е͡ож жа* (привезешь да); *ов'е͡ос*, *п'ек'е͡ош*, *накlад˙е͡ош*, *рост˙е͡от*, *гн'е͡от*, *зав'е͡оў*, *ид'е͡ом*, *л'е͡он*, *рв'е͡ож дак*, *изомн˙е͡ом*, *в˙ес'е͡ола*, *л'е͡огон'к'а*, *ψ*^{х}*п'ер'е͡от*, *жн'е͡от*, *с'е͡остры*.

В случаях произношения дифтонгоида обычно это [^{е}͡о]: *т˙ел'*^{е}*о͡нку да порос˙*^{е}*о͡нку да*, *л'егн'*^{е}*о͡т*, *по*^{й}*д˙*^{е}*о͡т*, *ов'*^{е}*о͡с*, *зел'*^{е}*о͡ны*, *сол'*^{е}*о͡ны*, *нарв˙*^{е}*о͡м*, *л'*^{е}*о͡н*, *в'*^{е}*о͡дро*, *дн˙*^{е}*о͡м*, *ут˙*^{е}*о͡рто*, *захл'*^{е}*о͡бывает'ц'а*, *н˙иут˙*^{е}*о͡рта*, *сп'ил'*^{е}*о͡ныеᵒ*, *запн˙*^{е}*о͡с˙с˙а*. Гораздо реже отмечается [е^{о}]: *фс'е*^{о} *у́тро*, *наск'е*^{о}*ш*, *накл'ад˙е*^{о}*м*, *н˙ес'е*^{о}*д дак*.

Скольжение тембра гласного может реализоваться не только в дифтонгах и дифтонгоидах указанного вида. Изредка начальный элемент гласного может быть более закрытым: *д'н'иеом*, *пр˙ед˙и͡ом*, *роб'ц̣͡онка*, *штан'е̯͡ошки̂*, *оw'*^{и}*о͡с*. Возможно также произношение неоднородного глас-

ного без лабиализации на всем его протяжении: *рост·е͡ęт, наск·е͡ęш, ид^{и}е́ш*.

Гораздо реже в данной позиции отмечается монофтонг. Им может быть звук [е], «не перешедший» в [о]: *фс·е, разорв·éш, пр·ин·ес·éш, накл^{l}ад'éм, пр'ишйéт, зашйéд-эдъ* (зашьет это), *пойм'éш, сойд'éт, ростéт, нес·éд дроwá, зал'йéт, несéт, сw·ерн'éш*. О. Брок в говоре с. Шуйского отмечает в подобных случаях только разные типы *о*: *о, ȯ, ӧ*, но не *е*. В безударном же положении, наряду с *о*, возможно и *е*. Отсюда О. Брок делает вывод о тенденции развития этого гласного под ударением: *о* > *ȯ* > *ӧ* > *е*. Последняя ступень по О. Броку возможная, но не реализованная в говоре с. Шуйского [с. 95—103].

Возможны в кожуховском говоре также случаи произношения звука [о]. Эти случаи довольно редки: *в·ер'óфку, под·óм, трawlóно, п'óстра, св'óкор, одд·ил'óной, наск'óм*. Обычно такое произношение возникает при более быстром темпе речи. И только в положении после звуков на месте *ч* и *j* звук [о] произносится в подавляющем большинстве случаев: *ч'$^{ц'}$ọ д'úдат, неч'$^{ц'}$óо, с нач'$^{ц'}$óсом, к ч'$^{ч'}$óрту, оч'$^{ц'}$óшом, дифч'óнки* и при этом *уч·^{е}о́бы; ийóнный, зал'йóм, w одныйó, йóлоч''к'а, с йóлоц'к'ей, с' йọй, подойóна^{й}а, л'агнýт ейó, дaц̆óд дак, своę́о, на ę́олоц'к'у, надаę́ож да, продаę́ом*, наряду с *пайе͡ок, дай^{е}о́д да, пй^{е}ом*.

Отступлением от обычного произношения является наличие более закрытого лабиализованного гласного в словах: *т'ọ́та, т'ӯт·и, ф т'ọ́nlых, ф т'ọ̈́nlo^{й}, т'ӯ́onla* (при *тéпло, тéпл'ил'и, тéпл'ат*).

Закономерность, установленная на произношении гласного, выступающего на месте этимологических *е*, *ь* перед твердым согласным и на конце слова, проявляется в этой же позиции и при произношении этимологического *ä*: здесь тоже обычен неоднородный гласный. Чаще всего им бывает дифтонг [е͡а] или дифтонгоид с четко выраженной *е*-образной начальной фазой: *роб'е͡атам, р·е͡адом, н·е отход·е͡а, м·ен'е͡а, м'^{е}а́са, стр'^{е}а́пай, гр'^{е}а́тк'и, м'^{е}а́ккой, гọwор'^{е}а́т*. В начальной фазе может быть и более закрытый гласный: *нам·ц̯а́л'и, п·ц̯а́тый, м'ц̯а́ўках, л'ном'^{и}а́ўк'и, шы̨здęс'^{и}а́д даlá, п'^{и}а́тк'и, л'^{и}а́га*.

Гораздо реже отмечается монофтонг [а]: *м'áсо, с кудр'áм-то, п'áтоwа, дес'áта, гуlála, сен'т'абр'á, сęч'áс*. Этот монофтонг обычно произносится после ⟨j⟩: *ц̯áшчык, ц̯áшнъ^{о}о, доц̯áрк·и*, но и *доц̯е͡арка*.

Наблюдается и результат перехода *а* в *е*: *ч·éс·т·и* (части), *прéл'и, сн·éл'^{l}и; w^{в}зéл'и, з·éт'а, йéдр·иц'$^{ч'}$а, зач·$^{ц'}$éл'иш, посм'ийéл'из да, пот·ер·éйош, с·éд'еш, затопл'é^{й}у, оставл'éйут, остановл'éйут*. То же и перед выпавшим *j*: *ны̂*

р˙éет. Однако в сравнительной степени этого перехода нет: *б'ил'$^{l\overset{\frown}{e}}$а́е*, *красн˙е́а̂е*, *скор'ае*. Ср. также: *ч'е͡ай*, *гор'áч'ие*. В конечном слоге наблюдается колебание: *оп'éт* всегда с [е] в этом слове, *гр'ес*, *мет*, *прес*, *не тороп'éс*, *загон˙éт˙ ийó*, и наряду с этим *з˙е͡ат*, *з˙áт˙-ет*, *з˙е͡ап*, *п'^{e}а͡т*.

Перед [у] на месте *ӱ* также наблюдается переходный гласный звук переднего ряда: *ѡ^{в} л'и̯у̯д'^{й}ах*, *бл'^{и}у̯д́о*, *л'убл'^{и}у̯́*, *кл'^{и}у̯́ква*, *кон^{и}у̯́шн'а*, *ол'æл'^{е}у̯́шк'и*. Возможен также звук [у] и без этой фазы: *накопл'ý*, *пл'ет'ýшк'е*, *кл'ýкву*, *обовйý*, *на ч'$^{ц'}$айý*, *да на коф^{х}ейý*, *семйý*, *хоч'ý*, *ч'$^{ц'}$ýточ'$^{ц'}$к'и*.

В действительности тот звук, который воспринимается как монофтонг, представляет собой дифтонгоид с краткой переходной фазой. Так, у двух примеров, записанных вначале как *л'^{l}е́а̂га и л'^{l}áга*, в результате анализа их на сегментаторе «вращающаяся магнитофонная головка» распределение фаз различного тембра ударного гласного оказалось следующим (цифры указывают длительность участка гласного в мс):

1	60	45	25	32	48
	е	*ę*	*æ*	*ȧ*	*ъ*

2	60	60	50	30
	е	*æ*	*ȧ*	*ъ*

Таким образом, соотношение *е*-образной части и *а*-образной в первом случае равно 105 : 105, а во втором — 60 : 140.

Гласные, выступающие в качестве второй части дифтонгов с начальным гласным переднего ряда типа [е͡о, е͡а, и͡у] и т. п., обычно несколько продвинуты вперед по сравнению с гласными [о, а, у], выступающими после этимологических твердых согласных. Поэтому правильнее эти дифтонги или дифтонгоиды обозначать как [е͡ȯ, ^{е}͡ȯ, е͡ȧ, ^{е}͡ȧ, е͡ẏ, ^{е}͡ẏ] или [е͡ö, ^{е}͡ö, е͡ä, ^{е}͡ä, и͡ӱ, ^{и}͡ӱ] и т. п.

Эта упередненность гласных особенно хорошо заметна в тех случаях, когда переходный гласный переднего ряда становится таким кратким, что не воспринимается на слух. Обычно перед таким гласным отмечается мягкость или полумягкость согласных. Но в редких случаях согласные перед таким гласным могут произноситься твердо: *фсȯ*, *утóрта*, *снȧ т*, *косáт*, *хозáйка*, *фсẏ*. Такие же гласные могут произноситься после гласных в случаях выпадения интервокального *j*: *э́каȧ*, *знáẏ*, *бolшýẏ*. Д. В. Бубрих в говоре с. Пустошей, знающем произношение твердых согласных на месте мягких, также отмечает подобные случаи когда после такого согласного произносится упередненный гласный: *содȯржит*, *б'егȯт*, *пои̯дö-т'и*, *näт'*, *опäт'* [Бубрих 1913, с. 336].

О. Брок указывал на наличие в говоре с. Шуйского особой гласной в соответствии с *о*. Иногда здесь звучал напряженный гласный однородной артикуляции, О. Брок обозначил его как *ô*, чаще же в соответствии с ним произносился в говоре дифтонг с первой более закрытой фазой: *ôǫ̂* или *u͡o*. Подробно описав случаи произношения этого гласного. О. Брок пришел к выводу, что это черта, исчезающая в говоре [с. 45—50].

В говоре с. Кожухова на месте старого *о* под восходящим ударением находим чаще [ǫ], реже [о]. Отличается от описанного О. Броком говор с. Кожухова тем, что обычно здесь наблюдается не дифтонг, а монофтонг: *гр'ибо́ф*, *хорǫ́шой*, *духǫ́фка*, *тǫ́л'к'и*, *взохǫ́д'ат*, *хорǫ́ша*^{ы}*а*, *н'ехорǫ́шой*, *на покǫ́сах*, *корǫ́wа*, *mолокнǫ́*, *wǫ́зеад да*, *понǫ́с*, *здорǫ́wый*, *похǫ́жа*, *ф столǫ́wо*^{ы}, *недаǫ̂нǫ́*, *мнǫ́го*, *роб*^{w}*ǫ́mala*, *пр'ихǫ́д'*^{ы}*ат*, *роб*^{w}*ǫ́mаат*, *погǫ́да*, *бǫlǫ́та*, *осǫ́ка*, *w*^{в} *lǫ́тк'е*, *lǫ́w'йм*, *по lǫ́тках*. Отмечается также и [ȳ]: *збȳйку*, *wȳс'ем*, *рǫбȳтаат*, *скȳл'к'е*, *т'ажелȳ*, *бȳлшэ*, *мнȳго*, *хорȳша*. Очень редки случаи дифтонгического произношения: *^{м}нȳ͡о́го*, *нȳ͡о́сим*, *заwȳ͡о́з*^{э}*а͡т*. Возможно также и [о]: *лóтку*, *болóто*, *хорóшу*, *мóч'ит*, *тако́*^{w}*а*, *глубóки*, *покóсы*.

В некоторых словах [ǫ] выступает на месте старого *о* под нисходящим ударением: *рǫ́ст'ат* и *о*, возникшего из этимологических *е*, ъ после мягких согласных: *хорошǫ́*, *с' йǫ́й* и указанных выше *т'ǫ́та*, *ф т'ǫ́п'lо*^{ы}. В подобных случаях эта фонема, очевидно, возникает нефонетическим путем[82].

На месте старых *о* под нисходящим ударением и ъ может произноситься [о]: *го́ду*, *по кólосу*, *потылóк*, *дóч'к'а*, *ско́wороду* и др. Но часто также наблюдается гласный более открытый [ǫ]: *сǫ́слʲал'и*, *хǫт*, *ǫ́сен'йи*, *трǫ́*^{ы}*о*, *тако́*^{о}*й* (м. р.), *картǫ́*^{о}*шку*, *б'итǫ́*^{о}*на*, *гǫ́*^{о}*ст̂и*, *за стǫlǫ́м*, *w гǫ́ррди*, *тǫ́ўку*, *гǫ́*^{о}*ды̂*, *кǫ́*^{о}*сим̂*, *ǫн* (местоимение), *простǫ́*^{о}*й* (прилагат. м. р.), *сухǫ́*^{о}*й* (м. р.). Этот же гласный может выступать в окончании твор. падежа ед. числа сущ. ж. рода: *пл'итǫ́й*, *за р'екǫ́й*, *вэснǫ́й*, *под горǫ́й*. Иногда отмечается неоднородный гласный [о͡ǫ̂]: *ро͡ǫ̂ш*, *со͡ǫ̂л'и*, *п'есо͡ǫ́ч'ик*, *до͡ǫ̂ма*, *руко͡ǫ̂й*, *со͡ǫ̂clalu*.

2. Указанные звуковые черты говора с. Кожухова позволяют сделать некоторые выводы об особенностях его фонологической системы. Как уже указывалось при анализе кожуховского, а также и слободского говора (см. выше, с. 145—166), в системе гласных здесь можно обнаружить следующие фонемы, противопоставленные как «передние» и «непередние»:

[82] Обычно эта фонема передается знаком *ô*. Я использую для этого употребляющийся А. А. Шахматовым и С. С. Высотским знак *ω* [см. Шахматов 1913, с. 12; Высотский 1967а, с. 14 и сл.; 1969, с. 21].

⟨и⟩ — ⟨ы⟩, ⟨ȧ⟩ — ⟨а⟩, ⟨ȯ⟩ — ⟨о⟩, ⟨ω̇⟩ — ⟨ω⟩, ⟨ẏ⟩ — ⟨у⟩. Некоторые особенности поведения согласных свидетельствуют о том, что, возможно, фонемы ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ тоже были противопоставлены как «передняя» «непередней». Несмотря на совпадение в говоре с. Кожухова в большинстве случаев старой фонемы ⟨ѣ⟩ с ⟨и⟩, в некоторых словах этого совпадения не произошло, и можно говорить о существовании «неполноценной» фонемы ⟨ѣ⟩.

3. Как указывалось выше, «передние» фонемы ⟨ȯ, ȧ, ẏ⟩, обычно воплощающиеся в звуках неоднородного образования с *е*-образной или *и*-образной начальной фазой, после фонемы ⟨j⟩ воплощаются в монофтонге [ȯ, ȧ, ẏ]. При этом возникает возможность совпадения звукового комплекса, воплощающего «переднюю» фонему, и звукового комплекса, воплощающего две фонемы: эту же фонему со стоящей перед ней ⟨j⟩.

На месте ⟨j⟩ в таких случаях может выступать согласный с характерным для него шумом. Но часто разница между этим согласным и соответствующим гласным переднего ряда становится столь незначительной, что невозможно четко разграничить эти звуки [см. об этом, в частности, Брок 1902, с. 134]. Кроме того, часто на месте ⟨j⟩ произносится не звук верхнего подъема [и̯], а звук более открытый: [и̯] или [е̯]. Этот же звук отмечал на месте *j* О. Брок и в говоре с. Шуйского [Брок 1907, с. 67]. При ослаблении согласного шума такой звук уже ничем не отличается от начальной фазы дифтонга, воплощающего одну из указанных «передних» фонем; ср.: *рост˙е̯о͡т — надае̯о́ж да, роби̯о͡нка — даи̯о́д дак, нам'и̯а͡л'и — дои̯а́рк˙и, wв л'и̯у͡д'йах — нал'и̯у́* и т. п.

В связи с неразличением «передних» фонем и соответствующих сочетаний фонем ⟨ȯ⟩ — ⟨jȯ⟩, ⟨ȧ⟩ — ⟨jȧ⟩, ⟨ẏ⟩ — ⟨jẏ⟩, а также в связи с тем, что ⟨j⟩ в этом сочетании может воплощаться не только в неслоговом гласном типа [и̯, и̯, е̯], но и в зашумленном, консонантизированном неслоговом гласном типа [и̯] или [и̯, е̯] и в согласном типа [j], сочетания [ja], [jo], [jy] могут возникать и в соответствии с фонемами ⟨ȯ⟩, ⟨ȧ⟩, ⟨ẏ⟩. Так происходит небольшой сдвиг, и вместо *м'е̯а͡со* или *м'и̯а͡со* начинают произносить *м'jáсо*. Случаи такого произношения отмечены в речи жителей с. Кожухова и окрестных мест.

4. Вопрос о «переходе *е* в *о*» — один из центральных вопросов исторической фонетики русского языка. Многое здесь остается неясным и вызывает споры лингвистов: каковы причины этого перехода, когда он происходил, как он происходил — все это еще требует выяснения. Данные говора с. Кожухова могут помочь в ответе на некоторые из этих вопросов.

4.1. Как известно, были высказаны две точки зрения на то, одновременно или нет происходил переход *е* в *о* после исконно мягких согласных и после согласных вторичного смягчения.

И. В. Ягич, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Л. П. Якубинский считали, что переход *е* в *о* после исконно мягких согласных предшествовал такому переходу после согласных вторичного смягчения. Основные доказательства этого — наличие примеров в памятниках, отражающих произношение *о* на месте *е*: после шипящих такие примеры встречаются начиная с конца XII в., тогда как после согласных вторичного смягчения подобные примеры для этой эпохи почти неизвестны, а известные примеры можно считать описками. Кроме того, в современном украинском языке *о* на месте *е* выступает только после исконно мягких [см. Ягич 1889, с. 37; Шахматов 1893, с. 5, 8—9; 1903а с. 97—98; 1915а, с. 8—9; Дурново 1924, с. 168—169; Якубинский 1953, с. 150—151].

А. И. Соболевский, А. М. Селищев, С. Б. Бернштейн, П. С. Кузнецов считают, что для такого разграничения во времени перехода *е* в *о* после исконно мягких согласных и после согласных вторичного смягчения нет достаточных оснований. Отсутствие в памятниках примеров с буквой *о* на месте *е*, *ь* после согласных вторичного смягчения можно объяснить не тем, что в этой позиции не было перехода *е* в *о*, а тем, что в древнерусской графике не было средств передачи *о* после парных мягких согласных [см. Соболевский 1907, с. 61; Селищев 1968, с. 192; Бернштейн 1961, с. 278; Борковский, Кузнецов 1965, с. 131—132].

Данные говора с. Кожухова можно рассматривать как подтверждение первой точки зрения. Как указывалось, после этимологических *j*, *ч* и после так называемых согласных вторичного смягчения здесь произносятся, как правило, разные звуки: в первом случае [о], во втором — дифтонг или дифтонгоид типа [e͡o, ᵉ͡o].

Примеры с [о] после этимологического *j*, видимо, не следует учитывать, так как на месте *j* здесь обычно произносится [и̯], а О. Брок указывал также и на [е̯] [с. 67], следовательно, если бы на месте о произносился дифтонг или дифтонгоид типа [e͡o, ᵉ͡o], то его первая часть слилась бы со звуком, выступающим на месте *j*.

Однако примеры с [о] после звуков, выступающих на месте *ч* (часто это [ц'], так как в говоре мягкое цоканье, но также и звуки типа [ц'ч', ц˙ч˙, ц˙, ч˙, ч']), вполне показательны.

Можно считать, что переход *е* в *о* после *ц'* произошел раньше, чем после согласных вторичного смягчения, поэтому мы находим в этой пози-

ции уже только результат этого перехода — звук [о]. После же согласных вторичного смягчения можно наблюдать сам процесс такого перехода. Многообразие звуков в этой позиции как раз и свидетельствует о незавершенности перехода.

4.2. Говор с. Кожухова впервые в русской диалектологии позволяет, так сказать, воочию увидеть процесс перехода *е* в *о*. И это дает возможность сделать еще одно наблюдение.

Ученые, реконструировавшие переход *е* в *о*, представляли его себе следующим образом. А. А. Шахматов писал: «В общерусском праязыке перед е, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчились все вообще согласные. Это *е* перешло в *ö* в положении перед следующими твердыми согласными ⟨...⟩. В великорусском наречии *ö* с течением времени изменилось в *ȯ*» [Шахматов 1941, с. 114]. А. И. Томсон считал, что «при переходе *е* в *о* (*берёзу*) первопричиной индивидуального изменения могло быть перенесение лабиализации от последующего твердого лабиализованного согласного (органическое индивидуальное изменение). Несколько лабиализовавшееся *е* имеет более низкий собственный шум резонатора — характерный шум гласного. Перенимающие дети могли производить почти тот же звук с незаметным различием в тембре посредством более заднего подъема языка и без лабиализации (изменение при перенятии). При дальнейшем стремлении лабиализовать, собственный звук этого нового гласного также понизился бы и мог у перенимающих снова вызвать еще более заднее положение языка, пока, наконец, в течение нескольких поколений, подъем языка оказался у мягкого нёба и при нем опять лабиализация, так что этот звук совпал с *о*» [Томсон 1910, с. 258—259].

Таким образом, и А. А. Шахматов, и А. И. Томсон предполагали постепенный переход от *е* к *о* путем ряда промежуточных звуков-монофтонгов. Говор с. Кожухова дает иную картину перехода.

Сопоставляя примеры с ударными гласными, воплощающими фонемы ⟨ȧ, ȯ, ẏ⟩, можно обнаружить одну особенность. Гласные верхнего и нижнего подъемов в говоре всегда сохраняют элемент [у] в первом случае и [а] во втором: [ẏ, $\overset{\frown}{\text{и}}$у, $\overset{\frown}{\text{е}}$у; ȧ, $\overset{\frown}{\text{е}}$а, $\overset{\frown}{\text{и}}$а] и т. п. Не то наблюдается у гласного среднего подъема. Здесь можно обнаружить ряд звуков, крайними точками которого выступают [е] и [о], между ними дифтонги и дифтонгоиды типа [$\overset{\frown}{\text{е}}$о, $\overset{\frown}{\text{е̯}}$о, $\overset{\frown}{\text{е}}$о, $\overset{\frown}{\text{е}}$о̯, $\overset{\frown}{\text{е}}$^{о}]. Звуки, «промежуточные» между [е] и [о], представляют собой дифтонг или дифтонгоид, в котором сочетаются [е]

и [о], т. е. обе фазы перехода, начальная и конечная[83]. Последовательными ступенями этого перехода можно считать следующие: [е > е͡о > е͡о̯ > е͡о > е̯͡о > ᵉ͡о > о]. Степень продвинутости этого [о] вперед может быть различной: это могут быть и [ö], и [ȯ], и [о], что отчасти связано со степенью мягкости окружающих согласных.

Сейчас в говоре с. Кожухова переход *е* в *о* после мягких и полумягких согласных — живой процесс. Один и тот же человек может произнести в одном и том же слове любой звук цепочки от [е] до [о]. Однако такая возможность существует не для всех морфов.

Известно, что фонетическое изменение не сразу после своего возникновения охватывает все слова, где есть условия для такого изменения. Вначале фонетическое изменение проникает в одну группу морфов, затем в другую, пока, наконец, уже не остается материала для изменения: оно охватило все морфы, где раньше имелись для этого условия. В силу такой «неравномерности фонетического развития» создаются условия для лексикализации или морфологизации фонетического явления, когда изменение захватывает или, наоборот, не захватывает часть морфов, корневых или аффиксальных.

Такую морфологизацию можно увидеть и в процессе перехода *е* в *о* в говоре с. Кожухова. Произношение всех звуков цепочки от *е* до *о* наблюдается, главным образом, в личных окончаниях глаголов: *несéш*, *наклад·е͡о̯м*, *рост'е͡о̯т*, *нарв·е͡о̯́м*, *наск'о̯́м*. В других морфах ступень [е] отмечается очень редко; ср.: *дн·ем*, *на в·éclax*, *фсе*, *поросéнок*, *маlадéш*.

Отсутствие перехода *е* в *о* только в глагольных окончаниях отмечено во многих русских говорах, южнорусских и севернорусских. По неизвестным для нас причинам в этих говорах процесс перехода *е* в *о* остановился, не охватив эти морфы. Какие-то, вероятно, аналогичные причины существовали и в кожуховском говоре, в силу чего переход *е* в *о* в глагольных окончаниях затянулся дольше, чем в других морфах. Однако в кожуховском говоре, в отличие от других указанных говоров, этот процесс не остановился, а продолжается, захватывая и глагольные окончания.

В связи со сказанным нельзя согласиться с тем, что пишет Л. Р. Зиндер о переходе *е* в *о* в русском языке. Л. Р. Зиндер считает, что этот пе-

[83] В качестве другого примера совмещения обеих фаз перехода от одного звука к другому могу привести слышанную мною на юге Рязанской обл. аффрикату [г͡γ] — результат стремления произнести литературный звук [г] на месте родного [γ].

реход представлял собой не фонетическое изменение звуков (эволюцию), а фонетическую замену (субституцию). «Суть дела заключается в том,— пишет Л. Р. Зиндер,— что при „переходе“ *е* в *о* не было никакого звукового изменения; была лишь замена в некоторых случаях одной фонемы другой, уже существовавшей в языке. Естественно поэтому, что поиски фонетического механизма такого „перехода“ бесплодны. Вместо этого следовало бы изучить те связи, которые существовали в древнерусском языке между фонемами „е“ и „о“. А такие связи действительно имели место и выражались в сохранившемся до нашего времени общеиндоевропейском чередовании по аблауту; ср., например: *беру — набор*, *плету — плот*, *бреду — брод* и т. п. Может быть, это чередование неударенного *е* с ударенным *о* и было перенесено на все аналогичные по фонетическому положению случаи» [Зиндер 1960, с. 261—262].

Фонетическая замена «происходит вследствие единовременной подстановки одного звука вместо другого» [Зиндер 1960, с. 258]). В этом случае всегда выступают только два звука: старый и новый. Если же вместо одного, «старого», звука может употребляться целый ряд близких звуков, которые можно выстроить в цепочку, где рядом стоящие звуки отличаются друг от друга в минимальной степени, то тогда мы будем иметь дело не с фонетической заменой, а с фонетическим изменением. Так обстоит дело с переходом *е* в *о* в говоре с. Кожухова[84].

[84] Первая публикация — [Касаткин 1973, с. 63—74].

Русские дифтонги

1. В самом конце XIX в. Олаф Брок обнаружил в говоре с. Шуйского Тотемского уезда Вологодской губернии дифтонги. На месте *ѣ* в этом говоре мог произноситься [и͡е], на месте *о*, которое позднее было определено как *о* под восходящим ударением,—[у͡о] [Брок 1907, с. 26—32, 45—51].

Это было чрезвычайно важное открытие для русской диалектологии и исторической фонетики. Сейчас наличие этих дифтонгов в русских говорах широко известно. Насколько это было новым для начала XX в., говорит следующий эпизод. А. А. Шахматов, блестящий фонетист, уже знакомый с работой О. Брока, в 1912 г. едет в с. Леку Рязанской губ., чтобы сделать описание говора этого села. В Леке те же дифтонги, что и описанные О. Броком, но А. А. Шахматов их не слышит. Только после того, как местный житель И. С. Гришкин указал А. А. Шахматову на эту особенность говора, А. А. Шахматов стал замечать дифтонги в речи местного населения [Шахматов 1913, с. 175—178].

Через 33 года, в 1945 г., в с. Леке побывал С. С. Высотский. Он нашел там дифтонги, описанные А. А. Шахматовым, но также обнаружил и впервые подробно описал и такие дифтонги, которые остались незамеченными А. А. Шахматовым. Это были дифтонги [е͡и] и [о͡у], произносящиеся на месте этимологических *е*, *ь* и *о* под нисходящим ударением и *ъ* [Высотский 1949а, с. 24—31; 1949б, с. 68; 1967, с. 40—44]. В среднерусском говоре с. Пустошей соседнего с Лекой Судогодского уезда Владимирской губернии Д. В. Бубрих отметил дифтонги [и͡а], [и͡о], [и͡у] [Бубрих 1913, с. 315—317].

В 1992 г. я вместе с Р. Ф. Касаткиной, С. Оде и К. Саппоком провел два дня в Леке и соседних деревнях — Старо-Черкасове и Шеине, где

мы наблюдали одни и те же диалектные черты. Сделанные нами магнитофонные записи дали возможность сравнить современное состояние говора с тем, каким он был 80 и 47 лет тому назад. Анализ материала показал, что основные диалектные черты в области фонетики, морфологии и лексики, отмеченные предшествующими исследователями, продолжают сохраняться, но есть и отличия.

Система гласных говора состоит из семи фонем. Шесть из них под ударением могут быть представлены дифтонгами. Так, фонема ⟨Ѣ⟩ может реализоваться дифтонгом [ие͡] или монофтонгом [ę] после мягкого согласного: *сав'ие͡т*, *атв'ие͡т*, *аб'ие͡д'н'у*, *пъдасп'ие͡ла*, *с'м'ие͡х*, *с'ие͡на*, *фс'ие͡м*, *с''ие͡ла*, *с'т'ие͡ны*, *кал'ие͡ну*, *жыл'ие͡зъм*; *д'ę́въч'к'и*, *в'ил'ę́л*, *зач'ę́м*, *в Мъ⁰скв'ę́*.

В соответствии с ⟨е⟩ встречается произношение дифтонга [еи͡], дифтонгоида [е͡ᵘ] или монофтонга [ę] после полумягкого согласного: *в'еи͡с'т'* (везти), *в'е͡ᵘс'*, *п'е͡ᵘч'ку*, *м'е͡ᵘд'ик*, *праф'е͡ᵘсър*, *з'е͡ᵘмл'у*, *кан'е͡ᵘц*, *л'ę́кшъ*, *н'ęрф*, *трудъдн'ę́и̯*, *д'ę́н'г'и*.

Однако чаще контрастируют не гласные, а предшествующие согласные. Так, и в соответствии с ⟨Ѣ⟩, и в соответствии с ⟨е⟩ может произноситься гласный типа [е], но перед [е] на месте ⟨Ѣ⟩ согласный мягкий, а перед [е] на месте ⟨е⟩ согласный полумягкий или изредка твердый: *паб'е́даш* (пообедаешь), *пръв'ér'ит'*, *у м'ед'в'éд'ъ*, *уw Маскв'е́*, *ум'éит*, *з'д'élаш*, *з'д'élам*, *скър'éи*, *нъ з'емл'е́*; — *н'еб'éснь*, *ав'éц*, *пръдав'éц*, *в'éч'ир*, *п'éч'ку*, *кап'éи̯к'и*, *м'él'н'ицу*, *з'éмл'у*, *д'éшъвъ*, *д'éн'г'и*, *д'éн'ик*, *д'éн'*, *д'ет'éи̯*, *рубл'éи̯*, *угл'éи̯*, *н'é дал'и*, *н'ékму* (некому), *в д'ер'éвн'и*, *вр'éм'им*; *т'ипэ́р'а*, *настéл'иш*.

Фонема ⟨ω⟩ может реализоваться дифтонгом [у͡о] и монофтонгом [o̯]: *пу͡оп*, *нару͡от*, *стару͡онкъ*, *аху͡от'н'ик'и*, *гату͡ов'иш*, *пр'иву͡оз'ат*, *ску͡ол'*, *ф ту͡ои̯*, *шасту͡овъ*, *дъл'еку͡о*, *палну͡о*, *т'ижалу͡о*, *хърашу͡о*, *н'и днаву͡о* (ни одного), *зътр'аслу͡о*; *по̯п*, *на но́шкъф*, *забо́т'с'и*, *з'имо́и̯*, *ис тако́и̯*.

Фонема ⟨о⟩ может реализоваться дифтонгом [о͡у], дифтонгоидом [о͡ʸ], монофтонгом [o̯]: *до͡ум*, *г до͡уму*; *г до͡ʸму*, *пло͡ʸхъ*, *тро͡ʸпу*, *ро͡ʸш*, *но͡ʸч'у*, *то͡ʸжъ*; *ико́ны*, *хро́мъвы*, *ло́шът'*, *про́съ*, *ко́рн'и*, *по́м'ир*, *со́тък*, *бо́гу*, *до́ч'и*, *по́мъш'*, *ко́лъс*, *го́лъс*, *во̯л*, *во̯р*, *до̯лк*, *го́рдъс'т'*, *дво́и̯ъ*, *гурто́м*, *пасто́м*, *о́с'ен'*, *о́н*, *о́ммърък*, *о́фцы*, *о́тпуск*, *ръжаство́*, *н'ич'аво́*, *а то́*. То же в новых для говора словах: *калхо͡ʸс*, *бато́н*, *ко́м'ик*, *ко́фта*, *мо́да*, *мато́р*, *но́рма*. Встречается также двуморный гласный с ослаблением интенсивности на второй части: *ф ко̯опу*, *ф сто̯ок*.

Противопоставление ⟨ω⟩—⟨о⟩ возможно и после мягких: согласных: *т'у͡оска*, *фс'у͡о* — *ч'о́рныи̯*, *в'ед'о́ркъ*. Контраст между ⟨ω⟩ и ⟨о⟩ сопровождается также различиями в предшествующих согласных: перед ⟨ω⟩ соглас-

ные лабиализованы, а перед ⟨о⟩ — не лабиализованы. Возможно также произношение на месте ⟨ω⟩ звука [о] с лабиализованным предшествующим согласным: *раб°о́тът'*, *мн°о́гъ*, *ч'ас°о́ф*, *бр'евн°о́*.

После мягких согласных могут произноситься дифтонг [и͡а] на месте ⟨а⟩ и дифтонги [и͡о], [е͡о] на месте ⟨о⟩: *р'еб'и͡атъм'и*, *аб'и͡азън*, *д'ев'и͡атыи*, *пъв'и͡аск'и*, *сув'и͡аслъм*, *д'ер'ев'и͡анны*, *п'и͡ат'н'ица*, *м'и͡ал'и*, *пр'и͡ал'и*; *жыв'и͡ом*, *ав'и͡ос*, *прав'и͡ол*, *м'ет'е͡олку*.

Обнаружили мы также неоднородный гласный типа [о͡у], [о̯у͡], [ӯу͡] на месте ⟨у⟩, не отмеченный предшествующими исследователями говора Леки и других русских говоров: *в'инто͡уит* (бинтует), *ро͡ушыл'и*, *сло͡ушът'*, *шо͡убу*, *палпӯ͡уда*, *мӯ͡уш*, *дӯ͡ушыт*. В этих случаях произносится дифтонг, сходный по направлению движения языка с дифтонгом [о͡у], представляющим фонему ⟨о⟩. Однако контраст между ⟨у⟩ и ⟨о⟩ сохраняется благодаря тому, что дифтонги, воплощающие эти фонемы, отличаются подъемом и расположением слоговой и неслоговой части: в дифтонге, представляющем ⟨о⟩, первая часть слоговая, вторая неслоговая, а в дифтонге, представляющем ⟨у⟩, наоборот, первая часть неслоговая, а вторая слоговая.

Таким образом, в лекинском говоре в его современном состоянии под ударением обнаруживаются разнообразные дифтонги, что, безусловно, связано с архаикой его вокалической системы. Как уже сказано, шесть из семи гласных фонем могут быть представлены дифтонгами. Только фонема ⟨и⟩ в лекинском говоре воплощается в недифтонгических позиционно чередующихся гласных [и] и заднем [ы̂] [Саппок и др. 1993, с. 90—97].

Однако и эта фонема может быть представлена в русских говорах дифтонгами. Так, неоднородность артикуляции звука [ы] в литературном языке обнаружил А. И. Томсон, показавший, что звук [ы] на самом деле представляет собой дифтонг [ы͡и] [Томсон 1910, с. 163, 239, 240]. Этот и другие дифтонги, произносящиеся на месте [ы] в русских говорах описал С. С. Высотский [Высотский 1978, с. 98—109].

В русских говорах отмечаются и другие дифтонги. Так, мною были обнаружены дифтонги [е͡о], [е͡а], [и͡у] в кожуховском говоре Биряковского района и в слободском говоре Харовского района Вологодской области (см. выше, с. 152, 162—164). В 1993 г. Р. Ф. Касаткина, Е. Н. Мошкина, К. Саппок и я во время диалектологического обследования некоторых вятских говоров установили, что типичными представителями фонем ⟨ѣ⟩ и ⟨ω⟩ в этих говорах являются закрытое [е̯] и [о̯]. В редких случа-

ях в соответствии с ними произносятся дифтонги [е͡и], [о͡у] или [е͡ẹ], [о͡ọ], которые в других говорах с такой же семифонемной системой гласных являются представителями фонем ⟨е⟩ и ⟨о⟩. Подобные редкие случаи отмечены и в материалах ДАРЯ [вып. 1, карты 40, 42]. Возможно, эти дифтонги в вятских говорах являются особыми просодическими реализациями фонем ⟨ѣ⟩ и ⟨ѡ⟩, связанными с особыми фразовыми позициями. Возможно также, что [е͡и], [о͡у], точнее [е͡ẹ], [о͡ọ], представляют собой не до конца реализованную попытку перейти от своего диалектного произношения звуков [ẹ], [ọ] к литературным [е], [о]. В начале артикуляции гласного при концентрации внимания произносятся звуки среднего подъема, в конце же артикуляции гласного внимание ослабляется и возникают более привычные звуки верхне-среднего подъема [Касаткин и др. 1994, с. 38].

2. При прослушивании магнитофонных записей спонтанной речи представителей разных русских говоров Р. Ф. Касаткина и я обратили внимание на то, что дифтонги, воплощающие одни и те же фонемы в разных говорах, могут иметь сходные характеристики, а могут и значительно отличаться друг от друга. Следует заметить, что на слух эти различия улавливаются недостаточно определенно. Поэтому мы решили уточнить наши предварительные наблюдения с помощью сегментатора.

Для анализа были использованы магнитофонные записи речи двух представителей разных говоров, севернорусского и южнорусского: Нины Леонидовны Лопатиной, 51 года, из деревни Мишутиха Харовского района Вологодской области (запись сделана в 1971 году Л. Л. Касаткиным) и Александры Павловны Панкрашкиной, 57 лет, из деревни Бояновичи Хвастовичского района Калужской области (запись произведена в 1956 году С. С. Высотским).

Оба эти говора, принадлежащие к разным наречиям русского языка, характеризуются рядом архаических черт. И в южнорусском, и в севернорусском говоре выступают под ударением семь гласных фонем. Ряд архаических особенностей наблюдается и в системе консонантизма — наличие полумягких согласных в определенных позициях, сохранение билабиального [w] в соответствии с [в] литературного языка и т. п.

Кроме того, сходство между этими говорами заключается также и в том, что в соответствии о некоторыми монофтонгами русского литературного языка в этих говорах произносятся дифтонги. Этим обстоятель-

ством и определялся наш выбор для исследования именно этих говоров.

Дифтонгические гласные, как совпадающие в обоих говорах, так и различающиеся, мы выбирали из записей спонтанной речи. Были исследованы реализации фонем ⟨Ѣ⟩, ⟨ω⟩, ⟨е⟩, ⟨о⟩, а также других гласных фонем, выступающих на месте этимологических *е*, *ъ*, *ӓ*, *ӱ*.

Все перечисленные гласные фонемы в обоих говорах могут иметь различные реализации. Они могут произноситься как дифтонги, дифтонгоиды и монофтонги, например, ⟨Ѣ⟩—[и͡е] и [е̯], ⟨ω⟩—[у͡о] и [о̯], ⟨е⟩—[е͡и] и [е] и т. д. Из этого разнообразия реализаций мы выбирали только те гласные звуки, которые на слух воспринимались как неоднородные по тембру.

2.1. Фонемы ⟨Ѣ⟩ и ⟨ω⟩, как это известно и по другим русским говорам, в наших говорах могут реализоваться дифтонгами типа [и͡е], [у͡о] начальный сегмент которых представляет собой гласный верхнего подъема, а следующие сегменты — гласные более низкого подъема. Прослушивание материала с помощью сегментатора позволило выявить следующее различие между севернорусским и южнорусским говорами: первая фаза дифтонга в севернорусском говоре, как правило, короче остальной части или примерно равна ей, а в южнорусском говоре первая фаза, как правило, длительнее остальной фазы дифтонга.

Вот характерные примеры (таблицы на с. 380—382):

[и͡е] в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
ни͡ет	и̂ — е̯ — е	77 — 97 — 61	32 — 41 — 27
с'и͡еw	и — е̯ — е	46 — 42 — 47	34 — 31 — 35
ни͡ет	и̂ — е̯ — е	133 — 130 — 69	40 — 39 — 21
л'и͡ето	и — е	64 — 88	42 — 58
тᵾб'и͡е	и — е — ъ	72 — 52 — 41	44 — 31 — 25
rowор'и͡еla	и — е — э	96 — 70 — 36	48 — 35 — 17
д'и͡етк'и	и — е	75 — 77	49 — 51
w'и͡еч'но	и — е	89 — 84	51 — 49
мн'и͡е	и — ᵾ — е	75 — 36 — 104	34 — 18 — 48

у с'и͡ех (у всех)	и — ẹ — е	122 — 47 — 61	53 — 20 — 27

[и͡е] в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
саб'и͡е	и — ẹ — — е — ä — а	94 — 52 — — 49 — 60 — 76	28 — 16 — — 15 — 18 — 23
с'и͡екл'и	и — е	55 — 67	45 — 55
л'и͡ет	и — е	102 — 90	53 — 47
д'и͡еўс'а	и — е	84 — 76	53 — 47
б'и͡елыи	и — е — а	162 — 60 — 65	56 — 21 — 23
д'и͡ет'и	и — е	85 — 63	57 — 43
к'илам'и͡етръф	и — е	76 — 58	57 — 43
таб'и͡е	и — е	104 — 62	63 — 37
п'ир'ид'и͡елавъит'	и — е	92 — 52	64 — 36
хат'и͡елъс'	и — ц — е	73 — 41 — 50	44 — 25 — 31

[у͡о] в севернорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
топу͡ор	у — ọ — о	60 — 52 — 93	29 — 25 — 46
golу͡одныи	ẏ — о — ъ	67 — 67 — 52	36 — 36 — 28
году͡ow	у — о	48 — 72	40 — 60
бату͡ок	ẏ — ọ — ǫ	80 — 31 — 80	42 — 16 — 42
на ру͡один'е	у — о	70 — 80	47 — 53
поту͡ом	ȯ — ǫ	55 — 50	52 — 48
xolу͡одныи	ọ — ǫ	72 — 65	52 — 48
с kolу͡откой	ẏ — ȯ	69 — 60	53 — 47

2.2. Как известно, гласные [е] и [о] русского литературного языка тоже не однородны по тембру: [е] имеет *и*-образный начальный элемент, а [о] — *у*-образный (см., например, Аванесов 1956, с. 100—101; Матусевич 1976, с. 71—72, 78—80]. Однако эти гласные воспринимаются носителя-

ми литературного языка как монофтонги, так как их начальные переходные элементы достаточно кратки.

[у͡о] в южнорусском говоре

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
карту͡оху	у — о	67 — 90	43 — 57
ху͡от’	у — о — ц̨	71 — 42 — 44	45 — 27 — 28
уку͡олы	у — о	73 — 71	51 — 49
малаку͡о	у — ӯ — — ʌ — ъ	99 — 41 — — 60 — 50	39 — 16 — — 24 — 21
харашу͡о	у — ӯ — — ǫ — а	135 — 34 — — 55 — 73	45 — 11 — — 18 — 26
тру͡ойк’е͡а	у — о	71 — 55	56 — 44
к с’имахwу͡ору	у — о	98 — 73	57 — 43
кату͡оръй	у — ӯ — о	79 — 36 — 79	41 — 18 — 41
пр’испасу͡оп’	ӯ — ǫ	76 — 50	60 — 40
прашлу͡о	у — ӯ — о	78 — 45 — 76	39 — 23 — 38
тваjу͡о	ẏ — ӯ̇ — о	91 — 58 — 71	41 — 26 — 33
п’ис’му͡о	у — ӯ — о	78 — 47 — 57	43 — 26 — 31

Начальный *и*-образный элемент имеет в русском литературном языке не только *е*, но и другие гласные после мягких согласных [см.: Аванесов 1956, с. 100—101; Матусевич 1976, с. 71—72, 78—80; Бондарко 1977, с. 91]. По наблюдениям А. М. Кузнецовой, средняя длительность этого *и*-образного начального элемента у [а] после мягких согласных составляет 16,5 — 18 % от общей длительности гласного [Кузнецова 1965, с. 20].

Такой же *и*-образный элемент наблюдается в рассмотренном нами южнорусском говоре. Но, как правило, длительность его значительно больше. Длительность же фазы верхнего и среднего подъемов гласных переднего ряда составляет около половины, а часто и более половины длительности всего полифтонга: см. первую таблицу на с. 383.

2.3. В севернорусском говоре в соответствии с [и͡а] южнорусского говора произносится гласный типа [е͡а]: см. вторую таблицу на с. 383.

В соответствии с литературным [о] после мягкого согласного в севернорусском говоре может произноситься дифтонг типа [е͡о], начальный и

конечный сегменты которого бывают весьма различными по длительности: см. первую таблицу на с. 384.

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
з’и͡ат’	и — е — — ä — ę	62 — 44 — — 93 — 44	25 — 18 — — 38 — 18
лашаъд’и͡ах	и — ę — — ȧ — а	55 — 42 — — 60 — 47	27 — 20 — — 29 — 24
л’и͡ажу	и — е — — ä — ȧ — а	84 — 41 — — 44 — 49 — 68	29 — 14 — — 15 — 17 — 23
т’ил’и͡атам’и	и — е — ä	52 — 39 — 65	33 — 25 — 42
дъч’иᵉр’и͡ам’и	ų — е — — ę — ä	84 — 34 — — 40 — 104	33 — 13 — — 15 — 39
тр’и дн’и͡а	ų — е — ȧ	60 — 50 — 91	34 — 29 — 37
вз’и͡ат’	и — е — ȧ	60 — 57 — 57	34 — 33 — 33
пар’и͡адашнъй	и — е — — ȧ — а	68 — 42 — — 71 — 42	37 — 23 — — 38 — 22
в’ир’и͡офку	и — е — о	60 — 45 — 120	28 — 20 — 42
аптапл’и͡она	и — ÿ — о	60 — 42 — 105	29 — 20 — 51
л’и͡он	и — е — — ö — õ	78 — 47 — — 53 — 76	31 — 18 — — 21 — 30
паwс’и͡уда	и — ÿ — у	73 — 78 — 95	30 — 31 — 39

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
хоте͡а	е — ȧ — ъ	45 — 72 — 40	29 — 46 — 25
пол’е͡ану	е — ä — — ȧ — ъ	60 — 60 — — 50 — 32	30 — 30 — — 25 — 15
де͡ада	е — ȧ	76 — 120	39 — 61
теб’е͡а	е — ȧ	56 — 80	41 — 59
тр’и дн˙е͡а	е — ȧ	46 — 66	41 — 59
м’е͡асо	е — ȧ	80 — 90	44 — 56
р’е͡адом	е — ȧ	73 — 83	46 — 54

В соответствии с литературным [у] после мягкого согласного в севернорусском говоре может произноситься дифтонг [и͡у]: см. вторую таблицу на с. 384.

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
фсе͡о	е — о̇ —	78 — 35 —	27 — 12 —
	— о — ъ	— 149 — 31	— 51 — 10
те͡омнаӓ	е — о̇ —	70 — 70 —	28 — 28 —
	— ǫ — ъ	— 80 — 30	— 32 — 12
т'е͡омна̄	е — о̇ — о	50 — 42 — 51	35 — 29 — 36
отне͡о̄с'е	е — о̇ — о	77 — 96 — 48	35 — 43 — 22
уйде͡ош	е — о̇	92 — 60	61 — 39
фпер'е͡от	е̣ — е — о	75 — 92 — 93	29 — 35 — 36

Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
кост'и͡ум	и — у̇	79 — 87	48 — 52

Во всех рассмотренных случаях изменение тембра гласных происходит в том же направлении, что и в литературном языке. Поэтому как дифтонги эти гласные воспринимаются только в том случае, если начальный участок гласного достаточно длителен. Если он короток, гласный воспринимается как монофтонг.

2.4. Однако в тех же говорах встречаются такие гласные, неоднородные по тембру, у которых можно выделить стационарный участок, значительно превышающий по длительности переходные участки. Но при этом гласный все равно воспринимается аудиторами — носителями литературного языка как неоднородный по тембру из-за того, что изменение тембра в составе гласного противоположно тому, которое наблюдается в литературном языке. В гласных такого типа могут реализоваться фонемы ⟨е⟩ и ⟨о⟩.

Фонема ⟨е⟩, как и в других архаических русских говорах, в исследованных нами говорах преимущественно реализуются в монофтонге [е]. Но в сильных фразовых позициях, особенно при эмфатическом усиле-

нии, в соответствии с ⟨е⟩ произносятся звуки [е͡и] или [е͡ᵘ], сходные в севернорусском и южнорусском говорах: см. таблицу на с. 385.

Прослушивание этих «обратных» дифтонгов с помощью сегментатора позволило выявить любопытную картину. Оказалось, что фаза [и],

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-	отеи̯ц	е — и	77 — 53	59 — 41
русский	неи̯куды	е — и	73 — 50	60 — 40
	ц'еᵘтв·еро	е — ᵘ	75 — 46	62 — 38
	неᵘкоўда	е — и	92 — 52	64 — 36
	неᵘ было	е — и	111 — 63	64 — 36
	овеᵘц	е — и	90 — 50	65 — 35
	неᵘ былo	е — и	104 — 43	71 — 29
южно-	н'еи̯ была	е — и	82 — 67	55 — 45
русский	н·еᵘ была	е — и	99 — 58	63 — 37
	навеᵘрх	е — ᵉ	84 — 50	63 — 37
	м'ине͡ᵘ	е — и	93 — 55	63 — 37
	драв·еᵘц	е — ᵘ	186 — 63	75 — 25
	сеᵘрп	е — и	145 — 40	78 — 22
	канеᵘц	е — и	150 — 39	79 — 21

реже [ᵘ, ᵉ], завершающая обратный дифтонг, может по длительности составлять всего около 20% общей длительности дифтонга. Воспринимаются же эти квази-дифтонги как настоящие дифтонги. Очевидно, это связано с тем, что при таком развертывании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается «сползание» гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия. В случае произношения «обратного» дифтонга такое привычное протекание гласного нарушается и поэтому даже короткий сегмент верхнего подъема воспринимается как полноправный компонент дифтонга.

Еще больше неожиданного оказалось в дифтонгических реализациях фонемы ⟨о⟩.

Фонема ⟨о⟩ после этимологически твердого согласного в исследуемых говорах обычно реализуется монофтонгом [о]. При эмфазе может появляться звук неоднородного тембра. Аудиторы этот звук часто определяли как [о͡ʸ] или [о͡у]. Так же определяли этот звук и мы, когда отбирали примеры для анализа. Однако при прослушивании на сегментаторе ни в одном из отобранных нами примеров из обоих говоров не оказалось конечного сегмента верхнего подъема.

Все эти примеры можно разбить на следующие группы.

1. В гласном наблюдается незначительное повышение подъема к концу: от [о] к [о̝], от [ǫ] к [о] или от [ǫ] к [о̝]:

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-русский	г до͡о̝му	о — о̝	118 — 84	53 — 47
	зо͡о̝lото	о — о̝	120 — 70	64 — 36
	гǫ͡от	ǫ — о	161 — 61	73 — 27
	Кǫ͡ол’а	ǫ — о	225 — 110	67 — 33
южно-русский	до͡о̝ч’	о — о̝	80 — 50	61 — 39
	бро͡о̝с’ил’и	о — о̝	92 — 52	64 — 36
	сто͡ǫрожъм	ǫ — о	78 — 45	65 — 35
	шт̝ǫ͡о̝ ты	ǫ — о̝	146 — 55	74 — 26

2. Подъем и лабиализованность гласного на всем его протяжении остаются неизменными, а ослабляется интенсивность конечного сегмента:

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-русский	До͡о̰с’а	о — о̰	88 — 51	63 — 37
	До͡о̰с’у	о — о̰	76 — 86	47 — 53
	из до͡о̰му	о — о̰	100 — 50	67 — 33
	Ко͡о̰л’к’а	о — о̰	82 — 59	58 — 42
	кусо͡о̰ц’к’а	о — о̰	78 — 38	67 — 33
южно-	w по͡о̰л’ъ	о — о̰	95 — 67	59 — 41

русский	в до͡о̯ску	о — о̯	122 — 47	72 — 28
	плато͡о̯к	о — о̯	97 — 59	62 — 38

3. Происходит ослабление и делабиализация конечного сегмента гласного:

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-русский	*Ко͡ɤ̯лл'к'а*	ɤ̯ — ʌ (слабый)	80 — 40	67 — 33
	по͡ɤ̯ʌ тр'и	ɤ̯ — ʌ (слабый)	65 — 65	50 — 50
южно-русский	*во͡ʌр*	о — о̯ (сл.) — ʌ (сл.)	110 — 66 — 37	52 — 31 — 17
	што͡ʌ ты	о — о̯ (сл.) — ʌ (сл.)	143 — 65 — 58	54 — 24 — 22

4. Наблюдается обратное явление: начало гласного нелабиализовано, а конец лабиализуется:

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-русский	ст͡ʌɤ̯га	ʌ — ɤ̯	88 — 110	44 — 56

5. На протяжении гласного наблюдается значительное понижение тона с одновременным ослаблением интенсивности:

Говор	Слово	Сегменты гласного	Длительность сегментов в мс	Длительность сегментов в %
северно-русский	до͡о̯ц'к'а	*о* (выс. тон) — *ъ*^{о} (сл., низк. тон)	75 — 62	55 — 45
южно-русский	п'ит'со͡о̯т	*о* (выс. тон) — *о* (сл., низк. тон)	122 — 47	72 — 28

Почему же эти разнообразные случаи реализации ⟨о⟩ воспринимаются аудиторами как неоднородный гласный типа [о͡^{у}], хотя ни в одном из этих случаев нами не обнаружен сегмент типа [у]? Ответ на этот вопрос, возможно, заключается в следующем. Незначительное повышение подъема может

переоцениваться аудиторами при восприятии. Такая же переоценка может происходить при появлении лабиализации в конечном сегменте гласного и при его ослаблении, так как [у] отличается от [о] и большей лабиализацией, и меньшей собственной интенсивностью [ср. Зиндер 1979, с. 182].

Таким образом, применение сегментатора позволило нам обнаружить особенности в реализации гласных фонем, не отмеченные при обычном слуховом анализе.

С точки зрения классификации дифтонгов в представленном здесь материале имеются все виды дифтонгов, известные из общей фонетики: нисходящие, восходящие и равновесные, или «истинные» по терминологии Л. В. Щербы.

Обозначение дифтонгов как [и͡е], [у͡о], [е͡и], [о͡у] — это обобщенная, схематическая, условная их передача. В неоднородных по тембру гласных «скольжение тембра встречается в максимально возможных пределах — от *у* до *ǫ*, от *и* до *ę*; в южнорусских говорах рекурсия может достигать еще большего раствора до степени *а*, хотя и с редуцированным оттенком звучания. Указанная шкала может осуществляться в неполном виде, например, от *ǫ* до *о*, от *ę* до *е*» [Высотский 1967а, с. 26; см. также: Пауфошима 1983б, с. 21—23].

3. Рассмотренные дифтонги, а вернее полифтонги, характерны для архаических русских говоров, имеющих, как указывалось выше, и другие архаические черты. Можно, следовательно, предположить, что такие же гласные неоднородного тембра были свойственны и древнерусскому языку [ср. Шахматов 1915а, с. 10, 114, 169, 322—323, 343; Дурново 1924, с. 114, 194—195, 200]. (Другую точку зрения см. [Селищев 1968, с. 42—43, 175—176].)

Типичными реализациями гласных фонем древнерусского языка были, по-видимому, следующие: ⟨ѣ⟩ — [и͡е], ⟨ѡ⟩ — [у͡о], ⟨е⟩ — [е͡и], ⟨о⟩ — [о͡у]. Гласные фонемы ⟨ѣ⟩, ⟨ѡ⟩ и ⟨е⟩, ⟨о⟩ воплощались в звуках неоднородного тембра, отличающихся направлением его изменения: у [и͡е], [у͡о] происходило понижение подъема, у [е͡и], [о͡у] — повышение.

Анализируя гласные говора Катромы Харовского района Вологодской области, Р. Ф. Пауфошима обнаружила следующую закономерность. В соответствии с этимологическим *о* под нисходящим ударением в говоре произносятся и [о͡у] и открытое [ǫ], в соответствии же с этимологическим *ъ* — почти исключительно [ǫ]. «Эти наблюдения,— пишет Р. Ф. Пауфошима,— позволяют предположить, что в современных во-

логодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия *о под нисходящим ударением и *ъ» [Пауфошима 1983б, с. 35—36]. На основании этих наблюдений можно, следовательно, предположить, что типичным воплощением ⟨ъ⟩ в сильной позиции был [o̯].

Типичным воплощением гласных фонем ⟨а⟩, ⟨у⟩, ⟨о⟩ после мягких согласных также были звуки неоднородного тембра типа [и͡а], [и͡у], [и͡о]. В говорах, где не сформировалась категория твердости/мягкости согласных, им соответствовали ⟨ȧ⟩, ⟨ẏ⟩ ⟨ȯ⟩, воплощенные в [е͡а], [и͡у], [е͡о].

О существовании в прошлом подобных дифтонгов в русском языке и в других славянских языках может свидетельствовать графическое оформление соответствовавших йотированных букв кириллицы ѩ, ѧ, ю, ѭ, употреблявшихся и после согласных. Первая часть этих диграфов обозначала ⟨и⟩, воплощавшуюся в звуке [и]. Ср. также букву *іо̂*, существовавшую в русской графике в XVIII в. в соответствии с ⟨о⟩ после мягких согласных.

По-видимому, ⟨е⟩ (обычно выступавшая после твердых согласных) после мягких согласных тоже воплощалась в звуке типа [и͡е]. Так, А. А. Шахматов пишет, что в новгородских грамотах XIII—XIV вв. буквы *ѣ* и *е* строго различаются, но *ѣ* и *ѥ* смешиваются. По мнению А. А. Шахматова, это свидетельствует о том, что на месте *ѣ* произносился дифтонг [и͡е] [Шахматов 1885, с. 136—137, 149]. Но это же свидетельствует о том, что и в соответствии с *ѥ* произносился дифтонг [и͡е][85].

[85] Первые публикации — [Касаткин, Пауфошима 1981; Касаткин 1991, с. 14—16].

Утрата ⟨Ѣ⟩ в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке

1. Исторический период развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор. В этих говорах дифтонги выступают лишь в сильных фразовых позициях — в начале фразы, в ее коммуникативном центре, при эмфазе. В слабых фразовых позициях произносятся монофтонги и дифтонгоиды [см. Пауфошима 1983б, с. 19—33]. Реализация некоторых гласных в архаических южнорусских говорах может быть представлена в следующей таблице:

Позиция во фразе / Фонема	Сильная	Слабая
⟨ω⟩	[у͡о]	[ọ], [ᵘ͡о], [о]
⟨о⟩	[о͡у], [ǫ]	[ǫ], [ᵘ͡о], [о]
⟨Ѣ⟩	[и͡е]	[ẹ], [ᵘ͡е], [е]
⟨е⟩	[е͡и], [е]	[е], [ᵘ͡е], [е]
⟨'а⟩	[и͡а]	[ᵘ͡а]
⟨'о⟩	[и͡о]	[ᵘ͡о]
⟨'у⟩	[и͡у]	[ᵘ͡у]

«Слабые фразовые позиции создают условия для нейтрализации ⟨ω⟩ — ⟨о⟩ и ⟨Ѣ⟩ — ⟨е⟩. Можно представить, что именно таким был путь отхода от древней системы, различающей семь гласных фонем в большин-

стве говоров русского языка, включая те, которые легли в основу современного литературного языка» [Пауфошима 1983б, с. 33]. В речи одних и тех же представителей архаического слоя говоров в одних и тех же словах наряду с дифтонгами могут произноситься и монофтонги: [о] в соответствии с [у͡о] и [о͡у], [е] в соответствии с [и͡е] и [е͡и]. В речи молодежи дифтонгов может уже не быть вовсе. Так происходит переход от семифонемной системы вокализма к пятифонемной.

2. Дифтонги [и͡а], [и͡у], [и͡о], [и͡е] выступали в одной и той же позиции после мягких согласных. Монофтонгизация этих дифтонгов имела различные следствия у разных фонем. Изменение [и͡а] > [ᵘ͡а], [и͡у] > [ᵘ͡у], [и͡о] > [ᵘ͡о] не приводило к фонологическим изменениям. Соотношение вариаций фонем ⟨а⟩, ⟨у⟩, ⟨о⟩ после твердых и мягких согласных оставалось прежним, хотя сами эти вариации фонетически сблизились. Так, раньше фонема ⟨а⟩ воплощалась под ударением в звуке [а] после твердого согласного и в звуке [и͡а] после мягкого согласного: [па́]*дать* — [п’и͡а]*тый*. Затем после мягкого согласного [и͡а] > [ᵘ͡а] ([ˑа]): [п’ᵘ͡а]*тый* ([п’ˑа́]*тый*). Но при этом ни в фонологической системе, ни в фонемном составе слов, содержащих ⟨’а⟩, ничего не менялось. Точно также на одном этапе фонема ⟨у⟩ воплощалась под ударением в звуке [у] после твердых согласных и в звуке [и͡у] после мягких согласных (*ок*[ну́] — *ко*[н’и͡у]), а фонема ⟨о⟩ соответственно в звуках [о] и [и͡о] ([ло́]*шадь* — [л’и͡о]*н*). На следующем этапе в этих же позициях фонема ⟨у⟩ стала воплощаться в звуках [у] — [ᵘ͡у] ([ˑу]), а фонема ⟨о⟩ в звуках [о] — [ᵘ͡о] ([ˑо]): *ко*[н’ᵘ͡у] (*ко*[н’ˑу́]), [лᵘ͡о]*н* ([л’ˑо]*н*). Но эти фонетические изменения не вызвали изменений в фонологической системе: количество фонем, состав их дифференциальных признаков оставались теми же.

3. Перед дифтонгом [и͡е], воплощающим ⟨Ѣ⟩, произносились парные мягкие согласные, а перед [е͡и] и сменившим его [е], по-видимому, произносились парные твердые согласные.

Об этом, в частности, говорят данные некоторых говоров. Так, среди южнорусских говоров встречаются такие, в которых перед [е] из этимологических *е*, *ь* произносятся парные твердые согласные: *атэ́ц*, *дэрэ́вн’а* и пр. Такое произношение отмечено, по словам Н. Н. Дурново, «в немногих говорах ⟨...⟩ в южных уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.» [Дурново 1969, с. 163]. Однако примеры этого явления, приводимые наблюдателями, обычно единичны или немногочисленны и не дают возможности судить о степени его распространенности в говоре

[см. Будде 1898, с. 842, 1275—1276, 1297; Дурново 1903; 1906, с. 41; Никольский 1903]. Рассмотрена эта черта и в описаниях среднерусских говоров, сделанных Д. В. Бубрихом, А. А. Шахматовым, А. Н. Гвоздевым, С. С. Высотским [Бубрих 1913, с. 332—334; Шахматов 1913, с. 213; Гвоздев 1948, с. 53—54; Высотский 1949а, с. 45—49]. Отмечена эта особенность и в ряде неопубликованных ответов на Программу ДАРЯ [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 65] и в работах, подготовленных в связи с составлением ДАРЯ [см. Мораховская 1957, с. 200; Строганова 1957, с. 125; Гецова 1959, с. 106].

Подобное явление было обнаружено мной и Ю. Г. Сохацкой в говоре деревни Липовка Пичаевского района Тамбовской области в 1964 г. В этом говоре семифонемный состав гласных с фонемами ⟨ѣ⟩ и ⟨ѡ⟩, находящимися на ступени их утраты.

Перед этимологическим *ѣ* произносятся парные мягкие согласные, а на месте *ѣ* следующие гласные звуки. Перед твердым и мягким согласным и на конце слова иногда отмечается дифтонг [и͡е]: *б'и͡е́лый*, *н'и͡ет*, *н'ив'и͡е́стъ*, *в л'и͡ес*, *п'ир'ęс'и͡е́к*, *уд'и͡е́льиш*; *б'и͡е́л'ьн'к'и*, *ф с'и͡е́н'и*, *ф с'и͡е́м'и*, *г д'и͡е́ф'к'и*, *услад'и͡е́ит'*, *к таб'и͡е́*, *фс'и͡е*. Иногда отмечается [и̯е] и [ę]: *б'и̯е́лъ*, *л'и̯е́тьм*, *св'ę́тлъ*, *в ъкт'абр'ę́*. Но гораздо чаще в соответствии с *ѣ* отмечен [е]: *д'е́ль*, *л'е́тьм*, *н'ив'е́стъ*, *ис пл'е́нъ*, *хл'е́бъф нар'е́зъл'и*, *м'е́ръ*, *д'ет*, *м'е́стъ*, *за хл'е́бъм*, *л'е́тъс'*, *б'е́лыи*, *м'ех*, *п'е́нъ*, *н'е́ту*, *н'ив'е́скъ*, *γр'ех*, *д'е́дшкъ*, *з'д'е́льлъс'*, *п'ат'ис'т'е́нка*, *сапр'е́ль*, *ъвдав'е́ль*, *в'ал'е́ль*, *таб'е́*, *саб'е́*, *в ньйабр'е́*, *ф с'ал'е́*, *в γн'аз'д'е́*, *б'ад'е́*, *нъ рук'е́*, *нъ пъталк'е́*, *в дъбн'ак'е́*, *в м'ашк'е́*, *в вад'е́*, *пъ з'амл'е́*, *в з'арн'е́*. Несколько более закрытый звук, как и в литературном языке, произносится обычно между мягкими согласными: *н'ид'е́л'у*, *ф т'е́с'т'ъ*, *пас'е́й*, *на р'е́ч'к'ъ*, *кал'е́йут*, *м'е́х'и*, *ат н'ив'е́с'т'ъ*, *мълад'е́йа*, *пъумн'е́йъ*. Отмечен в этой позиции и [и]: *д'и́т'и*, *д'и́в'ер'*, *б'и́л'ьн'к'ъ*.

Перед этимологическим *е* (из *е*, *ь*) в речи самых пожилых жителей деревни обычно произносятся твердые парные согласные, производящие впечатление полумягких из-за отсутствия веляризации. Эта их особенность отражена в наших записях 1964 г.

В соответствии с *е*, *ь* изредка отмечается дифтонг [е͡и]: *ат·е͡и́ц*, *з·е͡и́мл'у*, *д·е͡и́с'ит'*, *дв·е͡и́р'и*, *прайд·е͡и́т'*. Но чаще всего здесь произносится [е]: перед твердым согласным — *т·е́мнай*, *да тр·е́х ра́с*, *пан·е́въ*, *св·е́кър*, *т·е́мнъ*, *з'ил·е́на*, *н'ъдал·е́къ*, *л·ет* (лёд), *кат·е́нак*, *атламл·е́най*, *ръз'д'ил·е́ны*, *ч'ижыл·е́ньй*, *ф с'ир·е́тк'ъ*, *сатк·е́м*, *н·е́ былъ*, *в·е́рстк'им'и*, *м·е́рзлъ*, *б·е́рдъ*, *абд·е́рнут'*; на конце слова — *у м'ин·е́*, *у т'иб·е́*; перед отвердевшими согласными — *ат·е́ц*, *кан·е́ц*, *адеш́къ*, *затре́ш*, *нъклад·е́ш*, *фп'ихн·е́ш*, *ис'п'ик·е́ш*, *заст·е́-*

жъч'к'и, м'ёжу, ст'ёшкъ, ст'ёжъч'к'ъ, ад'ёшк'и, з'ёмл'у, п'ётл'и, св'ёрху, в'ерх, навёрх, ч'итвёрх, сп'ёрвъ, п'ёрвъва, с'ерп, в'ёрбона; перед мягкими согласными — *въз'н'цсён'йъ, Хр'истóс васкрéс'ъ, уйд'ёт', в'ид'ёт', прайд'ёт', сатр'ёт', вазм'ёт', атайд'ёт', нę йд'ёт', д'ен', в'ес', наст'ёл'ут', с'ем', д'ёс'ит', д'ес'т', ф с'ёр'ду* (середу), *к п'ёч'и, тр'ёт'ай, т'ип'ёр', кап'ёйк'и, кап'ёик, кап'ёцк, л'уд'ёй, д'ит'ёй, лъшыд'ёй, зъклад'ёй, къпан'ёй*.

В новых заимствованных из литературного языка словах, имеющих в литературном языке под ударением [е] перед твердым согласным, произносится [е], перед которым предшествующие согласные непалатализованы: *м'ётры, към'ит'ёт, карс'ётк'и, лаф'ёт*.

Отмечен такой же согласный и перед [е] в словах, где в других говорах выступает ⟨Ѣ⟩: *кл'ётъч'к'им'и, н'ид'ёл'ъ, в'ин'ёшн'ик*.

Несмягченный согласный обычно бывает перед ударным [е]. Но отмечено также несколько случаев произношения таких согласных в безударном слоге: *д'ив'ер', йёс'ен', въскр'ис'ён'йъ*. Отмечен такой согласный и перед ударным [и]: *пт'ицъ, платк'ú, ан'ú, см'ал'ú, мат'ифф*.

Несмягченные согласные перед [е] (и [и]) отмечены только в речи самых пожилых жителей деревни. Но и у них перед исконными *е, ь* довольно часто можно встретить мягкие согласные: *св'ёклъ, дал'ёкъ, с'ёстры, ав'ёс, изв'ёскъ, с'в'ёкър, кл'ен, пан'ёвы, ф с'ир'ёткъх, пр'ив'ёл, нъп'ир'ёт, р'иб'ёнкъ, р'иб'ёнък, жър'иб'ёнък, д'ит'ёньч'ък, м'ид'в'ид'ёнък, дубл'ёнай, пад'ём, ис'п'ик'ём, зъм'ит'ём*; *у т'иб'ё, с'иб'ё, у л'ис'ё*; *с'т'ёшъч'к'ей, сажм'ёш, натк'ёш, п'ър'ажу'ёш, сп'ёрвъ, п'ёрвъй, зам'ёрс, з'ёрньшкъ, раз'д'ёршку*; *т'ип'ёр'а, д'ен', с'ем', з'ил'ён'ьн'к'и, пл'ит'ён', м'ёл'н'ицъф, д'ив'ёр'йи, р'ёл'и, с'л'ёг'и, бан'ёй, с'ин'ёй, умр'ёт', т'ик'ёт', б'иг'ёт', с'в'ит'ёт', пад'ёт', б'ир'ёт', ахлыс'н'ёт', л'н' ёт', жыв'ёт'*.

4. Говор д. Липовки позволяет реконструировать прежнее состояние интересующего нас звена фонетической системы этого говора и проследить пути его изменения.

По-видимому, древнее различение ⟨Ѣ⟩ и ⟨е⟩ проявлялось в характере гласных звуков: [и͡е] в соответствии с ⟨Ѣ⟩, [е͡и] в соответствии с ⟨е⟩, а также в характере предшествующего согласного, парного по твердости/мягкости: мягкого перед ⟨Ѣ⟩, твердого перед ⟨е⟩.

Дальнейшее развитие гласных, воплощающих ⟨Ѣ⟩ и ⟨е⟩, связано с монофтонгизацией дифтонгов. Вначале утрачивается дифтонг [е͡и]. На этом этапе ⟨Ѣ⟩ обычно воплощается в дифтонге [и͡е], ⟨е⟩ — в [е]. Затем происходит и монофтонгизация [и͡е], в результате чего различия между

гласными, воплощающими ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ утрачиваются: эти гласные совпадают в одном звуке, передаваемом обычно при транскрипции диалектного (и литературного) произношения как [е]. Происхождение этого [е] на новом этапе отражается лишь в характере предшествующего согласного: перед [е] из ⟨ѣ⟩ произносится парный мягкий согласный, перед [е] из ⟨е⟩ — парный твердый. Затем (возможно, под воздействием литературного языка) и это различие утрачивается.

Следует, однако, учитывать, что после твердого и после мягкого согласного произносится не один и тот же гласный звук: после мягкого согласного в начале гласного наблюдается *и*-образный переходный элемент. Поэтому более точная транскрипция такого гласного — [$\widehat{\text{иe}}$] [см. Аванесов 1956, с. 100; Матусевич 1976, с. 71—72]. Разница между [е] и [$\widehat{\text{иe}}$] позиционно обусловлена, оба эти звука воплощают одну и ту же фонему ⟨е⟩.

5. Говор Липовки замечателен тем, что он подтверждает высказанную Л. Л. Васильевым гипотезу о различении этимологических *е* и *ѣ* в говоре Москвы XVII—XVIII вв. Рассматривая московские памятники этой эпохи и труды В. К. Тредьяковского и А. П. Сумарокова, Л. Л. Васильев убедительно доказал, что язык Москвы характеризовался тем, что перед *е* в нем произносился твердый согласный, а перед *ѣ* мягкий [Васильев 1910, с. 195, 202, 209, 214]. Эта гипотеза была затем еще раз подтверждена В. В .Виноградовым [Виноградов 1919, с. 276—279], а затем Б. А. Успенским, обнаружившим ту же разницу в согласных перед гласным ударного слога, восходящим к *ѣ* и к *е*, не только в письменных источниках, но и в современном литургическом чтении старообрядцев [Успенский 1968, с. 29—36, 54—58; 1975, с. 37—39].

О характере гласных звуков, произносящихся на месте *е* и *ѣ*, Л. Л. Васильев писал: «Не следует упускать из виду, что ⟨...⟩ Тредьяковский посредством *ѣ* передавал французское *ie* (например, *новоманѣрныя* ⟨...⟩, *пѣса* = пьеса ⟨...⟩), которое отличается от *е* не только тем, что передает гласный звук, имеющий перед собою смягченный согласный, но и своим дифтонгическим характером, и это последнее обстоятельство невольно вызывает вопрос о дифтонгическом характере и московской буквы *ѣ* XVIII века, на который, впрочем, дать положительный ответ не имеется других данных» [Васильев 1910, с. 206]. Убедительные доказательства того, что ⟨ѣ⟩ в эту эпоху реализовалась дифтонгом, были позднее приведены В. В. Виноградовым, Б. А. Успенским, М. В. Пановым [Виноградов

1919, с. 280—281; Успенский 1968, с. 34; Панов 1990, с. 338—360].

Л. Л. Васильев считал, что между звуками, произносившимися на месте *е* и *ѣ* в языке Москвы XVII — первой половины XVIII в., существовала такая же «тонкая фонетическая разница», как между гласными звуками, произносящимися на месте букв *ы* и *и*, *а* и *я*, *у* и *ю* после согласных. Эта разница, по мнению Л. Л. Васильева, доступна лишь «наблюдению ограниченного круга лингвистов», а «для всей массы говорящих русским языком и пишущих на нем» гласные эти тождественны [с. 195]. Иначе говоря, так же как мы объединяем звуки [ы] и [и] в одну фонему ⟨и⟩, звуки [а] и [^{и}а] в ⟨а⟩, [у] и [^{и}у] в ⟨у⟩, мы должны и звуки, произносившиеся на месте *е* и *ѣ* в языке Москвы XVII — первой половины XVIII в., считать представителями одной фонемы. На необходимость подобного вывода из замечаний Л. Л. Васильева указал М. В. Панов при рассмотрении этого вопроса в своем докладе на Виноградовских чтениях в МГУ в 1979 г. [см. также: Панов 1990, с. 347].

6. Для русских говоров, знающих систему, сходную с системой языка Москвы XVII — первой половины XVIII в., этот вывод, однако, был бы неправилен.

Такая система обнаруживается, в частности, и в говорах ряда деревень Хвастовичского р-на Калужской обл., из которых Бояновичи, Пиневичи, Нехочи, Хвастовичи представлены большим количеством магнитофонных записей, хранящихся в отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, произведенных С. С. Высотским в 1956 г., Р. Ф. Касаткиной в 1987 г. и Р. Ф. Касаткиной, Е. В. Щигель, Ю. И. Павловым и мною в 1988 г.

В этих говорах фонемы ⟨а, о, у⟩ в сильных фразовых позициях воплощаются после твердых согласных в звуках [а, о, у], а после мягких — в дифтонгах [^{и}а, ^{и}о, ^{и}у]. При этом не имеет значения, парный или внепарный согласный выступает перед этими звуками. После внепарных твердых согласных в этом говоре фонемы реализуются в звуках [а, о, у] так же, как и после парных твердых: [па]*р*, *пи*[ро́]*г*, *к сто*[лу́] и [жа́]*рко*, *ме*[шо́]*к*, *к от*[цу́]. После внепарных мягких согласных фонемы ⟨а, о, у⟩ реализуются так же, как и после парных мягких: *ко*[н'^{и}а] и *клю*[ч'^{и}а], [л'^{и}о]*н* и *по*[ч'^{и}о]*м*, *ко*[л'^{и}у] и *по*[j^{и}у].

После парных по твердости/мягкости согласных здесь, как и в говоре Липовки, существует зависимость и между звуками, выступающими

на месте *ѣ* и *е*: в соответствии с *ѣ* произносится [и͡е], а также [ẹ], [е] ([ᵘ͡е]) после мягких согласных, в соответствии с *е* — [е͡и], [ę] и чаще [е] после твердых согласных: *д'и͡елат'*, *л'и͡ес*, *с'и͡ев*, *д'и͡ет*, *к саб'и͡е*, *нъ стал'и͡е*, *фс'и͡е*; *паткл'ẹ́т*, *хл'ẹ́п*, *д'ẹ́да*, *нъ саб'ẹ́*; *б'е́лъй*, *д'е́лъй*, *в'ек*, *ф ч'уγун'е́* — *пеи͡ч'*, *у м'ине͡и*, *ве͡ич'иръм*, *в'изеи͡ш*; *нę́мцъф*, *пълатę́нцъ*, *здęс'*, *прайдę́т'*; *пане́въ*, *аве́с*, *ме́рзл'и*, *заде́ржывъй*, *у с'ибе́*, *мъладе́ц*, *степ*, *сем*, *л'ипе́шкъ*, *у пе́ч'ку*, *де́в'ът'*, *ре́л'и*, *дней*, *лъшаде́й*, *пр'ин'исе́ш*, *жнеш*, *умре́т'*, *иде́т'*, *дажыве́м*, *паде́м* и т. п.

Эту зависимость гласных звуков от качества предшествующих согласных, парных по твердости/мягкости, можно определить как дополнительное распределение. А это одно из необходимых условий для того, чтобы считать эти звуки относящимися к одной фонеме. Однако условия этого недостаточно. С точки зрения Московской фонологической школы, необходимо также, чтобы эти позиционно обусловленные звуки чередовались в одних и тех же морфемах. Но этого в архаической системе говоров Хвастовичского р-на нет[86].

Решающим для фонологической интерпретации звуков, выступающих здесь на месте исконных *ѣ* и *е*, является позиция после согласных, внепарных по твердости/мягкости. Именно эта позиция позволяет говорить о противопоставлении в говорах ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩. В этой позиции сохраняется различение звуков, связанных с разными морфемами: *на но*[жы͡е] — [же́]*нский*, *в ду*[шы͡е] — *ду*[ше́]*вный*, *в шала*[шы͡е] — *шала*[ше́]*й*, [цẹ́]*лый* — [це́]*рква*, *на пле*[ч'и͡е] — [ч'е́]*стный*, [jи͡е]*ли* (глагол) — [и̯ę́]*ли* (сущ.), [jи͡е]сть 'кушать', [и̯ę]сть 'имеется'. Такое же различение ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ после внепарных по твердости/мягкости согласных отмечается и в других говорах [см. Высотский 1967а, с. 52].

7. Утрата противопоставления ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ после внепарных по твердости/мягкости согласных происходила в результате монофтонгизации дифтонгов [и͡е] и [ы͡е]. Это изменение привело к тому, что на месте дифтонгов стал произноситься звук типа [е], совпавший с реализацией фонемы ⟨е⟩. Совпадение ⟨ѣ⟩ и ⟨е⟩ началось с безударного положения [см. Васильев 1905а, с. 178; 1905б, с. 295—296, 337], где условия для прояв-

[86] У старшей части населения отмечаются также случаи произношения мягких согласных перед [е], выступающим на месте исконного *е*: *к'ис'е́л'*, *ат'е́ц*, *в'е́р'ес* и т. п. У молодежи таких примеров гораздо больше. Появление таких мягких согласных на месте исконных твердых, безусловно, позднее явление и вызвано все усиливающимся влиянием литературного языка и соседних говоров.

ления дифтонга были неблагоприятны в силу краткости безударных слогов по сравнению с ударными.

Таким образом, утрата ⟨Ѣ⟩ как особой фонемы в русском языке была следствием общего процесса монофтонгизации дифтонгов. Сохраняться могла эта фонема в тех говорах, где ее развитие привело к монофтонгу [ę], противопоставленному аллофону ⟨е⟩ — [е][87].

[87] Первая публикация — [Касаткин 1991].

Причины и время изменения *ѣ* > *и* и *ä* > *е* в русских говорах

1. История переходов *ѣ* > *и* и *ä* > *е* традиционно связывается с воздействием следующего мягкого согласного. Но результаты этих изменений наблюдаются и в тех вологодских говорах, где согласные не были в прошлом противопоставлены по твердости/мягкости (см. выше, с. 145—166). В системе, где не было противопоставления согласных по твердости/мягкости, воздействие согласного на предшествующий гласный не могло быть основной причиной (или условием) изменения этого гласного. В такой системе твердость/нетвердость согласного подчинена следующему гласному, не самостоятельна, позиционно обусловлена. Мягкость согласного могла быть вызвана только соседним гласным переднего ряда. Поэтому мягкость согласного и не могла сама по себе воздействовать на предшествующий гласный. Следовательно, изменения *ѣ* > *и* и *ä* > *е* были вызваны не мягкостью следующего согласного, а следующим гласным переднего ряда. Оба эти изменения — результат уподобления, ассимиляции гласных.

Ассимиляция гласных соседних слогов — частое явление в русском языке. Примеры регрессивной ассимиляции гласных отмечаются в древнерусском языке [см. Соболевский 1907, с. 90—91; Шахматов 1915а, с. 65—66, 115, 194, 200—201]. Ассимиляцией гласных обусловлено формирование различных типов предударного вокализма. Таковы оканье при ассимилятивном аканье, ассимилятивное оканье при аканье, яканье, осложненное ассимилятивностью [см., например, Аванесов 1949, с. 65, 88—92, 100—101; 1972, с. 67—68, 81—83, 86]. Разнообразные случаи ассимиляции гласных в современных русских говорах и литературном

языке обнаружила Р. Ф. Пауфошима [Пауфошима 1980; 1981]. Она отмечает ассимиляцию гласных безударных слогов, главным образом второго предударного слога, следующему гласному.

Эта ассимиляция осуществляется по подъему и степени лабиализации. Р. Ф. Пауфошима выделяет случаи *а*-ассимиляции, *ы*-ассимиляции *у*-ассимиляции, *о*-ассимиляции, *и*-ассимиляции и приходит к выводу: «Ассимиляция безударных гласных гласным последующих слогов — явление, широко распространенное во многих говорах русского языка. Это фонетическое явление отмечено и в среднерусских, и в южнорусских, и в севернорусских говорах» [Пауфошима 1981, с. 80].

2. История перехода *ѣ* в *и* по памятникам письменности и материалам ДАРЯ может быть представлена следующим образом.

2.1. В. В. Виноградов, исследовавший историю *ѣ* в севернорусском наречии, выделяет «памятники, употребляющие *и* вместо *ѣ* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными», и «памятники с переходом *ѣ* в *и* только в положении перед мягкими согласными» [Виноградов 1919, кн. 1, с. 173]. Среди памятников I типа В. В. Виноградов выделяет «памятники, в которых случаи перехода *ѣ* в *и* — ⟨...⟩ нередкие перед мягкими согласными — представляют как бы исключение в положении перед твердым слогом» [кн. 1, с. 187]. Памятники I типа «располагаются как бы по нисходящим ступеням лестницы количественного убывания случаев перехода *ѣ* в *и* — особенно в положении перед твердыми согласными. Эти случаи могут быть единичными в буквальном смысле этого слова, и рукописи с такой орфографией образуют естественный переход к II категории памятников „новгородских“» [кн. 1, с. 192].

Памятники II типа тоже не однородны. В них «обозначились количественным преобладанием соответствующих примеров условия, которые содействовали скорейшему переходу *ѣ* в *и*,— это положение *ѣ* перед *і̯* и перед слогом, носителем которого является звук *и*» [кн. 1, с. 203].

К III типу В. В. Виноградов относит памятники, к которым «принадлежит значительная часть древнепсковских текстов, в которых при обычном обозначении через букву *ѣ* звука *ѣ̂*, случаи перехода *ѣ* в *и* — в некоторых рукописях довольно многочисленные — наблюдаются только при наличии упомянутых ограничительных условий» — перед *і̯* и слогом с *и* [кн. 1, с. 204; кн. 2, с. 190—192].

2.2.1. В. В. Виноградов считает, что «несомненные указания на совпадение *ѣ* с *и* ⟨...⟩ можно извлечь из памятников не ранее XIII — нач.

XIV века» [кн. 1, с. 244]. Но уже в текстах древнейшего периода истории русского языка XI—XII вв. обнаруживаются примеры перехода *ѣ* в *и* в положении перед *i̯*, что «может свидетельствовать ⟨...⟩ о начавшемся изменении дифтонга *i̯ê* на пути сближения с *и*» в говорах, которые позднее знали переход *ѣ* в *и* и в других условиях. «Именно так надо толковать соответствующие данные Ефремовской Кормчей XII в., в которой случаи замены *ѣ* через *и* ⟨...⟩ отмечены ⟨...⟩ только перед и после *i̯* и перед слогом с *и*» [кн. 1, с. 204—205].

Итак, анализ, проведенный В. В. Виноградовым, позволяет установить, что переход *ѣ* в *и* начинается перед [и̯]. В этой позиции возникает сочетание звуков [и͡еи̯], где между двумя однородными гласными верхнего подъема заключен гласный более низкого подъема. Необычное скольжение тембра этого сочетания с понижением, а затем опять с повышением подъема выравнивается по гласным более высокого подъема. В результате [и͡еи̯] > [ии̯].

Затем на [и͡е] начинает воздействовать и слог со следующим [и]. Здесь [и] стоит не непосредственно после дифтонга, но согласные, которые их разделяют, «настроены» на артикуляцию [и]. Таким образом, эта позиция существенно не отличается от предыдущей. Позднее в это воздействие на [и͡е] включаются и другие «мягкие слоги»[88].

2.2.2. Позднейшая история этого явления может быть представлена как проникновение [и] из *ѣ* и в позицию перед «твердым слогом» на основе аналогического выравнивания. В. В. Виноградов приводит немало примеров подобного рода [кн. 1, с. 176, 177, 188—191, 193, 194 и др.].

О более позднем проникновении [и] на месте *ѣ* в позицию перед «твердым слогом» говорят современные диалектные данные. Произношение [и] на месте *ѣ* перед мягким согласным в ударном и безударном слоге характерно для большей части севернорусского наречия, кроме самой южной части ладого-тихвинских и белозерско-бежецких говоров и части архангельских говоров [см. Образование с-р наречия 1970, с. 162, карта 48]. Произношение же [и] на месте *ѣ* перед твердыми согласными, встречаясь на той же территории, представлено разорванными ареалами. Значительное число севернорусских говоров знает произношение [и] на месте *ѣ* только между мягкими согласными [с. 159, карта 46; с. 257, карта 69].

---

[88] В. В. Виноградов обычно говорит о зависимости перехода *ѣ* в *и* от следующего мягкого или твердого согласного, но иногда говорит и о положении перед «мягким слогом» или «твердым слогом» [кн. 1, с. 163, 165, 187 и др].

Характерно и распределение количества примеров о [и] перед мягкими и перед твердыми согласными. Так, отмечается, что в говорах Ладого-Тихвинской группы [и] перед мягкими согласными может быть последовательным [с. 241]. Перед твердыми же согласными, «как правило, именно наряду с произношением [и] отмечают и звуки [ê] и реже [и͡е]» [с. 239]. В говорах Вологодской группы «при преобладающем произношении [и] в соответствии исконному *ѣ* под ударением перед мягкими согласными» [с. 287] [и] перед твердыми согласными «обычно встречается по говорам в единичных случаях» [с. 256]. В говорах Костромской группы при произношении «[и] или [и] наряду с [е] перед мягкими согласными» [с. 294] отмечают «в отдельных редких говорах ⟨...⟩ случаи произношения [и] в соответствии *ѣ* перед твердыми согласными наряду с доминирующим произношением [е]» [с. 292]. Эти случаи «указывают на нефонетический характер употребления [и] перед твердыми согласными, где оно могло лексикализоваться в говорах, ранее знавших произношение [ê] перед твердыми согласными и [и] перед мягкими в соответствии *ѣ*» [с. 294].

Намеченная здесь история ⟨ѣ⟩ в севернорусских говорах согласуется с мнением ряда других историков русского языка. Так, Р. И. Аванесов считал, что «в древнем новгородском диалекте ⟨...⟩ тенденция к сближению [ѣ] и [и] в определенных фонетических условиях наметилась довольно рано. Изменение гласного [ѣ] в [и] имело место раньше в положении перед мягким согласным, при сохранении его как особой фонемы перед твердым согласным (во всяком случае под ударением). Вместе с этим появляется гласный [и] на месте [ѣ] во флексиях (как результат морфологической замены или фонетического развития); кроме того, наблюдаются случаи, свидетельствующие об изменении [ѣ] в [и] перед твердым согласным. Все это в большей или меньшей степени отражено в новгородских берестяных грамотах XII—XV вв. Последовательное изменение [ѣ] в [и] под ударением перед твердым согласным, приводящее к утрате гласного на месте [ѣ] как особой фонемы и его отождествлению с фонемой [и], характерному для многих новгородских говоров XVII—XX вв.[89],—говоры, отразившиеся в языке новгородских берестяных грамот, если и пережили, то, видимо, в эпоху, следующую за временем написания более поздних из исследованных грамот (т. е. в

[89] По-видимому, это изменение в севернорусских говорах нигде не было таким последовательным, как считает Р. И. Аванесов.

XVI в. и в последующее время)» [Аванесов 1955, с. 91]. В. В. Колесов считает, что, «по-видимому, сначала изменилось ⟨ѣ⟩ в ⟨и⟩ только в слоге перед ⟨и⟩ или в конце слова; ср.: видихъ < вѣдихъ, на мисти, нетлиния, прилинихся < прѣлѣнихся ⟨...⟩» [Колесов 1980, с. 185]. А. А. Зализняк обнаружил в новгородских берестяных грамотах примеры смешения *ѣ* с *и*: «Лишь одна грамота с этим эффектом ⟨...⟩ относится к рубежу XII и XIII вв. ⟨...⟩; все прочие не старше 2-й пол. XIII в. ⟨...⟩ Лишь около четверти грамот, смешивающих *ѣ* с *и*, содержат примеры такого смешения перед твердой согласной. В остальных смешение *ѣ* с *и* затрагивает только позицию в конце слова и перед мягкой согласной (или j)». А. А. Зализняк предлагает следующую интерпретацию этого явления: «Фонетический аспект состоит в том, что фонема /ě/ ⟨...⟩ с XIII в. ⟨...⟩ обнаруживает склонность к переходу в [и] в позиции перед мягкими согласными и на конце слова (а в каких-то говорах, возможно, и во всех позициях» [Зализняк 1986, с. 108].

3. История перехода *ä* в *е* по памятникам письменности и материалам ДАРЯ может быть представлена следующим образом.

3.1. Примеры написания *е* вместо *а* «перед мягким согласным» А. И. Соболевский обнаружил в новгородских памятниках XI—XII вв., однако он сомневается в том, что эти примеры можно считать «не ошибками и не описками». И только подобные примеры в новгородских и псковских памятниках XIII—XIV вв., по его мнению, «могут передавать особенность живого языка и указывать на существование в нем *е* из *а*» [Соболевский 1907, с. 88—89]. Так же оценивает эти примеры П. С. Кузнецов, отмечая, что «несколько более частыми становятся подобные примеры начиная с XVI в.» [Борковский, Кузнецов 1965, с. 136—137]. Однако Н. Н. Дурново и Р. И. Аванесов считали, что свидетельствовать о переходе [а] в [е] могут такие написания в памятниках только с XVI в. [Дурново 1924, с. 202; Аванесов 1955, с. 93]. Анализ материалов ДАРЯ привел А. И. Сологуб к выводу: «Оформление данного фонетического явления в говорах северо-востока ⟨...⟩ могло протекать и на протяжении XIV—XV вв.» [Образование с-р наречия 1970, с. 21].

Произношение [е] на месте *ä* «перед мягким согласным» известно многим севернорусским говорам, знающим [и] на месте *ѣ* в этом же положении, но отмечается на более ограниченной территории [см. Образование с-р наречия 1970, карты 1 и 2, с. 18, 20 и карта 48, с. 162] и характерно лишь для Вологодской группы северного наречия [Захарова, Орлова 1970, с. 111] и

для части архангельских говоров. Это может свидетельствовать и о более позднем возникновении [е] на месте *ѧ́* сравнительно с [и] на месте *ѣ́*.

В современных говорах отмечаются факты, свидетельствующие о том, что чередование [а ‖ е] перестало быть фонетически обусловленным, а превратилось в чередование фонем ⟨а ‖ е⟩ (⟨ѧ́ ‖ е⟩). Об этом говорит то, что «на современном этапе существования вологодских говоров наряду с [е] в соответствии *а* между мягкими согласными, как правило, произносят и [а] и лишь в единичных говорах произношение [е] отмечают как исключительное» [Образование с-р наречия 1970, с. 260]. Об этом же говорят и случаи аналогического переноса [е] в позицию перед твердым согласным. Таковы примеры *гуле́нка* (при *гуле́ть*, *гуле́ньe*), *снеў*, *взел* (при *сне́ли*, *взе́ли*), *гре́тка* (при мн. *гре́д'йо*) [Образование с-р наречия 1970, с. 19], *в*[з'ел], *в*[з'ét]*ы*, *г*[р'éз]*ная*, *г*[р'éз]*ное*, *г*[р'éз]*ные*, [м'éл]*кам*, *пол*[п'ét]*ова*, [р'éд]*ом*, [т'éн]*ут*, *про*[т'éн]*ута*, [д'ét]*лоф* [Преображенская 1965, с. 323; 1973а, с. 73, 75]. В глаголах *лечь*, *сесть* в части вологодских говоров наблюдается фонетически закономерное чередование *л'а́гу — л'е́г'еш — ... — л'а́гут*, *с'а́ду — с'е́д'еш — ... — с'а́дут*, а в части говоров компактными ареалами распространено образование этих форм *л'е́гу — л'е́г'еш — ... — л'е́гут*, *с'е́ду — с'е́д'еш — ... — с'е́дут* [ДАРЯ, вып. 2, карта 95].

Таким образом, в рассматриваемых говорах есть случаи нефонетической замены ⟨ѣ⟩ на ⟨и⟩ и замены ⟨ѧ́⟩ на ⟨е⟩. Но разница между этими явлениями в том, что произношение [и] на месте *ѣ́* может почти полностью вытеснить «перед твердым согласным» фонетически закономерные [и͡е, ẹ, е], тогда как произношение [е] на месте *ѧ́* в этой позиции отмечается только в немногих примерах. Это еще одно свидетельство более позднего возникновения второго из рассматриваемых явлений.

3.2. В современных говорах Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области в соответствии с *ѧ́* перед твердым слогом и на конце слова в сильных фразовых позициях произносится дифтонг [е͡а]: *р'е͡а́дом*, *роб'е͡а́там*, *не отход'е͡а́*, *м'ен'е͡а́* и т. п. (см. выше, с. 152, 163).

Можно предполагать, что этот же дифтонг произносился здесь и в древности. Изменение дифтонга [е͡а] перед мягким слогом, в состав которого всегда входил гласный ненижнего подъема (также и [е͡а] с [е]-образной начальной фазой), было аналогично изменению в этой же позиции дифтонга [и͡е]: происходило повышение подъема второй части дифтонга [е͡а] и превращению его в [е].

4. Изменение [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] на первых этапах истории этих процессов было чисто фонетическим явлением. Оно происходило только в некоторых позициях, где и возникала в результате этого нейтрализация фонем ⟨ѣ⟩—⟨и⟩, ⟨а̇⟩—⟨е⟩. В других позициях эти фонемы продолжали различаться. Поэтому на ранних этапах результаты этих процессов могли не отражаться или плохо отражаться в памятниках письменности: [и], как вариант фонемы ⟨ѣ⟩, на письме обозначался так же, как и [и͡е], воплощавший ⟨ѣ⟩ в сильной позиции,—буквой ѣ, а [е], как вариант фонемы ⟨а̇⟩, на письме обозначался так же, как и [е͡а], воплощавший ⟨а̇⟩ в сильной позиции,—буквами ѧ, ѩ, ꙗ, а.

Написания с и на месте ѣ и с ѥ, є на месте ѧ, ѩ, ꙗ, а появились только в результате того, что [и], возникший из [и͡е], перестал ассоциироваться в языковом сознании писцов с фонемой ⟨ѣ⟩, а стал представителем ⟨и⟩, а [е], возникший из [е͡а], перестал ассоциироваться с ⟨а̇⟩, а стал представителем ⟨е⟩. Эта же перестройка в языковом сознании говорящих могла привести к обособлению, отрыву этих звуков [и], [е] (теперь уже воплощающих ⟨и⟩, ⟨е⟩) от вызвавшей их позиции, в результате чего и появилась возможность переносов ⟨и⟩, ⟨е⟩ по аналогии в тех же морфемах в позицию перед твердым слогом. Поэтому примеры написания и на месте ѣ и ѥ, є на месте ѧ, ѩ, ꙗ, а перед твердым слогом могут быть такими же древними, как и написания, фонетически закономерные. Так, среди примеров из новгородских и псковских памятников, приведенных А. И. Соболевским, находим: тьрьпиниѥ и претьрьпилъ ѥси (Минея 1096 г.); невидѣниѩ (там же) и не (Пантелеймоново Ев. XII в.); человичьскыи, человичь и человикомъ (Евангелие 1355 г.); имамъ ти ничто рещи и на мѣстѣ никоѥмь (там же) и др. [Соболевский 1907, с. 35]; освѧщеѥть (Кормчая ок. 1282 г.), просвѣщеѥть (Требник гр. Шереметева XIV в.) и провѣщелъ (Параклитик 1369 г.) [с. 88—89].

5. Изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] перед слогом с гласным переднего ряда возникли, очевидно, до падения редуцированных гласных. В севернорусских говорах, по некоторым предположениям, оно завершается к концу XIV в. [Горшкова 1968, с. 126; Колесов 1980, с. 120]. Есть также мнение, что «редуцированных как самостоятельных гласных фонем в живой восточнославянской речи уже не было» к концу XII в. [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 67]. Материал берестяных грамот дал основание А. А. Зализняку отнести начало процесса падения конечных редуцированных «по крайней мере к концу XI—началу XII в. ⟨...⟩ Падение неконечных сла-

бых редуцированных продолжалось около ста лет: примерно со 2-й четверти XII в. по 10-е годы XIII в.» [Зализняк 1993, с. 270]. Конечные редуцированные сохранялись дольше (см. ниже, с. 464—477). Когда же закончились процессы перехода [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е]?

Если изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] прошли до падения редуцированных гласных, то утрата ⟨ь⟩ в конце слова могла не внести ничего нового в реализацию гласной предшествующего слога. Утрата ⟨ь⟩ привела к замене нетвердого предшествующего согласного (если он был нетвердым) твердым[90], но [и] или [е], оказавшиеся перед таким твердым согласным, могли сохраняться. Если изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] осуществлялись после падения редуцированных гласных, то, оказавшись, в результате утраты ⟨ь⟩ в конечном слоге перед твердым согласным, [и͡е] и [е͡а] должны были сохраниться или измениться как перед твердым слогом.

5.1. В кожуховском говоре Биряковского района на месте *ѣ* отмечены примеры *здис*, *йит* (повелит. наклонение), *ни́т ит* (ведь). Но примеры эти не показательны, так как замена ⟨Ѣ⟩ на ⟨и⟩ произошла здесь во многих случаях и перед твердым согласным, исконно стоявшим перед гласным непереднего ряда: *загор'ýй*, *загор'úла*, *дúлalu*, *лúтом*, *л'úтъ*, *гleд'úла*, *снúгу*, *м'úста*, *прии́хат* и т. п. В слободском говоре Харовского района иная закономерность. Здесь перед слогом с гласным непереднего ряда и в последнем слоге слова перед стоявшим некогда [ъ] произносятся звуки [и͡е, ẹ, е], а перед слогом с гласным переднего ряда произносится [и]: *с'и͡е́но*, *л'и͡е́том*, *не к сп'и͡е́ху*, *в'и͡е́тка*, *п'и͡е́на*, *р'и͡е́па*, *хл'и͡еп*, *с'и͡еў*, *б'ẹ́laa*, *л'ẹ́то*, *м'ẹ́сто*, *кр'ẹ́пкоᵘ̆о*, *сл'ẹт*, *в л'ẹс*, *д'ẹ́душко*, *ст'ẹ́ны*, *зр'élaa*, *сн'ẹ́гу*, *с'ẹ́ра*, *р'ẹ́зат* и т. п.; *п'úл'и п'úсни*, *w'ún'икоw*, *одún'ош*, *гоw'úнйо*, *шм'úст'и*, *сúйет*, *хотúл'и*, *с кол'úней*, *кр'úпц'е*, *надúйус*, *w л'úс'е*, *м'úстешныи* и т. п. Отступления от фонетически закономерного произношения чрезвычайно редки: *хл'úбушко*, *об'úдат*, *забол'úў*, *спотúла*, *жол'úзо*; *сопр'éет*, *бол'éет*, *зам'émula* и некоторые другие. В конечном слоге перед выпавшим гласным переднего ряда произносится [и]: в неопределенной форме глагола — *посмотр'úт*, *смотр'úт* (если [и] здесь фонетического, а не морфологического происхождения: [ср. Высотский 1949, с. 18]), *погл'едúт*, *йис* (есть); в повелитель-

[90] В системе, не знавшей противопоставления согласных по твердости/мягкости, твердость и нетвердость звуков, воплощавших одну и ту же фонему, были позиционно обусловлены. Утрата ⟨ь⟩ была для предшествующей согласной фонемы сменой позиции. В результате одна позиционно обусловленная вариация фонемы заменялась другой ее вариацией.

ном наклонении — *не уйи́т, йит, нади́н, оди́н*; в существительных — *л'ин, т'ин, м'ит* (медь); в наречии *здис*; в частице *в'ит* (ведь).

Утрата конечного безударного гласного *-и* в неопределенной форме глагола происходила в вологодских говорах поздно. Формы типа *ходи́ти, кла́сти* и сейчас отмечаются в рассеянном распространении на территории северо-восточной диалектной зоны [Образование с-р наречия 1970, с. 98, 278; Захарова, Орлова 1970, с. 93]. К поздним процессам относится и утрата конечного безударного гласного *-и* в формах повелительного наклонения [Белоусов 1982, с. 147—149]. Поэтому приведенные глагольные формы мало что могут сказать о времени изменения [и͡е] > [и]. Наличие же [и] у приведенных существительных и наречия *здис*, где в конце слова ранее произносился [ь], говорит о том, что изменение [и͡е] > [и] произошло до падения слабых редуцированных гласных в конце слова.

5.2. Результаты перехода [е͡а] > [е] говорят о том, что этот процесс завершался уже в эпоху после падения редуцированных гласных. Так, в слободском говоре Харовского района и в кожуховском говоре Биряковского района наблюдается почти не поколебленное чередование [е͡а, ᵉ͡а, а̀] перед твердым слогом || [е, е͡и] перед мягким слогом. При этом в последнем слоге слова перед утраченным гласным переднего ряда на месте *ӓ* отмечаются разные гласные. В формах инфинитива и повелительного наклонения отмечено только [е]: *изм'ém, wзет, взет, затопл'ém, гул'ém, прес* (прясть); *сет* (сядь) (слободской говор); *м'ет, остawл'ém, загон'ém, прес, пр'ес* (кожуховский говор). В период утраты конечного *-и* в этих формах переход [е͡а] > [е] уже закончился. К этим примерам, очевидно, следует отнести и *не торо́п'ес*, записанный в кожуховском говоре. Утрата гласного возвратного постфикса в положении после гласного в вологодских говорах тоже, по-видимому, относится к поздним изменениям. В Вологодской группе не только есть говоры, знающие сосуществование усеченных и неусеченных форм возвратного постфикса в положении после гласного, что свойственно большинству говоров русского языка, но и встречаются также говоры, где отмечены только неусеченные, полные формы постфикса или же эти формы преобладают [Образование с-р наречия 1970, с. 112].

В других словах наблюдается колебание. Так, в слове *опять* в кожуховском говоре отмечено только [е]: *опе́т, оп'ém, оп'ém, оп'ém' тудá, оп'éд' да*. В слободском говоре в этом слове отмечены *оп'ém и оп'ám*. У существительных и числительного *пять* тоже отмечены примеры с [е, е͡и]: *др'ен, зе͡ит, п'ет, п'е͡ит* (слободской говор); *гр'ес, гр'ез дак* (кожуховский говор).

Но гораздо чаще встречается произношение [e͡a, ᵉ͡a, ȧ]: *гр'ас*, *з'ат*, *п'е͡ат*, *п'ᵉ͡ат*, *п'ат* (*п'ат подво́т*, *п'ат лошадёй*, *п'ат м'ётрош*, *п'ад годо́ш*, *п'ат одна́ко йих*, *п'ат йаблоне́й*, *п'ат р'ебро́ў* и т. п.) (слободской говор); *з'е͡ат*, *з'е͡ат*, *з'ᵉ͡а т*, *з'а́т-ет*, *зе͡ап*, *з'е͡ап*, *гр'ас-то*, *п'е͡ат*, *п'ᵉ͡ат* (кожуховский говор).

Такое соотношение примеров может говорить о том, что [e͡a, ᵉ͡a, ȧ] у отмеченных существительных и числительного *пять* фонетически закономерны. Переход [e͡a] > [е] был живым фонетическим процессом в эпоху после падения редуцированных гласных и не затронул эти слова, в которых после [e͡a] стоял твердый согласный и уже не было следующего гласного переднего ряда. Появление [е] в этих словах объясняется переносом его по аналогии из форм косвенных падежей, где этот звук был фонетически обусловлен: *др'ён'и*, *гр'éз'и*, *п'ет'и́* и т. п. Об аналогическом переносе, который может осуществляться только при осознании говорящими [е] как фонемы ⟨е⟩, говорят и примеры с [е͡и]—типичным представителем ⟨е⟩.

Перенос по аналогии произошел, очевидно, и в примерах из слободского говора *гр'езно́ᵘ̆о*, *гр'езну́lи*, *гл'ежу́*, *обр'ежа́ц̄'а*, *зар'ежа́ў*. Эти примеры отступают от общей закономерности говора, по которой чередование [а ‖ е] перед твердым ‖ мягким слогом наблюдается и в безударном положении. Ср.: *пр'ады́*, *порт'ано́*, *порт'аны́йо*, *шерст'аны́йо*, *к'ип'ато́к*, *попл'ас а́la*, *т'ану́л'и*, *р'або́й*, *шубн'ака́м*, *шубн'ако́ш*, *ивн'агу́*, *сосн'агу́*, *в йел'н'агу́*, *пуц̄'аго́ м*, *гл'ажу́*, *погл'ажу́*, *пол'ашы́*; —*гл'едйт*, *погл'едйт*, *гл'ед'éla*, *гл'ед'ýлц̄'о*, *напр'ед' о́м*, *р'еб'ýна*, *до п'ет'и́*, *дес'ет'и́*, *потрест'и́*, *из йец̄'м'éни*, *баен'ис* и т. п.

Подобные примеры приводит и М. Н. Преображенская из катромского говора Слободского сельсовета Харовского района. Здесь в последнем слоге слова перед выпавшим гласным переднего ряда тоже в глагольных формах отмечено только [е, ę]: *гл'ен!*, *вз'ет*, *ковыр'ém*, *пр'ес*, *пр' ęс*, *изм'ęт*, *н'е тороп'éс*. В остальных случаях колеба*ние*: *оп'ám*, *з'ат*, *по пᵘ̆á т и оп'ém*, *п'ет* [Преображенская 1973а, с. 75].

Таким образом, отмеченные в рассматриваемых говорах примеры с [и] на месте *ѣ*, и [е] на месте *ä* перед твердым согласным в конце слова не противоречат предположению о том, что категория твердости/мягкости согласных не сформировалась еще в этих говорах в период изменения [и͡е] > [и] и [e͡a] > [е].

6. В слободском и кожуховском говоре отмечены примеры, которые противоречат высказанному выше предположению о том, что изменения [и͡е] > [и] и [e͡a] > [е] были вызваны следующим гласным переднего ряда. В этих примерах после звуков, выступающих на месте дифтонгов

[и͡е], [е͡а], находим сочетание заднеязычного согласного с [и]: *д'ᵘ͡ẹ́фк'и, занав'ц̣́ẹск'и; гр'ᵉ͡а́тк'и, сел'ẹ͡ан'к'и, за п'ᵘ͡а́тк'и, л'ном'ᵘ͡а́ўк'и, дойа́рк'и, доц̣́а́рк'и, йа́к'и, йа́ким куска́м* (кожуховский говор); *д'е́wк'и, д'е́ўки; у р'ек'и́, с р'ек'и́, до р'ек'и́; гр'а́тк'и, пр'а́ўк'и, фс'а́к'ие, шубн'ак'и́, кос'аки́* (слободской говор). О. Брок в тотемском говоре, характеризующемся наличием [и] на месте *ѣ* перед мягким слогом, отмечает среди примеров, противоречащих общей закономерности: *сн'êг'и* (им. мн.), а также *д'êфк'и, д'êтк'и* [Брок 1907, с. 23, 87].

Однако в период изменения [и͡е] > [и] и [е͡а] > [е] здесь не было условий для этого: после заднеязычных произносился [ы], гласный непереднего ряда. Процесс замены [кы, гы, хы] на [ки, ги, хи] проходил в рассматриваемых вологодских говорах поздно (см. выше, с. 196—197).

7. Если бы изменения *ѣ* > *и* и *ä* > *е* вызывались следующим мягким согласным, то отсутствие этих изменений в южнорусских говорах было бы непонятно: южнорусские говоры обладают, как писал Р. О. Якобсон, более сильной палатализационной степенью согласных по сравнению с говорами севернорусскими [Якобсон 1971, с. 600—603].

Исходя из высказанной выше гипотезы, отсутствие этих изменений в южнорусских говорах можно объяснить следующим образом. Для севернорусских говоров типично такое распределение силы гласных разных слогов, при котором «безударные слоги произносятся достаточно полновесно и лишь сравнительно немного уступают в отношении экспираторной силы ударенному слогу» [Аванесов 1949, с. 58]. В такой системе не только гласный ударного слога может оказывать воздействие на гласный предударный, но и гласный заударный на гласный ударный.

В южнорусских говорах заударный гласный значительно слабее ударного. Редукция гласного в заударном неконечном слоге здесь «настолько велика, что в отдельных случаях она может привести к полному его исчезновению» [Аванесов 1949, с. 60—61]. Такой редуцированный гласный не мог ассимилировать предшествующий гласный ударный.

Не могло происходить изменение *ѣ* > *и* и *ä* > *е* в южнорусских говорах и в предударных слогах: в результате аканья все гласные неверхнего подъема совпали здесь в недифтонгическом гласном [ср. Сидоров 1969, с. 21]. Между тем необходимое условие изменений *ѣ* > *и* и *ä* > *е* — дифтонгичность гласных звуков, произносящихся на месте *ѣ* и *ä*[91].

[91] Первая публикация — [Касаткин 1985б].

Чухломское аканье

1. В северо-западной части Костромской обл. в окружении окающих говоров есть так называемый Чухломской акающий остров. Аканье здесь распространено почти во всем Чухломском районе, в значительной части Солигаличского р-на и отмечено в пограничных с ними частях Буйского и Галичского р-нов.

Первые сведения об аканье в этих говорах относятся к 1821 г. [см. Нерехотский 1821, с. 150]. В 1896 и 1898 гг. говоры эти изучал Ф. И. Покровский [Покровский 1897; 1899], а в 1911 г. Н. Н. Соколов [Соколов 1917]. В конце 1940-х — начале 50-х годов говоры северо-западной и западной окраин акающего острова были изучены Г. В. Шайтановой [Шайтанова 1952; 1962]. Отдельные сведения об особенностях костромских акающих говоров содержатся и в статьях других исследователей [см. Грехова 1964][92].

2. В 1940—1960-е годы костромские говоры были обследованы по Программе ДАРЯ. В 1962 г. Е. Г. Бурова, А. С. Феоктистова и я, собирая в Костромской обл. материал для Атласа С, побывали на территории акающего острова. В двух населенных пунктах: д. Шартаново тогдашнего Судайского, ныне Чухломского р-на и д. Дудино Чухломского р-на мы обнаружили, что имеющееся в говоре этих деревень аканье и яканье носят диссимилятивный характер. Из Шартанова мы привезли магнитофонные записи примерно на час звучания, отражающие это явление.

---

[92] Границы акающего острова, приведенные ниже на картах 1, 2 обозначены на основании карт 1 и 3 ДАРЯ, вып. 1.

Диссимилятивность — черта очень важная в характеристике безударного вокализма. Это одна из наиболее существенных черт, по которым классифицируются современные акающие говоры. Известно также, что большинство диалектологов и историков русского языка считают эту черту признаком наиболее архаичной системы, а недиссимилятивное аканье и яканье признают результатом позднейшей трансформации диссимилятивного. В Шартанове и Дудине мы были не первыми диалектологами. В секторе диалектологии Института русского языка АН СССР уже имелся материал из этих деревень, собранный для диалектологического атласа. Из Шартанова было даже два ответа на Программу ДАРЯ, один из этих ответов был составлен Г. В. Шайтановой. Но ни в одном из этих ответов не была отмечена диссимиляция.

Просмотрев все ответы на Программу ДАРЯ, хранящиеся в Институте русского языка и составленные на территории акающего острова, мы только в одном из них обнаружили несколько примеров, явно свидетельствующих о наличии в говоре непоследовательно проводимой системы диссимилятивного аканья и диссимилятивно-умеренного яканья. Материал этот был записан А. И. Сологуб и Ю. Г. Сохацкой в д. Аринино, расположенной на северном берегу Чухломского озера. Не было указаний на диссимиляцию и в опубликованных описаниях Чухломского аканья.

Поэтому мы считали необходимым продолжить наблюдения над чухломским говором, чтобы выяснить степень распространенности обнаруженной нами диалектной особенности.

3. В 1973 г. Е. Г. Бурова и я в течение двух недель проводили запись диалектного материала в Чухломском р-не. Мы побывали в пяти населенных пунктах, записали в полевые дневники и на магнитную ленту речь около тридцати жителей этих и соседних деревень. Магнитофонную запись мы производили на аппарате «Репортер-6», записали 40 пленок примерно на 13 часов звучания.

Деревни, выбранные нами для обследования,— это старые населенные пункты с коренным русским населением, расположенные в центре акающего острова: 1) д. Дудино Чухломского сельсовета, находится в 3 км к западу — юго-западу от Чухломы на южном берегу Чухломского озера, 2) поселок (бывшее село) Ножкино Жаровского сельсовета, расположен на северном берегу Чухломского озера на тракте Чухлома — Солигалич в 13 км от Чухломы, 3) д. Григорьевская Жаровского сельсовета, в 2 км от Ножкина по дороге на Солигалич, 4) д. Повалихино Повалихинского сельсовета, ле-

жит на дороге Чухлома — Судай в 20 км от Чухломы, 5) д. Нестерово Повалихинского сельсовета — в 1 км от Повалихина по дороге на Чухлому.

Записи, сделанные нами в этих деревнях, наблюдения наши над речью случайных попутчиков в автобусах, в магазинах, на улице подтверждали наши первоначальные наблюдения: чухломское аканье и яканье характеризуется диссимилятивностью. Черту эту нельзя считать новой: она типична для речи всех слоев населения. Характерна она и для наиболее пожилых местных жителей, основных наших информантов, в том числе и таких, которые родились в 90-х годах XIX в. Таким образом, диссимилятивное аканье и яканье, конечно, были в чухломских говорах и в XIX в., и в начале XX в. Ф. Н. Покровский, Н. Н. Соколов и другие его просто не заметили.

В 1974 г. Е. Г. Бурова и я обследовали пять населенных пунктов Солигаличского р-на: 1) д. Четряково Солигаличского сельсовета в 10 км от Солигалича на запад — юго-запад, 2) с. Высоко Высоковского сельсовета в 25 км на северо-восток от Солигалича (33 км по дороге), 3) Д. Боярсково в 1 км от Высока, 4) д. Нетёсово Бурдуковского сельсовета в 13 км на восток от Солигалича, 5) д. Тарасово Бурдуковского сельсовета в 2 км от Нетёсова на восток. Кроме того, в Солигаличе нами была записана речь жительницы д. Коротково Нижне-Березовецкого сельсовета, находящейся в 33 км на юго-запад от Солигалича. Деревни Нетёсово, Тарасово и Коротково стоят на р. Костроме.

Во всех этих деревнях мы записали речь местных жителей магнитофоном «Репортер-5» на 30 кассетах примерно на 10 часов звучания.

Обследованные нами деревни Солигаличского района расположены на северо-западной и западной окраинах акающего острова. Система безударного вокализма этих говоров отличается от чухломских отсутствием диссимиляции. По-видимому, говоры эти недавно перешли от оканья к аканью: сквозь недиссимилятивное аканье и умеренное яканье отчетливо проступает севернорусское различение гласных неверхнего подъема. Это проявляется в следующем. После твердых согласных на месте ⟨о⟩ может изредка произноситься [о] в безударных слогах. На месте ⟨о, а⟩ в 1-м предударном слоге перед разными ударными гласными произносится часто [ъ], раствор рта вообще небольшой, гласные в этой позиции «поджатые». После мягких согласных перед твердыми на месте ⟨е, о, а⟩ возможны разные звуки от [е] до [а], но [е, æ] чаще на месте ⟨е, о⟩, [а] — чаще на месте ⟨а⟩ . Между мягкими согласными на месте этимологических *е*, *ь*, *а* обычен [е], на месте *ѣ* обычен [и].

Говоры эти относятся к группе, обследованной и описанной Г. В. Шайтановой. Ее наблюдения в основном не расходятся с нашими. По рассказам местных жителей подобные говоры распространены на всей западной части акающей территории Солигаличского р-на. Отличаются от этих говоров говоры деревень Лосевского сельсовета Солигаличского р-на, которые характеризуются теми же чертами, что и чухломские говоры.

Магнитофонные записи, сделанные нами в 1962 и 1973 гг. в указанных деревнях Чухломского р-на, были нами расшифрованы, многие из них почти сплошь затранскрибированы. Расшифровка эта производилась нами на слух. При этом мы пользовались аппаратурой Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР, в частности специальным магнитофоном, на котором возможно прослушивание на кольце магнитной ленты одного и того же слова подряд много раз, возможно воспроизведение записи в замедленном темпе на разных скоростях, пользовались вращающейся магнитофонной головкой, позволяющей прослушивать отдельные сегменты звука и устанавливать их длительность. Все это помогало нам определять характер звуков в сомнительных случаях.

4. Обследованные нами чухломские говоры характеризуются большим единообразием безударного вокализма. Лишь незначительные различия в этой области отмечены нами.

4.1. После твердых согласных в первом предударном слоге гласные ⟨о⟩ и ⟨а⟩ совпадают в одном и том же звуке. Перед ударным [а] этим звуком обычно бывает [ъ]: на месте ⟨о⟩ — *пръпа́л*, *глубъка́*, *въда́*, *дъ дна́-тъ н'и дъста́н'еш*, *пъшла́*, *пъпа́с'-тъ*, *дъска́*, *стъйа́т*, *н'и пъ на́шъму*, *слъма́лъ*, *кътла́*, *дъйа́ркъ*, *въйна́-тъ*, *къса́м*, *мъна́х*, *гъда́*, *свъйа́*, *гръза́*, *пънра́ицъ*, *пъжа́р*, *пръда́с*, *лъма́т'*, *съска́* и т. п.; на месте ⟨а⟩ — *нъшла́*, *нъма́жым*, *гръбл'а́м*, *дъва́л'и*, *тъска́л'и*, *въл'а́эцъ*, *пр'иглъша́л'и*, *къта́йут*, *къка́ъ*, *снъч'а́лъ*, *тъка́ъ*, *фстъва́лъ*, *вър'а́т*, *пъпъда́эт*, *скъза́т'*, *съма́*, *стъла́*, *съжа́л'и*, *укръша́л'и*, *въл'а́йуцъ*, *нън'а́т'*, *зъста́л'и*, *хвъта́аш* и т. п. Перед остальными ударными гласными обычно этим звуком бывает [а]: на месте ⟨о⟩ — *гъвар'и́л'и*, *хад'и́л'и*, *сажгл'и́*, *катлы́*, *мълады́э*, *фтары́йе*, *пътану́лъ*, *пайду́*, *свайу́*, *гадо́ф*, *хърашо́*, *з гълаво́й*, *скато́м*, *гаршо́к*, *пъдаго́м*, *гас'т'е́й*, *свайе́*, *кан'е́шнъ*, *пахл'о́пку*, *пан'о́с*, *да͡йд'о́ш*, *ч'илав'е́к*, *зъгар'е́лъс'ъ*, *бал'е́ет* и т. п.; на месте ⟨а⟩ — *нашл'и́*, *пъ как'и́м-тъ*, *так'и́етъ*, *тра͡шы́*, *ута͡шы́л'и*, *закры́ла*, *заблу́д'ъцъ*, *дайу́т*, *капу́стъ*, *дамно́*, *на ло́тк'и*, *наро́т*, *тако́й*, *нало́жэш*, *карто́шку*, *пъпад'о́ш*, *парн'о́к*, *клад'о́ш*, *пъ трав'е́*, *нам' е́л'им* и т. п.

Перед ударным [а] вместо [ъ] могут произноситься звуки более открытые: [ъ̣, а̣] и даже иногда [а]: *дръ̣ва́, пръ̣па́л, пъ̣шла́, бъ̣йа́ц̄ъ, въ̣да́-тъ; тъ̣ка́йъ, бъ̣гра́м'и, зъ̣жа́р'им, съ̣ма́, къ̣ч'а́йут; са̣жгла́, кра̣ва́т'и, ста̣лба́, па̣па́л'и, па̣жа́ру-тъ; спла̣вл'а́йут, фста̣ва́й, на̣ста́ʷ'им, зда̣ва́т', та̣ска́л'и; прапа́л, пашла́, па йа́гъды, нач'а́м'и, прарва́лъс'; на ма́с'л'ьн'ᵇцы, сад'а́ц̄ъ, нар'а́дныи, здава́л'и* и т. п.

Но при этом разница между предударными гласными все равно сохраняется благодаря тому, что перед [а́] гласный гораздо короче, чем звук, выступающий перед остальными ударными гласными. Очень часто на месте [а] не перед [а́] произносится звук повышенной длительности [ā] или [ą̄] — звук более открытый, чем в московском варианте литературного языка: *ка̄пу́сту, па̄йду́, пъпа̄йу́, ка̄ро́вы, блъγа̄ро́дны, па̄ло́жът, ка̄н'е́шнъ, на̄е́рнь, па̄е́д'им, ч'ила̄в'е́къ,—ха̄д'и́лъ, ка̄с'и́т'-тъ, са̄шл'и́с', ма̄шы́ну, пъкра̄шу́, за̄бо́тъ, ра̄бо́тут, ка̄лхо́с, зна̄ко́м'ил'ис'* и т. п.

Об этой особенности чухломских говоров Ф. И. Покровский писал так: «Открытость произношения *а* в акающем чухломском говоре, особенно в центральных волостях уезда — Бореевской, Мирохановской и Алешковской,— так велика, что здесь очень часто конечное ударяемое *а* в последнем слове фразы,— преимущественно же в ответах, вопросах и приказаниях,— а также и неударяемое *а* в слоге, стоящем непосредственно пред ударением, того слова, на котором стоит логическое ударение фразы, произносится,— главным образом женщинами и по преимуществу старухами,— с такою протяжностью, что в нем слышится почти двойное *а*, неприятно поражающее стороннего наблюдателя своею тягучестью и крикливостью. Так, здесь очень часто можно услышать д*аа*, пр*аа*стите, у сн*аа*хи, ни бизп*аа*коили, спр*аа*сил, к*аа*рмилиц (= кормилец), семь к*аа*пеик (= копеек), в*аа*рочать, н*аа*шли, все р*аа*вно, зд*аа*ровье, ск*аа*жу, гл*яя*жу, л*яя*хко (= легко), к*аа*кое тибе! и под.» [Покровский 1899, с. 333]. Очевидно, не случайно среди этих примеров Ф. И. Покровский не приводит ни одного с ударным *а*[93].

Перед ударными гласными ненижнего подъема в редких случаях бывает и [ъ, ъ̣]: *къс'и́, гъвър'и́т, къды́, стълбы́, гъвър'у́, пътъну́лъ, пъйду́, къко́э, нъ̣йд'о́ш, пъс'о́лък, кън'е́шнъ, мъ̣м'е́нт, мъ̣йе́* и т. п. Обычно это наблюдается

[93] Подобное же явление — большая длительность предударных гласных неверхнего подъема перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов — отмечено и в других говорах — русских, украинских и белорусских. Наиболее подробно это описано в работах [Курило 1924; Войтович 1972; Белая 1974; Чекмонас 1987; Касаткина, Щигель 1995, с. 297—298, 302—304; Просодический строй 1996, с. 237—241].

при ускорении темпа речи, недостаточной громкости, что вызывает ослабление артикуляции и редукцию всего слова. Особенно часто такой [ъ] наблюдается в формах слова *говорить* и в слове *конечно* в результате тенденции к неполному их «проговариванию».

В остальных предударных слогах на месте ⟨о, а⟩ обычно произносится [ъ], хотя и в этой позиции проявляется диссимилятивная зависимость: перед [ъ] первого предударного и других предударных слогов часто наблюдается [а]: *съб'ирáаш*, *пъ д'ús'атку*, *мълакó*, *лъшэд'áм*, *мънастыр'с'к'ие*; *зъм'ин'áлъ*, *нъ в'атрý*, *съмыйý*, *зъгр'ебáйут*, *дъл'акóн'къ*; *пъ д'ир'имн'áм*, *нъ пърьс'áт'н'ик'и*, *нъ лъшэд'áх*, *нъ кл'ьв'арý*, *кълькал'éч'к'и*; *таргъвáл'и*, *напрьвл'áцъ*, *стальвáт'*, *гавър'áт*, *падъбрáл*, *на пърт'áнк'и* | *нъ м'ашк'ú*; *за въс'æмнáцът'*, *напъпълáм* и т. п.[94]

В абсолютном начале слова, после паузы, так же как и после конечного гласного предшествующего слова, указанная закономерность сохраняется: в этой позиции произносится [ъ] в тех же случаях, что и после твердой согласной: *ънá*, *ъп'áт'*, *ъстáл'ис'*, *нъ ътáву*, *н'и ъз'áбн'иш*, *ӷнá и ӷстáлъс'*; *ъгарóды*, *ъгурцы́*. В этом положении возможны и [ạ, а]: *ạднá*, *ạстáв'илъ*, *ạттáск'ивъл'и*, *анá*, *атáвъ*, *аткáт'иц̄э*, *ап'áт'*. В соответствии с общей закономерностью, т. е. не перед [а], в этой позиции произносится [а]: *ан'ú*, *апýс'т'им*, *ав'úн*, *ахóтъ*, *ад'óжы*, *ав'óс*, *ан'é*, *аб'éд'н'и*, *абйéз'д'им*, *абйéхъл'и*; *агърад'úл'и*, *агърáжывъл'и*, *аддъвáй*, *аддълá*, *атъбрáл'и*, *акъйáнныэ*, *абв'ид'óш*, *абв'ин'ч'áт'*, *агурцы́*.

В заударном положении на месте ⟨о, а⟩ после твердых согласных произносится [ъ][95]. В конечном открытом слоге перед паузой возможны

[94] Н. Н. Соколов по поводу этой позиции пишет: «После твердой согласной в большинстве говоров *а* является только в 1-м предударном слоге, а в остальных положениях являются гласные редуцированные — *а* неполного образования или ъ. Напр., ст*а*р*а*н*á* или стъран*á*. Диалектически, кажется, в говорах более южных может являться и полное аканье, т. е. *а* во всех неударяемых положениях, напр., ст*а*р*а*н*á*» [Соколов 1917, с. 142]. Ф. И. Покровский же в отличие от этого указывает: «Во втором и следующих слогах пред ударением акающий чухломской говор также произносит на месте древних орфографических *а* и *о* довольно открытое *а* как в начале слов, так и после твердых согласных, а между ними и шипящих и *ц*. Поэтому здесь говорится: *а*тступилася вм. *о*тступилася, *а*гароды, *а*динокий, св*а*яво, нав*а*равались, г*а*варитса, п*а*дишевле и т. п.» [Покровский 1899, с. 331—332]. Для обследованных нами чухломских говоров произношение, указанное Ф. И. Покровским, не характерно.

[95] И здесь тоже Ф. И. Покровский указывает на произношение *а*: участв*а*вать, за яг*а*дам, Фед*а*ров, тропк*а*й, Михайл*а*в — [с. 332].

также и более открытые гласные [ъ̣, а̣, а]: *лу́къвых, йа́гъды, в го́ръд'и, фс'о́дък'и; со́рък, го́рбъм, ма́с'л'ин'икъф, нъ̣па́лък, бу́квъф; рабо́тъл, вот э́дък, д'е́лът', хла́пън, в б'ис'е́дъх; дъл'ако́н'къ, ма́лъ, кан'е́шнъ, ско́къ, ф'с'о йао́нъ бы́лъ; слъма́лъ, с'истр'и́цъ, ма́ткъ, палпу́дъ, хл'е́бъ; уто́птънъ̣, п'ир'ив'арну́лъ̣, ра́нъ̣, за о́з'ера̣, м'еста́-та, ка̄лхо́с-та, гумно́-та, ра́да, т'о̣́тка* и т. п.

В неконечном слоге отмечены случаи редукции гласного до нуля: *д'в'ена́цти* (однако ритмическая структура слова сохранена благодаря тому что [ц] слоговой).

В безударной позиции, чаще всего в открытом конечном слоге, нами отмечены и гласные более закрытые: [ъ̣, ы̣] или даже [ы]: *стъ̣йа́т, фстъ̣ва́й, въ̣йна́, дъ̣йа́рк'и, нъ сы̣н'а́х, гъвы̣р'а́т, слы́шылъ̣, з'д'е́лъ̣л'и, пр'и́слы̣ны, рабо́ты̣лы̣, сы́пыл'и, вы́дыла, вы́рыс'л'и, ф калхо́зный канто́р'и, т'и́хы̣, йа кас'и́лы̣, бо́л'ны̣, паступ'и́лы̣, рабо́тълы̣, с по́йазды̣, ат'в'е́т'илы̣, спас'и́бы̣, йа спрас'и́лы, цы́с'т'илы, скат'и́ны гул'а́ла, ста́раа-та ра́мы* и т. п. Такое произношение наблюдалось нами главным образом в Ножкине и Повалихине. Повсеместно с [ы] распространено слово *на́ды*.

Иногда на месте ⟨о, а⟩ в безударном положении произносятся лабиализованные звуки типа [о, оᵛ, ъᵒ]. Больше всего таких примеров отмечено нами в позиции перед ударным [а]: на месте ⟨о⟩ — *хвоста́м'и, пъброса́т', когда́, уго̄ша́йут, стойа́т, ко̣гда́, ръᵒстра́ивът', поᵛма́х'ивут, оᵛдна́, соᵛбра́тца, поᵛда́м, поᵛба́ивал'ис'ъ, сноᵛха́, боᵛл'а́т, и оᵛна́, поᵛпа́л, пъ гълоᵛва́м, в гъроᵛда́ф, гоᵛвна́, хъᵒлста́, пъᵒшла́, гъᵒн'а́эм, пъᵒста́ф'т'е, къᵒда́, пъᵒпа́ла̄, пъᵒр'а́дък, ръᵒд'н'а́, ръзлъᵒма́л'и, пъгъᵒс'т'а́т, пъᵒпа́л, ръ̣ᵒска́зывълъ, съ̣ᵒбра́н'йе, н'икъᵒгда́, пъᵒка́, да ъᵒгл'а́дъвълс'е, къᵒгда́, ъᵒста́ѡ'ил'и, гъѡъᵒр'а́т, праѡъᵒжа́т', пъᵒзва́л'и, к'илъᵒгра́м* и др.; на месте ⟨а⟩ — *пъᵒха́л'и, спъᵒха́л'и, рукоᵛва́, моᵛха́ет*; также *бъᵒза́ры, бъᵒра́н, бъᵒра́шек, бъᵒра́нк'и*.

В остальных безударных позициях лабиализованные звуки единичны: *мъᵒйе́, свъᵒйе́, хоръᵒша̄́, попъ̣д'йа́, ѡоᵛйеѡа́л, ъᵒкръᵒм'а́, гъᵒръᵒда́х, ъᵒстъна́вл'ивъш, пъᵒ въс'е̣мна́ц̄ът'и, пр'а́мо пърт'а́нк'и, нъпа́лок, су́моч'къ, луко́шкоᵛф, л'е́тъм-ъᵒт, што́-тъᵒ харо́шаэ, вы́стръᵒил'ис'ъ, д'е́душкъᵒ сам, то́къᵒ и (всего), с ма́ткъᵒй* и др.[96]

Таким образом, позиция перед ударным [а] резко отличается от остальных позиций по количеству примеров с лабиализованным гласным

[96] Ф. И. Покровский тоже указывает на произношение в виде исключения безударного [о]. Такой [о], по его мнению, в предударном положении встречается чаще всего в предлогах и приставках, а в заударном положении — в падежных окончаниях имен существительных и прилагательных [Покровский 1899, с. 331, 332].

на месте фонем ⟨о, а⟩, хотя и в этой позиции примеров с [ъ] во много раз больше. Однако произношение [ъ] и лабиализованного гласного на месте ⟨о, а⟩ перед [а́] встречается у одних и тех же лиц, иногда в одних и тех же словах. Отмечено такое произношение нами у многих говорящих и во всех обследованных нами пунктах.

Произношение лабиализованных звуков на месте *о*, *а* перед слогом с ударным [а] известно многим западным южнорусским говорам с диссимилятивным аканьем [см. Строганова 1975; ДАРЯ, вып. 1, карта 2]. Правда, в слове *баран* и производных от него, а также в слове *баранка*, преобразованном под его влиянием [см. Фасмер 1964—1973, т. 1; ЭСРЯ, вып. 2], во многих окающих, различающих ⟨о⟩ и ⟨а⟩ говорах, в том числе и в говорах, граничащих с Чухломским акающим островом, отмечается произношение предударного [о] [см. Атлас С, карта 5 «Гласный [а] или [о] в первом предударном слоге в слове *баран* в окающих говорах», автор В. Н. Теплова; Атлас В, карта 2 «Предударный гласный в словах *забота*, *баран*, *стакан* в окающих говорах»]. Часто произносятся с предударным [о] в окающих говорах и слова с этимологическим *а* [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 1]. Поэтому можно было бы думать, что лабиализованный гласный в словах с этимологическим *а* в 1-м предударном слоге перед слогом с ударным [а] в чухломских говорах — наследие или результат влияния окающих говоров. Однако многие другие черты чухломских говоров, общие с южнорусскими, дают основание считать и эту их особенность разновидностью аканья.

Фонемы ⟨у⟩ и ⟨и⟩ обычно после твердых согласных в безударном положении реализуются соответственно в звуках [у] и [ы]. Однако есть и отклонения.

На месте ⟨у⟩ во втором предударном слоге отмечается иногда [ъ]: *дъракý*, *жъравл'и́*, *мъжыч'кóф*. В заударном положении кроме [ъ] бывает также и [ы]: *збóкъ был*, *гры́жъ пълуч'и́ла* (если здесь не форма им. падежа), *смóльды и дъ стáръс'т'и*, *ф стóръны* (ед. ч.), *вы́рыгаӣъ*, *цэ́лыйу*, *вар'óныйу*.

На месте ⟨и⟩ отмечен [ъ] в первом предударном слоге перед ударным [а]: *бъкá* (быка), *ътръгáаӣъ*, *аддъшáлъс'ъ* (ср. также *аддахáт'* — пример, записанный от жительницы д. Коротково Нижне-Березовецкого сельсовета Солигаличского р-на). Подобное совпадение в этой позиции фонем ⟨о, а⟩ и ⟨и⟩ характерно и для западных южнорусских говоров с диссимилятивным аканьем [см., в частности, Сталькова 1973, с. 78 и сл.; см. также ниже, с. 437—438]. В заударном положении: *с óпъть*.

4.2. После мягких согласных в первом предударном слоге выступает система диссимилятивно-умеренного яканья. Проявляется она в следующем.

Перед твердыми согласными перед ударным [а] на месте гласных неверхнего подъема обычно произносится [е]: *хл'еба́й, с'естра́, фч'ера́шн'ьвъ, бр'евна́, пъбр'ела́, зъп'ерла́, пъл'ева́ᵘæ-тъ, зъгр'еба́йᵘт, въс'емна́ц̄ът', з'ерна́, пъм'ерла́-тъ, шъф'ера́; м'еста́, р'ека́, сл'еза́й, ср'еза́аш, д'в'ена́ц̄ът'и, пр'иц'с'еда́т'ил'ем, пъ л'ета́м, л'еса́, д'ела́, стр'ела́, спъдр'еза́эш, д'ив'етна́ц̄ът', п'етна́ц̄ът'*. Реже встречается произношение более открытого гласного: *пъм'ęрла́, з'ęрна́, нъд'ęва́л'и, пр'иц'с'ęда́т'ил', м'ęста́м'и, вз'ęла́, въс'æмна́цът', р'æка́, п'æтна́ц̄ът', Къл'æда́* (фамилия), *у Л'акса́ндры, п'атна́ц̄ът', пол т'агла́*.

Перед остальными ударными гласными произносится [а] или еще более открытый гласный [ą]. Этот гласный отличается от гласного, произносящегося перед [а́], не только большей открытостью, но и большей длительностью. При одинаковом темпе, громкости, четкости произношения эта разница особенно заметна в стоящих рядом словах с ударными гласными [а] и не-[а] и отмечалась нами много раз (как и после твердых согласных). В нашей транскрипции это часто не отражено, так как знак долготы мы ставили только в том случае, когда длительность гласного приближалась по слуховому ощущению к длительности нормальных (литературных) двух гласных: *в'арну́ўс'а, к йаму́, пр'ив'азу́т, съб'ару́т, пъч'аму́, нъ кл'ъв'ару́, с'алу́; б'агу́т, нъ в'атру́, в л'асу́, зъ р'аку́; пръкл'ану́л'и, йаршы́, ч'аты́р'и, в'арсты́, нутр'ан̄ы́м, д'аржы́с'; р'ады́; пън'асло́, ф'с'аво́, дъл'ако́н'къ, з'арно́, с'аво́д'н'и, в'асно́й, йаwо́, къл'анко́ръва; зъ р'ако́й, в'адро́; св'акро́ф, л'ан̄о́й, в'адро́м, св'ато́й; д'ąру́ц̄ъ, т'ąлу́шыч'ку, пр'ив'ąзу́т, н'ич'ąо́; пъв'ā́зу́т, ръз'б'ā́гу́ц̄ъ, в л'ā́су́, н'ич'ā́во̨́*.

В предлогах, приставках, отрицательной частице на месте этимологического *е* перед твердыми согласными обычен [и]: *б'ис хл'е́бъ, п'ир'иво́з'ит, п'ир'ишо́л, п'ър'ихо́д'ат, н'и на́ш, н'и зна́йу, н'и ста́л'и, н'и ра́зу, н'и на́ды, н'и бу́д'ет, н'и вы́ръсла, н'ило́фкъйъ, н'ихто́, н'идо́ўгъ*.

Между мягкими согласными в 1-м предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема обычен [и]: *т'ил'а́ты, д'ин'ка́, д'ир'им'н'а́м; зъм'ин'а́лъ, в'ин'ч'а́л'ис', б'ил'а́нк'и, см'ийа́цъ; пъгл'ид'а́т, д'йич'ка́; ув'ил'и́, в'ил'и́к, ф'п'ир'ид'и́, ф' т'им'и́; в д'ив'и́цъх, л'ич'и́л'ис', пъм'ис'т'и́л'и, д'ив'ит'и́, пъгл'ид'и́, р'иб'ит'и́шк'и, гр'из'и́ш̄ъ, нъд'ийу́т; н'ис'о́м, ч'ит'в'о́ртый, в'ир'хо́м, пл'ич'о́, з'ил'о́ный; в'ид'о́р, в'ид'о́рк'и; нъпр'ид'о́м; със'н'ич'о́к; в'из'д'е́, т'ип'е́р', д'ир'е́м'н'у, с'ил'е́н'йьм, п'ич'е́н'йа, з'в'ир'е́й, с'в'ит'е́ц, д'ит'е́й; в б'ис'е́дъх, н'ид'е́л'у, н'ив'е́сту, с'иб'е́, с'ил'е́тк'и, л'ит'е́л; в р'ик'е́, в бъч'иг'е́*.

Изредка в этой позиции наблюдается более открытый гласный [ц̨] или даже [ẹ, е]: *д'ц̨с'áткъм, н'ц̨л'з'á, л'ц̨т'úт, с'ц̨р'пóм, н'ц̨с'óт, в д'ц̨р'éв'н'у, т'ц̨п'éр', зъп'ц̨р'éт', ч'ит'в'ẹр'гá, нът'ер'ẹб'úт, с'ẹр'пóм, пр'ин'ẹс'óм, с'еч'áс, б'ел'áнк'и, ч'ᶜ'ер·н'úкъ, т'ел'óнъч'къ, пъгл'ед'ú.*

Впрочем, на месте ⟨и⟩ в этой позиции наряду с обычным [и] также отмечается изредка более открытый гласный: *пръс'ц̨д'áт, пр'ед'óм дамóй.*

Положение предударного гласного после мягкого согласного перед группой согласных с первым твердым и последним мягким также может указывать на твердость или мягкость первого согласного в этом сочетании в период формирования системы яканья. Произносится в этой позиции [а] только перед таким сочетанием, последним согласным которого является заднеязычный: *в'анк'ú, б'алк'ú, п'аск'ú, ф п'аск'é, на в'ит'арк'é.* Перед [к'] исконно твердый согласный. Очевидно, что в чухломских говорах перед мягкими заднеязычными твердые согласные не смягчались. В примере *С'ирг'éич'а* [р] на месте старого [р'].

В других сочетаниях отмечен только [и]: *с'ин'т'ибр'á, нъйибр'á, с'ин'т'ибр'é, нъᶦибр'é, сл'ипн'ú, път'ипл'éй, в д'ер'ивн'áх, р'ивл'ý, нъ бр'ивн'é, Ивд'éн'йьвнъ, д'иѡч'óнк'и, Ал'ифт'úна, д'ифч'óнък, с'имйá, з'имл'ú, р'имн'óм, т'имн'éй, пъ з'имл'é, б'идн'áцкъй, с'истр'úцъ, с'ирд'éшнъйъ, в з'ирн'é, ръз'в'ирн'ú, игн'áтк'и, игн'óнък, л'игл'ú, с'т'ер'игл'ú, п'икл'ú, нъвл'икл'ú, нъ с'т'икл'é, с'икр'éт, т'ихн'úч'къ, с ывр'éем* (в последнем примере [ы], выступающее после твердых согласных на месте [и], в который изменялось всякое начальное сочетание *ju*).

В других безударных слогах, как и в первом предударном, гласные неверхнего подъема между мягкими согласными обычно совпадают в звуке [и]: *пъ д'ир'имн'áм, р'иб'ит'úшак, ф'п'ир'ид'ú, п'ит'ис'т'éнкъм, пр'иц'с'ẹдáт'ил', д'ир'ив'áн̄ъ, с'им'ид'ис'áтый, ин'т'ир'асýйт'ис'е; — мáт'ир'и, в óз'ир'и, мáл'ин'к'ий, вóс'им'ис'ат, рад'úт'ил'и, в Анýфр'ив'и, задóхн'ис̄'ъ, варóч'ил'и, вы́тр'ис'им, мýч'ᶜ'ил'ис', зá с'им', пáр'ин', óч'ин', пáмит', д'éв'ит', д'éс'ит'.* Такой [и] часто трудно на слух отличить от [ь], также произносящегося в этой позиции и характеризующегося несколько большей количественной редукцией: *нъ кл'ъв'арý, п'ър'ийéхъл, д'ър'ив'áн̄ъй, мáс'л'ън'ък'и, рад'úт'ъл'ъф.*

Изредка в этой позиции произносится гласный более открытый: *с'т'ер'игл'ú, в д'ер'ивн'áх, в'ер'еш̄áт, ин·т'ер'асýэц̄ъ, п'ер'ийéхъла, л'ес'н'икá, — пáр'ен', óч'ен', ч'éр'ен', мáт'ер'и.*

Во втором предударном слоге после мягких согласных перед твердыми наблюдаются звуки [и] и [е]. Нам не удалось установить, от чего зави-

сит тот или другой звук в корнях: *с'инако́с, на с'инако́с'и, ч'илāв'е́къ, сл'изавы́и м'ишэ́ч'к'и, пъд' ᵘ̆иравы́м, в р'истара́н'и,—п'етухо́м, б'еднạта́, д'епута́тьф, ч'еснаку́, йеравы́и, в'ерта⁰ва́тый, м'есару́пку*. В приставках, предлогах и отрицательной частице, как и в первом предударном слоге, обычно произносится [и]: *п'ир'ипуга́л'ис'е, п'ир'идраз'н'ил, п'ир'ибаду́ūъ, п'ир'ид лапшо́й, н'и вър'а́т, н'и быва́ль, н'и пънра́в'ильс', н'и рабо́тут, н'и пазво́л'ильъ, н'и зъп'ерла́, н'и дайд'о́ш*.

В заударном положении после мягких согласных перед твердыми на месте гласных неверхнего подъема не во флексии обычно произносится [е]: *в'е́т'ер, у́м'ер, д'е́н'ек, Гу́с'еф, п'е́п'ел, сва́р'еп, плато́ч'ек, а́н'д'ᵘ̆ел, м'е́с'ец, с'е́м'ис'ет, в'е́тр'енъ, ч'е́т'в'еръ, о́з'ера, о́з'еръм, кᵇл'е́в'еру, Зу́йевы, со́т'енку, раб о́т'енка, вы́тр'епат', го́р'енку, в'у́д'елъ, ма́с'л'енуйу*. Реже отмечается более открытый гласный: *д'е́н'ак, во́с'им'ис'ат, ста́р'ац, карм'у́л'ац, м'е́с'ац, тр'охм'е́с'ашный, н'е́ч'ӕвъ*. Отмечается и [и] в этой позиции: *у́м'ир, ч'е́т'в'иръ, о́з'иръ, в'е́ч'иръм, пъста́вл'инъ, вы́н'ислъ, с'е́м'ира, во́с'м'ира, Бу́ш'ивъ*.

Во флексии существительных наблюдается гласный неверхнего подъема: *зъ Суда́йем, ф п'е́р'йех, пр'иц'с'еда́т'ил'ем, с па́рн'ем, с хм'е́л'ам*.

Во флексии глаголов на месте этимологического *е* не после этимологического *j* обычен [и]: *бу́д'иш, уста́н'иш, пайе́д'иш, бу́иш, хо́ч'иш, йе́д'ит, бу́ит, вы́рьс'т'ит, в'а́н'ит, в'а́з'н'ит, см'е́л'им, па́е́д'им, йе́д'им, вы́тр'ис'им, пав'е́рн'имс'а*. Однако в Шартанове более характерен [е]: *дъста́н'еш, вы́д'еж дък, с'а́д'еш, п'ир'ив'е́рн'ет, бу́д'ет*, хотя отмечен и [и]: *вы́п'ихн'иш, пъста́йиш, кл'а́н'им*.

Интервокальный *j* часто в говоре отсутствует, а гласные глагольных флексий отражают различную ступень ассимиляции: *сум'е́ет, бал'е́ет, пасп'е́эм, пълъса́ет, прък̫та́эт, гъ⁰н'а́эм, вы́с'т'иръэш, з'д'е́лъэш, ътва́р'ивъэм, ин'т'ер'асу́э̄ūъ, зъруга́ат, пъм'ин'а̫́т, ъстъна́вл'ивъш, рабо́т̫т* и т. п.

Во флексии 3 лица мн. ч. глаголов II спряжения обычно произносится гласный [ъ] или [а]: *аско́ч'ът, ска́т'ът, до́лб'ът, смо́тр'ът, ко́р'м'ът, пр'иво́з'ът, пахо́д'ът, пътста́в'ът, пасо́д'ат, нър'а́д'ат, мо́ч'ат*. Встречается также и произношение этой флексии с [е]: *прапу́с'т'ет, ко́р'м'ет, испо́рт'е̨ų̄ ъ*. Гласный [а] отмечается и у глаголов I спряжения в 3 лице мн. ч. после твердого шипящего: *р'е́жат, ска́жат, св'а́жат, атр'е́жат*.

Очевидно, в заударном положении после мягкого согласного перед твердым в основах и флексиях функционально противопоставлены два типа нелабиализованных звуков: верхнего подъема и неверхнего подъема. Первый представлен звуками типа [и] и воплощает фонему ⟨и⟩. Второй тип представлен рядом чередующихся звуков от [е] до [а] и вопло-

щает архифонему, соответствующую неразличающимся в этой позиции гласным фонемам неверхнего подъема.

В безударном конечном открытом слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема также выступают те же два функциональных типа: [и] и [е — а].

На месте этимологического *ѣ* произносится гласный [и]: *к н'ив'éс'т'и, в гóръд'и, нъ балóт'и, ф Ч'ýхлъм'и, пъад'инóч'к'и, врóд'и, н'éгд'и.*

На месте этимологических *е, а* обычно произносятся звуки в диапазоне от [е] до [а]. Колебания между этими гласными наблюдаются в одних и тех же морфемах у одних и тех же лиц: *гóр'е, въскр'ис'éн'йъ; вр'éм'е-тъ; куд'é л'ъ, т'éл'йа; с пóл'ъ, п'ич'éн'йа, С'ирг'éич'а; тъ̨кáйъ, бъл'шáйæ, къкáа; къкóэ, густó йа; друг'úе, бал'шы́йа; л'éкч'е, рáн'ч'а, път'имн'éйа; тълкáйе, угош̄áйа; пъ°стáф'т'е, ид'úт'а; в'úд'ит'е, дýмъит'æ, бýд'ит'а; върач'ýс'е, рас'п'éлъс'æ, в'арнýўс'а.*

Иногда в этой позиции отмечается и [и]: *д'ир'éмн'и бъл'шáа, в л'éт'н'и вр'éм'е, н'игóдныи, пъм'áхч''и.*

4.3. Все шипящие, кроме [ч'], произносятся твердо, и гласные рядом с ними ведут себя так же, как рядом с парными твердыми согласными. После шипящих перед ударным [а] чаще всего произносится гласный среднего подъема: *шэснáц̄ът', жэнá, жэнáтъй, мужэв'йá, ш̄эпáлъва, ш̄эпáл'иха, мужэв'йáм, на лъшэд'áх.* Однако могут быть и колебания в сторону более низкого или, перед мягким согласным, более высокого подъема гласного: *ржạнáйъ, шъ̨снáц̄ът', на лъшъ̨д'áх, лъшъ̨д'áм'и, на лъшад'áх, жанáтъ, шабáшку, нъ лъшыд'áх, лъшыд'áм, нъ жырд'áх* и др.

Перед остальными ударными гласными обычен [а]: *жанý, жалýдък, ж̄арýт* (сожрут), *в жарý; пшан'úшнъй, жан'úх, ш̄ат'úнъ, плъш̄ан'úцы, нъ лъшадú, жар'úш̄ъ; ж жанóй, шастóйъ, ч'ижалó, ръжаствó, р'ишатó, ържанóйа, шастóм, ш̄апóтку, дъж̄авóй, жап'óнк'и, кужал'óч'ик, лъшад'óнкъ, лъшад'éй, жал'ч''éй, г жан'é, пъжал'éэш* и др.

Твердость или мягкость согласного, следующего за предударным гласным, обычно не влияет на предударный гласный, стоящий после твердого шипящего, как и после парного твердого согласного. Однако есть несколько исключений из этого правила. Так, с [ы] перед мягким согласным постоянно произносится слово *жыл'éзъ* и производные от него: *жыл'éзнъй, жыл'éзнъйъ* и т. п. (в одном случае отмечено и *жал'éзные*), а также *ръш̄ыв'éл'ẹвъц̄а, съжын'éй, инжын'éр, жык'éтк'и* (два последних, видимо, из литературного языка). В этих случаях твердый шипящий функционирует как мягкий согласный.

Твердый шипящий, стоящий после предударного гласного, тоже, как правило, функционирует как твердый согласный: после мягких согласных перед твердыми шипящими гласные ведут себя обычно как и перед парными твердыми: перед [á]: *б'ежáлъ, м'ешáэт, гр'иб'ешкáм, нър'ежáйут, пъ^{й}ежа̄́й, кл'еш̄áм, гр'ешнá, кър'ешкáм, л'ежáт'* и т. п. Гораздо реже встречаются более открытые гласные: *л'ęжáлъ, м'æшáйут, гр'æшнá, лæжáт, нар'æжáйс'е, пъб'ажáл, м'ид'в'ажáт, л'ажáл'ъ, м'ашáэт, пр'идупр'аждáйу*. Перед остальными ударными гласными: *прълʼажы́т, р'ашы́л, пр'иб'ажы́т, пр'инъдл'ажы́т, хл'аш̄ы́, пл'ашы́ны, л'ажý, ръзр'ашý, пл'ашý, д'ажýр'ный, кр'аш̄ý, гл'ажý, м'аждý йи́м, м'ашкóф, с'м'ашнó, с'н'ажнóй, п'ашкóм, уб'ир'ажóм, р'ашóтк'и, м'ашóк, с'н'ажóк, кр'аш̄óный, зъпр'ажóт, пл'ит'ашóк, м'ашóч'ик, м'ашэ́ч'ик, с'в'аш̄éн'ик, к м'ажэ́, ъб йажэ́, на руб'ажэ́*.

Отмечены и отступления от этой закономерности: *д'ишэ́вл'ъ, пъд'ишэ́вл'и* и неоднократно встретившееся нам слово *п'ишн'и́к* с частым в говоре [ш] на месте этимологического *ч* перед *н* (один раз отмечено и *п'ашн'и́к*). Произношение [и] в последнем слове объясняется, очевидно, недавним отвердением [ш] перед мягким согласным: мягкость шипящего в этой позиции неоднократно отмечалась нами в чухломских говорах: *пр'иш'л'и́, н'и́ж'н'ий, пр'ислýж'н'ич'ила, пр'иш'йý, пр'иш'йýт* и т. п.

После [ц], всегда твердого, если он на месте ⟨ц⟩, перед твердыми согласными произносится гласный ненижнего подъема перед [á] и гласный нижнего подъема перед остальными ударными гласными: *цъpáпнул'и, тънцъвáт', тънцạвáт', цаны́, цалýйьт, пъцалýит, зъ цанóй*. Перед мягкими согласными тоже отмечается [а]: *пъ ... цан'é*. Но чаще встречается перед мягкими [ы]: *нъ цып'áх, уцыл'éл, уцыл'éлъ, цыв'йó*. Отмечено и [э]: *цэр'кóвнъвъ*.

Позиция после мягкого согласного перед [ц] тоже отличается некоторым своеобразием. Перед всеми ударными гласными, кроме [э], произносится тот же гласный, что и перед твердыми согласными: *у ъндр'ецá, у куз'н'ецá, Дъбр'ецá, пъдл'ецá, м'иртв'ецá; ъндр'ацы́, куз'н'ацы́, м'иртв'ацы́, к ъндр'ацý, куз'н'ацý, γ Дъбр'ацý, пъдл'ацý, к м'ъртв'ацý, в э́т'им м'ъс'ацý, ъндр'ацóм, куз'н'ацóм, Куз'н'ацóва, Дъбр'ацóвы, м'иртв'ацóм*. Перед [э́] произносится [и]: *в ъндр'ицэ́, на ъндр'ицэ́, а куз'н'ицэ́, а м'ъртв'ицэ́*.

Особенности в произношении гласного, выступающего на месте гласных фонем неверхнего подъема в соседстве с твердыми шипящими и [ц], позволяют сделать некоторые выводы о последовательности отвердения этих звуков. Очевидно, тип яканья, существующий в чухломских говорах, сформировался тогда, когда [ш, ж] краткие и долгие в основ-

ном уже отвердели перед всеми гласными. Поэтому гласные неверхнего подъема, как правило, реализуются рядом с ними в тех же звуках, что и рядом с парными твердыми согласными. Возможно, что случаи произношения [ы] после твердых шипящих перед мягкими согласными — свидетельство того, что к концу формирования системы яканья шипящие иногда еще могли быть мягкими. Вполне определенно это можно утверждать о положении шипящих перед мягкими согласными.

Очевидно, [ц] в одной позиции отвердевал позднее, чем шипящие, и после того, как тип яканья уже сформировался. Это была позиция перед *ѣ*. Ударный [э] после [ц] (*на ъндр'ицэ́* и др.) и предударный [ы] после [ц] (*нъ цып'а́х* и др.) во всех приведенных выше примерах восходит к *ѣ*. В этих примерах [ц] функционирует как мягкий согласный. Противоречит этой закономерности пример *пъ... цан'е́*, записанный дважды с предударным [а]. Произношение [а] здесь могло возникнуть в результате стремления устранить противоречие, создавшееся после отвердения [ц] и состоявшее в том, что твердый согласный продолжает функционировать как мягкий.

Наши материалы не дают возможности ответить на вопрос, происходило ли отвердение [ц] перед ⟨э⟩ одновременно с отвердеваем [ц] перед ⟨Ѣ⟩, или раньше. Единственный пример *цэр'ко́внъвъ*, по которому можно было бы судить об этом, не помогает в решении этого вопроса: [э] может объясняться слишком многими влияниями, и что здесь было раньше — [а] или [ы], судить трудно.

4.4. Таким образом, в чухломских говорах представлено диссимилятивное аканье белорусского, или жиздринского, типа и диссимилятивно-умеренное яканье особого типа, который можно назвать чухломским. Гласные фонемы неверхнего подъема реализуются следующими звуками:

После твердых согласных	После мягких согласных		Перед ударными
	перед твердыми	перед мягкими	
ā	ā	и	⟨и, у, е, о⟩
ъ	е		⟨а⟩

Диссимиляция в общих чертах представляется здесь в том, что перед ударным [а] гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в гласном звуке среднего подъема — [ъ] после твердых согласных и [е] после мяг-

ких согласных перед твердыми, а перед остальными ударными гласными — в звуке [а]. Кроме того, звук перед ударным [а] значительно короче звука, выступающего перед другими ударными гласными.

Характерная особенность этого типа вокализма в том, что диссимиляция и после твердых, и после мягких согласных проявляется лишь на фонетическом уровне. Фонологически же такой тип аканья не отличается от недиссимилятивного, а тип яканья не отличается от умеренного. В первом предударном слоге после твердых согласных позиционно обусловленные звуки [ъ] и [а], а после мягких согласных перед твердыми — звуки [е] и [а] воплощают одну и ту же архифонему, соответствующую всем гласным фонемам неверхнего подъема и равным образом противопоставленную остальным двум фонемам, выступающим в этой позиции: ⟨и⟩ и ⟨у⟩. Набор дифференциальных признаков этой архифонемы один и тот же после твердых согласных и после мягких согласных перед твердыми.

В настоящее время чухломское аканье не представляет собой чистого типа: на месте гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных перед ударным [а] появляется возможность произношения не только [ъ], но и [а], а перед остальными ударными гласными, кроме [а], иногда отмечается и [ъ]. Таким образом, [ъ] и [а] в этой позиции перестали быть позиционно обусловленными вариантами, а имеют характер лишь позиционной прикрепленности. Точно так же после мягких согласных перед твердыми перед ударным [а] уже отмечается не только [е], но иногда и [а] и, следовательно, эти звуки тоже утратили свою позиционную обусловленность.

В результате этого звуки [ъ] и [а] после твердых согласных и [е] и [а] после мягких согласных перед твердыми превращаются в факультативные варианты, что создает предпосылку для вытеснения одного варианта другим. Возможно, что «неупорядоченность» в произношении [е] или [а] в других безударных слогах после мягких согласных не перед мягкими отражает именно такое состояние. Впрочем, возможно также, что мы не сумели обнаружить какой-то закономерности, обусловливающей выбор [е] или [а] и в этой позиции (это может зависеть, в частности, от темпа речи, громкости и тому подобных просодических факторов).

Диссимилятивно-умеренное яканье чухломского типа отличается от уже известного диалектологам типа диссимилятивно-умеренного яканья, характерного для Верхне-Днепровской группы говоров, тем, в каком звуке воплощаются гласные неверхнего подъема после мягких со-

гласных перед твердыми в позиции перед ударным [а]. Как уже говорилось, в чухломском типе этим гласным бывает обычно [е], в Верхне-Днепровском типе этим гласным бывает [и].

Разница эта не только фонетическая, но и фонологическая: произношение [и] приводит к совпадению в этой позиции гласных фонем неверхнего подъема с фонемой ⟨и⟩, чего нет в чухломском типе.

Верхне-Днепровское диссимилятивно-умеренное яканье можно рассматривать как тип, представляющий следующую ступень развития по сравнению с чухломским типом. Переход от произношения [е], выступающего на месте гласных неверхнего подъема в какой-либо из позиций, к [и] пережили или переживают сейчас многие акающие говоры (ср., например, переход от эканья к иканью в литературном языке).

Однако для чухломского типа есть и еще один возможный путь развития: превращение его в умеренное яканье (замена [е] на [а] после мягких согласных перед твердыми перед ударным [а]). И та, и другая тенденция наблюдается сейчас в чухломских говорах, хотя признаков превращения чухломского яканья в умеренное отмечено нами больше.

Таким образом, есть основания считать, что диссимилятивно-умеренное яканье Верхне-Днепровского типа могло развиться из яканья чухломского типа. Из этого же типа в некоторых говорах могло возникнуть и умеренное яканье.

5. На основании исследований Ф. И. Покровского, Н. Н. Соколова, Г. В. Шайтановой сложилось мнение о том, что аканье — единственная несевернорусская черта чухломских и солигаличских говоров, а «по всем остальным чертам своего строя эти говоры ⟨...⟩ являются типично северновеликорусскими» [Орлова 1958, с. 167]. Однако нами и некоторыми другими исследователями отмечаются здесь и другие черты, характерные для южнорусского наречия.

Из черт, известных в качестве признаков южнорусского наречия, в исследуемом говоре можно обнаружить лишь отдельные элементы, очень редко встречающиеся и почти незаметные среди безусловно господствующей неюжнорусской нормы.

К таковым принадлежит щелевой звонкий заднеязычный [ɣ] в соответствии с [г] литературного языка. Примеры произношения [ɣ] (не в словах с корнями *бог-*, *благ-* и других церковно-книжного происхождения или в словах *бухгалтер*, *ага*) встречаются исключительно редко. Таковы записанные нами *гᵞадоф*, *с кн'иɣ'и́н'ьй*, *д'е́н'ьɣ* (зарабатывала),

д'ён'г'и, *маγý*, *пъ γъд'бáм* (гаданьям), *áвγустъ* — д. Дудино; *плýγу*, *за γγлы́* — д. Ножкино; а также записанные в 1956 г. Р. В. Бахтуриной *в γóръд'ъ*, *дарогу* в д. Семеньково (нас. п. 1130 ДАРЯ). Указание на щелевой заднеязычный имеем, по-видимому, также в относящемся к началу века материале из с. Ильинского Кологривского у. (расположенного поблизости от границы с Чухломским у. и входящего в акающий остров): *друh ты мой дороhой, что случилося с твоей hоловой?* [Материалы, вып. IX, с. 127].

Однако следует заметить, что единичные случаи употребления [γ] изредка встречаются и за пределами акающего острова в окающих севернорусских говорах. В частности, даже некоторое относительное сгущение случаев такого спорадического употребления [γ] отмечено в примыкающем к акающему острову с северо-востока Междуреченском р-не Вологодской обл. [см. ДАРЯ, вып. 1, карта 44; Образование с-р наречия, с. 163, карта 49].

Подобную же картину представляет ⟨т'⟩ в окончании глаголов 3 лица ед. и мн. числа. При подавляющем преобладании ⟨т⟩ иногда встречается ⟨т'⟩ . Помимо обычного и постоянного для этих говоров *мóжет'* в значении ‘может быть’, мы располагаем следующим материалом: *ну быт' мóжыт' какóй грус*, *зъид'áт'*, *дáв'ит'* — д. Дудино; *уш ав'éч'ку-тъ мóжыт' инá фс'о равнó нърушы́т'* (‘перестать держать: продать, зарезать и т. п.’) — д. Григорьевское; *р'иб'áта выхóд'ат'*, *устайýт'*, *мнóгъ знáч'ит'*, (*он*) *шпáр'ит'*, *й éз'д'ит'* — д. Повалихино; *гъвър'áт'* — д. Нестерово; *мóжыд' быт'* — д. Ножкино. Как и в предыдущем случае, нужно отметить, что формы 3 лица глаголов с ⟨т'⟩, хотя и в крайне незначительном количестве, но все же встречаются в севернорусских говорах за пределами интересующей нас территории: в Вологодской, Ярославской, Архангельской, Костромской областях [см. Образование с-р наречия 1970, с. 196—197, карта 58; ДАРЯ, вып. 2, карта 79].

Спорадически попадаются также в костромских акающих говорах отдельные факты, не характерные для севернорусских говоров, но известные на разных территориях южнорусского наречия. Так, студентами Ярославского пединститута в д. Головинское, а нами — в д. Нестерово отмечена форма *свекровья*, характерная для центральной части территории южного наречия [см. Образование с-р наречия 1970, с. 82; Захарова, Орлова 1970, с. 65, карта 8, с. 131; Сологуб 1977, карта 2; ДАРЯ, вып. 2, карта 10]. В материалах, собранных Московской диалектологической комиссией, имеется записанная в Чухломском у. форма *свекры́* [см. Труды МДК, вып. 11, № 81], имеющая четко очерченный ареал распростра-

нения в Восточной (Рязанской) группе южного наречия, а также отчасти в Тульской группе межзональных говоров группы Б [см. Захарова, Орлова 1970, с. 65, 133; ДАРЯ, вып. 2, карта 10].

К южнорусским элементам следует, по-видимому, отнести и словообразовательный вариант *пьянюга* (ср. просторечное *пьянчуга*) на том основании, что эта форма зафиксирована только в южнорусских областных словарях [см. Добровольский 1914; ССРНГ; Расторгуев 1973] и отсутствует в словарях, относящихся к севернорусской территории. У Даля это слово снабжено лишь пометой «областное» без локализации. Слово *пьянюга* записано нами в д. Дудино.

Довольно широко употребляемое здесь окончание *-у* в форме предложного падежа ед. ч. встречается и у существительных с ударением на основе (напр., *на льнозаво́ду* — д. Дудино: *в своём ра́зуму* — записано Г. В. Шайтановой в д. Попово Солигаличского р-на, что характерно для юго-западной диалектной зоны [см. Захарова, Орлова 1970, с. 98; Бромлей, Булатова 1972, с. 77; ДАРЯ, вып. 2, карта 16].

«Перекликается» с южными говорами и отмеченное в материалах диалектологического атласа в двух населенных пунктах нашего острова слово *и́вник* ‘ивовая заросль’ (на что нам любезно указала Ю. С. Азарх). Такое именно образование от данного корня не зафиксировано больше нигде на территории, картографированной в ДАРЯ, кроме определенного района, заключенного примерно внутри линии Рославль — Белый — Сычевка — Медынь — Калуга — Белёв — Жиздра [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 85].

Отмечается иногда в Чухломском р-не слово *ещё* с фонемой ⟨е⟩: *ищ́э́*, *ищ́'е́*. (Имеются в виду не случаи энклитического употребления слова в аллегровом стиле речи, а полное произношение при наличии на слове самостоятельного ударения.) По данным материалов ДАРЯ такое произношение широко распространено на западе: в основном в пределах Западной и Верхне-Деснинской групп южного наречия и Псковской группы среднерусских говоров. В других местах произношение *ещ*[é] встречается очень редко, особенно редко — всего в нескольких разрозненно расположенных населенных пунктах на территории севернорусского наречия.

В д. Григорьевское зафиксирован еще один элемент, который мог бы быть отнесен к юго-западным диалектизмам: *ина́* вместо *она* [см. ДАРЯ, вып. 2, карта 64]. Но контекст, в котором записан этот единственный пример (*мо́жыт' ина...*) ставит под сомнение его убедительность: при диссимилятивном аканье такое произношение может быть результатом мягкости предшествующего согласного.

В материалах, собранных Московской диалектологической комиссией, имеются формы винительного падежа ед. числа слов *рука* и *нога* с ударением на окончании, записанные в д. Клепинино Чухломского уезда и волости [см. Труды МДК, вып. 11, № 82]. Данное явление принадлежит также юго-западной диалектной зоне [см. Захарова, Орлова 1970, с. 100; Образование с-р наречия 1970, с. 403, карта 108].

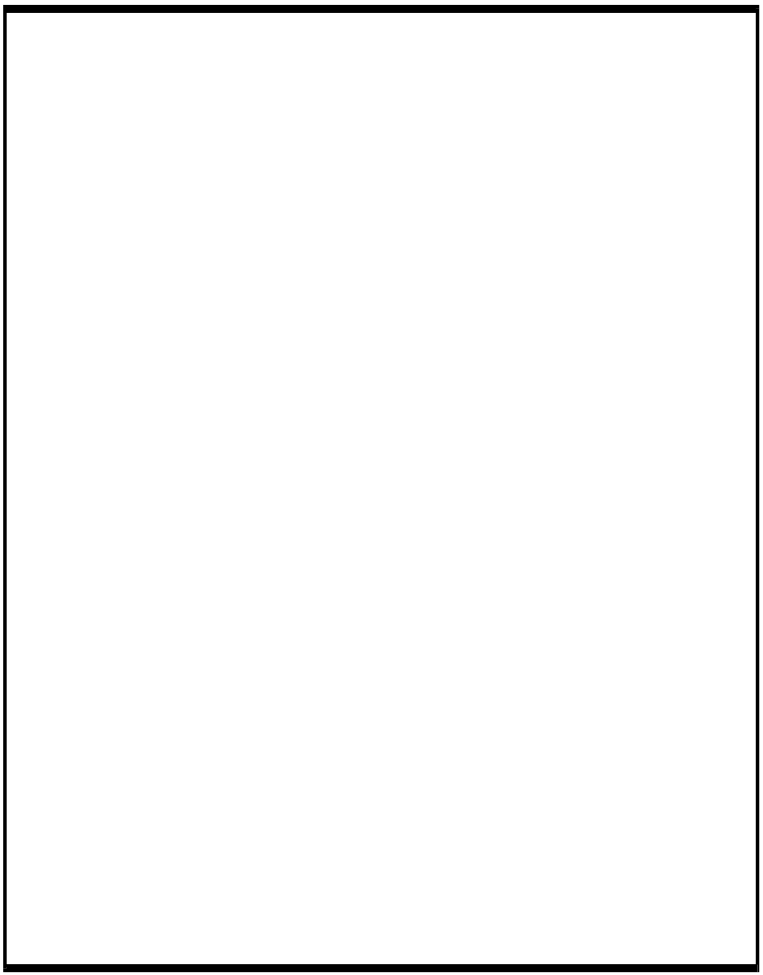
Каждому из упомянутых фактов в отдельности нельзя придавать большого значения, однако в совокупности они составляют определенный комплекс и могут быть учтены при исследовании проблемы происхождения костромского аканья. Следует в этой связи обратить также внимание на тот факт, что акающий остров выделяется среди окружающих его говоров еще рядом особенностей помимо системы вокализма безударных слогов. Как показывают материалы и карты ДАРЯ, некоторые явления (в основном из области лексики) образуют здесь ареалы, совпадающие в большей или меньшей степени с территорией аканья в Костромской обл. Одни из этих явлений за пределами рассматриваемой территории почти не встречаются, другие характеризуются своими, не совпадающими друг с другом, зонами распространения.

Наиболее близка к изоглоссе аканья изоглосса распространения слова *летúна* в значении ‘ботва огурцов, гороха, картофеля, свеклы или одной-двух из этих культур’ (см. карту 2, с. 429). Это слово, насколько мы можем судить, практически присуще только данной территории. Семь случаев фиксации его, кроме показанных на нашей карте, относятся к Ростовскому, Даниловскому, Середскому, Некрасовскому районам Ярославской обл. и Лальскому району Кировской области[97].

Точно так же почти только в пределах акающего острова употребляется слово *опарница* в применении к деревянной кадке для теста (карта 1, с. 428). Помимо этого слово *опарница* с таким значением приводится в материалах ДАРЯ еще четыре раза в отдельных населенных пунктах возле Рыбинска, в районе Юрьевца и под Яранском [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 23].

---

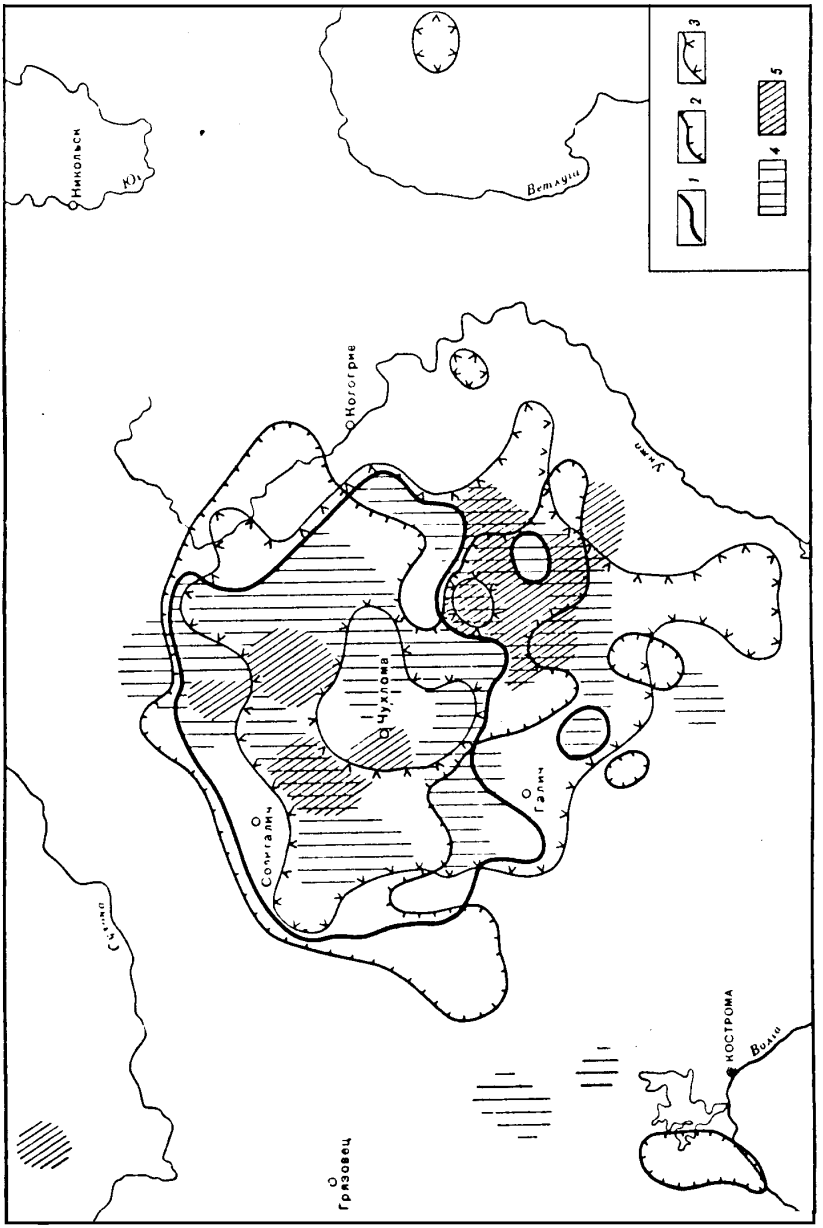
[97] См. [Атлас С, карты 413 «Названия плетей гороха», 414 «Названия плетей огурцов», 415 «Названия ботвы картофеля», 416 «Названия ботвы свеклы», автор В. Н. Теплова; Мельниченко 1974, с. 189 и Приложение; карты 72, 73]. На этих картах показана более широкая территория за счет того, что со словом *летина* объединено *летвина*, имеющее гораздо более широкое распространение по говорам русского языка; [см. также ДАРЯ, вып. 3, карта 62].



Карта 1

1 — граница аканья; *2* — *напáлок* — рукоятка косы; *3* — *опáрница* — деревянная кадка для теста; *4* — *шлык* — женский головной убор; *5* — форма род. пад. *свадьбéй*; *6* — окончание *-им* у прилагательных муж. рода в предл. пад. ед. ч.

Другие группирующиеся в акающем острове явления не принадлежат исключительно этой территории. Они известны довольно широко и в других местах, но отсутствуют в непосредственном окружении, за пределами рассматриваемой компактной группы говоров. Почти не выходят за пределы акающих говоров формы предложного падежа ед. ч.



Карта 2

1 — граница аканья; *2* — *летúна* — ботва разных огородных культур; *3* — *клеть* — помещение для зерна; *4* — *водонóс* — приспособление для ношения воды вдвоем; *5* — *бя́кает* — блеет

прилагательных с окончанием *-им* (*-ым*): *в добрым*, *в худым*, *в долгим*, *в каким* (карта 1). Сплошное распространение этих форм относится к двум обширным территориям, лежащим в основном в пределах среднерусских говоров с частичным включением Западной и Верхне-Днепровской групп южного наречия. В рассеянном виде такие формы известны и по другим говорам южного наречия [см. Захарова, Орлова 1970, с. 51, 52; ДАРЯ, вып. 2, карты 46, 47].

Весьма определенный изолированный ареал образует на карте употребление слова *водоно́с* — название приспособления для ношения вдвоем ушата с водой. Это слово известно очень многим севернорусским, среднерусским и южнорусским говорам [см. Атлас С, карта 368 «Название приспособлений для ношения воды», автор А. К. Васильева и материалы Атласа С], однако окружающим акающий остров говорам оно, видимо, не свойственно, и территория его распространения в значительной степени совмещается с территорией аканья (карта 2).

В территорию костромского аканья приблизительно вписывается изоглосса распространения слова *шлык* в качестве названия старинного женского головного убора (карта 2). В говорах северного наречия его не отмечают (единственный раз — в Нижегородской обл.), зато оно встречается в ряде говоров южного наречия: в районе Курска, Старого Оскола, Воронежа, Липецка, Борисоглебска, в нескольких районах Рязанской обл. Спорадически отмечено оно и в среднерусских говорах, в основном в акающих (см. Атлас В, карта 199 «Названия женского головного убора в виде чепца»; Атлас С, карта 358 «Названия женского головного убора», автор Ю. С. Азарх; Атлас З, карта 378 «Названия головного убора женщин, надевавшегося непосредственно на волосы»; Атлас Ю, карта 344 «Распространение слова *повойник* и его соответствий», автор Н. А. Липовская).

Группируются в центральной части острова населенные пункты, где употребляется слово *напа́лок* — название рукоятки косы (карта 1). В других местах это слово образует в разной степени компактные ареалы, наиболее обширную территорию оно образует в области среднерусских говоров (как акающих, так и окающих): от Твери до Нижнего Новгорода и далее на восток до р. Суры. Этот массив имеет продолжение и в севернорусском наречии, включая в себя Ярославль. Употребление слова *напалок* обнаруживается также в небольших группах говоров возле

Бежецка, Весьегонска, в Псковской обл. и некот. др. [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 44].

Вероятно, следует в этом ряду отметить и слово *клеть*, относящееся к помещению для хранения зерна. (Но не к месту для хранения хозяйственного инвентаря. У этого слова в последнем значении иная территория распространения.) Хотя данный ареал намного шире, северная его часть довольно точно вписывается в район акающих говоров. Слово *клеть* в указанном выше значении известно в рассеянном распространении по разным южнорусским, среднерусским и севернорусским говорам. В качестве ареалов его преимущественного распространения можно назвать западную часть Псковской обл., Западную группу южного наречия, западное Подмосковье (район Гагарин — Можайск — Наро-Фоминск — Боровск), Чувашскую и Марийскую республики в тех пределах, в которых последние включены в ДАРЯ [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 21]. Но нигде оно не локализуется так определенно и компактно, как в акающих говорах Костромской обл. и примыкающей к ним с юга территории (карта 2). Обращая внимание на территориальные соотношения, следует, однако, иметь в виду, что в разных местах слово *клеть* может относиться к помещениям разного типа (отдельная постройка, помещение внутри дома или двора), имеющим одно назначение — хранение зерна.

Можно отметить еще слово *бя́кает* ‘блеет’ (об овце) (карта 2), которое понемногу встречается в разных местах, в том числе в виде единичных случаев и в севернорусских говорах, но наиболее широко известно в южных областях: Орловской, Курской, Белгородской, отчасти в Брянской и Воронежской. Некоторая не слишком интенсивная локализация этого слова заметна в западных районах Московской обл. и соседних с ними районах Смоленской и Тверской областей [см. ДАРЯ, вып. 3, карта 71].

Намного интенсивнее, чем в окружающих говорах, представлено во всем акающем острове употребление форм женского типа склонения от существительных мужского рода с суффиксами *-ишк-*, *-ушк-*. Как показывают данные лингвистической географии, женский тип склонения у этих существительных господствует (с определенными исключениями) в южном наречии и среднерусских говорах [см. Образование с-р наречия 1970, с. 154, карта 43; ДАРЯ, вып. 2, карта 23].

Для этой же территории в основном характерна флексия ⟨-и⟩ в формах именительного падежа множественного числа существительных

среднего рода и в слове *ворота* (*о́кны*, *сёлы*, *воро́ты*) [см. Образование с-р наречия 1970, с. 151, карта 41; ДАРЯ, вып. 2, карта 33] — явление, которое обнаруживается и в акающих говорах Костромской области при отсутствии его в непосредственном окружении.

Для акающего острова характерно значительное распространение словоформы *свадьбе́й* — родительный падеж мн. числа (карта 1), которая за пределами этого района известна главным образом в двух довольно определенных ареалах. Один примерно ограничен линией Волоколамск — Ржев — Торжок — Бежецк — Калязин — Москва. Другой ареал охватывает юго-восток Нижегородской обл. и территорию Ульяновской и Пензенской областей, Чувашской, Мордовской республики в той их части, которая вошла в Атлас С. О восточной границе распространения этой словоформы у нас нет данных [см. ДАРЯ, вып. 2, карта 37].

Наконец, следует упомянуть об употреблении в акающем острове стяженных форм 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч. глаголов с основой настоящего времени на безударное ⟨aj⟩ (*ду́му*, *заде́рживу*, *ду́мут*, *рабо́тут*, *выска́зывут*, *подде́рживут*, *бе́гут*, *сде́лут*, *вытáскивут*, *опла́чивут* и т. п.), что является характерным для среднерусских говоров, главным образом для восточных [см. Коготкова 1952, карта 2; Образование с-р наречия, с. 170, карта 50; ДАРЯ, вып. 2, карта 93]. Явление это, как пишет С. В. Бромлей, возникло при столкновении говоров, знавших стяжение гласных в результате выпадения интервокального [j] (т. е. севернорусских), и говоров, не знавших его (т. е. среднерусских и южнорусских) [см. Бромлей 1972, с. 126 и сл.].

Являющаяся предметом нашего внимания территория, как указывает В. А. Никонов, своеобразна и в топонимическом отношении: «Совпадение двух несвязанных между собой ареалов ⟨...⟩ весьма существенно. Например, зона Буй — Галич — Солигалич — Чухлома почти недоступна для топонимов с формантом *-иха*, хотя их много на соседних территориях (рядом в Кинешемско-Юрьевецком Поволжье и в Среднем Поветлужье названия 25% всех населенных мест содержат этот формант). И та же территория — загадочный „акающий“ остров Северного Заволжья в море сплошного оканья. Разгадав историю одного из этих явлений, может быть, удалось бы пролить свет и на происхождение другого, хотя эти явления взаимонезависимы» [Никонов 1974, с. 285; см. также: Власова 1971; 1983].

Территорию Чухломского акающего острова отличают и некоторые особенности этнографического плана. Как сообщила нам О. А. Терновская, по данным анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» там было распространено верование в полевого домового, отмеченное еще только в бывш. Орловской губ. Со среднерусской и южнорусской территорией сближает чухломской ареал и тип селений, жилища, одежды, обряды, фольклор [см. Власова 1983, с. 215—218].

6. Таковы отличия акающих говоров Костромской обл. от соседних с ними севернорусских говоров. Можно предполагать, что более углубленное изучение уже имеющихся записей диалектной речи этого района и дальнейшие специальные наблюдения доставили бы еще дополнительные факты, подтверждающие лингвистическое своеобразие этого района и дающие материал для территориальных сопоставлений при исследовании вопросов историко-диалектологического характера.

Однако и обнаруженные факты дают основание для некоторых выводов об истории чухломских говоров. Эти говоры, очевидно, сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем. На это указывают многие севернорусские черты говоров и перечисленные выше особенности, которые, по-видимому, необходимо расценивать как остатки или следы южнорусских черт.

Вероятно, правы были те исследователи, которые считали, что аканье принесли сюда переселенцы из южнорусских областей. Наиболее подробно рассмотрел этот вопрос Н. Н. Виноградов, предполагавший, что аканье принесли сюда вотчинники и помещики, получившие здесь в начале XVII в. земли и перебравшиеся сюда со своими семьями и дворовыми [Виноградов 1918, с. 14 и сл.]. Время появления здесь аканья подтверждает и исследование Л. П. Греховой, установившей, что примеры аканья в местных рукописных текстах появляются с 20-х годов XVII в. [Грехова 1964, с. 502].

На Диалектологической карте русского языка в Европе Чухломской акающий остров показан как группа средневеликорусских говоров [см. Дурново и др. 1915]. На Диалектологической карте русского языка, составленной К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, этот остров не отражен [см. Русская диалектология 1964; Захарова, Орлова 1970]. Однако территория Чухломского акающего острова, совмещающая южнорусские и севернорусские черты, должна определяться как среднерусская и отмечаться на соответствующих картах. Так и сделано мною на карте «Наре-

чия русского языка» в [ЭСЮФ, с. 181; см. также Русская диалектология 1989][98].

[98] Первая публикация — [Бурова, Касаткин 1977].

Предударный вокализм современных мосальских говоров, описанных в начале XX в. О. Броком

1. В 1902 году Олаф Брок по приглашению Российской Академии наук совершил поездки в Тотемский уезд Вологодской губернии и Мосальский уезд Калужской губернии, где собрал материал для описания русских говоров. Результатом этих поездок были две работы О. Брока: «Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда» (1907 г.) и «Говоры к западу от Мосальска» (1916 г.). Эти описания русских говоров представляют собой совершенно уникальные исследования. Основная часть этих работ — характеристика фонетических особенностей говоров, в меньшей степени интересовали О. Брока их морфологические черты. По точности, детальности, всеохватности фонетических характеристик звуков этих говоров, включающих подробное описание артикуляции, работам О. Брока нет равных в русской диалектологии. Наблюдения О. Брока поражают современного исследователя тем, что он строил их только на своих слуховых ощущениях, не поддержанных никаким инструментальным анализом. Сейчас у диалектолога есть возможность магнитофонных записей, позволяющих многократно воспроизводить звуковые отрезки, оценивать их акустические параметры при помощи компьютерного анализа, производить инструментальные исследования артикуляции. Ничего этого не было у О. Брока. И тем удивительней точность и глубина его наблюдений.

Работы О. Брока, посвященные русским говорам, были важным этапом в истории русской диалектологии и до сих пор требуют к себе при-

стального внимания лингвистов. О. Брок впервые описал или хотя бы просто отметил целый ряд неизвестных до него русских диалектных черт. Некоторые из них до сих пор не исследованы или изучены недостаточно и ждут еще нового рассмотрения.

О. Брок не ограничивается констатацией звуковых вариаций фонетических единиц, он устанавливает их системные отношения и стремится понять их историю: причины и условия происхождения диалектных особенностей, их развитие в прошлом, современную их трансформацию. В этом проявлялась принадлежность О. Брока к школе Ф. Ф. Фортунатова, учеником которого он был,— школе, которую сейчас называют Московской (Фортунатовской) лингвистической школой. Открытия О. Брока до сих пор не потеряли своей ценности, а его работы являются образцом и для современных лингвистов.

В данном разделе будут рассмотрены особенности предударного вокализма мосальских говоров, описанных О. Броком, и некоторых современных говоров тех же мест. Мои заметки о современных говорах основаны на магнитофонных записях, сделанных в 1996 г. научным сотрудником Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН А. М. Красовицким.

2.1. Летом 1895 г. А. А. Шахматов обнаружил в говорах южной части и восточных окраин Мосальского уезда особый тип аканья, при котором на месте *о*, *а* в первом предударном слоге после твердых согласных произносится «звук *а* чистый и полного образования» перед всеми ударными гласными, кроме [а], а перед ударным [а] — «краткое и вместе с тем глухое *а* ⟨...⟩. Кажется, это звук *а*, образующийся в том сужении в полости рта, которое необходимо для произведения звуков переднего ряда: *е*, *і* ⟨...⟩. С этим звуком *а* уже по физиологическому своему образованию весьма близок звук *ы*» [Шахматов 1896, с. 65, 67].

В мосальских говорах О. Брок также обнаружил диссимилятивное аканье того типа, который позднее (когда были описаны и другие типы диссимилятивного аканья [см. Строганова 1955; Касаткина 1995; Касаткина, Щигель 1995]) стал называться жиздринским, или белорусским [Русская диалектология 1964, с. 39]. Его особенность в том, что на месте ⟨о, ѡ, а⟩ в первом предударном слоге после твердых согласных произносится [а] перед всеми ударными гласными, кроме [á], перед которым произносится обычно [ъ]. Вот некоторые примеры из работы О. Брока: *sъwá — sawú*, *nъčám — načéi̯*, *brъn'áť' — bran'ú*, *zъžyłá — zažóx*, *zažyl'í*, *iz-ъyn'á —*

u wayón', *yъyътát'* — *yъyačú*, *kъmn'ám* — *kamn'éi̯*, *synъwi̯á* — *synav'éi̯* и др. [Брок 1916, с. 26—27].

2.2. Из этого «правильного распределения ъ : *a* в предударном слоге,— пишет О. Брок,— видим много исключений, а число их, по-видимому, все увеличивается. При *trъwá* слышится также *trawá*, при *kъn'á коня kan'á*; я слышал также у старых *nayá нога* ⟨...⟩ *wadá вода*, *tawár*, *dawái̯* ⟨...⟩ общее направление таких перемен против собственного правила, сколько я могу судить, идет в пользу *a* вм⟨есто⟩ ъ, а не обратно» [с. 27]. Для О. Брока «нет сомнения, что переход ъ > *a* в слоге предударном совершается в наши дни главным образом под влиянием извне, всего больше со стороны московского произношения» [с. 28].

В современных мосальских говорах, по имеющимся у меня магнитофонным записям, соотношение [ъ : а] в первом предударном слоге достаточно устойчиво. Приведу некоторые примеры: *zъ nášъm* | *zъ mъsál'skъm*, *łъmái̯ut'*, *dъvái̯*, *kъtál'i*, *nъbrál'i*, *rъd'n'á*, *snъč'áła*, *zъn'áty*, *d'ikъbr'á*, *yъs't'á*, *dъmám*, *skъzál'i*, *nъyá*, *u dъjárkъx* и т. п. Перед другими ударными гласными: *płat'ít'*, *bal'nýx*, *starúx'i*, *pъmałóžъ*, *patkót'ut'*, *pam'ór*, *pъraz'jéxъl'is'*, *u maskv'é*, *s kakéi̯-tъ* и т. п. Есть и примеры, когда вместо [ъ] перед ударным [а] произносится [ạ], но число таких примеров, в отличие от того, что писал О. Брок, весьма немногочисленно: *yъrạdám*, *pạtxvát'is':ъ*, *dạváłъ*, *p'iryạrážъvъi̯ut* и некоторые другие.

О. Брок отмечает и примеры произношения [ъ] вместо ожидаемого [а]: *kъbý*, *kъl'í*, *zъdúmałs'i* [с. 27] а также *at-wútra dъ-véčira*, *t'imъxvéi̯*, но считает, что на таких единичных случаях нельзя строить никаких заключений [с. 60]. Из современных мосальских говоров отмечу слово *pъtóm*, встречающееся с предударным [ъ] неоднократно у разных информантов, что исключает случайность такого произношения в этом слове. Среди современных русских говоров известны такие, в которых на месте ⟨о, а⟩ в первом предударном слоге после твердых согласных встречается произношение [ъ] не только перед [а], но и перед гласными среднего подъема [Русская диалектология 1964, с. 39], но примеров такого произношения в мосальских говорах слишком мало, чтобы предполагать существование в прошлом подобного типа диссимилятивного аканья и в этих говорах.

Следует учитывать, что буквой ъ О. Брок обозначает звуки, артикулирующиеся в довольно широкой области: «Средоточием можем ⟨...⟩ считать артикуляцию заднего ряда, с высоким, но опущенным и явственно

ненапряженным положением языка, ср. приблизительно разокругленное *u* нем. *Hund*, русск. „тут“ и „ум“; часто же положение языка опускается до высоты средней, особенно между губными (напр. второе *ъ* *sъmъw ár*), ср. прибл⟨изительно⟩ разокругленное *o*,— но, с другой стороны, может также притягиваться окружающими звуками сильно вперед, в образование среднего ряда» [с. 19]. В отличие от этого в современной русистике буквой *ъ* чаще обозначается нелабиализованный звук среднего ряда среднего подъема (ему соответствует знак *ə* Международной фонетической транскрипции), а нелабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема («разокругленное *o*») обозначается знаком *ʌ* [см., например, Щерба 1983, с. 98; Аванесов 1956, с. 177; Панов 1967, с. 41; Реформатский 1996, с. 185, 189]. Этим характеристикам соответствуют и знаки моей транскрипции (знаком *ʌ* в русских фонетических работах неоправданно, с моей точки зрения иногда передается звук среднего ряда средне-нижнего подъема, который точнее передавать знаками *ạ* или $a^{ъ}$).

Гласный [ʌ] на месте ⟨o, a, i⟩ после твердых согласных в первом предударном слоге отмечен мною в немногих примерах в речи жителей мосальских деревень; перед [á]—*fʌnár'*, *drʌvá*, *abžʌvál'is'*; перед другими ударными гласными—*svʌím*, *bʌl'šy̯ịʌ*, *u kʌwó*, *dʌbróm*.

2.3. О. Брок отмечает и другие звуки на месте [ъ], в частности он приводит редкие примеры произношения [у] в первом предударном слоге перед [á]: *dyčká*, *bydát'*. Интересно наблюдение О. Брока, что в мосальских говорах [у] на месте [ъ] может возникать при усилении слога [с. 20—21].

В современных мосальских говорах в первом предударном слоге на месте обычного [ъ] перед [á] я отметил в довольно большом количестве примеров звуки более высокого подъема. Это может быть [ъ̣] «закрытый»—*kъzъ̣xstán*, *zъ̣brát*, *płъ̣xái̯a*, *asvъbъ̣ždál'i*, *mъ̣já*, *pr'ibъ̣vl'ál'i*; [ȳ] «открытый»—*addȳvál'i*, *pȳká*, *xȳłát*, *xȳz'áinu*, *pȳs'n'ál'i*, *bȳl'šái̯a*, *mȳjá*, *kȳč'át'*, *stȳját'*, *sъγłȳs'átcъ*, *uγȳn'ál'i*; [у]—*dvytcátk'i*, *mysál'sk*, *syxá*, *xvytáit'*, *u syráu̯*, *u sъpyγáx*, *γlyzá*, *rъskyzáłъ*, *ustyváu̯it'e*, *s fynyr'ám'i*, *xyz'áu̯kъ*, *snyč'áłъ*, *pъrys'áč'ъ*, *styját'*, *myč'átkъ*, *tyl'jánkъ*, *pъd zyv'ás*, *dyjárkъ*, *nъ pyl'áx*, *svyjá*, *vyl'e͡ál'i*.

На месте [у] в этой позиции тоже встречаются все эти звуки: [у]—*byłá*, *zъkryvát'*, *bywáłъ*, *pъkryváłk'i*, *š' š'ityr'm'á*; [ȳ]—*zъkrȳváu̯ut'*, *bȳłá*, *bȳváłъ*; [ъ̣]—*bъ̣wáit'*, *pъdъ̣mát'*, *nъ bъ̣káx*, *mъ̣ sám'i*, *bъ̣łá*; [ъ]—*zъkrъvál'i*, *atkrъvát'*, *zъkrъváłъs'*, *atrъvál'i*, *bъłá*, *pъdъmáu̯ut'*, *pydъmál'i*, *bъká*, *pъsъpál'i*, *s:ъpáu̯ut'*.

Замену [у] на [ъ] в этой позиции отмечает и О. Брок: *bъłá*, *słъxáł*, *astъvái̯it'*, *nъr'ắt'*, *zaγrъzáłъ*, *na kъstъl'áx*, *dъžъdái̯it'* [с. 61], *n'i słъxáła* [с. 83], *zasъpát'*, *bъłá*, *wъpáxъwat'* [с. 94]. «Есть случаи перехода *у* в *ъ* также перед другими гласными, но это лишь редкие исключения, преобладающее большинство имеется перед *á*» [с. 61]. «При том наблюдаются такие альтернации, как ⟨...⟩ *kъstъl'áx*: *kъstyl'óu̯*, *bъłá*: *było* ⟨...⟩, *zaγrъzáło*: *γryz'ét' грызет'*). Все это оставляет вне сомнения, что мы стоим перед распространением на ряд случаев с *у* в предударном слоге того принципа, который видим при старших *о-а* в том же слоге» [с. 62]. Таким образом, можно говорить о неразличении фонем ⟨о, а⟩ и ⟨і⟩ после твердых согласных в первом предударном слоге перед ударным [а]. Об этом же говорит пример *žạłá* (*жила*), где предударное [ạ] возникло, как гиперизм, под влиянием [ạ] в *γъrạ dám*, *dạváłъ* и т. п., появившимся в результате воздействия литературного произношения; ср. у О. Брока *bałá*, *słaxáł* [с. 126].

2.4. Об этом неразличении ⟨о, а⟩ и ⟨і⟩ в первом предударном слоге после твердых согласных говорит и еще одно явление, обнаруженное О. Броком и сохраняющееся в современных мосальских говорах. Это явление представляет и особый интерес. О. Брок пишет: «*ъ* ⟨...⟩ после велярных, и еще отчетливее после губных согласных (особенно, конечно, если нет мягкого звука после *ъ*), оно склоняется к более задней артикуляции; добавим, однако, без ясного, категорического разграничения от оттенков после зубных. Такие задние оттенки *ъ*, по артикуляции языка уже принадлежащие или же близкие к области образования *о*, получают ⟨...⟩ добавочную артикуляцию в широком объеме: округление губ ⟨...⟩ Результатом является то переходный звук между *ъ* и *о* ⟨...⟩, то полное *о* ⟨...⟩ На таком основании развилось нового рода „оканье“, примеры которого встречаются то и дело в моем описании» [с. 53]. Вот эти примеры: [о] на месте *о — vorotá*, *vorъtá* [с. 53], *vodá* [с. 61], *boxmъrá*, *błoxá* [с. 75], *borъná*, *po-p'it'i*, *wółost'i* [с. 83], *borodá*, *γaspodá*, *wołъsá* [с. 93], *vodá*, *pomoγłá*, *γaspodá*, *dóroγà*, *mołčắt'* [с. 98], *powukóu̯*, *γowor'ắt'*, *γołowá*, *γołowói̯u*, *soxá*, *vodá*, *zdvorá*, *noγá*, *xromá*[*i̯*]*it'*, *borodá*, *boradú*, *boroná*, *boranú* [с. 102], *žoná*, *xoran'it'*, *mołod'éc* [с. 103], *pov'ážú*, *pokras'n'él'i*, *moi̯á* [с. 121], *ivánov'iš'*, *ivánou̯nu* [с. 123], *ivánov'iš'a*, *kosói̯*, *ivánov'ič* [с. 124], *kórotkà* [с. 125], *vodá*, *borav'ík*, *borv'ik'i*, *tr'i γodá*, *noγá*, *boroná* [с. 128]; на месте *а — trowá* [с. 55], *kobák* [с. 102], *trowá* [с. 103], *sobáka*, *dúro*, *γłozá* [с. 121]. Как видам, [о] произносится в этих примерах в соответствии с ⟨о⟩ и с ⟨а⟩. Таким образом, это «оканье» не сопоставимо с севернорусским оканьем — различением ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в безударных слогах.

Подобное произношение встречается и в современных мосальских говорах: [o] на месте *o* — *γъłowá*, *skotá*, *nъd oknám'i*, *drová*, *boγátъx*, *xoz'áin*, *xoz'áinъ*, *l'ubowátcъ*, *łopáty*, *łopát*, *łopátъm'i*, *łopátkъ*, *łopátk'i*, *łomáitcъ*; на месте *a* — *dovál'i*, *rukowá*, *nozvát'*, *nъkłodáim*, *zъstovl'á̯iut'*, *poxál'i*.

Встречаются случаи произношения [o] и на месте [y]: у О. Брока — *n'iołá* [с. 53], в моих записях — *nъsopát'*, *boká* (быка). Это и есть еще одно свидетельство нейтрализации в этой позиции ⟨o, a, i⟩. Реже, чем [o], встречается в этой позиции на месте ⟨o, a, i⟩ звук [u]. Особо следует выделить случаи произношения [u] первого предударного слога при [u] во втором предударном: у О. Брока — *umuwá̯iitsъ* [с. 26], *duruká* [с. 53], *mužuká*, *mužukám* (и *mužuk'í*), *umuwácъ* [с. 61], *kružuwá* [с. 62], *umuvát'* [с. 76], *umuwátsъ* [с. 94], *duruká*, *mužuká* (и *mužuk'í*), *γusuká* [с. 99]. В моих записях — *kružuwá*, *tak xrubuwát'*, *mužuká* (и *mužuk'í*). Первый [u] в этих примерах, возможно, оказал прогрессивное воздействие на следующий гласный [см. Брок 1916, с. 64, 95; Пауфошима 1981, с. 26]. Впрочем Т. Ю. Строганова отрицает такое влияние [Строганова 1975, с. 46].

Встречается [u] в этой позиции на месте ⟨o, a, i⟩ и не после [u]: у О. Брока — *buvát'* [с. 76], *buwá̯iit'* (пример, вызвавший у О. Брока сомнение) [с. 94]; в моих записях — *sъmuwáry*, *pupáł*, *trъnsfurmátъr*; см. также [Строганова 1975, с. 45—51].

Произношение огубленных гласных на месте ⟨o, a⟩ в первом предударном слоге после твердых согласных перед [á] отмечено во многих говорах с диссимилятивным аканьем [см. ДАРЯ, карта 2 «Гласный не-[а] на месте *о* и *а* в первом предударном слоге при диссимилятивном аканье»]. Т. Ю. Строганова, автор этой карты, не показала на ней отдельно области произношения [u] и [o], объединив их в одном знаке, хотя и указала в комментарии к карте, что «в говорах основного — Смоленского — ареала лабиализации в целом преобладают примеры с гласным верхнего подъема [у], тогда как на южной периферии этого явления чаще отмечается [о]» [с. 87]. В другой работе, посвященной этому явлению, Т. Ю. Строганова разграничила на карте две эти зоны. Судя по этой карте, составленной на материалах ДАРЯ, в мосальских говорах, знающих диссимилятивное аканье, отмечена лабиализация предударного гласного на месте ⟨o, a⟩ перед [á] только в виде [u]. Звук [o] на основной территории распространения лабиализованного гласного в этой позиции при диссимилятивном аканье, то есть в смоленских, калужских, брянских говорах, встречается лишь в редких отдельных населенных пунктах [см. Строганова 1975].

Этому противоречат материалы О. Брока и мои по мосальским говорам, в которых в качестве лабиализованного гласного гораздо чаще выступает [о], а не [u]. Чем можно объяснить такое расхождение между материалами О. Брока и моими, с одной стороны, и материалами ДАРЯ — с другой, которое указывает на неточность материалов ДАРЯ? Думаю, есть несколько причин этого.

Одна причина — условия сбора материалов для ДАРЯ, когда при достаточно насыщенной программе у его экспланаторов было слишком мало времени для углубленного проникновения в тонкости фонетических явлений. При том, что лабиализованный гласный на месте ⟨о, а⟩ перед [á] при диссимилятивном аканье встречается значительно реже, чем нелабиализованный [ъ] или [у], звук [u] гораздо ярче контрастирует этим нелабиализованным гласным, чем [о], и на нем скорее останавливается внимание наблюдателей диалектной речи.

Другая причина, также относящаяся к области перцептивной фонетики, в том, что и лексически и в потоке речи слов с ⟨о⟩ в первом предударном слоге, как и слов, где в этом слоге пишется буква «о», гораздо больше, чем слов, где в этом слоге выступает ⟨а⟩ и пишется «а». Произношение редкого [о] на месте «о» (при том, что и в литературном языке есть слова, где возможно произношение безударного [о]) может в силу этого соответствия не замечаться наблюдателем, внимание которого в процессе разговора с диалектоносителем слишком нагружено: оно направлено и на усвоение смысла произносимого, и на поддержание беседы, и фиксацию диалектных черт во всех языковых ярусах. Произношение такого редкого [о] при диссимилятивном аканье может восприниматься экспланатором и как случайная оговорка информанта или как влияние на его речь орфографии и в силу этого не получить отражения в ответах на программу ДАРЯ.

Нельзя исключить также и того, что большинство экспланаторов ДАРЯ были студенты начальных курсов университетов и пединститутов, имеющие недостаточную подготовку для обнаружения редких фонетических диалектных черт.

3.1. О. Брок описывает типы предударного вокализма после мягких согласных [Брок 1916, с. 28—29, 56—57], названные позднее Н. Н. Дурново жиздринским и суджанским типами диссимилятивного яканья [Дурново 1917—1918]. В этой работе Н. Н. Дурново привел примеры, отражающие различные типы яканья, из всех известных ему публика-

ций и архивных материалов. Примеров, приведенных в работе О. Брока, среди них нет: она была опубликована уже после того, как Н. Н. Дурново закончил и сдал в печать первый выпуск своего исследования, содержащий описание типов яканья [см. Дурново 1917—1918, вып. 1, с. 34—35, вып. 2, с. 44].

Жиздринский тип характеризуется произношением в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема звука [а] перед всеми ударными гласными, кроме [а], и произношением звука [і] перед ударным [а]. Приведу некоторые примеры из работы О. Брока: *s'ästrý*, *s'astrú*, *s'ästr'ica*, *p'is'm'äcó*, *d'är'éu̯n'ú*, *pъγl'äd'ét'* — *r'iká*, *n'isłá*, *v'izát'*, *str'il'ắt'* и т. п. [с. 28].

Суджанский тип характеризуется произношением в этой позиции звука [а] перед гласными верхнего подъема и перед [о] из *о* исконного и из ъ и произношением звука [і] перед [е], перед ['о] из *е* и ь и перед [а]. Вот некоторые примеры из работы О. Брока: *v'äsnú*, *sv'ätýi̯*, *s'äłó*, *al'l'anói̯* — *n'is'éš*, *t'il'éγъ*, *r'ib'ónъk*, *n'isłá*, *sl'izá* и т. п. [с. 56].

3.2. Характер типов яканья, зафиксированных О. Броком, имеет одну особенность, отличающую эти типы от жиздринского, суджанского и других типов диссимилятивного яканья, описанных в работах, приведенных Н. Н. Дурново и в последующих описаниях, включая ДАРЯ. Заключается эта особенность в следующем.

В различных типах диссимилятивного яканья в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема произносятся множества разных звуков в зависимости от следующих исконных ударных гласных. Эти множества звуков предударного слога вслед за Н. Н. Дурново [см. Дурново 1917—1918, вып. 1, с. 35, 114, вып. 2, с. 49; 1924, с. 80; 1969, с. 157—158] обобщаются диалектологами в два противопоставленных друг другу звукотипа — *а* и не-*а*; «это „не-*а*“ может звучать как [и] или [е]. ⟨...⟩ „не-а“ может звучать также в целой гамме звуков между [е] и [и], приближающихся в большей или меньшей степени к [е] или [и], например: [е], [е͡и], [и͡е], [и]» [Аванесов 1974, с. 154]; иначе говоря, «качество гласного не-*а* может быть любым звуком переднего ряда ненижнего подъема» [Захарова 1971, с. 4].

Иначе обобщены эти гласные звуки у О. Брока. К гласному, который функционирует как звук верхнего подъема, О. Брок относит, кроме [і], также и [ɛ] (артикуляция которого определяется как «положение опущенно-высокое до среднего», то есть как звук более закрытый, чем [е]) и

[ê] («пол⟨ожение⟩ среднее, обр⟨азование⟩ закрыто-напряженное»). К гласному, функционирующему как звук нижнего подъема, О. Брок относит, кроме [а], также [ä], [ȧ] («пол⟨ожение⟩ низкое») и [е], артикуляция которого определяется как «пол⟨ожение⟩ среднее, обр⟨азование⟩ открыто-ненапряженное» [Брок 1910, с. 134; 1916, с. 6, 17, 28—29, 56—57, 59]. Таким образом, различия между описанием О. Брока и другими описаниями типов предударного вокализма, основанных на принципе диссимиляции, заключаются в оценке гласного [е] с точки зрения его функционирования как звука, относящегося к группе звуков верхнего или нижнего подъема.

Мои наблюдения над вокализмом южнорусских говоров, принадлежащих разным диалектным группам, подтверждают наблюдения О. Брока: в качестве бездударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема, могут выступать звуки в диапазоне от [е] до [а] (см., в частности, выше, с. 419—420). Об этом же свидетельствуют и некоторые ответы на программу ДАРЯ; см., например, обобщение материала этих ответов в работе [Захарова 1975] по населенным пунктам 634 [с. 26], 562, 649, 683 [с. 27], 783, 788 [с. 29], 568 [с. 31], 696, 808 [с. 32].

К. Ф. Захарова, посвятившая ряд своих работ исследованию типов яканья, связанных с принципом диссимилятивности, отмечает случаи, когда предударный [е] представляет собой разновидность [а] и вместе с ним противостоит звуку [і] [Захарова 1959, с. 32, 52; 1961, с. 43, 46, 49]. Однако в комментариях к картам 3 и 8 ДАРЯ («Типы различения или совпадения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных» и «Типы диссимилятивного, ассимилятивного и умеренно-диссимилятивного яканья») К. Ф. Захарова по традиции противопоставляет [а] и не-[а], относя к не-[а] гласные [і] и [е] и указывая, что «сосуществование [а] и [е] в одном положении ⟨...⟩ картографируется как сосуществование разных систем яканья» [с. 92, 100, 103].

3.3. Жиздринский и суджанский типы, обнаруженные в мосальских говорах О. Броком, представлены и в современных мосальских говорах. У некоторых информантов эти типы реализованы очень последовательно, исключения чрезвычайно редки. Такая последовательность в реализации предударного гласного в зависимости только от следующего ударного, проявляющаяся в словах, принадлежащих разным грамматическим классам, удивительна. Казалось бы, влияние литературного языка на русские говоры, отмечаемое еще О. Броком и значительно усилив-

шееся с 1930-х годов, должно было бы проявиться и здесь, включая и речь всех информантов. Однако это не так. Приведу некоторые примеры.

3.3.1. Деревня Сельцо-Кольцово, в десяти километрах к западу от Мосальска, информант Мария Матвеевна Замыслова, 61 год, жиздринский тип диссимилятивного яканья:

перед [i] — *v'ank'í, z'aml'í, z' d'at'm'í, s'am'í, d'is'at'í, n'as'l'í, pъd'al'íl'i*; *kr'es't'ítcъ, pr'ib'eγ'ím* и др.;

перед [y] — *s'astrý, v'asý, kъč'aný, kъč'arýškъm'i, pъl'ažýt', sp'ašým* и др.;

перед [u] — *s'astrú, k'is'ajú, u l'asú, s'in't'abr'ú, t'anúč'iį, v'azút', p'akút'* и др.;

перед [o] из *o* исконного — *s'ałó, z'arnó, s' s'astróį, v'aków, u jawó, zav'id'anó*; *p'etróv, u n'ewó* и др.;

перед [o] из *ъ* — *s'v'akróu̯, v'anóč'ik, kl'iv'arók, cv'atóč'k'im'i, s'l'apóį, s'ad'móį* (им. падеж муж. рода); *s'v'ekrów'* и др.;

перед ['o] из *e*, *ь* — *d'an'ók, w s'ar'ótk'i, v'as'ółyi, z'al'ónyįa, up'ar'ót, v'az'óš, v'ad'ót, n'as'óm*; *ub'ęr'óš, sъskr'ęb'óš, d'ewč'ónkъ, b'ir'eγ'óm* и др.;

перед [e] из *ѣ* — *n'av'éstъ, n'ad'él'i, t'al'éγu, k s'astr'é, p'ir'astr'élk'i, z'il'anél'i*; *n'ev'éstъ, n'e d'élъįut'* и др.;

перед [e] из *e*, *ь* — *d'ar'éwn'ъ, v'as'él̯'ie, zъį̯avl'én'i̯e, vъskr'as'én'̯ie, u s'astr'é, d'at'éį̯; d'et'éį̯, d'er'éwn'ъ* и др.;

перед [a] — *s'istrá, pl'im'án':ⁱcъ, nъ dv'ir'áx, d'iriwn'ám, d'in'γám'i, jiγn'átk'i, d'iv'átъvъ, s't'ikl'án:ъį̯, zъm'ič'álъ, v'izál'i, γl'id'át'* и др.

Эта система выступает и в предлогах, отрицании, то есть в тех словах, которые во многих говорах произносятся с отклонениями от основной системы яканья в сторону совпадения с литературным произношением: *n'e͡a žd'í, n'e͡a słýšýt', b'az ústъl'i, n'a dúžъ, n'ę pómn'u, b'as t'éxn'ik'i, n'a d'éržyt'* — *n'i brát, n'i znát, n'i stát, n'i káždъį̯*.

Я произвел выписку всех примеров произношения М. М. Замысловой гласного первого предударного слога после мягкого согласного на месте фонем неверхнего подъема. Перед [á] произносится только [i] — 109 примеров; перед остальными ударными гласными произносится: [a] — 142 примера, [ę] — 2 примера, [e͡a] — 2 примера, [e] — 25 примеров, а также [i] в единичных примерах: *t'ipér'* — 3 примера, так произносят это слово и другие информанты из Сельца-Кольцова (наряду с *t'ap'ér'*, О. Брок отмечал и *t'êp'ér'* и *t'ip'ér'a* и считал их «чужими» для говора [с. 28]); *č'itýr'i, p'icsót, zъį̯id'ínъ, d'ir'éwn'i* (наряду с *d'ar'éwn'ъ, d'ar'éwn'u, pъ d'er'éwn'i* и др. — 8 примеров с [a], 3 примера с [e]); слова *in't'ir'ésnъį̯ъ, in't'ir'isúį̯ucъ*,

очевидно, заимствованные из литературного языка. Кроме того [i] произносится в формах местоимений *u m'in'é*, *dъ s'ib'é* род. падеж и *t'ibé*, *s'ibé* дат. падеж. Следует учитывать, во-первых, что формы род. и вин. падежей *m'iné*, *t'ibé*, *s'ibé*, распространенные в южнорусских говорах, возникли из более древних *m'en'á*, *t'eb'á*, *s'eb'á*, в которых при диссимилятивном яканье закономерен предударный [i], во-вторых, что формы дат. и предл. падежей *t'ibé*, *s'ibé* в юго-западных говорах заимствованные, исконные были *tabѣ́*, *sabѣ́*; см. [Брок 1916, с. 28—29].

3.3.2. Суджанский тип диссимилятивного яканья, также весьма последовательно проведенный, обнаруживается у жительницы села Ивонина Александры Ивановны Богомоловой, 84 лет:

перед [i] — *s'amjí*, *z'aml'í*, *z' d'at'm'í*, *b'id'n'ak'í*, *d'is'at'í*, *š' š'itv'ar'm'í*, *b'aγ'íš*, *pъb'aγ'íš*, *b'aγ'ím*, *pъb'aγ'ím*, *p'akl'í*, *um'arl'í*, *pᵇum'arl'í*, *nъγl'ad'íms'ъ*; *z'eml'í*, *z' d'et'm'í*, *r'ez'ínъvyi*, *p'et'í*, *jed'ím*, *jed'ít'e*;

перед [y] — *s'astrý́*, *b'ažý́š*; *ul'ežýtcъ*;

перед [u] — *s'astrú*, *nъ s'am'jú*, *u bl'astúš'ix*, *n'asú*, *v'azút'*, *pъv'azút'*, *isp'akút'*, *p'ir'iv'arnúłs'ъ*, *p'ir'ad drúγъm*; *u pl'enú*, *s'm'ejútcъ*;

перед [o] из *o* исконного — *s' s'astrói̯*, *l'awšói̯*, *v'ankóu̯*, *m'aškóu̯*, *s'v'atói̯* (род. падеж жен. рода), *jawó*, *jaó*, *fs'awó*, *d'iv'anóstъ*, *n'idъl'akó*; *ryžd'estvó*, *s'emjói̯*, *jewó*, *fs'ewó*, *fs'evó*, *n'ič'ewó*, *n'e ródnyi̯*;

перед [o] из ъ — *s'v'akróu̯i̯a*, *l'asók*; *s'v'ekróu̯kъ*, *s'v'ekróu̯'i*, *l'esók*;

перед ['o] из *e*, ъ — *r'ib'ónъk*, *t'il'ónъk*, *t'il'ónъč'ik*, *iγn'ónъč'ik*, *v'id'ór*, *ijó*, *č'itv'órtъi̯*, *v'iz'ót'*, *pr'iv'iz'ót'*, *pr'in'is'ót'*, *s't'ir'iγ'ót'*, *sp'ik'óm*, *nъb'ir'óm*, *nъn'is'óm*, *n'i pjóm*;

перед [e] из ѣ — *n'id'él'u*, *t'il'éškъ*, *pr'il'it'él'i*, *p'ir'ijéxъl'i*, *b'iz'd'étnyi*, *n'ič'ém*, *n'i b'éγъi̯it'a*, *n'i vzl'ézu*;

перед [e] из *e*, ъ — *d'ir'éwn'a*, *d'ir'éwn'u*, *v d'ir'éwn'i*, *d'ir'iv'én'*, *b'ir'éz'n'ič'ik*, *p'ič'én'ʲcъ*, *kr'iš':én'i̯ъ*, *d'it'éi̯*, *t'ip'ér'*, *al'iks'éi̯*, *at' t'ib'é*, *nъ s'ib'é*;

перед [a] — *pr'ic's'idát'il'*, *pr'ic's'idát'il'am*, *s'imjá*, *z'irná*, *dъ t'imná*, *p'is'n'iká*, *nъibr'á*, *d'iłá*, *d'ir'ivn'á*, *d'in'γám'i*, *r'ib'áty*, *r'ib'átъ*, *s r'ib'átъm'i*, *d'ivč'átъ*, *t'il'át*, *iγn'át*, *s'v'itái̯ъ*, *d'ir'iv'án:yi*, *d'ir'iv'án:ъi*, *u m'in'á*, *dv'inátcъt'*, *dv'inátcъt'i*, *dv'inács͡tъvъ*, *fs'iγdá*, *l'in'átcъ*, *bl'is't'át'*, *atm'ič'á̯iut'*, *vi̯iž':á̯iut'*, *nъč'ivát'*, *ad'iwátcъ*, *pъb'ižáł*, *uiž':áłъ*, *nъš'iłás'*, *d'iržál'i*, *xl'ibál'i*, *n'idávnъ*, *n'i znál'i*.

Исключения также весьма редки. С одной стороны, это произношение на месте предударного [a] звука [i]: *r'ib'it'íškъk*, *v'idró*, а также в предлоге и отрицательной частице *b'is sýnъ*, *n'i p'íł*, *n'i xóč'ut'*, *n'i xód'ut'*, *n'i pómn'im*, что часто встречается в подобных говорах; с другой стороны, произношение на месте предударного [i] гласных [a], [e]: *t'al'ónku*, *um'erłá*, *nъč'ełás'ъ*.

В с. Ивонине О. Брок зафиксировал жиздринский тип диссимилятивного яканья, а у современной жительницы этого села Богомоловой — суджанский тип. Можно ли предполагать трансформацию жиздринского типа в суджанский? Эти типы отличаются произношением предударного [а] при жиздринском типе и [і] при суджанском перед ударными [е] из *ѣ*, *е*, *ь* и [’о] из *е*, *ь*. Это, как правило, случаи, когда предударный гласный находится в окружении мягких согласных: *невéста*, *недéля*, *телéга*, *дерéвня*, *детéй*, *телёнок*, *вперёд*, *несём* и т. п. Можно было бы думать, что это окружение способствовало изменению [а] в [і]. Но в таком случае мы обнаружили бы примеры с [і] между мягкими согласными и перед другими ударными гласными, чаще всего перед [і], типа *семьи́*, *с детьми́*, *бедняки́*, *ленúвый*, *летúт* и т. п. а также перед [u] типа *семью́*, *ленúсь* и т. п. Однако в речи Богомоловой всего один подобный пример при большом числе «правильных» примеров с [а]. Таким образом, нельзя считать, что жиздринский тип мог изменяться в суджанский фонетическим путем. О таком предположении пути трансформации яканья писал и О. Брок и также отверг его по тем же основаниям [с. 57].

Суджанский тип яканья у Богомоловой, очевидно, следует объяснять другой причиной: раннее детство она провела на хуторе в 4-х километрах от Ивонина, куда затем переехала вся их семья и где Богомолова прожила все остальные годы до настоящего времени. Говор жителей этого хутора, в том числе и родителей Богомоловой, очевидно, характеризовался суджанским типом яканья. Удивительно, что, усвоив его в детстве, Богомолова сохранила его почти не поколебленным в течение всей остальной жизни в селе, где у других жителей был жиздринский тип. Это может свидетельствовать о прочности позиционной обусловленности гласных при суджанском типе.

3.3.3. В Ивонине А. М. Красовицкий записал также речь Нины Егоровны Ананьевой, 80-ти лет, родившейся и всю жизнь прожившей в Ивонине. Ее речь характеризует жиздринский тип диссимилятивного яканья, как и у ивонинских информантов О. Брока. Но тип этот уже непоследователен, встречается довольно много примеров произношения [і] в тех позициях, где при этом типе яканья должен выступать гласный неверхнего подъема. Это, конечно, говорит о влиянии литературного языка. Влияние это обнаруживается также и в следующем.

Как показал еще О. Брок, развитие жиздринского и суджанского типов диссимилятивного яканья проявляется в том, что на месте преду-

дарного [а] возникает гласный среднего подъема [е] [с. 29]. Речь Ананьевой — иллюстрация именно этого пути развития жиздринского типа. Приведу все встретившиеся мне примеры:

перед [i] — *m'ašk'í — m'ešk'í, l'en'íɬьs'ъ, ad'd'el'íɬ, v'ez'l'í, pr'iv'ez'l'í, apr'id'el'íl'i — t'ipl'ícy, padv'is't'í, pr'iv'is't'í*;

перед [y] — *s'astrý — xr'es:ý, k v'esný, ul'ežýtcъ — p'ir'ivýpьłn'it', n'i wýšłъ*;

перед [u] — *pr'iv'azút', d'ažúr'iła — nъ v'esú, z'eml'ú, jemú, pr'iv'ezút, atv'ezút', d'ežúr'iłъ, v'ernúłs'ъ, b'ez múžъ — v'ẹzút' — pъ pьłm'iškú, n'i v'irnúłs'ъ*;

перед [o] из *o* и ъ — *jawó, mъjawó — z'ernó, v'edró, rъžd'estvó, s'el'có, s' s'estrói̯, s' s'estrói̯u, p'esók, d'en'žónъč'ik, jewó, jejó, s'ed'móvъ, s'ed'mó^{w}ъ, dъl'ekó, n'ič'ewó, pъl'egłó, n'emnóškъ — s'il'có, i̯i̯i̯có, pr'idłóžyl'i, n'i tókъ, n'i pómn'u*;

перед ['o] из *e* и ь — *t'el'ónъč'ik, d'eu̯č'ónk'i, d'eu̯č'ónъč'kyi̯, s'er'ótku, up'er'ót, d'er'óš, v'ez'ót, v'ez'óm, pr'in'es'óm — r'ib'ónъk, kn'iz'ók, š' š'itv'órtъvъ, sъb'ir'ómsъ*;

перед [e] — *s'estr'é, f s'el'cé, u n'ev'ésk'i, d'er'éwn'i — n'iv'éskъ, s' n'iv'éskъi̯, n'iv'éstъm'i, n'id'él', d'ir'éwn'i, d'ir'éwn'u, d'it'éi̯, m'in'é, u m'in'é, t'ib'é, s'ib'é, n'i jédut', n'i jéz'd'il'i, n'i d'ełъim*;

перед [a] только [i] — *s'istrá, p'ikárn'i, s'im'án, d'iv'átъvъ, fs'iγdá, l'itáł* и т. п.

В позициях, где в исконном жиздринском типе выступает в предударном слоге [а], у Ананьевой встретилось 6 примеров с [а], 46 с [е] и 30 с [i]. Таким образом, переход от жиздринского типа диссимилятивного яканья к литературному иканью связан с заменой предударного [а] звуком [i]. Промежуточной ступенью в этом переходе является замена [а] на [е].

3.3.4. У многих представителей старшего поколения деревень Мосальского района достаточно прочно держится система диссимилятивного аканья и яканья. Дальнейшая трансформация говоров под влиянием литературного языка обычно выявляется при сопоставлении речи старшего поколения с речью среднего и младшего поколений тех же деревень. В деревнях Мосальского района это сделать невозможно: дети и их родители здесь не живут, они переехали в города, лишь некоторые приезжают летом в дома своих предков как на дачу. Многих деревень, существовавших при О. Броке, уже нет, в других остались одни старики. Так, в Сельце Кольцове раньше было около 100 домов, в каждом из которых одновременно проживало несколько поколений. Сейчас постоянных жителей — 8 старух. В Ивонине раньше было более 100 домов, сейчас 9 человек. Так что скоро и этих деревень не станет. Утратятся и местные говоры, и будущие диалектологи и историки

русского языка смогут обращаться лишь к письменным памятникам, в том числе и к записям, отражающим речь современных жителей Мосальского района (как и других мест России, где идут те же процессы. Поэтому одна из важнейших задач диалектологов сделать как можно больше магнитофонных записей речи жителей современных русских деревень, создать фонды таких записей по разным регионам страны.

4. О. Брок обнаружил в мосальских говорах следующую зависимость: «в слоге непосредственно перед ударяемым ъ выговаривается кратко, между тем как *а* удлиняется ⟨...⟩; говорят „sъ̆xá“, но „sāxú“» [с. 57—58]. Эта важная особенность диссимилятивно акающих говоров позднее была подтверждена рядом исследователей [см. Курило 1924; Войтович 1972; Белая 1974; Бурова, Касаткин 1977, с. 68, 71—72; Чекмонас 1987; Касаткина 1995; Касаткина, Щигель 1995]. В современных мосальских говорах также встречается [а] с повышенной длительностью перед всеми ударными гласными кроме [а]: после твердых согласных — *гъrād'íl'i*, *xād'íl'i*, *rъsxād'íl'is'*, *pr'ixād'íł*, *nāšl'í*, *nāsk'í*, *stāłbý*, *stāłý*, *rāsý*, *prāstýi*, *γādú*, *pādrúγ'i*, *x pādrúγъm*, *kās't'úm*, *γъrādóš'k'i*, *pādzóry*, *pās't'él'*; после мягких согласных — *pr'idjāv'íł*, *nъtr'ās'l'í*, *zъpr'āt'íl'i*, *vъskr'ās'én'i̯ъ*. Но это лишь остатки прежней закономерности.

Обнаруженное О. Броком различие в длительности предударных [ā] и [ъ̆] послужило основой в его гипотезе о причинах или, точнее сказать, условиях возникновения диссимилятивного аканья и яканья: «Мена *sъ̆xá*: *saxú*, *s'is'trá*: *s'astrú*, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующем слогах. ⟨...⟩ Можно предположить, что появление „ă“: „ā“ (*а*) зависело сначала от *долготы* следующего, ударяемого гласного; а если это соображение правильно, то количественная формула всего развития дается сама собою; получаем с одной стороны ˘ˊ, с другой -ˇ, т. е. перед долгим ударяемым гласным краткость, а перед кратким ударяемым долготу. ⟨...⟩ С первоначальными количественными отношениями общеславянской и общерусской эпох эти ударяемые долготы: краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по исчезновении старших, этимологических количественных отношений. Зато обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, показывает, что ударяемому *а* правильно предшествует ъ, т. е. краткость, ударяемым же *i*, *u*, *y*, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует *а*, т. е. долгота. Заключаю из

этого, что речь идет о количестве „натурой“; *á* было натурой „долгим“, *í* и пр. натурой „краткими“ гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признанного явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире» [с. 57—59].

Эта гипотеза гораздо убедительнее объясняет происхождение диссимилятивного аканья, чем гипотеза А. А. Шахматова [Шахматов 1915а, с. 331—340], поддержанная Н. Н. Дурново [Дурново 1917—1918, вып. 2, с. 63—64] и основанная на праславянских долготных отношениях гласных. К моменту образования аканья эти отношения должны были измениться, тогда как отношения, на которые опирался О. Брок, реально существовали и существуют до сих пор [ср.: Сидоров 1969, с. 19].

Работы О. Брока, посвященные описанию русских говоров, были важным этапом в истории русской диалектологии и до сих пор требуют к себе пристального внимания лингвистов. О. Брок впервые описал или хотя бы просто отметил целый ряд неизвестных до него русских диалектных черт. Некоторые из них до сих пор не исследованы или изучены недостаточно и ждут еще нового рассмотрения[99].

[99] Первая публикация — [Касаткин 1998б].

Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твердого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах с умеренным яканьем и ёканьем
(фонетическая модель С'ГСС'Г)

1. В чухломских говорах Костромской области Е. Г. Бурова и я обнаружили диссимилятивно-умеренное яканье особого типа, названного нами чухломским. На месте гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягкого согласного перед твердым обычно произносится звук типа [е] перед ударным [а] и звук типа [а] перед остальными ударными гласными: *с'естрá*, *л'есá*, *п'етнáтцът' — с'алý*, *в'арсты́*, *з'арнó*, *св'атóй* и т. п. Перед мягким согласным в этой позиции произносится звук типа [и]: *т'ил'áты*, *б'ил'áнк'и*, *пъгл'ид'ám*, *ув'ил'ú*, *н'ис'óм*, *д'ит'éй*, *в р'ик' é* и т. п. В позиции перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким обычно произносится [и]. Но в том случае, когда последний согласный сочетания, стоящего после предударного гласного, заднеязычный, картина нарушается: в этой позиции произносится [а]: *с'ин'тибр'á*, *сл'ипн'ú*, *р'ивл'ý*, *д'ифч'óнък*, *нъ с'т'икл'é*, *с'ирд'éшньйъ — в'анк'ú*, *б'алк'ú*, *п'аск'ú*, *ф п'аск'é*, *на в'ит'арк'é* и т. п. (подробнее см. выше, с. 417—418).

Обнаруженная нами закономерность не является исключением. Так, Н. Н. Дурново по известным к началу XX века материалам и собственным наблюдениям дал подробное описание типов южнорусского предударного вокализма. Отмечая, что при умеренном яканье в предударном положении перед группой согласных с первым твердым и последним

мягким выступает обычно [и], Н. Н. Дурново говорит и об отступлениях от этого произношения, о том, что в этой позиции может быть [а], если последним согласным сочетания являются мягкие [г'], [к']. «К сожалению,— пишет Н. Н. Дурново,— примеров на указанные положения в известных мне матерьялах мало; наиболее часто встречаются в сообщениях примеры: *зи*мля, *ти*мнеть, *си*стре, *си*стрица, *ди*вчонка; из Парф[енковского] говора (Руз[ского уезда] Моск[овской губернии]) мне известны примеры на все названные положения, но там *и* известно и в положении перед сочетаниями на мягкие *г*, *к*; в других говорах перед сочетаниями на *г*, *к* мягкие встречается *а*: пя*с*ке́ Шацк[ий у.] Тамб[овской губ.], Корсун[ский у.] Симб[ирской губ.], би*р*яшке Шацк. Тамб., мастярки Вер[ейский у.] Моск[овской губ.]» [Дурново 1917—1918, вып. 2, с. 71].

Н. Б. Парикова провела исследование тульских и среднерусских говоров с умеренным яканьем и определила, что в этих говорах «в положении перед группами согласных, начинающихся твердым и кончающихся мягким согласным, ⟨...⟩ характерно произношение *и*». Бывают в этой позиции и исключения, когда произносится [а], среди примеров подобного рода приведены *къч'атк'и́*, *в п'атк'и́* (в двух населенных пунктах), *в'анк'и́*, *шарк'и́* (от *шар*), *жалтк'и́*, *м'алк'и́*, *в уз'алк'е́*, *къз'алк'и́*, *ф кът'алк'е́*. Произношение [а] отмечается и в таких примерах, когда последним согласным сочетания является переднеязычный согласный: *п'акл'и́*, *л'аγл'и́*, *в'адр'е́*, *с'астр'е́* и др. Однако разница между примерами первого типа и примерами второго типа в том, что произношение [а] в примерах типа *п'акл'и́*, *в'адр'е́* и т. п. единично при повсеместном [и] *п'икл'и́*, *в'идр'е́* и т. п. Произношение же [и] в примерах первого типа встретилось лишь дважды в словах *ф к'ип'итк'е́*, *цв'итк'е́* [Парикова 1961, с. 19, 20—21].

2. Зависимость между качеством гласного и следующим согласным, твердым или мягким, наблюдается также при «переходе *е* в *о*». Известно, что этот переход осуществлялся перед твердым согласным и не было его в позиции перед мягким согласным. В литературном языке и акающих говорах результаты этого перехода наблюдаются только под ударением, в говорах окающих этот переход происходил и в безударном положении.

О связях между умеренным яканьем и ёканьем говорили многие лингвисты. Впервые на эту зависимость указал Е. Ф. Будде [Будде 1896, с.

330]. Немалое место в разработке теории переходных говоров заняла эта проблема у Н. Н. Дурново [Дурново 1917—1918, вып. 2, с. 83—85]. Ученик Н. Н. Дурново Р. О. Якобсон показал и пути перехода ёканья в умеренное яканье [Якобсон 1927, с. 588—590]. Позднее происхождению умеренного яканья посвятил ряд своих статей В. Н. Сидоров. В этих работах В. Н. Сидоров нарисовал подробную картину перехода ёканья в умеренное яканье, объяснив и происхождение различных разновидностей умеренного яканья, возводя их к разным типам севернорусского вокализма [Сидоров 1966; 1969].

В диалектологических описаниях и исследованиях, посвященных ёканью (так же как и в работах, посвященных умеренному яканью) неоднократно указывалось на то, что гласные предударного слога ведут себя перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким обычно так же, как и перед мягким согласным, а именно: если в говоре наблюдается произношение *п'оку́—п'ек'и́* (или *п'оку́—п'ик'и́*), то в этом же говоре будет и *п'екл'и́* (или *п'икл'и́*). Наблюдаются и отклонения от этой закономерности: произношение типа *п'окл'и́*.

Как же в ёкающих говорах реализуется этимологическое *е* в предударном слоге перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным?

2.1. Наиболее полная сводка материалов ДАРЯ по произношению в окающих говорах гласных первого предударного слога после мягких согласных перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, собранных к середине 50-х годов, была сделана С. К. Пожарицкой. С. К. Пожарицкая указывает: «Нетрудно перечислить слова, встречающиеся в ответах на соответствующие (3, е и ж) пункты „Программы“: *гребли*, *земля*, *в тепле*, *теплее*, *утепление*, *утеплить*, *темнеть*, *медведь*, *везли*, *несли*, *ветлина*, *узелки*, *черенки*, *кленки*, *утвердить*, *заперлись*, *озерки*, *берегли*, *легли*, *расстегнись*, *пекли*, *текли*, *на стекле*, *стеклянная*, *пекчи*, *сестре*, *сестренка*» [Пожарицкая 1959, с. 121]. Среди этих примеров есть и слова с последним согласным заднеязычным: *узелки*, *черенки*, *кленки*, *озерки*.

В примерах, извлеченных С. К. Пожарицкой из материалов ДАРЯ, отмечается произношение [е] и [о]. Так, *п'екл'и́* отмечено в 67 населенных пунктах обследованной территории, *п'окл'и́* — в 97, *т'екл'и́* — в 60 нас. пп., *т'окл'и́* — в 55, *л'егл'и́* — в 70 нас. пп., *л'огл'и́* — в 48 и т. п. [с. 123]. «Этот материал,— пишет С. К. Пожарицкая,— показывает, что произно-

шение *е* перед сочетанием согласных колеблется между ⟨...⟩ [е] и ⟨...⟩ [о] без сколько-нибудь существенного преобладания того или другого» [с. 124].

Вывод этот, правильный для большинства примеров, не применим к примерам с последним согласным сочетания мягким заднеязычным.

Вот в какой форме и где отмечены эти примеры: *уз'олк'и́* — в Лысковском районе Нижегородской области и Курловском районе Владимирской области, *оз'орк'и́* — в Суздальском районе Владимирской области, *ч'ор'онк'и́* — в Городецком районе Нижегородской области, *кл'онк'и́* — в Козловском районе Мордовии. Все остальные слова, приведенные С. К. Пожарицкой, отмечены и в произношении с [е], только примеры с мягким заднеязычным отмечены исключительно с [о] [с. 123]. (Только с [о] приведен также пример *зап'орл'и́с'*, отмеченный всего один раз именно в этой форме в Балахнинском районе Нижегородской области).

С. К. Пожарицкая в указанной статье приводит также примеры с [е] и [о] перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, извлеченные ею из описаний говоров исследуемой территории. Эти описания «указывают почти исключительно на произношение *е* и лишь изредка — на ⟨...⟩ *о*» [с. 124—125]. Среди этих примеров встречается лишь один пример с последним мягким согласным сочетания заднеязычным — *уз'олк'и́*, приведен он И. А. Кудрявцевой [Кудрявцева 1952, с. 125].

С. К. Пожарицкая приводит материал и тех населенных пунктов, где на месте *е* в первом предударном слоге произносится не только [е] и [о], но и [и]: *п'екл'и́*, *п'окл'и́*, *п'икл'и́* и т. п. Таких ответов на Программу ДАРЯ ею обнаружено 47, и ни в одном из них нет примеров на позицию гласного перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным.

Собирание материалов Атласа С, включившего основную территорию окающих говоров ДАРЯ, продолжалось до 1962 г. В 1955 г., уже после того, как С. К. Пожарицкая написала вышеуказанную статью, в д. Летнево Застолбского сельсовета Кушалинского района Тверской области побывала сотрудник Института русского языка АН СССР И. Б. Кузьмина с группой студентов МГосПИ. Вот что она писала в ответе на Программу ДАРЯ: «На первый предударный слог после мягких было записано довольно много примеров, причем одни и те же слова записывались за разными объектами. Общая схема предударного вокализма получилась одна и та же у всех: этимологическое *е* перед твердыми чаще

всего произносится как *'о*, но возможно (значительно реже) произношение *'е*. Примеры с *'и* и *'а* единичны (отклоняются чаще приставки, отрицания) ⟨...⟩ На месте этимологических *е* и *ѣ* перед мягкими (а также и перед сочетанием согласных, из которых первый твердый, второй мягкий) произносится *е* или звук, близкий к *'а*. Звук, средний между *е* и *'а*, не во всех случаях одинаков: иногда он ближе к *'а* (в этих случаях он транскрибировался как *'а*), иногда ближе к е (передается через *'ä*). Через *е* передается звук *е* чистое. Разграничение *'а* и *'ä* весьма условное: при одновременной записи разные собиратели транскрибировали иногда по-разному одни и те же слова. Когда все записи были кончены, мы спрашивали своих объектов прямо, скажут ли они „*с'остра́*“, „*н'ад'е́л'а*“. Все они признавали первое, но отказались от примеров, которые мы произносили с *'а*. Это, видимо, говорит за то, что звук, произносимый перед мягкими, все же не *'а*, хотя мы нередко воспринимали этот звук как *'а*. Изредка отмечается *'и*». В ответе приведены следующие примеры:

а) *в'осна́*, *с'остра́*, *пр'ин'осла́*, *л'огла́*, *зъп'орла́*, *ун'осла́*, *хл'оба́й*, *нъпл'ова́т'*, *пр'ив'озла́*, *хр'оста́м*, *Л'оксáндра*, *ум'орла́*, *с'м'ота́на*, *с'омна́цътъва*, *ръз''д'ова́ли*, *вым'орза́ит*, *дъзр'ова́йит*, *л'ота́т'*, *нъд'ова́лас'*, *шл'опа́* (свернутая бумага для шлепанья мух), *с'ола́*, *в'орста́* и т. д.; *с'м'ета́на*, *п'ека́рн'а*, *с'естра́*, *ф п'ер'едба́йн'ик'ъ*; *б'ис па́м'ит'и*;

б) *с'оло́*, *в'осло́*, *с' с'остро́й*, *в'осно́й*, *з'орно́*, *с'т'окло́*, *т'опло́*, *л'ого́н'ко*, *дъ П'отро́ва* (*дня*), *Ф'одо́с'йа*, *Його́р'ий*, *с'в'окро́в'йу*, *с'в'окро́в'и*, *л'охко́*, *Ф'одо́с'* (звательная форма); *с'ело́*, *н'имно́шка*, *П'атро́ф*, *дъл'ако́*;

в) *в'осло́м*, *с'оло́м*;

г) *с'остру́*, *уб'ору́*, *доб'ору́с'*, *св'озу́*, *нъ б'ир'огу́*, *в'орну́л'и*, *в'оду́т*, *съб'ору́цца*, *пр'ив'озу́т*, *п'оку́т*, *д'ър'ову́шк'ъ*, *к н'ому́*, *ф Тр'осну́*, *уб'ору́т*, *б'ору́т*, *п'ер'абу́лас'*;

д) *д'в'е в'орсты́*, *д'в'е с'остры́*, *п'ит'ору́х*; *тр'и в'ерсты́*, *б'азды́мный*;

е) *т'акл'и́*, *ув'езл'и́*, *б'ер'ägл'и́*, *п'екл'и́*, *с'в'атл'и́ны*, *п'ир'в'арн'и́*, *л'егл'и́*, но *къз'олк'и́* (козлы);

ж) *к с'естр'е́*, *ъп с'астр'е́*, *нъ с''т'äкл'е́*, *в з'емл'е́*, *М'едв'е́д'иха*;

з) *з'ämл'о́й*, *з'емл'а́*, *з'амл'а́* [см. Атлас С, материалы по нас. п. 634].

Примеры, приведенные И. Б. Кузьминой и студентами руководимой ею группы, показывают примерное распределение в потоке речи слов с разными звуками на месте этимологических *е*, *ь*. Приведено 85 примеров. Среди них 16 примеров с предударным гласным перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким. В потоке речи при-

меры этого типа встречаются гораздо реже. Но на положение перед твердым согласным, стоящим не перед мягким, приведены, конечно, не все услышанные в говоре примеры. Об этом говорит указание «и т. п.» в пункте а). Среди этих 16-ти примеров один пример с предударным *'о — къз'олк'и́*. Это и единственный пример с мягким заднеязычным согласным в конце данного сочетания.

Итак, ясно, почему описываемое явление — реализация гласного первого предударного слога перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным, совпадающая с реализацией перед твердым согласным,— не обращало до сих пор внимания диалектологов и историков языка (мне известно только упомянутое выше беглое замечание Н. Н. Дурново): примеры, где после предударного гласного произносится сочетание согласных с последним мягким заднеязычным, чрезвычайно редко встречаются в потоке речи. Нет подобных примеров и в Программе ДАРЯ.

Характерно следующее. Н. Б. Парикова тщательно проанализировала ответы на эту Программу по тульским и среднерусским говорам Атласа З и Атласа В. Среди этих говоров последовательно выдержана система умеренного яканья в 75 населенных пунктах. Единичные колебания встречаются в 46 нас. пп. Сосуществование умеренного яканья и иканья наблюдается в 56 нас. пп. [Парикова 1961, с. 17—18]. Во всех этих 177 нас. пп. отмечено всего 12 примеров с сочетаниями *тк'*, *нк'*, *лк'*, *лтк'*, *рк'*, из которых 10 примеров с произношением предударного *а* и 2 примера с произношением предударного *и*. Но при яканье в первом предударном слоге выступают гласные на месте всех фонем неверхнего подъема. При ёканье же возможность появления в потоке речи интересующих нас примеров еще меньше, так как предударный гласный произносится только в соответствии с фонемой ⟨о⟩.

Как известно, [о] в первом предударном слоге может в некоторых говорах произноситься и в соответствии с *ѣ* (⟨е⟩ на месте этимологического *ѣ*): *л'ес — в л'осу́* и т. п. Но, во-первых, примеры с этимологическим *ѣ* перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким еще более редки, чем примеры с этимологическим *е*, *ь* в этой позиции. С. К. Пожарицкая пишет, что в ответах на Программу ДАРЯ «наблюдатели приводят здесь только два слова ⟨...⟩ *в ведре* и *светлеть*» [Пожарицкая 1959, с. 130]. Кроме того, происхождение этого *о* на месте *ѣ* неясно, и сначала надо выяснить этот вопрос.

2.2. В 1977 и 1979 годах я побывал в деревнях Дуброве, Ченцах и селе Ивановском Рамешковского района Тверской области с целью выяснить систему предударного вокализма говора, а главным образом — реализацию этимологических *е*, *ъ* в первом предударном слоге перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, в том числе мягким заднеязычным. В 1977 г. в с. Ивановское и д. Ченцах были сотрудники Института русского языка АН СССР Р. Ф. Пауфошима, Е. В. Щигель и Л. В. Васильев и произвели там магнитофонные записи речи местных жителей. Этими записями я дополнил свои наблюдения. Архаические говоры этих нас. пп. по интересующему меня вопросу оказались одинаковыми. Поэтому привожу материал без дифференциации по этим нас. пп.

В первом предударном слоге после мягких согласных перед твердым на месте гласных неверхнего подъёма различаются три гласных: [о] на месте ⟨о⟩, [е] на месте ⟨е⟩, [а] на месте ⟨а⟩:

л'огла́, с'в'озла́, с'остра́, ум'орла́, сл'оза́м'и, мъс'т'ора́, бъйова́йъ, с'в'ола́, т'опло́, с'оло́, л'охко́, в'осно́й, с'ово́д'н'ъ, н'ъдъл'око́, пазън'осло́с', с'в'окро́ѡ', б'ору́, в'орну́с', уб'ору́т, д'ору́цъ, св'оду́, нъп'оку́т, нъ б'ър'огу́, ръз'б'ору́, с'остры́, в'осны́ и т. п.;

м'еста́м, дв'ена́цът', уд'ева́л'ис', д'ева́т', нъдъйеда́ит, въцв'ета́ит, у^{ъ}бр'еза́иш, йеда́, р'ека́, выр'еза́л, п'еско́м, л'есо́к, п'есо́ч'ку, с'едо́й, с'еро́, б'ело́, р'еко́й, в л'есу́, п'еску́, йеды́, сл'епы́х и т. п.;

п'атна́цът', вз'ала́, д'ъв'атна́цътъвъ, зън'ата́, гр'ада́, пл'аса́л'ъ, зъпр'ага́йът, с'в'аза́лъ, къп'ато́ч'към, ч'асо́ф, р'адо́ф, взгл'ану́лъ, къп'атку́, нъпр'аду́т, тр'асу́цъ, пъм'ану́т', м'асны́и, нън'аты́и и т. п.

Перед мягким согласным ⟨о⟩, ⟨е⟩ совпадают в звуке [е], на месте ⟨а⟩ произносится [а]:

т'еб'а́, Д'ем'йа́н, шыз'д'ес'а́т, пл'ем'а́н'ику, н'ел'з'а́, б'ес'е́ды, б'ер'е́з'н'ик, д'ер'е́вн'ъ, д'ър'ев'е́н', въскр'ес'е́н'ъ, т'еп'е́р', М'ед'в'е́д'ицъ, в'ез'д'е́, н'ед'е́л'ку, с'ер'о́тку, н'ес'о́цъ, б'ер'о́ш, зъм'ет'о́т, с'в'ез'о́т, С'ер'о́жын'къ, з'ел'о́ный, б'ер'о́з'и, пл'ел'и́, в'ез'и́, св'ес'т'и́, п'ир'в'ел'и́ и т. п.

ръз'д'ел'а́йут, сйед'а́т, йед'а́т, стр'ел'ба́, д'ет'а́м, фстр'еч'а́т', д'ет'е́й, зв'ер'е́й, пъм'еш̄'е́н'йъ, б'ел'йо́, з'м'ейу́, б'ег'и́, р'ек'и́, сл'ед'и́лъ, п'ев'и́цъ, ръз'д'ел'и́л'ъс', йед'и́т'ъ, б'ел'и́т' и т. п.

гл'ад'а́т, къп'ат'а́т, в йас'л'а́х, св'аш̄'е́н'ик, пъгл'ад'е́л'и, пъгл'ад'е́лъ, ч'айо́к, ч'айко́м, р'аб'и́нъ, к^{ъ}с'т'ан'и́къ, ср'ад'и́л'и, ср'ад'и́лъ, йаи́ц, д'ъс'ат'и́н, распър'ад'и́лс'ъ, р'ъб'ат'и́шк'и, къп'ач'у́ и т. п.

Таким образом, фонемы ⟨е⟩ и ⟨а⟩ перед твердым и перед мягким согласным реализуются соответственно одним и тем же звуком ⟨е⟩ — [е] и

⟨а⟩ — [а]. Естественно, что каждая из них реализуется тем же звуком и перед сочетанием согласных с первым твердым и вторым мягким: *д'ефч'о́нкъ, св'етл'ét', с'екл'ú, скр'епл'á т', стр'елк'ú, ф п'еск'é*; *йагн'о́нък, ф с'ън'т'абр'é, с'ън'т'абр'á, нън'алс'á*.

Фонема ⟨о⟩ реализуется в позиции перед твердым согласным звуком [о], а в позиции перед мягким согласным звуком [е]. В позиции же перед сочетанием согласных с первым согласным твердым, а вторым мягким произносится [о], если этот мягкий согласный заднеязычный, и [е] в остальных случаях: *л'ъп'оск'ú, на п'ър'отк'é, на в'ът'орк'é, къс'т'орк'ú, в ъз'орк'é, ч'ър'онк'ú, скр'опк'ú, ф пъгр'опк'é, уз'олк'ú, къз'олк'ú, кът'олк'ú, ф кът'олк'é*; *с'естр'é, пр'ив'езл'ú, пъч'ерн'éлъ, ч'ерн'úшнъ, в'еч'ерн'úцъй, з'ерн'úл'ис', п'ерш'áтк'и, с'емйé, с'емйá, з'емл'á, скр'ебн'úца, п'екл'ú*.

Система эта в архаическом слое говора держится очень прочно. Встречаются только редкие отклонения от нее. Так, на месте ⟨о⟩ наряду с [о] перед твердым согласным в редких случаях наблюдается звук менее лабиализованный — [$о^{е}$] или [$е^{о}$]: *йо^{е}wо́$\bar{н}$ъму, т'о^{е}пло́, пъ в'ъч'о^{е}ра́м, вз'е^{о}ла́, с'е^{о}ла́, л'е^{о}хко́, нъб'е^{о}ру́т*. Единично в этой позиции [е]: *с'ело́, в'еду́т, с'естра́*. Наряду с [е] перед мягким согласным единично [и]: *м'ин'á, п'ъ$\bar{д}$'ис'ám, п'ич'н'úк*. Отмечен и пример *кът'елк'ú* с [е] перед сочетанием согласных со вторым мягким заднеязычным. Однако эти примеры почти не нарушают основную систему.

Итак, в ёкающих говорах и в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем наблюдается следующая зависимость: если после предударного гласного выступает сочетание согласных с первым твердым и последним мягким, то характер предударного гласного зависит от того, какой именно в конце сочетания мягкий согласный. Если этот согласный заднеязычный, то предударный гласный почти всегда такой же, как перед твердым согласным. Если в конце сочетания мягкий переднеязычный или губной, то предударный гласный чаще такой же, как перед мягким согласным, но может быть и таким же, как перед твердым.

3. Чем же объясняются колебания гласного в этой позиции?

3.1. С. К. Пожарицкая писала: «Суть вопроса заключается в установлении того, чем определяется произношение гласного в интересующем нас положении: определяется ли оно фонетически — влиянием последующего сочетания согласных — и эквивалентом какого — твердого или мягкого согласного — является это сочетание согласных; или произношение гласного в этом положении определяется факторами нефонети-

ческими — влиянием парадигмы склонения или спряжения, словообразовательными связями слов» [Пожарицкая 1959, с. 119].

Среди диалектологов и историков русского языка нет единства во взглядах на происхождение примеров типа *с'естр'é*, *с'истр'é*, и примеров типа *с'остр'é* при ёканье и *с'астр'é* при умеренном яканье Произношение [е] в примерах типа *с'естр'é*, *з'емл'é* А. А. Шахматов объяснял фонетическими причинами [Шахматов 1915а, с. 179]. К такой же точке зрения склонялся Р. О. Якобсон [Якобсон 1927, с. 582—583]. В Программе ДАРЯ была высказана другая точка зрения. Здесь в разделе, написанном Р. И. Аванесовым, указывалось, что при умеренном яканье «произносят *пикли́*, *утикли́*, несмотря на твердость *к*, видимо, по образцу *вили́*, *нисли́*, *визли́* и т. д.; произносят *в видре́*, несмотря на твердость *д*, видимо, по образцу *на стине́*, *к висне́* и т. д.» [Программа ДАРЯ, с. 169; см. также Аванесов 1949, с. 80]. Такая же точка зрения на происхождение примеров указанного типа, а именно то, что возникновение предударного гласного объясняется в них нефонетическими причинами — морфологической аналогией (если в сочетании согласных, стоящих после предударного гласного, твердость первого согласного нельзя объяснить недавним отвердением), была высказана Л. Н. Булатовой [Булатова 1947, с. 64] и В. Г. Орловой [Орлова 1948, с. 48].

В противоположность этому объяснению фонетическое истолкование примеров подобного типа дал Ф. П. Филин, показавший, что «некоторые слова данной группы не очень-то укладываются в рамки аналогии» [Филин 1949, с. 291].

Рассматривая явление перехода *е* в *о*, В. Н. Сидоров убедительно показал, что этого перехода не было перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким. В современном русском литературном языке об этом свидетельствуют такие слова, как *бедренный*, *вепрь*, *гребля*, *дебри*, *дешевле*, *дремлет*, *желчь*, *землю*, *клеплет*, *кремль*, *легче*, *набедренник*, *пестрядь*, *разведрилось*, *серебряный*, *сестрин*, *теплится*, *треплется*, *шепчет*. Отклонения от такого произношения в словах *пёстренький*, *тёпленький*, *жёлтенький*, *ёмче*, *жёлчь* объясняются обобщением корневой гласной *'о*, выступающей в однокоренных словах: *пёстрый*, *тёплый*, *жёлтый*, *ёмкий* [jомкъй] и т. д. Таким образом, «исторически закономерным ⟨...⟩ в положении перед сочетанием твердой согласной с мягкой необходимо признать произношение гласной *е*». Та же закономерность устанавливается В. Н. Сидоровым и для ёкающих говоров. В результате В. Н. Сидоров приходит к выводу: «Рассмотренные случаи отсутствия

перехода *е* в *'о* перед соответствующими сочетаниями в слоге под ударением, а в севернорусских ёкающих говорах — и в предударном позволяют вывести общее заключение, что когда в русском языке происходило изменение *е* в *'о*, то этого изменения не было в положении перед твердыми согласными, за которыми следовали мягкие». Произношение же *'о* в этой позиции ([п'о́]*стренький*, [с'о]*стре́*) возникло под влиянием морфологической аналогии [Сидоров 1966, с. 129—131, 139; 1969, с. 103, 105]).

К подобным же выводам приходит и С. К. Пожарицкая: «Материал северных говоров, имеющих чередование гласных в 1-м предударном слоге в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного, с полной определенностью показывает, что лабиализации гласного перед сочетанием твердого согласного с мягким не происходило, как не было ее и перед мягкими согласными», «говоры, в которых при чередовании *о*/*е* перед твердыми и мягкими согласными перед сочетанием согласных произносится то *о*, то *е*, позволяет считать фонетическим *е* и не дают подобных оснований для *о*» [Пожарицкая 1959, с. 124].

Итак, и В. Н. Сидоров, и С. К. Пожарицкая считают, что произношение ['о] перед сочетанием твердого и мягкого согласного нефонетического происхождения. Правда, В. Н. Сидоров не приводит примеров, где мягкий согласный в этом сочетании заднеязычный, а С. К. Пожарицкая приводит слишком мало таких примеров, чтобы можно было заметить иную закономерность. В литературном языке (а В. Н. Сидоров рассматривает переход *е* в *о* и в литературном языке) таких примеров довольно много: *бабёнке*, *бабёнки*, *плётке*, *плётки*, *гребёнке*, *девчонке*, *четвёрке*, *тёрке*, *причёске*, *тётке*, *тёткин*, *блёстки*, *посерёдке*, *глазёнки*, *очёски*, *ошмётки*, *посёлки*, *о ребёнке*, *о милёнке*, *свёртки*, *напёрстки*, *желёзки* и т. п. Нет ни одного случая в литературном языке, чтобы в позиции перед сочетанием согласных «твердый + мягкий заднеязычный» на месте этимологических *е*, *ъ* в старых русских словах произносилось бы под ударением [е], не перешедшее в [о]. Правда, во всех этих случаях можно было бы предполагать также и действие морфологической аналогии.

3.2. Н. Б. Парикова, рассматривая подобные случаи в говорах с умеренным яканьем (которое, «как убедительно доказано В. Н. Сидоровым, ⟨...⟩ соответствует системе северновеликорусского ёканья и является акающей перелицовкой ёканья владимирско-поволжского типа» [Парикова 1961, с. 28—29]), возражает против такой трактовки: «произношение *а* наблюдается в тех же грамматических категориях, где обычно

произношение *и*, а также в форме им.-вин. падежей мн. ч. существительных м. р. (*къч'атк'ú*, *в п'атк'ú*, *в'анк'ú*, *шарк'ú*, *жалтк'ú*). Поэтому морфологический подход к объяснению этого явления вряд ли правомерен» [с. 20]. Приведенный мною выше материал говора деревень Дуброва и Ченцев и села Ивановского Рамешковского района Тверской области и говоров Чухломского района Костромской области полностью это подтверждает. Действительно, возникновение перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным [о] в ёкающих говорах и [а] в говорах с умеренным яканьем можно, казалось бы, объяснить морфологической аналогией. Так, произношение типа *в'ът'орóк*, *в'ът'оркá*, *в'ът'оркý*, *в'ът'оркóм* и др. в ёкающих говорах могло бы приводить к замене [е] на [о] в формах предл. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа, если в этих формах раньше произносилось [е]: *на в'ът'орк'é*, *в'ът'орк'ú*. Точно так же произношение типа *в'ът'арóк*, *в'ът'аркý*, *в'ът'аркóм* и др. в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем могло бы приводить к аналогичной замене [и] (или [е]) на ['а] в формах *на в'ът'арк'é*, *в'ът'арк'ú*.

Однако подобное предположение должно быть отвергнуто по следующим соображениям. Если бы такое аналогическое выравнивание основы происходило, то оно должно было бы захватить не только слова, у которых в конце основы выступает сочетание согласных с последним мягким заднеязычным, но и слова, у которых в конце основы наблюдаются другие мягкие согласные. Так, формы *бр'овнó*, *т'оплó*, *бр'овнá*, *т'оплá*, *бр'овнý*, *т'оплý*, *бр'овнóм*, *т'оплóм* должны были бы вызвать формы типа *нъ бр'овн'é*, *ф т'опл'é*, *т'опл'éй*, так же как формы *бр'авнó*, *т'аплó*, *бр'авнá*, *т'аплá*, *бр'авнý*, *т'аплý*, *бр'авнóм*, *т'аплóм* должны были бы вызвать формы типа *нъ бр'авн'é*, *ф т'апл'é*, *т'апл'éй* и т. п. Между тем в указанных говорах Рамешковского района произносится в словах подобного типа [е]: *нъ бр'евн'é*, *ф т'епл'é*, *т'епл'éй*, а в говорах Чухломского района — [и]: *нъ бр'ивн'é*, *ф т'ипл'é*, *т'ипл'éй*.

Поэтому возникновение произношения *на в'ът'орк'é*, но *нъ бр'евн'é*, *ф т'епл'é* в ёкающих говорах и произношение, *на в'ът'арк'é*, но *нъ бр'ивн'é*, *ф т'ипл'é* в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем надо связывать с фонетическими причинами.

3.3. Каковы же были эти причины?

3.3.1. А. А. Шахматов выдвинул гипотезу о том, что переход *е* в *о* был вызван лабиализующим воздействием следующего твердого и одно-

временно с этим лабиализованного согласного [Шахматов 1915а, с. 133—135]. В примерах же типа *с'естр'é*, *з'емл'é* А. А. Шахматов видел свидетельство того, что зубные и губные в положении перед мягким согласным были прежде полумягкими [Шахматов 1915а, с. 179].

Точно так же и О. Брок считал, что, несмотря на то, что в описанном им говоре из Тотемского уезда Вологодской губ. в сочетании согласных, стоящих после предударного гласного, первая согласная может быть твердой при мягкости второй, «„мягкость" слога в историческом отношении доказывается тем, что его *е* не перешло в *'о* (*р'ekl'í* и др.)» [Брок 1907, с. 85—87].

Р. О. Якобсон приводит из ёкающего рогачевского говора (Дмитровский у. Московской губ.) примеры *л'егл'ú*, *п'екл'ú*, *т'екл'ú*, *б'егл'ú* (при *б'огл á*), где также нет перехода *е* в *о*, а между тем даже по мнению А. А. Шахматова *г*, *к* в общерусском языке в этом положении были твердыми. И Р. О. Якобсон констатирует: «*е* (и ъ) не лабиализовались в общерусском не только непосредственно перед мягким, но и тогда, когда следующий слог начинался с мягкого согласного» [Якобсон 1927, с. 582—583].

Ф. П. Филин, приведя из говора д. Селино, характеризующегося умеренным яканьем, примеры с «сочетанием согласных, последний из которых является мягким, первый же твердым», *ны з'имл'é*, *з'имл'óй*, *з'имл'á*, *к с'истр'é*, *у в'идр'é*, *у т'ипл'é*, *ны м'итл'é*, *ны с'идл'é*, *л'игл'ú*, *пыт'икл'ú*, *ны п'иск'é*, *с'т'ир'игл'ú*, *б'ир'игл'ú*, *п'икл'ú*, *с'т'икл'áнай*, *иүн'óнак*, *абл'ихч'úт'*, пишет: «сочетание согласных, оканчивающееся на мягкий, так же воздействует в данном случае на качество предшествующего гласного, как и мягкий согласный. Сочетание согласных с конечным мягким, таким образом, по отношению к предшествующему гласному первого предударного слога представляет собою единый фонетический комплекс» [Филин 1949, с. 291]. В другой работе Ф. П. Филин писал: «Твердые согласные в указанных сочетаниях никогда не были мягкими. Следовательно, мы имеем здесь дело со своеобразными звуковыми комплексами, такими сочетаниями двух согласных, которые ведут себя в данном случае как один согласный, причем определяющим является мягкий согласный» [Филин 1962, с. 178].

Но если, как считали Р. О. Якобсон и Ф. П. Филин, дело не в первом согласном сочетания, а в последнем, то чем же вызывался переход *е* в *о* и почему его не было перед немягким согласным подобного сочетания?

В. Н. Сидоров ответил на это следующим образом: «Когда в русском языке происходило изменение *е* в *'о*, то этого изменения не было в поло-

жении перед твердыми согласными, за которыми следовали мягкие. Это можно объяснить тем, что переход *е* в *'о* в древнерусском языке происходил перед лабиализованными (или лабио-веляризованными) согласными, каковыми твердые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда и твердыми же согласными. Поэтому естественно, что *е* не изменилось в *'о* перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной, так как согласная, находящаяся перед мягкой согласной, не была лабиализованной. Возможно, что эта согласная вместе с тем не была также и вполне твердой» [Сидоров 1966, с. 139].

Этому выводу, однако, противоречит описанная выше закономерность: сочетание согласных с первым твердым и последним мягким воздействует на предшествующий гласный как мягкий согласный, если последний согласный сочетания переднеязычный или губной (*с'естр'е́*, *м'едв'е́т'*) и как твердый согласный, если последний согласный сочетания заднеязычный (*в оз'орк'е́*). Ведь если лабиализованность (или лабиовеляризованность) согласного зависела от следующего звука — непереднего гласного или твердого согласного, который в свою очередь получил это качество от следующего гласного,— то перед мягким заднеязычным не мог стоять лабиализованный согласный. В связи с этим возникает необходимость пересмотра взглядов А. А. Шахматова на причины перехода *е* в *о* в русском языке как результата воздействия на *е* следующего лабиализованного согласного

Примеры с сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным неравноценны. В одних примерах этот мягкий заднеязычный стоит перед гласным окончания [и]: в говорах с умеренным и умеренно-диссимилятивным яканьем — *в'анк'и́*, *п'аск'и́*, *къч'атк'и́*, *в п'атк'и́* и др.; в говорах с ёканьем — *кл'онк'и́*, *къс'т'орк'и́*, *л'ъп'оск'и́*, *оз'орк'и́*, *скр'опк'и́*, *ч'ър'онк'и́* и др. В других примерах — перед [е] из *ѣ*: *ф п'аск'е́*, *на в'ит'арк'е́*; *на в'ът'орк'е́*, *в ъз'орк'е́*, *на п'ър'отк'е́*, *ф пъгр'опк'е́* и др. Примеры первой группы непоказательны: в говорах переход [кы] в [к'и] мог происходить после формирования системы предударного вокализма, когда [к] в этих формах был еще твердым. Однако примеры второй группы вполне показательны: перед ⟨Ѣ⟩ мягкость всех согласных возникала раньше, чем перед другими гласными переднего ряда (см. с. 161, 166), и до формирования яканья и ёканья.

3.3.2. Рассмотренное выше явление позволяет косвенным образом установить закономерность фонетической системы диалектов, подробно

описанную для литературного языка. (Наиболее полно это описание дано в книгах [Аванесов 1956, с. 170—171, 174—182; Панов 1967, с. 91—100, 324—327].) Так, в литературном языке позиция перед [к'] сильная для переднеязычных согласных: в этой позиции твердые и мягкие переднеязычные различаются; ср.: *ба*[нк']*е* — *ба*[н'к']*е*, *го*[рк']*и* — *го*[р'к']*и*, *ре*[тк']*и* — *ре*[т'к']*и*, *ма*[ск']*е* — *Ва*[с'к']*е* и т. п. Позиция же перед мягкими переднеязычными и губными еще до недавнего времени была слабой; в старшей норме почти все согласные не различаются в этой позиции по твердости/мягкости, они либо мягки в настоящее время, либо были мягки в прошлом. О прошлой нетвердости ныне твердых согласных перед мягкими переднеязычными и губными есть немало свидетельств [см., например, Кошутич 1919, с. 157—158; Грот 1899, с. 222, 241—243; Шахматов 1915а, с. 180; Князевская 1957, с. 172—173].

Таким образом, перехода *е* в *о* не было перед сочетанием согласных с последним мягким переднеязычным и губным потому, что и первый согласный этого сочетания был нетвердым.

Способность смягчать предыдущие согласные у переднеязычных и губных и отсутствие такой способности у заднеязычных кроется не в особенностях их фонетической мягкости, а в их фонологическом статуте. Мягкость переднеязычных и губных согласных была фонологически существенна, а у заднеязычных согласных фонологически несущественна, позиционно обусловлена. Из этого следует, что при рассмотрении вопроса о различных фонетических изменениях должна учитываться не только фонетическая, но и фонологическая сторона явления.

Особое место в фонетической системе литературного языка занимают ⟨л⟩—⟨л'⟩. Для них сильной является позиция перед всеми мягкими согласными. Таково же положение в описанном говоре Рамешковского района Тверской обл., как и во многих подобных ёкающих говорах. Обнаруживается это в следующем. Зависимость предударного [о] или [е] (на месте *е*, *ь*) от твердости или мягкости следующего согласного наблюдается здесь не только после мягких согласных (*с'оло́* — *ф с'ел'е́*), но и после твердых шипящих: *жона́*, *жоны́*, *жону́*, *ж жоно́й*, *жона́тъй*, *шошна́цът'*, *жорло́*, *р'ъшото́*, *жолто́к*, *шосто́й*, *шосто́к*, *жолу́дък*, *ушоло́н* (эшелон), *ф'ършола́*; *жен'е́*, *жен'и́х*, *жен'и́лсъ*, *шес'т'и́*, *шес'со́т*. В соответствии с описанной выше закономерностью здесь произносится *на шоск'е́* (на шестке), *жолк'и́* (желтки). Однако [о] после твердого шипящего произносится не только перед [л], за которым следует [к'], но и перед [л], за которым следуют и другие мягкие согласные: *жолв'а́к*, *Жолн'и́ха* (топоним), *пъжолт'е́л'и*.

Мягкие губные и переднеязычные не смягчали предшествующего [л]. Это еще одно доказательство того, что противопоставление ⟨л⟩—⟨л'⟩ возникло раньше, чем противопоставление по твердости/мягкости других согласных. В эпоху, когда мягкость губных и переднеязычных только еще становилась фонологически существенной, твердость [л] уже была фонологически существенной (см. с. 188—189). Поэтому [л] и не подвергался ассимиляции по мягкости. В этом тверские говоры близки к русскому литературному языку.

Но есть и различие между говорами и литературным языком. Так в литературном языке губные согласные перед мягкими заднеязычными сейчас твердые, хотя недавно еще произносились мягко: *лá*[п'к']*и*, *дé*[ф'к']*и*, *сё*[м'г']*е* и т. п. Позиция эта для губных при таком произношении была слабой. В говорах же, судя по рассмотренному явлению, позиция эта в период формирования ёканья была для губных согласных сильной: перед твердым губным, за которым следовал мягкий заднеязычный, переход *е* в *о*, происходил.

Так рассмотрение фонетических закономерностей в области гласных привело нас к установлению закономерностей фонологических в области согласных: противопоставление по «твердости/мягкости» в рассмотренных тверских говорах возникает сначала у ⟨л⟩—⟨л'⟩, затем у части переднеязычных и у губных согласных. Заднеязычные дольше других согласных сохраняли отсутствие этого противопоставления[100].

[100] Первая публикация — [Касаткин 1983].

Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка

1. Во многих берестяных грамотах на месте слабых ъ и ь на конце слова (как и в других положениях) встречается написание *о* и *е*: *бого*, *возо*, *городо*, *дворо*, *поклоно*, *рабо*, *сыно*, *хлебо*, *с изветомо*, *грьхово*, *оу прихожано*, *к новгородцамо*, *на рыбахо*, *молодыхо*, *придуто*, *было*; *зяте*, *коне*, *клете*, *пяте* и др. Такие примеры отмечаются в берестяных грамотах с XII в. [см. Зализняк 1986, с. 102; 1995, с. 594—687]. Все исследователи берестяных грамот относят эту черту к графико-орфографическим особенностям этих памятников, считая, что буквы *о* (как и ъ), *е* (как и ь) на конце этих слов не обозначали в эту эпоху гласных фонем [см., например, Аванесов 1955, с. 85—86; Борковский 1958, с. 100; Жуковская 1959, с. 98, 102—103; Зализняк 1986, с. 100—105]. Так же оценивают обычно исследователи подобные написания, обнаруженные в других древнерусских памятниках [см., например, Шахматов 1885, с. 146; 1903а, с. 64; Обнорский 1912, с. 33].

Подверг сомнению категоричность таких выводов В. М. Марков, считавший «многочисленные написания типа *намо*, *плоуго*, *всехо* и т. п. отражением особенности живого произношения» [Марков 1964, с. 242]. А. Н. Залесский, приведя данные ряда украинских и русских говоров, где на конце слова на месте старых редуцированных гласных и сейчас встречается произношение гласных звуков, высказал предположение, что «за написаниями *о*, *е* вместо ъ, ь может стоять вполне реальная фонетическая действительность» [Залеський 1986, с. 61].

Эти предположения могут быть подкреплены новыми данными русских говоров.

2.1. В некоторых архангельских говорах встречаются формы существительных им. и вин. падежей ед. числа мужского рода на *-о*: *амба́ро*, *к'ип'ато́ко*, *ко́н'ц'еко*, *л'о́но*, *л'е́со*, *мо́сто*, *мужы́ко*, *мухомо́ро*, *навво́зо*, *навало́ко*, *об'ихо́до*, *ов'и́но*, *ов'о́со*, *об'е́до*, *от'е́цо*, *по́гр'ебо*, *потоло́ко*, *по́ездо*, *плу́го*, *с'н'е́го*, *сы́но*, *спла́во*, *с'в'о́коро*, *ско́то*, *солда́то*, *таба́ко*, *хо́лодо* и др.

Впервые такие формы я обнаружил в 1981 году в груше деревень в низовьях реки Покшеньги, впадающей в Пинегу чуть ниже Карпогор. Позднее подобные формы мы с Р. Ф. Касаткиной отметили в Верхней Золотице на Белом море. О. Г. Гецова предоставила мне возможность прослушать магнитофонные записи, сделанные ею, Н. А. Артамововой и Е. А. Нефёдовой в Виноградовском районе Архангельской области и просмотреть тетради с записями из этих деревень. Магнитофонные записи в одном из этих пунктов делал и С. В. Князев. О. Г. Гецова отмечала здесь формы мужского рода на *-о*. Я также обнаружил в этих магнитофонных записях подобные формы. Эти формы по устным сообщениям О. Г. Гецова наблюдала также в холмогорских говорах, А. В. Тер-Аванесова — в говорах к северу от Онежского озера. В. П. Мансикка отмечал их в говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии [Мансикка 1912, с. 92].

Магнитофонные записи (Покшеньга — 10 часов звучания, Виноградовский р-н — 13 часов, В. Золотица — 35 часов) достаточно хорошо отражают картину современного бытования форм мужского рода на *-о* в тех архангельских говорах, где есть эта черта. Они свидетельствуют о значительной редкости форм на *-о*, которые встречаются только у некоторых информантов, наиболее старых. По-видимому, эти формы представляют собой лишь редкие остатки явления, бытовавшего ранее в русских говорах.

В потоке речи формы муж. рода на *-о* встречаются гораздо реже, чем формы на согласный, и рядом с ними. Например: *он акт'и́вный мужы́ко | хоро́шей ||* . И через несколько слов: *он акт'и́вный был || хорошъй мужы́к ||* . Или: *с'а́деш на́ воз дак | го́спод'и го́спод'и || домо́й ето йе́д'еж дак ||* ⟨...⟩ *како́й во́зо навал'а́ | даг ду́маш | нав'еку́ н'е сполст'и́*; *сахаро́к по но́рм'и | ч'айо́к по но́рм'и || то́ друго́йо || а́к а хл'е́п по но́рм'и || дак у т'иб'а́ отку́да хл'е́бо воз'м'ет-ц'е? в л'е́со руб'и́т'-то | когды́ война́-то была́ | так тогды́ || фс'е́х в л'ес*; *йа фкл'уц'а́ла ц'а́йн'ик | а фкл'уц'и́ла к'ип'ит'и́л'н'ик || а к'ип'ит'и́л'н'ико у мн'а́*

был на д'ива́н'и; *по́с'л'е войны́ тут н'еурожа́йнъй како́й-то годо был да* || ⟨...⟩ *н'еурожа́йный год был*; *а в'ино́-то на́да-т* || *скла́до сход'и́т'-то* || ⟨...⟩ *скла́т откры́л'и да*; *колхо́с об'е́т* | *л'есору́бам-то свар'и́т* || *об'е́д был* || ⟨...⟩ *б'еспла́тной* || ⟨...⟩ *мы то́жо на об'е́до пошл'и́*; *ф Съ́лог'и то́жъ сп'ицыа́л'нъ л'е́з загътовл'е́йут* || ⟨...⟩ *вы́в'ез'л'и л'е́со дак бл'и́ско-то н'е́ту дак*; *посмотр'и́ како́й об'ихо́т* | *ы фс'о́* ⟨...⟩ *худо́й об'ихо́до* | *худо́й с'о рошно́*; *пр'ишо́л в д'ер'е́вн'у во́лко дак* ⟨...⟩ *уб'ежа́л волк* || ; *на по́йез дак вот нат' ишшо́ узнава́д' д'е на ако́й по́йездо дъ с'е́д'еж дъ ув'езу́д ды и хто зна куды́*; *с'п'ецъа́л'ны л'у́д'и туд гр'е́л'и вот к'ип'ато́ко да* | ⟨...⟩ *и к'ип'ато́г был*.

Формы на *-о* встречаются и в новых для говора словах: *в бара́ко*, *б'ил'е́то*, *ин'т'ерна́то*, *колхо́зо*, *клу́бо*, *маса́жо*, *нага́но*, *пайо́ко*, *парахо́до*, *пла́но*, *самол'о́то*, *ф с'ел'сов'е́то*, *с'епара́торо*, *тра́кторо*, *фла́го*, а также у наречий, образованных от формы вин. падежа муж. рода: *за́мужо*, *нав'е́р'хо*.

Окончание *-о* возможно у существительных муж. рода и после мягкого согласного, где *о* выступает на месте старого ъ: *от'е́ц'о*, *м'ид'в'и́д'о*, *ко́н'о*, *п'е́н'о*, *зво́д'ин'о*, *па́р'ин'о*, *на́ д'ен'о*, *сухар'о*, *с'ин'т'а́бр'о*, *Иер'ем'е́йо*, а также у прилагательных: *на друго́йо гот*, *жо́лтойо гриб дак*, *тр'е́т'ейо поплы́л* (парень), *ско́т'н'ейо там вод был* (двор), *бол'шо́йо дом*, *друго́йо поста́р'е был* (брат), *шыходно́йо д'ен'* и др. Заударное ёканье — ['о] на месте *е* — характерная черта этих говоров: *вр'е́м'о*, *полот'е́н'ц'о*, *ф по́л'о*, *кор'е́н'йо*, *с'и́м'о л'анно́йо*, *шчо тако́йо*, *тро́йо*, *бу́д'о*, *вы́сохн'о*, *опуска́йо* и т. п. Но возможно и произношение [е] на месте конечного редуцированного: *Там один человек не управится с овцами?* — спрашиваю я, а информант отвечает: *Даг бойево́йе дак од'и́н упра́в'ит'ц'е* || *а н'е бойево́е дак* || ⟨...⟩ *вдвойо́м*.

В случае стяжения гласных после утраты интервокального *j* возникают следующие формы прилагательных и местоимений: *ма́л'ен'ко зу́до бу́д'е*; *е́то н'е то́д до́мо* | *кото́ро йа жыла́*.

Окончание *-о* в им. падеже ед. числа в большинстве говоров связано со средним родом, а показателем муж. рода является нулевая флексия. Однако окончание *-о* могло закрепиться и за словом муж. рода. Так, в севернорусских говорах широко распространено слово *де́до*. В праславянском, старославянском и древнерусском языках окончание им. падежа ед. числа в этом слове было *-ъ*: **dědъ*, *dѣdъ*. Отсутствует конечный гласный в этой форме слова во многих современных славянских языках (в некоторых из них встречается также форма с конечным гласным, в том числе и *-о*) [см. ЭССЯ, вып. 4, с. 227—228]. Возможно, окончания *-о* в слове *дедо* связано также с распространенными в этих же говорах словами *де́душко*, *де́дко*. В севернорусских говорах окончание *-о* в им. падеже

ед. числа имеют обычно и другие существительные муж. рода с суффиксами *-к-* и оканчивающимися на *-к-*: *дружко*, *зайко*, *батюшко*, *овинушко*, *мальчишко*, *домишко*, *мужичонко*, *брателко* и т. п., также и имена собственные: *Данило*, *Михайло*, *Олександро*, *Петро* и др. [см. Обнорский 1927, с. 18—19; ДАРЯ, вып. 2, карта 23].

У некоторых слов в севернорусских говорах окончание *-о* возникло на месте *-ъ*, а сами эта слова изменили мужской род на средний. Так, литературное слово *облако* известно в такой форме только севернорусским говорам, где оно распространено также в форме *о́болоко*. В древнерусском и старославянском языках в этом слове было окончание *-ъ*: *оболокъ*, *облакъ*. В других славянских языках и в южнорусских говорах — нулевое окончание [см. Фасмер 1964—1973, т. 3, с. 105; СРНГ, вып. 22, с. 166—167]. Форма род. падежа мн. числа *облаков* указывает на происхождение этого слова из мужского рода.

Известны в севернорусских и сибирских говорах и другие слова муж. и ср. рода этого типа: *багро́*, *бра́тко*, *бубено́*, *волчёнко*, *горно́*, *гро́хото*, *дерно́*, *жезло́*, *жерново́* (и *жёрново*), *ка́ло*, *кедро́*, *коло́*, *колоколо́* (и *ко́локоло*, *коло́колo*), *копыло́* (и *копы́ло*), *котёнко*, *ко́тко*, *кочето́* (и *кочёто*), *ку́зово*, *кузовко́*, *лото́ко*, *махро́*, *мечо́*, *мо́роко* (и *моро́ко*), *обу́хо* и др. [см, СРНГ; Обнорский 1927, с. 33—34].

В тех говорах, где встречаются формы на *-о*, есть и постпозитивные усилительно-выделительные частицы, различные при разных формах имени. В говорах Покшеньги и Виноградовского района это частицы типа *до́м-от*, *сестра́-та*, *сестру́-ту*, *ведро́-то*, *снопы́-ти*. Таким образом, в одном и том же падеже существительное муж. рода может быть оформлено по-разному: *дом*, *до́мо*, *до́м-от*: *ш'ас пошла́ в другу́ и́збу там по св'екро́фк'и | да́й-ка гър'у́ в'и́н'ик | изба́ н'е па́хана || она́ дала́ в'и́н'ик-от || йа гър'у́ ак э́тът в'и́н'ико хоро́шэй | м'ин'е́ худо́й на́д' гър'у́ || ⟨...⟩ она́ дала́ худо́й в'и́н'ик-от*; *у на́с по́гр'ебо бо́л'е | худо́й вот || ⟨...⟩ дак къ́к с'а́д'ет | до́м-от на | на по́гр'еб-от ||* ; *клу́б-от р'а́дом-то с по́чтой был || тут | пом'ешче́н'йе-то | ф то́м пом'ешче́н'йи клу́бо был*; *снац'а́ла це́р'коф'-то гор'е́ла ||* а *фтора́а-то це́р'коф' || о́ч'ен' высо́ко кр'е́ст-от || ⟨...⟩ н'ехвата́е шла́нга-та || зал'и́т'-то || дак во́тъ кр'е́сто || затр'ешша́л | загор'е́л*; *у йево́ погру́шчык йез' дак || е́во в гаражы́ стои́т погру́шчык-от || ⟨...⟩ ак погру́шчыко стои́т йего́ в гаражы́*; *а ста́ры-т'и | с'в'о́коро да с'в'екро́фка-та оста́л'ис' н'е ф колхо́з'и || ⟨...⟩ по́жыл'и дъ и | с'в'о́кор ы гоwор'и́т || ⟨...⟩ ма́т'и да с'в'о́кор-от ||* . При этом формы типа *до́мо* и *до́м-от* встречаются, по-видимому, в сходных ситуациях: при желании говорящего подчеркнуть, выделить это слово.

2.2. Формы существительных муж. рода на *-о* в севернорусских говорах не могут сохраняться с праславянской эпохи[101]: в берестяных грамотах XI в. нет подобных форм, они начинают встречаться лишь в XII в.: *отроко* (грамота 644), *сыно* (632), *послоухо* (675), *во дворо* (82), *θеодоро* (559), *товаро* (165), *въ городо* (550) [см. Зализняк 1995, с. 244, 264, 265, 294, 315, 332, 341].

2.3. Возникает вопрос, не образовались ли формы типа *домо* из *дом-от* в результате утраты конечного *т*? Так, в частности, объясняет Л. Л. Васильев записанные А. В. Марковым в Зимней Золотице Архангельской губернии формы *крестъ-о*, *носъ-о*, *годъ-о*, *шумъ-о*, *шатёръ-о*, *овинъ-о*, *Владимёръ-о*, *князь-о*, *глупой-о*, *неразумной-о*, *удалой-о*, *малой-о* [Васильев 1902, с. 27—28]. Так же, по-видимому, считал и сам А. В. Марков, судя по орфографии его примеров. Так же объясняют происхождение аналогичных форм в болгарском языке, где наряду с нечленными формами есть и членные формы существительных и прилагательных. При этом членная форма муж. рода в большинстве говоров оканчивается на гласный *ъ* или выступающие на его месте *а*, *о*, *ѐ*, а в части говоров и в болгарском литературном языке после этого гласного может произноситься и *т* [см. Мирчев 1958, с. 178—187; Стойков 1962, с. 140—141].

2.3.1. Можно было бы предполагать, что в русских говорах, знающих формы типа *дом-от*, конечный *т* в этих формах мог утрачиваться перед словами, начинающимися с [т], [д]: *плу́го таска́т'*, *сто́ло тут отошо́л*, *про л'е́со да*, *л'е́со даг бл'и́ско*, *к'ип'ато́ко да*, *амба́ро то́жо у йе́й*, *в о́туско дак* и т. п. Можно предположить, что сочетания [тт] и [дд] могли сокращаться, в результате чего и возникли формы на *-о*: *плу́г-от таскат'* > *плу́го таскат'*, *сто́л-от тут* > *сто́ло тут*. Сокращение долготы согласных — частое явление этих говоров. Однако формы на *-о* выступают и перед словами, начинающимися другими согласными или гласными, а также перед паузой, где выпадение [т], [д] трудно предполагать: *сы́но с'ем'е́йной*, *в ов'и́но сад'и́т'-ть*, *об'ихо́до худо́й*, *в'и́н'ико хоро́шей*, *во дво́ро зашл'и́*, *клу́бо бы́у*, *го́лодо был*, *об'е́до был*, *л'е́со гор'е́лъй бы́у*, *гро́мо гр'ем'и́ дак*, *л'е́со пон'есло́*, *на об'е́до пошл'и́*, *л'е́со во́з'а*, *пр'ишо́л по́йездо вот*, *жыво́то в'ес' промо́кн'о*, *л'е́со н'е отпуска́л'и*, *како́й во́зо навал'а́*; *был хл'е́бо у фс'е́х о́пшый*, *засва́талса мужы́ко*

[101] В. Вермеер считает, что подобные формы были в древненовгородском диалекте и они продолжают соответствующие праславянские формы [Вермеер 1991, с. 283—286, 288]; о существовании таких форм в праславянском языке см. также [Крысько 1993].

о́с'ин'йу-ту; *како́й об'ихо́до* || , за *таба́ко* || , *пока́ с'н'е́го* || , *жы́жу-ту да на навó-зо* || , *выпр'ега́й плу́го* || , *е́то н'е то́д до́мо* || . Поэтому, очевидно, невозможно фонетическое объяснение отсутствия конечного *-т* в этих формах.

В архангельских говорах может отсутствовать *-т* и в некоторых формах 3-го лица глаголов: чаще лишь в формах ед. ч. 1-го спряжения и мн. ч. II-го спряжения (*он несё*, *они сидя*), реже и в других формах (*он сиди*, *они несу*) [см. Гецова 1963]. Не может ли отсутствие *т* в глагольных формах 3-го лица и в формах мужского рода объясняться одними и теми же причинами [ср. Васильев 1902, с. 27]? Так, О. Г. Гецова предположила, что «утрата конечного *-т* в формах 3-го л. наст. времени глагола в некоторых вятских говорах ⟨...⟩ связана ⟨...⟩ с фонетическим явлением данных говоров — слабостью произношения конечных согласных звуков» [Гецова 1963, с. 114].

Действительно, в вятских говорах, как и во многих севернорусских, на месте взрывных согласных на конце слова при ослаблении артикуляции возможны имплозивные: *иде*[т̚], *ко*[т̚], *сно*[п̚], *да*[к̚]. Однако произношение имплозивного согласного обусловлено фразовой позицией. В других фразовых позициях в тех же словах на месте имплозивного произносится эксплозивный согласный, часто напряженный придыхательный. Таким образом, согласная фонема и в том и в другом случае имеет свою реализацию и не выпадает[102].

Собственно фонетическими причинами невозможно объяснить отсутствие *-т* в одних глагольных формах при наличии *-т* в других. Поэтому фонетическое объяснение и не используется лингвистами при рассмотрении этого вопроса.

2.3.2. В говоре В. Золотицы морфологическое согласование постпозитивных усилительно-выделительных частиц с предшествующим именем в значительной степени поколеблено, во многих случаях форма этих частиц объясняется фонетическим уподоблением их гласных конечному гласному имени. При форме им.-вин. падежа ед. числа муж. рода существительных, прилагательных, местоимений, оканчивающейся

[102] Ср.: «...По говорам Вятской губ. употребляются формы 3 л. ед. ч. на *-t* и без *-t*. При этом важно отметить следующее явление: в представлении говорящего образование *-t* в конце формы имеется; для этого образования отводится соответствующий момент времени, но осуществление этого образовавия весьма слабо или совсем отсутствует — *спп̄*, *говорп̄* (так в говорах Котельнического у. Вятской губ.)» [Селищев 1968, с. 187].

на согласный или на *-о*, употребляется исключительно усилительно-выделительная частица *то*: *бара́н-то*, *в'и́т'ор-то*, *де́т-то*, *де́до-то*, *до́м-то*, *ко́н'-то*, *л'ес''н'и́к-то*, *за па́л'иц-то*, *на с'енóко́с-то*, *ф колхо́с-то*, *М'иха́йло-то С'им'о́ньиц'*; *в'о́шный-то*, *моло́ч'н'ий-то*, *пос''л'е́д'н'ий-то*, *хоро́шый-то*; *то́т-то дом*, *ко́й-то гот*, *йево́ной-то от'е́ц* и т. п.

После этих форм имени возможна и частица *от*: *Йир'и́нка-та на вра-ч'а́ на д'е́цкого | уш шосто́й ку́рс от пойд'о́т*; *травн'и́к от пр'ил'е́т'ит | запойо́ да*; *Ф'о́дор от ф С'еирод'и́нск'и то́жъ жыв'о́т*; *Вал'е́р'ий от ста́ршъй*; *Вас'и́л'ий Ф'о́дорыц' од жен'и́лса*. Но эта частица встречается и в других положениях в слове: *вну́к от Ва́н'а жыв'о́ | ак от Ва́н'а фс''о д'е́лаат-та*; *в'есна́ от пр'ид'о́*; *в йе́ту по́ру лон'ис'' у мн'а от Ф'е́д'а-та бы́л в о́тпуск'и-то*; *на ико́-нау бы́л'и полот'е́нца-та б'и́раныи | ста́ры от пр'е́жны*; *а та́м от у мо́р'а и моро́шка йис''*; *зна́ла от хоро́шу ска́ску*; *ч'ого́ ты бу́еш от т'еп'е́р'е д'е́лат'*; *хо́д' бы от обоко́н':ик'и-т'и обд'е́лал*; *со́рог два го́да з''д'ис'' н'е бышáла | от то́л'ко пр'ийéхала*; *ц'е́р'ез мно́го годо́ф | от то́т-то до́м згор'е́л*; *а фтора́-то от у йи́ɣ д'е́воц''ка была́*; *э́та-та полав'и́на хоро́ша | а та́там-то от худа́*. Обычно эта частица безударна, но может быть и под ударением: *ак о́т ы роска́зывал*; *а кн'и́шк'и пото́м ц''ита́т нац''н'о́ж да | о́т штобы в'е́ц''ер ы проход'и́л быстр'е́е*; *о́т ном'ера́-т'и е́то з'д'е́ланы*.

Эти и многие другие примеры показывают, что частица *от* употребляется вместо *вот* в том же значении. Очевидно, что *от* и происходит из *вот* [ср. Кузьмина, Немченко 1962, с. 14]. Некоторые примеры указывают на пути утраты начального согласного: *жы́т'н'ик'и-т'и п'екл'и́ | ʷот ыж жы́тнъй-то мук'и́*; *ʷо́т так'и́ д'ела́-т'и*; *йа туда́ хожу́ | и брат ʷот туда́ х о́ит*; *и та́там ʷот то́жо ста́ра п'е́ц'ка така́ жэ*. В говоре старшего поколения В. Золотицы наблюдается колебание между употреблением звука [w] и вытесняющего его [в]. При произношении [w͡ot] с фонемой ⟨ω⟩ в этом слове, ранее свойственной говору (следы ее сохраняются до сих пор), звук [w] мог слиться с началом дифтонга, в результате чего могло произойти изменение фонемного состава частицы в сознании говорящих: ⟨wωт⟩ изменилось в ⟨ωт⟩, а затем в ⟨от⟩.

В говоре В. Золотицы наряду с *от* употребляется и *вот*, нередко в одной и той же фразе: *а во́т по э́тому ру́ц'йу | ит'т'и́ тр'и к'ило́м'етра | оц''с'' у́да от о́з''еро йес'':*; *мал'и́н':ика бол'шо́й ту́т вот ку́ст на то́й стороны́ от*; *вот е́та полав'и́на | а ф то́й-то вод д'е́т'и от оста́вл'оны*; *с'остра́ вот йих от обс''т'и́рывала*; *и вод вра́ц' от пр'ил'ет'е́о̯ || його́ роспоро́л'и од бр'у́хо-то*. Позиционное распределение вариантов указательной частицы *вот* и *от*, возможно, связанное с просодическими условиями, требует дополнитель-

ных исследований. Однако ясно, что указательная частица *от* отличается от выделяемой диалектологами усилительно-выделительной частицы *от* и функцией и происхождением.

Наряду с формами имен муж. рода им. падежа ед. числа с постпозитивной усилительно-выделительной частицей *то*, в говоре В. Золотицы употребляются и формы на *-о*: *фс''о ровно́ хо́лодо с у́л'иц'и ид'о́*; *плат'и́л'и нало́го моло́ц'ный*; *э́тта с'е́й гот вот || понра́в'илса wo | пр'ишла́ Кс''и́н'ийа | ув'и́д'ела | а да́й ты мн'е отро́стоц'око || ; како́й в магаз'и́н'и плохо́й хл'е́бо | э́то иза мук'и́ в'ит'*; *стар'и́к сто́л'ко ста́л отв'иц''е́д | да и м'ешо́ко w його́ и упа́л на́ з'емл'у || от упа́л м'ешо́к | стар'и́к сошо́л од'и́н*; *м'ид'в'е́т' испуга́л кон'а́ || и ко́н'о хоро́шъй молодо́й*; *он'и́ вот || о п'е́н' бы́л'и ов'ерт'е́л'ис'' || ну отту́да он'и́ уб'ежа́л'и || вы́рвал'и п'е́н'о ста́рой дак || э́тът п'и́н'-то ру́хлый был*; *Ф'и́д'а | н'е ход'и́ ра́д'и Хр'иста́ н'иб'е́сного | како́й л'и брод'а́жый м'ид'в'и́д'о || ; нажа́л нав'е́рно на куро́ко вот*; *она́ мно́го дои́т | т'и́тк'и туг'и́е || оно́ н'и вып'ира́ет || на́до ит' и маса́жо д'е́лат'*; *Мо́т'и пл'ем'а́н':иг был || молодо́й па́р'ин'о был*; *ф колхо́зо ступ'и́л'и ф тр'итца́тыγ года́х в'ет' мы*; *на́а бы[у]ло́ отодв'и́нут' | розодв'и́нут' сто́л || сто́ло розодв'ига́ет'ц'а жэ || сто́л-то розодв'ижно́й он*; *это Ива́н Савос'':а́нов'иц'' мн'и из Л'ин'[и]нгра́да по́слал был || пак'е́то || ; он'и́ э́тот па́л'ецо || поло́жыл'и на коло́тку*; *хо́д' бы от обоко́н':ик'и-т'и обд'е́лал | да ра́мы з'д'е́лал | да хо́д' бы || с''н'его н'е пон'есло́*; *н'е од б'ен'з'и́на | а ржа́вый тако́й вот | с:кор'и́ч'н'ева || и б'е́р'его тако́й страшно́й*; *о́ч'ен' хоро́ша была́ пшэн'и́ч'найа мука́ || а за́пахо како́й | хл'е́бо вы́т'ен'ож ᵟжак | о:*; *ак с'ого́д'н'о-то што́ | а вц'ара́-та каг д'е́н'о б'ес хл'е́ба-та*; *два бра́та бы́ло холосты́х | по́м'ерл'и || от Ф'е́д'а-та гд'е до́мо || состро́ил | ак на то́м п'еп'ел'и́шшы*; *бу́тто ф пра́з'н'ико и н'е хо́т'ц'а йе́хат' то*; *т'еп'е́р'е на гор'е́ городо́ко || а ра́н'шэ ту́т вот на Носку́ был*; *она́ то́ко отошла́ от п'е́ч'к'и || и самол'о́то прожужа́л*; *коро́шу-то пропуска́ш от ч''е́р'ез[ъ] | с'епара́търо || ; дом сво́й да фс'о | дак он || в о́тпуско пр'ийежжа́т йе́тта ко мн'е́*; *сат йес'' || ну са́до н'е йего́вый || е́тъго | в Гал'и́н'инаго wот'ц'а́ са́до || ; а мо́р'и пого́да-та пад'о́ || в мо́р'и-то зво́д'ин'о || а б'е́р'его н'е́которых м'еста́х вот тако́й || у́з'ин'кой || а хво́шшод зво́д'ин'о в го́ру ак || то́л'ко усп'ева́й уб'ега́т'*; *мы́ на б'ер'ежно́йо тайн'и́к подйе́хал'и*; *а е́с'л'и н'е укр'ип'и́ н'иц'и́м дак || како́йо-то в'и́т'ор под'н'и́м'ет | ы фс'о́*.

Неоднократно я пытался выяснить, осознают ли носители диалекта эту особенность их речи. Представители среднего поколения (у них нет этой диалектной черты) не замечают ее и в речи стариков. Те же, у кого она есть, осознают форму на *-о* как одно слово, то же самое, что и соответствующая форма на согласный. Однако они не могут объяснить условий употребления этих форм.

Происхождение формы им. падежа ед. числа муж. рода на *-о* типа *домо* никак не может быть связано с формой имени с частицей *то* типа *дом-то*. Можно считать, что в говоре В. Золотицы в согласовании усилительно-выделительных частиц с предшествующим именем раньше ведущим принципом был грамматический, при котором эта форма должна была иметь вид типа *дом-от*, а затем в связи со сменой ведущего принципа и обобщением формы частицы заменилась на *дом-то*[103]. Если при этом *-о* представляло собой вариант частицы *от*, то замена *от* на *то* должна была привести к замене также и этого *-о* на *то*. Однако этого не произошло. Следовательно, форма типа *домо* не возникала из *дом-от*.

Об этом же свидетельствуют и данные украинских говоров, в которых отсутствуют усилительно-выделительные постпозитивные частицы, соответствующие указанным русским, но встречаются формы существительных муж. рода на *-о* [см. Залеський 1986, с. 56—57].

2.3.3. Происхождение особой формы постпозитивной частицы при именах мужского рода в русских говорах объясняют следующим образом: «Форма мужского рода *-от* происходит из старой формы именительно-винительного падежа единственного числа мужского рода ⟨...⟩ местоимения *тъ* ⟨...⟩. Поскольку частица фонетически объединяется с предшествующим словом как бы в одно слово, с одним общим ударением, в таком древнерусском сочетании, как, например, *домъ-тъ*, ⟨...⟩ первое *ъ* было в сильном положении и вследствие этого должно было впоследствии измениться в *о*, второе же *ъ* было в слабом положении и должно было исчезнуть ⟨...⟩. Поэтому сочетание *домъ-тъ* изменилось в *дом-от* (гласный, являвшийся концом существительного, вошел в состав частицы)» [Кузнецов 1960, с. 126]. Так же объясняют происхождение членной формы мужского рода в болгарском языке [см. Мирчев 1958, с. 181; Стойков 1962, с. 140].

Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В севернорусских говорах, как и почти во всех русских говорах, звонкий согласный на конце слова оглушился. Это оглушение происходило и перед энклитиками: *мо*[г]*ли*, но *мо*[к] *ли*, *мо*[к] *ведь* (мог); *ве*[з]*ли*, но *вёл*[с] *ли*, *вёл*[с] *ведь* (вёз); *гре*[б]*ли*, но *грёб*[п] *ли*, *грёб*[п] *ведь* (грёб) и т. п.

---

[103] Так, в [Образование с-р наречия 1970, с. 141, 143] «употребление постпозитивных частиц, подчиненное грамматическому принципу», отнесено к «явлениям-архаизмам, характерным для говоров северного территориального подразделения».

Перед частицей *от*, как и в формах на *-о*, оглушения звонкого согласного в архангельских говорах нет: *хле*[б]*-от*, *погре*[б]*-от*, *сру*[б]*-от*, *хле*[в]*-от*, *спла*[в]*-от*, *сне*[г]*-от*, *сто*[г]*-от*, *горо*[д]*-от*, *сторо*[ж]*-от*, *наво*[з]*-от* и т. п. Не произошло оглушения звонкого согласного перед частицей *от*, как правило, и в других говорах, знающих эту частицу. Нет перед *от* и перед *-о* и других, типичных для этих говоров изменений конца слова. Так, перед энклитиками утратился [т] после [с]: *по́с уш молока́ н'е йе́л'и* || *пр'е́жд'е пости́ уж зна́л'и* || *а по́с уш тако́й*. Но перед *-о* этого изменения не было: *пошл'у́* | *а мо́сто* | *гу͡осподи* | *высо́кой* || *их н'есло́ под мосто́ п'йа́ных-то* | *а вы́полс'т'и н'е мо́жут*.

В говоре В. Золотицы, где *от* является вариантом *вот*, перед ними произошло оглушение конечных звонких согласных слова и утрата конечного [т, т'] после [с, с']: *ф колхо́с от Матр'о́на Гавр'и́ловна* | *ан'у́ в'ит' н'и фступа́л'и ишо ф колхо́с*; *ц'е́р'ез мно́го годо́ф от тот-то до́м згор'е́л*; *с'е́й гот вот понра́в'илса*; *и мал'и́н':ика кус вот тут йе́с"* *и*; *ц'ер'н'и́ка там йе́с" вот о ту́-ту сто́рону*.

Если принять объяснение П. С. Кузнецова и других лингвистов, то следует считать, что энклитика *тъ* еще до падения редуцированных стала частью слова — существительного муж. рода им.-вин. падежа ед. числа, объединившись с окончанием *-ъ* в единый формант. Тогда и соответствующие частицы *то*, *та*, *ту*, *ти* (*те*, *ты*) надо было бы считать постфиксами — частью соответствующих словоформ. Однако такое решение было бы неверным: *т*, *то*, *та*, *ту*, *ти* (*те*, *ты*) не добавляют к слову в русских говорах нового значения, а служат лишь для его выделения. Благодаря этой единой функции частиц и возникла, вероятно, в части говоров замена грамматического принципа их согласования с формой предшествующего имени на фонетический и их неразличение во многих говорах и в литературном языке, где вместо них употребляется одна частица *то*.

Этим постпозитивные усилительно-выделительные частицы севернорусских говоров отличаются от тех бывших энклитик, которые стали частью слова, благодаря тому, что внесли в него дополнительное значение. Таковы, например, местоимения архангельских говоров *ну́тот*, *ну́то*, *ну́та*, *ну́те*, *то́ттам*, *то́там*, *та́там*, *те́там*, у которых энклитики внесли значение рода, числа, падежа или удаленности. Таковы и наречия, образованные из сочетания существительных разных родов в вин. падеже без предлога с одним и тем же местоимением *съ* на конце слова: *веснусь*, *летось*, *осенесь*, *зимусь*, *утрось*, *ночесь* со значением ‘прошлой

весной', 'прошлым утром' и т. д. [см. Попов 1966, с. 76—82]. Таковы и членные формы болгарского языка, которые, в отличие от нечленных форм, имеют значение определенности, Таковы же и местоименные формы прилагательных и возвратные глаголы и др.

Таким образом, формы постпозитивного указательного местоимения *тъ*, *то*, *та*, *ту*, *ти* (*те*, *ты*) были энклитиками и не становились в севернорусских говорах частью предшествующих им слов. Поэтому фонетические изменения в конце этих слов должны были происходить независимо от следующих за ними энклитик. Отсюда следует, что сохранение звонких согласных в конце основы форм типа *во́зо*, *го́до*, *по́гр'ебо*, *плу́го* и т. п. было возможно только перед гласным того же слова. Этим гласным и было окончавие *-о*, восходящее к *-ъ*. Формы типа *домо* были исходными, а *домо-т* вторичными.

3. В архангельских говорах, знающих формы муж. рода на *-о*, встречается произношение [о] на месте конечных ъ, ь и в других формах: *пусты́йето ун'есу́т с хл'е́бомо* | ; *полно́ п'ел'о́ноко* || ; *ф Кон'ишче́л'йъхо жы́л'и*; *йа пока́зывала в'ит' ва́мо* || ; *у на́со вс'и́ в роду́ молоды́е*; *што́-то у и́хо прошло́ в р'еку́ было*; *а на́шо бра́т ы глу́п ак*; *од'и́но брат со мно́й ров'е́с'н'ик* | *а друго́йо поста́р'е был*; *а два́ па́рн'а со мно́й пошло́* || *од'и́но вот уш ы по́м'ор*; *а пото́м ка́к-то он'и́* | *од'и́но й вы́бралса* | *ак от ы роска́зываǫ*; *соб'ир'о́то по́ полу фс''е́ э́т'и йа́готк'и*; *тако́о было стол*; *со вну́ком-то с' т'е́м* | *кото́рый потоло́ко пособл'а́ло наб'ира́т'*; *н'ехто́ н'е ста́в'ило н'ишто́*; *на́с нае́рно п'а́т' штук шэ́с'' и йе́с''-т'о* || ; *йа н'е зна́йу* | *здава́л н'е́то* || .

В фонотеке отдела фонетики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН хранится магнитофонная запись севернорусского говора двух деревень Сандовского района Тверской области, сделанная в 1959 г. В. С. Ворожейкиной и Р. Ф. Пауфошимой. В этой записи один раз встречается форма муж. рода на *-о*: *то́жо в л'е́со сойт'и́* | *да на́дъ* | *мозгова́т*'; форма пр. падежа ед. числа муж. рода указательного местоимения на *-о*: *в э́т'им* | *в э́т'имо* | *ф худов'ик'е́-то*; а также большое количество глагольных форм настоящего-будущего времени на *-о*: *поды́м'ешо*; *бу́д'ето*, *стои́то*, *хо́д'ито*; *поста́имо*, *ста́н'емо*, *зам'е́с'имо*, *д'е́ламо*, *п'ечо́мо*, *по́л'емо*, *розос'с'е́л'емо*, *б'ер'о́мо*, *пр'ид'о́мо*; *шйу́то*, *сн'и́муто*, *зову́то*, *бу́дуто*, *поотр'е́пл'уто*, *отправл'а́ито* (3 л. мн. ч.), *подыма́ито*, *з'з'е́лайуто*, *пойду́то*, *соб'еру́то*, *помога́йуто*, *воз'му́то*, *наклады́то*, *оттыка́йуто*, *йи́з'д'ато*, *поко́с'ато*, *поста́в'ато*.

Как и формы существительных мужского рода на *-о* в архангельских говорах, глагольные формы на *-о* в говорах Сандовского района встреча-

ются наряду с соответствующими формами без *-о* и гораздо реже, чем формы без *-о*. При этом формы с *-о* встречаются только на конце речевого такта (синтагмы), обычно перед паузой, тогда как формы без *-о* могут быть и не в конце такта. Интонационные отличия форм с *-о* от форм без *-о* не обнаруживаются.

Примеры с конечным *-о* на месте редуцированного гласного встречаются и в разных диалектологических описаниях. Обобщение этих фактов произвел С. П. Обнорский. «В основе этих форм,— писал он,— очевидно, лежит фонетическое явление, хотя оно само по себе и неясно» [Обнорский 1927, с. 31]. С. П. Обнорский пишет об этих формах как о редких, исчезающих формах, которые «заметно сходят на нет» и «должны быть рассматриваемы как остатки старших образований» [Обнорский 1953, с. 136].

Разнообразные формы на *-о*, главным образом глагольные, приводятся в материалах ДАРЯ. В Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы составлена карта 260 «Гласный [о] после конечного *-т* в 3-м лице глаголов» (автор Т. С. Ходорович), где отражены данные ответов на диалектологическую программу, в которых наличие конечного гласного отмечается в указанных формах, а также во 2-ом лице ед. числа и 1-ом лице мн. числа глаголов и в других частях речи. На карте и в комментариях к ней указаны 19 нас. пп., где встретилось данное явление. Сгущение этих пунктов — на окающей территории северо-востока Тверской области. Кроме примеров на 3 лицо глаголов, здесь приведены следующие примеры: 89 *хо́д'имо*; 93 *н'е да́мо*; 172 *на фторо́мо сод'а́тца*; 236 *йед'и́ма*; 329 *в golубо́мо nlатк'е*; 436 *с'йе́д'ошо*, *пр'ид'о́мо*; 438 *там р'а́домо кр'естыʹ*, *пу́до на м'е́с'иц*; 440 *комба́йно соб'ира́л*, *ф по́то броса́ло*, *го́до поуч'ᵘ'и́тцы*, *со́роко п'е́рвово*; 441 *бу́д'емо*, *угор'е́йошо*, *пойд'о́мо*; 444 *зав'а́зышо*, *та́ш'ш'ишо*, *нал'йо́шо*, *пр'ин'ес'о́шо*, *н'е зна́мо ско́л'ко*, *мы н'е пон'има́йемо*, *па́шемо*, *спойо́мо*, *жыв'о́мо*, *по́мн'имо*, *знатʹ н'е зна́эмо*. Один подобный пункт (1) отмечен в Атласе русских говоров северо-западных областей СССР, два пункта (279, 755) в Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы [с. 817].

С. П. Обнорский объяснял «загадочные факты диалектного употребления» глагольных форм 3-го лица ед. и мн. числа с конечным гласным *о* (иногда *а*) после *т* тем, что к формам без *т* (С. П. Обнорский считал их первичными) присоединялся постпозитивный член, восходящий к указательному местоимению среднего или женского рода *то*, *та*. (В тех говорах, где в форме 3-го лица произносится конечный *т* или *тʹ*, к пер-

вичной форме присоединялся постпозитивный член *тъ*, *то*, *та* в ед. числе и *ти*, *ты*, *та* во мн. числе; позднее произошла редукция гласного и обобщение согласного, различное в разных говорах). Затем по образцу форм 3-го лица гласный был перенесен и на глагольные формы 2-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа [Обнорский 1953, с. 135—136]. Однако С. П. Обнорский не устанавливает причин различных результатов предполагаемых им процессов в разных говорах, а без этого высказанное предположение не имеет доказательной силы. Кроме того оно не объясняет многих случаев, когда конечное *-о* в соответствии со старым редуцированным гласным выступает и в словах других частей речи.

4. По-видимому, конечное *о* в формах существительных, в глагольных формах и в других словах объясняется одним и тем же — сохранением конечного гласного, бывшего редуцированного. Примеры эти — последние остатки явления, распространенного ранее более широко в русских говорах. Пути его утраты были неодинаковы в разных говорах. В одних говорах оно задержалось главным образом в существительных, в других говорах — в глаголах. Но и там, и там оно встречается до сих пор в самых различных частях речи.

Можно предположить, что после падения редуцированных окончание существительных муж. рода им.-вин. падежа ед. числа выступало в двух вариантах: в гласном *-о* и в нуле гласного. По-видимому, эти варианты окончания первоначально были позиционно обусловлены и *-о* выступало в сильных фразовых позициях: при эмфазе, в конце речевого такта и фразы (он и сейчас, как правило, выделяется в русских говорах, как и в литературном языке, большей длительностью звуков) или при другом ритмико-интонационном выделении слова. Сильная фразовая позиция способствует более четкому произношению слова, в этой позиции дольше задерживаются звуки, находящиеся в процессе утраты [см. Пауфошима 1983б, с. 20, 33].

Существительные типа *домо* сохранили окончание *-о*, так как они выступали в сильной фразовой позиции. Благодаря этому формы существительных муж. рода на *-о* стали восприниматься как особо выделенные, в отличие от форм на согласный. Окончание *-о* у этих существительных, таким образом, стало средством выполнения той же функции, которую у других форм существительных (им. и вин. падежей ед. числа жен. и ср. рода и мн. числа) взяли на себя соответствующие формы указательных местоимений: *дом* и *домо* как *сестра* и *сестра-та* и т. п. По аналогии с дру-

гими формами существительных усилительно-выделительная постпозитивная частица (в муж. роде *т*) стала присоединяться к форме *домо*: *домо-т*, где *-от* стало выполнять ту же функцию, что и более раннее *-о*, и ту же, что и *то*, *та*, *ту*, *ти* (*те*, *ты*) при других формах существительных. Это и привело к объединению *-о* и *т* в единую частицу *от*.

Таким образом, употребление усилительно-выделительной частицы муж. рода *от*, свойственное большинству современных севернорусских говоров, может отражать более широкое распространение в предшествующую эпоху по сравнению с современной форм существительных муж. рода на *-о*.

Если высказанное здесь предположение верно, то история редуцированных гласных должна быть дополнена рассмотрением их поведения в разных фразовых условиях. Слабые редуцированные в сильных фразовых позициях могли сохраняться как особые гласные в эпоху, когда в слабых фразовых позициях они уже перестали произноситься, а позднее они могли изменяться в гласные полного образования.

Среди примеров с конечным *о* после твердого согласного встречаются и глагольные формы 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. чисел: *подымешо*, *стоито*, *зовуто* и др., которые не могут объясняться фонетически — переходом конечного [ъ] в [о]: форма 2-го лица имела в древнерусском языке конечное *-ши*, а формы 3-го лица *-ть*. Не может фонетически объясняться и форма твор. падежа ед. числа с *хлебомо*: в древнерусском языке окончание здесь было *-ъмь*, и формы с *-о* новых слов: *колхозо* и т. п. Эти примеры могут свидетельствовать о том, что конечное *о*, выступающее в формах, употребляющихся и без этого гласного, обобщилось как средство выделения слова.

Формы на *-о* характерны для севернорусских говоров, в которых, очевидно, вследствие особой ритмической структуры слова конечные гласные, отпадавшие в южнорусских говорах, могли задерживаться в произношении. Таковы же встречающиеся в основном в севернорусских говорах инфинитивы на безударное *-ти*, *-чи*: *ходи́ти*, *стр'и́чи* и т. п. [см. ДАРЯ, вып. 2, карты 100, 101], такие слова, как *а́ко*, *во́но*, *во́то*, *вчера́се*, *да́ко*, *ка́ко*, *та́ко*, *та́мо*, *ту́то*, *тепе́ре*, *зде́се*, отмеченные мной в архангельских говорах [см. также СРНГ][104].

[104] Первая публикация — [Касаткин 1996а].

Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке

В современном русском литературном языке в 1-м предударном слоге после мягких согласных фонемы ⟨и, э, о, а⟩ нейтрализуются, совпадая в звуке [иᵊ] в наиболее распространенном типе произношения: *м*[и]*р* — м[иᵊ]*ры́*, *д*[’э́]*ло* — *д*[иᵊ]*ла́*, *в*[’о]*л* — *в*[иᵊ]*ла́*, *п*[’а́]*тый* — *п*[иᵊ]*та́к*. После парных твердых согласных нейтрализуются ⟨и, э⟩, совпадая в звуке [ыъ], и ⟨о, а⟩, совпадая в [а] (точнее [аъ], в другом обозначении — [ạ]): *с*[ы]*р* — *с*[ыъ]*ры́*, *мад*[э́]*ль* — *мод*[ыъ]*ли́ровать*; *д*[о]*м* — *д*[аъ]*ма́*, *тр*[а́]*вы* — *тр*[аъ]*ва́*. После [ш, ж, ц] реализация ⟨и, э, о, а⟩ в 1-м предударном слоге отличается, с точки зрения представителей Московской фонологической школы, и от позиции после мягких согласных, и от позиции после парных твердых: здесь ⟨и, э, о⟩ совпадают в звуке [ыъ], ⟨а⟩ реализуется звуком [аъ]: *ж*[ы]*л* — *ж*[ыъ]*ла́*, *ш*[э]*ст* — *ш*[ыъ]*стый*, *ж*[о́]*ны* — *ж*[ыъ]*на́*; *ж*[а]*р* — *ж*[аъ]*ра́*.

Система чередований гласных после парных твердых согласных и после [ш, ж, ц] отличается, с этой точки зрения, реализацией ⟨о⟩: [о́ ‖ аъ] после парных твердых, [о́ ‖ ыъ] после [ш, ж, ц]. Оба эти чередования представители МФШ рассматривают как позиционные фонетические [см. Аванесов 1956, с. 111—112, 115, 131; Панов 1967, с. 235—236, 308—309; 1979, с. 155—160, 164; 1989, с. 107—110].

В словах *шокировать*, *шоссе*, *шотландка*, *шофёр*, *жокей*, *жолнёр*, *жонглёр*, *жонглировать*, *канцонетта* и др. в 1-м предударном слоге произносится [аъ]. Представителем какой фонемы он является?

В теории МФШ ответ на такой вопрос вытекает из того, возможно ли приведение безударного гласного звука к ударному в той же морфеме.

Почти во всех этих словах такая процедура невозможна: гласный корня этих слов всегда безударный. Лишь в редком слове *канц*[аъ]*нéтта* [аъ] может быть приведен к ⟨о⟩ в родственном слове *канц*[о́]*на*[105].

Звук [аъ] 1-го предударного слога после [ш, ж, ц] в русском литературном языке в широко употребительных словах чередуется только с ударным [а]: *ш*[а]*р* — *ш*[аъ]*ры́*, *ж*[а]*р* — *ж*[аъ]*ра́*, *ц*[а]*рь* — *ц*[аъ]*ри́ца*. На этом основании предударный [аъ] в словах *жокей*, *шофёр* С. М. Кузьмина относит к фонеме ⟨а⟩ [Кузьмина 1981, с. 147—148].

Эти решения представителей МФШ должны быть, однако, пересмотрены.

Как известно, в XIX — начале XX в. существовал параллелизм между реализацией ⟨э, о, а⟩ после мягких согласных и после [ш, ж, ц]. В соответствии с эканьем в 1-м предударном слоге на месте ⟨э, о, а⟩ произносился после мягких согласных [эи], после [ш, ж, ц] — [эы]: *л*[э]*с* — *л*['эи]*са́*, *в*['о]*л* — *в*['эи]*ла́*, *п*['а́]*тый* — *п*['эи]*та́к*; *ш*[э]*сть* — *ш*[эы]*сти́*, *ш*[о]*лк* — *ш*[эы]*лка́*, *ш*[а]*р* — *ш*[эы]*ры́*.

Позиция после [ш, ж, ц] была внутренне противоречивой: согласные [ш, ж, ц] — твердые, но гласные вели себя после них не так, как после парных твердых согласных, а так, как после парных мягких. (В этом сказывалась былая мягкость всех шипящих и *ц*.)

Затем на смену эканью пришло иканье. Вместо предударного [эи] стали произносить [иэ]: *л*[иэ]*са́*, *в*[иэ]*ла́*, *п*[иэ]*та́к*. Параллельно и [эы] менялся на [ыъ]: *ш*[ыъ]*сти́*, *ш*[ыъ]*лка́*. Вместе с тем началось сближение системы произношения гласных после [ш, ж, ц] с системой произношения после парных твердых согласных: реализация ⟨а⟩ в 1-м предударном слоге после [ш, ж, ц] совпала с ее реализацией после парных твердых согласных: возникло произношение *ш*[аъ]*ры́*, *ш*[аъ]*ги́*, *ж*[аъ]*ра́* и т. п.

Говоря о внутриязыковой обусловленности этого процесса, М. В. Панов также пишет: «Фонеме ⟨а⟩ помогало письмо, наша орфография ⟨...⟩. Написания *шары*, *жара* и под. провоцируют произношение с [а]» [Фонетика 1968, с. 33]. О влиянии правописания говорит и следующее: «в очень большом количестве случаев безударная позиция вообще никак не проясняется ударной: ср. *шалаш*, *шаблон*, *шарманка*, *шарахаться*, *жасмин*, *жандарм* и проч., *шевелит*, *шершавый*, *железо*, *желание*. С точки зре-

[105] Соблазнительно сопоставление *ш*[о]*к* — *ш*[аъ]*ки́ровать*, но, по-видимому, эти слова в современном русском литературном языке не родственные [см. Тихонов 1985, т. 1, с. 411; т. 2, с. 403].

ния норм начала XX в. все это были одни и те же фонетические факты: после [ш, ж] произносился звук [эы]. Однако в одних случаях он передавался буквой *а* (*шалаш*, *жасмин*), а в других — буквой *е* (*шершавый*, *железо*). Изменилось произношение только тех слов, где гиперфонема ⟨а/о/э⟩ передавалась буквой *а*, остались неизменными случаи, где она же передавалась буквой *е*» [Фонетика 1968, с. 34]. Буква *а* требовала обычной после твердых согласных реализации фонемы ⟨а⟩ в 1-м предударном слоге в звуке [аъ].

Гиперфонема не может быть поставлена в сильную позицию, поэтому она — представитель всех нейтрализованных в данной позиции фонем. Но когда начинается фонетическое изменение одной из этих фонем, гиперфонемная ситуация нарушается. Говорящие должны по-новому оценить звук, воплощающий гиперфонему, отнести его к изменяющейся фонеме либо к фонеме, не подвергшейся данному изменению. Буква *а* в словах *шалаш*, *шаблон* и т.п. помогала говорящим отнести звук [эы] к фонеме ⟨а⟩.

Таким образом, связь между звуком сигнификативно слабой позиции, не проверяемым чередованием, и вполне определенной фонемой может обуславливаться буквой, которая пишется на месте гиперфонемы. Эта связь существует благодаря тому, что ведущим принципом русской графики и орфографии является фонематический: одна и та же буква обозначает одну и ту же фонему и в сильной, и в слабых позициях. Благодаря всеобщей грамотности и значительной роли письменной речи в жизни современного общества соотношение фонема ⇔ буква весьма устойчиво в языковом сознании говорящих.

Фонемы — абстрактные единицы языка — реализуются, воплощаются в устной речи в звуках и в речи письменной в буквах. Обе эти реализации фонем взаимосвязаны, хотя полного соответствия между ними нет. Переход от звуков к буквам и от букв к звукам в языковом сознании осуществляется не непосредственно, а через фонему, представителями которой они являются[106]. Слово произносится и пишется. И там, где звучание не дает полного представления о фонемном составе слова (морфа), дополнительные сведения носитель русского литературного языка может получить из его написания.

Когда в литературном языке появилось произношение *ш*[аъ]*ры́*, *ж*[аъ]*ра́* на месте *ш*[эы]*ры́*, *ж*[эы]*ра́*, то по-прежнему сохранялось произ-

[106] С. М. Кузьмина дает два вида правил перехода: от звука к фонеме и от фонемы к букве [Кузьмина 1981].

ношение *ш*[э^{ы}]*лка́*, *ж*[э^{ы}]*на́*. М. В. Панов указывал: «Если бы у нас были написания *шолка*, *жоне*, *жолтеть* и под., то они бы, весьма вероятно, с помощью аналогичных написаний *вода*, *хожу* и прочих стали бы произноситься [шалка́], [жан'э́]. Но таких написаний нет; пишется *шелка*, *жене* — и эти написания не помогают появиться произношению безударного [а] после шипящих — в соответствии с ударным [о́]. Буква *е* у нас ни в одном слове не читается как [а]» [Фонетика 1968, с. 33].

Сейчас в русский литературный язык проникли слова типа *шоссе*, *шофёр*, *жонглёр* и др., где произношение [а^{ъ}] в 1-м предударном слоге обусловлено именно тем, что здесь пишется буква *о*. Но это значит, что в современном русском литературном языке установилась закономерность: фонема ⟨о⟩ после [ш, ж, ц] в 1-м предударном слоге должна реализоваться звуком [а^{ъ}].

Сейчас в словах *гарцевать*, *глянцевитый*, *танцевать*, *танцевальный*, *спринцевать* в соответствии с *е* после *ц* произносится [ы^{э}]. Но до 1951 г. писали *гарцовать*, *глянцовитый*, *танцовать*, *танцовальный*, до 1933 г.— *спринцовать*. В соответствии с написанием буквы *о* в этих словах нормой было произношение *гарц*[а^{ъ}]*ва́ть*, *танц*[а^{ъ}]*ва́ть* и т. п. [см. Крючков 1952, с. 15—16, 21, Обзор 1965, с. 151]. Изменилась буква → изменилась фонема → изменился звук.

О том, что в словах, где после *ш*, *ж* пишется *о*, эта буква соответствует фонеме ⟨о⟩, может свидетельствовать также следующее.

В некоторых словах иноязычного происхождения в первом предударном слоге в соответствии с буквой *о* в высоком стиле допускается произношение [о]: *досье*, *поэт*, *фойе* и др. [см. ОС]. При произношении *п*[о]*э́т*, *ф*[о]*йе́* звук [о] выступает в сигнификативно сильной позиции и может быть только представителем ⟨о⟩. При произношении в нейтральном стиле *п*[а^{ъ}]*э́т*, *ф*[а^{ъ}]*йе́* звук [а^{ъ}] может быть представителем и ⟨о⟩, и ⟨а⟩; позиция здесь сигнификативно слабая, гласный всегда безударный. Но фонема и здесь — ⟨о⟩: о ней говорит орфоэпический вариант с безударным [о].

Если в каком-либо стиле (орфоэпическом варианте) в данном слове выступает архифонема, не приводимая в этом стиле к сигнификативно сильной позиции, но в другом стиле (орфоэпическом варианте) на ее месте в этом слове — фонема в сигнификативно сильной позиции, то архифонему первого орфоэпического варианта можно считать проверяемой. Эталоном проверки является фонема иного орфоэпического варианта.

В некоторых заимствованных словах предударный [о] может быть и после [ш, ж]: *шоссе*, *Шопен*, *шопеновский*, *Жорес* и др.; произносится *ш*[о]*ссе́* и *ш*[аъ]*ссе́* [107], *Ш*[о]*пе́н* и *Ш*[аъ]*пе́н* и т. п. Предударный [аъ] в этих словах представляет фонему ⟨о⟩; об этом говорит возможность его «прояснения» в [о] при высоком стиле произношения.

В качестве проверки звуков слабых позиций можно привлекать разные стили литературного языка, но не другие языковые системы. Поэтому, в частности, просторечное *ш*[о́]*фер* не может служить свидетельством того, что в литературном *ш*[аъ]*фёр* [аъ] — представитель ⟨о⟩.

Таким образом, положение после [ш, ж, ц] не является для гласных фонем современного русского литературного языка особой фонетической позицией: после [ш, ж, ц] гласные фонемы реализуются так же, как и после парных твердых согласных. Для реализации гласных существенно лишь различие между предшествующими (и последующими) твердыми и мягкими согласными звуками.

Отсюда следует: 1) чередование ударного [а] с предударным [ыъ] после [ш, ж, ц] (*лош*[а́]*дка* — *лош*[ыъ]*де́й*, *ж*[а́]*лко* — *ж*[ыъ]*ле́ть*, *двадц*[а́]*тый* — *двадц*[ыъ]*ти́*) представляет собой чередование фонемы ⟨а⟩ с гиперфонемой ⟨и/э⟩ [см. Аванесов 1956, с. 132; Фонетика 1968, с. 38]; 2) чередование ударного [о] с предударным [ыъ] после [ш, ж, ц] (*ш*[о]*лк* — *ш*[ыъ]*лка́*, *ж*[о́]*лтый* — *ж*[ыъ]*лте́ть*, *торц*[о́]*вый* — *лиц*[ыъ]*во́й*) представляет собой чередование фонемы ⟨о⟩ с гиперфонемой ⟨и/э⟩[108].

---

[107] В этом слове часто встречается и произношение *ш*[ъ]*ссе́*, где [ъ] — результат ассимиляции ударному гласному.

[108] Первая публикация — [Касаткин 1989а].

Новая ступень в развитии системы гласных русского языка

Известно, что развитие системы гласных русского языка ведет к ее упрощению. Наиболее продвинуты в этом отношении акающие говоры и литературный язык, в которых вначале возникло неразличение в безударных слогах гласных неверхнего подъема, а позднее в литературном языке и во многих говорах в это неразличение включилась после мягких согласных и фонема ⟨и⟩.

Во многих акающих говорах наблюдается следующая ступень в этом развитии: в соответствии с фонемой ⟨у⟩ и с фонемой ⟨и⟩ не только после мягких, но и после твердых согласных в безударных слогах могут произноситься те же звуки, которые выступают в этой позиции на месте остальных гласных фонем.

Так, в разных районах Волгоградской, Воронежской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской областей мне приходилось наблюдать следующее произношение, известное и в говорах других территорий. В заударных слогах и во втором предударном в соответствии с фонемами ⟨у⟩, ⟨и⟩, наряду с [у], [ў], [ы], [и], могут выступать звуки [ъ], [ь], реже [а], [ȧ] и нуль звука. Примеров такого рода много на заударные слоги и меньше на второй предударный слог, что может объясняться гораздо более редкой встречаемостью слов с ⟨у⟩ и ⟨и⟩ во втором предударном слоге:

⟨у⟩: *къкурӯза*, *съндук'ӣ*, *мъжык'ӣ*, *тълупы́*, *бъйара́к*, *къвыркóм*, *хътарска́йъ*, *г͡гъжава́йъ*, *къскавóй*, *ръкава́*, *къкур'éч'ит'*, *ътанӯ́лъ*, *атпᵇс'т'ило́*, *ч'ицуны́*, *ба́бъшкъ*, *д'éдᵇшкъ*, *ма́тъшка*, *т'óтᵇшка*, *ба́т'ъшка*, *хва́ртък*, *за́мъш*, *за́мъжам*, *о́тпъск*, *на о́тпъск'ъ*, *жóлът'*, *жóлъд'и*, *прóлъп'*, *пóд-ръку*, *на́-рък'и*, *т'éхн'икъм*

(им. п.), *ра́дъγа, о́тръб'и, кра́дъч'ис', пры́γнълъ, с'и́лъшк'и, н'е́тᵇт'и, γу́л'ъшк'ъ, о́кан', о́'брач', γо́лаб'и, п'и́кᵇнт' н'а да́с'т'* (пикнуть), *шу́бъ-ту, каду́шкъ-ту, ру́къ-ту, зо́лъ-ту, на машы́нн̥-ту, з'е́мл'ъ-ту, т'о́ткъ Ма́р'йу, ба́бъ твайу́, за фс'у́ з'и́мъ, н'и х ч'о́ртъ, в зо́лъ, на св'е́клъ ит'и́т', нъ п'ит'о́ркъ, ф т'ал'е́γъ, в в'ал'и́къ субо́тъ, в буты́лкъ зъγнала́, на тра́въ, γ до́мъ, γ д'ир'е́ктъръ, на маγ'и́лъ, по́дз'имъ, ф кана́фкᵇ-тᵇ л'ох, на рабо́тъ̥ хад'и́лъ, зо́лъ выγр'аба́им, к па́рн'ъ к е́тъму, ква́сᵇ ч'а́шкъ нал'йе́м, абу́фкъ пр'ив'азу́т', каро́въ пръдава́т', ры́бъ ла́в'ът', ид'и́ то́пка γато́ф', сп'и́нъ слама́л'и, в'и́къ с'е́ил'и, д'ас'а́тка да́л'и, аγра́д д'е́лъйут', скат'и́н̥ карм'и́л'ъ, шл'а́пᵇ таку́йь-ту, ка́шᵇ пъл'аву́йь, руба́хъ с'и́тцъвъйу, л'о́хкъйу рабо́тъ, аржану́й муку́, пъ сухо́мъ, па ч'о́рнъмᵇ тап'и́л'ъ, пън'амно́γъ, с'в'е́р'хъ, сро́дъ та́х-та, сла́въ бо́γъ, йей бо́γа, сро́д д'аржа́лъ, аку́нът', н'а в'и́жъ йа, бу́дъ мас'т'и́т', л'а́жъ дъ усну́, йа ш ч'уйь* и т. п.;

⟨и⟩: *сънавйа́, ръбак'и́, сърава́тъ, цъплака́, въсако́, стръγуно́к, шᵇфан'е́р, въм'ата́йут', въдава́л, въраста́лъ, въставл'а́т', въйаж̄а́л, к'ъс'айу́, р'е́л'ъ пр'ъв'аза́л, С'т'апа́нъч', во́т̄ък, ры́жак, вы́шᵇтъйь, со́лнъшкъ, пам'е́т̄ък'и, у ро́днъх, б'е́лъх, на фс'е́γ баγа́тах, ста́рᵇх, у н'е́хтърьх, др'ав'а́н̄ъх, по́снъм ма́слъм, з'ил'о́нъм'и, с кра́снъм'и, кра́снам'и, вы́ръл, вы́рал, вы́бал, пътр'аво́жъл, пръматы́жъла, вы́тᵇт̄ъл'и, пас'и́жъвъйут', выд'е́лъвът', раска́зъвъла, спра́шъвъл'ис', вы́п'ъмшъ, бро́с'т' въ* (вы) *йаwо́, м'е́ръ на́ д'в'и, шу́б ста́л'ъ шыт', ста́л'ъ шл'а́пᵇ нас'и́т', тако́й пасу́дъ, в ам'о́тъ склада́л'и, мут̄ы́нъ нас'и́л'ъ, ку́р* (куры) *н'ъ кл'ава́л'ъ, машы́нᵇ стайа́т', скат'и́нъ пъγар'е́лъ мно́γъ, за́йцъ йес'т', пъд жыл'е́зъ кры́тъ бы́лъ* и т. п.

В ряде случаев в соответствии с ⟨у⟩, ⟨и⟩ наблюдаются звуки [а], [ъ], [и] в первом предударном слоге: *атстъпа́л'и, кършън'йа́* (от *ко́ршун*), *б'ир'изо́въй т'в'ет* (бирюзовый), *ч'иγу́н, мъжак'и́, пръжала́*.

Для решения вопроса о системе гласных фонем в говорах, знающих указанное явление, необходимо выяснить, могут ли [ъ], [ь], [а], [а̇], нуль звука произноситься на месте любых ⟨у⟩, ⟨и⟩ или такое произношение охватывает только часть морфов[109]. В первом случае можно было бы говорить о сосуществовании двух систем, в одной из которых в безударных слогах, кроме первого предударного, отсутствовало бы различение гласных фонем. В этой системе, иначе говоря, в данной позиции, гласные фонемы вообще отсутствовали бы, а все признаки гласных звуков, т. е. и сами гласные, были бы «избыточными». В частности, разница между передним или непередним образованием гласного в этой позиции целиком была бы обусловлена предшествующим согласным, следова-

[109] Такое наблюдение, насколько я знаю, никем не проводилось.

тельно, твердость или мягкость согласного, стоящего перед таким гласным, всегда была бы фонологически существенной.

Возможно, произношение [ъ], [ь], [а], [ȧ], нуля звука на месте ⟨у⟩, ⟨и⟩ закономерно или допустимо в таких говорах только в некоторых морфах, а в других морфах не встречается. Известно, например, что во многих акающих говорах окончание вин. п. ед. ч. прилагательных зависит от места ударения следующим образом: с ударением на первом гласном обычно произносится *-у́йъ*, без ударения; *-ъйу*: *плахо́йъ*, *ста́ръйу*. Известна также лексикализация: *о́мът* (омут), *амата́* (им. мн.), *ч'иуу́н*, *ч'иууно́к*, *санд у́к*, *съндук'и́* и др. Подобные случаи свидетельствуют о том, что вытеснение фонемы ⟨у⟩ в безударных слогах уже распространилось в этих говорах на часть морфов, но еще не завершено.

О неразличении фонемы ⟨и⟩ после твердых согласных и остальных гласных фонем неверхнего подъема в говорах с диссимилятивным аканьем свидетельствует произношение [ъ] перед [а́]: *бъка́* (быка и бока), *бъла́*, *жъла́* и т. п., а также *бала́*, *жала́* и т. п. при отходе от диссимилятивного аканья.

В литературном языке также наблюдаются случаи подобного произношения: ⟨у⟩: *гъб'ирна́тър*, *штърмава́т'* (штурмовать), *штъкату́р*, *шърава́т'*, *р'идъкцыо́нъй* (редукционный), *Дърнаво́*, *сал'ътава́т'*, *ътсал'ътава́л'ъ*, *кам'ън'ик'е́*, *закл'ъч'иныы*, *о́бъф'*, *па́смърных*, *въ́стъп'ит*, *в во́здъх'ъ*, *папро́бъй*, *като́ръйу*, *ка́ждъйу*, *ско́ръйу по́мъш'*, *к но́въмъ с'изо́ну*, *бал'шу́йу до́зъ аблуч'е́н'ийъ*, *на м'ину́тъч'къ*, *им'е́ьш'имс'ъ*, *каса́ьш'ийс'ъ* и т. п.; ⟨и⟩: *шъръкафарма́тный*, *въпалн'а́л*, *н'е́ бъла*, *б'ъзрабо́тных*, *жыво́тных*, *о́път*, *о́пътъм*, *рва́нъх*, *ва́шъх п'и́с'ъм*, *он бу́д'ът уч'о́нъм*, *по́лнъм хо́дъм*, *с но́въм го́дъм*, *г б'е́лъм*, *з б'е́лъм'и*, *магл'и́ бъ*, *атв'ил'и́ ба* и т. п. Реже встречаются случаи типа *мършару́ът*, *а͡ш'и͡ш'е́н'ийъ*. Такое произношение характеризует не только разговорный язык, но и строгий стиль речи лиц, говорящих на литературном языке, в том числе актеров, дикторов радио и телевидения.

Таким образом, в литературном языке также начался процесс, который может со временем привести к неразличению всех гласных фонем в безударных слогах[110].

[110] Первая публикация — [Касаткин 1971].

Литература

Аванесов 1947 — *Аванесов Р. И.* Из истории русского вокализма: Звуки [i] и [y] // Вестн. МГУ. 1947. № 1. Цит. по: *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов 1949 — *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.

Аванесов 1949а — *Аванесов Р. И.* Очерки диалектологии разанской Мещеры. I Описание одного говора р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., 1949.

Аванесов 1952 — *Аванесов Р. И.* О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952. № 2. Цит. по: *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов 1955 — *Аванесов Р. И.* Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.

Аванесов 1956 — *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1958 — *Аванесов Р. И.* Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопросы формирования русской народности и нации. М.;Л., 1958.

Аванесов 1963 — *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Докл. сов. делегации. М., 1963.

Аванесов 1972 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.

Аванесов 1974 — *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов 1984 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.

Аванесов, Ожегов 1959 — Русское литературное произношение: Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М., 1959.

Аванесов, Сидоров 1945 — *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Азарх 1967 — *Азарх Ю. С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Азарх 1970 — *Азарх Ю. С.* Отвердение парных по твердости—мягкости переднеязычных согласных на конце слова в вологодско-кировских говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970.

Азарх 1973 — *Азарх Ю. С.* О корреляции согласных по твердости—мягкости в одном вологодском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Азарх 1975 — *Азарх Ю. С.* Словообразовательная структура названий однородных групп деревьев в русском языке // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Андерсен 1969 — *Andersen H.* Lenition in Common Slavic // Language, 1969. V. 45.

Андерсен 1977 — *Andersen H.* On some central innovations in the common Slavic period // Slovansko jezikoslovje: Nahtigalov zbornik: Prispevki z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 30 junija—2 julija 1977 / Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta. Ljubljana 1977.

Атлас В — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

Атлас З — Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. Рукопись. Хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Атлас С — Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы / Под ред. О. Н. Мораховской, Т. Ю. Строгановой. Рукопись. Хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Атлас С—З — Атлас русских говоров северо-западных областей СССР / Под ред. В. И. Борковского, С. С. Высотского. Рукопись. Хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Атлас Ю — Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы / Под ред. В. Г. Орловой. Рукопись. Хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

АУМ — Атлас української мови. Київ, 1984. Т. 1; Київ, 1988. Т. 2.

Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Балахонова 1961 — *Балахонова Л. И.* История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961.

Баранникова 1967 — *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

Баранов 1991 — *Баранов В. А.* Развитие неорганической гласности в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1991.

Баринова 1973 — *Баринова Г. А.* Фонетика // Русская разговорная речь. М., 1973,

Безпалько и др. 1957 — *Безпалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. А.* и др. Історична граматика української мови. Київ, 1957.

Белая 1974 — *Белая А. С.* К характеристике квантитативно-просодических различий в надсновских говорах на Черниговщине // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1971. М., 1974.

Белич 1972 — *Belič J.* Nástin české dialektologie. Pr., 1972.

Белов 1984 — *Белов В.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1984. Т. 3.

Белоусов 1982 — *Белоусов В. Н.* История форм повелительного наклонения // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.

Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Биггинс 1987 — *Biggins M. E.* A South Russian dialect in Oregon: the «Turkish» Old Believers, University of Kansas, Ph. D., University Microfilms International, Ann Arbor, 1987.

Бобряков 1960 — *Бобряков Н. А.* К истории фонемы *в* в говорах Киренского района Иркутской области // НДВШ: Филол. науки. М., 1960. № 1.

Богачев 1919 — *Богачев В. В.* Очерки географии Всевеликого войска Донского. Новочеркасск, 1919.

Богомазов, Пауфошима 1975 — *Богомазов Г. М., Пауфошима Р. Ф.* О некоторых способах реализации сочетаний смычных согласных в речи // Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975.

Богораз 1963 — *Богораз Л. И.* О нейтрализации и архифонеме в связи с согласными архифонемами русского языка // Проблемы структурной лингвистики. 1963. М., 1963.

Богородицкий 1930 — *Богородицкий В. А.* Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.

Болла 1981 — *Болла К.* Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.

Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Бондарко 1981 — *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981,

Бондарко, Зиндер 1966 — *Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р.* О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем // ВЯ. 1966. № 1.

Борковский 1958 — *Борковский В. И.* Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.) // *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.

Борковский, Кузнецов 1965 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.

Брок 1902 — *Брок О.* Об исчезновении междугласного i̯, j // Сборник, посвященный... Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902.

Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. № 4.

Брок 1910 — *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2).

Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

Бромлей 1972 — *Бромлей С. В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Бромлей 1973 — *Бромлей С. В.* Еще раз о задненебной звонкой фрикативной фонеме в русских говорах // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

Бромлей 1975 — *Бромлей С. В.* К истории формирования признака «твердость—мягкость» у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Бромлей 1985 — *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

Бромлей 1987 — *Бромлей С. В.* О происхождении [l] «среднего» в русских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Бромлей, Булатова 1972 — *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Бубрих 1913 — *Бубрих Д. В.* Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирск. губ.) // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.

Будде 1896 — *Будде Е. Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.

Будде 1898 — *Будде Е. Ф.* О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях // Изв. ОРЯС. 1898. Т. 3. Кн. 3.

Будде 1914 — *Будде Е. Ф.* Лекции по истории русского языка. 2-е изд. Казань, 1914.

Букчина, Калакуцкая 1982 — *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника). 3-е изд. М., 1982.

Буланин 1970 — *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970.

Буланин 1979 — *Буланин Л. Л.* О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Звуковой строй языка. М., 1979.

Булатова 1947 — *Булатова Л. Н.* О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка / АН СССР. М.; Л., 1947. Вып. 1.

Булатова 1949 — *Булатова Л. Н.* Об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка / АН СССР. М.; Л., 1949. Вып. 5.

Булатова 1981 — *Булатова Л. Н.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Булатова и др. 1975 — *Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю.* О русских народных говорах. М., 1975.

Булаховский 1959 — *Булаховський Л. А.* Нариси з загального мовознавства. 2-е вид. Київ, 1959.

Бурова 1967 — *Бурова Е. Г.* Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Бурова 1975 — *Бурова Е. Г.* К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Бурова 1981 — *Бурова Е. Г.* Гласные вставки в начальных группах согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Бурова 1983 — *Бурова Е. Г.* Протетические гласные в позиции первого предударного слога в русских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Бурова, Касаткин 1977 — *Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л.* Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Бьёрнфлатен 1993 — *Бьёрнфлатен Я. И.* Псковские говоры в общеславянском контексте // Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Oslo, 1993.

Вандриес 1937 — *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю / Пер. с фр. М., 1937.

Васильев 1902 — *Васильев Л. Л.* Язык «Беломорских былин» // Изв. ОРЯС. Т. 7. Кн. 4. 1902.

Васильев 1905а — *Васильев Л. Л.* К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII веках // Изв. ОРЯС. Т. 10. Кн. 2. 1905.

Васильев 1905б — *Васильев Л. Л.* Богдановский Златоуст XVI века // Изв. ОРЯС. Т. 10. Кн. 3. 1905.

Васильев 1907 — *Васильев Л. Л.* К характеристике сильно-акающих говоров. Варшава, 1907 (отд. оттиск из журн. «Русский филологический вестник»).

Васильев 1910 — *Васильев Л. Л.* Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по-древнему, при замене в слоге без ударения буквы *ѣ* буквою *е* // Изв. ОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 4.

Васильева 1967 — *Васильева А. К.* Об изменении сочетания согласных [вн] и [мн] по говорам русского языка // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Васильева 1975 — *Васильева А. К.* Фонемы ⟨ф⟩ и ⟨ф'⟩ и их замены в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Васильева 1977 — *Васильева А. К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в]—[ф] // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Васильева 1981 — *Васильева А. К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Вахек 1958 — Vachek J. К znělostnímu protikladu souhlásek v češtině a v angličtině // Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958.

Вахек 1964 — *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.

Вежховска 1965 — *Wierzchowska B.* Wymowa polska. Warszawa, 1965.

Вендина 1980 — *Вендина Т. И.* Суффиксы с *г*-основой (из русского диалектного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1978. М., 1980.

Вендина 1981 — *Вендина Т. И.* Суффиксы с *г*-основой (из русского диалектного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

Вербицкая 1976 — *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия. Л., 1976.

Вермеер 1991 — *Vermeer W.* The mysterious North Russian nominative singular ending *-e* and the problem of the reflex of Proto-Indo-European **-os* in Slavic // Die Welt der Slaven: Halbjahresschrift für Slavistik: Jahrgang XXXVL, 1+2 (N. F. XV, 1+2). München, 1991.

Виноградов 1918 — *Виноградов Н. Н.* Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае // Изв. ОРЯС. 1918. Т. 22. Кн. 2.

Виноградов 1919 — *Виноградов В. В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия: Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии // Изв. ОРЯС. 1919. Т. 24. Кн. 1—2.

Виноградов 1971 — *Виноградов В. А.* Озперанд [ас'п'ира́нт]. К проблеме гиперфонемы // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971.

Власова 1971 — *Власова И. В.* Ареалы топонимов с формантами *-иха* и *-ата*, *-ята* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // Этнография имен. М., 1971.

Власова 1983 — *Власова И. В.* «Зона недоступности» для ареала топонимов на *-иха* в Костромском Заволжье // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1983.

Войтович 1950 — *Войтовіч Н. Т.* Да пытання аб паходжанні беларускага дзекання і цекання // Вучоныя запіскі / Мінскі дзярж. пед. ін-т. Філалагічная серыя. Вып. 1. 1950.

Войтович 1972 — *Войтович Н. Т.* К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Волк-Левонтович 1927 — *Воўк-Левановіч О. В.* Лекцыі па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1927.

Волк-Левонтович 1930 — *Волк-Левонтович И.* Еще к вопросу о «ляшских» чертах в белорусской фонетике // Slavia. 1930. IX. 3.

Врабие 1963 — *Врабие Э.* Место славянских говоров на территории РНР в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии // Romanoslavica. Bucureşti. 1963. IX.

Врачу 1963 — *Врачу А.* К вопросу о роли субстрата в истории славянских языков // Romanoslavica. Bucureşti. 1963. IX.

Вургафт, Ушаков 1996 — *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Высотский 1949а — *Высотский С. С.* О говоре д. Лека: (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л. 1949. Т. 2.

Высотский 1949б — *Высотский С. С.* Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка / АН СССР. М.; Л., 1949. Вып. 6.

Высотский 1967а — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Высотский 1967б — *Высотский С. С.* Фонотека лаборатории экспериментальной фонетики // Лингвистические источники: Фонды Института русского языка / Под ред. С. И. Коткова, А. И. Сумкиной. М., 1969.

Высотский 1969 — *Высотский С. С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.

Высотский 1975 — *Высотский С. С.* К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Высотский 1978 — *Высотский С. С.* Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.

Габ 1965 — *Габ С. П.* Говоры Ростовской области. Ростов н/Д., 1965.

Гала 1962 — *Hála B.* Uvedení do fonetiky češtíny na obecně fonetickém základě. Praha, 1962.

Гвоздев 1948 — *Гвоздев А. Н.* Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ. // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. / АН СССР. М.; Л., 1948. Вып. 2.

Гвоздев 1958 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. М., 1958. Ч. 1: Фонетика и морфология.

Гвоздев 1963 — *Гвоздев А. Н.* Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.

Геровский 1959 — *Геровский Г. И.* Древнерусские написания *жч*, *жг* и *г* перед передними гласными // ВЯ. 1959. № 4.

Гецова 1959 — *Гецова О. Г.* О произношении ударного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1959. Т. 1.

Гецова 1963 — *Гецова О. Г.* К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах // Славянская филология. М., 1963. Вып. 5.

Гецова 1979 — *Гецова О. Г.* Противопоставленность твердых и мягких заднеязычных согласных в древненовгородском диалекте по современным диалектным данным // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 12—15 ноября 1979 г.). М., 1979.

Гимсон 1972 — *Gimson A. C.* An introduction to the pronunciation of English. 2 ed. L., 1972.

Гловинская 1996 — *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Гловинская и др. 1971 — *Гловинская М. Я., Ильина Н. Е., Кузьмина С. М., Панов М. В.* О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского литературного языка: фонологические подсистемы. М., 1971.

Глускина 1962 — *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962.

Глускина 1968 — *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке: (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968.

Голубева 1985 — *Голубева Н. Л.* О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка. М., 1985.

Гольдин 1983 — *Гольдин В. Е.* Проблема комментирования магнитофонных записей и специфика введения научных фактов в диалектологии // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тез. докл. и сообщ. (Вологда, 24—26 мая 1983 г.). Вологда, 1983.

Горбачевич 1971 — *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971,

Горшкова 1968 — *Горшкова К. В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси: (По данным исторической фонологии). М., 1968.

Горшкова 1972а — *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка: Пособие для студентов. М., 1972.

Горшкова 1972б — *Горшкова К. В.* Из истории русского вокализма. Звуки [е] и [о]. // Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972.

Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Горький 1953 — *Горький М.* О литературе. М., 1953.

Граммон 1923 — *Grammont M.* Notes de phonétique générale. VIII. L'assimilation // Bull. de la Sosiété de linguistique de Paris. 1923. Vol. XXIV. Fasc. 1.

Граммон 1933 — *Grammont M.* Traité de phonétique. Paris, 1933.

Грандилевский 1907 — *Грандилевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова: Областной крестьянский говор. СПб., 1907 [Сб. ОРЯС. Т. 83. № 5].

Грехова 1964 — *Грехова Л. П.* К истории аканья в костромских говорах // Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. 1964. Т. 148. Вып. 10.

Григорьев 1904 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904.

Гринкова 1930 — *Гринкова Н. П.* Очерки по русской диалектологии: VII. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губ. // Изв. по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2.

Грот 1899 — Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.

Даль 1903—1909/1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.;М., 1903—1909/1994. Т. 1—4.

Даль 1935 — *Даль В. И.* Толковый словарь. М., 1935. Т. 1.

Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

Данилов 1931 — *Данилов Г.* О перестройке методики преподавания языка // Рус. яз. в сов. шк. 1931. № 8.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986; Вып. 2: Морфология; М., 1989. Вып: 3. Синтаксис. Лексика. М., 1996.

Денисенко 1970 — *Денисенко Ю. Ф.* Шепелявые шипящие в Печорских говорах // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1.

Добровольский 1914 — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. 1914.

Добродомов 1971 — *Добродомов И. Г.* д͡зе т͡си в Москве // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы. М., 1971.

Дружинин 1889 — *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. Спб., 1889.

Думитреску 1963 — *Думитреску М.* Наблюдения над фонетикой русских говоров на территории Румынии (село «Mila 23» Добруджанской области) // Romanoslavica. IX. Bucureşti, 1963.

Дурново 1903 — *Дурново Н. Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии // Сб. ОРЯС. Т. 76. № 1. СПб., 1903.

Дурново 1906 — Отчет Н. Н. Дурново по разработке матерьялов по южновеликорусскому наречию для диалектологической карты русского языка // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук за 1906 год. СПб., 1906 [Сб. ОРЯС. Т. 82].

Дурново 1908 — *Дурново Н. Н.* Отчет о поездке в Клинский и Волоколамский уезды Московской губернии летом 1904 года // Труды Московской Диалектологической комиссии. Варшава, 1908. Вып. 1.

Дурново 1917—1918 — *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917; Вып. 2. Шамордино, 1918.

Дурново 1924 — *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Дурново 1969 — *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.

Дурново и др. 1915 — *Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.

Дюрэн 1977 — *Дюрэн Ж.* Мягкость, твердость, йотированность // ВЯ. 1977. № 2.

Евгеньева 1947 — *Евгеньева А. П.* Экспедиция Ленинградского ордена Ленина государственного университета // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. / АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 1947.

Ершов 1903 — *Ершов С. И.* Экспериментальная фонетика. Казань, 1903.

Еськова 1957 — *Еськова Н. А.* Фонема ⟨j⟩ в современном русском литературном языке // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 42. Кафедра русского языка. Вып. 4. М., 1957.

Живов 1980 — *Живов В. М.* Очерки по синтагматической фонологии. Признак звонкости. М., 1980.

Жилко 1966 — *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. 2-е вид. Київ, 1966.

Жирмунский 1956 — *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология, М.; Л., 1956.

Жуковская 1959 — *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

Жуковская 1968 — *Жуковская З. В.* Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку и востоку от Пскова // Псковские говоры. II. Псков, 1968.

Журавлев 1961 — *Журавлев В. К.* Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.

Журавлев 1963 — *Журавлев В. К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке: Опыт диахронической фонологии. Минск, 1963.

Журавлев 1966 — *Журавлев В. К.* Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Исследования по фонологии. М., 1966.

Журавлева 1982 — *Журавлева Е. Ф.* Фонологическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами и северногреческими диалектами. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Залеський 1986 — *Залеський А М.* Прослідки зредукованих голосних у слабкий позиції в українській мові // Мовознавство. Київ, 1986. № 6.

Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977.

Зализняк 1988а — *Зализняк А. А.* Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Зализняк 1988б — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1988.

Зализняк 1984 — *Зализняк А. А.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период / Под ред. К. В. Горшковой. М., 1984 [Вопросы русского языкознания. Вып. V.]

Зализняк 1986 — *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные граммоты с лингвистической точки зрения. Словоуказатель к новгородским берестяным грамотам // *Янин В. А., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* Падение редуцированных по данным берестяных грамот // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1993.

Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Захарова 1959 — *Захарова К. Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. М., 1959. Т. 1.

Захарова 1961 — *Захарова К. Ф.* Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья (По материалам «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР») // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. М., 1961. Вып. 2.

Захарова 1971 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2.

Захарова 1975 — *Захарова К. Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка, М., 1970.

Зеленин 1911 — *Зеленин Д. К.* «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи) // Живая старина. 1911. Т. 20. вып. 1.

Зеленин 1913 — *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Зеленин 1954 — *Зеленин Д. К.* О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. № 6. М., 1954.

Земская 1973 — *Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Земская 1975 — *Земская Е. А.* О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Земская 1981 — *Земская Е. А.* Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.

Зиндер 1960 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960.

Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979.

Златоустова 1962 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Зубкова 1974 — *Зубкова Л. Г.* Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974.

Иванов 1968 — *Иванов Вал. В.* Историческая фонология русского языка: (Развитие фонологической системы древнерусского языка в X—XII вв.). М., 1968.

Иванов 1982 — *Иванов Вал. В.* История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.

Иванов 1990 — *Иванов Вал. В.* Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.

Иванов, Якубинский 1932 — *Иванов А. М., Якубинский Л. П.* Очерки по языку. Л.; М., 1932.

Ильина 1980 — *Ильина Н. Е.* Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Каленчук 1986 — *Каленчук М. Л.* Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Каленчук 1993 — *Каленчук М. Л.* О фонетической обусловленности и орфоэпической прикрепленности // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.

Каленчук, Касаткина 1993 — *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура слова на словесном и фразовом уровнях // ВЯ. 1993. № 4.

Калмыков 1898 — *Калмыков М.* Сведения о кочетовском говоре (собранные в поселке-хуторе Ещаулове, Донской области, 1-го Донского округа, в юрте Кочетовской станицы). СПб, 1898 [отд. оттиск из «Материалов для изучения великорусских говоров». Вып. 5 // Изв. ОРЯС. Т. 3. Кн. 2].

Калнынь 1956 — *Калнынь Л. Э.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1956. Т. 13.

Калнынь 1961 — *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

Калнынь 1967 — *Калнынь Л. Э.* Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.

Калнынь 1989 — *Калнынь Л. Э.* О факторах фонетической стабильности языкового идиома в условиях языковых контактов // Deseta konferencija Međunarodne komisije za fonetiku i fonologiju slovenskih jezika. Sarajevo, 1989.

Калнынь 1991 — *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюз. науч. конф. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. М., 1991. Ч. 1.

Калнынь 1993 — *Калнынь Л. Э.* Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в русских диалектах // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.

Калнынь 1995 — *Калнынь Л. Э.* К вопросу об использовании лингвогеографической информации при анализе динамики диалектной фонетической черты: Оглушение вибранта // Dialectologia siavica: Сб. к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1995. [Исследования по славянской диалектологии. 4].

Калнынь, Масленникова 1985 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

Кандаурова 1957 — *Кандаурова Т. Н.* К истории древнепсковского диалекта XIV в. // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8.

Каринский 1903 — *Каринский Н. М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда // Изв. ОРЯС. Т. 8. Кн. 1, 2. СПб., 1903. [Отдельный оттиск]

Каринский 1909 — *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.

Каринский 1928 — *Каринский Н. М.* Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. Т. 3. М., 1928 [на обл. 1929].

Каринский 1936 — *Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян: Говор деревни Ванилово. М., 1936.

Карский 1903 — *Карский Е. Ф.* Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности.

Карский 1917 — *Карский Е. Ф.* Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917. [Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России. 2]

Карский 1924 — *Карский Е. Ф.* Русская диалектология. Л., 1924.

Карский 1955 — *Карский Е. Ф.* Белорусы: Язык белорусского народа. М., 1955. Вып. 1: Исторический очерк звуков белорусского языка.

Касаткин 1965а — *Касаткин Л. Л.* К истории задненебных фонем в русском языке // ВЯ. 1965. № 2.

Касаткин 1965б — *Касаткин Л. Л.* Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1965. Вып. 6.

Касаткин 1966а — *Касаткин Л. Л.* Об условиях фонетических ассимилятивных изменений // Исследования по фонологии. М., 1966.

Касаткин 1966б — *Касаткин Л. Л.* О фонологическом содержании звука [j] в некоторых русских говорах // Исследования по фонологии. М., 1966.

Касаткин 1968 — *Касаткин Л. Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968.

Касаткин 1971 — *Касаткин Л. Л.* Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского литературного языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.

Касаткин 1973 — *Касаткин Л. Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости—мягкости // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Касаткин 1981 — *Касаткин Л. Л.* Об одном фонетическом гиперизме в смоленских и калининских говорах ([с'т'] на месте [с'с']): К методике реконструкции диалектов прошлых эпох // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Касаткин 1983 — *Касаткин Л. Л.* Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твердого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Касаткин 1984а — *Касаткин Л. Л.* Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. М., 1984.

Касаткин 1984б — *Касаткин Л. Л.* Фонетическая гиперкоррекция в русских диалектах // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984.

Касаткин 1985а — *Касаткин Л. Л.* К истории сочетания *чьн* и шепелявенья в русском языке (⟨с'н'⟩ на месте *чьн* и смежные фонетические явления в одном архангельском говоре) // Диалектография русского языка. М., 1985.

Касаткин 1985б — *Касаткин Л. Л.* Об условиях и времени изменения *ѣ* > *и* и *ѧ* > *е* в русских говорах // Russian Linguistics. 1985. Vol. 9. N. 2—3.

Касаткин 1985в — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1985.

Касаткин 1987а — *Касаткин Л. Л.* Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Касаткин 1987б — *Касаткин Л. Л.* Из фонологии русских говоров // Исследования по русской фонологии: Межвузовский сб. науч. трудов / Под ред. В. Г. Руделева. Тамбов, 1987.

Касаткин 1988 — *Касаткин Л. Л.* Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1988.

Касаткин 1989а — *Касаткин Л. Л.* Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного. М., 1989.

Касаткин 1989б — *Касаткин Л. Л.* Одна из тенденций развития фонетики русского языка // ВЯ. 1989. № 6.

Касаткин 1990а — *Касаткин Л. Л.* Латентный период в истории фонемы // Metody formalne w opisie języków słowiańskich: [К 60-летию Ю. Д. Апресяна] / Red. Z. Saloni. Białystok, 1990.

Касаткин 1990б — *Касаткин Л. Л.* К истории твердости-мягкости заднеязычных согласных в русских говорах // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990.

Касаткин 1991 — *Касаткин Л. Л.* Утрата ⟨ѣ⟩ в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Современные русские говоры. М., 1991.

Касаткин 1993а — *Касаткин Л. Л.* К истории ⟨л⟩ в русском языке. 1 // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988—1990. М., 1993.

Касаткин 1993б — *Касаткин Л. Л.* Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.

Касаткин 1993в — *Касаткин Л. Л.* Русские диалекты и языковая политика // Рус. речь. 1993. № 2.

Касаткин 1994 — *Касаткин Л. Л.* Русская диалектология: Программы высших педагогических учебных заведений: Для специальности «Русский язык и литература». М., 1994.

Касаткин 1995а — *Касаткин Л. Л.* Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности // ВЯ. 1995. № 6.

Касаткин 1995б — *Касаткин Л. Л.* О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Касаткин 1996а — *Касаткин Л. Л.* Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

Касаткин 1996б — *Касаткин Л. Л.* К истории ⟨л⟩ в русском языке. 2 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991—1993. М., 1996.

Касаткин 1996в — *Касаткин Л. Л.* Фонетика // Современный русский литературный язык: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Филология» / Под ред. П. А. Леканта. 3-е изд. М., 1996.

Касаткин 1997 — *Касаткин Л. Л.* Некоторые особенности консонантизма говоров Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Яна Ивара Бьёрнфлатена. Oslo, 1997.

Касаткин 1998а — *Касаткин Л. Л.* Различия в проявлении одной южнорусской диалектной черты в устной и письменной речи // Russian Linguistics. 1998. Vol. 22. № 1.

Касаткин 1998б — *Касаткин Л. Л.* Некоторые фонетические особенности современных русских говоров, описанных в начале XX века О. Броком // A Centenary of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers. Oslo 12—14 September 1996 / Ed. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. Oslo, 1998.

Касаткин и др. 1994 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Мошкина Е. Н., Саппок К.* К изучению вятских говоров // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 18—20 окт. 1994 г. Киров, 1994.

Касаткин и др. 1995 — *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Леканта П. А.* Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд. М., 1995.

Касаткин, Касаткина 1987 — *Kasatkin L. L., Kasatkina R. F.* The correlation of the tense-lax consonants in some Russian dialects and in other Slavic languages // Proceedings of the XI-th International Congress of Phonetic Sciences. August 1—7, 1987. Tallinn, Estonia, USSR. Tallinn, 1987. V. 5.

Касаткин, Касаткина 1988 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Изучение диалектов русского языка — неотложная задача // Вестн. АН СССР. 1988. № 8.

Касаткин, Касаткина 1992 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Противопоставление согласных по напряженности — ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992 (в части тиража — 1993).

Касаткин, Пауфошима 1981 — *Kasatkin L. L., Paufoshima R. F.* The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects // Symposium: Processing of dialectological data (Tallinn, November 23—25, 1981). Summaries. Tallinn, 1981.

Касаткин, Пауфошима 1984а — *Касаткин Л. Л., Пауфошима Р. Ф.* Акустическая характеристика противопоставления сонантов шумным согласным // Фонология и просодия слова: Сб. науч. трудов. М., 1984 [Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы].

Касаткин, Пауфошима 1984б — *Касаткин Л. Л., Пауфошима Р. Ф.* К лингвогеографическому описанию Архангельской области. Напряженность-ненапряженность согласных в говорах Пинеги и Мезени // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка... (Ужгород, 18—20 сент. 1984 г.). Тез. докл. и сообщ. М., 1984. Т. 1.

Касаткин, Пауфошима 1985 — *Kasatkin L. L., Paufošima R. F.* Possible Finno-Ugric influence on some phonetic traits of the North Russian dialects // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24—30 VII 1985. Тезисы. Сыктывкар, 1985. Т. 1: Языкознание.

Касаткина 1989 — *Касаткина Р. Ф.* О позиционном варьировании аллофонов фонем во фразе. Место глухого [j] в фонетической системе русского языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Бохум; Л., 1989. № 2.

Касаткина 1995 — *Касаткина Р. Ф.* О южнорусском диссимилятивном аканье // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.

Касаткина 1998 — *Касаткина Р. Ф.* Словообразование и орфоэпия: произношение сочетания *-нщ-* на стыке корня и суффикса *-щина* // Лики языка: Сб. в честь 70-летия Е. А. Земской. М., 1998.

Касаткина, Касаткин 1998 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Неразличение свистящих и шипящих согласных в языке русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон // Slavistica Vilnensis. 1997. История. Культура. Язык. Vilnius, 1998.

Касаткина, Щигель 1995 — *Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В.* Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Касевич 1979 — *Касевич В. Б.* Интерференция фонологии, морфонологии, орфографии в речевой деятельности // Звуковой строй языка. М., 1979.

Кипарский 1972 — *Кипарский В.* Об отвердении согласных внутри слова // Русское и славянское языкознание: К 70-летию Р. И. Аванесова. М., 1972.

Кириллова 1963 — *Кириллова Т. В.* Некоторые фонетические особенности говоров Калининского р-на Калининской обл. // Учен. зап. Калинин. гос. пед-ин-та. Сер. филолог. Калинин, 1963. Т. 30.

Климов 1967 — *Климов Г. А.* Фонема и морфема. М., 1967.

Князев 1991 — *Князев С. В.* О связи особенностей артикуляционной базы говора с характером противопоставления глухих и звонких, твёрдых и мягких согласных // Современные русские говоры. М., 1991.

Князев, Шатайкина 1993 — *Князев С. В., Шатайкина М. С.* О «сильном» примыкании // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.

Князевская 1957 — *Князевская О. А.* К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8.

Коготкова 1952 — *Коготкова Т. С.* Утрата интервокального j и стяжение гласных в русских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Кодзасов 1982 — *Кодзасов С. В.* Об универсальном наборе фонетических признаков // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.

Колесов 1963 — *Колесов В. В.* Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости — звонкости // Вестн. ЛГУ. 1963. № 2. Сер. истории, яз., лит. Вып. 1.

Колесов 1970 — *Колесов В. В.* Функциональная система вокализма в традиционных северновеликорусских говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Материалы к межвуз. конф: Краткое содерж. докл. Череповец, 1970.

Колесов 1971 — *Колесов В. В.* Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков // ВЯ. 1971. № 4.

Колесов 1973 — *Колесов В. В.* К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре // Псковские говоры. III. Псков, 1973.

Колесов 1975 — *Колесов В. В.* Расшифровка фонетической системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2.

Колесов 1979 — *Колесов В. В.* Отражение корреляции согласных по мягкости-твердости в старых записях былин // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979.

Колесов 1980 — *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Колесов 1982 — *Колесов В. В.* К фонологической интерпретации средневековых письменных текстов // История русского языка: Среднерусский период: Межвуз. сб. Л., 1982.

Колосов 1877 — *Колосов М. А.* Заметки о языке народной поэзии в области северновеликорусского наречия // Сб. ОРЯС. 1877. Т. 17. № 3.

Комшилова 1959 — *Комшилова Е. А.* Фонографические записи диалектной речи // Материалы и исследования по русской диалектологии. Каф. рус. яз. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1959. Вып. 9

Кондратович 1883 — *Кондратович Ф.* Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам). Киев, 1883.

Конечна и Завадовский 1956 — *Koneczna H., Zawadowski W.* Obrazy rentgenograficzne głosek rosyjskich. Warszawa, 1956.

Копорский 1945 — *Копорский С. А.* Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калинин. гос. пед. ин-та. Т. 10. Вып. 3. 1945.

Копорский 1949 — *Копорский С. А.* Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 3. М.; Л., 1949.

Короленко 1900 — *Короленно П. П.* Некрасовские казаки // Изв. Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2.

Королькова 1953а — *Королькова А. В.* Фонетико-морфологические особенности говоров Жуковского района Брянской области. Дис.... канд. филол. наук. Л., 1953.

Королькова 1953б — *Королькова А. В.* Фонетико-морфологические особенности говоров Жуковского района Брянской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Костинский 1988 — *Костинский Ю. М.* Надо ли прощаться с языковой «Матерой»? // Человек и земля. М., 1988.

Котков 1952а — *Котков С. И.* К изучению орловских говоров // Учен. зап. Орлов. пед. ин-та. Т. 7. Каф. рус. яз. Вып. 3. 1952.

Котков 1952б — *Котков С. И.* Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. № 2. 1952.

Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.

Кошутич 1919 — *Кошутић Рад.* Граматика руског језика. 1. Гласови. 2-о изд. Пг., 1919.

Крайчович 1973 — *Krajčovič R.* К teorii potikladu fortis—lenis v praslovančine a slovanských jazykoch // Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavlstů ve Varšavě: Lingvistika. Praha, 1973.

Красовицкий 1993 — *Красовицкий А. М.* Фонема ⟨в⟩ в начале слова перед согласным в ряде вологодских говоров // Слово, его значение и употребление в истории русского языка. М., 1993.

Красовицкий 1995 — *Красовицкий А. М.* Тембровые отношения боковых сонантов в одном севернорусском говоре // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Красовицкий 1996 — *Красовицкий А. М.* Система согласных одного вологодского говора. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Краткая записка 1918 — Краткая объяснительная записка к примерному плану занятий по родному языку в единой трудовой школе-коммуне, выработанная секцией родного языка Отдела реформы школы Наркомпроса (1918 г.). Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания. М., 1982.

Крысько 1993 — *Крысько В. Б.* Общеславянские и древненовгородские формы nom. sg. masc. **о*-склонения // Russian Linguistics. 1993. 17.

Крысько 1994 — *Крысько В. Б.* Историческая грамматика древнерусского языка: проблемы и перспективы // Русистика сегодня. 1994. № 1.

Крючков 1952 — *Крючков С. Е.* О спорных вопросах современной русской орфографии. М., 1952.

Кузнецов 1941 — *Кузнецов П. С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Учен. зап. Москов. гор. пед. ин-та: Каф. русск. яз. 1941. Т. 5. Вып. 1. Цит. по: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Кузнецов 1949 — *Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Кузнецов 1952 — *Кузнецов П. С.* О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 11. 1952. Вып. 1.

Кузнецов 1956 — *Кузнецов П. С.* К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке // Slavia. XXV. 1956, 2.

Кузнецов 1959 — *Кузнецов П. С.* Об основных положениях фонологии // ВЯ. 1959. № 2. Цит. по: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Кузнецов 1960 — *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. 3-е изд. М., 1960.

Кузнецов 1965 — *Кузнецов П. С.* К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965 [МГУ. Филол. ф-т. Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 1].

Кузнецов 1966 — *Кузнецов П. С.* Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничение различных типов их // Исследования по фонологии. М., 1966.

Кузнецова 1965 — *Кузнецова А. М.* Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

Кузнецова 1969 — *Кузнецова А. М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости—мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.

Кузнецова 1971 — *Кузнецова А. М.* О дзеканье в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Кузнецова 1973 — *Кузнецова А. М.* О способах реализации аффрикат и соотносительных согласных в одном севернорусском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Кузнецова 1975 — *Кузнецова А. М.* О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Кузнецова 1977а — *Кузнецова А. М.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Кузнецова 1977б — *Кузнецова А. М.* Типология палатального ряда в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Кузьмина 1966 — *Кузьмина С. М.* О фонетике заударных флексий // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

Кузьмина 1981 — *Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

Кузьмина 1993 — *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Кузьмина, Немченко 1962 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. Т. III. М., 1962.

Кузьмина, Панов 1980 — *Кузьмина С. М., Панов М. В.* О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии // Проблемы теории и истории русского языка / Под ред. К. В. Горшковой. М., 1980.

Кульбакин 1913 — *Кулъбакин С. М.* Древне-церковно-словянский язык. 2-е изд. Харьков, 1913.

Курило 1924 — *Курило О.* Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки с. Хоробричів давніше Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернігівщині. Київ, 1924.

Курс беларускай мовы 1961 — Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1961.

Курс української мови 1951 — Курс сучасної української літературної мови / За ред. Л. А. Булаховського. Київ, 1951. Т. 1.

Ладефогед, Меддисон 1986 — *Ladefoged P., Maddieson I.* Some of the sounds of the world's languages. UCLA Working Papers in Phonetics, 64. Los Angeles, 1986.

Ладефогед, Меддисон 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of the world's languages. Oxford, 1996.

Лант 1956 — *Lunt H. G.* On the origins of phonemic palatalization in Slavic // For Roman Jakobson. The Hague: Mouton, 1956.

Левочкин 1914 — *Левочкин П. А.* Материалы по русской диалектологии. Образцы черкасского говора // Варшавские университетские известия. Варшава, 1914. Кн. 7.

Либерман 1995 — *Либерман А. С.* Сильные, слабые, геминированные согласные в германских языках // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Липовская 1975 — *Липовская Н. А.* Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Лисенкова 1964 — *Лисенкова Д. Т.* Консонантизм в говоре села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964.

Лопатин 1977 — *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

Луппова 1967 — *Луппова Е. П.* К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Лупулеску 1889 — *Лупулеску.* Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина. Киев, 1889, январь-март. Т. 24.

Львов 1963 — *Львов А. С.* Две русские этимологии: *багрец*, *сапог* // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. IV.

Любимова 1964 — *Любимова Н. А.* О групповых и индивидуальных признаках сонантов в зависимости от их фонетического положения // Вопросы фонетики. Учен. зап. ЛГУ. № 325. Вып. 69. Л., 1964.

Любимова 1965 — *Любимова Н. А.* Спектральные характеристики русских сонантов // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1965. № 2. Вып. 1.

Любимова 1975 — *Любимова Н. А.* Зависимость качества сонантов от фонетического положения в слове // Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975.

Любимова 1977 — *Любимова Н. А.* Обучение русскому произношению. Артикуляция. Постановка и коррекция русских звуков. М., 1977.

Магин 1960 — *Магин В. А.* Очерк черкасского говора. Таганрог, 1960.

Майнхольд, Шток 1982 — *Meinhold G., Stock E.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. 2 Aufl. Leipzig, 1982.

Макарова 1973 — *Макарова Л. Н.* К истории аффрикат в русском языке: (По материалам кировских говоров) // ВЯ. 1973. № 1.

Мансикка 1912 — *Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2.

Марков 1901 — *Марков А.* Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Марков 1964 — *Марков В. М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

Мартине 1936 — *Martinet A.* Neutralization et archiphoneme // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1936. 6.

Мартине 1960 — *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях: (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с фр. М., 1960.

Марузо 1960 — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / Пер. с фр. М., 1960.

Марчук (Бовтрук) 1964 — *Марчук* (*Бовтрук*) *Н. Й.* Форми 1-ої особи однини дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

Матвеева 1928 — *Матвеева Е. В.* К вопросу о мягких согласных в вятских говорах XVIII века // Труды Вятского пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вятка. 1928. Т. 3. Вып. 2.

Материалы 1910 — Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 9 // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. № 5.

Матусевич 1959 — *Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. 3-е изд. М., 1959.

Матусевич 1976 — *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Машбиц-Веров 1929 — *Машбиц-Веров И.* Русская литература в 1928 году // Рус. яз. в сов. школе. 1929. № 1.

Мельников 1959 — *Мельников Е. И.* О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года // Славянское языкознание. М., 1959.

Мельниченко 1974 — *Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. Ярославль, 1974.

Методические указания 1967 — Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1967,

Мильчик 1971 — *Мильчик М. И.* По берегам Пинеги и Онеги. Л., 1971.

Минорский 1902 — *Минорский В. Ф.* У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. М., 1902. № 2.

Мирская 1974а — *Мирская В. А.* Типы комбинаторной репрезентации фонемы /л'/ в русских говорах Севера: (По материалам «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы») // Вопросы словообразования и грамматики русского и иностранного языков. Саранск, 1974.

Мирская 1974б — *Мирская В. А.* Фонологическая значимость диалектных изменений в комбинаторике фонемы /л'/: (По материалам «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы») // Вопросы словообразования и грамматики русского и иностранного языков. Саранск, 1974.

Мирская 1976 — *Мирская В. А.* Фонема /л'/ в преконсонантной позиции в русских говорах: (опыт системной интерпретации комбинаторных вариантов фонемы). Автореф. ... канд. филол. наук. Горький, 1976.

Миртов 1926 — *Миртов А. В.* Казачьи говоры. 2-е изд. [Ростов-на-Дону], 1926.

Миртов 1928 — *Миртов А. В.* К истории консонантизма донских диалектов. Ростов-на-Дону, 1928 [Изв. Сев.-Кав. гос. ун-та. Т. 1(13)].

Миртов 1929 — *Миртов А. В.* Три изоглоссы донских говоров // Краеведение на Северном Кавказе. 4-й год издания. № 1—2. Ростов н/Д., 1929.

Мирчев 1958 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.

Мораховская 1957 — *Мораховская О. Н.* Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Т. 7.

Мораховская 1983 — *Мораховская О. Н.* Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Моррис 1991 — *Morris R. A.* Old Russian ways: cultural variations among three russian grups in Oregon. New York, 1991.

Назарова 1968 — *Назарова Т. В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров // Полесье: (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968.

Назарова 1975 — *Назарова Т. В.* Из наблюдений над междиалектными контактами: (к понятию сопротивления системы) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Пад рад. Р. І. Аванесава. Мінск, 1964.

Некрасов 1956 — *Некрасов Н. А.* Стихотворения. Библиотека поэта, малая серия. Л., 1956. Т. 2.

Немченко и др. 1963 — *Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963 [Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. Петра Стучки. Филол. науки. Т. 51. Вып. 8А].

Нерехотский 1821 — *Нерехотский Н.* Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским // Труды об-ва любителей российской словесности. М., 1821. Ч. 20.

Нерознак 1989 — Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы / Под ред. В. П. Нерознака. М., 1989.

Нечаев 1914 — *Нечаев А. Д.* Материалы по русской диалектологии // Варшавские университетские известия. Варшава, 1914. Кн. 9.

Николаев 1988 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Николаев 1989 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.

Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3.

Никольский 1903 — *Никольский А.* Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии. Варшава, 1903.

Никонов 1974 — *Никонов В. А.* Проблемы ономастических ареалов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

Номикосов 1884 — *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884.

Обзор 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.) / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1965.

Область войска Донского 1879 — Область войска Донского по переписи 1873 года. Новочеркасск, 1879. [Вып. 4]. Кн. 5.

Обнорский 1912 — *Обнорский С. П.* О языке Ефремовской Кормчей XII века // Исследования по русскому языку. СПб., 1912. Т. 3. Вып. 1.

Обнорский 1927 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Единственное число. Л., 1927. Вып. 1. [Сб. ОРЯС. Т. 100. № 3.]

Обнорский 1941 — *Обнорский С. П.* Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1941. Кн. 3.

Обнорский 1953 — *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Обнорский 1960 — *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

Образование с-р наречия 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

Обратный словарь 1974 — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

ОЛА 1990 — Общеславянский лингвистический атлас: Серия фонетико-грамматическая. М., 1990. Вып. 2а: Рефлексы *ę. Карта 16 *m/ę/kъkъ(-jь).

Орлова 1948 — *Орлова В. Г.* Говоры северо-восточной части Рязанской области // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1948. Вып. 3.

Орлова 1950 — *Орлова В. Г.* Губные спиранты в русском языке // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л. 1950. Т. 2.

Орлова 1958 — *Орлова В. Г.* Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов // Славянская филология: IV Международный съезд славистов. М., 1958.

Орлова 1959 — *Орлова В. Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Орлова 1961 — *Орлова В. Г.* Развитие русской диалектологии в советский период (1918—1959) // История русской диалектологии. М., 1961.

ОС — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Очерк истории старообрядцев 1875 — Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1.

Очерки истории СССР 1955а — Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV — начало XVII в. М., 1955.

Очерки истории СССР 1955б — Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в. М., 1955.

Панов 1959 — *Панов М. В.* О грамматической форме // Грамматика современного русского языка. М., 1959 [Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 73. Кафедра рус. языка. Вып. 6].

Панов 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика М., 1967.

Панов 1971 — *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971.

Панов 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов 1989 — *Панов М. В.* Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. М., 1989.

Панов 1990 — *Панов М. В.* История русского литературного произношения: XVIII—XX вв. М., 1990.

Парикова 1961 — *Парикова Н. Б.* Умеренное яканье в тульских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1961. Вып. 2.

Паулини 1963 — *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.

Пауфошима 1961 — *Пауфошима Р. Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1961. Вып. 2.

Пауфошима 1969 — *Пауфошима Р. Ф.* Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости—звонкости согласных в говорах русского языка // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.

Пауфошима 1973 — *Пауфошима Р. Ф.* О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых окающих русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Пауфошима 1975 — *Пауфошима Р. Ф.* О темпе речи в некоторых русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Пауфошима 1977а — *Пауфошима Р. Ф.* О реализации сочетаний смычных согласных в севернорусском говоре // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Пауфошима 1977б — *Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Пауфошима 1978 — *Пауфошима Р. Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.

Пауфошима 1980 — *Пауфошима Р. Ф.* Активные процессы в современном русском литературном языке: (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1.

Пауфошима 1981 — *Пауфошима Р. Ф.* О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Пауфошима 1983а — *Пауфошима Р. Ф.* Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Пауфошима 1983б — *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983,

Пауфошима 1987 — *Пауфошима Р. Ф.* О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Пауфошима, Агаронов 1971 — *Пауфошима Р. Ф., Агаронов Д. А.* Об условиях ассимилятивного озвончения согласных на стыке фонетических слов в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы. М., 1971.

Пеньковский 1959 — *Пеньковский А. Б.* Об одном ассимилятивном изменении шипящих в говорах Западной Брянщины // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1959. Т. 202.

Пеньковский 1963 — *Пеньковский А. Б.* Переходные говоры Западной Брянщины как источник исторической диалектологии // Тез. докл. на IX Диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г. М., 1963.

Пеньковский 1965 — *Пеньковский А. Б.* Об изучении процессов развития в живой диалектной речи // Тез. докл. на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1965.

Пеньковский 1966 — *Пеньковский А. Б.* Фонетика говоров Западной Брянщины. Дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 1966. Ч. 1—2.

Пеньковский 1967 — *Пеньковский А. Б.* О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г] фрикативным [ɣ] в южнорусском окружении) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Петрусь 1957 — *Петрусь В. П.* Славянские фонемы l (средн.) и l (твердый) // Учен. зап. Киров. пед. ин-та. 1957. Вып. 11.

Пирогова 1959 — *Пирогова Л. И.* Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области // Материалы и исследования по русской диалектологии / Каф. рус. яз. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1959. Вып. 9

Пирогова 1973 — *Пирогова Н. К.* Вокализм современного русского литературного языка (синтагматика и парадигматика). М., 1973.

Подлужный, Чекман 1973 — *Падлужны А. І., Чэкман В. М.* Гукі беларускай мовы. Мінск, 1973.

Пожарицкая 1959 — *Пожарицкая С. К.* К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах: (положение перед сочетанием твердого согласного с мягким) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1959. Т. 1.

Покровский 1898 — *Покровский Ф. И.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии // Живая старина, год 7-й, вып. 3—4. СПб., 1898.

Покровский 1899 — *Покровский Ф. И.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии // Живая старина. СПб., 1899. Год 9-й. Вып. 3.

Полковникова 1987 — *Полковникова С. А.* О терминологическом уточнении основной разновидности фонемы // Исследования по русской фонологии: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В. Г. Руделева. Тамбов, 1987.

Попов 1966 — *Попов И. А.* Сложные наречия в говорах русского языка // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966.

Попов 1986 — *Попов М. И.* Анюта: Комическая опера в одном действии // Русская драматургия XVIII века. М., 1986.

Преображенская 1965 — *Преображенская М. Н.* Чередование *а* || *е* как фонетическое явление в вологодских говорах // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1965. Т. 24. Вып. 4.

Преображенская 1973а — *Преображенская М. Н.* Чередование *а* || *е* в одном вологодском говоре // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1973. Т. 32. Вып. 1.

Преображенская 1973б — *Преображенская М. Н.* Чередование *а* || *е* в русских говорах: (Механизм и системные отношения). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Преображенская 1980 — *Преображенская М. Н.* Русское диалектное явление в восточнославянском аспекте: Произношение не-'*а* в соответствии **ę* (*ja*, '*a*) // Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. М., 1980.

Проблемы анализа речи 1980 — Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи / Под ред. Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко. Л., 1980.

Программа ДАРЯ — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

Прокопова 1958 — *Прокопова Л. І.* Приголосні фонеми сучасної української літературної мови. Експериментально-фонетичне дослідження. Київ, 1958.

Прокопова 1960 — *Прокопова Л. І.* До артикуляційної характеристики так званого полтавського [l] // Середньонаддніпрянські говори. Київ, 1960.

Просодический строй 1996 — Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996.

Пурто 1954 — *Пурто В. А.* Ассимиляция в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Раевский 1997 — *Раевский М. В.* Фонетика немецкого языка. М., 1997.

Расторгуев 1927 — *Расторгуев П. А.* К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1927. Вып. 9.

Расторгуев 1960 — *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

Реформатский 1955 — *Реформатский А. А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1955. № 8.

Реформатский 1957 — *Реформатский А. А.* Фонологические заметки // ВЯ. 1957. № 2. Цит. по: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Реформатский 1958 — *Реформатский А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких» согласных (в современном русском литературном языке) // Cercetări de Lingvistică, M élanges Linguistiques offerts à Emil Petrovici... 1958, Anul III. Supliment. Bucarest. Цит. по: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Реформатский 1967 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.

Реформатский 1970 — *Реформатский А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких» согласных (в современном русском литературном языке) // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Реформатский 1975 — *Реформатский А. А.* Фонологические этюды. М., 1975.

Реформатский 1979 — *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.

Реформатский 1987 — *Реформатский А. А.* О типах позиции // *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. [5-е уточн. изд.] / Под ред. В. А. Виноградова. М., 1996.

Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Русская диалектология 1972 — Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.

Русская диалектология 1973 — Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973.

Русская диалектология 1989 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.

Русская разговорная речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.

Русские говоры 1991 — Русские народные говоры: Звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.;Бохум, 1991. Ч. 1.

Савельев 1908 — *Савельев Е. П.* Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908.

Самуйлова 1963 — *Самуйлова Н. И.* Развитие соотносительной категории глухости — звонкости согласных в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Саппок и др. 1993 — *Саппок К., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Новые наблюдения над говором д. Лека (По следам А. А. Шахматова и С. С. Высотского) // Die Welt der Slaven. 1993. Jg. 38. 1 (N. F. 17, 1).

Сборник, посвященный Фортунатову 1902 — Сборник, посвященный ... Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902.

Селищев 1921 — *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. Цит. по: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.

Селищев 1927 — *Селищев А. М.* Рец. на кн.: *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М., 1924 // Изв. ОРЯС. 1927. Т. 32.

Селищев 1931 — *Селищев А. М.* Соканье и шоканье в славянских языках // Slavia. 1931. X. Roč. 4. Цит. по: *Селищев А. М.* Избранные работы. М., 1968.

Селищев 1941 — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1: Западнославянские языки.

Селищев 1968 — *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.

Серебренников 1974 — *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Сидоров 1927 — *Сидоров В. Н.* Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губернии // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1927. Вып. 9.

Сидоров 1966 — *Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.

Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Сидоров 1971 — *Сидоров В. Н.* О Московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы. М., 1971.

Скалозуб 1963 — *Скалозуб Л. Г.* Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.

Слетова 1929 — *Слетова А.* Культура речи учащихся как общая задача школы // Русский язык в советской школе. 1929. № 3.

Смирнов 1904 — *Смирнов И. Т.* Кашинский говор. СПб., 1904.

Соболевский 1884 — *Соболевский А. И.* Очерки по истории русского языка. Киев, 1884.

Соболевский 1897 — *Соболевский А. И.* Опыт русской диалектологии. СПб., 1897. Вып. 1: Наречия великорусское и белорусское.

Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Соколов 1917 — *Соколов Н. Н.* Акающие говоры Костромской губернии // РФВ. Пг., 1917. Т. 78. № 3—4.

Соловьев 1900 — *Соловьев В. Ф.* Особенности говора донских казаков. СПб, 1900 [Отд. отт. из Сб. ОРЯС. Т. 68].

Соловьев 1989 — *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1989. Кн. 3, 4.

Сологуб 1977 — *Сологуб А. И.* О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Солонино 1929 — *Солонино М. А.* Об изучении языка революционной эпохи // Рус. яз. в сов. шк.. 1929. № 4.

Срезневский 1851 — *Срезневский И. И.* Замечания о материалах для географии русского языка // Вестн. имп. Рус. географ. общ-ва 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 5.

Срезневский 1899 — *Срезневский И. И.* Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. СПб., 1899.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—31— (А—П—). М.; Л., СПб., 1965—1997—.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора: (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

ССРЯ — *Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В.* Словарь сокращений русского языка / Под ред. Д. И. Алексеева. 3-е изд. М., 1983.

Сталькова 1973 — *Сталькова И. Л.* Предударный гласный *ы* (этимологический) в системе диссимилятивного аканья // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Стеблин-Каменский 1961 — *Стеблин-Каменский М. И.* Одна проблема исторической фонологии исландского языка // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1961. № 308. Вып. 62. Скандинавская филология. Scandinavica. 1.

Стеблин-Каменский 1963 — *Стеблин-Каменский М. И.* Об одной норвежско-шведской фонологической тенденции (альвеолярные и какуминальные в норвежском и шведском) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1963. № 321. Вып. 67. Скандинавская филология. Scandinavica. 2.

Стойков 1962 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1962.

Стоюнин 1860 — *Стоюнин В. Я.* Беседы И. И. Срезневского о русском языке // Северная пчела. 1860. № 69. Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания. М., 1982.

Страхов 1985 — *Страхов А. Б.* Восточнославянское *обыденный* (семантика и происхождение слова и понятия) // Russian Lingvistics. 1985. V. 9. № 2—3.

Строганова 1955 — *Строганова Т. Г.* Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. 1955. № 7.

Строганова 1957 — *Строганова Т. Г.* К изучению говоров междуречья Оки — Клязьмы // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7.

Строганова 1975 — *Строганова Т. Ю.* О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Строганова 1977 — *Строганова Т. Ю.* О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Сумароков 1787 — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. X.

Сучасна українська мова 1969 — Сучасна українська літературна мова: Вступ. Фонетика / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1969.

Текучев 1974 — *Текучев А. В.* Преподавание русского языка в диалектных условиях. М., 1974.

Теплова 1967 — *Теплова В. Н.* Звуки [л], [l], [ў] на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Теплова 1977 — *Теплова В. Н.* Диспалатализация ⟨л'⟩ в положении перед согласными [н] и [ш] в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь. В 2 т. М., 1985.

Томсон 1910 — *Томсон А. И.* Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910.

Томсон 1911 — *Томсон А. И.* О русском ł и его переходе в у̯ // Изв. ОРЯС. СПб., 1911. Т. 6. Кн. 3.

Треблер 1980 — *Треблер С. М.* История системы гласных среднего подъема в ее отношении к другим частным системам вокализма и консонантизма в русских диалектах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Трнка 1936 — *Trnka B.* O analogii v strukturálním jazykozpytu // Slovo a slovesnost. 1936. Roč. 2. Č. 4.

Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии / Пер. с нем. М., 1960.

Труды МДК — Свод материалов, собранных Комиссией по диалектологии русского языка. Сер. 2 (Ответы на программу Комиссии). Ответы № 81, 82 // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1930. Вып. 11.

Тумилевич 1961 — *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1961.

Турбин 1965 — *Турбин Г. А.* Типы и употребление аффрикат в старожильческих говорах Южного и Среднего Урала // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Челябинск, 1965. Вып. 1.

Туровский словарь 1984 — Тураўскі слоўнік. Мінск, 1984. Т. 3.

Удовкина 1963 — *Удовкина К. К.* Говор казаков-некрасовцев // Ростов. гос. ун-т. Науч. сообщ. за 1962 г. (сер. гуманитарных наук). Ростов н/Д., 1963.

Успенский 1968 — *Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.

Успенский 1975 — *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке: Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.

Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.

Ушинский 1954 — *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. 2.

Фасмер 1964—1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Филин 1936 — *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров: По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л., 1936.

Филин 1949 — *Филин Ф. П.* Говор д. Селино Дубенского района Тульской области: (Фонетический очерк) // Материалы и исследования но русской диалектологии. М.; Л, 1949. Т. 1.

Филин 1962 — *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.

Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Флайер 1983 — *Flier M.* The alternation *l*~*v* in East Slavic // American contributions to the IX International congress of slavists. Kiev, September 1983. Columbus; Ohio, 1983. Vol. 1: Linguistics.

Фонетика 1968 — Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968 [Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова].

Хабургаев 1979 — *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка: (пособие по исторической грамматике). М., 1980.

Халанский 1904 — *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.

Хейтер 1968а — *Хейтер Х.* Диспалатализация в русском говоре Ийзаку как следствие взаимодействия с эстонским языком // Сов. финно-угроведение. 1968. № 3.

Хейтер 1968б — *Хейтер Х.* О корреляции твердых и мягких согласных в русском говоре Ийзаку на территории Эстонской ССР // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1968. Вып. 219 а [Труды по русской и славянской филологии. XII].

Хейтер 1979 — *Хейтер Х.* О нейтрализации фонологической оппозиции по твердости-мягкости согласных в одном русском говоре контактной зоны // Псковские говоры. Сб. науч. трудов. Л., 1979.

Хмелевская 1970 — *Хмелевская Т. А.* Русские говоры Дона (фонетика). Учебное пособие для студентов филол. фак-тов. Ростов н/Д., 1970.

Чекман 1970 — *Чэкман В. М.* Гісторыя проціпастаўленняў па цвердасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

Чекман 1979 — *Чекман В. Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

Чекмонас 1987 — *Чекмонас В. Н.* Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // Russian Linguistics. 1987. II.

Чекмонас 1997 — *Чекмонас В. Н.* Особенности реализации согласных /ц/ и /ч/ в говорах Псковской области // Псковские говоры: История и диалектология русского языка / Под ред. Яна Ивара Бьёрнфлатена. Oslo, 1997.

Черных 1928 — *Черных П. Я.* Русские говоры Илимского края // Изв. Восточно-Сибирского отд. Рус. географ. об-ва. Иркутск, 1928. Т. 53.

Чернышев 1949 — *Чернышев В. И.* Говор города Осташкова // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л, 1949. Т. 2.

Чернышев 1970 — *Чернышев В. И.* Избранные труды. В 2-х т. М., 1970.

Черри и др. 1962 — *Черри Е., Халле М., Якобсон Р.* К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.

Шайтанова 1952 — *Шайтанова Г. В.* Говоры по верхнему течению р. Костромы. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Шайтанова 1962 — *Шайтанова Г. В.* Расширение территории акающих говоров в Костромской области // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. М., 1962. Т. 3.

Шанский, Иванов 1987 — Современный русский язык. В 3 ч. / *Шанский Н. М., Иванов В. В.*, 2-е изд. М., 1987. Ч. 1

Шанский и др. 1975 — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1975.

Шахматов 1885 — *Шахматов А. А.* Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1.

Шахматов 1893 — *Шахматов А. А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.

Шахматов 1896 — *Шахматов А. А.* Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров // РФВ. Варшава, 1896. Т. 36, № 3—4.

Шахматов 1898 — *Шахматов А. А.* Рец. на кн.: *Евгений Будде*. К истории великорусских говоров. Казань, 1886 // Сб. ОРЯС. СПб, 1898. Т. 66. № 2.

Шахматов 1903а — *Шахматов А. А.* Исследования о двинских грамотах // Исследования по русскому языку. СПб., 1903. Т. 2. Вып. 3.

Шахматов 1903б — *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903.

Шахматов 1904 — *Шахматов А. А.* К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904. Цит. по: Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания. М., 1982.

Шахматов 1909—1910 — *Шахматов А. А.* Курс истории русского языка: (Читан в С.-Петербургском ун-те в 1909—1910 уч. г.). 2-е изд. СПб., 1911—1912. Ч. 2. Литограф. изд.

Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.

Шахматов 1915а — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 [Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1].

Шахматов 1915б — *Шахматов А. А.* [Рецензия:] *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей колонизации. СПб., 1913 // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 3.

Шахматов 1916а — *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка. Пг. 1916. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий.

Шахматов 1916б — *Шахматов А. А.* Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг., 1916. Т. 2.

Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.

Щерба 1943 — *Щерба Л. В.* Разбор книги М. Е. Хватцева «Логопедия» («Недостатки речи у детей и их устранение». Изд. 2-е, перераб. М., 1939) // Учебно-воспитательная работа в специальных школах. М., 1943. № 1—2. Цит. по: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щерба 1957 — *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щерба 1983 — *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. [2-е изд.] Л., 1983.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М., 1963—1982. Вып. 1—8. А—К.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. М., 1974—1998—. Вып. 1—24—.

ЭСЮФ — Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. М., 1984.

Ягич 1889 — *Ягич И. В.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Язык русской деревни 1994 — Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас. Пособие для общеобразовательных учреждений. М., 1994.

Якобсон 1927 — *Якобсон Р. О.* Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью. Прага, 1927. Цит. по: *Jakobson R.* Selected Writings. I. Phonological Studies. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Якобсон 1929 — *Jakobson R.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe, comparée à celle des autres langues slaves. Praha, 1929 [Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2]. Перепечатано в кн.: *Jakobson R.* Selected Writings. I. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Якобсон 1937 — *Якобсон Р. О.* Спорный вопрос древнерусского правописания (*дъжгъ*, *дъжчь*) // Белићев Зборник. Београд 1937. Цит. по: *Jakobson R.* Selected Writings. I. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Якобсон 1948 — *Jakobson R.* Russian conjugation // Word. 1948. Vol. 4. № 3.

Якобсон 1962 — *Якобсон Р. О.* Избыточные буквы в русском письме (*й* и *ъ*; после шипящих *ё* и конечный *ь*) // *Jakobson R.* Selected Writings. I. Phonological Studies. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Якобсон 1971 — *Jakobson R.* Selected Writings. I. Phonological Studies. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Якобсон и др. 1962 — *Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М.* Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков / Пер. с англ. // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.

Якубинский 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

Янин, Зализняк 1986 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

Янин, Зализняк 1993 — *Янин В. А., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.) М., 1993.

Указатель имен

Аванесов Р. И.: 17—19, 23, 28, 45, 48—52, 56, 60. 64, 76, 80—81, 90—93, 97—99, 101, 103—104, 108—109, 111—112, 121, 126, 134, 143—144, 174, 176, 178—181, 184, 189, 193—195, 200, 204, 207, 211, 213, 215, 217—222, 241, 248, 263—264, 275, 280—281, 288, 290, 296, 314, 319, 361, 381—382, 394, 398, 401—402, 408, 437, 441, 457, 462, 464, 478, 482
Агаронов Д. А.: 212
Азарх Ю. С.: 153—155, 157, 167—168, 170, 207—209, 242, 426, 430
Андерсен Х.: 245, 259
Апресян Ю. Д.: 19
Артамовова Н. А.: 465
Ахманова О. С.: 115
Балахонова Л. И.: 32
Баранникова Л. И.: 37
Баранов В. А.: 187
Барановская С. А.: 45
Баринова Г. А.: 289, 297, 328
Бахтурина Р. В.: 425
Бедняков А. С.: 37
Безпалько О. П.: 94
Белая А. С.: 413, 447
Белич Я.: 245
Белов В.: 240
Белоусов В. Н.: 406
Бернштейн С. Б.: 181, 372
Биггинс М.: 330, 332, 344, 355
Бирило Н. В.: 288
Бобряков Н. А.: 82, 84—85

Богачев В. В.: 351—352
Богомазов Г. М.: 187
Богораз Л. И.: 56, 79
Богородицкий В. А.: 228
Бодуэн-де-Куртенэ И. А.: 45, 131, 168, 180, 214, 224
Болла К.: 178
Бондарко Л. В.: 166, 231, 247, 264, 382
Борковский В. И.: 23, 93, 169, 200, 360, 372, 464
Брок О.: 80, 145—146, 166, 181, 184, 245, 255, 296, 301, 321, 366—368, 370—372, 376, 408, 434—444, 445—448, 460
Бромлей С. В.: 45, 89, 123, 180—181, 190—191, 199, 201—204, 206—207, 426, 432
Бубрих Д. В.: 144, 154, 368, 376, 392
Будде Е. Ф.: 81—85, 200, 205, 295, 319—321, 392, 450
Букчина Б. З.: 221
Буланин Л. Л.: 52
Булатова Л. Н.: 32, 45, 123, 426, 457
Булаховский Л. А.: 115
Бурова Е. Г.: 20, 127, 145, 248—250, 254, 256, 265, 269, 286, 312—314, 359, 409—411, 433, 447, 449
Буслаев Ф. И.: 33
Бьёрнфлатен Я. И.: 250
Вандриес Ж.: 115
Васильев Л. В.: 455
Васильев Л. Л.: 254—255, 326, 394—395, 468—469
Васильева А. К.: 67, 120, 122, 125, 173—174, 430
Вахек И.: 245
Вежховска Б.: 183
Вендина Т. И.: 242
Вербицкая Л. А.: 212—213, 215
Вермеер В.: 468
Виноградов В. А.: 45, 52
Виноградов В. В.: 18, 166, 394—395, 399—400
Виноградов Н. Н.: 433
Винокур Г. О.: 45
Власова И. В.: 432—433
Войтович Н. Т.: 291, 413, 447
Волк-Левонтович И.: 291
Ворожейкина В. С.: 474
Врабие Э.: 355
Врачу А.: 361
Вургафт С. Г.: 355
Высотский С. С.: 30, 45, 58, 81—82, 92, 113, 133, 136, 164, 181, 184, 200, 205, 230, 240—241, 265, 321, 325, 366, 370, 376, 378—379, 388, 392, 395—396, 405
Габ С. П.: 352

Гала Б.: 245
Гвоздев А. Н.: 97—98, 392
Геровский Г. И.: 23
Гецова О. Г.: 20, 196—197, 241, 257, 315, 392, 465, 469
Гимсон А.: 245
Гловинская М. Я.: 45, 95, 124, 212
Глускина С. М.: 197, 323, 358
Голубева Н. Л.: 255
Гольдин В. Е.: 30
Горбачевич К. С.: 127, 312
Горшкова К. В.: 20, 23, 30, 45, 93, 103, 107, 175, 209, 243, 245, 404
Горький М.: 36
Граммон М.: 70, 72
Грандилевский А.: 327
Грехова Л. П.: 433, 409
Григорьев А. Д.: 327
Гринкова Н. П.: 37, 301
Грот Я. К.: 32, 211, 462
Даль В. И.: 32, 35, 214, 240, 295, 346, 350, 426
Данилов Г. К.: 38
Денисенко Ю. Ф.: 320
Добровольский В. Н.: 426
Добродомов И. Г.: 296
Думитреску М.: 355
Дурново Н. Н.: 26, 176, 291, 295, 301, 311, 372, 388, 391—392, 402, 433, 440—441, 448, 449—451, 454
Дюрэн Ж.: 184
Евгеньева А. П.: 287, 290
Ершов С. И.: 227
Еськова Н. А.: 80
Живов В. М.: 231
Жилко Ф. Т.: 179
Жирмунский В. М.: 245, 247, 251
Жуковская З. В.: 129
Жуковская Л. П.: 84, 464
Журавлев В. К.: 144, 195
Журавлева Е. Ф.: 351
Завадовский В.: 178, 188
Залесский А. Н.: 464, 472
Зализняк А. А.: 30, 107, 197, 263, 360, 402, 404—405, 464, 468
Зарецкий А. И.: 45
Захарова К. Ф.: 45, 92, 164, 176, 206, 285—286, 322, 355, 402, 406, 425—427, 430, 433, 441—442
Зеленин Д. К.: 75, 198, 207—208, 240, 300, 359, 357

Земская Е. А.: 109
Зиндер Л. Р.: 70, 91—92, 97—98, 184, 230, 238, 247, 275, 321, 374—375, 387
Златоустова Л. В.: 138, 187, 228, 231, 234
Зубкова Л. Г.: 228
Иванов А. М.: 35—36, 117, 124
Иванов Вал. В.: 45, 93, 120, 134, 186, 198, 248, 280, 311—312
Ильина Н. Е.: 45, 95, 109
Ильинская И. С.: 45
Калакуцкая Л. П.: 221
Каленчук М. Л.: 45, 58, 218
Калмыков М.: 349, 351
Калнынь Л. Э.: 40, 45, 75, 90, 93, 167, 182, 187, 211, 245, 256, 262—264
Кандаурова Т. Н.: 323, 358
Караваева А. А.: 34
Караулов Ю. Н.: 19
Каринский Н. М.: 36—37, 240, 295, 323, 358, 361
Карский Е. Ф.: 78, 176, 249, 254—255, 267, 290—291
Касаткин Л. Л.: 27, 32, 41—42, 45, 55, 57, 65, 67, 75, 78, 85—86, 88. 98—100, 114, 119, 130, 139, 170, 191, 195—196, 198—199, 201, 204, 208—210, 224, 245, 263—264, 274, 280—281, 297, 307, 310, 327, 361, 375—376, 378—379, 389, 395, 397, 408, 433, 447—448, 463, 477, 482, 485
Касаткина (Пауфошима) Р. Ф.: 20, 42, 45, 58, 94, 128, 154—155, 165, 167—168, 185, 187, 212, 221, 240—242, 244—245, 256—257, 264, 266, 277, 281, 328, 337, 361, 376, 378—379, 388—391, 395, 399, 413, 435, 439, 447, 455, 465, 474, 476
Касевич В. Б.: 95
Кипарский В.: 212
Кириллова Т. В.: 287, 290, 297
Климов Г. А.: 51
Князев С. В.: 247, 264, 465
Князевская О. А.: 211, 462
Колесов В. В.: 23, 133, 165, 175, 182, 198, 211, 241, 244—245, 250, 257, 324—327, 402, 404
Колосов М. А.: 176
Комшилова Е. А.: 37
Кондратович Ф.: 329
Конечна Г.: 178, 188
Коннова В. Ф.: 154, 265
Копорский С. А.: 250, 269, 287, 297, 320
Короленко П. П.: 329
Королькова А. В.: 300—301
Костинский Ю. М.: 42
Котков С. И.: 127, 207, 298—300, 302, 304—305, 308—309, 353
Кошутич Р.: 211—212, 462
Крайчович Р.: 245

Красовицкий А. М.: 20, 435, 445
Крысько В. Б.: 23—24, 468
Крючков С. Е.: 481
Кудрявцева И. А.: 452
Кузнецов П. С.: 23, 45, 49—53, 56, 70, 80, 90, 93, 101—103, 105, 108—109, 113, 169, 176, 178, 180, 182, 197, 200, 241—242, 263, 360, 372, 402, 472—473
Кузнецова А. М.: 119, 126, 133, 136—137, 184—186, 240—241, 250, 272—273, 287, 296, 319, 321, 324—325, 331—332, 353, 358, 361, 382
Кузьмина И. Б.: 355, 452, 470
Кузьмина С. М.: 45, 52, 58, 62, 65, 95, 216—217, 223—224, 453, 479—480
Кульбакин С. М.: 260
Курило О.: 413, 447
Ладефогед П.: 332
Левочкин П. А.: 349—350
Ленин В. И.: 38
Либерман А. С.: 243
Липовская Н. А.: 173, 430
Лисенкова Д. Т.: 320, 327
Лихтман Р. И.: 45
Лопатин В. В.: 107
Луппова Е. П.: 117—118
Лупулеску: 330, 356
Львов А. С.: 300—301
Любимова Н. А.: 187, 275—276, 280
Магин В. А.: 344, 349, 353, 358
Майнхольд Г.: 243
Макарова Л. Н.: 117—118
Мансикка В. П.: 465
Марков А. В.: 187, 326, 464, 468
Мартине А.: 56, 73, 309, 325
Марузо Ж.: 115
Марчук (Бовтрук) Н. Й.: 78
Масленникова Л. И.: 262—264
Матвеева Е. В.: 211
Матусевич М. И.: 97—98, 184, 238, 275—276, 296, 381—382, 394
Машбиц-Веров И.: 34
Меддисон И.: 332
Мельников Е. И.: 200
Мельниченко Г. Г.: 427
Миллер В. Ф.: 326
Мильчик М. И.: 241
Минорский В. Ф.: 329
Мирская В. А.: 176—177
Миртов А. В.: 334, 349, 351, 357

Мирчев К.: 468, 472
Мораховская О. Н.: 40, 287, 297, 392
Моррис Р.: 328
Мошкина Е. Н.: 378
Назарова Т. В.: 94, 129, 257, 310
Некрасов И.: 329, 349
Некрасов Н. А.: 205
Немченко В. Н.: 257
Немченко Е. В.: 470
Нерехотский Н.: 409
Нерознак В. П.: 36
Нефедова Е. А.: 465
Нечаев А. Д.: 355
Никитина С. Е.: 328
Николаев С. Л.: 30
Никольский А.: 392
Никонов В. А.: 432
Номикосов С. Ф.: 351—352
Обнорский С. П.: 127, 249, 311—314, 464, 467, 475—476
Оде С.: 376
Ожегов С. И.: 111—112
Орлова В. Г.: 18, 37, 85, 116—121, 164, 173, 176, 206, 257, 292, 298—299, 302—306, 315, 317—318, 323—324, 355, 359—360, 402, 406, 424—427, 430, 433, 457
Павлов Ю. И.: 395
Панов М. В.: 45, 49, 52, 55—57, 60—62, 65, 86, 95, 100—103, 105, 107—109, 113, 131, 137, 144, 168—169, 180, 184, 212—218, 220—222, 224, 234, 239, 248, 275, 280—281, 288, 312, 394—395, 437, 462, 478—479, 481
Панферов Ф. И.: 34
Парикова Н. Б.: 450, 454, 458
Паулини Е.: 196
Пауфошима Р. Ф.: см. **Касаткина Р. Ф.**
Пеньковский А. Б.: 62—63, 176, 289—290, 294—295, 356, 361
Петрусь В. П.: 181—182
Пирогова Н. К.: 45, 327
Подлужный А. И.: 179
Подольская Н. В.: 265
Пожарицкая С. К.: 84, 451—452, 454, 456, 458
Покровская А.: 205
Покровский Ф. И.: 409, 411, 413—415, 424
Полковникова С. А.: 57
Попов И. А.: 474
Попов М. И.: 243
Попов С.: 146
Преображенская М. Н.: 155, 167, 169—170, 407

Проконова Л. И.: 179
Пурто В. А.: 69
Расторгуев П. А.: 286—287, 290—292, 294, 426
Реформатский А. А.: 45, 49—54, 58, 90, 97, 103, 107—108, 134, 144, 188, 252, 307, 309, 437
Савельев Е. П.: 344, 349
Самуйлов Н. И.: 257
Саппок К.: 376, 378
Селищев А. М.: 82, 85, 176—178, 180—181, 240, 245, 248, 258, 295, 314, 319, 331, 351, 353, 358—359, 372, 388, 469
Серебренников Б. А.: 251
Серов А. Н.: 100
Сидоров В. Н.: 45, 49—50, 52—53, 60, 97, 103, 164, 242, 295—296, 408, 448, 451, 457—458, 461
Скалозуб Л. Г.: 136, 178, 184, 188, 193, 228
Слетова А.: 33
Смирнов И. Т.: 124, 287, 297
Соболевский А. И.: 84, 186, 200, 248—249, 295—296, 311, 313, 323, 349, 372, 398, 402, 404
Соколов Н. Н.: 26, 291, 409, 411, 414, 424
Соловьев В. Ф.: 351
Соловьев С. М.: 357
Сологуб А. И.: 402, 410, 425
Солонино М. А.: 33
Сохацкая Ю. Г.: 20, 392, 410
Срезневский И. И.: 32—33
Сталькова М. Л.: 416
Стеблин-Каменский М. И.: 72—73
Стойков Ст.: 260, 468, 472
Стоюнин В. Я.: 33
Страхов А. Б.: 241
Строганова Т. Ю.: 18, 32, 45, 145, 255, 265, 392, 416, 435, 439
Сумароков А. П.: 200, 394
Сухотин А. М.: 45
Текучев А. В.: 37, 39
Теплова В. Н.: 174, 176—178, 190—191, 416, 426
Тер-Аванесова А. В.: 465
Терновская О. А.: 432
Тихонов А. Н.: 479
Толстой Н. И.: 19
Томсон А. И.: 181, 227—228, 230—231, 373, 378
Треблер С. М.: 155, 167
Тредьяковский В. К.: 394
Трнка Б.: 86

Трубецкой Н. С.: 56, 72, 183, 228, 243
Тумилевич Ф. В.: 329
Турбин Г. А.: 117
Удовкина К. К.: 357
Успенский Б. А.: 262, 394—395
Ушаков Д. Н.: 26, 62, 291
Ушаков И. А.: 355
Ушинский К. Д.: 33
Фасмер М.: 127, 214, 293, 346, 416, 467
Феоктистова А. С.: 124, 409
Филатов К.: 205
Филин Ф. П.: 18—19, 37, 94, 323—324, 457, 460
Флайер М.: 175
Фортунатов Ф. Ф.: 435
Хабургаев Г. А.: 23, 30, 93, 243, 245, 404
Халанский М. Г.: 349, 353, 357
Халле М.: 56
Хейтер Х.: 167—168
Хмелевская Т. А.: 349
Ходорович Т. С.: 475
Хонселаар З.: 265
Чекман В. Н.: **см. Чекмонас В. Н.**
Чекмонас (Чекман) В. Н.: 133, 175, 179, 185, 261, 291, 321, 324, 413, 447
Черных П. Я.: 311
Чернышев В. И.: 40, 124, 250, 269, 290
Черри Е.: 56
Шайтанова Г. В.: 409—410, 412, 424, 426
Шанский Н. М.: 248—249, 280
Шатайкина М. С.: 264
Шахматов А. А.: 23—24, 32—33, 41, 78, 85, 167, 186, 192—194, 197—198, 200—201, 206, 208, 211, 254, 300—301, 311, 323, 358, 370, 372—373, 376, 388—389, 392, 398, 435, 448, 457, 459—462, 464
Широков О. С.: 45
Шолохов М. А.: 34, 36
Шток Е.: 243
Шуйский В.: 146
Шульга М. В.: 20
Щерба Л. В.: 38, 97, 181, 228, 388, 437
Щигель Е. В.: 395, 413, 435, 447, 455
Ягич И. В.: 372
Якобсон Р. О.: 23, 56, 76, 80—81, 87—88, 92, 131, 137, 143, 151, 193, 195, 228, 247, 408, 451, 457, 460
Яковлев Н. Ф.: 45
Якубинский Л. П.: 35—36, 117, 124, 372